Илья Дубинский

ПОРТРЕТЫ И СИЛУЭТЫ

Илья Дубинский

ПОРТРЕТЫ И СИЛУЭТЫ

ОЧЕРКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

МОСКВА
«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
1987

ББК 84.Р7
Д 79

*На переплете и форзаце
гравюра В. Фалилеева «Революционные войска».*

Художник Лев Саксонов

Д $\frac{4702010200-382}{083(02)-87}$ 44—86

И КЛИНКОМ И ПЕРОМ

Еще много лет назад, в связи с награждением старейшего соединения Червонного казачества орденом Ленина, «Правда» написала: «Пусть молодые поколения трудящихся изучат овеянную пороховым дымом и неувядаемой славой историю дивизии...»

Червонные казаки! Первые регулярные боевые силы молодой Советской Украины, краса и гордость ее трудящихся, гроза для всех ее врагов. Боевые полки советской конницы! Ее незаурядные подвиги вызывали слова восхищения у Фрунзе, Петровского, Скрыпника, Затонского, Антонова-Овсеенко, Коцюбинского.

Для отражения рвавшихся к Москве белогвардейских полчищ по инициативе Ленина осенью 1919 года была создана Ударная группа из латышских красных стрелков, стрелковой бригады Павлова и червонных казаков. В. И. Ленин, давая оценку тому решающему сражению, сказал: «Никогда еще не было таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом...»

В те дни член Реввоенсовета 14-й армии Орджоникидзе сообщал Владимиру Ильичу в Кремль: «Червонные казаки действуют выше всякой похвалы».

Грозная кавалерия Виталия Примакова! На ее ярком прошлом и поныне воспитывается замечательная советская молодежь. Заслуженной славой пользуются созданные юными патриотами музеи Червонного казачества в школах Киева, Харькова, Хмельницкого, Стрыя, а также на берегах Невы — в 457-й ленинградской школе на улице им. Виталия Примакова.

Это и есть претворение в жизнь принятого XXIV съездом партии решения: «...воспитание советских людей в духе... постоянной боевой готовности защитить великие завоевания социализма и впредь должно оставаться одной из самых важных задач партии и народа».

Боевое прошлое Червонного казачества сослужило добрую службу и в дни кровавых схваток с гитлеровскими захватчиками. В книге «За нами Москва» генерал-полковник П. Белов пишет: «Собираясь двигаться

на Вязьму по тылам врага, я припомнил наиболее поучительные рейды прошлого, чтобы найти в них опыт... В годы гражданской войны хорошо действовали червонные казаки В. Примакова. Они совершали дерзкие рейды по тылам вражеским...»

Не только опыт Примакова нашел себе применение в борьбе с черным фашистским нашествием. Ощутимый вклад в разгром «непобедимых» полчищ вермахта внесли его питомцы — маршалы Павел Рыбалко, Сергей Худяков, Иван Пересыпкин, генералы Алексей Витошкин, Александр Горбатов, Константин Грушевой, Николай Гусев, Филипп Жмаченко, Евгений Журавлев, Игнатий Карпезо, Михаил Казаков, Сергей Казачок, Андрей Ковтун, Владимир Крамар, Кондрат Мельник, Леонид Слanов, Владимир Ткаченко, Владимир Чиж, народный герой Польши Кароль Сверчевский и еще много-много генералов, офицеров и рядовых бойцов.

Если Буденный вошел в историю советского военного искусства как классический мастер массированных конных ударов, то мастером блестящих конных рейдов показал себя Примаков. Не зря командарм 14-й Уборевич наградил его портсигаром с надписью: «Непревзойденному рейдисту».

Разумеется, условия того неповторимого времени благоприятствовали выдвижению способных людей. Но то был человек с особым даром. Не двигаясь, как иные, со ступени на ступень, он сразу стал во главе им же созданного полка. Своих первых казаков Примаков вырвал из петлюровских казарм. Вместе с рабочими-добровольцами Харькова эти прозревшие воины и образовали полк Червонного казачества, в походах и в боях выросший в 1-й конный корпус имени ВУЦИК и ЦК ЛКСМУ. Командиру полка Примакову было двадцать лет, командиру корпуса Примакову — двадцать три. То был самый юный командир корпуса в Красной Армии.

Вначале боевой опыт вожака червонных казаков был весьма ограничен: участие в штурме Зимнего дворца, командование отрядом питерских рабочих в защите Пулковских высот. Спустя всего лишь три месяца он ведет своих всадников через хрупкий лед Днепра в тыл петлюровских гайдамаков, прочно окопавшихся в Киеве и у переправ на его восточном фасе.

Спустя еще десять месяцев, в декабре 1918 года, он громит «стрельцов» атамана Болбачана и на их спинах врывается в Харьков на помощь восставшим рабочим.

Лето 1919 года. Грозное время! Под ударами белой конницы фронт откатывается все дальше на север. Потеряны Харьков, Киев, Полтава. Юный комполка видит в то время шире и глубже многих.

Тогда была, как известно, ударная группа, блестяще оправдавшая себя в Орловском сражении. Были два зимних рейда на Фатеж — Поныри и на Льгов. Об этой операции, приведшей к широкому отходу белых на

юг, «Правда» писала: «Молодецким набегом конной группы Примакова... взят Льгов и захвачена огромная военная добыча».

А об операции на Фатеж — Поныри Орджоникидзе, член Реввоенсовета 14-й армии, доносил в Москву: «Лучшие полки противника... разгромлены благодаря смелому удару красной конницы тов. Примакова...»

Примаков-рейдист: 14 успешных рейдов по тылам Петлюры, Деникина, белополяков.

Примаков-теоретик: ряд работ в толстых военных журналах, книга о германском генштабе.

Примаков-дипломат: работа военного атташе в Афганистане, Китае, Японии.

Примаков-литератор: «Записки волонтера», «Афганистан в огне», «По Японии», «Митька Кудряш».

И еще: Примаков — государственный муж: он делегат I Всесоюзного съезда Советов 1922 года и там же избран в члены ВЦИК.

Ни единого проигранного боя, ни единой пустой баталии. Не знал поражений искусный меч Примакова ни в молниеносной конной атаке, ни в глубокой многодневной операции. Дерзкий замысел и сокрушительный удар — вот ратный почерк создателя и вожака украинской советской кавалерии. На поле боя это был тонкий художник, на литературной ниве — неистовый боец.

Чуть перефразируя Пушкина, его друзья шутили: «Богат и славен Примаков!..» Но не необозримые поля Кочубея и не вольные, нехранимые табуны кочубеевских коней составляли богатство советского витязя. Его богатство — это благородство возвышенной души революционного борца, широта мысли, безграничный диапазон мудрого вожака, твердая вера в победу ленинских идей.

И теперь, служа благородному делу патриотического воспитания молодежи, высятся в Киеве и в Чернигове памятники Примакову — недюжинному питомцу большевистской партии. У подножия этих мемориалов дают клятву верности делу Ленина наши славные пионеры и комсомольцы.

О сотворенном Примаковым конном войске — неотъемлемой частице могучей Красной Армии — создано много сказаний и народных легенд, о нем поются и поются слепыми бандуристами частушки и коломыйки, сделаны разножанровые киноленты, немало написано произведений в прозе и в стихах. Отдали должное Червонному казачеству перья многих его ветеранов — маршала И. Пересыпкина, генералов армии А. Горбатова и М. Казакова, генерала А. Ковтуна. Достаточно потрудилось перо и самого Примакова.

Тот, кто ныне стремится изучить его «овеянное пороховым дымом» славное прошлое, не обойдет и автора данного сборника. Ветерану Червонного казачества и писателю-баталисту И. Дубинскому принадлежит ряд книг, целиком посвященных делам и людям примаковских полков,— романы «Контрудар» и «Золотая Липа», повести «Колокол громкого

боя» и «Тертый калач», биография Примакова в серии ЖЗЛ, мемуарные произведения «Трубачи трубят тревогу» и «Крепка рать воеводою».

Его романы написаны вскоре после гражданской войны и, выдержав суровое испытание временем, выходили в свет до десяти раз. Объяснение этому мы находим в словах писателя, Героя Социалистического Труда Ю. Смолича: «Достоверность воссоздания общей картины гражданской войны на Украине — отличительная черта произведений Дубинского, романтическое опоэтизирование борьбы трудового украинского народа — вторая их яркая черта».

А вот голос большой прессы:

«Книга учит молодое поколение мужеству и стойкости, воодушевляет юношей и девушек на великие подвиги во имя коммунизма» («Правда», 26.XII.1967).

«Читатели уже высоко оценили и полюбили правдивые и интересные книги Маршалов Советского Союза С. С. Бирюзова, В. И. Чуйкова, ныне покойного адмирала А. Г. Головко, героя гражданской войны И. В. Дубинского и других» («Известия», 26.II.1963). За короткий срок почти 200 отзывов одной лишь прессы! Приведем отклики читателей на роман «Золотая Липа»:

«Книга радует прелестью правды» (Борис Полевой).

«Роман читается с неослабевающим интересом» (маршал И. Х. Баграмян).

На роман «Контрудар»:

«Блестяще описаны Вами мужество и отвага шахтерской дивизии» (Алексенцев, Плахтеев, Пекин, Агибалов — старые коммунисты Донбасса).

На книгу «Трубачи трубят тревогу»:

«От всего сердца спасибо за книгу, рождающую новые мысли» (А. Михайловский, рабочий, Ленинград).

«В книге много юмора, живет дух времени» (Наталия Соколова, писательница, Москва).

«Книга радует всякого — кому даже неведомо счастье слушать боевые сигналы трубы» (И. Минц, академик).

«На произведениях активного участника гражданской войны училось и должно учиться наше молодое творческое поколение» (П. Тычина).

Увлекательные страницы этих произведений много говорят о создателе и вожаке Червонного казачества, но еще больше о тех, кто жгучим ленинским словом, а главное — личным примером вел за собой массу. Это рядовой казак Богуслав Громада из рассказа «Слово червонных казаков» («Юность», № 10, 1969). Это агитатор разведсотни Ларион Балабан, это разведчица Гапка Шамрай, это учитель-галичанин Федор Настюк — все из романа «Золотая Липа». В свое время директор Львовского филиала Центрального музея В. И. Ленина Б. Дудыкевич писал: «Роман «Золотая Липа» является ценным историческим материалом в подготовке к празд-

нованию 20-летия воссоединения украинских земель» («Львовская правда», 21.II.1959).

Если в боевом аспекте отличительной чертой Червонного казачества было такое мастерство рейдирования по вражеским тылам, то в политическом — умелая работа по разложению неприятельских сил и по привлечению в свои ряды обманутых врагом тружеников. Если полки Примакова были разящим мечом для оголтелых врагов, то в то же время это был дом родной для людей труда, кто по темноте своей пошел в чужие ряды и вовремя одумался.

Но это была лишь первая и не самая легкая часть работы. Надо было еще перековать «блудных сынов», вытравить глубоко засевший в них дух бесшабашной вольницы, злые вирусы националистической отравы и превратить их в полноценных бойцов Красной Армии. Весьма колоритны персонажи «Золотой Липы» Самойло Гаманец, бывший махновец, и Семен Курочка, голытьба из голытьбы, кравший строевых лошадей для кулацкой банды.

Нужно отметить тот факт, что роман «Золотая Липа» является художественным произведением о героической борьбе Красной Армии с белопольскими интервентами, книгой о Советских Вооруженных Силах, впервые перешагнувших бывшие границы царской России. С этой книгой в руках, выпущенной снова в 1958 году массовым тиражом Воениздатом, неутомимые ветераны Червонного казачества двинулись в свой 15-й рейд, но теперь уже не сабельный, а чисто пропагандистский, раскрывая перед любознательной молодежью новые и новые страницы яркой истории советского народа.

Особо нужно отметить выход повести «Тертый калач». Ее герой Назар Турчан, думая, что тем он бескорыстно послужит своему народу, околдованный лживыми и громкими словами самостийников, идет в ряды антинародного «вільного козацтва». Сложен и нелегок путь этого потомственного работяги. Но с помощью добрых людей, настоящих ленинцев, он не без труда и не без мучительных раздумий навсегда рвет со своим прошлым, на новой стезе показывает себя преданным и крепким бойцом. После фронтов гражданской и Великой Отечественной войн, в мирное время он отдает себя целиком живому делу патриотического воспитания советской молодежи.

Газета «Літературна Україна» (11.VII.1972) писала: «В «Тертом калаче» взволнованно и правдиво рассказывается о сложной судьбе рабочего-пекаря Назара Турчана... Книга воспитывает чувство патриотизма».

И меня, ветерана украинской советской конницы, начавшего свой боевой путь в юные годы в славном 2-м полку червонных казаков легендарного Пантелеймона Романовича Потапенко, радует то, что, хотя с момента памятного призыва «Правды» прошло немало лет, внимание молодежи к великому прошлому своих дедов и отцов не только не ослабевает, но крепнет с каждым годом.

Автор не только досконально изучил описываемую им боевую среду, но и сам врос в нее всеми корнями. Вначале партизанский отряд на Полтавщине 1918 года, затем шахтерская дивизия на деникинском фронте, бои на Перекопе, потом долгие годы службы в Червонном казачестве. Во время знаменитого Проскуровского рейда, описанного в романе «Золотая Липа», он командует одним из лучших примаковских полков — 6-м червоннаказачьим. После возглавляет отряд червонных казаков, который вместе с бригадой Котовского освободил Волочиск от петлюровцев и захватил вражеский бронепоезд. Об этом 10.VII.1924 года писала «Красная звезда» (заметка «Страна должна знать своих героев»).

Спустя год 7-й полк под его командой разгромил пришедшую из панской Польши тысячную банду атамана Палия-Сидорянского. Об этой смелой операции сообщала «Правда» (27.XI.1921). Участник тех боев генерал-лейтенант И. Карпезо пишет: «Из двух полков кавбригады решающую роль в разгроме банды сыграл 7-й полк».

В сборнике «Червонное казачество» (Воениздат, 1969) читаем: «Большая группа казаков-коммунистов с обнаженными шашками, крича «Ура!», «Даешь Стрый!», поскакала сквозь вражеский огонь. В той группе был Илья Дубинский» (статья Г. Сазыкина.)

Генерал А. Ковтун в своей книге «Пути пройденные» пишет: «Дубинский был прирожденным талантливым командиром. Он старался привить нам лучшие качества красных командиров». В книге «Над картой былых сражений» генерал армии М. Казаков говорит: «Наш комбриг И. В. Дубинский впервые применил смелое по тем временам новшество: вывел два своих кавполка (7-й и 8-й) в лагерь, приблизив обучение к боевой обстановке. Для меня этот сбор оказался особенно полезным».

А вот слова танкиста, дважды Героя Советского Союза генерала З. Слюсаренко: «Дубинского мы все уважали и любили. В 4-й Киевской тяжелой танковой бригаде комбриг подбирал себе подобных, а те вместе с ним обязывали нас овладеть новой грозной техникой» (книга «Останій постріл»).

В делах Архива Красной Армии есть такая запись: «Тов. Дубинский обладает большой силой воли, настойчивости, энергии, отлично справляется с возложенными на него обязанностями по разгрому врагов Советской власти» (фонд 7939, оп. I, ед. хр. 434, лист 365).

Целиком разделяя мнение многочисленных читателей о всем многообразном творчестве автора, хочется пожелать нашему ветерану, бывшему комбригу Червонного казачества и его летописцу, боевому соратнику Виталия Примакова Илье Владимировичу Дубинскому червонно-казачьей бодрости, а его неутомимому перу — новых заслуженных успехов.

П. Кошевой,
маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

СЛАВНЫЕ ИМЕНА

ОЧЕРКИ

УЧИТЕЛЯ

НА МАЙДАНЕ ДЗЕРЖИНСКОГО

Если блокада нас не сморила,
Если не сожрала война сгоряча,
Это потому, что примером, мерилом
Были слово и мысль Ильича.

В. Маяковский

Окованная звонкой брусчаткой, площадь Дзержинского в Харькове и тогда, в 1936 году, считалась одной из лучших и самых емких во всем мире. Главным ее украшением в то время было многокорпусное грандиозное сооружение Госпрома — шедевр молодого советского градостроительства. На двух гранях великолепной площади подымались высоко в небо новые этажи Военно-хозяйственной академии и будущего университета. К ним с одной стороны примыкала новая махина гостиницы «Харьков», а с другой — вытянулись допотопные постройки ветеринарного института. Против Госпрома, вдоль Сумской, высилось здание обкома партии, то самое, в котором до переезда в Киев находился Центральный Комитет КП(б)У.

И все же чего-то не хватало майдану Дзержинского. Не хватало ей, великолепной площади, венчающей «детали»... От той поры, когда всадники Примакова, преследуя отступавших деникинцев, с обнаженными клинками носились по пустырю, примыкавшему к Сумской, до появления Госпрома прошло десять лет. От появления на свет Госпрома до создания той венчающей «детали» прошли еще годы и годы... Речь идет о необычайно внушительном памятнике вождю Революции Владимиру Ильичу Ленину.

Об этом незаурядном шедевре искусства и архитектуры еще будут написаны солидные труды. Здесь хочется сказать лишь несколько слов о творческой удаче украинских мастеров.

Со всех сторон просматривается этот грандиозный, четко выделяющийся на голубом просторе неба монумент. От этого скульптурное сооружение выглядит еще более мощным, более динамичным, более одухотворенным, более

зовущим в неизведанные дали. Но оно не заслоняет неба. Напротив, оно делает его более широким, более просторным, более высоким. Вся динамичная стать вождя, его вытянутая вперед рука как бы указывают человечеству путь в неизведанные светлые дали, путь к счастью, к справедливости.

Только многовековые страдания народа, его тяжелая доля, его слезы, его пот и кровь могли породить во имя своего спасения, во имя блага миллионов и миллионов этого неиссякаемой воли и духа исполина. И всякий, кто всуе тщится, оспаривая его величие, тягаться с ним, это — пигмей, возомнивший себя титаном...

А у этого гиганта глаза гения, лоб Сократа, широкие плечи богатыря! Не чудотворец, а яркий символ своего бессмертного народа. Грозный символ победы сил добра над всеми силами зла...

Исполин! Гигант! Титан! Смотришь пристально на это изваяние, на это произведение настоящего искусства и чувствуешь: это тот, кто не повелевает, а тот, кто ведет; не тот, кто давит, а тот, кто ободряет; не тот, кто презирает, а тот, кто любит трудового человека; тот, кто видит в каждом труженике не винтик, а творца; не тот, кто навязывает народу свою непререкаемую волю, а тот, кто считает себя строгим исполнителем его воли, его вековых чаяний, его давних дум.

История знает множество случаев, когда многопудьем меди и бронзы тщетно пытались превратить пигмеев в великанов. А тут напротив — величие образа одухотворяет тяжелый хладный гранит, рвет его ввысь, к небесам. Не лабрадоровый пьедестал поднял на недосягаемую высоту это изваяние, а само изваяние влечет за собой в голубые дали усеченную глыбу гранита. Влечет к звездам, влечет в бесконечность.

На Ильиче не габардиновый китель, а скромненький пиджачок, не блестящие ботфорты, а заурядные башмаки. И кажется, что широкий ветер треплет фалды его худенького пальто, не драповой шинели... Но и без фуражки фельдмаршала он внушителен, без золотых эполетов он величествен, без красных лампасов — властен, без регалий воеводы — он гениальнейший во вселенной стратег!

Его гранитная осанка — это сила, его взгляд — это одобрение, его жест — это зов вперед.

И вот лишь теперь, с появлением этой венчающей «детали», майдан Дзержинского в Харькове можно по праву назвать одной из лучших, одной из прекраснейших и доб-

ротнейших площадей во всем мире. Площадь Дзержинского своим величием и эстетической завершенностью по праву соперничает с ленинградским Исаакием, с парижским Нотр-Дамом, с индийским Тадж-Махалом, с харьковским Шевченко, с Дворцом дожей в далекой и волшебной Венеции...

* * *

Вспомнился 1936 год — год усиленной перестройки всех вооружений, год завещанных Лениным забот о сохранении постоянной боевой готовности.

Приближалось 1 Мая. Если обычно боевую подготовку войск проверяет начальство, то дважды в год — в мае и в ноябре — Красная Армия отчитывалась перед трудящимися, перед всем народом. Командующий войсками Харьковского военного округа возложил на меня подготовку к первомайскому параду всей боевой техники гарнизона. А ее к тому времени уже набралось предостаточно: наш отдельный полк резерва Главного Командования, полк тяжелых танков товарища Ольшака, сколоченные нами для Дальнего Востока полк Рабиновича (потом генерала) и полк Лозгачева, а также вновь созданные батальоны танков для ряда стрелковых дивизий округа. Махина!

Тогда же было сказано, что уехать в Киев, где предстояло формирование Киевской отдельной тяжелой танковой бригады, я смогу лишь после выполнения задания командующего.

Для нас день 1 Мая пришел значительно раньше. Ночью, когда город крепко спал, мы дважды выводили всех танкистов гарнизона на бесподобно величественную площадь у Госпрома. Своими монументальными сооружениями, всем внушительным комплексом железобетонных громад он заполнил тот глухой пустырь, где в декабре 1918 года клинки червонных казаков крошили «самостийников» атамана Болбачана, а в декабре 1919 года, вскоре после исторического Орловского сражения, добивали остатки деникинских «непобедимых орлов».

Утром 1 Мая 1936 года наши боевые машины, с начищенными до зеркального блеска медными антеннами, заняли половину всей площади и всю Сумскую улицу вплоть до гостиницы «Красная», которая в 1919 году служила штабом Примакову. Одна мысль непрестанно сверлила, думаю, не только меня одного: провести грозную колонну гусеничных машин как следует, в полном порядке. Не заглох бы какой-нибудь мотор, не соскочила бы гусеница, не

заел бы каток... Конь о четырех ногах и тот спотыкается... Правда, укрытая брезентом, стояла наготове за трибунами «скорая помощь» — мощные тягачи.

Но не к чести танкиста прибегать к их услугам, да еще во время парада.

В тот раз мы отчитывались не только перед трудящи мися, перед руководителями партии и советской власти, перед командованием. Рядом с основной находилась трибуна иностранных консулов, в том числе и фашистской Германии. Напоминая о далеком, но коварном соседе, над мрачным зданием консульства развевался ненавистный всему человечеству красно-белый флаг с черной свастикой в центре.

Выдался ясный, солнечный день, как и положено Первому мая. Трибуны, словно усеянные веселыми маками, замерли.

Там находились руководители области.

Рядом с ними, словно былинные витязи, выделялись из общей массы два великана — отец и сын. С окладистой белой бородой — бывший шахтер Донбасса Наум Дубовой, председатель КК Украины [1]. С рыжеватой — Иван Дубовой, командующий округом.

Там же, на главной трибуне, оживленно беседуя с гостями, стояли оба заместителя командующего — бывший начальник штаба в Червонном казачестве, черниговец, земляк Примакова Семен Туровский и Казимир Квятек, в прошлом боевой щорсовец, польский пролетарий, «варшавяк», осужденный в 1905 году царскими судьями на казнь за убийство варшавского генерал-губернатора. Потом казнь заменили вечной каторгой...

Безукоризненно прошла мимо трибун славная 23-я стрелковая дивизия. Промчались лихо, с боевым звоном ее пушки. Взвился желтый сигнальный флажок — и сразу же загудели сотни и сотни моторов, каждый на свой лад, загудели машины на площади, на Сумской. Вскоре «заработал» и красный сигнал — танки, тройка за тройкой, строго соблюдая строевую симметрию, тронулись с места. С замполитом Дмитрием Зубенко, славным шахтерским сыном, мы, выскочив на ходу из газика, стали у трибун, пропуская с замиранием сердца бесконечную моторизованную колонну. И сразу же защелкали, неистово защелкали затворы консульских фотоаппаратов и киноагрегатов. Зааплодировали советские люди.

---

[1] Контрольная комиссия при ЦК КП(б)У.

Вот уже прошли субтильные амфибии, малоповоротливые «Т-26», быстроходные «БТ», грозные «Т-28», сухопутные линкоры товарища Ольшака «Т-35». Отлегло от души. Не пришлось тревожить «скорую помощь» — стоявшие наготове мощные тягачи. Тут сошел с трибуны Иван Дубовой. С присущей ему душевностью потряс нам руки, хлопнул по плечу и сказал не без волнения в голосе:

— Теперь я вас, хлопцы, не держу, валяйте в Киев к Якиру...

Мы поднялись на гостевую трибуну. Я позвал мать, сына. Отвез их домой. В машине мать, радостная, сияющая, сказала:

— Ну, сынок, и для меня сегодня был праздник. Какой-то мужчина тронул мою руку и сказал: «Смотри, мамаша, вон поехал и ваш».

Что ж? Это было заслуженной наградой старушке за гонения черной рати, не раз измывавшейся над матерью большевика. Увы, спустя пять лет та черная рать снова стала на ее пути. И уже спасения от нее не было...

...После парада за щедро сервированным столом в казарменном дворе на Холодной горе праздничный обед затянулся вплоть до вечерней поверки. Шумно и горячо провели эту прощальную товарищескую трапезу люди, которым вскоре предстояло покинуть свое боевое гнездо и разъехаться во все концы необъятного Советского Союза. А нам, командованию части, вместе с учебным батальоном майора Ильченко (ныне генерал) предстояла близкая дорога — дорога на Киев... Создать в древней столице Украины одно из самых первых в стране соединений тяжелых танков — танков прорыва. Той славной боевой единицы, которая впоследствии дала немало витязей ратного дела.

* * *

Славное боевое гнездо! В нем, следуя заветам Ленина, заветам о строгой верности идеям патриотизма и социализма, готовились к смертельной схватке с коварным врагом советские боевые орлы. 4-й танковый полк, начавший свою биографию на Холодной горе Харькова, разросшись вдесятеро, продолжил свою яркую боевую жизнь 4-й отдельной тяжелой танковой бригадой на Сырце в Киеве, затем 10-й танковой дивизией на ратном поле Великой Отечественной войны, отдельным танковым полком на Дальнем Востоке, тремя отдельными танковыми батальонами в трех стрелковых дивизиях Харьковского военного округа.

Из нашего боевого гнезда вышли дважды Герои Советского Союза бывший капитан Степан Шутов и бывший лейтенант, а ныне генерал-лейтенант киевлянин Захар Слюсаренко. С именем Степана Шутова, полковника, в 1943 году освобождавшего Киев во главе танковой бригады, ныне по водам Днепра скользит быстроходный катер-ракета.

Член Союза писателей, бывший танкист Николай Дятленко в дни исторической победы на берегах Волги ходил в амплуа переводчика с советскими парламентерами на переговоры с фельдмаршалом фашистской Германии фон Паулюсом.

Все три питомца, закалявшиеся в киевской тяжелой танковой бригаде, дали советскому читателю ценнейшие книги о боевом прошлом. Шутов выпустил мемуары «Красные стрелы», а Слюсаренко — «Последний выстрел» (Киев и Москва). Стараниями же Дятленко переведена не одна интересная книга немецких и французских классиков.

Разве лишь только эти трое? Недавно в троллейбусе довольно пожилой гражданин энергично протянул мне руку: «Был я в тяжелой танковой на Сырце и в Вышгороде механиком-водителем. В войну шесть командиров нашего полка пали в боях, я — седьмой — уцелел... Правда, чуть поджарило в моем командирском КВ... А вас на днях узнал по телевизору и кричу своей старухе: «Так это же наш комбриг!» Броситься бы поискать, так ноги... Только и хватает моторесурсов на вылазки в магазины да раз в неделю на Бессарабку...»

И те трое: Шутов, Слюсаренко, Дятленко, и этот горевший в боевой машине, выросший из механиков-водителей в командира полка, и сотни рядовых и нерядовых танкистов были славными питомцами мудрой школы того, кто не носил ни маршальских, ни фельдмаршальских регалий, но был гениальнейшим полководцем и стратегом эпохи. Питомцами мудрой школы великого Ленина!

ПЕРВЫЙ ГЛАВКОМ

(ИОАКИМ ИОАКИМОВИЧ ВАЦЕТИС)

1. Крепка рать воеводою

От булыжника — оружия пролетария — до глобальной ракеты — оружия пролетарской державы, в котором гениально воплощена индустриальная, интеллектуальная,

моральная мощь советского народа, прошло меньше полувека.

Первая его половина изобиловала рядом ожесточеннейших войн. Те схватки не на живот, а на смерть неизменно заканчивались поражением врагов и победой красного войска. Его основной боевой элемент — несгибаемый дух — был присущ народному бойцу и тогда, когда он располагал лишь булыжником, и тогда, когда он взял в свои руки технику разрушительной силы.

Наши праведные войны выдвинули многих героев. И не зря издревле отдавалось должное роли военачальников. «Крепка рать воеводою» — гласит народная мудрость. В тех победах вооруженного народа есть значительный вклад советских воевод.

* * *

Летом 1925 года очередному выпуску Высших академических курсов устроили полевую поездку. Руководил ею Михаил Николаевич Тухачевский. До Слуцка из Москвы добирались скорым. А там — на лошадях. Целую неделю возили нас по полям и дорогам Белоруссии.

Нашу группу из трех комбригов примаковского корпуса, трех конного корпуса Котовского и еще нескольких товарищей ромбистов возглавлял бывший главком военный профессор Иоаким Иоакимович Вацетис. Его, распевавшего с нами на сеновалах-ночевках «От тайги до британских морей», великого мастера солдатских анекдотов и прибауток, мы очень уважали. И не только за его простоту — ведь он был вдвое старше любого из нас...

Не прочь был наш полевой наставник посмеяться. Как водится, гостям из академии выделили самых неказистых лошадок. Поглядывая на нас, чьи ноги чуть не касались земли, Вацетис шутил:

— Мне-то что, а вот вам, господа генералы, придется попахать дороги носками сапог...

Часто в те времена приходилось еще слышать от старых военных специалистов подобное обращение и довольно всерьез. Мы понимали, что у Вацетиса то была шутка. Ибо он тут же добавлял:

— Если вам это не по вкусу, то скажу — товарищи красные генералы...

Небольшого роста, коренастый и плотно сколоченный, наш профессор с чеканным лицом римского гладиатора и

с всепонимающим взглядом Сократа чувствовал себя неплохо на своем низкорослом кособоком маштачке.

— Бог скуп,— заметил щупленький Савченко, комбриг якировской дивизии, бывший сельский учитель, наш товарищ по группе.— Он Наполеону и Махно тоже пожалел плоти, зато...

— Ну, ну, ну! — погрозил ему своим коротышкой пальцем Иоаким Иоакимович.

Ставя нам задачу, вытекающую из целей полевого учения, Вацетис внимательно выслушивал наши решения, с великим тактом корректируя каждого. Да и мы, понимая, какому большому человеку академия поручила нашу группу, старались вовсю.

Вацетис нам говорил:

— Командир в бою — это все. Даже при комиссаре. Это диктаторская власть. Без этого нет победы... Но... иной командир повелевает. Выпадают и на его долю победы, но непрочные. Власть властью. Умей быть не повелителем, а водителем. Военачальником, который ведет или направляет солдат в бой. Что такое солдат? Настоящий командир помнит это ежеминутно. Это человек, который отгоняет смерть, идя навстречу смерти... Один идет в армию по повинности, другой — по гражданскому долгу. У одного есть умение, нет воли, у другого есть воля, нет умения. У командира и комиссара есть долг. Из пестрой человеческой смеси создать железный сплав. Есть, конечно, отсталые солдаты. Но в целом масса мудрее любого из нас.

Вставали мы чуть свет. Всей артелью устремлялись к речке или же к пруду. Чего-чего, а этой тепловатой на заре воды в Белоруссии сколько угодно. Скинув проворно легкую гимнастерку, простое солдатское белье, наш руководитель, которому в ту пору перевалило уже за полста, не отставал ни в чем от своих подопечных.

Где там отставал! Иоаким Иоакимович по части выносливости, втянутости, способности часами топтать целину в часы учебных рекогносцировок и показных атак мог заткнуть любого из нас за пояс. Вот только чем выше поднималось солнце, тем чаще следовавший в голове группы на своем маштачке наш руководитель снимал выцветшую на полевых занятиях холщовую фуражку и густо-красным стариковским платком вытирал свой аккуратно выбритый солидный затылок. Этот внушительный затылок гармонически завершал могучую голову, сидевшую на атлетических плечах.

Вместе с нашим мудрым наставником мы вспоминали героизм и легендарные подвиги молодых, не обстрелянных еще полков, их дерзкий вызов несметной тьме вражеских полчищ. И вызов всему возглавившему те полчища синклиту опытнейших царских генералов...

Руководители иных групп, по большей части генералы старой армии, с одним, двумя ромбами в петлицах, строго соблюдая пафос дистанции, селились на ночь обособленно. А наш, с четырьмя ромбами да еще с боевым орденом на груди, все двадцать четыре часа проводил с нами.

Вот почему за те семь дней, хотя это было много лет назад, так врезался в память образ того классически идеального солдата и крупного мастера военных операций. Все мы, изучая военное прошлое народов, на всю жизнь запомнили монументальные фигуры Ганнибала, Юлия Цезаря, Александра Македонского, Фридриха Великого, Суворова, Наполеона, Кутузова, Скобелева. Но те постепенно готовились к своей исторической роли, росли из года в год, шаг за шагом поднимались по ступеням служебной лестницы и боевой славы. А тут резкий скачок — из малоизвестных полковников на самые высокие посты военной иерархии страны, окруженной со всех сторон врагами.

Одно дело — приказ. Другое — решимость возложить на свои плечи бремя ответственности. Правда, плечи батрацкого сына внушали почтение. Они напоминали плечи атланта, предназначенного подпирать перекрытия ротонд и классических галерей. Помимо сознания своей силы и страстного желания послужить народу, оправдать высокое доверие, очевидно, имело значение наследственное батрацкое свойство — не отказываться ни от какой работы, как бы она тяжела ни была...

В 1914 году во главе вступивших в войну русских армий стал верховный главнокомандующий Романов — дядюшка царя, затем вооруженные силы России возглавил сам царь. В обоих случаях фактическим хозяином ставки был генерал Алексеев. С победой Октября в Могилев, посланный Смольным, явился новый главковерх — прапорщик Крыленко. Но прапорщик — глава армии — нуждался в крепкой опоре. И ведущим лицом в ставке вместо сбежавшего на Кавказ, чтоб сколачивать и возглавить там белогвардейщину, Алексеева стал в декабре 1917 года начальник оперативного отдела полевого штаба полковник Вацетис.

— Мне говорили, предлагая высокий пост, что это воля Ленина,— делился с нами на одном из переходов наш руководитель.— Я им говорю, что нынче в России полковников тьма-тьмущая. Военное время! Откуда Ленин может знать какого-то там забытого богом и людьми заморыша? А мне отвечают, что всех, конечно, Ленин помнить не может, а кого нужно знать, того знает...

Конечно, Ленин и не помнил и не знал в ту пору Вацетиса, но революционные силы старой армии высоко ценили тех немногих полковников, которых восставшая против жестокого угнетения и произвола масса не подняла на штыки, а, напротив, воздав им заслуженное, оставила на своих местах. К их числу принадлежал и командир 5-го Земгальского латышского полка полковник генерального штаба Вацетис.

После физзарядки, бритья, завтрака мы собирались в путь. Наш наставник, всегда в добром расположении духа, обычно спрашивал:

— Все в порядке — и носки и пятки? Раз так, то приступаем к выступлению, как изрекал наш классный воспитатель в юнкерском училище, человек, о котором юнкера говорили, что он плотно, до отказа наполнен пустотой. Начнем штурмовать капониры науки. Ученье — свет, а неученье... сами знаете. Знаете и то, что ученый водит, а неученый следом ходит...

Красочен ландшафт белорусских просторов. Частые деревушки, заброшенные в глуши перелесков одинокие хутора, нежные березки вдоль проселков, бесчисленное множество водных преград, и на них переходы — мосты, мостики и просто зыбкие кладки. А по всей пойме высокие валы буйного мороза с его фиолетовыми цветами, которые издали создают впечатление широкой, полноводной сиреневой реки.

Мирный ландшафт! А нет-нет, как последствие недавних тревожных лет, вдруг из знойного марева возникают какие-то зыбкие тени, угрожающие из-за каждого кустика, бугорка, выступающие то черным оком дула, то стволом невидимого пулемета, то лесом ощетинившихся, негнущихся пик...

— За восемь лет ничего тут не изменилось,— поведал нам Вацетис.— Правда, теперь все в зелени, а в ту пору все было в снегу. До чего нас третировали тогда. Подумать — кто поднял мятеж против нашего государства?

Генералишка Довбор-Мусницкий! И все же ликвидация того своеобразного бунта потребовала аж три недели...

В треугольнике Бобруйск — Рогачев — Жлобин шел первый бой Советского государства с первой иноземной силой, с войском, которое выросло на развалинах царской армии... В ответ на требование Крыленко демократизировать польские части Довбор двинул их на Могилев. Судьба ставки висела на волоске. В распоряжении главковерха находилась вся армия, а послать против трех пехотных дивизий и бригады улан Довбора было некого.

Крыленко назначил Вацетиса командующим. А вместо войска — «шиш и тот без масла». Он вспомнил о латышских стрелках. Позвал два их полка. Нашлись еще части, признавшие Ленина,— из царской армии Сибирский и Финляндский полки. Явились по тревоге матросы Гельсингфорса и Ревеля, петроградские и белорусские красногвардейцы — горевшая революционным энтузиазмом, но плохо пока еще сколоченная новая сила. Сила рабочих и крестьян. Будущая грозная и непобедимая Красная Армия.

— А поди ж ты! Как они, те разношерстные полки, колошматили довборчиков. Друг перед дружкой старались,— вспоминал Иоаким Иоакимович.— А как латыши выручали сибиряков, сибиряки — матросов, белорусы — петроградцев, а эти — латышей! Воевал долго, а впервые тогда понял, какая таилась в нашем пестром войске скрытая сила! Вот бы ему настоящей воинской выучки и строгой дисциплины! Когда под его натиском, мелькая в этих самых перелесках своими щегольскими конфедератками, бежали па запад жолнеры Довбор-Мусницкого, я вспомнил грозные армии санкюлотов...

Худо пришлось бы тогда польскому корпусу. Выручили их перешедшие в наступление немецкие дивизии. Это были дни брестских переговоров. Дни, когда немецкий генерал Гофман в Бресте хватал за глотку наших представителей...

2. На сеновалах и в седле

О Гофмане мы читали в книге Вацетиса «Боевые действия в Восточной Пруссии», изданной в Москве за два года до нашей полевой поездки.

Беседуя как-то с нами на одном из сеновалов об этой книге, Иоаким Иоакимович, очищая складным ножом свежую морковь, сказал:

— Пустяк в нашем деле может приобрести историческое значение. Многое зависит от пустяков. Утверждают, что Наполеон проиграл битву под Ватерлоо из-за насморка. А в разгроме русских армий в Восточной Пруссии тоже играл роль на первый взгляд сущий пустяк...

Когда русские армии Ренненкампфа и Самсонова в августе 1914 года вторглись в Восточную Пруссию, взревел весь немецкий генералитет. Пришлось за счет запада усилить восток. Узкоклассовые интересы пруссаков взяли верх над интересами всей Германии. Кайзер, вняв воплям юнкерства, направил на восток Гинденбурга и Людендорфа. Спасать Восточную Пруссию, ту самую, которая, по словам Маркса, являлась поставщиком самых свирепых мучителей солдат.

— Но спас ее незаметный тогда штабник Гофман,— сообщил нам Вацетис.— Он предложил дерзкий до авантюризма план, но... при малейшем взаимодействии русских армий немцам грозила бы катастрофа. А Гофман успокоил своих шефов. Сказал им, что в русско-японскую войну он, в чине гауптмана будучи наблюдателем при русской армии, лицезрел, как в станционном буфете Мукдена русские офицеры Ренненкампф и Самсонов, выпивши, угощали друг друга оплеухами. Прошло десять лет с тех пор, а наступающий на Пруссию с востока Ренненкампф не протянет руки Самсонову, штурмующему ее с юга. Гофман не ошибся. Восьмая немецкая армия в два приема поочередно разгромила первую армию Ренненкампфа и вторую Самсонова. А Гофман, как видите, взлетел. Вот что значит в нашем деле наблюдательность...

Время, отведенное на еду, проходило в стремлении побольше выудить полезного из интереснейшего человека, посланного нам самой судьбой. За одной из походных трапез комбриг-котовец Сергей Байло спросил профессора, верно ли, что буржуазная республика Латвия приглашала его на пост военного министра и главкома? В ту пору пронесся среди военных слух, что все три прибалтийские республики звали к себе на этот пост наших товарищей — Вацетиса в Латвию, Уборевича — в Литву и Корка — в Эстонию.

Иоаким Иоакимович, изучающе взглянув на котовца, скользнув острым взглядом по его двум боевым орденам Красного Знамени, как обычно не торопясь, ответил:

— Тары-бары на три пары... Болтают многое. Да, я сын своего народа. Латыш. Но есть латыши и латыши. Что я вам скажу? Все люди стремятся к лучшей жизни. Но

одни прежде всего думают о своем богатстве, а потом уже о богатстве Латвии, а иные... Вот когда эти иные позвали меня... Это случилось спустя три месяца после разгрома Довбор-Мусницкого... При царе было много латышских полков, но в дивизии их не сводили. Боялись. А когда прозвучал настоящий голос народа, когда явились представители солдатского комитета всех десяти полков латышских стрелков, я долго не думал. Согласился стать их начдивом. А вы, товарищ комбриг, спрашиваете...

Вытерев свою алюминиевую ложку походной салфеткой и ткнув ее за голенище правого сапога, Вацетис продолжал:

— А потом вот что — я себя не переоцениваю, но в тяжелую для страны пору мне доверили пост, который в иные, тоже нелегкие времена занимали люди помудрее меня... Хотя я и беспартийный. А тут... да еще в буржуазной стране... Это после России-то... Правда, была при этом одна корысть...

— Что? Высокий оклад? — спросил Савченко.

— Вроде этого,— покосился на него профессор.— Приварок в виде одной буквы «и». По-нашему моя фамилия пишется: Ва-ци-е-ти-с...

Переждав, пока утихнет смех, вызванный этим сообщением, наш руководитель продолжал:

— Правительство и Ленин верили латышским стрелкам. А почему? Там были рабочие, батраки. Те, которым были милы их хутора, ушли в буржуазную Латвию. Кремль верил латышам, а они — мне. Да и мне нельзя обижаться на Кремль. Три месяца возглавлял дивизию столичного гарнизона. Нам доверили транспортировку трех эшелонов золота из Москвы в Казань. Незадолго до восстания эсеров.

— А вслед за золотом и вам довелось перебраться в Казань? — спросил Иван Самойлов, в короткий срок прошедший путь от череповецкого пастуха до комбрига Червонного казачества.— Еще в Донбасс летом девятнадцатого долетел слух — туго пришлось вам, Иоаким Иоакимович, на Волге...

— Да, дорогой Иван Яковлевич,— ответил Вацетис,— после Москвы очутился я в Казани.

Шестого июля восемнадцатого года вспыхнуло восстание в Москве, а спустя четыре дня командующий Восточным фронтом левый эсер Муравьев, пустив в ход обман и демагогию, учинил бунт на Волге. Спустя еще два дня Вацетису доверили пост командующего Восточным фрон-

том. Шутка сказать — целый фронт от Аральского моря до Ледовитого океана!

Одно дело громить корпус довборчиков и братишек эсера Попова... Тут же — белочехи, вся армия Колчака, казаки Дутова, Анненкова, Толстого. Если раньше его приглашали в ставку главковерха от имени Ленина, то теперь, понял он, не обошлось без прямого его вмешательства. Ведь это было спустя пять дней после их встреч...

— Говорят, в Казани вам довелось маскироваться и под уличного коммерсанта, этого самого шурум-бурума? — спросил якировский комбриг Петро Савченко.

— Опять тары-бары на три пары...— Вацетис провел ладонью по своему бритому гладиаторскому затылку.— До этого не дошел. Хотя и был близок к подобному шагу...

Раньше штаб фронта находился в доброй сотне верст от передовых позиций. А тут... Одним словом, гражданская война. Муравьева ликвидировали, а муравьевщина давала о себе знать. Пораженные ею части, снюхавшись с белочехами, пятого августа высадили в Казани десант. Горсткой резерва штаба фронта Вацетис сбросил его на суда. А на следующий день десанту удалось прорваться к центру Казани, атаковать штаб фронта. Командующий спасся только тем, что с ним были его латыши-земгальцы. Прорвался с ними через линии беляков к кремлю. Там, думал, спасение. А его встретил беглым огнем сербский отряд — восставший гарнизон Казанского кремля.

Участники многих боев и сражений, мы с широко раскрытыми глазами слушали нашего мудрого наставника. С его слов это приблизительно выглядело так — треск, гул, грохот сражения, в которое с каждым новым мигом вторгаются все новые и новые неожиданные звуки, повергая в панику малодушных, сливаются в сплошной победный гимн торжества для того, кто твердо верит в правоту своего дела и в безотказность своего праведного меча...

Командующий приказал своим рассыпаться и пробиваться через Казанку и Ягодную слободу к пристани и дальше на Свияжск. Там, у мостов, стоял крепкий гарнизон. С Вацетисом остался один взвод, а прорвались с боями из города лишь шестеро. С ними он и добрался до Свияжска. Горестный был момент, а не без радости — на реке стояла знакомая баржа с золотом.

Когда в Казани стало тревожно, Вацетис успел погрузить кое-что на нее...

Вскоре войска Восточного фронта вернули и Казань и иные захваченные врагом волжские города. Под руко-

водством бывшего царского полковника действовали тогда на фронте будущие выдающиеся молодые советские военачальники Фрунзе, Тухачевский, Гай, Азин, Киквидзе, Чапаев, Каширин, Блюхер.

Спустя месяц после срыва этих первых попыток белогвардейщины добраться через Волгу до Москвы на Вацетиса было возложено почетное и высокоответственное бремя командования всеми вооруженными силами. Вацетис стал главкомом Советской республики.

Все связанное с событиями молодых лет представляется нам в светлых тонах. Все горькое забывается, обо всем радостном вспоминаешь с восторгом. С почти юношеской улыбкой на строгом и мужественном лице Вацетис вспоминал время, проведенное им на посту командующего Восточным фронтом. Оценивая достоинства и слабости подначальных ему командиров и начдивов, он отметил, что с ними ему было и легко, и в то же время чертовски сложно. Легко — потому что любой из них, в противоположность многим известным ему царским генералам, получив приказ, сразу же начинал мозговать, как лучше его выполнить. Царские же генералы прежде всего мозговали, как бы лучше всего доказать невыполнимость приказа. И в то же время, преисполненные боевого рвения, многие из молодых начдивов не могли сидеть без дела. Предпринимая операции на свой страх и риск, путали замыслы высших штабов. И в этом была трудность и сложность руководства ими...

Останавливаясь на деталях операций, приведших к срыву колчаковских планов захвата Москвы и к разгрому его крепких армий, Вацетис напомнил нам о «пустяке», вызвавшем катастрофу в Восточной Пруссии.

— И тогда, в 1919 году, подействовал один «пустячок»...

Ставленник Парижа и Лондона Деникин рвался, как известно, к Москве. Туда же стремился и Колчак — питомец американских тузов, одевших, обувших, накормивших и вооруживших его армию. Верховодившие в Антанте французы требовали от «верховного правителя» наступать к Самаре, чтобы с Волги протянуть руку помощи Деникину. В сфере его действий находились материальные интересы французских концессионеров. Англичане и американцы, высадившие мощные десанты на севере России, требовали от Колчака наступать на Вятку, чтобы оттуда через Вологду протянуть руку помощи иностранным де-

сантам. Англичанин Нокс внушал Колчаку одно, а француз Жанен — другое.

— Штаб Колчака стоял перед дилеммой,— поведал нам Вацетис,— Жанен или Нокс, Самара или Вятка, Деникин или Миллер. Колчак объявил на ответственном совещании своей ставки: «Кто первый войдет в Москву, тот будет господином положения». Его армия взяла курс на Вятку — Казань... Колчак не пошел на помощь Деникину. И это помогло нам разгромить сначала одного, а потом и другого. С первым покончили под моим руководством, а со вторым под началом моего преемника Каменева. Много сделал на своем посту Сергей Сергеевич, но кое-что было сделано до него. В самом начале борьбы на фронтах была такая ситуация: враг бросал на наш город полк — и входил в него полк. А потом все повернулось по-иному. Он кидал на город дивизию, но больше роты до города не добиралось...

3. У Ленина

Раскачиваясь в седле, убаюкиваемый ритмичным шагом флегматичной лошадки, наш профессор закрыл на несколько мгновений глаза, а потом продолжал:

— Солдат... У него память дай боже. Одно скажу. Не забыть той великой суматохи. Тогда солдат была тьма, а армии не стало. Меня солдаты не послали на кухню чистить картошку. Ни в конюшню сгребать навоз... Как иных моих коллег. Был я командиром Земгальского полка, им и остался. После юнкерского училища попал я в строй. Как водится. Там все любили своего полковника. И вдруг он стал меняться... Это случилось после большого смотра. Мы спрашивали друг друга: «Он еще человек или уже собака?» Спрашивали с тревогой и каждый день... В ротах пошли в ход зуботычины, на учебном плацу — матерщина. И это на глазах у нашего бывшего кумира, который уже успел разогнать любительский кружок, прикрыть школу для неграмотных. Воцарилась абсолютная безнаказанность офицера, абсолютная беззащитность солдат. Вскоре разразился скандал. На соломенном чучеле, исколотом солдатскими штыками, обнаружили подметный листок. Там писалось: «Петр Первый, по словам Пушкина, не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу. А вы, ваше высокоблагородие?» Не хотел бы я быть на месте того высокоблагородия. И вам не советую...

После короткой паузы он продолжал:

— Что такое командир полка? Это в воображении любого молодого офицера недосягаемая вовек вершина. Это Килиманджаро мечтаний каждого свежеиспеченного подпоручика и краскома. Хотя и говорится: плох тот солдат, который не стремится стать генералом. Стремятся все до единого, а достигают Килиманджаро единицы. Вот, товарищи комбриги, все вы уже переступили эту заветную для каждого военного ступень. Вышли, можно сказать, в генералы, в красные генералы. Но, мало зная каждого из вас, не могу сказать — прошли ли вы ту ступень или перескочили через нее...

Мы все переглянулись — не знали еще, куда поведет речь наш полевой учитель. А он продолжал, уставившись внимательным своим взглядом на усатого комбрига-котовца:

— Знаю, что товарищ Кокарев, как и я, был выборным командиром полка. Это я слышал от Якира...

— Только мне до вас далеко,— тут же взял слово наш товарищ, подкрутив свои реденькие усы.— Вы уже тогда были полковники, а я — простой унтер Заамурского казачьего полка...

Под началом Кокарева летом 1917 года в Кишиневе юный Якир и начал свои первые шаги на военном поприще. Зато после наш командующий не выпускал из поля зрения своего крестного отца. После гражданской войны дал ему бригаду, а потом и кавалерийскую дивизию. Войну против фашистов он закончил в звании генерала.

— Что ж,— оживился Вацетис,— на унтерах и выехала наша молодая армия. Но продолжу свою мысль. Тот, кто учился в начальной школе, помнит — хороший учитель нет-нет да посреди года скажет своим ученикам: «Ну-ка, ребята, давайте повторим все четыре правила арифметики...» Так вот и я скажу: кто из вас перескочил через эту борозду, а не прошел ее с крепко зажатыми в руках чепигами, вернитесь, пока не поздно... Работа командира полка — это четыре правила арифметики, без которых недоступны ни алгебра, ни геометрия, ни тригонометрия, ни бином Ньютона военного искусства. На той работе и на той практике командир постигает все, что ему потребуется позже на посту начдива, командарма и даже главкома. Поверьте мне. Если бы это зависело от меня, я бы не давал высших постов тем, кто не имеет хотя бы трехлетней практики командования полком... Только этот пост вырабатывает в командире организатора, администратора, так-

тика и оператора, стратега и политика, арбитра и воспитателя. Академия для офицера — это полк. Если к тому же у человека есть хорошая голова — он будет для своих подчиненных родным отцом, а то и больше... Если хотите знать, хороший полк — это в миниатюре вся армия. А хороший полковник — это в миниатюре Кутузов... Таково мое мнение, а вы как знаете... Хочу еще добавить: ходил у нас, молодых офицеров, такой афоризм: «Не гении приходят к власти, а кто пришел к власти, тот гений...» В царской армии немало было и таких. Любыми путями отхватывали полки. Выходили в гении... До поры до времени. До первой схватки с настоящим противником. Но даже та война не совершила отбора. Очень уж прочна была порочная практика... И все же отбор происходил. Возьмем хотя бы тех, кто предложил свои услуги революции,— талантливых полковников Егорова, Шапошникова, Каменева...

Тут, дав шпоры коню, выдвинулся вперед Иосиф Попов, комбриг-котовец с двумя боевыми орденами на груди. По тем временам герой из героев. Он спросил:

— А как вы считаете мнение Фуллера о генералах, Иоаким Иоакимович? Он утверждает, что генерал — это поглупевший полковник.

— Я мало знаю англичан, но думаю, что эта оценка касается не всех английских генералов. Что мне по душе в наших комиссарах,— перешел Вацетис с командиров на военкомов,— так это их верность данному слову. В царской армии было такое понятие — честь мундира. А у них честь большевистского слова. К чему я это веду? К тому, что этого порой не хватает многим из нас. От самых низших до самых высших. Послушаешь проповедь иного — чудо, а посмотришь его дела — совсем не то... Вот учитесь у ваших комиссаров... Чтоб у вас пример шагал в ногу с проповедью...

В те годы и позже нас учили мудрой науке оберегать мирный труд советского народа, ограждать первый в истории опыт строительства социализма. Оберегать и ограждать от вероломного врага. Многим он представлялся в лице ближайших соседей. Но Вацетис нам говорил, что на сей раз дело одной панской Польшей и боярской Румынией не обойдется. Надо брать вопрос шире. А если брать вопрос шире, то «я должен поделиться своим опытом русско-германской войны». И он этим опытом делился.

А потом, задумавшись, наш мудрый старик, первый красный главком, сказал:

— Да, раньше роте нужно было три котла каши и одну двуколку патронов. Теперь — наоборот... Учтите это, товарищи. О чем бьют тревогу там, на Западе? Все эти лидль гарты, зольданы, секты, фуллеры. Все о том же.

Во время войны с гитлеровцами Е. П. Журавлев, один из слушавших тогда наставления Вацетиса, командуя армией, освободившей Закарпатье, убедился в том, что уже и трех патронных двуколок на роту было маловато.

С огромными и чуть насмешливыми голубыми глазами, Евгений Журавлев, как и все мы, очень внимательно слушал нашего полевого учителя. Прибыл он на учебу из Староконстантинова с поста начальника штаба второй Черниговской дивизии Червонного казачества.

Он первый стал просить Вацетиса рассказать поподробнее о его встречах с Лениным.

— Так вот,— поведал нам бывший главком,— еще в декабре семнадцатого верховный Крыленко звал меня в ставку. Это я вам уже говорил. Я слушал Крыленко, отмечая почти святое его преклонение перед именем нового главы России, и мне казалось, что там, в Петрограде, правит делами какой-то чудо-богатырь. Одно, что такие, как Крыленко, говорят о нем с сыновней любовью, а другое — шутка сказать, какая стихия была обуздана — словом, новыми идеями. А потом, уже в Москве, в 1918 году, я даже не хотел верить своим глазам... Это когда я проверял в Кремле наш девятый полк, а стрелки вдруг подтянулись: «Ленин идет...» Невольно подтянулся и я, жду. А вместо сказочного богатыря-исполина идет к Андреевскому дворцу зауряд-мужчина. Такого же небогатырского роста, как и я... Но общее возбуждение передалось и мне... Замерли все и молчали, пока он не скрылся во дворце...— И вмиг что-то перехватило горло рассказчика.— Вскоре позвали и меня туда. Шестого июля левые эсеры убили графа Мирбаха. В Ярославле восстал Савинков. В особняке Морозова в Трехсвятительском переулке возник новый центр. Он требовал войны с немцами. Меня позвали в Кремль. Полночь. Вхожу в просторный кабинет. Не знаю, как вы, но у меня с молодых лет страх перед казенными помещениями. Так и кажется, все в них вопит: «Куда прешься?» Вошел, стою в одном его конце, из дверей другого конца появился Ленин. Быстрый, строгий, собранный. Шагает прямо ко мне. И мне уже кажется, что его глаза говорят: «Добро пожаловать». Беседа длилась

недолго. Несколько минут. Ленин спросил: «Что день грядущий нам готовит? Продержимся до утра?» А что скажешь ему? Не в моей натуре бросать слова на ветер...

И как мог их бросить Вацетис, когда поблизости не было ни одного солдата, кроме кремлевской охраны. Латышские стрелки — не язычники, но все расползлись по ближайшим деревням справлять обряд Ивана Купалы. Надо же такое!

Выбирая момент для восстания, мятежники и это учли. Члены Советского правительства — левые эсеры — под видом борьбы с контрреволюцией многих стрелков выпроводили из Москвы.

Когда Вацетис дал согласие возглавить дивизию, он потребовал полного себе подчинения. А тут подумал: дело пахнет порохом, да еще каким. Без санкции дивизионного комитета каши не сварить. И он попросил у Ленина два часа на ответ.

Ленин согласился, подчеркнув, что ждет его в назначенное время.

В два часа ночи седьмого июля Вацетис заверил Ленина, что к полудню с мятежом будет покончено. Заверил, хотя ему-то уж хорошо было известно, что солдат идет на врага внешнего не задумываясь, а на внутреннего — крепко размышляя и размышляя... Ленин пожал ему руку, но сразу не отпустил. Спросил: каково настроение гарнизона? Как войска реагируют на демагогию левых эсеров? Ясно — на призыв восстановить власть капитала тут же пошли бы в ход штыки. А вот демагогия, требовавшая войны с немцами,— это совсем другое. Ленин все видел насквозь.

И впрямь, одна треть гарнизона Москвы объявила нейтралитет, одна треть явно заколебалась, сочувствуя призывам восставших, и лишь на одну треть можно было положиться. Да еще на спешно вооружавшийся пролетариат столицы.

Отогнав насевшую на него мошкару, Вацетис не без волнения продолжал рассказ о его встрече с вождем революции:

— После той беседы в голове моей как бы осталась одна формула. В политической борьбе прежде всего идет в ход мудрость ораторов, а затем лишь искусство воевод. Если не убеждает огонь слов, то это делает логика пушек. Ленин сказал тогда, что левых эсеров всячески убеждали. Очевидно, язык пушек они поймут скорее. «А пушки мы доверили вам...» Когда я беседовал с Лениным, наши пол-

ки уже заняли исходное положение у храма Христа и на Страстной площади. Подтянули артиллерию. У меня отлегло на душе. И в огромный кабинет Ленина я входил, ощущая каждой клеткой своего существа дружеский призыв: «Добро пожаловать!» До того момента,— поведал нам Вацетис,— перевес был на стороне мятежников. Со страхом думал: неужели они станут хозяевами в Кремле? И объявят войну кайзеру Вильгельму, чтобы через неделю отдать Кремль немецким генералам? Может, тому же генералу Гофману, бывшему гауптману и военному наблюдателю при царской армии в дни русско-японской войны? Все возможно! Но бог миловал. Надо было со всей срочностью вогнать добрую сотню трехдюймовых снарядов в особняк Морозова.

Вацетис отдавал должное братишкам из отряда Попова, того самого, которому удалось ускользнуть от заслуженной кары и потом стать правой рукой у Махно. Довольно быстро через Солянку подобрались они к стенам Кремля, но под натиском латышских стрелков, московских рабочих и интернационального отряда Бела Куна стали отходить. Несмотря на бешеное сопротивление, к одиннадцати с половиной часам седьмого июля наступавшие уже имели возможность под пулеметным огнем мятежников подкатить орудия к особняку Морозова на расстояние прямого выстрела. Вацетис скомандовал: «Огонь! Вперед!»

В полдень он докладывал Ленину по телефону о бегстве мятежников. Как условились. Спустя два часа Владимир Ильич появился у здания ЧК. Там он приветствовал войска и поздравил их со скорой победой.

— Ну, а спустя три дни я уже расстался с Москвой. Мой путь лежал на Волгу, но чем больше я удалялся от Ленина, тем ближе и дороже он становился мне...— задушевным голосом сказал Иоаким Иоакимович.

4. Наполеоны и микронаполеоны

Два старых полковника — Вацетис и Каменев. По рассказам одного из них мы знали, каким нелегким был путь сына Латгалии от лямки армейского поручика до серебряных аксельбантов царского генштабиста.

Во время наших походных трапез Вацетис рассказывал нам незабываемые случаи из его долгой армейской жизни. А однажды, нахмурив свой мудрый мужицкий лоб, Иоаким Иоакимович в глубокой раздумчивости продолжал:

— Говорят, человеку повезло... Вот вам опыт моей нелегкой солдатской жизни. Скажу: человеку везет, когда он попадает под команду хорошего начальника. Уж мне повезло так повезло. Моим начальником долго был сам Ленин. Такого начальника встретишь не всюду. И не каждый день. Он учился и у нас. А больше мы у него. Учились и учимся. Я имею в виду — не только политике. Но и чисто военному делу. Да, да, стратегии и оперативному искусству. Я листаю его труды каждый день. Регулярно. Какая четкость установок, директив: «Окружить и отрезать Питер. Взять его комбинированной атакой флота, рабочих, войска. Задача эта требует искусства и тройной смелости». Затем: «Совершенно недопустимо опаздывать с наступлением. Это опоздание отдаст Деникину Украину и нас погубит». А вот задача, данная Восточному фронту: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то гибель революции неизбежна. Напрягите все силы...»

Однажды, это было на каком-то переходе, Вацетис, хлопнув рукой по короткой шее коня, сказал:

— В любой библиотеке полно книг на полках. Иную, бывает, не шевелят годами. А потом, глядишь, кому-то она понадобилась. Так и с нашим братом. Сохраняй постоянную боевую готовность. Могут пошевелить в любой момент. Тебе трудновато поспевать за веком, а ты понатужься. Поистерлись зубы, а военную науку грызи. В шарнирах похрустывает, вместо свиной отбивной тебе рекомендуют оказывать внимание паровым котлетам — это все пустяки. Лишь бы шарики циркулировали нормально... Тебя кликнут, а ты — руки по швам и отчекань: «К бою готов!» Будь тебе двадцать пять, вдвое, а то и втрое больше. Сколько было Гинденбургу, когда его позвали из демиссии спасать Восточную Пруссию? Почти семьдесят...

Но человеку свойственно все человеческое. Нет-нет — и проскальзывало колкое слово в адрес С. С. Каменева, такого же, как и Вацетис, царского полковника, который после Иоакима Иоакимовича занял высокий пост главкома Красной Армии...

— Я ушел... А по чьим планам Каменев громил врага? По моим-с. Да, да, по моим...

— А вы бы, Иоаким Иоакимович, об этом поподробнее,— раздался за его спиной голос Сергея Байло.

— Нет надобности. Знаете мужицкую мудрость? Не тому честь, кто начал возводить стены, а тому, кто поставил на них крышу. Красная Армия добила врагов под на-

чалом главкома Каменева. Ему честь, ему и хвала. И бог с ним! И ему, бедняге, перепало. Кутузову что? Хоть то и был Наполеон, а фельдмаршал имел противника только перед своим носом. Тут же... И Москва, и Питер, и юг, и запад, и восток, и север! Вся страна — сплошной фронт! А мятежи, восстания, банды в тылу! Правда, воевода — слуга политики, но надо быть булыжником, чтоб не реагировать на борьбу взглядов. Одни считают, что вся опасность на востоке, а иные — на юге... Знай, что ты не промахнулся, бросив все резервы на запад, а не на север... Кутузову достались тульские пряники... Попробовал бы он с наше. Нет, что ни скажи,— богатырь Каменев! Главком!

Сложность этого амплуа, к которому рвутся многие, но справиться с которым дано немногим, в том, что взваливший его на свои плечи обязан вместить в голове два сугубо антагонистических начала — армию свою и армию противника. И, пожалуй, он обязан больше думать о второй, нежели о первой. Это если он хочет в результате военных действий оказаться Давидом, не Голиафом...

Решает за противника тупица, а представить себе десять вариантов его возможных действий обязан любой военачальник. И при всем этом лишь высокоодаренные полководцы, знающие, что выигрыва т сражения не ожиданием, а старанием, не настраивают себя на парирование ударов, а принуждают противника, навязывая ему бой за боем, сражение за сражением, плясать под свою дудку. Плясать до потери сознания, до последнего вздоха.

Что такое главнокомандующий? Это волшебник, который способен в нужное время и в нужном месте превращать в свою пользу равенство сил в многократное неравенство.

Главком обязан собрать силы и средства, наладить питание людей, машин и оружия, распределить свои войска в пространстве и во времени, уметь жертвовать второстепенным ради главного, суметь быть безжалостным к человеку ради жалости к человечеству. Вооруженные силы — это тот же поток. Он, как любой поток, жив, пока живы источники его пополнения. Сложность того амплуа еще в том, что вокруг да около всегда кружатся десятки непризнанных микрокутузовых, которые всяческими путями доводят до ведома высших сфер, что вот они повели бы дела куда лучше... Так что военачальник обязан думать не только о своем войске и не только об армиях противника...

Посредственность, о которой говорил Наполеон, придерживается инструкций и уставов, «яко слепой стены», а подлинный стратег подходит к ним творчески. Он не фетишизирует опыт прошлого, но и не отвергает таковой. На его почве, с учетом иных уже условий, создает новые правила и новые законы войны. Этим и определяется настоящий талант. Этим и выделяется сущая, не раздутая угодниками гениальность. Гениальность по своей сути, а не в силу занимаемого положения...

Стратег, избегающий риска, любитель шагать наверняка, немного добавляет страниц к томам боевой славы своей отчизны. Но риск риску рознь. Не трижды, а трижды три раза обдуманная военная дерзость сулит успех, лишь она дает полный и ошеломляющий эффект.

Вместе с рапортом об окончательной победе военачальник сдает верховной власти и атрибут своей абсолютной, но временной власти — пусть и символический — маршальский жезл.

Наполеон, не сдав вовремя этой регалии, обратил ее против своего народа, против революции, породившей его.

Главком! Если это не только талант воеводы, но и добрый гражданин, он не требует себе колесницы триумфатора, а разделяет триумф вместе со своими помощниками и советниками, вместе с народом, без крайних усилий которого в современных условиях немыслимо одоление врага, невозможна победа...

За семь дней, проведенных в тесных контактах с нашим первым главкомом, мы привязались к нему как к родному человеку. Узнали многое и научились кое-чему.

Что такое воевода, военачальник, полководец? Пусть апостолы военной науки не хмурят бровей — не буду покушаться на святость узаконенных формулировок. Но настоящим полководцем можно назвать лишь того, кто не повторяет ошибок *предшественников...* Эта одаренность перерастает в талант, а порой и в гениальность, если полководец и в большом и в малом делает меньше ошибок, нежели все его *современники.* А ошибки и просчеты неминуемы, как бы прогрессивна и талантлива ни была принятая на вооружение военная доктрина. Основное — чтоб их было поменьше.

Есть разные командиры. Одному дорого все, что составляет инвентарь казарм, складов, цейхгаузов, стрельбищ, танкодромов, полигонов. Этому он отдает все свое время. Другому дороже всего люди, воины, которых он, не щадя себя, готовит к исполнению святого воинского дол-

га — к защите отечества. Из этой категории командиров и получаются настоящие полководцы, творцы побед малой кровью. Первые же при серьезных испытаниях комплектуют кадры мальбруков и бараки военнопленных...

Чтоб стать автором великих оперативных замыслов и идей, надо помимо природного дара иметь солидный запас специальных знаний, иметь многолетний опыт их применения. Не только высокую власть...

Настоящим полководцем становится не исполнитель, а исполнитель и мыслитель одновременно. Лишь широко мыслящий человек может стать полководцем. Но и мыслитель мыслителю рознь. Есть мыслитель, способный предвидеть лишь результаты своих действий, а есть иной, который заранее видит последствия таковых. У такого полководца талант граничит с гениальностью. Он должен уметь не только логично излагать свои идеи и планы, но и иметь мужество отстаивать их перед любым высоким авторитетом.

Всегда повиноваться и вовремя конструктивно возражать — это тоже великий талант... И талант и гражданское мужество!

5. Поучения Вацетиса

Что такое военная доктрина? Военная доктрина — это вытекающая из политики сумма строгих и в то же время гибких заповедей для всех без исключения военачальников страны — и мыслителей, и исполнителей. Это перечень правил, по которым только и возможно защитить границы, отстоять честь и независимость Родины путем сокрушительного разгрома сил агрессора.

Как бы ни блистали скрижали любой военной доктрины, какой бы ни был расцвет индустрии, какова бы ни была меткость и дальнобойность идеологии, как бы ни был отважен солдат, выполнять те заповеди и правила приходится военачальнику. Рать сильна воеводою...

Иные считают, что советская военная доктрина впервые зародилась в 1922 году, когда Фрунзе, опираясь на все передовое и мыслящее в нашем военном мире, повел борьбу за единство взглядов у всех военачальников, за выработку для них строгих правил войны. Да! Блестящий полководец, ученик Ленина, разгромивший Колчака на востоке и Врангеля на юге, хорошо знал, что, лишь научно подытожив опыт гражданской войны, можно будет во всеоружии встретить новое нападение врага.

Но советская военная доктрина зародилась в первые же месяцы гражданской войны, когда Ленину в Кремле, а его соратникам в реввоенсоветах фронтов и армий пришлось обратиться к опыту санкюлотов и Парижской коммуны, подытоженному Марксом и Энгельсом, к опыту баррикадных боев 1905 года и Великого Октября, к многовековому опыту вооруженной борьбы народных масс, подытоженному великим Лениным.

Стержневыми пунктами доподлинно ленинской военной доктрины были: войну ведет и армия, и весь народ, войну выигрывают не обороной, а сокрушительными ударами, активность армий слагается из активности отдельных воинов, новое оружие дает эффект лишь в сочетании его качества с количеством.

Так было, когда наша военная доктрина определила конницу как ударную силу, а потом эту роль отвела танковым армиям. Так и теперь, когда ударной силой стали ракетные войска.

Ленинские принципы советской военной доктрины дают ощутимые результаты, когда применяются на практике не слепо, а творчески, с учетом множества факторов данного времени, данного противника, данного театра войны.

Стержневым пунктом гитлеровской военной доктрины был блицкриг. Он базировался на мощной индустрии, на закаленных военных кадрах, на жестокой солдатне. А тут еще не война, а увеселительная прогулка по всей Европе. Но... Мальбрук повторил ошибку предшественников и перещеголял своими промахами современников. Основной его промах — нельзя было стричь под одну гребенку Запад и Восток.

Вот тут-то, не учтя особенностей иного времени, иного театра войны, иного противника, и опростоволосились творцы той военной доктрины и ее реализаторы.

Военная наука Запада. Там она бывает разная и даже своеобразная. Уже после войны вышел в свет труд английского признанного теоретика Лидль Гарта «Стратегия». Эта стратегия наизнанку требует выигрывать войну не сражениями, а движением. Я бы сказал — жонглерством и на поле боя, и на полях сражений, в котором главную роль играют колеса и гусеницы машин, а не дула орудий и боевой дух солдат.

Где корни этой не такой уже с позиций джон буллей пагубной философии? Корни ее в том, что испокон века Англия всегда имела простодушных и надежных союзников, которые своими руками таскали горячие каштаны для

дотошных сынов Альбиона, покуда они ловко и эффектно жонглировали... Отсюда и хлесткие слова одиозной песенки: «Мальбрук в поход собрался...»

Военная наука Запада наряду с прочими факторами много рассчитывает на гений полководца.

Своей гениальностью он предвосхищает все тактические, оперативные, стратегические хитросплетения врага и на золотом блюде подносит своему правительству блестящую победу.

Что такое полководец? Это человек, которому держава отдает все, чем она располагает, а от него требует лишь одного — победы... Вот такими наполеонами в глазах всех антисоветчиков поочередно были Корнилов, Колчак, Деникин, Пилсудский, Врангель, Манштейн, Гудериан. Да вот не смогли, в силу природы выдвинувшего их общества, все эти микронаполеоны не повторить ошибок своих предшественников.

В наши дни могущественный Голиаф навалился на щупленького Давида. А поди ж ты... «Гениальный» Уэстморленд без конца повторял ошибки своих предшественников. У Голиафа вертолеты, бомбометы, минометы и... все же просчеты. Хотя вся мудрейшая вычислительная техника сулила стратегам из Пентагона победу. Даже гениальный компьютер, своего рода электронный Наполеон, не заменил во Вьетнаме обанкротившегося «гения».

В чем его просчет? Высокое самомнение, переоценка своих сил, недооценка сил противника. А основное — неоправданный расчет на арифметику чисел без учета арифметики чувств.

О чувствах. Вспоминается январь 1919 года. Высшая военная власть в уезде — военный комиссар. Против одних он воюет штыком, против других — ленинским словом. На частых тогда митингах он начинал речь так: «Коли помре Свердлов, я або інший вождь Революції...» Некоторые улыбались. А зря. Член партии с 1912 года, шахтер из селян, не шибко грамотный, но политический кремень Петро Сердюк не хотел считать себя ни винтиком, ни шурупом, ни даже болтом революции, а лишь ее вождем. И правильно! До Полтавы — губернии — было далеко, до Свердлова — еще дальше, а проблемы возникали ежедневно. И решать их на своем участке мог лишь «вождь революции», который не бросается по каждой мелочи к телефону, а сам считает себя за все в ответе.

Эту особенность советских людей понимали умные белые генералы, утверждавшие, что у красных не один,

а миллионы Лениных, а посему их не одолеть... А вот уэстморлендам и их мудрейшим счетно-вычислительным агрегатам этого не постичь вовек. А если и понять, то не сделать нужных выводов.

Наша военная доктрина, в отличие от военной доктрины иных миров, опирается на нового человека, на того, кто на своем самом маленьком участке считает себя в ответе за все. Пусть морской пехотинец, движимый высокой зарплатой и жаждой добычи, наследуя эсэсовца, лютует, лезет на рожон. Но его идейное оружие — антикоммунизм — в конечном счете бессильно против идейного оружия нового бойца, заслоняющего собой амбразуру.

Там солдат — запрограммированный автомат. Там есть приказ, но нет мыслящего бойца. У нас есть и приказ и полемика. Армия и полемика — парадокс! Но полемика полемике рознь. Есть полемика, разжигающая антагонизм, и есть полемика, гасящая противоречия. А где их, этих расхождений во мнениях, ради интересов дела, нет?

В Советской Армии приказ — это в строю, в бою, а полемика — на комсомольском и партийном (закрытом и открытом) собраниях. Там место вопросам, место критике, место конструктивным спорам. А без споров нет истины, даже в армии. И чем сильнее та созидательная, направляемая умелой рукой полемика, тем крепче действует приказ командира.

Вот поэтому ленинская военная доктрина так действенна. Вот почему творчески применяющий ее полководец делает меньше просчетов. Ее мощь еще и в том, что даже в строю, сила которого зиждется на оптимально обезличенном человеке, советский солдат сохраняет свою личность, свою особенность, свой характер.

Настоящий командир ценит это превыше всего и в этом черпает свою силу. Он не стрижет своих людей под одну гребенку, ибо не хочет походить на того каптенармуса, который привез с базы для всей роты сапоги одного сорок третьего размера...

Жизнь проверила действенность ленинской военной науки. Широкого размаха стратегия под силу лишь народам, борющимся за высокие идеи, народам с крепким тылом. Скачок гитлеровских захватчиков к Волге закончился крахом. Бросок советских армий в сердце Европы освободил ее от фашистского ига и закончился колоссальным триумфом.

Все в мире преемственно. Начало тем широкомасштабным операциям заложили легендарные походы окру-

женного врагами Блюхера через весь Урал, Ковтюха — через всю Тамань, Якира — через весь юг Украины к Волыни. Без этого опыта отцов не было бы подвигов сыновей, осуществивших бросок с преддверий Азии к Эльбе, Дунаю, Адриатике.

Вот о чем думалось, когда возникли в памяти дни волнующих встреч с главкомом Вацетисом и с другими выдающимися советскими деятелями. Да, честь и хвала Каменеву за то, что он одолел Деникина, Пилсудского.

Честь и хвала Вацетису за разгром Довбор-Мусницкого, левоэсеров, белочехов, Колчака. За его мудрые поучения и за его великий пример!

Честь и хвала маршалам, прославленным воеводам ленинской школы, под началом которых несгибаемые советские воины титанической отвагой и самопожертвованием развеяли в прах несметные полчища фашистских хищников и спасли все человечество от возврата к звериному бытию... Честь и хвала всем солдатам, воинам всех рангов. Честь и хвала тому, который еще в древние времена сказал: крепка рать воеводою...

«ВАСИЛЬ ИЗ ЩОРБОВКИ»

(ВАСИЛИЙ АНТОНОВИЧ УПЫРЬ)

Часто можно услышать из уст того или иного товарища: «Меня воспитала партия», «Путевку в жизнь мне дала партия», «Если бы не партия»... Мне хочется персонифицировать слово «партия». Персонифицировать это магическое слово и вспомнить о тех большевиках, которые и впрямь именем партии воспитывали людей, давая им путевку в нелегкую и сложную жизнь, мудро и эффективно руководили ими...

Однажды довелось услышать слова крупного военного работника: «Была у меня тьма начальников. Иных хорошо помню, иных начисто позабыл, пусть и ходили они в важных чинах. Есть такие, которых даже вспомнить тошно... А вот первого своего ефрейтора я, генерал армии, вовек не забуду. Часто даже на своей войсковой верхотуре его наука помогала мне находить верный азимут...»

Спрашивали полковые острословы: «Какая разница между старшиной и ефрейтором?» И сами же отвечали: «Старшина выколачивает из новобранца домашнюю дурь, а ефрейтор вколачивает в его голову азбуку военной мудрости...»

Да, у каждого из нас был свой «ПЭЕ» — первый ефрейтор или же первый политический наставник. Тот, кто заботливо приобщал нас к азбуке военной или же политической мудрости. Был у каждого из нас — у колхозного счетовода, у знатного сталевара, у первого секретаря ЦК.

Моими начальниками были люди широчайшего политического, культурного, интеллектуального диапазона, они прошли нелегкую и суровую школу большевистской мудрости. Это были люди, верные слову. Не мастаки глаголить об абстрактном человечестве, а деятели ленинского закала, болеющие за каждого конкретного человека, государственные мужи крупного калибра.

Моим прямым начальником был легендарный начдив Гай, возглавлявший в решающем 1919 году 42-ю стрелковую шахтерскую дивизию. Работал я под началом и создателя Червонного казачества Виталия Примакова, легендарного Григория Котовского, секретарей ЦК Компартии Украины Станислава Косиора и Павла Постышева, главы правительства Советской Украины Власа Чубаря, а также командующего войсками Киевского военного округа Ионы Якира, кого догитлеровский германский генштаб называл «советским Мольтке» (мемуары маршала Баграмяна).

У каждого из них было чему поучиться — и как находить правильные решения в самых сложных ситуациях, как выбираться из безвыходного положения, пользоваться не ходовым, а сильнодействующим большевистским термоядерным словом... Их наука, как утверждает тот генерал армии, помогала почти всегда четко определять верное направление.

И все же моим **первым** политическим и боевым наставником был потомственный батрак Полтавщины, мой близкий земляк «Василь из Щорбовки».

Летом 1918 года накапливалась народная ярость против немецких оккупантов и так называемых «хлеборобов-собственников». Изо дня в день множилось число крупных и мелких партизанских отрядов. И вдруг — новость: надо избрать делегата на I съезд большевистских организаций Украины. Работа съезда должна была проходить в Москве. Чтобы попасть туда, делегату предстояло преодолеть строгие заслоны кайзеровской и гетманской пограничной стражи. Нынче по дороге из Киева на Москву мы незаметно для себя проезжаем через не такую уж большую станцию с двойным именем — «Хутор Михайловский».

А тогда она была занозой из заноз... Граница двух миров! И каких!

Все подпольщики считали — должен поехать Василь из Щорбовки. Он участник штурма Зимнего, был делегатом от 7-й старой армии на II Всероссийском съезде Советов. А теперь вел большую, сопряженную с большими трудностями и сложностями работу по сколачиванию подпольных сил и крупного партизанского отряда.

Но Василий Антонович Упырь категорически заявил: «Я уже на одном съезде побывал. А на этот пусть едет Саша Требелев. Да, я в партии с шестнадцатого года, но и он не новичок, стаж — дооктябрьский! Может, и ему посчастливится повидать и услышать нашего вождя. И работы у меня по горло...»

В ту сложнейшую пору борьба за солдата шла между меньшевиками, эсерами, бундовцами, боротьбистами, анархистами.

«Кружат четыре ветра, кружат, листву взметают, стоит солдат и толком, куда идти, не знает...» — так метко охарактеризовал то непростое время поэт. И вот, куда идти тому «солдату», указывал личным примером беззаветный ленинский борец Василий Антонович Упырь. Люди, отбрасывая колебания, говорили: «Раз за Ленина наш Василь, то и нам туды дорога...»

Молва о том, что окопный солдат Василь Упырь, коммунист с 1916 года, перед штурмом Зимнего вместе с другими окопниками ходил на беседу к Ленину, докатилась и в его родную Щорбовку.

Летом 1918 года праздновали свой мимолетный триумф оккупанты, отправляя в фатерлянд эшелоны награбленной провизии. Вместе с ними торжествовали владельцы крупных латифундий — все эти ганжи, черевки, сухотины, кульчицкие. Каратель Кайола охраняет гремящие прусскими военными оркестрами помещичьи балы и пикники. Богатые хуторяне, проводив в лейб-гвардию гетмана по одному казаку, простерли свою загребущую руку над трудовым селянством губернии.

Преисполненные гнева города и села на время притихли, копя заряд для всесокрушающей грозы, которая дотла сметет враждебные легионы. Силу ту ковали коммунисты. И среди них один из первых — наш Василь из Щорбовки.

Вот этот-то человек именем Ленина и поднял на Полтавщине свой мощный голос за нашу партию. Молодым коммунистам, всем нам, он часто напоминал:

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

В подполье В. А. Упырь был членом уездного парткома, командиром партизанского отряда. После изгнания оккупантов — военным комиссаром. Нынче военком имеет свой большой, но строго ограниченный круг действий. Тогда же это был военный министр, главком, начальник генерального штаба и вдобавок ко всему еще и начальник Пура (политуправления республики). Вместе с бывшим шахтером Петром Сердюком и матросом Клименко они и делали всю военную политику — оберегали молодую советскую власть, громили банды, охотились за Кайолой, слали фронту одно подкрепление за другим.

...И тогда, летом 1918 года, поехал на съезд в Москву от большевиков-подпольщиков Кобелякского уезда Александр Маркович Требелев. Вскоре после возвращения нашего делегата руководитель подполья Упырь сказал, что надо ехать в Полтаву с очередной информацией и за очередными директивами. И чтобы в ответственную дорогу я ехал в новой студенческой форме.

Сообщив мне два адреса и два пароля, Василий Антонович понизил голос:

— Ты студент, я с предков батрак, наймит, можно сказать. Ты в сто раз грамотнее меня. Учился... Но я все же старше тебя аж на десять лет. И кое-что успел повидать в жизни. И в царской гвардии, будь она трижды неладна! И в окопах. Если на небесах и есть тот рай, то настоящий ад — это окопы. Даже германские — с теплыми отхожими... Так вот послухай и запомни, товарищ, крепко-накрепко мои три заповеди. Только три, не более!

Первая заповедь: держи плотно язык за зубами — ты связной!

Вторая — поступай сегодня так, чтобы и завтра, и через год, и через сто лет ты мог свободно и легко смотреть в глаза тем, кто знал тебя и твои поступки.

Третья заповедь самая главная, запомни ее хорошенько. Знай, что вместе с мандатом на власть не всякому выдается и мандат на мудрость... Это все. Действуй!

Меня, по правде сказать, ошеломило это неожиданное и потрясающее напутствие... И в Полтаве, где на одной явке я встретился с Евгенией Рябицкой, а на другой — с «товарищем Степаном», то есть с представителем центра

Юрием Коцюбинским, и после Полтавы, и затем те три заповеди я запомнил на всю жизнь...

Как и тому генералу армии поучения его первого ефрейтора, так и «заповеди» первого политического наставника — «Василя из Щорбовки» — помогали мне не раз находить верный азимут. Ведь у каждого человека не один, а два главных советника — разум и эмоции... «Во мне постоянно борются две души»,— сказал еще в прошлом веке великий Гёте... Что бы мы, желторотые новобранцы, значили без своих добрых и мудрых «ПЭЕ»?

Своего первого наставника я надолго потерял из поля зрения. Но вот однажды Галина Огий, жена Якова Родионовича Огия, еще в 1919 году порвавшего с боротьбистами и ставшего затем заместителем наркома сельского хозяйства Украины, сообщила мне адрес В. А. Упыря. Жил он в далеком Алзамае в Восточной Сибири. Пригласил я его в Киев. Здесь, в Центральном Комитете партии, приняли его как родного человека. Тогда, в 1957 году, одному из фундаторов новой жизни на Украине оказали большое внимание.

Вместе с писателем Юрием Дольд-Михайликом и специально приехавшим из Москвы Александром Требелевым пошли мы хлопотать о квартире для ветерана, улаживать все хлопоты по переезду Упыря из Сибири в Киев.

В тридцатые годы Упырь возглавлял совхоз в Тростянце, на бывших землях Скоропадского.

То была его четвертая «встреча» с бывшим гетманом. Первая — когда Скоропадский командовал в Питере царским гвардейским полком. Третья — когда партизанский отряд Упыря охотился за марионеткой кайзера Вильгельма в районе Карловки, куда «дичь» ехала специальным поездом на встречу с родной сестрой.

Ведавшие тогда квартирами сказали: «Пусть едет в Тростянец. И там Украина. После Алзамая тем более... К Киеву товарищ не имеет никакого отношения!» Вот тогда и пришлось напомнить товарищам о второй — о главной «встрече» Упыря со Скоропадским...

В январе 1918 года, как раз в дни арсенальского восстания, позвонил Петлюра в Жмеринку. Попросил к прямому проводу заместителя комиссара 7-й (старой) армии. Пожаловался головной атаман своему близкому земляку — «добродию» Упырю, что в Киеве очень тревожно. Нужна экстренная помощь. Надо срочно пропустить через Жмеринский узел идущие из Деражни на Киев эшелоны пана Скоропадского. Упырь обещал... И тут же догово-

рился со своими артиллеристами — когда он поднимет обе руки, пусть наблюдатели подадут команду «Огонь!».

Слово замкомиссара армии поколебало рядовых гайдамаков. Но тут из классного вагона появился их начдив Гандзюк. Назвал Упыря запроданцем, предателем Украины и скомандовал ему: «Руки догоры!» Упырь подчинился, а вслед за этим последовал мощный залп из двенадцати стволов. Воинство Скоропадского, будущего гетмана, разбежалось...

Выслушав внимательно эту историю почти сорокалетней давности, нам сказали: «Пишите заявление!»

Право бывшего замкомиссара 7-й армии на проживание в столице Украины подтверждалось и телеграммой Н. Кузьмина, военного комиссара Юго-Западного фронта в 1918 году:

«Революционный авангард 7-й армии, заняв подступы к Киеву, облегчил революционным силам, наступавшим с востока (группа Муравьева, затем Коцюбинского), разогнать войска предательской Центральной рады...»

С Александром Требелевым, тогда слушателем первых партийных курсов ЦК КП(б)У, мы летом 1919 года из Киева ушли добровольцами на фронт. Там делегат I съезда большевиков Украины стал военным комиссаром одной из боевых частей 42-й стрелковой шахтерской дивизии. Участвовал Требелев и в Великой Отечественной войне, заслужив много правительственных наград. Затем он вернулся на старую работу — в управление Главсевморпути. Умер он в Москве пять лет назад.

В большом почете и в сыновнем уважении прожил до 1964 года на берегах Днепра, в Киеве, ветеран партии и гражданской войны, с предков батрак-наймит Василь Антонович Упырь. Настоящий большевик, природный мудрец, мой и не только лишь мой «ПЭЕ», «первый ефрейтор», автор снайперских трех з а п о в е д е й, человек ленинской эпохи, который именем партии дал многим и многим товарищам путевку в жизнь.

«ПЕРВЫЙ ДРОВОСЕК»
(АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ТОДОРСКИЙ)

Прежде чем поделиться воспоминаниями о незаурядном сыне тверской земли, восстанавливаю в памяти светлые строки из книги мудрого автора «Год — с винтовкой и плугом».

Он писал: «За темным угрюмым лесом — вольный простор... Мы, первые дровосеки, пробьем дорогу туда...»

Почти двадцать лет назад издательства Москвы решили предложить советским читателям ряд книг о забытых и полузабытых героях. О тех, кто, выполняя волю партии и прямые указания Ильича, привел к победе героические рабоче-крестьянские полки.

И вдруг приходит очень взволновавшее меня письмо:

«Приветствую Вас, дорогой друг. Желаю доброго здоровья и успехов в делах. В издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книжка «Полководцы гражданской войны». Ф. И. Голиков прислал в издательство благодарственное письмо. Сейчас там предполагается второй сборник, куда должны войти очерки о Тухачевском, Шорине, Шапошникове, Лазо, Чапаеве и др., в т. ч. о Примакове и Якире. Я не знаю пока, кто будет автор двух последних очерков, но, безусловно, первая скрипка в Ваших руках. Подумайте...

Москва, 16.XII.1960.

С приветом Ваш *Ал. Иванович Тодорский*».

Предложение было весьма и весьма заманчивым. Но, хотя я и провел почти всю гражданскую войну под прямой командой фундатора Червонного казачества, долго мне казалось — этого недостаточно, чтобы писать о нем. Ведь речь шла о выдающемся и колоритнейшем деятеле и борце...

Ряд лет я уже занимался сельской тематикой. Подытожил богатые впечатления и личный опыт. Опыт тракториста и комбайнера. Повесть о беззаветных тружениках сибирской тайги «Шатровы» была опубликована в 1955 году журналом «Новый мир».

Вскоре журнал «Прапор» напечатал документальную повесть «Братеницы» о людях, с которыми в 1930 году вместе перестраивали старое на новое. Перестройка та в большом и шумном селе Братеницы на Богодуховщине была отражена в книге «Перелом» (Москва, Харьков, 1930). То был мгновенный репортаж с места событий. Репортаж о напряженной борьбе за новую жизнь на селе.

И все же какое-то сверлышко, пусть пока и на тихих оборотах, все время, еще до письма Тодорского, точило сознание. А не пора ли вернуться к обычной тематике?

Тем более что Военное издательство выпустило мою старую книгу «Золотая Липа».

Тогда же пришлось еще раз убедиться в одной истине: солдату, чтобы дорваться до своей цели, требуется извести немало пота и крови. Писателю же, чтобы приблизиться к своему читателю, также приходится весьма и весьма нелегко... Не всегда и не всем, увы, улыбается капризная и скаредная леди Фортуна.

Письмо А. И. Тодорского и положило конец моим колебаниям. Внимание и доброе слово такого человека сглаживало и могло сгладить все те компликации, которые ожидают автора на его нелегком и ультратернистом пути к читателю...

То письмо напомнило мне 1924 год. Вместе с Тодорским мы прибыли в Москву для поступления в Военную академию РККА, которая в ту пору еще не называлась именем Фрунзе. Фрунзе был тогда наркомом по военным делам. Тодорский явился из Туркестана, я — с Украины. Надо прямо сказать: академия могла гордиться новым слушателем — «туркестанцем».

За спиной боевого начдива, трижды краснознаменца, было участие в ликвидации левоэсеровского мятежа 1918 года, в разгроме контрреволюционных восстаний на Кавказе в 1921 году, в борьбе с бандами басмачей в Фергане в 1922 году. Высокий, стройный, улыбчивый, очень внимательный к товарищам по учебе, он пользовался всеобщим уважением не только однокашников, но и всей профессуры.

После учебы в академии А. И. Тодорский долго возглавлял Военно-Воздушную академию РККА, а затем Управление военно-учебных заведений Красной Армии. Лучшего учителя учителей военных кадров, думается, подобрать было трудно...

И не только это. Все мы хорошо знали, что Тодорский был автором уникальной книги «Год — с винтовкой и плугом». Именно ей — небольшой книжонке, вышедшей в 1918 году в забытом «богом и людьми» далеком уголке тверской земли,— посвятил свою статью «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» В. И. Ленин. Вот слова Ильича: «Описание хода революции в захолустном уезде вышло у автора такое простое и вместе с тем такое живое, что пересказывать его значило бы только ослаблять впечатление. Надо пошире распространить эту книгу...»

Могло ли быть большее признание для редактора захолустных «Известий Весьегонского уезда»? Эту работу выполнял тогда двадцатичетырехлетний Тодорский, которого по праву надо признать одним из первых и одареннейших борцов советской армии пера...

И еще спустя четыре года Ленин 27 марта 1922 года снова вернулся к книжке А. И. Тодорского.

В своем необычном произведении весьегонский автор писал:

«Сейчас в нашем крае... днем с фонарем не сыщешь улыбающегося кулака и помещика и не увидишь унылого бедняка. Это можно назвать победой... И добились ее потому, что держали крепко в своих руках винтовку... За темным угрюмым лесом — вольный простор, радостное солнышко, веселые песни и сладкий отдых... Мы, первые дровосеки, пробьем дорогу туда, и наши дети не скажут про нас, что мы, родившись рабами, покорно... сошли в могилу, оставив им в наследство позорное рабство и ржавые цепи...»

Спустя сорок лет, в 1958 году, издательство «Советская Россия» повторно выпустило замечательную книгу «первого дровосека». Во вступительном слове автор, вспоминая обстоятельства появления на свет заинтересовавшего тогда В. И. Ленина труда, пишет: «Было решено издать отчет книгой под заглавием: «Год — с винтовкой и плугом» в 1000 экземпляров и разослать во все селения уезда. Она вышла к празднику 7 ноября 1918 года... 27 марта 1922 года Владимир Ильич в докладе ЦК РКП(б) XI партийному съезду поставил в пример правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией, осуществленное на практике в Весьегонске. Зимой 1918—1919 года Владимир Ильич прислал мне из Москвы в Весьегонск, как автору книжки, свой теплый привет...»

В пятидесятые годы генерал запаса Тодорский много времени и сил отдавал работе с молодежью. Готовя выпуск солидных трудов о гражданской войне и послевоенном строительстве, многие редакции прибегали к его консультации. Лучшего консультанта трудно было найти... И публикация ряда сборников о полководцах и героях гражданской войны не обошлась без прямого и самого близкого участия славного сына Тверской земли.

В письме от 1 мая 1961 года он обращается с новой просьбой: «Прошу прислать мне биографию или же послужной список, фотокарточку. Собираю материал для

книги... Впоследствии этот материал поступит в Музей. С сердечным товарищеским приветом...»

А 14 января 1964 года получаем из Москвы очень ценный и замечательный подарок — выпущенную в конце 1963 года Политиздатом в Москве книгу «Маршал Тухачевский» с памятным и дорогим для меня автографом: «Дорогому Илье Владимировичу, милой Фриде Абрамовне с любовью и дружбой».

В аннотации к этому изданию сказано: «Александр Иванович Тодорский — старый большевик, ветеран Советской Армии, генерал-лейтенант запаса — вошел в историю советской литературы своим очерком «Год — с винтовкой и плугом», получившим одобрение В. И. Ленина в специальной статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов»... Настоящий очерк посвящен славному советскому полководцу, которого Александр Иванович близко и хорошо знал...»

В том историческом очерке есть блестящие строки, которые еще раз свидетельствуют о необычном публицистическом даровании их автора. «Буржуазия не хочет и не может признать чудодейственную силу коммунизма, который красноречиво доказал свое беспредельное могущество, сделав из смертного Ульянова бессмертного Ленина — великого полководца многомиллионных народных масс...»

Находим и такие меткие констатации: «Щедрую лепту в черное дело дискредитации Тухачевского вносила и падкая на сенсации зарубежная печать. Разбойники пера разжигали нездоровый интерес к его незаурядной личности, демагогически подчеркивали знатность его происхождения, низменными побуждениями объясняли сказочный взлет его военной карьеры, приписывали ему бонапартистские замыслы по отношению к пролетарской революции...»

Тодорский не жалея сил разыскивает в старых архивах документы, подтверждающие ощутимый вклад его героя в дело строительства новой армии, армии рабочих и крестьян. Он находит доклад Тухачевского, адресованный Ленину 19 декабря 1919 года,— прозорливые высказывания молодого коммуниста и совсем еще молодого командарма: «Хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны, имеется лишь среди молодого офицерства... Среди старого офицерства способные начальники являются исключением...»

А. И. Тодорский дает и полный, абсолютно точный портрет героя: «Тухачевский держался просто и скромно, был радушен, приветлив и общителен со всеми. Им вообще нельзя было не любоваться. Физически крепкий, ладно сложенный, с мягкими чертами волевого лица, с приятным тембром голоса, с доброй улыбкой и теплыми лучистыми глазами, он был мужественно прекрасен и по-настоящему обаятелен...»

До письма Тодорского пришло послание от маршала Ф. И. Голикова. И оно касалось вопроса полузабытых героев. Филипп Иванович писал: «Помня нашу с Вами беседу о необходимости популяризации героев гражданской войны, посылаю Вам две книги: «Полководцы гражданской войны» и «От солдата до маршала»... Принимаем меры к тому, чтобы славные дела и остальных героев, о которых мы беседовали, стали хорошо известны нашей молодежи, воинам, всему советскому народу. Пришлите, пожалуйста, Ваш отзыв об этих книгах. С уважением. Москва, 12 октября 1960 года».

Как-то привезли мне записку от Ф. И. Голикова. Он отдыхал под Киевом. Мы знали друг друга с 1936 года. В то время на меня, командира 4-й Киевской отдельной тяжелой танковой бригады, была возложена миссия начальника танкового сбора под Вышгородом, а Голиков прибыл с Волги в Киев на должность командира 8-й танковой бригады...

Наша беседа была длительной и душевной. И тогда Филипп Иванович, автор недавно вышедшей боевой книги «Красные орлы», долго внушал мне мысль о необходимости подключиться к работе по выпуску так необходимых нашей молодежи сборников.

Повторяю: основным толчком все же послужило обращение товарища, мудрому перу которого столько внимания уделил товарищ Ленин. И я взялся за очерк о человеке, о победном мече которого так много в свое время докладывалось Владимиру Ильичу.

В своем дружеском отзыве Александр Иванович писал мне: «Целесообразнее полнее осветить деятельность Якира, Дубового, настоящих командиров и военных работников нашей армии. В основном произведение готово. Надо только, чтобы его успех оправдывался не новизной темы, а политически правильной установкой и художественной ценностью. Достижение этого непременного условия — всецело в ваших руках».

Многим и многим в те годы Александр Иванович протягивал свою мужественную и дружескую руку. Предо мною копия его письма в адрес Комитета по Государственным премиям от 31 января 1963 года:

«Двадцать лет назад я встретился с верными сынами украинского народа, с товарищами Остапом Вишней и Евгением Степановичем Шаблиовским. Проведенные в близком общении с ними месяцы были для меня самыми счастливыми. Тем отраднее было мне слышать об активной литературной деятельности товарища Шаблиовского. Присуждение ему Ленинской премии за книгу «Шевченко и русские революционные демократы» было бы заслуженной наградой за многолетний научный труд, выполненный во славу народа, во славу нашей культуры».

По совету А. И. Тодорского была сделана и книга о Якире «Наперекор ветрам». Но все же «первая скрипка» больше всего нажимала на ноты из примаковской партитуры...

Вспоминая все это, я с благодарностью думаю о моем товарище по академии имени Фрунзе, чье блестящее и мудрое перо, как и его славный меч, хорошо послужило советскому народу.

Душевно приветствовала «Литературная газета» (12.IX.1964) с 70-летием того, кого очень высоко оценил Ленин. Напечатала статью «Семьдесят? Не верится...». Сообщалось, что писатели России направили юбиляру приветственную телеграмму, в которой отмечался его важный вклад в отечественную литературу.

Приводились высказывания Г. Маркова — «Ваша маленькая книга насыщена атмосферой великих событий»; Николая Тихонова — «Ваша книга никогда не устареет. Она уже наша классика...».

Откликнулись телеграммой и писатели, отдыхавшие в ялтинском Доме творчества. Они поздравили автора классического произведения «Год — с винтовкой и плугом».

А осенью 1964 года в Большом зале библиотеки им. В. И. Ленина юбиляра чествовала общественность столицы. Преобладали в зале генеральские и полковничьи погоны. То были боевые соратники и ученики генерал-лейтенанта Тодорского.

После торжественной части юбиляр мне сказал: «Семьдесят — это значительный рубеж. Но есть еще порох. Дел впереди немало! Ведь мы полпреды тех, кто уже

сам за себя ничего сказать не может. А еще много и много надо о них сказать...»

На том вечере юбиляру от имени маршала Малиновского, министра обороны Советского Союза, были преподнесены именные золотые часы. Долго Александру Ивановичу пользоваться ими, увы, не пришлось...

Однажды... Однажды пришло очень грустное послание из Москвы. Сказались необычные испытания нелегких лет гражданской войны, и не только тех лет... Письмом от 31 декабря 1964 года очень огорчил меня Александр Иванович: «Заболел. В начале января сложная операция горла. В строй вернусь только через несколько месяцев. Духом не падаю. Переживем. Будьте все здоровы. Ваш Александр Иванович».

Увы, в строй больше этот одареннейший большевик-полководец, замечательный творец боевого репортажа из глухого уголка Весьегонщины, этот милейший «первый дровосек» Тверской земли не вернулся. Пусть никогда не померкнет память об этом человеке — Человеке с большой буквы.

О таких людях можно писать не очерки, не новеллы, не повести, а капитальные тома... Ибо, думается, что они и представляют то славное прошлое, которым никогда не перестанет гордиться признательное будущее.

ГЛАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

(ВЛАС ЯКОВЛЕВИЧ ЧУБАРЬ)

У самой границы, в Проскурове, стоял штаб 1-го конного корпуса Червонного казачества. Под его знаменами я воевал на Перекопе, летом 1920 года шел к Золотой Липе, Стрыю, Карпатам...

Весной 1931 года меня направили в 1-ю Запорожскую дивизию, чтобы вступить в командование ею. И вдруг сообщение: «Вас вызывает Чубарь».

В приемной Чубаря ждать пришлось недолго. Вот и кабинет Председателя Совнаркома Украины. Покоряя своей светлой улыбкой, Влас Яковлевич сказал, что при любом затруднении я могу рассчитывать на его помощь. Речь шла о моей работе в СНК. Я попытался отказаться, назвал ряд товарищей... Но Чубарь твердо стоял на своем: «ЦК поручил мне говорить с вами». Я сказал, что хочу вернуться в дивизию, в рядах которой провел граждан-

скую войну. Влас Яковлевич заверил меня: «Дивизия от вас не уйдет».

И я перешел на работу в Совнарком. Тут мне и довелось ближе познакомиться с Власом Яковлевичем. Прекрасный знаток экономики Украины, он очень уверенно чувствовал себя и при решении оборонных вопросов. Недаром его, Власа Чубаря, в дни Великого Октября Ленин назначил комиссаром Главного артиллерийского управления.

Наступало тревожное время. В Германии свирепствовал фашизм. Из эфира доносились безумные голоса, жуткая дробь барабанов, грозный топот сапог, рев взбесившихся зверей. На берегах Рейна и Шпрее зарождалась кровавая угроза всему человечеству, всей мировой культуре.

У нас шло новое строительство по всей пограничной зоне. Сооружались мосты и переправы, опорные пункты для широкого маневра войск, ставилась сеть сложных преград, о которые должны были разбиться орды нападающих. Работа была трудная, но интересная. И не только для меня.

Недавно мы встретились с министром М. Ф. Довгалем, дорожником.

— Помните,— сказал Михаил Федорович,— как вызывали меня на доклад? Я ждал придирок, разноса. Оказалось — не то. Чубарь, а за ним Косиор и Якир стали меня расспрашивать, советовать, ободрять. Дали все, что я просил для строительства. Вылетел я из кабинета как на крыльях. А кто я был? Всего лишь начальник строительства маршрута Винница — Шепетовка.

Знание людей, умение вдохновлять — характернейшая черта Власа Яковлевича. Центральный Комитет ВКП(б) решил показать на Первомайском параде 1932 года первые советские быстроходные танки. Изготовление двух опытных машин было возложено на директора паровозостроительного завода ХПЗ Леонида Владимирова, в прошлом командира полка в 45-й дивизии.

В те времена легче было сделать сто паровозов, нежели один танк. Не хватало многого. Но Влас Яковлевич прекрасно знал, каких инженеров для выполнения важного задания можно пригласить из Луганска, Мариуполя, Днепропетровска, Горловки, где взять необходимые материалы. Сейчас те «БТ-2» показались бы потешными, но тогда их изготовление было большой победой и немалым подвигом.

Для Власа Яковлевича не существовало ни больших персон, ни маленьких людей. Никакое событие, потрясение не могли вывести его из себя. Он неизменно сохранял душевное равновесие. Никогда и ни на кого не повышал голоса. Строго требуя с каждого за порученную работу, он с человеческим теплом относился ко всем сотрудникам правительственного аппарата.

В те времена конница еще рассматривалась как основная ударная сила Советских Вооруженных Сил. В октябре 1933 года в Харькове происходили традиционные конно-спортивные состязания. Стояли красные дни догорающей осени. Важно плыли над ипподромом легкие нити паутины. Высокие березы вырядились в яркий наряд. Как гордые рыцари в золотых доспехах, вытянулись они шпалерами вдоль ровного шоссе.

С праздничным видом природы совпадало и праздничное настроение людей. Несмолкаемый говор зрителей, команды начальников, покрикивание тренеров, визг несметных орав мальчишек, призывы лоточниц сплетались в протяжный бесконечный гул.

Всадники, и молодые командиры, и седые рубаки, столь же нетерпеливые, как и их кони, гарцевали на кругу.

Чубарь, восхищенный мастерством кавалеристов, сказал: «Я за тесную смычку всех кавалерийских дивизий со всеми нашими наркоматами». Договорившись с Косиором, Влас Чубарь во время товарищеского обеда объявил об этом шефам и подшефным.

Этот шаг В. Я. Чубаря, породивший тесные связи армии с правительственными учреждениями, много дал и для подъема боевого духа советской конницы, и для пропаганды славных традиций гражданской войны.

Самолеты «К-5» в годы первой пятилетки надежно обслуживали пассажиров на многих воздушных трассах. Конструктор Калинин создал новую многоместную машину «К-7». Влас Яковлевич пристально следил за успехами неутомимого конструктора, повседневно ему помогал.

Весной 1933 года машина прошла все испытания. Весь состав очередного Пленума ЦК КП(б)У по инициативе Чубаря прибыл на аэродром, чтобы посмотреть на новое чудо советской авиации и выразить признательность его создателям.

Прошла неделя. Во время очередного полета гиганта самолета, которым гордился весь народ, случилось несчастье — «К-7» разбился. Чубарь, выслушав доклад, не-

медленно вызвал машину, умчался в Сокольники. Обнял Калинина. По-отцовски успокоил его: «Побольше мужества. Это не только ваше горе, это горе всей страны. Погибло ваше создание, но где логика? Почему должен казнить себя создатель? Будете в строю вы — появятся новые самолеты, получше даже, чем был «К-7». ЦК, Совнарком, весь рабочий класс помогут вам...»

Осенью 1932 года приехал в Харьков бывший командир полка в Червонном казачестве Василий Гаврилович Федоренко. Огромные зеленые глаза красавца кирасира поблекли, ничего почти не осталось от его пышных пшеничных усов. В связи с кулацким саботажем в 1932 году на полях Северного Кавказа осталось много неубранного хлеба. Очень тяжело сложились дела и в совхозе, где был директором Федоренко...

Влас Яковлевич пригласил его к себе. Внимательно выслушал, подбодрил. Позвонил прокурору. Попросил, чтобы в деле разобрались внимательно.

Федоренко, бывший шахтер, уехал на родину, в Бахмут.

Спустя два дня пришло письмо. Василий Гаврилович писал: «С опозданием, но отпраздновали 15-ю годовщину Великого Октября... Жива ленинская правда! От всех нас горячий привет товарищу Чубарю».

Есть деятели, от которых, словно от солнца, исходят мощные потоки света и тепла. Их свет никого не ослепляет, тепло не обжигает, напротив, вызывают бурную детонацию энергии. Таким был Влас Яковлевич Чубарь, верный сын ленинской партии коммунистов, прошедший путь от рабочего до премьера Украины, а затем заместителя председателя Совнаркома СССР.

РАЗНЫЙ ЯЗЫК — ОБЩИЙ УДАР

(МАРСЕЛЬ КАШЕН)

С тех пор как богатые афинские граждане, уклоняясь от своего священного долга, стали посылать под знамена вместо своих сыновей наемников, а римляне давать мечи не только свободным гражданам, но и рабам, когда на защиту Афин и Рима стали призывать чужие племена, боевые качества фаланги и легиона сразу резко снизились.

«Ухудшение элементов, составлявших армию,— писал Энгельс,— весьма скоро отразилось на ее вооружении

и тактике. Тяжелые латы и копье были отброшены. Утомительная система, создавшая победителей мира, пришла в упадок. Лагерная прислуга, роскошь... Ко времени Траяна варвары составляли главную силу легионов, и с этого момента исчезли характерные особенности римской пехоты».

Под красными знаменами на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн сражались представители всех народностей Советского Союза. От этого лишь крепла мощь красных полков. Хорошо сказано у Багрицкого: «Вот идут они рядами, сбитые толково. Латыши. За латышами кони Примакова...»

Десятки тысяч интернационалистов сражались на нашей земле за дело Ленина. «Русский, латыш, чех и мадьяр, разный язык — общий удар»,— сказал другой поэт.

Красной Армии материально и морально помогали пролетарии всех стран. Магические слова «Руки прочь от Советской России!», докатившиеся на поля гражданской войны из-за Ла-Манша, удесятеряли натиск воинов, штурмовавших Льгов, Перекоп и Волочаевку.

В 1928 году прибыл на Украину Марсель Кашен. Мне выпала честь сопровождать высокого гостя в войсковые части. Восхищаясь сказочной природой Киева, один из основателей компартии Франции сравнивал нашу столицу с лучшими уголками своей родины.

Отдав должное древней Софии и ее зодчим, полюбовавшись грозным и властным Богданом, Кашен спросил, какие монументы расскажут потомкам о потрясающем подвиге советского легендарного солдата и советского мужественного генерала? Тогда, спустя восемь лет после исторических битв гражданской войны, таких обелисков еще не было.

— Наша революция,— сказал французский гость,— создала много талантливых генералов. Одни потом стали маршалами Наполеона, а иные, как сказал поэт, ваш поэт, «продали шпагу свою» и пошли к Бурбонам. Знаете, есть не только оловянные солдатики, но и... Да, во главе железных французских солдат по милости королей и стали те перебежчики, те оловянные маршалы. Не им, конечно, поставлены в Париже памятники. А монументов в честь лучших полководцев Франции у нас немало...

Ныне в Киеве есть монумент Щорсу, памятник Ватутину, разбит прекрасный парк имени Примакова, появились улицы Якира, Юрия Коцюбинского, Дыбенко, Дубового, Боженко, Киквидзе.

Вскоре после гражданской войны завязались идейные контакты наших боевых дивизий с братскими компартиями. В Староконстантинов, в подшефную 2-ю дивизию червонных казаков, приезжали Эрнст Тельман, Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт. А в 1928 году подшефную Французской компартии 1-ю Запорожскую дивизию Червонного казачества посетил Марсель Кашен.

Нарядив высокого и дорогого гостя в боевую форму, в широкие брюки с лампасами, советские конники избрали его почетным казаком.

Но вскоре взревел весь вражеский стан. Вся правая часть французского парламента и газета «Голуа» требовали суда над... «изменником родины, примкнувшим к потомкам тех казаков, которые почти столетие назад ворвались в Париж». Деляроковцы шумели: «Ле трэтр Кашен о кашо!» («Изменника Кашена в тюрьму!») А редактор «Юманите», презрев выпады классовых врагов, вернувшись на родину, 27 сентября 1928 года мужественно выступил на первой странице своей газеты: «Без Красной Армии и без красной конницы Пилсудский навязал бы 30 миллионам украинцев свою страшную диктатуру, которая опирается на крупных польских капиталистов и французских и английских империалистов».

И еще писал член политбюро братской партии: «Киев самый красивый город Украины... Он построен на холмах, которые господствуют над прекрасной рекой Днепром, широким, как Гаронна у Бордо...»

В память о тех братских связях между боевыми советскими силами и Французской компартией сохранилось несколько интересных снимков.

Дикие вопли экстремистов с берегов Сены докатились до берегов Днепра. Последовало строгое распоряжение уничтожить все фото. А зачем? Ведь о шефстве братских компартий над красными боевыми единицами печать сообщала еще в 1923 году, когда впервые в Проскурове появился потомок французских коммунаров. Товарища Паскаля встречали тогда при всех боевых знаменах и при шести хорах голосистых трубачей.

И позже наша печать не молчала и фотографы не дремали, когда по случаю награждения червонных казаков боевым орденом Красного Знамени приветствовал их от имени французских товарищей совсем еще юный Эжен Миллей, а еще раньше француз Монмуссо.

Долго еще черные силы на Сене жонглировали, как цирковыми кольцами, фактом дружбы Кашена с боевой

конницей Красной Армии. Об этом красноречиво свидетельствуют строки Марселя Кашена из его статьи «Уроки воскресенья», напечатанной в «Юманите» 9 октября 1928 года.

«Мы победили на выборах в Нази-ле-Сек. Победили, несмотря на клевету, в которой червонные казаки были в особом почете».

Надо сказать, что с большей охотой Марсель Кашен вступал в контакты с рядовыми воинами и командирами, нежели с теми, кто, вооруженный объективом, не давал ему спуску.

Любопытен документ — письмо командования Червонного казачества, опубликованное газетой «Красная Армия» 17.XI.1928 года. Возмущаясь наглостью газетчиков-антикоммунистов, товарищи, тепло принимавшие Марселя Кашена в Проскурове, писали, что его посещение подшефной дивизии «дало повод реакционным газетам «Матэн» и «Голуа» развязать кампанию против тов. Кашена, распространив клеветническую версию, якобы тов. Кашен вступил в ряды Красной Армии и даже проходил обучение, будто он получил какой-то «чин» и т. п. Эта кампания вызвала возмущение казаков, и это еще больше укрепило их симпатии к пролетарским революционерам. По инициативе отдельных красноармейцев и командиров поступило предложение об избрании тов. Кашена почетным казаком, и это предложение казаки, естественно, встретили с воодушевлением...»

Мы удивлялись энергии нашего гостя. Обычно у хозяев имеется заранее подготовленная программа, в которой очень мало прозы и очень много парадов. Были и парады. Но Кашен душевно просил Михаила Афанасьевича Демичева, в квартире которого он жил, познакомить его с настоящей жизнью Красной Армии.

— Жизнь — это люди,— говорил Кашен.

Он подолгу расспрашивал всех нас, подолгу и подробно. Особенно его интересовали командиры полков — их жизненный путь, происхождение, заслуги, дипломы...

— Придет время,— вытирая мокрые усы, говорил гость,— и нам придется создавать свою кавалерию. Может, только для парадов, а может, и для... И чужой опыт не страхует от ошибок. Но их будет меньше...

Хозяин по настоятельной просьбе Кашена должен был ему рассказать, как он, простой наборщик, стал в империалистическую войну подпрапорщиком и как в Красной Армии двигался с самых низов до командира кавалерий-

ской дивизии, которую он возглавляет после Примакова уже восемь лет... И заседает в Центральном Комитете Компартии Украины, а также в ее центральном органе власти. Мой товарищ по перекопским боям рассказывал, а я переводил.

— Великая Французская революция,— поглаживая усы, сказал Марсель Кашен,— создала отличную кавалерию. И ее вожаки вышли тоже из народа. Мюрат. Такая же трудовая биография. А вот Наполеон, став императором Франции, сделал своего любимца неаполитанским королем... А сабли наших драгун, которые отсекали головы дворянам, стали служить буржуазии. Не трудящимся. Наша партия такого не допустит.

То же самое говорил посланец французских коммунистов и в проскуровском театре городскому и гарнизонному активу. Есть еще люди в Хмельницком, которые помнят то время, когда под высокими сводами местного театра звучали жаркие слова о братской любви и вечной дружбе. Думается, подтверждением этому явились отряды вездесущих маки (макизаров), которые на всей территории Франции не давали покоя немецким оккупантам.

Выступал с исключительной неутомимостью мудрый наш шеф и в Доме Красной Армии, и в полках, и в казачьих сотнях. И перед конным строем 4-го полка Ивана Никулина, который показал высокому гостю все тонкости строевого учения. Думаю, что боевой дух казаков возрос втрое, когда они из уст французского товарища, с которым не раз вел беседы сам Ленин, услышали, что в будущих схватках с мировой буржуазией они будут не одиноки...

Кашен впился глазами в волевое и мужественное лицо командира полка, который после учения вкратце рассказал ему свою биографию. Сын украинского батрака. Земляк Примакова. 1919 год — секретарь партийной ячейки сотни (эскадрона). Орден получил за Орловский рейд по тылам Деникина. Перекоп. Командовал сотней курдов. Китай. В Кантоне получил отряд красных жандармов. Разгромил там восстание «бумажных тигров». Теперь хочет в академию. А его не пускают...

Надо сказать, что Никулин академию закончил. И после Демичева, который принял 1-й конный корпус, возглавил 1-ю Запорожскую дивизию.

Пожимая с отеческой улыбкой руку славного рубаки, Марсель Кашен пожелал ему всяческих успехов: «Де бон шанс! Де бон шанс!»

Не обошлось, разумеется, и без конноспортивных состязаний.

Эту часть программы вел белесый, не очень-то атлетического сложения, немного картавящий командир третьего полка Николай Федоров.

Такие экзамены, если даже нет посторонних, сдаются не без волнения, а тут...

Волновался не только Федоров. На скамье зрителей, прижимая к себе уснувшего ребеночка, вместе с мужем переживала черноокая красавица. Таких, но не так уж часто, рождают степи Дона и южной части Украины.

Улыбнувшись, Марсель Кашен сказал, взглянув на малютку:

— Подрастет — тоже будет соревноваться на этих барьерах?

Но легче предсказать судьбы классов и народов, нежели предвидеть жизненный путь человека. Малыш, который в тот августовский день безмятежно спал на теплых коленях матери, действительно постиг всю сложность острого соревнования, но не с мастерами клинка и шпор...

Потомственный кузнец-путиловец Николай Федоров, попав в 1919 году в конницу, ювелир и художник своего дела, возвращал тогда лошадям утерянный ход, а его сын ныне возвращает людям зрение. Тоже ювелир и тоже художник! Медицина натренировалась заменять одни органы другими, не выходя из рамок биологии. Молодой Федоров, мудрый сын своего века, вооружился синтетикой. Он ставит человеку химический хрусталик. И не только дома. Святослава Федорова уже приглашали к себе Голландия, Англия, Франция, США...

В одном был прав Кашен — соревнования молодой Федоров не избежал. Если бы не настойчивость и вера в свою идею и в свои силы сына боевого червонного казака да не помощь добрых людей и советской прессы, не удалось бы ему сокрушить все барьеры и рвы.

И пришло признание... Газета «Правда» 17 сентября 1979 года в статье под красноречивым названием «Крылья хирурга» рассказала миллионам читателей о волшебнике Святославе Николаевиче, о сыне боевого командира из корпуса Червонного казачества, который возвращает людей в строй и тем дарит им радость...

А Марсель Кашен, услышав, что командир начал службу кузнеца в том же полку, которым теперь командует, все восклицал:

— Се врэ? Эн форжерон? Правда? Кузнец?

Особенно понравился гостю рассказ о том, как этого Федорова однажды «выставили» из полка. Боевой пролетарий-питерец, Федоров не лез за словом в карман. И даже когда перед ним стоял его начальник — командир эскадрона. А тут еще слава великолепного мастера своего дела. Что в пехоте сапожник, что в кавалерии кузнец — первое лицо для бойца. Федорова волновали не только конские копыта. Ко всему он проявлял интерес. А это не всегда нравилось его ближайшим начальникам. И пошли в ход всякие подвохи. Лишь бы избавиться от возмутителя спокойствия. Но последнее слово было за комиссаром полка. Отбросив все приемы тех, кто ради своего спокойствия готов поступиться интересами дела, он решил послать кузнеца в школу краскомов.

Прошло полгода. Сдержав слово, Федоров вернулся в полк. Красная Армия как раз гнала деникинцев к Черному морю. Хорошо проявил себя тогда молодой красном. Ходил он с красной конницей к Перекопу, к Карпатам. Полюбился он Демичеву, стал командовать сотней. Здесь Федоров также показал себя настоящим ювелиром. Приказом наркома Федоров был поставлен на полк.

Спустя два года после посещения Проскурова Марселем Кашеном Федоров уже учился в академии им. Фрунзе, в одной группе с будущим маршалом Еременко.

Учился отлично ленинградский потомственный пролетарий. И получил раньше всех своих товарищей по учебе кавалерийскую дивизию в Каменец-Подольске. О дальнейшем «послужном списке» этого советского самородка, судьбой которого живо заинтересовался тогда гость из Франции, рассказал вкратце его друг генерал армии А. В. Горбатов в замечательной книге «Годы и войны».

Среди бойцов и командиров, которые тогда слушали Марселя Кашена и восторженно встречали его в классах, на ипподроме, на учебном поле, было много незаметных товарищей, которые, пройдя боевую школу воспитания у Демичева, Никулина, Федорова, показали себя отлично на фронтах Великой Отечественной войны. Генерал-полковники Чиж, Крамар и Гусев, маршал Пересыпкин. И не только они. «Трудновоспитуемый» Федоров оказался сам отличным воспитателем. Воспитателем и боевой смены, и перворазрядной величины мастера советской окулистики.

Как-то Кашен спросил меня, где я изучал французский язык. Услышав, что в военной академии, он многозначительно улыбнулся:

— Я так и знал... Не у гувернантки.

— Почему? — спросил я.

— Потому что для разговора с вами мне нужен французский словарь...— пустил шпильку гость.

Но здесь не было вины академических педагогов и нашего чудесного старика Аниловича, на первом же уроке заявившего нам, своим слушателям, что он русского не понимает. Он нас учил правильно, учил не книжному, а живому языку. Это вина газет и литературы, с которыми приходилось чаще иметь дело, нежели с людьми. И отсутствие практики. Знаю, что из нашего выпуска богатая практика была у Чуйкова, изучавшего китайский и английский. Французский хоть немного, а пригодился в практической моей работе, а вот турецкий и арабский...

На выпускном вечере в 1927 году начальник академии Р. П. Эйдеман, напутствуя нас, сказал, что в разгорающейся борьбе порабощенных народов наши знания и боевой опыт найдут широкое применение.

Прошло ровно 27 лет. Узнав от своего адъютанта, что я в Киеве, командующий КВО, тогда еще генерал армии В. И. Чуйков позвал меня к себе. Меня пропустили к генералу. И мне, нуждавшемуся тогда в добром слове и в доброй руке, это слово было сказано и эта рука протянута...

В 1935 году мы принимали в Харькове генштабиста из Парижа Луи Легуэста. Сын фабрикантши, воздавая должное мощи и динамичности наших танковых войск, полушутливо-полусерьезно сказал:

— Вот подскажите Кашену и Торезу, чтобы они так же крепили французскую армию, как ваши коммунисты крепят Красную Армию. Мы же теперь союзники...

Наши товарищи отвечали:

— Потерпите, придет время...

В годы Сопротивления французские коммунисты показали себя. И без нашей подсказки.

Но, нет сомнения, по нашему примеру. Не зря же 1-я Запорожская, одна из лучших дивизий красной конницы, носила имя Французской компартии.

Все в мире взаимосвязано. Акция целого — есть результат сцепления акций, плюсовых и минусовых, множества людей. И то, что было сказано в критические для судеб многих народов дни, очевидно, включало в себя частицу того, за что раньше ратовал Марсель Кашен.

Тогда же, в годы Сопротивления, один из его вожаков, Шарль де Голль, сказал: «Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России...

175-миллионный народ достоин называться великим, потому что он умеет сражаться... Его успехи приближают Францию к ее желанной цели — к свободе и отмщению».

Да, величайшие победы Советских Вооруженных Сил помогли возродиться не только Франции...

О свободе Франции мечтал тогда и наш знаменитый гость — соратник Ленина, крепко державший в своих надежных руках светлый стяг французских коммунаров, великий и мудрый француз Марсель Кашен.

МУЖИЦКИЙ ГЕНЕРАЛ

(НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КРОПИВЯНСКИЙ)

О недаремно йшли вони в кривавий дим,
У пурпурову піну!
Квітуча, гомінка, склади подяку їм,
Радянська Україно!

М. Рильський

Это слово о человеке, который в дни жестокого террора немецких оккупантов и их гетманских прихвостней по воле большевистской партии стал во главе разгневанной до предела мужицкой рати Черниговщины и Полтавщины.

На реплику своего друга по революционной борьбе в царских окопах, с которым Н. Г. Кропивянский встретился случайно на Козельщинской ярмарке в июле 1918 года: «Да ты настоящий мужик-бедняк, а не высокий чин царской армии», тот «высокий чин» ответил:

— Я и есть мужик, но к тому же мужицкий генерал...

Профессор Ф. В. Попов в своей книге «Рассказ о незабываемом» сообщает: «Он был в рваной домотканой рубахе, босой, в дырявом брыле. Лицо, руки и ноги были покрыты пылью и засохшей грязью... Сам мужик, покрикивающий сонным голосом на конягу, был олицетворением вековой сыромяжной и голодной Руси...»

А тот босой мужик в рваной рубахе как раз на своей убогой коняге сквозь строгие караулы и заставы немецких комендатур и гетманской державной варты следовал в прилегающие к Черниговщине леса Полтавщины, чтобы там вместе со своим другом по царским окопам, бывшим прапорщиком Дмитрием Шмидтом, разработать план предстоящих антинемецких акций.

Тех самых акций, о которых спустя много лет в «Очерках истории Коммунистической партии Украины» будет сказано: «Большой размах приобрело восстание на Черниговщине, организованное в начале августа губкомом КП(б)У и губревкомом. Повстанцы под командованием Н. Г. Кропивянского начали наступление на Нежин и освободили ряд населенных пунктов Нежинского уезда...»

Поспешно подтянув к Нежину свою лютую солдатню из Киева, Чернигова, Бахмача, оккупанты и гетманцы быстро подавили это первое вооруженное восстание придушенного, но не покоренного народа. Но весьма значителен был его резонанс. Если до того довольно внушительные гарнизоны интервентов лишь чувствовали немое сопротивление трудовой Украины, то отныне им нигде и никогда не было покоя. Всюду им мерещились бомбы партизан и обрезы повстанцев. С каждым днем усиливалось разложение кайзеровских солдат... Куда с большим респектом стали вчитываться они в большевистские листовки... Появились первые перебежчики из немецкой инфантерии.

И уже стала формироваться в нейтральной зоне под командой Примакова первая сабельная сотня из бывших кирасир кайзера Вильгельма и из бывших гусар цесаря Франца-Иосифа...

Надо полагать, что тот мужицкий генерал не мог и подумать тогда, в столпотворении Козельщинской ярмарки, об ощутимых последствиях первого подвига его воистину мужицкой рати. Хотя и не было в ту многосложную пору однозначной оценки мужественной акции черниговских повстанцев, но после нее процесс созревания всеобщего антинемецкого шквала пошел ускоренным ходом.

Уже в июле 1918 года Ленин отмечал: «Положение немцев на Украине очень тяжелое... Крестьяне вооружаются и большими группами нападают на немецких солдат... Это движение разрастается...»

Вступив в ряды большевиков зимой 1917 года, еще до свержения царизма, царский подполковник Николай Кропивянский по воле партии исподволь готовился к ответственной роли на военном поприще.

И в ряды большевиков он пришел не безвестным царским чинодралом, а боевым заслуженным вожаком солдатских масс, горячо ими любимым; его высоко ценил и царский генералитет. Решающие атаки немецких позиций поручались батальону Кропивянского. Но... когда увешанный царскими орденами подполковник одним из первых приветствовал падение царского трона и тем выз-

вал бурю восторга у окопных солдат, отношение начальства к нему резко изменилось.

Высокопоставленный генерал из штаба 7-й армии начертал собственноручно на документе о представлении подполковника к очередному званию: «Так как офицер Кропивянский принадлежит к партии, не признающей никаких чинов и званий, чина полковника ему не присваивать».

И все же... Не только повстанцы Черниговщины и Полтавщины, но и высшие советские руководители называли его, пусть и неофициально, «красным полковником». Так нередко его величали и классовые враги. Хотя среди таковых он значился и по-иному...

19 августа 1918 года майор Готт от имени нежинской германской комендатуры объявил: «За поимку предводителя банд Кропивянского назначается награда в размере 50 000 рублей. Награда в размере 5000 рублей, назначенная 13 сего августа, в силу этого отпадает».

Таким образом, немецкий майор оценил Кропивянского куда выше, нежели тот высокопоставленный чин из штаба 7-й армии...

Ленин, которому был доставлен один экземпляр того красноречивого «воззвания» герра Готта, сказал: «Сохранить для истории».

После Февральской революции, в бурные месяцы 1917 года, когда окопная солдатская масса встала под ленинское знамя, господа винниченки и иже с ними делали дьявольские усилия, чтобы таких боевиков из офицерской среды, как Кропивянский, перетянуть в стан «самостийников». Шутка сказать — полный георгиевский кавалер, кумир солдатской массы, столбовой хлебороб, потомок реестровых казаков.

А этот железной воли потомок запорожских рубак, непоколебимо следуя линии своей партии, читал солдатам 74-го Ставропольского полка огненные строки из воззвания Совнаркома РСФСР, ВЦИКа и ЦК партии: «Украинский рабочий, украинский крестьянин и русский рабочий, русский крестьянин — родные братья. А украинский крестьянин и украинский помещик — враги не на жизнь, а на смерть».

И неудивительно, что Временное правительство Керенского, подготовившее почву для контрреволюционного мятежа Корнилова, таких, как Кропивянский, как этот будущий мужицкий генерал, стало бросать в каталажки.

Угодил в тюрьму и славный фронтовой штаб-офицер, любимец солдатской массы.

Но гнев народный смел с пути и генерала Корнилова, и временного правителя Российской империи Керенского. Широко раскрылись двери тюрьмы, освободив мужественных узников.

Еще долго после победы Великого Октября подспудные и неподспудные силы на берегах Невы и на фронте вынашивали планы разгрома молодой, еще не окрепшей Советской власти. Но не дремали и настоящие окопники.

Уже сорок дней во главе социалистической державы стоял Ленин, победила власть рабочих и крестьян. Уже ленинские декреты о мире и о земле до предела накалили многострадальную солдатскую массу — этих одетых в серые шинели хлебопашцев и мастеровых. А на территории Каменец-Подольщины командование 12-го армейского корпуса втайне замышляло срыв Чрезвычайного корпусного съезда и арест его вожаков.

Активный участник тех событий профессор Ф. В. Попов пишет в книге «Рассказ о незабываемом»:

«Они уже заготовили, наверное, для нас смертный приговор. Н. Г. Кропивянский волновался и нервничал, наблюдая, как контрреволюция готовится осуществить свои черные дела...»

Националистическая Центральная рада, не полагаясь больше на магию лживых лозунгов, прибегла к террору. А когда на том корпусном съезде красочно разодетый под Тараса Бульбу эмиссар Петлюры и Винниченко пан Степура, жонглируя националистическими лозунгами, попытался разорвать единый фронт солдатской массы, большевики огласили «разъяснительные» циркуляры Центральной рады, которые раскрывали всю лживость ее обещаний.

Чрезвычайному корпусному съезду зачитали выдержку из речи Ленина на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября 1917 года, в которой выражено его отношение к коренным вопросам социалистической революции на Украине: «Мы скажем украинцам: как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии».

Ф. П. Попов вспоминает:

«Вспыхнула бурная овация в честь Ленина... И в это время вихрем ворвался на сцену Кропивянский. С красным знаменем в руках он крикнул: «Октябрьская рево-

люция победила сегодня и в нашем корпусе. Штаб корпуса окружен большевистскими 74-м и 75-м полками... Генерал Аджиев и комиссар Петлюры Степура, пытавшиеся бежать, арестованы... Да здравствует Ленин! Да здравствует партия большевиков! Долой войну, долой капиталистов и помещиков!» Тут вспыхнула буря ликования и восторга. Только на третий день закончился Чрезвычайный съезд. Председателем нового Военно-революционного комитета избрали меня. Командиром корпуса был избран большевик Н. Г. Кропивянский».

Подготовленные генералом Аджиевым и его единомышленником Степурой ударные батальоны контрреволюционеров и крикливые курени «самостийников» не устояли против натиска двух пехотных полков, которые души не чаяли в человеке, олицетворявшем одновременно отвагу легендарного фронтовика и гражданскую доблесть большевика-ленинца.

Вот такова была роль будущего советского начдива в исторических событиях на фронте зимой 1917 года. Их последствия трудно переоценить. Вслед за 12-м армейским корпусом повернули, твердо повернули на революционный путь и прочие фронтовые соединения 7-й армии. Это и сковало намертво те националистические силы, которые «самостийники» планировали бросить на Киев, где развертывалась решительная борьба за новую власть.

Мало того — костяк боевых сил 7-й армии ранней весной 1918 года внес свою значительную лепту в вооруженную борьбу за столицу Украины.

«Революционный авангард 7-й армии — 2-й гвардейский корпус, 2-я финляндская дивизия, 5-й кавалерийский корпус, отдельные части 19-й и 21-й дивизий, заняв подступы к Киеву, помогли революционным отрядам занять Киев и после пятидневного боя разогнали войска Центральной рады... Советская власть упрочивается в Киеве и на всей Украине...» (телеграмма комиссара Юго-Западного фронта Кузьмина).

События осени и зимы 1917 года сменились не менее значительными и потрясающими событиями лета следующего года. Крепкого революционным и боевым опытом «красного полковника» партия направляет на родную Черниговщину, чтобы он там возглавил бурно нараставшее повстанчество.

Видный советский государственный и партийный деятель А. С. Бубнов вспоминал: «Товарищ Кропивянский, на подлом языке германской комендатуры именовавшийся

«предводителем банд», в течение более чем двух месяцев стоял во главе военного штаба района Черниговской и Полтавской губерний...»

Благодаря своему колоссальному авторитету не только партийца, но и боевого офицера Кропивянскому удалось привлечь на сторону повстанцев около 20 офицеров и более 200 унтеров. За большевиками на первых порах пошли в основном прапорщики: Дубовой, Щорс, Петриковский-Петренко... Потом примкнули и некоторые полковники, генералы.

Красноречиво говорят о высоком классе Кропивянского-руководителя выдержки из его боевых приказов той нелегкой поры: «Каждая организация волости должна дать роту военного времени, а уезд — полк...» И еще: «Всякая распущенность командного состава, его халатность, небрежное отношение к делу, к военному хозяйству... будут жестоко караться...» И еще: «С врагами народа мы должны решительно расправиться, но всюду нами должен руководить разум...» И еще: «Соглашения с буржуазными и соглашательскими партиями не должно быть, так как это преступно и безумно и никогда не даст хороших результатов» (Сб. «Этапы большого пути»).

В «Очерках истории Коммунистической партии Украины» читаем:

«В сентябре большевики Украины начали формировать из партизанских отрядов, вышедших в нейтральную зону, две повстанческие дивизии, сыгравшие значительную роль в освобождении Украины...»

Славное боевое соединение — Первую повстанческую дивизию (потом 44-я стрелковая дивизия Красной Армии) создавал по заданию партии Н. Г. Кропивянский. И повел ее в бой против немецких интервентов и гетманско-петлюровских куреней и кошей «красный полковник», в ходе многочисленных боев и сражений со злейшими врагами молодой Советской власти выросший в настоящего пролетарского генерала.

В декабре 1918 года на посту начдива его сменил товарищ Локотош.

Если в Великую Отечественную войну прославленные партизанские вожаки широко пользовались прошлым опытом таких пионеров партизанства и повстанчества, как Кропивянский, то этому самородку, этому народному таланту, хотя и знавшему кое-что из прошлого опыта Дениса Давыдова и Сеславина, довелось самому находить лучшие способы и формулы партизанской борьбы с коварным

и злобным до предела врагом, каким была закаленная длительными и тяжелыми боями под Верденом инфантерия кайзера Вильгельма. И все же победила плохо вооруженная и скудно оснащенная, но осененная знаменем Ленина мужицкая рать Кропивянского, Петриковского, Боженко, Локотоша, Щорса, Барабаша, Примакова.

Все они, славные сыны трудовой Украины, помнили мудрые слова большевиков: «Украинский рабочий, украинский крестьянин и русский рабочий, русский крестьянин — родные братья...» Еще с детства в их мужественных сердцах жили светлые и пророческие слова героев Гоголя: «Любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек».

Из этого свойственного лишь человеку начала под влиянием бессмертных ленинских идей выросла та титаническая сила, которая двигала воинами молодой Республики в боях против белогвардейщины, а потом, спустя четверть века, их сыновьями и внуками в схватках не на жизнь, а на смерть со злейшим врагом человечества — фашизмом. Сила эта — дружба народов и пролетарский интернационализм.

Это хорошо понимал убежденный большевик, бывший царский подполковник, который в боях против деникинских полчищ в 1919 году возглавлял созданную им же на Черниговщине 60-ю стрелковую дивизию из 12-ти полков, а в жарких боях с захватчиками пана Пилсудского в 1920 году — 47-ю стрелковую дивизию, а затем, по выбору Дзержинского, стал начальником тыла 12-й армии. Воин и деятель ленинской партии, который всюду и всегда «руководствовался разумом»...

В мирное время Кропивянский ряд лет служил в Главном управлении Пограничных войск Советского Союза.

В яркой зеленой фуражке советского пограничника я его и запомнил, когда летом 1927 года он вместе со своим окопным другом и товарищем по партизанству 1918 года, а затем командиром 2-й Черниговской дивизии Червонного казачества Дмитрием Аркадьевичем Шмидтом явился в «Лесное», общежитие академии имени Фрунзе, ко мне в гости. Мы тогда совершили по тем архипуританским временам, правда, не такой уже греховный, но все же «аморальный» поступок — ради доброй встречи осушили втроем принесенные ими же две бутылки баварского черного пива...

Беспощадное время уносит в иной мир не только рядовых борцов, но и легендарных героев. Но не в силах оно отодвинуть в небытие их бессмертные подвиги. Живут в памяти народной ратные и трудовые подвиги и Николая Григорьевича Кропивянского, в тяжкие дни испытаний народных ставшего под светлые ленинские знамена, чтобы в решающих схватках со злейшими врагами трудового народа в качестве мужицкого генерала возглавить боевые соединения — доподлинно народную рать.

И СТАЛЬ И МОРАЛЬ

(МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТУХАЧЕВСКИЙ)

1. П лемика — хлеб науки

В Слуцке, на разборе учения, мы слушали М. Н. Тухачевского. Слушали и не сводили глаз с его мужественного, с классическими чертами, волевого лица.

Съехались летом 1925 года со всех концов Белоруссии все наши группы со своими руководителями. Особенно много было конармейцев — комбригов и начдивов: Рябышев, Сердич, Хрулев, Медников, Селиванов, Рудчук, Голубовский, Терещенко, Щелоков, Злобин, Тарновский-Терлецкий. В войне с фашистами многим из них пригодилось то, чему тогда нас учили, чему наставляли все наши академические светила — Вацетис, Тухачевский, Зайончковский, Свечин, Верховский, Карбышев, Эйдеман.

Был среди нас и Эйно Рахья. Рыжеватый, с большой лысиной, чуть сутулый при своем небольшом росте, с вечной трубкой в зубах, Рахья пользовался всеобщим уважением не только из-за своих трех ромбов. Все знали о его близости к Ленину в критические предоктябрьские дни.

Особой популярностью пользовался слушатель основного факультета А. И. Тодорский.

Михаил Николаевич, отметив успехи «победителей» и ошибки «побежденных», очень хорошо и красочно говорил о последних боях на Западном фронте, о новом оружии, которое сломило жестокое сопротивление немцев у Камбре. Шутка сказать, почти четыре сотни боевых машин! Он говорил о нашей бедности, которая не позволяет пока дать войскам хороший боевой танк, о превосходстве в этом отношении Запада. И о превосходстве нашего бойца.

Вот бы лишь «растянуть передышку, а там посмотрим, чья возьмет. Если нашему бойцу да еще дать хороший танк и хороший самолет-истребитель...».

На том разборе в Слуцке, отмечая поспешность, с которой начальник одной из сторон пустил в ход свою конницу, и его многословие по части прошлых заслуг, наш главный руководитель сказал:

— Верно, кавалерия стала нашим ударным средством. Да, гуси спасли Рим. Но правда и то, что у римлян, кроме гусей, было немало боевых легионов... Кстати, о коннице. Это очень деликатный инструмент. Его нельзя пускать в ход ни слишком рано, ни слишком поздно. Чтобы им пользоваться, надо иметь и знание и чутье. Этого чутья, кстати, не было у римского полководца Помпея. В Фессальской битве он понадеялся на превосходство своей кавалерии и сразу бросил ее на правый фланг противника. А Цезарь, против обычного, за счет когорт третьей линии создал четвертую, которая и сорвала планы Помпея. Бегство конницы деморализовало пешие колонны, и Цезарь своими двадцатью семью тысячами воинов разбил сорок пять тысяч врага. Помпей потерял армию, а с ней власть в Римской империи. Как водится в таких случаях — и друзей, а вскоре и жизнь...

При абсолютнейшей тишине наш талантливый стратег продолжал:

— Но и судьба Цезаря висела тогда на волоске. Зная это, он сам повел в бой свой ударный кулак — десятый легион. Еще он имел обыкновение перед битвой слезать с коня и тут же спешивать своих полководцев, чтобы при одинаковой для всех опасности отрезать всякие надежды на бегство. Да, дело полководца посылать войска в бой, не водить в атаку, но... Вспомним это: седьмого июня тысяча девятьсот девятнадцатого года в решающий момент сам Михаил Васильевич Фрунзе в боях за переправу через реку Белую повел в атаку свой любимый полк — иваново-вознесенцев.

И еще я вам скажу, дорогие друзья, мы не можем пренебрегать опытом истории. Тот же Юлий Цезарь говорит, что полководец воюет не только мечом, но и умом. Постигайте не только искусство создавать «Канны», но и искусство избегать «Канн»... На войне второе нужно не менее первого. Тут уж прошу поверить моему личному опыту. Я имею в виду поход к Висле... И советую всем вам, конникам и не конникам, хорошенько вчитаться в замеча-

тельную книгу немецкого военного мыслителя фон Шлиффена «Канны»...

Тухачевский, переведя дыхание, продолжал:

— Перед угрозой «Канн», то есть полного разгрома, слово политрука идет вровень и даже превосходит команду ротного командира. Будущая война — это единоборство стратегических, экономических, политических, дипломатических, идеологических концепций. Боритесь за хороших помощников и еще больше за боевого политрука, потому что побеждает *не только сталь, но и мораль...*

Вот эти меткие слова о стали и морали, сказанные Тухачевским в 1925 году в Слуцке, вполне перекликаются с тем, что им писалось на страницах «Военного вестника» четырьмя годами раньше (1921, № 7): «Только политическая зрелость может внушить красноармейцу волю к победе, решительность, выносливость, без чего ни строевая, ни техническая подготовка не может быть ему понятна».

— Удачный бой делает вас хозяином пункта, удачная операция — хозяином пространства. Но любая операция складывается из ряда боев, как любая кампания из ряда операций. И себе, товарищи, знайте цену. Комиссар комиссаром, а и вы должны уметь вести за собой людей. Как? По закону водонапорной башни. Не улыбайтесь, я не оговорился. Лишь поднятая на большую высоту и в большом количестве вода может струиться из любого крана. Так и с идеями. Хочешь вести за собой массу, возвысься над ней своим грузом интеллекта, эрудиции, человечности, ленинской нравственности. Далеко не уведешь людей, превышая их лишь мощью голосовых связок, правом принуждения, обилием благ и служебных преимуществ. Помните слова товарища Фрунзе: «Надо обходиться без привилегий, не вызываемых потребностями службы...»

Все мы с должным вниманием прислушивались к словам того, кто вел советские полки на восток против Колчака, на запад — против пана Пилсудского.

— И на Западе офицер стремится овладеть массами, вести их за собой. Он учит. Но там, просвещая солдата, его оболванивают. Учат и в то же время устрашают. И еще скажу: к разуму обращаются со словами убеждения, к инстинкту — со словами устрашения. Через разум людей просвещают, через инстинкт — дрессируют. Мы против муштры...

Выбор места и времени боя — тоже великое искусство. Ради главного умейте приносить в жертву второстепенное.

Сегодня думайте о завтрашнем дне. Много сил надо для удара, а еще больше — для развития и закрепления успеха. Крепка «наука побеждать» Суворова, но помните о ключах к победе, оставленных нам Лениным; это презрение к смерти... Нападение, а не защита... Эту ленинскую науку побеждать надо изучать денно и нощно, днесь и всяк день, сугубо памятуя слова Ленина: «От всякого нашествия мы всегда на волоске...»

Спустя десять лет (ноябрь 1935) газета «Правда» напишет о Тухачевском незабываемые слова: «Он отогнал белопольную армию до самых ворот Варшавы, к ужасу и отчаянию надменного польского маршала, к почтительному восхищению европейских военных светил...»

После разбора учения был ужин. Без водки и вина, как и водилось в ту пору, но с пивом. Пели, балагурили, веселились. Подстрекаемый товарищем по учебе, грузинским начдивом Петре Агниашвили, я набросал колкие стишки, поддевавшие многих, в том числе и нашего главного руководителя.

Смеялись все, смеялся и Тухачевский.

Величественным, не совсем пуританским жестом, но не задевавшим человеческое достоинство, он подозвал меня.

— Я не против смеха. Но другой ваш жанр мне больше по вкусу.

— Какой? — спросил я. И подумал: начинается...

— Это ваш труд мы дали в последнем номере журнала «Война и революция»? — обворожительно улыбаясь, продолжал Михаил Николаевич.— Рядом со статьей Триандафиллова?

— Аз грешен!

— Читал! Вы не шумите, что конница спасла Рим... Но вы впадаете в иную крайность. Раздавались голоса против вас. А я сказал: печатать. Нам нужна и полемика... Полемика — хлеб науки. Повторяю: мне по душе этот жанр.

«Нам нужна и полемика...» Вспомнился древнегреческий автор. «Жизнеописания» Плутарха. Там он писал: «Перикл и Фабий Максим были чрезвычайно полезны своему отечеству... способностью переносить ошибочные суждения народа и товарищей по должности».

Мы все не сводили глаз с нашего мудрого наставника. Слушали его в «четыре уха». И не только те, кто только-только набирался житейского и оперативного опыта. Были среди слушателей и пожилые товарищи. Те, кто на полях гражданской войны водил в бой не только полки, бригады, но и дивизии, равняющиеся нынешним корпусам (по

10—12 полков одной лишь пехоты). Не только в тембре голоса, но и во внешности Михаила Николаевича было то, что гипнотизировало слушателей. Хорошо сказал о нем А. И. Тодорский в книге «Маршал Тухачевский».

Полемики — хлеба науки — в ту пору было предостаточно. Наши мыслители и практики спорили на страницах журналов и газет с военными теоретиками Запада. Полемизировали друг с другом. Лишь недавно закончились войны, определившие на десятилетия, а может, и на века судьбы народов, государств, классов. Это — первая схватка мировых держав, гражданская война в России, освободительная борьба турецкого народа. Еще гремели выстрелы в горах Кабилии, вызвавшие интересные очерки М. В. Фрунзе о перспективах борьбы марокканского народа за свою свободу.

Обсуждались ошибки и удачи Фоша и Людендорфа, Пилсудского и Тухачевского, Кемаля и Трикуписа. Да и наша полевая поездка явилась следствием живой полемики на страницах военной печати, так как практикой проверялось то, о чем спорили меж собой в целях достижения истины Тухачевский, Свечин, Уборевич, Триандафиллов, Якир, Примаков.

Чтобы расширить кругозор военных кадров и дать им пищу для размышлений, по указанию начпура Бубнова Военное издательство выпустило ряд интересных работ. И даже наш очень примечательный товарищ Николай Криворучко, легендарный котовец, который, кроме «Аники-воина», ничего не прочел, засел за «Канны» Шлиффена, «Военные вопросы» Энгельса, «Историю военного искусства» Дельбрука и за критические труды Франца Меринга.

Конница тогда еще считалась ударной силой Красной Армии, да она на полях гражданской войны и показала себя таковой под водительством Буденного, Примакова, Каширина, Котовского, Гая, Думенко, Жлобы, а на просторах Анатолии — под командованием Фахреддин-паши. О коннице вышли хорошие книжки больших ее знатоков — Баторского, Готовского, Свешникова, Микулина. Дали кавалеристам и книгу немецкого автора Бернгарди.

Кавалеристам давали новые книги, а коннице — новых кавалеристов. Незадолго до того, как я, отправляясь на учебу, покинул бригаду, в Изяслав прибыло несколько выпускников Симферопольской и Елисаветградской (потом Кировоградской) кавалерийских школ. По возрасту

почти мои ровесники, очень подтянутые, очень грамотные, очень старательные, они стали заменять на взводах боевых, но малограмотных ветеранов гражданской войны.

Не без глубокого умысла Фрунзе направил героя советской конницы Примакова в Высшую кавшколу в Ленинграде и его помощника Туровского, — в военную школу там же (ту, в которой учился Лермонтов).

Многие из нас знали крылатые слова: «Каждый солдат носит в своем ранце жезл маршала». Без сомнения, новички начали свою работу в полках, окрыленные высокими мечтами, но они (и меньше всего мы) не думали тогда, что именно им придется взвалить на свои плечи всю полководческую тяжесть в жестокой борьбе с фашистским нашествием.

В звании полковников, генералов и даже маршалов они закончили Великую Отечественную войну. До недавнего времени в родной Осетии проживал боевой генерал-лейтенант Леонид Сланов, прибывший вместе со своим закадычным другом Сергеем Худяковым в 1923 году в Изяслав. Худяков в ходе войны стал маршалом авиации, громил он не только немецких фашистов, но и японских самураев.

Шапошников заканчивал тогда свой капитальный труд о генеральных штабах «Мозг армии». Подведя итог бурным дебатам, в которых горячие головы пытались установить виновника наших поражений на западе, Триандафиллов опубликовал летом 1925 года свой солидный труд о советско-польской кампании. Он дал в нем отповедь горячим головам, стремившимся взвалить всю вину то на Тухачевского, то на Каменева, то на Егорова. Отповедь была адресована и самодовольному автору книги «Чудо на Висле» — пану Пилсудскому.

Триандафиллов, не изменяя истине, подверг деловой критике действия своего друга Тухачевского.

Более резко обошелся с командующим Западным фронтом профессор Владимир Меликов в его солидном произведении, переизданном в ряде западных стран: «Марна, Висла, Смирна».

Меликов был не только профессором Военной академии. Недавно еще ее слушатель, краснознаменец, он многие годы сотрудничал с Марией Ильиничной Ульяновой, курируя в «Правде» военный отдел.

Франц Меринг много места отводит в своем труде спорам о методах войн «на истощение» Фридриха и войн Наполеона «на уничтожение». Велась тогда полемика и у нас. Сторонники войны на «сокрушение» выступали

против сторонников войны «на измор». Тухачевский считался горячим сторонником решительных действий...

В 1933 году в санатории имени Фабрициуса в Сочи Меликов сказал мне, что у него, особенно из-за его книги, начинают портиться отношения с замнаркома Тухачевским. Их точки зрения по ряду коренных вопросов не совпадают.

А речь шла о схватке с мощной силой. Войны еще нет, но настоящая стратегия учит открывать военные действия задолго до того, как загремят пушки...

Пришли на ум слова Михаила Николаевича, с которыми он обратился много лет назад к нам, выпускникам Военной академии имени Фрунзе: «Не «молчуны» — молодая гвардия Наполеона, а «ворчуны» — старая императорская гвардия — были с ним до конца, до самого последнего выстрела...»

Уверен, что и теории Меликова не были порочными. Но если судьям дано право судить, то никто не может отнять право у граждан осуждать. Надо осуждать Меликова за то, что он своим авторитетом не поддержал Тухачевского, а шел ему наперерез. Прав оказался Тухачевский — все действия против гитлеровской коалиции, и не только тогда, когда советские войска неудержимо наступали на запад, но и тогда, когда откатывались на восток, были неистовой войной всего советского народа на решительное сокрушение врага.

2. «Наместник» Котовского

Из Слуцка возвращались все вместе. На перроне вокзала собрались наши выпускники вместе со своими руководителями групп. У Тухачевского был свой вагон. Он пригласил ехать с ним Вацетиса. Ведь под началом Иоакима Иоакимовича, когда он командовал Восточным фронтом, Тухачевский в роли командарма впервые обнаружил свой талант крупного военачальника. Не обошел Михаил Николаевич и многих наших товарищей, в том числе и Николая Криворучко, прибывшего на учебу в должности командира дивизии и возвращавшегося с учебы в Житомир с тремя ромбами командира корпуса. В вагон Тухачевского пригласили и Крутова, такого же мощного склада, как и Криворучко, с очень умным и добрым лицом. После учебы он получил высокое назначение — стал начальником Главного артиллерийского управления Красной Армии.

Поезд опаздывал на полчаса. Крутов, лукаво улыбнувшись, обратился к Тухачевскому:

— А помните, Михаил Николаевич, визит к фон Секту?

— Еще бы! — ответил, улыбнувшись, наш главный руководитель.— Вы, Георгий Максимович, о немецкой пунктуальности?

— Понимаете,— продолжал Крутов, обращаясь уже ко всем нам,— пригласили нас к Секту на обед. Это когда наша военная делегация ездила в Германию. Звоним в парадном. Выходит адъютант. Весь в струнку. Поправил пенсне. Осмотрел нас. Вынул часы. Положил их на ладонь левой руки. Положил и ждет. Ждет он, ждем и мы. Прошло некоторое время, и лишь после этого мы услышали «битте». А получилось так, что мы позвонили за две минуты до назначенного времени...

— Не скажите,— вступил в разговор Криворучко.— Вот ездил я хоронить товарища Котовского. На что там несчастный Тульчин, так и там поезда ходят как часы...

— Хочу знать, Николай Николаевич,— доставая из портсигара Крутова папиросу, спросил Тухачевский,— этот подлец Майорчик в самом деле давний друг покойного Котовского?

Криворучко положил свою огромную руку на грудь, закрыв ею и два боевых ордена, и значок депутата ВУЦИКа.

— Какой там друг! Когда было подполье в Одессе, то Майорчик прятал Котовского от сыщиков в своем заведении, а как взяли верх наши, тот духанщик притулился до Котовского. Говорят, адъютант. Где там? Был за старшего куда пошлют...

— Так за что же он его убил? — спросил якировский комбриг, казавшийся рядом с Гулливером Криворучко лилипутом из сказки Свифта.— Что, сигуранца подкупила?

— Сигуранца — то разговоры,— плюнул в сторону гигант кавалерист.— Знаешь, Савченко, поговорку: метил в ворону, а угодил в орла...

После короткой паузы, никем не нарушаемой, Криворучко заключил свой рассказ весьма прозаической и необычной фразой:

— А теперь я наместник Котовского...

«Наместником» он оказался на редкость удачным: возглавлял 2-й конный корпус имени Котовского двенадцать лет. Большой грамотой он не отличался, но его при-

родной смекалки хватило бы на троих. А как верили и как любили его бойцы!

— Что ж, Николай,— похлопал его по плечу Крутов,— желаем тебе удачи!

— И тебе! — ответил «наместник» Котовского.

Да, удача до определенного времени сопутствовала и этому нашему выпускнику. В Главном артиллерийском управлении Г. М. Крутов находился недолго. Вскоре его, большого знатока Сибири, перевели в Хабаровск, где он много лет возглавлял Дальневосточный крайисполком.

* * *

Нашествие, о котором предупреждал советских людей Ленин и о котором нам в Слуцке после полевой поездки напомнил Тухачевский, осуществилось. Спустя шестнадцать лет. Но поднявший против советского народа меч от меча и погиб. Гитлер обещал загнать нас за Урал, а советский народ загнал его в землю.

У индейцев о разгроме врага свидетельствовало количество сорванных скальпов, у древних азиатов — посаженные на копья головы, у хунхузов — связки отрубленных ушей. У цивилизованных народов символом победы служили захваченные у противника боевые знамена. Чем большим было количество этих чужих военных реликвий, тем значительнее считался триумф победителя.

Два года назад я побывал в Музее Советской Армии. Моим глазам представилась потрясающая картина захваченных у врага фашистских знамен, которые победно и долго развевались над полями и городами почти всей Европы и очень недолго над частью советской земли. Эти вышибленные из рук захватчиков «реликвии» лучше всего свидетельствуют о великом подвиге советских людей.

В тот же самый день на Арбате в антикварном магазине я увидел выставленное на продажу небольшое полотно.

Художник с выразительной яркостью изобразил самодовольного морячка в форме гусара и его неотесанную даму. Грозный кавалер, по мысли художника — пуп земли, повелевает, а перепуганная насмерть хозяйка ателье подает капризной покупательнице одну шикарную шляпу за другой. Причем сразу видно, что покупательница не из тех, кто «с офицерьем сперва ходила, с солдатьем потом пошла». Это трудовая особа — не то работница, не то кухарка. Издевательская кисть мастера не вывела на полотне его названия, но оно напрашивалось само собой — «Из хамов в паны»...

Но этот матросик и его спутница, нет сомнения, именно они, громили Деникина под Орлом, Колчака на Волге, Врангеля на Перекопе. Они-то, уже вместе со своими сыновьями, вышибли из лап фашистов и доставили в Музей Советской Армии их пиратские знамена.

Ту картину не отдал бы я в чужие салоны. Пусть бы она заняла видное место на столичных вернисажах, вещественно, кистью врага свидетельствуя, что век минувший, не уступая дороги веку нынешнему, стрелял в него не только свинцом...

3. Завет Ганнибала

В греческой фаланге, в римском легионе и в наемных отрядах средневековья действовал закон локтевого сцепления, закон «веника», который остается таковым, пока его отдельные прутья намертво связаны в один пучок.

У нас все решал человек, советский человек, ударная сила которого удесятерялась той энергией идейного сцепления, которая неизменно действовала в каждом звене, в каждом батальоне, в любой советской дивизии и в любой армии.

Она вела в бой и тех блоковских «двенадцать». Эта великая чудодейственная ленинская сила привела к победе и «железный поток», красочно изображенный Серафимовичем.

«Сознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу». Вот это, отмеченное Лениным, «сознание массами целей и причин войны» и представляло ту неодолимую силу идейного сцепления, которая действовала и в годы гражданской войны, и у Халхин-Гола, на подступах к линии Маннергейма, в окопах Сталинграда и во время решающего штурма укреплений Берлина.

Ленин сказал: «Побеждает... тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще...»

Это подтвердилось позже, спустя четверть века, когда Советская страна, создав за годы пятилеток мощные *источники сил,* лишь во время берлинской операции сумела двинуть против фашистов свой «железный поток» из 2 000 000 солдат, около 42 000 орудий и минометов, свыше 6300 танков, 8400 самолетов, 1000 прожекторов.

Народ помнит витязей Перекопа, Каховки, Сталинграда и Курской дуги. «Осталась последняя граната, но жи-

вым не дамся»,— писал на стенах брестских казематов их защитник москвич Иванов. На пятый день войны вошел в бессмертие русский воин капитан Гастелло. Потом мир услышал о русской девушке Зое Космодемьянской, об украинском витязе подполья Олеге Кошевом. Александр Матросов в битве с фашистами на западе и Николай Вилков в схватках с японскими самураями на востоке ради победы своих товарищей сознательно пошли на пулеметные амбразуры врага...

Сбылось пророчество Энгельса, который говорил, что солдат социалистической армии будет защищать «действительное отечество, действительный очаг... с воодушевлением, со стойкостью, с храбростью...».

Те двенадцать с ружьецами, о которых ярче яркого писало перо Блока...

Тот железный поток, коему посвятил свои вдохновенные строки Серафимович...

То несметное число «железных потоков», в которых в тяжкую для страны годину живые взяли верх над мертвыми, о чем свидетельствуют и красный флаг над рейхстагом, и правдивое перо советских литераторов.

Те Кожухи, Серпилины, Клочковы, Хаецкие и бессмертные Василии Теркины всех наших праведных войн против неправедных нашествий — все они отмечают самые героические вехи полувековой жизни Советских Вооруженных Сил.

А теперь — черед человека с ракетой, пришедшего на смену человеку с ружьем.

* * *

В жестокой схватке двух мировых хищников древности победил Рим. Высокой культуры государство Карфаген исчезло навеки. Но слава карфагенского полководца Ганнибала, названного Францем Мерингом «беспримерным в истории военным гением», в течение многих лет державшего за горло Римскую империю, не померкнет никогда.

Это он, высадившись в Испании и перейдя Пиренеи, у небольшого селения Канны осуществил классическую операцию по двойному охвату боевого построения противника и одним сражением разгромил непобедимые легионы грозного Рима.

Фон Шлиффен, наследник хваткого Мольтке, возглавляя много лет немецкий генеральный штаб, практической

своей деятельностью и своим капитальным исследованием «Канны», о котором нам говорил в Слуцке Тухачевский, всячески превозносил талант Ганнибала и натаскивал свой генералитет на искусство двойного охвата.

На «Каннах» фон Шлиффена воспитывалось несколько поколений немецких военачальников. В самом начале первой мировой войны они из кожи лезли, решившись даже на нарушение бельгийского нейтралитета, чтобы создать французам сокрушительные «Канны». Но все закончилось грандиозной битвой на Марне без ганнибаловых клещей...

Несколько «микроканн» гитлеровцам удалось осуществить в первые недели войны под Уманью, Переяславом, на путях к Смоленску. Это толкнуло гитлеровского генерала Гальдера, не знавшего украинской поговорки: «Не кажи гоп, поки не перескочиш», написать: «Кампания в России выиграна в течение 14 дней». А вот «Канны» широкого масштаба, с участием всех танков Гудериана. которые должны были закончиться захватом Москвы, несмотря на все поучения фон Шлиффена и старания фон боков, не удались...

Зато грандиозные по своим масштабам и последствиям «Канны» с участием девяти советских армий закончились двойным охватом берлинской группировки гитлеровцев. 24 апреля 1945 года сомкнулись передовые части двух танковых армий — советских клещей, доказав этим, что лучше всего усвоили завет карфагенского полководца и лучше всего реализовали поучения фон Шлиффена советские генералы...

Последними смеялись не «мастера блицкрига«, а наши полководцы ленинской школы! В чем же таилась та волшебная сила, которая ставила побежденных на ноги и делала победителями? Их сила была в людях, верящих в бессмертие своего народа, в величие его идей. Эта сила удесятерилась в эпоху социализма, в эпоху Ленина, когда каждый гражданин мог сказать: «Государство — это я!».

Имели глубокий смысл слова песни, которую мы через пять лет после гражданской войны пели самозабвенно на белорусской земле вместе с бывшим главкомом Иоакимом Иоакимовичем Вацетисом: «От тайги до британских морей Красная Армия всех сильней».

И тем более теперь, когда рядом с Советской Армией стоят мощные вооруженные силы всех стран социалистического лагеря. Когда на смену человеку с ружьем пришел человек с мощной и безотказной боевой ракетой.

* * *

В детстве мои сверстники играли в русско-японскую войну. Мой отец, будучи мальчиком, очевидно, играл в войну русских с турками. Наши дети, изображая из себя вначале Чапаевых и Буденных, а позже Котовских и Щорсов, «брали» на своих дворах Каховки, Перекопы и Волочаевки.

Но, увлекаясь до самозабвения романтикой великих сражений гражданской войны, наши дети, а позже и дети наших детей, не брали себе имен Тухачевского, Якира, Блюхера. И никто из играющих не брал себе имени Фрунзе — великого полководца гражданской войны, лучшего ученика великого стратега Ленина.

Любой пионер знает, что земля Западного полушария не названа в честь ее первооткрывателя Колумбией. Ее окрестили именем того, кто пошел по дороге, протоптанной Колумбом,— именем Америго Веспуччи.

Кто из военных, я уже не говорю о среднем гражданине, если только он не доцент, знаток Древней Греции, слышал об Эпаминонде? Не только дилетанты в светских беседах, но нередко профессора с высоких кафедр утверждают, что именно Наполеон, наследник и душитель великой революции, заложил незыблемый принцип военного дела: умение создавать ударные кулаки за счет второстепенных участков.

А ведь «Эпаминонд первый открыл великий тактический принцип, который почти вплоть до наших дней решает почти все регулярные сражения — неравномерное распределение войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем пункте». Это подтверждает Энгельс, тот, кого Маркс назвал первым генералом среди социалистов и первым социалистом среди генералов, тот, кто сам себя величал так: «королевский бомбардир ландвера».

Велик подвиг Чапаева, не меньше заслуги перед страной, народом и первых витязей Советской страны — Блюхера, Ковтюха, Якира. История человечества напоминает нам об успешных и победоносных походах Юлия Цезаря, Александра Македонского, Ганнибала. Те полчища, имея на вооружении копье и лук, не завися от тыла, могли совершать головокружительные марши из Рима к Темзе, из Афин к Гангу, из Карфагена к Тибру. Но вот поход великой армии с берегов Сены к стенам Москвы, армии, во-

оруженной ружьями и мортирами, с питанием, поступавшим из тыловых цейхгаузов, закончился Березиной...

Анабазис великого Александра бледнеет перед великолепнейшими анабазисами, совершенными молодыми, воистину народными Вооруженными Силами Советской страны. Речь идет о марше по тылам врага на соединение с Красной Армией отрезанных рабоче-крестьянских полков Урала, Тамани, Черноморья.

Страна восхищалась неслыханным мужеством и подвигами юных полков Урала, Северного Кавказа, Украины и Бессарабии. Их героизм, отмеченный Лениным, воодушевлял всю Красную Армию, звал на подвиги весь народ, наращивающий в себе ту мощную энергию, которая понадобилась вскоре у стен Орла, под Варшавой, у Каховских тед-де-понов и на укреплениях перекопской твердыни. Там успех был достигнут и верховной волей партии, и прямым руководством лучших советских воевод — Вацетиса, Каменева, Фрунзе, Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Путны, Примакова, Дыбенко, Дубового, Федько, Блюхера, Грязнова, Каширина, Гая, Киквидзе, Азина, Егорова.

Для наших детей и внуков существует лишь Чапаев. Почему? Потому что имя легендарного начдива перестало быть именем, а воплотилось в символ. Интегральный символ мужества, подвига, непобедимости, готового на борьбу не на живот, а на смерть вооруженного народа, его всепобеждающей армии.

В мирные дни потешные команды желторотых чапаевцев, в суровое военное время — чапаевская дивизия, чапаевские мстители, партизанский отряд имени Чапаева, думать по-чапаевски, чапаевский удар...

Выступая перед командирами всех возрастов и степеней, Якир как-то сказал:

«Гляжу я на вас, седых ветеранов, и думаю — *живет* наша Красная Армия. Гляжу я на вас, молоденьких лейтенантов, и говорю — *будет жить Красная Армия*».

Те молоденькие лейтенанты, подросши и обогатившись знаниями, вели в бой батальоны, полки и дивизии. Многие из них стали генералами.

Вспомнив пророческие слова Якира, можно смело сказать: прожила Советская Армия и проживет еще много, много лет.

Ныне уже, подчиняясь железным законам жизни, постепенно меркнут в памяти людей образы легендарных комбригов и начдивов, командармов и комфронтов слав-

ных ленинских воевод, с чьими именами связаны решающие победы над жестоким врагом на фронтах гражданской войны. Но все их теперь уже *безымянные подвиги* войдут в книгу бытия человечества, как *именные* победы бессмертного народа, как именной подвиг мудрой ленинской партии.

НЕИСТОВЫЙ КОМАНДАРМ

(ИОНА ЭММАНУИЛОВИЧ ЯКИР)

1. Неистовый командарм

Много лет подряд трудовой люд столицы Украины — и те, кто торопился к станкам «Арсенала», и те, кто спешил на работу в центр,— каждое утро душевно приветствовали командующего войсками округа. Ровно без четверти восемь командарм Якир выходил из своего особняка, который стоял и стоит теперь рядом с окружным Домом офицеров.

А спустя десятилетия на мировых водных просторах встречные суда протяжными гудками будут салютовать белоснежному лайнеру, который волею нашей партии носит имя «Иона Якир».

В тревожном 1919 Якиру было всего лишь двадцать три. И какой груз лег на его молодые плечи!.. В те дни Ленин потребовал от Советских Вооруженных Сил юга Республики: «Продержитесь еще несколько дней. Наша помощь близка...» Нелегко было вождю давать такую директиву, но еще труднее было командующему Южной группой войск ее осуществить. А осуществил... Вспоминал позже Якир: «На юге — англо-французский флот, на юго-западе — румыны, на востоке — деникинцы, на севере — Петлюра. В тылу — кулацкие восстания, колокольный набатный звон, взорванные мосты. И под конец — на главной магистрали — Махно...»

В подобной ситуации легко растеряться любому, но не тому, кто был твердо уверен в своем искусстве руководства массами.

Писатель писателю рознь. Один прочтет десять книг и по ним сделает одиннадцатую. Иной напишет одну книгу, а по ней создадут десять других. Ясно — не первый литератор, а именно второй творит погоду в беллетристике и в публицистике.

Командарм Якир не был писателем, но он был талантливым автором многих конструктивных идей. И каждая из них стараниями его многочисленных учеников и последователей плодила еще десять. То была мудрая школа Якира — школа военачальников.

Ее одареннейший питомец Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян пишет: «Служба в войсках, которыми командовал Якир, была своеобразной академией воинского воспитания и оперативно-тактического мастерства».

Добавим — не только воинского, но и сугубо патриотического воспитания. «Он учил нас видеть в своем труде высокую цель служения Родине»,— вспоминает генерал армии А. В. Горбатов, бывший комендант Берлина. И Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков в своем фундаментальном труде сообщает: «Много ценного содержалось в работах С. Каменева, А. И. Корка, И. П. Уборевича, И. Э. Якира — крупных наших военачальников и теоретиков».

Учитель! Самое высокое и самое почетное звание для любого деятеля-ленинца. Учитель смотрит далеко вперед. До предела занятый днем сущим, он уже заглядывает в дни грядущие. Своим опытом, своими делами, которые находятся в полном соответствии с его словами, и не только светлыми проповедями, но и личным примером он в глазах своих учеников и последователей является тем идеалом, к которому они изо всех сил должны стремиться.

Скажем прямо — многие якировские питомцы и на военном поприще, и на поприще политическом превзошли своего учителя. Но тем и славен настоящий учитель... И настоящие ученики, даже достигнув космических далей и высот, воздают должное школе, которая их воспитала. И своему учителю, который вел их не по битым дорогам, доступным и посредственностям, а по тем извилистым и каменистым тропкам ратной нивы, преодоление которых требовало незаурядной воли, твердых знаний и навыков, подлинного мастерства, а главное — понимания высокой цели служения Родине... Как говорил бессмертный гидальго из Ламанчи: «Дорога к неправде широка и просторна, тропинка к истине узка и терниста...»

Все в мире преемственно, и нет учителя, который сам в свое время не был бы учеником. Якир считал себя учеником мудрой ленинской школы. Мудрой и дальновидной. Эта школа и выработала в нем те качества, которые были ему нужны, когда в 1917 году в Кишиневе он только всту-

пил на трудную ратную стезю в роли командира китайского батальона. В боях против румынских бояр и французских интервентов. В схватке с нахлынувшими с запада хорошо вымуштрованными региментами Вильгельма Второго. И не только тогда...

Трудная осень 1918 года. Анархиствующий Волчанский полк чересчур засвоевольничал. Тон задавал сам комполка Сахаров. Якир, член Реввоенсовета 8-й армии, прибыв в Острогожск, круто обрушился на него: «Требую немедленно вступить в бой. Выбирайте — или тут же я вас застрелю!»

Раненный в боях под Лисками, Якир награждается орденом Красного Знамени № 2. Первый получил начдив В. К. Блюхер. Реввоенсовет 8-й армии доносил: «Товарищ Якир вел железной рукой красноармейцев к победе...»

Предательство Григорьева и Махно весной 1919 года открыло дорогу белой армии. ЦК партии бросил тревожный клич: «Все на борьбу с Деникиным!» Созданную из партизанских отрядов юга Украины и Молдавии 45-ю дивизию возглавил двадцатитрехлетний Якир. Одной из бригад этой дивизии командовал Григорий Котовский.

В сложной ситуации легко растеряться среднему человеку. Лишь тому, кто был уверен в своем искусстве руководства массами, почерпнутом в мудрой школе Ленина, было под силу сохранить всю мощь большевистской воли к победе и всю стойкость светлого разума. Сначала Ленин, учитывая грозную обстановку, сложившуюся на Центральном направлении, где ударные белые дивизии Май-Маевского уже захватили Харьков и рвались все дальше на север, требует от войск Одесского направления продержаться «еще несколько дней». И требование Ленина беспрекословно выполняется, хотя потери сражающихся полков огромны. Затем ставится новая задача: в целях сохранения живой силы создать Южную группу войск из трех дивизий — 58-й, 45-й, 47-й во главе с Якиром и идти с нею на соединение с прочими частями 12-й армии. Гудела масса: «Где Одесса, а где Житомир!» Да еще надо прорваться без лишних потерь сквозь плотное кольцо врага. И не одно! И вывезти все ценности юга Украины. И кормить по дороге огромную силу в 30 полков и несколько колонн беженцев. Да еще уберечь малодушных от махновской демагогии, охватившей уже целую бригаду во главе с бывшим матросом Полонским, которого позже расстреляли сами же махновцы, когда обнаружили в нем раскаяние за содеянное...

Но Якир опирался на крепкое коммунистическое ядро. И своим авторитетом его подкрепляли видные партийные деятели — Владимир Затонский, Ян Гамарник, Василий Картвелишвили, члены Реввоенсовета Южной группы.

Все 30 советских закаленных в боях полков Якир вывел к железной дороге Киев — Житомир. 400 верст! Без ощутимых потерь. Деникинцы во главе с русским немцем Бредовым из Киева, петлюровцы во главе с австрийским немцем Краузе из Казатина тщетно пытались сомкнуть кольцо. Их объединяла лютая ненависть к большевикам, но неотвратимо разъединяло соперничество из-за Киева. Войска Южной группы, сдерживая напор деникинцев с востока и петлюровцев с запада, отражая огонь бронепоездов обоих противников, форсировали железную дорогу и в районе Коростышева соединились с 44-й дивизией, со щорсовцами и богунцами, которых возглавлял шахтерский сын Иван Дубовой.

Этим самым Южная группа под командованием Якира оттянула на себя ряд деникинских дивизий, которые противник намеревался перебросить с Киевского направления на Московское... Орденом Красного Знамени было награждено много товарищей, весь Реввоенсовет группы, командующий Иона Якир — вторично.

Позже он напишет: «О высокой сознательности армии говорит тот факт, что дивизии не только не разложились под влиянием махновской агитации, но, опираясь на крепкую коммунистическую организацию, очень удачно боролись с бандитизмом... И украинская конница в лице червонных казаков, и дивизия Котовского оказались достойными детьми украинского народа и Коммунистической партии...»

Третьим орденом страна отметила заслуги Якира за боевое сотрудничество его дивизии с Конной армией во время разгрома легионов пана Пилсудского летом 1920 года.

Пока шли тяжким, изнурительным маршем, с ежедневными боями от берегов Днестра к просторам Киевщины, некогда было даже поесть... А тут, в глухой деревушке Рубченки, недалеко от Сквиры, когда старательный боец искровой станции Борис Церковный наконец уловил в эфире позывные богунцев, воевавших совсем близко с «самостийниками», наступила долгожданная разрядка.

На ветхом столике в тени душистого ореха появились шахматы. Полюбив эту тонкую игру еще в школьные годы в родном Кишиневе и в Харькове, где он дотошно изучал

химию, командующий Южной группой, пребывая на высоком подъеме, без особого напряжения поочередно сшиб с доски фигуры своих противников. Владимир Затонский, подняв обе руки, заявил шутливо и в то же время очень душевно:

— В честь твоих побед на доске и в честь победы наших красноармейцев на поле боя, которая совпала с твоим днем рождения, вношу от имени всего Реввоенсовета предложение: присвоить тебе, дорогой наш Иона, высокое звание — ратных дел гроссмейстер...

Спустя двенадцать лет в Берлине этот гроссмейстер прочел немецким генштабистам лекцию о гражданской войне. И, как сообщает товарищ Баграмян, сам фельдмаршал Гинденбург преподнес лектору книгу «Канны» с автографом: «Якиру — одному из талантливейших военачальников современности».

* * *

После трудного лета пришла еще более тревожная осень 1919 года. В районе Киева, занятого белым генералом Бредовым, и в районе Житомира, недавно освобожденного от войск «самостийника» Микитки, прозрачные дни золотой осени чередовались с мутными днями предзимней поры. Якир, торопясь в Житомир, держал в руках подписанное еще две недели назад в Кремле постановление, в котором значилось:

«1. Наградить славные 45-ю и 58-ю дивизии за героический переход на соединение с частями 12-й армии Почетными знаменами Революции.

2. Выдать всей группе тов. Якира за этот переход... денежную награду: в размере месячного оклада содержания.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской обороны В. Ульянов (Ленин).

И вот командующий Южной группой войск торопится в Житомир. Там, в госпиталях и больницах, лежат его воины. Им, отважнейшим витязям 45-й Бессарабской и 58-й Таврической дивизий, в первую очередь страна обязана своими победами в этом регионе. И им в первую очередь командующий должен привезти радостную весть: поздравление Ленина, чьи наставления и помогли претерпеть все тяготы многодневного ратного марша и с чьими лозунгами они шли на штурм вражеских твердынь.

Житомир. Лазарет богунцев и таращанцев. Он принял тех воинов, кого подкосили пули деникинцев под Кожан-

кой, где наконец-то бойцы Южной группы состыковались с воинами Ивана Дубового, и тех, меченных пулями «самостийников», кого много дней и недель везли на санитарных бричках и линейках из-под самого Крыжополя...

Иона Эммануилович обошел все палаты. И даже те, где людей изматывал жар сыпняка. Обрадовав каждого поздравлением Ленина, он вместе с заветной пачкой махорки и пакетиком сахара передал всем воинам благодарность от имени Затонского, Гамарника, Картвелишвили, Голубенко — всего Реввоенсовета Южной группы.

Те воины знали себе цену. По святой традиции бессарабцев и тавричан в бою ни один не сомневался, что именно здесь, где он, и решается судьба смертельной схватки между добром и злом.

Там, в лазарете богунцев, раненые клялись во что бы то ни стало разыскать свою дивизию даже на краю света, чтобы продолжать громить ненавистную контру...

В углу коридора на жестком топчане неподвижно лежала Настя Рубан. Адъютанта командира Особого полка без признаков жизни подобрали в канаве за Копыловом вблизи шоссе Киев — Житомир. Клинок белочеченца прошелся по ее плечу. Вторым ударом деникинец рассек Насте голову.

Из-под пропитанной кровью марлевой повязки на Якира смотрели наполненные безмолвной грустью голубые глаза. Этот скорбный взгляд говорил лучше всяких слов. Якир приник губами к плотно забинтованной голове раненой. Затем стал гладить ее тонкую руку. Дрогнули веки Насти.

— Держись, Настюша! Не только я — все бессарабцы и тавричане просят: держись!

В знак согласия Настя прикрыла глаза. А на лестнице Якир встретил командира Особого полка, одесского художника Филиппа Анулова. Он нес с трудом раздобытую для своего адъютанта пружинную кровать. Много интересного рассказал слушатель Военной академии Анулов в 1923 году, стажируясь в 9-м Краснопутиловском полку червонных казаков в Изяславе на реке Горынь.

Пока командующий спускался по крутой лестнице лазарета, в его голове вихрем пронеслись события, связанные с ранением Насти Рубан и других воинов Южной группы...

Главком потребовал мощно атаковать позиции генерала Бредова на линии Фастов — Бородянка. Чтобы этой отвлекающей акцией помочь советским войскам наиболее эффективно осуществлять контрудар по группировке генерала Май-Маевского в районе Орла. Ведь после его за-

хвата «правая рука» Деникина хвастливо сообщила газетчикам: «Отныне до самой Москвы нашей армии вести боев не придется...»

С 20 сентября по 12 октября, отвлекая на себя значительные силы врага, войска Якира не выходили из боя. Полки двух дивизий. Более тридцати полков. По нынешним раскладкам — две армии. И если в начале того исторического похода под влиянием черной пропаганды махновцев еще можно было услышать ропот: «Бросаем свое, идем защищать чужое!», то теперь все воины группы были твердо убеждены в том, что, борясь за столицу Украины, они выручают не только Орел и Тулу, но и свою родную Таврию, и свою родную Бессарабию...

27 сентября. Самый тяжкий из всех тех нелегких дней. У Копылова кавалерия Бредова яростно обрушилась на цепи Особого полка, прикрывавшего фланг тавричан и котовцев, которые атаковали беляков на Ирпене. Начальник боевого участка Княгницкий надолго запомнил тот урок. Спустя пятнадцать лет он, комендант Киевского укрепрайона (УРа), на тех самых дальних и ближних подступах к столице будет возводить сложную сеть железобетонных дотов.

Под руководством И. Э. Якира в обстановке всевозможных трудностей возводилась сеть бетонированных огневых точек вдоль всей границы Украины от Олевска до Днестровского лимана и под самым Киевом по Ирпеню.

В их железобетонных дотах позже советские воины до последнего дыхания давали отпор захватчикам. Руины тех сооружений и поныне видны на берегах Ирпеня и у Кончи-Заспы.

Вспомнилась еще одна встреча Якира с Настей Рубан. 1933 год. Год прихода к власти бешеного маньяка, возомнившего себя новым Бисмарком... Страна Советов делала все, чтобы во всеоружии встретить будущую агрессию.

По-новому перестроила свою работу Комиссия обороны Республики. В нее входили Косиор, Чубарь, Постышев, Затонский, Якир. Мне волею партии довелось вести дела Комиссии. По ее решению командующий вместе с начальником инженеров Красной Армии Н. Н. Петиным выехал в Гнивань. Там, в управлении гранитных карьеров, с перебоями поставлявших остродефицитную щебенку строительству дорог и УРов, я был свидетелем, как на партийных и советских деятелей, собранных со всей тогдашней погранполосы, подействовало не гневное, а душевное слово члена ЦК нашей партии.

А после того памятного собрания в вагоне командующего Настя Рубан докладывала о повышенном интересе вражеской агентуры к строительству в погранполосе. Прощаясь, протянула руку к плащу. И враз покачнулась... Начался очередной приступ — последствия тяжелого ранения под Копыловом. Якир бережно уложил бывшего адъютанта Особого полка на диван. Крикнул порученцу Захарченко: «Виссарион, скорей воды... И врача...»

* * *

Со школьной скамьи все мы помним: «Все куплю, сказало злато. Все возьму, сказал булат...» Обосновавшийся в самом центре Европы лютый и коварный враг отлично знал, что Страну Советов не одолеть златом, вот он со всей присущей ему наглой напористостью и прусской щепетильностью денно и нощно ковал свой грозный булат... И против булата вражеского надо было ковать булат свой. Как лучше всего это делать, знал испытанный герой гражданской войны, трижды краснознаменец, член ЦК ВКП(б) Иона Якир.

Снарядные, пороховые, авиационные заводы Республики. Создание нового оружия, которому в будущих сражениях, как и коннице в войну гражданскую, довелось стать главной ударной силой для решения важнейших оперативных замыслов.

Комиссия обороны СССР потребовала от руководства Украины, чтобы в Первомайском параде 1932 года на Красной площади прошли две машины БТ. Почетное и сверхбоевое задание труженики Харькова выполнили с честью. И первым наводчиком в башне первого советского быстроходного танка, когда он вырвался из ворот ХПЗ для обкатки, был комвойсками Украинского военного округа Якир.

Плохо уродило на полях в 1932 году. Являвшиеся ежегодно в территориальные дивизии приписные не отличались крепким здоровьем. По инициативе Якира удлинили срок службы приписников, чтобы на солдатском пайке подкрепить эти контингенты.

О командарме Якире, члене ЦК нашей партии, члене ВУЦИКа и ЦИКа СССР, теперь нам напоминает улица на Сырце, мраморный бюст в Кишиневе, а путникам широких океанских просторов — белоснежный лайнер «Иона Якир». Нет лишь мемориальной доски на тихом особняке в Киеве, у которого и те, кто торопился к станкам «Арсе-

нала», и те, кто спешил на работу в центр, душевно приветствовали каждое утро командующего войсками КВО.

Якира душевно вспоминают товарищи по юношеским мечтам, бойцы большевистского подполья, соратники по гражданской войне и мирному строительству, партийные работники, хозяйственники, солдат и полководец, секретарь обкома и маршал, офицер штаба и инженер, родные безвременно погибшего командарма.

Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян с большой любовью говорит о Якире: «Внимательный к собеседнику, тонкий юмор, удивительная эрудиция. Доступен, отзывчив. Незыблемая вера в человека. Сторонник убеждения, не принуждения. Неиссякаемый дух творчества и инициативы. Высокая общая культура. Практик и теоретик. Ярый враг рутины, новатор. Превосходный знаток оперативного искусства...»

Бывший политрук роты Богунского полка Н. Д. Чередник-Дубовая, жена героя гражданской войны командарма Дубового, пишет: «Человек огромного мужества и сильной воли. Глаза, проникающие в душу. Добрый, с чистой совестью и щедрым сердцем. Полное отсутствие зазнайства, позы, фразы. Безмерно любил народ, партию...»

Особенно трогательны строки С. Л. Якир, посвященные светлой памяти мужа: «Большой гибкий ум и феноменальная память. Скромность, доходящая до смешного. И вместе с тем смелость, душа нараспашку, готовность взяться за любое дело, если оно принесет пользу товарищам, семье, революции».

Гражданская война создала особый, присущий лишь ей тип военачальника — начдива. Золотыми буквами вписаны в историю вооруженной борьбы молодой Советской Республики героические имена: начдив Блюхер, начдив Чапаев, начдив Дыбенко, начдив Кропивянский, начдив Солодухин, начдив Щорс, начдив Дубовой, начдив Примаков, начдив Городовиков, начдив Якир.

Советские дивизии, особенно на Украине, выросли из разрозненных отрядов, в которых еще долго держался дух партизанщины. Партия, взявшая твердый курс на регулярную Красную Армию, после тщательного отбора поставила во главе дивизий крепких людей.

Опираясь на коммунистов-бессарабцев, рабочих Николаева, Одессы, Якир в короткое время сумел организовать отпор бешеному натиску франко-румын с Днестра, петлюровцев со стороны Жмеринки, махновцев от Помошной.

Вчерашние партизаны, не признававшие никаких авторитетов, уверовали в своего нового вожака, большевика Якира, и шли за ним в огонь и в воду.

Если в новой обстановке назначение не решалось голосованием, то во всяком случае в ту бурную пору на всеобщее признание мог рассчитывать лишь тот командир-назначенец, кто сам тесно связан с красноармейской массой, близок ей по духу и устремлениям, знал ее нужды и запросы, кто жил с ней единой жизнью, был образцом выполнения партийного и воинского долга. Именно таким командиром был начдив Иона Якир.

Прошло восемь месяцев после похода войск Южной группы, прославившего имя Якира, так же как Южно-Уральский и Таманский походы прославили Блюхера и Ковтюха. Легионы Пилсудского захватили Киев. По указанию Ленина в помощь Украине с Кавказа двигается Первая Конная армия, а из-под Перекопа тронулись лихие полки Червонного казачества. Но подвижные войска интервентов могут опередить красную конницу и занять район Умани. Вот тогда и была создана Фастовская группа войск под командованием Якира. Ее 45-я и 44-я дивизии вместе с Днепровской военной флотилией не только обеспечили беспрепятственный выход советской конницы в район сосредоточения, но громили полки интервентов у Белой Церкви.

2. На Киевских маневрах

После Гнивани прошел еще год. Проводились Большие Киевские маневры. Проверялась на практике новая советская теория глубокого боя и глубокой операции. С участием колоссальных масс наземных и воздушных сил. С применением новой ударной силы — механизированных и танковых соединений. И с участием всего высшего командного состава Красной Армии, а также иностранных гостей.

Якир блестяще провел учения. Так же блестяще в тяжкой войне с гитлеровским нашествием показали себя позже его ученики.

После Больших Киевских маневров «Красная звезда» писала: «Части КВО с честью выдержали боевую проверку». А гости Красной Армии, столпы иностранной военной мысли, восхищенные увиденным, не поскупились на доброе слово. Генерал Луазо (Франция): «В отношении танков Красная Армия стоит на первом месте». Генерал

Крейчи (Чехословакия): «Впечатляет новая интересная тактика». Генерал Монти (Италия): «Я буквально в восторге от применения воздушных десантов».

Имея огромный опыт руководства войсками, накопленный в период гражданской войны, И. Э. Якир все последующие годы неустанно продолжал учиться сам и учить других. Большие Киевские маневры 1935 года показали всему миру рост индустриальной мощи рабоче-крестьянской державы и вытекающее из этого небывалое развитие боевой техники, действенную силу советского военного искусства, моральную сплоченность советского общества.

Якир, беседуя с танкистами тяжелого батальона, образно объяснил тогда роль танков прорыва: «Бурильщики, чтобы добраться до нефти, проходят многослойную толщу породы. Там, где она особо тверда, головку бура — долото — заправляют алмазом. Вот вы и есть алмаз в нашем буре, которым мы пронзим насквозь всю толщу обороны противника и доберемся до «нефти», то есть до его глубоких тылов...»

Интересно, как сам Якир расценивал значение предстоящих маневров. Заглянув к стрелка́м, ждавшим сигнала к атаке, он обратился к ним с такой речью: «Что я вам скажу, дорогие товарищи? Сегодня мы, конечно, не услышим ни свиста пуль, ни разрывов снарядов, не прольется кровь. Не будет ни убитых, ни раненых, «пленные», может, будут... Но... кто учился в академиях и кто в них не учился, знает: любая война, каждое сражение преследует политическую цель. Наши враги там, за кордоном, шипели, что Красная Армия не просуществует и восемнадцати дней, а мы живем уже восемнадцать лет. Политическая цель Больших Киевских маневров — продлить мир, завоевать еще пару лет социалистического строительства, сохранить жизнь многим тысячам советских людей. Изо дня в день мы укрепляем нашу мощь, нашу страну. Вот почему партия, страна, нарком и я, ваш командующий, требуем, чтобы каждый боец действовал сегодня отлично... На нас смотрит весь мир. Сегодня за нашей работой будут следить глаза Европы — французы, чехи, итальянцы...»

* * *

Сторону «синих» возглавил командующий войсками Харьковского округа И. Н. Дубовой — соратник и преемник Щорса. «Красными» командовал его заместитель

С. А. Туровский — в гражданскую войну правая рука В. М. Примакова — создателя Червонного казачества.

Тяжелый танковый батальон Богдана Петрицы, гиганта галичанина, за действиями которого мне поручили наблюдать как посреднику, расположился рядом с линейной бригадой героя гражданской войны Д. А. Шмидта.

Выходя из машины, Якир извлек из-за пояса сложенную гармошкой карту. Со всех сторон потянулись командиры. По Фастовской дороге, вздымая густые валы пыли, приближалась вереница больших открытых машин. То были иностранные гости, сопровождаемые представителем штаба РККА А. И. Седякиным.

Якир, проводив их напряженным взглядом воспаленных от бессонницы глаз, сказал командирам:

— Это генерал Луазо и генерал Крейчи... С Францией и Чехословакией подписан договор о взаимной помощи. Вот и пожаловали союзники... На последней машине генерал Монти. Это уже, как говорил мой знакомый скрипач, иная канифоль... Докладом итальянцев, ясно, заинтересуется больше всего Берлин и в какой-то степени Рим. Пусть... От вас, товарищи, зависит, чтобы этот доклад немного охладил чересчур горячие головы... Глубокая операция! Это — не в час по столовой ложке. Надо синхронно накрыть всю оборону «врага» всем арсеналом средств: грузом авиабомб, шквальным огнем пушек, ударом танков, атаками пехоты, конницы, парашютистов и еще пропагандистскими листовками. Что такое взаимодействие? Чтобы силы двух совместно атакующих единиц росли не арифметически, а геометрически.

Открыл «военные действия» 12 сентября 1935 года Дубовой. «Синие» оттеснили части прикрытия к переднему краю, боем уточнили систему обороны, изготовились к ее преодолению.

13 сентября эшелонированные в глубину пехота и танки, сопровождаемые «мощным» огневым валом, сломили сопротивление «красных». В прорыв двинулась конница с танками. В первом эшелоне шла 14-я дивизия. Конницу вел Леонид Петровский, сын всеукраинского старосты. С бреющего полета на разомкнутые линии кавалерии обрушились вереницы проворных штурмовиков.

14 сентября Дубовой выбросил на тылы «противника» невиданный по своим масштабам мощный ударный кулак, под его прикрытием — десант пехоты на самолетах. Но и «красные» не дремали. Туровский двинул против десантников свой резерв. Завязался бой в глубине, к востоку

от Киева, вскоре нейтрализовавший успех воздушного десанта.

15 сентября, в самый напряженный день маневров, с раннего утра пришли в движение огромные массы войск: Туровский, отбивая гарнизоном Киевского укрепрайона яростный натиск на линии Ирпеня, двинул в обход свой мощный кулак — мотомехгруппу. А над ее флангом вскоре навис весь 2-й конный корпус. В критическую для «красных» минуту, проявив дерзкую инициативу, ударил по корпусу Н. Н. Криворучко подвижным кулаком 9-й кавалерийской дивизии гроза туркестанских басмачей, трижды краснознаменец Константин Ушаков.

В эти напряженные дни форсированных переходов и яростных схваток на всех оборонительных рубежах и на всех важнейших переправах можно было встретить главного руководителя маневров, то одного, то в сопровождении К. Е. Ворошилова или же других высоких гостей из Москвы. В штабе Ушакова, когда после некоторой заминки командир дивизии направил свои полки в атаку, а резервом занял опушку рощицы на склонах Ирпеня, Якир, обращаясь к кавалеристам, сказал:

— Бой — это та же реакция в колбе. Поверьте мне как химику — это истина. Потеряй над ней контроль — и не ты ею, а она уже крутит тобой. Крутит, как ей вздумается. Вот тут нужна голова.

Ушаков ждал донесений, а Якир продолжал:

— Один умник утверждал, что война — это соревнование шпаг, а я считаю — не только шпаг, но и умов. Жизнь нас всех научила — неграмотное отступление обходится значительно дороже безграмотной атаки. Факт! И тот, кто думает обойтись без умения отступать, сражения не выигрывает...

В полдень завязался напряженный бой крупных сил пехоты, конницы, танков. Густая пыль, поднятая гусеницами и копытами, превратила день в ночь. Мало того! Заработали еще дымопуски тяжелых танков Богдана Петрицы. Прикрытые дымовой завесой, они мощным тараном обрушились на боевые порядки «синих». Подоспевший танковый резерв Туровского, поддержанный с воздуха штурмовиками, довершил окружение конного корпуса Криворучко. Загремели трубы. Отбой!

16 сентября в честь иностранных делегаций был дан обед. До этого «глаза Европы» уже многое повидали на полях и дорогах Киевщины. На банкете «уши Европы» услышали слова, сказанные командующим Якиром: «Вы;

уважаемые господа генералы и офицеры, имеете возможность на месте убедиться, что народы, населяющие нашу Родину — СССР, заняты напряженной мирной работой по строительству новой, лучшей жизни и что наша Красная Армия существует только для целей защиты мирного строительства СССР и обеспечения всеобщего мира».

Киевские маневры показали высокую боевую мощь Красной Армии, отличную выучку красноармейцев и командного состава. Учения явились яркой демонстрацией передовой советской стратегии, которая уже в те годы новаторски решала вопросы организации и применения на поле боя новых средств вооруженной борьбы, в частности, крупных механизированных, танковых и военно-воздушных соединений.

Впоследствии важные тактические и организационные принципы, проверенные на Киевских учениях, нашли свое широкое применение на полях сражений. Были созданы мощные мобильные крупные мотомеханизированные соединения, танковые и воздушные армии, способные наносить удары на большую глубину. В победе над гитлеровской армией есть немалая заслуга и тех военачальников, которые в дни Киевских маневров работали над совершенствованием стратегии и тактики Советских Вооруженных Сил.

3. Мемориал у Гуйвы

Соединение, завершившее подвиг красных полков Украины, который был отмечен высокой наградой Ленина, произошло на Волыни, вблизи Житомира, более полувека назад.

Свидетелем волнующей встречи был сохранившийся с тех бурных лет высокий металлический старомодный мост. Сейчас мост соседствует с прекрасным современным железобетонным сооружением, изящно перекинутым через быстрые воды полесской речушки Гуйвы.

28 сентября 1969 года трудящиеся Житомирщины открыли мемориальную доску у нового моста на земле передового колхоза «Память Ленина».

Советские люди свято берегут то, что было дорого их отцам и что стало близким каждому из нас.

1918 год. Не только склонные к спиритизму знахари, но и большие политики Запада предсказывали скорую гибель Советов. Не сомневались, что старые генералы свергнутого с трона Николая вместе со всеми фошами, френчами в два

счета справятся с «лыковыми стратегами», набранными Лениным из слесарей, унтеров, учителей, шахтеров. Предсказатели благосклонно отпускали Советам сначала неделю жизни, потом месяц, потом год...

Прошло несколько лет, и в военных академиях Варшавы, Бухареста, Берлина, Вены, Парижа, Лондона старательно изучались походы Тухачевского, Буденного, Якира, Примакова, Дубового. Ни Фош и ни Френч не могли разгадать требований военного искусства нового времени. Того времени, когда на авансцену вышли трудовые массы, руководимые коммунистами. Эти требования прозорливо предвидел Ленин.

Это он заложил фундамент нового военного искусства. Военного искусства дальновидного, дальнозоркого и дальнобойного.

Дальновидность заключалась в том, что оно предвидело возможность отдельных поражений не только в бою, но и в сражениях. Однако оно предвидело и невозможность поражения в войне.

Суть эту красочно передал как-то Виталий Примаков: «При всей твоей слабости, при всем твоем отчаянии не вздумай падать на оба колена. Кто упал на одно колено, как неоднократно случалось с нами, тот еще воспрянет, но кто рухнул на оба — тому уже не встать никогда...»

И эта суть ленинского военного учения давала силы выстоять в тяжкие дни вражеского натиска. Давала железную веру в конечную победу над врагом, несмотря на его временные победы.

Дальнозоркость ленинского военного учения заключалась в безошибочном предвидении — Вооруженным Силам Советов придется иметь дело не только с ближайшими соседями. Эта дальнозоркость помогла подготовить силы народа для борьбы с нашествием бесчисленных дивизий, поднятых гитлеровской плетью.

Дальнобойность военной науки Ленина наглядно подтвердилась тяжким, но победоносным маршем советских полков с берегов Волги к столицам Европы.

Широкого размаха стратегия под силу лишь народам, борющимся за высокие идеи. Скачок гитлеровских захватчиков к Волге закончился крахом. Поход советских армий освободил Европу от фашистского ига.

На мемориальной доске, открытой у моста через полесскую речушку Гуйву, сказано: победы войск Южной группы и 12-й армии положили начало изгнанию интервентов и петлюровцев с Украины. Это верно. Но верно

и то, что наследники Петлюры и поныне через эфир и через нелегальщину клевещут на трудовой народ Украины. Через радиостанции ЦРУ долдонят, что Советскую власть на Украине установили своими штыками полки «латышей, китайцев, москалей да еще несколько полков какого-то Щорса...».

Но сами факты, как и новый мемориал на реке Гуйве, наглядно подтверждают иное. Они воскрешают истинную, не сфабрикованную в иностранных разведках историю.

Среди народных святынь — поле Куликовской битвы, где впервые был сокрушен миф о непобедимости полчищ золотоордынских захватчиков. Славное поле Полтавского сражения, где полки Петра растрепали грозные колонны инфантерии Карла XII. Поле Бородина, где вооруженные силы России разбили Наполеона.

Битвы советского народа за свободу и независимость добавили к ним новые реликвии — киевский «Арсенал», Перекоп, Каховка, Волочаевка, Кронштадт, святое поле битвы за Москву, Сталинград, берега Днепра у Киева, Курская дуга, залитые кровью советских людей подступы к вражескому логову — рейхстагу.

Память ветеранов, поиски красных следопытов — юных наших патриотов, наследников и продолжателей отцовской славы — находят и добавляют к тому нетленному списку все новые и новые святыни. Безусловно, именинниками этого недавнего торжества были следопыты 187 школы Киева вместе со своими воспитателями — учителями. Это их, дотошно изучающих историю, взволновал рассказ о героическом походе советских полков Украины, прорвавших двойной пояс окружения, и об их замечательной встрече на реке Гуйве. Взволновало их и то, что 45-й дивизией — ядром войск Южного похода — руководил сельский учитель Илья Гарькавый. Наградой энтузиастам следопытам и было решение житомирских властей о сооружении мемориальной доски.

Вот так вдумчивое отношение к ленинскому наследию и его серьезное изучение весьма и весьма помогает тем, кто всей душой относится к делу патриотического воспитания нашей смены.

На мосту через Гуйву полвека назад протянули друг другу руки командир 45-й дивизии Илья Гарькавый и командир 44-й Щорсовской дивизии Иван Дубовой, сын шахтера и сам шахтер. Первый привел на Волынь сынов Причерноморья и Молдавии — девять полков 45-й дивизии

и бригаду Котовского; второй шел во главе сынов Черниговщины, Сумщины, Киевщины и Волыни.

А вот те радиолихачи из Мюнхена не скажут, кто привел на Волынь экипированные на деньги Антанты одураченные полки усусов. Это были насквозь онемеченные галичане — генералы Микитка, Тарновский и наспех украинизировавшиеся венские немцы — генералы Цирих и Краузе.

В те дни под ленинскими знаменами боролись за власть Советов на берегах Донца, Ворсклы, Днепра и Буга не только «какой-то Щорс», а более ста полков трудовых сынов Украины.

Факт сооружения пусть и скромного мемориала на берегу полесской речушки Гуйвы не только отдает дань уважения подвигу отцов. Он борется за историческую правду против всех наскоков зарубежных идеологических снайперов и мазил. На ленинских традициях воинов Южной группы товарища Якира воспитывается ряд лет молодежь образцовой 187 школы Киева и 374 школы Ленинграда.

Мемориал будет долго напоминать советским людям о том внимании, которое уделял Ленин — великий мыслитель, ученый и полководец — борьбе трудового народа Украины за его свободу и независимость.

«ЖИВАЯ ДУША»

(ВИТАЛИЙ МАРКОВИЧ ПРИМАКОВ)

«Богат и славен»... Примаков,
Полки на штурм он вел галопом,
Под грозный звон его клинков
Врата трещали Перекопа...

1. «Живая душа»

Высоким и почетным званием «живая душа» люди удостаивают не каждого живого человека. Да, далеко не каждого... Лишь того, кто с юных лет посвятил себя нелегкому делу служения народу. Лишь того, кто прежде всего думает не о личном благе...

Живой душой показал себя шустрый еще с детства и бойкий на слово первенец шумановского учителя Марка Григорьевича Примакова, когда у повитых сизыми деснянскими туманами волшебных ночных костров само-

упоенно занимал своих сверстников волнующими рассказами о бесстрашных кармелюках и пугачевцах. И тогда, когда в Чернигове переступил порог уединенного домика своего нового, теперь уже городского, друга Юрка Коцюбинского. В этом доме из уст волшебника слова Михаила Коцюбинского он впервые услышал о вовеки неутихающей борьбе двух правд на земле — правды угнетенных и «правды» угнетателей. В той тихой усадьбе на Северянской сын черниговского Полесья нашел себе не только доброго и преданнейшего друга, но и светлую душой и помыслами, верную и боевую подругу жизни — Оксану. Славную и боевую, но, увы, не долговечную.

Стал молодой Виталий и движущей силой неугомонного большевистского подполья, когда, следуя зову партии, поднял свой юный голос против затеянной царями первой мировой войны. Поднял голос в защиту истязуемых царскими фельдфебелями мобилизованных солдат.

Тот, кто вместе с гимназистом Виталием расклеивал на улицах ночного Чернигова антивоенные листовки, ученик фельдшерской школы Марк Темкин совсем недавно поставил свою подпись под письмом Генеральному секретарю нашей партии в дни 60-летия Советской страны. А самого Примакова вот уже около полувека нет между нами. Но, вопреки всему, он здравствует и поныне, борется за дело Октября. Борется своими бессмертными подвигами и героическими свершениями ради не личного, а всеобщего блага.

Юного возмутителя спокойствия без особых колебаний вышибли из гимназии, нанеся этим косвенный удар по «очагу крамолы» — по дому писателя Коцюбинского. В автобиографии героя этого повествования сказано: «В конце июля 1915 года нас судили в Киеве Военно-окружным судом (Присутственные места на площади Богдана Хмельницкого). Я был главной фигурой обвинения. Мне было 17 лет. Нас сослали в Сибирь на вечные времена...»

Судьбе было угодно, чтобы эти «вечные времена» уложились всего лишь в два года... Возмужала, окрепла и физически и духовно после памятного киевского суда, после ряда царских узилищ, после омерзительных карцеров, после контактов с мудрыми царскими узниками прошедшая уже через огни и воды та бесстрашная живая душа...

Молодой большевик стал в центре грозных событий бурного 1917 года и в Киеве, и у себя на родине. Ему, ко-

торому не исполнилось еще и двадцати, солдатская масса вручает мандат на поездку в революционный Петроград.

Примаков вспоминает:

«Я принял участие и в работе II съезда Советов, и в боях на Пулковом поле под Гатчиной. Избран во Всероссийский ВЦИК, которым по просьбе Украинского Совнаркома был послан в Харьков...»

На Пулковом поле, где в жестокой битве с донской казачней генерала Краснова решалось, быть или не быть власти Советов, Примаков не был рядовым участником. Он возглавлял объединенный отряд Красной гвардии Речкинского паровозного завода и фабрики «Скороход».

Вот где и когда начала разгораться неугасимая солдатская искра. Будущий комкор писал: «Мы, все пять братьев, были воспитаны довольно сурово... Рос я под большим влиянием деда — запорожского казака, постоянно вспоминавшего Сечь и казачьи походы...»

А в Харькове? В Харькове, возмущенные тиранией «центральной зрады», народные массы создали свое первое рабоче-крестьянское правительство. Создали его 25 декабря 1917 года. А спустя всего лишь два дня, 27 декабря, «красный атаман» Виталий Примаков провел по улицам столицы Советской Украины первый полк червонных казаков. Антонов-Овсеенко позже, поздравляя воинов 1-го конного корпуса с их пятилетием, говорил: «Вы честно, доблестно держались в борьбе. Вы продолжали ее и тогда, когда многие в унынии сложили оружие. И вознаграждены были за вашу веру, когда вновь ударил час революции над Украиной...»

Как известно, не все путешественники выходят в Колумбы, в Пржевальские, в Хейердалы. А есть таланты, есть авторы таких открытий, что любое из них стараются повторить не десять, а сотни людей... Примаков прочно вошел в историю советского военного искусства как создатель мудрой теории глубоких кавалерийских рейдов, как их талантливейший реализатор.

«Я люблю кавалерийское дело — конница ярче всего отражает живой дух революции, его силу, порыв, энтузиазм...» — заявлял он.

Вот оценка «Правды»: «Под командой Примакова червонные казаки наносили сокрушительные удары по войскам Петлюры, Деникина, Врангеля, Пилсудского. Красные конники вели ожесточенные бои на просторах Украины, на полях Орловщины, на Дону, на Перекопе, в Карпатах...»

«Примаков — легендарный командир прославленного Червонного казачества, наводившего в годы гражданской войны страх на белогвардейские войска...» — такого мнения о сыне шумановского учителя легендарный маршал Жуков.

Еще в жаркую перекопскую страду довелось услышать от моего старшего товарища и командира: «Мы должны внушать дьявольский страх нашим врагам, внушать святую веру нашим друзьям. Врагам — собственным клинком, друзьям — собственным примером...»

И в то же время знаменитый рейдист был противником поучений. Сведя воедино его взгляды, можно сказать: не одобрял он мнение тех, кто ошибочно полагал, что вместе с мандатом на власть человеку вручается и мандат на мудрость.

Именно с высоты этого пагубного заблуждения такие люди считают своим первым долгом поучать всех направо и налево...

Летом 1920 года, в разгар боев с белополяками и с их жалкими подлипалами-петлюровцами за Галичину, он, Примаков, составил обращение к вражеским воинам: «Спішіть, козаки, розправтесь з підлими зрадниками і йдіть до нас, у наші червоні ряди, змити пляму ганьби з свого чола... Схаменіться, будьте люди...»

Самый бойкий участник черниговского кружка красноречия, он был несомненным мастером убеждать, не устрашать, вести диспут постулатами, не цитатами, психологией, не демагогией, умной строкой, не иерихонской трубой...

На вздорное выступление одного сугубо кабинетного вояки он отозвался так: «Перо — не язык, который балабонит подобно колотушке ночного сторожа. В руках сутяги оно — заступ, которым человек сам себе роет яму».

Примаков полагал, что обида во сто раз страшнее пули. Пуля — та может угодить в руку, в ногу, в спину и в голову тоже. А вот обида — та метит лишь в одно место: в сердце. Пуль наш бесстрашный комкор не страшился. Но обиды, полагал он, надо остерегаться пуще всего...

Восхищаясь высоким дарованием ряда полководцев, тех, кто, окружая себя людьми способными, добивался исторических побед, он сказал: «Дарование, как сверхмощный магнит, притягивает к себе таланты. Посредственность их отталкивает и терпит рядом с собой лишь тупиц и угодников...»

Маршал Кошевой, славный питомец Червонного казачества, писал: «Ни единого проигранного боя, ни единой пустой баталии... Дерзкий замысел и сокрушительный удар — вот ратный почерк создателя и вожака украинской советской кавалерии. На поле боя это был тонкий художник, на литературной ниве — неистовый боец...»

Остались позади заполненные историческими и даже драматическими событиями славные десятилетия, а люди, бойцы Примакова, и поныне очень тепло отзываются о своем командире.

«Какой был золотой человек. Как заботился, чтобы не обижали крестьян...» (Солдатенко Дмитрий, г. Черняховск).

«Гайдамаки боялись духа Примакова...» (Романченко Иларион, с. Дубровка).

«Скромный и добрый, он был нам как родной отец...» (Хоминич Иван, с. Вертиевка).

Всесторонний талант. Везде, всегда и во всех делах живая душа... Примаков не только прославленный полководец, не только создатель тех операций, по каждой из которых учатся не десять, а сотни генералов. Он дипломат. Его посылают представлять Страну Советов за кордон. В Китае он не только советник номер один на севере страны, но и создатель Полевого устава для молодой армии тогда еще революционного Гоминдана. В Афганистане не только военный атташе, но, по просьбе коварно свергнутого мусульманскими обскурантами Амануллы-хана, возглавляет его войска и вступает в бой с отрядами бунтовщика Баче-Саккао — пешки в руках мастера диверсий и переворотов, английского разведчика полковника Лоуренса. Устояло тогда под командой Примакова войско афганского повелителя, но не устоял сам повелитель. До времени смотался под крыло иранского шаха...

Славный победитель Лоуренса хорошо знал, что долго хранят память о народном подвиге людские сердца, но дольше и надежнее всего — книги. И книги из-под его боевого пера появляются одна за другой.

В 1922 году обстоятельный труд «Гражданская война на Украине», затем повесть «Митька Кудряш». В толстом академическом журнале Москвы он излагает собственный боевой опыт: «Рейды конницы» — настольную книгу всех советских конников. И танкистов также...

Свой военный опыт в Китае он обобщил в очерке «Записки волонтера». О Стране восходящего солнца появляется книга «По Японии», о пребывании за Гиндукушем — труд «Афганистан в огне».

И когда в порядке обмена он проходит курс в германской догитлеровской военной академии, выпускается очень пригодившаяся нашим полководцам книга «Тактические задачи германского генштаба».

А его короткие боевые рассказы... Они повторно вошли в сборник «Записки волонтера» (К., «Радянський письменник», 1970).

Ознакомившись с ними, скажешь: новелла — это искусно сконцентрированный из десяти длинных историй короткий рассказ...

Да, Примаков стал знаменитостью не старанием каких-то земных богов, не усердием дальнобойных дружков, а исключительно благодаря своим личным духовным, интеллектуальным и волевым качествам, которыми судьба щедро одарила его и которые получили свою шлифовку и завершение вначале в подпольных большевистских кружках, а затем на полях битв за дело Ленина.

Как-то довелось услышать от автора тех уникальных произведений: «Французы высоко ценят д'Артаньяна и прочих ловких мастеров шпаги, но более всего они дорожат теми, кто искусно фехтовал словом — Вольтером, Дидро, Флобером, Анатолем Франсом, Бальзаком и, разумеется, Жоресом...»

В 1922 году он от имени червонных казаков послал в Москву знаменитую телеграмму, которой возражал против поездки Ленина в Геную на конференцию европейских стран. Спустя полвека белоснежный лайнер «Виталий Примаков» завозит советские грузы в этот итальянский порт. Генуэзские школьники не раз побывали на том судне.

Почему столь живуче было примаковское боевое формирование? И даже покрыло себя неувядаемой славой, как писала «Правда» в 1934 году. Потому что никто из его бойцов никогда не забывал, что Червонное казачество есть неотъемлемая часть единой Красной Армии, потому что каждый третий в нем был коммунистом. И еще: каждый третий — комсомольцем. По примеру своего командира каждый знал, что прежде всего он должен бороться за интересы всех, за всеобщее благо.

Отстаивая завоевания Великого Октября, Червонное казачество несло порой огромные потери. Порой остава-

лась одна горсточка. Но сохранялось самое первое боевое знамя. Сохранялись закаленные во многих боях кадры. Сохранялась вера, как писал об этом Антонов-Овсеенко. Сохранялись боевые традиции. Дав новому пополнению старое знамя, старое имя, старые кадры, свои боевые традиции, войсковая единица снова живет. Снова с успехом ведет бой. Она оживает, как весенней порой оживает сохранившее корень, ствол и ветви любое здоровое дерево.

Главное, считал Примаков, не упасть на оба колена. А кто упал на одно, тот еще воспрянет... Посылая в атаку сабельную сотню, полк или даже бригаду, он, щедро и подкупающе улыбаясь, говаривал: «Если ты уж решил плюнуть тигру в пасть, то ни в коем случае не озирайся...»

Отмечая 60-летие Советской власти на Украине, страна сказала доброе слово и о тех что рядом со многими советскими полками неистово громил врага,— о Червонном казачестве. И его 60-летний юбилей был торжественно отмечен, как и 80-летие славного сына черниговской земли Виталия Марковича Примакова.

2. Буря мглою небо кроет...

Второго ноября 1919 года латыши прорвали фронт. За тридцать семь часов, в стужу и буран, червонные казаки углубились в расположение врага на сто двадцать километров. 6 ноября захватили в тылу деникинцев Фатеж и Поныри. Враг под натиском стрелковых дивизий с фронта откатился на сто километров к югу.

Тогда, в тяжкие дни и ночи снежного рейда на Фатеж — Поныри, Примакову было ровно без двух месяцев двадцать два года. Шутка ли — забраться в глубокий тыл победоносной армии, шедшей безостановочным маршем от Ростова и Царицына до Киева и Орла!

Ужас и панический страх долго внушало людям одно слово — Деникин. Еще страшнее звучало в ушах советских бойцов черное имя Шкуро. Деникинские головорезы уже показали себя в шахтерских поселках и городах Донбасса, в Екатеринославе, в Полтаве, в Ельце, в Воронеже. Истым бичом всего Южного фронта — от Днепра до Волги — стала конница белых.

Ее создавали многоопытные и многограмотные царские генералы. А первые отряды красной кавалерии сколачивали малограмотные вахмистры и малоопытные студенты. Но вот настал грозный час расплаты — панический ужас

и неизбывный страх стали вызывать в отборнейших полках врага кавалерия Буденного и конница Примакова.

А тут этот дикий буран, эта злая пурга, выбивавшая всадников из седел, швырявшая на колени богатырских битюгов из артиллерийских и пулеметных упряжек...

Еще в ушах звенели ликующие возгласы латышей, которые ночной штыковой атакой продырявили сплошной фронт кутеповцев и пропустили сквозь свежий пролом густые колонны червонных казаков. Весело провожали их сыны суровой Прибалтики: «Ура нашим боевым товарищам!» Вот тогда, в грозные дни осени 1919 года, и зародилось боевое братство трудовых сынов Украины и Латвии. Нацепив погоны на плечи и ненавистные царские кокарды на свои папахи из отборного решетиловского смушка, в тот рейд кавалерия Примакова шла под видом шкуровцев.

Что-то покажут грядущие встречи в Фатеже и в Поцырях! Опьяненные головокружительными успехами корниловцы, алексеевцы, дроздовцы и марковцы с их мрачными эмблемами на рукавах черных шинелей — скрещенные кости со словами «С нами бог!» — вездесущи. А этот свирепый буран, зажавший в костлявый кулак и всадников и их боевых коней, кажется во сто крат страшнее всех деникинцев и шкуровцев, вместе взятых.

Это он, Виталий Примаков, на совещании в штабе Ударной группы со свойственным ему пылом «печенега» доказывал командарму Уборевичу и члену Реввоенсовета Орджоникидзе, что рейд — единственное радикальное средство для физического и морального уничтожения вражеской военной машины, белой армии, изо всех сил рвущейся к сердцу Советской республики — Москве.

И это он, Виталий Примаков, сейчас, в дьявольский циклон, в ответе перед своей совестью, перед людьми, перед командармом за смело и радостно шедшую за ним боевую массу. Куда легче козырять вескими аргументами в самой жаркой полемике, нежели принимать решения в такую беспросветную полярную стужу... Да, он в ответе и за того задиристого паренька с Миргородщины Антона Карбованного, который не раз хвалился, что он «в воде не горит и в огне не тонет», и за усача Пантелеймона Потапенко, «старика», и за командира латышской конницы Яна Кришьяна, и за множество всадников, пригибаемых ныне завирухой к жестким гривам заиндевелых коней. И за совсем еще зеленого полусотника Володьку — младшего брата, которого Варвара Николаевна скрепя сердце

отпустила из Шуманов под ответственность старшего — Виталия.

Болит душа не только у Примакова. Болит она и у командира второго полка Потапенко — его младший брат Панас стоит сейчас со своей сотней казаков-барвенковцев в передовом заслоне. Павлуша Григорьев, москвич (его спустя два года на полях Полтавщины в жаркой сабельной схватке зарубят махновцы), мерзнет пока что вместе с казаками Первой бригады, которую лишь недавно возглавил его старший брат Петр Григорьев.

Комиссар артиллерии Ахий Шильман, соратник по черниговскому подполью, спустя десять лет возглавивший большевиков Смоленщины, тревожится в эту вальпургиеву ночь за младшего брата Муцика, который вместе с другими сотрудниками штаба обеспечивает начдиву бесперебойное управление полками.

Братья Примаковы, братья Потапенко, братья Туровские, братья Писаревские, братья Бароны, братья Жмаченко, братья Пархоменко, братья Шмидты — много знало Червонное казачество таких славных фамилий!

Три года назад в глухой сибирской тайге, отбывая ссылку, он — молотобоец у сельского кузнеца в Шалаеве — заблудился во время черной пурги всего лишь в трехстах метрах от поскотины. Нашли его бойкие псы хозяина. Но тогда он не был ни перед кем в ответе. А ныне...

Как только рассвело, вражеская артиллерия обрушилась с флангов прорыва на сплошную колонну конницы. Началась суматоха. Снаряд, известно, приносит одну беду, а вызванный им страх — все десять! Примаков становится на придорожный бугорок на виду у вражеских наводчиков. Властным голосом командует: «Церемониальным маршем во взводной колонне — марш!» И строгая команда старшего начальника, его невозмутимый вид, его вишневая трубочка, дымившаяся, как всегда, в зубах, сделали что надо...

Говорят, будто Юлий Цезарь перед боем здоровался за руку со своими центурионами. По-нынешнему — сотниками. В этом ли дело? Нет!

Дело в выдержке, закалке, невозмутимости! Не сдался же он в тяжкие дни первого суда, когда одно лишь слово «Отрекаюсь!» могло избавить семнадцатилетнего бунтаря от долгой варначьей жизни. С гладиаторской стойкостью перенес он два тифа в тайге и в придачу воспаление легких, тяжкую работу молотобойца в шалаевской кузнице.

А бессонные ночи в карцере Лукьяновской тюрьмы, где ложем служила жесткая доска, специально посыпанная негашеной известью...

Молодой узник кидался в бой, в неравный бой против свирепых тюремщиков, и зарабатывал один карцер за другим.

Но тогда он был узник с весьма узким кругом ответственности. А нынче он вожак конницы! От нее зависит судьба многих дивизий на фронте, судьба пролетариата, судьба столицы.

Ломал себе голову юный начдив в поисках выхода из жуткой обстановки, вызванной чертовой непогодой, которая, как он представлял себе очень ясно, была в то же время и надежной союзницей.

И тут не дают покоя сомнения... Они, эти сомнения,— доброе лекарство от самообмана и головокружения. И в то же время — это коварный ятаган, прячущийся под длинным плащом. Сомнение — надежный советник людей волевых и решительных и злой губитель людей малодушных. Но он, молодой воевода, давно уж усвоил железное правило — лишь тот может рассчитывать на победу над врагом, кто сумел вовремя победить собственные сомнения...

Этот коварный ятаган, прячущийся и под длинным плащом, и под мохнатой кавказской буркой, накинутой на плечи начдива, этот злой губитель непрестанно нашептывал: «Назад! Назад! Назад! Ни шагу вперед! Только назад! Поверни вспять! Лучше на час раньше, нежели на минуту позже! Не только поражение, но и пустой ход пустит под откос все прошлые победы — киевскую славу 1918 года, славу победителя под Харьковом и Люботином, славу зимних рейдов на Изяслав и Острог, славу боев за Полтаву и Чернигов... Назад! Назад! Назад!»

Попробуй двинуться вспять... Да еще в такую дьявольскую карусель... Градусник сразу покажет самую низкую степень боевого духа. С такой душевной «температурой» достаточно всего лишь одного полка белодонских, белокубанских, белочеченских башибузуков из конного корпуса генерала Юзефовича, и от грозной колонны, с таким энтузиазмом ринувшейся в прорыв, созданный искусством и отвагой латышских стрелков, останется лишь... Даже жутко подумать, что останется... В чем доныне была сила беляков? И особенно их кавалерии? В инициативе, в бешеном натиске даже там, где их было десять против ста... Навязывающий атаку собирает силы лишь на одном-двух участках, ждущий таковую должен

быть силен в десяти местах. А во что превращаются нервы, когда ты день и ночь ждешь «гостей»? Рейд и был задуман, чтобы отныне самим навязывать врагу атаки. Врагу, который в своих переметных сумках, отягощая холки коней, уже везет лживые воззвания к жителям Москвы...

Там, где-то за непроницаемой снежной пеленой, гудели надрывные голоса проводников, нащупывающих дорогу, а в голове вращалась та же лихая карусель...

Что только не мерещилось тогда молодому начдиву... Вот потянулись жалкие остатки конных полков царского генерала Мищенко, задумавшего навязать свои атаки японским самураям рейдом забайкальских и уральских казаков на Инкоу, но не сумевшего реализовать хорошую идею...

Во всех случаях он и его люди будут биться до последнего вздоха. В плен никто не сдастся. Это уже доказано не раз — последний патрон для себя... Нет, нет и нет! Как выпущенной из лука стреле нет возврата, так нет возврата и его коннице — коннице неугомонных мастеровых и напористых хлеборобов. Смерть или победа! И тут он в унисон порывистому ветру затянул: «Будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней...»

Всегда необычайно шустрый Мальчик, верный боевой конь начдива, то и дело отфыркиваясь от густых и назойливых снежных пушинок, упорно жался к рослому дончаку Туровского, начальника штаба дивизии, словно там искал защиты от рассвирепевшей стужи. А ретивый вожак конницы, зябко кутаясь в широкую кавказскую бурку, думал, мучительно и непрестанно думал о том, что враг все еще рвется и рвется к сердцу Республики. Собрав все самое оголтелое, все самое антинародное, все самое скотское в ударной армии генерала-алкоголика Май-Маевского, Деникин, как и все те, кто нахрописто и сумасбродно шел за ним, лелеял мечту посадить в каждом селе помещика, на каждой фабрике — акционера, в каждом уезде — полицмейстера, в каждой губернии — сатрапа...

Всем поручикам и подпоручикам Добровольческой армии (Добрармии, прозванной народом «Грабармия»), всем ее капитанам и штабс-капитанам, всем ротмистрам и штаб-ротмистрам, всем генералам от инфантерии, генералам от артиллерии, генералам от кавалерии, всем адъютантам и флигель-адъютантам, чьи руки на длинном пути от Ростова до Орла густо покрылись праведной кровью тружеников городов и сел, снились уже шумные банкеты

и попойки, приемы и гульбища в знаменитых на всю Европу московских ресторанах «Медведь» и «Яр»...

Не зря в «Истории Коммунистической партии Советского Союза» сказано: «Никогда еще белогвардейцы не находились так близко к сердцу страны...»

А хлопцам Примакова без конца снятся заманчивые берега Днепра и Буга, Горыни и Случи, Донца и Днестра. Особенно после недавней славной сечи под Костельцевом, на подступах к Кромам, которая изрядно поубавила число претендентов на уютные столики «Яра». Мчась с оголенными клинками на сомкнутые ряды дроздовцев, неистово кричали «Даешь Украину!» и всадники-интернационалисты, которым все чаще и чаще снились берега Тиссы и Дуная, Вислы и даже Шпрее, Рейна. Ему же, чья голова вот сейчас, в этот неистовый циклон, решает труднейшую задачу «быть или не быть», снятся волшебные берега Десны и сказочные дубравы Черниговщины. Снится город Чернигов и в нем тихая усадьба на Северянской, где еще не так давно он простился с той, которая вот-вот осчастливит его... Развернется род Примаковых, прибавится и к родне Коцюбинских. И обязательно будет парень. Не раз об этом блаженно мечтали вслух вместе с Оксаной. Будет голосистый казак на радость шумановской бабке Варваре Николаевне. Главное — закончить с успехом, как было задумано в штабе Уборевича, под одобрение члена Реввоенсовета армии Орджоникидзе, эту крайне рискованную, но вполне перспективную операцию, этот снежный рейд, от которого, он более чем уверен, зависит, быть или не быть в каждом селе помещику, на каждой фабрике акционеру, в каждом уезде полицмейстеру, в каждой губернии сатрапу...

Свернуть с полдороги... Отказаться от смелого замысла... Отказаться от жар-птицы, даже не приблизившись к ней... А самое главное — сорвать планы высшего командования... Уподобиться злосчастному герою русско-японской войны генералу Мищенко... История не раз и довольно жестоко карала всех этих слабовольных.

Закон есть мудрый, очень строгий...
О нем забыл ты? Неужели?
Сворачиваешь с полдороги —
Вовеки не достигнешь цели!

Нет, нет и нет! О возврате не может быть и речи! Пусть дьяволу в пасть, но только вперед! Вперед! Вперед! Вперед!

И вдруг, перекрывая неистовые, мрачные перегуды неутихающей бури, молодой ликующий голосок возвестил: «Проводник! Нашел боевого проводника!» Тот самый, который не раз хвалился, что он в воде не горит, в огне не тонет, привел местного жителя, охотно взявшегося проводить красных куда следует... С таким человеком и жуткий буран стал более надежным союзником... Шутка сказать — три прежних проводника сами сбились с пути! А этот — потомственный пастух, с юных лет излазил вдоль и поперек все эти рвы и овраги...

Штабная братва, узнав в боевом казаке Антона Карбованного из сотни Панаса Потапенко, тут же принялась подшучивать над бывалым рубакой: «Миргородські паничі б'ють воші проти місяця вночі». А этот лихой «миргородский панычь» спустя два года, пройдя вместе с примаковскими всадниками огонь и воду, скажет по-философски: «Сердце имеет десять жил. Они рвутся от горьких обид и нудной работы. Они крепнут от веселья и радостного труда...»

Интересны воспоминания близкого соратника Примакова полковника в отставке Сергея Медянского о том историческом походе:

«Впереди Виталий Маркович. Завернулся в бурку, но ветер распахнул ее, на плече блеснул кончик генеральского погона. Никто уже не пускает шуток про бал-маскарад, все серьезны — линия фронта близко... Дивизия двигалась по намеченному маршруту, укрытая снежной пеленой. Но вскоре метель совсем обезумела. Все вертелось, кружилось, свистело, словно земля встала дыбом. С дороги сбились. Облепленные десятками людей пушки, будто чудовищные сороконожки, медленно передвигались по сугробам. Проводники останавливались, спорили между собой и снова куда-то вели нас, бессильных с нашими топографическими картами... В конце концов даже они, местные, запутались среди бесчисленных балок и оврагов...

Примаков распорядился остановить колонну, сомкнуть части без интервалов, опоясаться пулеметами. Конники спешились, загородились от ветра лошадьми. Военком Петровский со штабниками обходили колонну, не давали бойцам ложиться в снег, уснуть...»

Спустя шесть дней Реввоенсовет подводил итог той вальпургиевой ночи и славному рейду, который навел панический страх на «непобедимые» полки Деникина: «В этих боях вечною славою покрыли себя части Латышской дивизии червонных казаков...»

Дошли уже до воинов и слова из приветствия Моссовета: «На золотые страницы истории навсегда будет вписано имя червонных ка аков». Да, сомнение — это добрый советник лишь для людей решительных и волевых!

Командование, воздавая должное отваге полков Примакова, снова двинуло его конницу в новый рейд. 15 ноября 1919 года червонные казаки, разгромив тылы врага, захватили Льгов и пять деникинских бронепоездов на станции. Один из них, «Генерал Дроздов», приказом командования армии был переименован в «Червонного казака».

3. Москва, Кремль, Ленину

«Дорогой Владимир Ильич!.. Нам удалось прорвать фронт противника... В прорыв пустили кавалерию Примакова... По пути Примаковым разбит 3-й Дроздовский полк из группы, которой дано задание до зимы захватить Москву... Только что получил донесение Примакова... Думаю, что Деникина мы разобьем, во всяком случае о Москве он дожен перестать думать. Ваш Серго».

...Из всех первоочередных, нет сомнения, ту депешу от 6 ноября 1919 года Ленину на стол положили на самом видном месте. Прежде всего она убедительно подтверждала оптимистические прогнозы вождя революции. Ленин неоднократно повторял и в статьях, и с трибуны: «Мы твердо уверены в нашей победе над Юденичем и Деникиным». Пусть и не без тяжких трудов и не менее тяжких потерь. Эта победа развеет в прах страшную угрозу, нависшую над столицей и над всей Республикой.

И нет сомнения, что в эти радостные минуты Ленин, крепко зажавший в обеих руках известие с Южного фронта, вспомнил того одухотворенного боевым пылом молодого человека, который в дореволюционные годы неожиданно появился в Париже на улице Мари-Роз...

Тогда он с великим оптимизмом докладывал о непотухающей силе Революции, которая живет в пролетариях Кавказа.

Что ни говори, есть у нас свои Сен-Жюсты... Вожаки неистовых санкюлотов Питера, Москвы, Самары, Донбасса. Член Реввоенсовета армии! Проводник политики и воли партии, ее Центрального Комитета. Нынче за ударный и самый уязвимый участок Южного фронта, по которому проходят основные коммуникации из Орла в столицу, можно быть спокойным... «Деникина мы разобьем...

О Москве он должен перестать думать...» — пишет с фронта наш Сен-Жюст...

А до этого в Кремле была получена от него же иная реляция... Воистину — словам тесно, а мыслям и конклюзиям оптимальный простор!

Всего шесть слов — «Москва Ленину Привет из Орла Орджоникидзе...»

Да, за этими скупыми словами стояли события исторической важности. Ведь недавно — 13 октября — бешеная гвардия генерала Кутепова, его закаленные в кровавых боях офицерские полки, классово однородные и социально сплоченные, после ожесточенных боев ворвались в Орел. Из Орла вела прямая и кратчайшая дорога на Тулу. Из Тулы на Москву... Хвастливый генштабист из ставки Деникина заявил тогда: «Теперь уже до самой Москвы Добровольческой армии вести боев не придется...» В Орле молодчики из «Грабармии» похозяйничали. Вероятно, азиатские скопища Батыя так не разорили город Киев в тринадцатом веке, как вылощенное офицерство, воевавшее за «единую неделимую Россию», в двадцатом столетии опустошило и залило кровью всего лишь за одну неделю своего господства славный старинный русский град на Оке.

Получив «радостную» весть из Орла, московское купечество, по сообщению харьковской белогвардейской газеты «Народное слово», решило преподнести один миллион рублей николаевками, царскими банкнотами, тому полку «добровольцев», который первым вступит в Москву.

В спешном порядке пропаганда беляков выпустила огромный плакат, на котором был изображен грозный белый всадник, напоминавший Михаила-архангела. Копыта задних ног его разгоряченного коня топтали Орел, копыта передних яростно нависли над Москвой. История вскоре внесла поправку в это «произведение» искусства. Задние ноги червоннoказачьего коня топтали беляков под Орлом, а передние уже были нацелены на их Перекопский бастион.

Вскоре после освобождения Орла Ленин в своей речи перед слушателями Свердловского коммунистического университета, спешно отправлявшимися на фронт, сказал: «Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту...»

Но и это, как показали дальнейшие события, в которых активное участие принимали червонные казаки и латышские стрелки, белому диктатору не помогло. Активное

участие... Вот как об этом пишется в сборнике «История латышских стрелков»: «Латышские стрелки дрались упорно, хладнокровно, отважно, с прибаутками и юмором. Латышские стрелки и червонные казаки в плен не сдавались. Раненые застреливались, если не было надежды попасть к своим...»

Сообщение Серго и есть бесценнейший подарок к Седьмому ноября — второй годовщине Великого Октября, положившего начало новой, социалистической эре. Ленин устремил взгляд на затянутые плотной ледяной пленкой стекла огромных кремлевских окон. Да, там, на снежных просторах Орловщины, в эту лютую зиму жарко. Вчера звонил из Реввоенсовета Республики товарищ Склянский, докладывал об успешной ночной атаке на участке Чернь — Чернодье своих земляков — латышских стрелков, которые в маскнакидках из белых простыней штыковым ударом протаранили брешь для советской конницы, устремившейся в глубь вражеских тылов... Да, патентованные волхвы на берегах Сены и Темзы предрекали новой власти недолгую жизнь... Всего две недели, потом расщедрились — накинули еще два месяца. Как раз сегодня, 7 Ноября, в день получения столь радостной фронтовой реляции, ему надо выступать с докладом «Два года Советской власти» на объединенном торжественном заседании партийных, правительственных, профсоюзных, молодежных организаций столицы...

Серго пишет: «Дорогой Владимир Ильич!», а по сути этот его окрыляющий рапорт адресован в первую очередь пролетариям Москвы, Питера, всему советскому народу. Ленин, то поднося шелестящие жгуты телеграфной ленты к глазам, то держа их в вытянутой руке, вспомнил о полном тревоги и веры воззвании ЦК партии — «Все на борьбу с Деникиным!». Он тут же дает указания: уточнить в Реввоенсовете Республики положение на Орловском участке фронта. И пусть Склянский лично каждые два часа сообщает ему краткую сводку боевых действий Ударной группы. И пусть отдельно обрисует, что из себя представляет кавалерия Примакова, фамилию которого он в эти решающие дни слышит уже не в первый раз. И пусть сразу же обо всем, что сообщил с фронта Орджоникидзе, станет через прессу известно всей стране. И пусть текст депеши будет размножен для всех членов ЦК в первую очередь. Ведь это их титаническим трудом подняты на подвиг массы народа, дающего армии людей, транспорт,

хлеб, шинели, винтовки, сабли, орудия, а главное — несокрушимую волю к сопротивлению и к победе.

Кавалерия Примакова... До этого слух резали жуткие слова: кавалерия Шкуро, кавалерия Мамонтова, кавалерия Улагая, кавалерия Покровского, кавалерия Юзефовича...

В те дни, когда червонные казаки громили грозное дотоле офицерье генерала Кутепова под Кромами, Буденный развеял в прах объединенную группу белой конницы Шкуро и Мамонтова под Воронежем. И тут же наметились два каленых гребня сверхмощных тисков, которым предстояло в жестоких боях намертво стиснуть вооруженную щедротами Антанты Добровольческую армию белых.

Вспомнил Ленин высказывание Энгельса: «Персидская империя обязана своим величием... воинственным кочевникам нынешнего Фарсистана, народу наездников, у которого конница сразу заняла преобладающее положение...» И еще: «Усилиями Зейдлица кавалерия Фридриха достигла совершенства, не превзойденного ни одной кавалерией...»

Казаки Дона и Кубани, горцы Кавказа — зажиточный пласт «народа наездников» — и комплектовали ряды Шкуро, Улагая, Юзефовича. Их конница расчистила путь Деникину от Ростова до Орла... А Красная Армия начинала с ноля. И по части формирований, и по части опыта. Учила жизнь, учил и враг... Ведь и Петр поднимал «заздравный кубок» после исторического Полтавского сражения, отдавая должное «учителям» из далекой Швеции.

Но лишь тогда наука чего-то стоит, когда ученики ощутимо выявляют свое превосходство над своими учителями...

И вот появляются, радуя сердца миллионов, кавалерия Буденного и кавалерия Примакова... Своими соками ее питают неимущие пласты Дона, Кубани, Украины и всей страны.

Остановившись возле своего рабочего стола, Ленин запустил три пальца левой руки в жилетный карман.

Как-то ему докладывали, что после так называемой «июльской директивы» Деникина на всех вагонах всех поездов вражеские пропагандисты вывели жирными буквами: «На Москву!» Пусть себе тешатся... Но для реализации всех этих стратегических прожектов современные мальбруки замели под метелку всех способных носить оружие.

А он, Ленин, сразу же предсказал — поголовная мобилизация погубит Деникина...

И вот эти радостные депеши с фронта! С решающего, можно прямо сказать, Московского направления. Да, Красная Армия теперь уже свободно владеет всеми видами оружия.

Есть и своя кавалерия!

Советская боевая кавалерия... Это уже войдет в историю. Если октябрьские бои у Кром и Воронежа — это первые уколы, пусть и болезненные, то ноябрьские, судя по депеше Серго и по тем «функциям», которые должны выполнить Буденный и Примаков, уже будут не дрелью, не коловоротом, а мощнейшим буравом, который протаранит всю стратегическую толщу врага.

Да, это войдет в историю, без сомнения, подумал тот, кто держал в своих мудрых и твердых руках все основные нити решающих боевых операций Красной Армии. Войдет в историю, как вошла в историю кавалерия воинствующего Фарсистана и свободолюбивых скифов, существовавшая двадцать пять столетий назад; кавалерия Александра Македонского, поработившего многие народы двадцать три века назад; кавалерия Ганнибала, громившая двадцать два столетия назад непобедимых римлян; кавалерия Чингисхана, загнавшая под пяту ордынских завоевателей пол-Европы всего лишь семьсот лет до наших дней. Победоносная янычар-конница ненасытных и кровожадных султанов; кавалерия прусских феодалов Зейдлица; русская — Меншикова из армии реформатора Петра; разбившая шляхетское ярмо кавалерия запорожцев Богдана Хмельницкого; казачья кавалерия Платова, громившая интервентскую кавалерию наполеоновского маршала Мюрата; кавалерия рабовладельцев-южан; кавалерия их антиподов — северян...

Многие века, являясь основной ударной силой, конница по праву считалась царицей полей. Появление пулемета свело ее на роль красы полей. Дальнейшее развитие средств подавления обратило этот род оружия в обузу полей, а то и ездящую пехоту... И вот лишь гражданская война реабилитировала, пусть и на краткий срок, конницу.

Вновь она стала основной ударной силой, вернув себе славный титул царицы полей...

Еще не так давно пролетариат вынужден был пользоваться своим традиционным оружием — булыжником, а нынче, кроме раскинувшихся от Волги до Днепра и на просторах Сибири двадцати армий, в его распоряжении грозная ударная сила — славная кавалерия Буденного и славная кавалерия Примакова... Да, и эта конница вой-

дет в историю, но под иным знаком. Под знаком борцов за свободу... Все повторялись в уме слова Серго:

«Деникина мы разобьем, во всяком случае о Москве он должен перестать думать... Только что получил донесение Примакова, и наши ожидания больше чем оправдались...»

В те решающие дни, когда страницы «Правды» были заняты тревожными репортажами с топливного и продовольственного фронтов, газета в редакционной статье «На новые подвиги» писала: «Молодецкий набег тов. Буденного дал нам 2 бронепоезда, более 2000 пленных. Набегом отряда тов. Примакова взят Льгов, захвачена богатая добыча...»

«Что ж? — мог подумать Владимир Ильич в своем не очень тогда теплом кабинете, вспомнив тех, кто вел к победе молодые советские полки на полях сражений Орловщины, Псковщины, Поволжья, Туркестана, Сибири.— Прав был мудрый Жан-Жак Руссо, который сказал, что лишь великие события создают великих людей...»

Времени не все подвластно. Со всеми подробностями навсегда останется в памяти давний разговор с Виталием Марковичем Примаковым на Гоголевском бульваре Москвы.

В тот день, когда мы беседовали на Гоголевском бульваре, я спросил Виталия Марковича: что ему более всего дорого из бурных событий гражданской войны? Знаменитый мастер глубоких рейдов ответил: «Самым дорогим считаю депешу Серго Орджоникидзе В. И. Ленину ко второй годовщине Октября».

Уже тогда мне стало ясно, что не трижды упомянутое в послании имя Примакова больше всего волновало моего собеседника. Послание в Кремль, утверждал Виталий Маркович, покажет не только историкам, но и всему миру, какой отчаянной — не на жизнь, а на смерть — была борьба между новым и старым миром. И если мы победили, то это потому, что все основные нити руководства решающими операциями находились в твердых руках Ленина, хотя формально он и не был наделен высоким званием главковерха.

А было очень тяжело. Партия звала: «Все на борьбу с Деникиным!» В архивах сохранился любопытный документ, датированный 5 июля 1919 года. Полный жгучей тревоги за судьбы революции и страны, он адресован Совету обороны Республики в самое критическое для Красной Армии время, когда войска Деникина шли на север, к сердцу страны — Москве.

В. М. Примаков пишет Совету обороны, что наступление белогвардейцев создало на фронте катастрофическое положение. «В войсках,— продолжает он,— есть вера в победу, но она как-то пассивна... Нужно сосредоточить в тылу, верстах в ста от фронта, свежие и непотрепанные войска хотя бы силою в две пехотные дивизии и одну кавалерийскую... Наступление ударным кулаком, безусловно, будет успешным, так как белые сильно распылили свои силы и крестьянство против них. Первая же победа увлечет за собой и все остальные части...»

В жестоких боях поредели ряды конницы. И тогда пришла весомая подмога — пролетарии Москвы и Питера. Этот боевой сплав украинской трудовой молодежи и рабочих России сыграл решающую роль в грядущих схватках с белогвардейскими и антантовскими полчищами.

Овеянные бурями гражданской войны, закаленные встречными ветрами, отлично показали себя в годы Великой Отечественной войны славные ветераны кавалерии Примакова.

Продолжает жить и трудиться вместе с нами герой гражданской войны В. М. Примаков. Вспомним строки из «Правды»: «Теплоход «Виталий Примаков» сдает судовой команде коллектив завода «Красное Сормово».

Священна для нас память о храбром витязе революции. Он всегда будет звать молодежь на новые подвиги.

* * *

Почти синхронно взметнулся лес рук. От красочных картонных прямоугольников в многоярусном зрительном зале Большого театра словно вспыхнуло яркое пламя. Порыв всеобщего согласия!

Вместе со всеми делегатами съезда взметнул руку с мандатом и Виталий Примаков. Свой делегатский документ он достал из левого нагрудного кармана синей казацкой рубахи, на которой сверкали боевые ордена Красного Знамени и депутатский значок ВУЦИКа.

Делегаты Первого съезда Советов Союза СССР утверждали Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

За той скромной по размерам делегатской карточкой стояла железная воля огромной массы советских людей. И одним из выразителей их непреклонной воли на том историческом вече был двадцатипятилетний, большого и всестороннего дарования мечтатель и мыслитель, чья

счастливая сабля не знала ни горьких поражений, ни даже временных неудач.

За то, чтобы тот мандат достался Примакову, за то, чтобы он выражал в Харькове, а потом и в Москве их волю, горячо выступали советские воины в Тульчине в 1-м Мелитопольском полку Червонного казачества имени Евгении Бош. Той боевой единицы, основу которой в декабре 1917 года заложили рабочие Харькова и отклонившиеся от Центральной рады, обманутые ею воины гайдамацкого полка.

Поручали Примакову ратовать в Москве за создание Союза трудовых республик и казаки 2-го Бердянского полка — труженики села Барвенково на Харьковщине, полка, во главе которого стоял бывший политкаторжанин Пантелеймон Потапенко, полка, который для борьбы с гитлеровцами дал двух прославленных маршалов — Петра Кошевого и Ивана Пересыпкина.

Своим делегатом на съездах захотели видеть знаменитого рейдиста и всадники 3-го Криворожского полка в Гайсине, в котором было немало кубанцев,— им впоследствии командовал потомственный кузнец Путиловского завода Николай Федоров.

В именных списках того замечательного полка числился когда-то и нынешний член Союза писателей Украины, переводчик Степан Ковганюк.

В Меджибоже на Буге кавалеристы 4-го Новоушицкого полка были того же мнения, что и их побратимы из 3-го. Его боевым комиссаром был Филипп Жмаченко, будущий Герой Советского Союза, генерал-полковник.

5-й Литинский полк, которым одно время командовал будущий маршал танкист Рыбалко, считал, как и все, что испытанное в годы гражданской войны добровольное единение Советских Республик сыграет решающую роль в деле претворения в жизнь нелегких задач по созданию социалистического общества, первого в истории человечества. На том собрании не раз повторялись пророческие слова Ленина: «Россия нэповская будет превращена в Россию социалистическую!»

6-й Лубенский полк в Антонинах обсуждал наказ для своего делегата. В том полку в то время командовал сабельной сотней Кондрат Мельник, уроженец Киевщины, который впоследствии во главе армии крошил фашистов на Керченском полуострове.

На Перекопе в 1920 году под знаменем этого примаковского полка сражался и нынешний профессор философии в Таллине Отто Штейн.

В Староконстантинове 7-й полк конников, как и 8-й в Хмельнике, своими голосами еще больше укрепил силу того мандата. 9-й Краснопутиловский полк в Изяславе, в первой сотне которого проходили службу добровольцы Путиловского завода и во второй сотне которого в роли взводного командира служил уроженец знойной Армении Сергей Худяков, будущий маршал авиации, считал, что лучше всех выразит их волю в Москве тот, за кем они идут в огонь и в воду.

В память ярко показавшей себя в те трудные годы дружбы советских народов ныне в городе Ленина рядом с Кировским заводом появились две улицы: имени Червонного казачества и Виталия Примакова.

О ленинском плане добровольного и равноправного слияния Советских Республик в 10-м полку червонных казаков горячо говорил комиссар полка Михаил Казаков — будущий генерал армии, защитник блокированного Ленинграда и будущий начальник штаба войск стран Варшавского договора, автор замечательной книги «Над картой былых сражений», военный консультант монументального кинопроизведения «Ватерлоо».

В Старой и Новой Синяве отдали должное животрепещущей теме казаки 11-го полка, как и в Проскурове и в Староконстантинове пушкари обеих червоннказачьих дивизий: 1-й Запорожской и 2-й Черниговской.

Александр Горбатов, стоявший тогда во главе 12-го полка имени Башкирского ЦИКа, впоследствии советский комендант Берлина в 1945 году, звал своих бойцов — трудовых парней Украины и Башкирии (эти служили в первой сотне полка) — отдавать свои голоса Примакову, который лучше всех будет там, в столице, отстаивать великую идею Ленина. В том полку служил голосистый запевала сабельной сотни Павло Кармалюк, позже народный артист Советского Союза.

В многотысячном конном войске поднимали свои мандаты за идею объединения сыны Украины, Кубани, Ленинграда, Москвы, Латвии, Литвы, Эстонии, Осетии, Башкирии...

В 1919 году эти конные полки и дивизии участвовали в решительном разгроме белогвардейского войска.

Хорошо это отображено в боевом стихе 1933 года Павла Усенко «Рейд на Фатіж — Понирі»:

Не схибить в ударі навідмаш рука!
Діждалися кари — рубай біляка!
Своєю рукою його поздоров.
Веде нас до бою Віталь Примаков...

А когда враг навалился на Украину, ей на помощь пришли дивизии Российской Федерации. Об этом ярко сказал Багрицкий:

«Украине на подмогу вышли северяне, москвичи в суконных шлемах, петроградцев роты, на боках коней башкирских виснут пулеметы...»

За то, чтобы дать мандат от Подолии и Волыни Примакову, шла речь на многочисленных собраниях рабочих сахарных заводов и тружеников села.

Да, в том скромном по размерам картонном мандате Примакова были сконденсированы тысячи и тысячи воль, множество желаний и устремлений, чаяния и мечты огромной массы советских людей. Всех тех, кого по праву можно назвать фундаторами СССР.

Поднимая руку с зажатым в ней мандатом, Примаков был полон счастья, что он голосует вместе с теми, кто в тяжкие годы гражданской войны от имени партии давал ему мандат на создание боевых полков советской конницы,— с Затонским, Скрыпником, Петровским, с ближайшим соратником Ленина — Серго Орджоникидзе, с душевным и обаятельным Серго, который не раз повторял ему ленинские слова: «Необходимо единство военных сил...» И что нарушение этого единства — есть измена... Это когда он провожал Примакова в рейды по белым тылам. Он слал тогда депеши в Кремль: «Червонные казаки действуют выше всякой похвалы...»

Признавая большие заслуги Червонного казачества на боевом и хозяйственном фронте, делегаты Первого съезда единодушно избрали одного из создателей нового государственного образования Страны Советов Виталия Марковича Примакова членом ЦИКа СССР.

...Вошли в силу Декларация и Договор. Они утверждены державной волей собравшихся в Большом театре делегатов из всех Советских Республик. И непреклонной волей пославших их в Москву сотен тысяч и миллионов граждан.

Под высокими сводами, где обычно звенели прекрасные аккорды бессмертных творений Чайковского, Моцарта, Верди, прозвучала мелодия пролетарского гимна. Своими волнующими словами он как бы освятил на века великое

историческое свершение. Он освятил новый, первый в истории человечества союз трудовых республик.

Посланник Подолии и Волыни, молодой репрезентант славной советской конницы вспомнил один давний разговор со своим отцом. Это было на сенокосе ранним летом 1917 года. Пять с половиной лет назад...

После утомительного дня он в тени густого орешника стал рисовать вслух картины изумительного, полного красы и справедливости будущего. Уверял отца, что там, где ранее стояла царская тюрьма народов, возникнет светлая и дружная держава свободных тружеников.

Запрягавший Гнедка Марко Григорьевич бросил короткую реплику: «Блажен, кто верует...»

А сын, веря в реальность своих прекрасных мечтаний, ответил с присущей ему кротостью: «Любая идея, батя, требует веры...»

И вот 30 декабря 1922 года его мечтания сбылись.

4. Исполин

Примаков не был первым, кто открыл человечеству закон вращения Земли. Известно — открыл его Коперник. Не был он и автором закона притяжения. Авторство принадлежит Ньютону. Не он обогатил мировую науку и теорией относительности. Это сделал человек, чудом избежавший газовых камер нацистов, светило всемирного звучания профессор Эйнштейн.

Но сын народного учителя из глухого Черниговского Полесья первый обогатил советское оперативное искусство теорией глубоких конных рейдов и первый, кто эффективнейшим образом и многократно осуществил эту мудрую теорию на практике.

В 17 лет Примаков штурмовал твердыни царского самодержавия, в 20 — баррикады Зимнего, в 22 — капониры и бастионы Перекопа. А его славные питомцы — от рядовых до маршалов — в 1945 году штурмовали рейхстаг...

Мое отношение к Примакову лучше всего выражено в труде «Колокол громкого боя». Работе о выдающемся полководце и одаренном литераторе оказал внимание автор бессмертного «Василия Теркина», редактор «Нового мира» Александр Твардовский, опубликовав ее на страницах своего журнала (II, 1967). Более десяти лет назад труд под названием «Примаков» увидел свет в Москве в серии ЖЗЛ (1968), а также в Киеве — в серии «Життя славетних» (1977).

В 1975 году книгу «Колокол громкого боя» выпустило в свет издательство художественной литературы Украины «Дніпро».

Мудро разработанная молодым Примаковым теория глубоких ударов по жизненно важным тылам врага, а также живой пример червоннοказачьих полков весьма и весьма пригодились, если судить по мемуарной книге генерала Белова, и в Великую Отечественную войну. А самое главное — в дни, когда снова, теперь уже в зимние дни 1941 года, решалась судьба Москвы...

Небезынтересно и то, что опыт боевой советской кавалерии помог в 1922 году на полях сражений далекой Анатолии Кемалю-паше разгромить армию интервентов греческого генерала Трикуписа, а самого генерала захватить в плен. Генерал-сювари (кавалерист) Фахреддин-паша, создав крупный кавалерийский кулак, сокрушал им тылы и коммуникации противника. Не зря украинский полководец, непревзойденный рейдист, как назвал его командарм Уборевич, слыл в Турции под именем Примаков-паша.

Почитали на полях сражений Анатолии и талантливого сына литовской земли. И звали его турецкие воины всех рангов Йилдирим-паша, что в переводе значит «генерал-молния». Так высоко ценились стремительные и результативнейшие боевые операции командарма Иеронима Петровича Уборевича то на Крайнем Севере, то на просторах Подолии, то на подступах к Крыму, то на Дальнем Востоке. Одним словом — Йилдирим-паша!

Для нас, бойцов 1-го Конного корпуса, Примаков был примером и на плацдармах сражений, и на ратном поле боевой литературы. Что касается конных атак, то тут следует напомнить о первой заповеди примаковского воинского катехизиса. Вот она — эта первая заповедь: «Святая обязанность командира полка — управлять боем. И в наступлении, и в обороне. Но... бывают такие исключительные ситуации, когда командир конного полка, доверив все прочие заботы своим помощникам, сам становится во главе атакующих, чтобы лично вести их в сабельный бой!»

Школа мужества, пройденная им еще в юные годы, учила презирать людей, у которых дело расходится со словом. Вот почему не только в ту пору, когда он командовал полком, но и когда стоял уже во главе конной дивизии и даже корпуса, Примаков строго соблюдал ту первую заповедь.

12 ноября 1920 года, в дни окончательного разгрома кичливой армии «самостийников», под Вендичанами (Могилевское направление), Примаков стал во главе атакующего 5-го полка, ринувшегося в сабельный бой с бригадой есаула Фролова, вероломного союзника пана Петлюры.

Природный дар непревзойденного рейдиста шлифовался в отчем доме на берегу светловодной и звонкой Десны, затем в милой его сердцу тенистой усадьбе на Северянской улице родного Чернигова, где не раз довелось ему слушать пока еще робкие, но звучные стихи одного молодого поэта. Очевидно, не зря уже в 1965 году поэт с мировым именем Павло Тычина писал автору этих строк: «Спасибі за прекрасну, таку потрібну мені книгу «Сурмачі сурмлять тривогу» (автограф на сборнике стихов «Срібної ночі»).

Шлифовался тот необычный дар в подполье, а также в мерзких камерах царских темниц и острогов. Может, и поэтому сын черниговского Полесья стал не только талантливым полководцем, но и одаренным литератором, опытным дипломатом — военный атташе в Афганистане (1927—1928), военный советник в Китае (1925—1926), военный атташе в Японии (1928—1930). А также искушенным политиком — депутат Верховных Советов УССР, РСФСР, СССР (1917—1936).

Что касается ратного поля литературы, то, без сомнения, и здесь Виталий Маркович служил примером. «Гражданская война на Украине» была его первым, но далеко не последним произведением.

Наш читатель уже получил и продолжает получать множество мемуарных книг прославленных военачальников всех степеней и рангов — от полковников до маршалов. Но самым первым советским военно-мемуарным произведением была именно та уникальная 1922 года книга Виталия Примакова. Автору шел тогда всего лишь двадцать пятый год...

Тяготение от клинка к перу перешло от Примакова к его подчиненным и питомцам. Прекрасные мемуарные книги вышли из-под пера бывшего комполка 12, затем генерала армии, коменданта Берлина Александра Горбатова — «Годы и войны»;

бывшего военкома 10-го полка, генерала армии, начштаба войск Варшавского пакта Михаила Казакова — «Над картой былых сражений»;

бывшего старшины сотни 2-го полка, потом Маршала Советского Союза Петра Кошевого; бывшего политрука сотни связи 1-й Запорожской дивизии, маршала войск связи Ивана Пересыпкина;

бывшего линейного казака 1-го полка, генерал-полковника, члена Военного совета МВО Константина Грушевого; бывшего начштаба 9-го Краснопутиловского полка генерал-майора Андрея Ковтуна;

бывшего особиста 2-й Черниговской дивизии, московского пролетария (Трехгорка) Ивана Крылова; бывшего казака 3-го полка, а ныне писателя Степана Ковганюка;

бывшего ездового на тачанке 2-й Черниговской дивизии поэта (друга Есенина) Ивана Приблудного (Овчаренко). И напоследок — бывшего военкома конного корпуса Червонного казачества, ныне академика, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Исаака Минца, автора капитального трехтомного труда «История Великого Октября».

10 августа 1980 года в честь 60-летия первого освободительного похода Красной Армии в Галичину и в честь тех, «хто приніс щастя і радість в домівки галицьких злидарів» (из письма О. С. Черемшинского — директора музея академика Гнатюка на Тернопольщине), открыт памятник командарму 1-й Конной Буденному в Бродах.

В честь памятного Карпатского освободительного похода червонных казаков (18—22.8. 1920) 20 августа 1980 года заботами трудящихся и городского комитета партии в городе Стрые торжественно открыт памятник создателю и командиру Червонного казачества Виталию Примакову. 22 августа «Радянська Україна» писала: «Как живой с живым, вечно бессмертный, будет шагать со стрыянами в будущее легендарный Виталий Примаков».

Походу в Галичину и Стрыйскому рейду («В Карпаты, в Карпаты, где спит Святогор...») и посвящен мой роман «Золотая Липа». Ценные советы при создании этой, выдержавшей с 1932 года десять изданий, книги давал Примаков, тогда замкомандующего Военного округа в Ростове-на-Дону. Так что были не только пример, но и существенная помощь...

Да, под непосредственным влиянием нашего командира и старшего товарища (всего лишь на четыре месяца) и я потянулся от клинка к перу.

В мае 1921 года вызвали меня из Литина, где стоял наш 7-й Полтавский полк, в Винницу. Там, в штабе корпуса, Примаков без всяких преамбул встретил меня монологом:

«Из всех здесь присутствующих, очевидно, лучше всего книгу о гражданской войне на Украине напишу я. А вот до зарезу нужную памятку бойцу, который действует в пограничном районе, кишащем диверсантами, лучше всех сделает кто-либо из наших полковых командиров. Мы тут решили — такую памятку напишет комполка семь!»

Заканчивалась та неожиданная для меня, но категорическая реплика нашего командира корпуса так: «И пусть ваша краткая, но боевая памятка научит наших бойцов бороться с врагом, подчиняя законный гнев разуму...»

Это мое первое так называемое литературное произведение на десятке полустраниц было напечатано в единственной «друкарне» далеко не тихого в ту тревожную пору, почти пограничного Литина летом 1921 года. Отсюда в самом конце октября того же архипамятного года наш 7-й Полтавский полк тронулся в район Бара против тысячной, укомплектованной отборными головорезами, диверсионной банды атамана Палия-Сидорянского, которая все лето набиралась сил за кордоном в богатых фольварках Копычинцев и других сел Галичины.

О разгроме той дерзкой банды отчаявшихся «самостийников» (Подольский отряд), недавних и постылых нахлебников пана Пилсудского, как и Волынского отряда диверсантов Тютюнника, получивших задание прорваться любой ценой в Киев и на Днепре разжечь пламя всенародного восстания, впервые было напечатано в журнале «Армия и революция». Это была вторая моя публикация: «О нашем безмолвии и нашей романтике» (Харьков, май — июнь, 1924). И снова под влиянием командира нашего Конного корпуса и после твердого «да» главного редактора журнала, замкомандующего УВО, полководца-поэта, славного сына латвийской земли, правой руки Фрунзе, Роберта Петровича Эйдемана.

Летом 1925 года уже на посту начальника Военной академии Эйдеман убедил меня сразу же после прослушивания годичного курса ВАКа (Военно-академические курсы) остаться еще на два года в академии: «Будете изучать Закавказье и турецкий язык... нам до зарезу нужны знатоки восточных театров войны». В 1925—1927 гг. на Восточном факультете изучал Дальний Восток, китайский язык и герой гражданской войны, дважды краснознаменец, будущий Маршал Советского Союза Василий Чуйков.

Тогда, в кабинете начальника Военной академии РККА, на древней московской улице Пречистенке (потом Кропоткинской), услышал я напутствие: «Живем мы в мире, полном тревог и радужных надежд. Дорого каждое доброе слово, подогревающее эти надежды...»

Как ни старался профессор-тюрколог Гордлевский, а окончательно он нас, изучавших Закавказье, не отуречил. Правда, такие фразы, как «Яша, яша Кемаль-паша!» («Да здравствует Кемаль-паша!»), мы переводили с ходу. И вот в центральном научном журнале Красной Армии «Армия и революция» летом 1926 года появляется моя новая работа «Рейды конницы».

В 1929 году широко праздновалось десятилетие 1-й Запорожской дивизии и двенадцатилетие (1917—1929) Первого полка Червонного казачества. Славный тот юбилей отмечен двумя высокими наградами — орденом Красного Знамени и уникальным в ту пору орденом Красного Знамени УССР. Выполняя задание командования корпуса, мы с его боевым комиссаром Николаем Савко подготовили сборник «Перша червона», который на Украине выходил трижды (1931, 1932, 1934). В 1935 году сборник выпустил Воениздат в Москве на русском языке.

Если Примаков был моим добрым советчиком при написании романа «Золотая Липа», то неутомимым «толкачом» являлся мудрый редактор журнала «Західна Україна», литератор и воин Мирослав Ирчан. И первый вариант книги о тяжких и славных боях 1920 года за Галичину появился на страницах этого журнала благодаря доброй заботе его редактора Ирчана.

В 1975 году центральное издательство «Художественная литература» (Москва) выпустило роман о боях за прекрасный и многострадальный ирчановский край десятым изданием, тиражом — 150 000 экземпляров.

Под талантливым руководством Примакова червонные казаки — этот уникальный молот против оголтелых куреней Петлюры и мощный магнит для околпаченных им тружеников городов и сел Украины — провели 14 успешных рейдов по тылам врага. За ними последовал 15-й эффективнейший рейд. Но уже не сабельный, а вовсе иной, но не менее успешный.

Зажав под мышкой переизданные труды своего боевого и мудрого комкора, а также другие книги о былых подвигах, двинули герои примаковских несгибаемых полков

в молодежные коллективы, в свой, продолжающийся и поныне, славный, с шумным резонансом, успешнейший пропагандистский рейд!

Если те 14 памятных рейдов Примакова, требовавшего, чтобы разумная сила обязательно сочеталась с сильным разумом, привели к сокрушению «непобедимых» вражеских полчищ, то в результате 15-го рейда появились улицы Червонного казачества и Виталия Примакова в Харькове и Киеве, в Чернигове и Львове, и даже рядом с Кировским (Путиловским) заводом в Ленинграде. Школы имени Примакова в Павловке (Черниговщина), Харькове (№ 120), Москве (№ 611). Созданы и лелеют советский патриотизм школьные музеи Червонного казачества в Хмельницком, Москве, Харькове, Ленинграде, Тернополе, Стрые, Киеве и многих других городах и селах.

Тенистый парк с широкими тополиными аллеями на берегу Днепра в Киеве, рядом с величественным мостом Патона, носит имя Виталия Примакова, которому в том парке, как и в Чернигове, и в Стрые, сооружен достойный славного большевика монумент.

Результатом нашего 15-го рейда является и крепкая дружба итальянских пионеров из далекого порта на Средиземном море Генуи с командой океанского лайнера «Виталий Примаков».

Все вместе взятое неудержимо привело к тому, что Червонное казачество — гордость и слава украинского народа — давно стало славой и гордостью всех народов СССР.

Есть такие исключительные события, которые решительно и дерзко переключают коленчатый вал истории с земных на космические обороты. Таким событием и была Великая Октябрьская революция.

В моей голове возникает образ высокохудожественной, мультиплановой и мудрой книги под названием «65 лет Октября». Книги, о которой, пользуясь лексикой Джона Рида, можно сказать, что она многие и многие века будет потрясать мир. Но если есть произведение, то есть и его автор. С чувством огромного восхищения называю гениальнейших авторов уникальной книги. Это великий и мужественный советский народ и его ленинская партия!

Свои страницы вписали в ту мудрую книгу и воины Червонного казачества, которое по воле партии создал член партии большевиков с 1914 года Виталий Примаков.

ЕМУ СВЕТИЛО СОЛНЦЕ АРМЕНИИ...

(ГАЙ — Г. Д. БЖИШКЯН)

Атаки, атаки, мы шли напролом,
Чтоб мир воцарился на шаре земном...

В нашей литературе повезло боевым соединениям Чапаева, Щорса, Дубового, Федько, Примакова. Это вполне заслуженно. Но очень мало отражена героическая жизнь знаменитой в гражданскую войну шахтерской 42-й стрелковой дивизии. И вот о ней, принявшей на себя всю тяжесть удара Деникина и затем громившей его офицерские полки, хочется сказать доброе слово.

В 1919 году разрозненные партизанские отряды Донбасса, теснимые беляками, вняв голосу партии, то есть голосу разума, поняли, что спасение лишь в стройной организации и в строгой воинской дисциплине. Вот тогда и возникла та героическая шахтерская дивизия в составе девяти стрелковых, двух конных полков и штурмового отряда моряков. Сначала она называлась 4-я Украинская советская, а потом 42-я стрелковая. Возглавил ее начдив Федор Дыбенко, брат знаменитого балтийца.

Верные знамени Ленина, горняки и металлурги Донбасса, батраки Старобельщины мужественно встречали офицерские атаки и сами вели сокрушительные штурмы. Белые знали — на участках шахтерской дивизии не разгуляешься.

Но все же жил в одном из полков молодой дивизии вздорный душок былой вольницы. В ту пору, когда масса с трудом привыкала к дисциплине, всякий неосторожный шаг мог привести к взрыву. И вот с начдивом, за которым лишь утром полки, не колеблясь, шли в бой, вечером на перроне Дебальцево, возмущенные его грубостью, бойцы обошлись очень сурово.

Реввоенсовет 13-й армии знал, что те же люди, поостыв, снова пойдут крошить беляков, что эти же люди впишут не одну славную страницу в героическую историю Красной Армии. И Реввоенсовет знал, что обескровленные тяжкими боями шахтерские полки остро нуждаются и в людском пополнении, и в коммунистическом подкреплении.

В конце мая 1919 года по Крещатику с песней «Смело, товарищи...» прошла к вокзалу внушительная колонна молодежи и погрузилась в два состава. Это были рабочие Киева и слушатели Высших партийных курсов при ЦК КП(б)У. Один эшелон взял курс на Екатеринослав, чтобы

там пополнить дивизии 14-й армии, а другой — на Ливны, где стоял штаб 13-й армии. Вот из этого второго эшелона много киевских рабочих и коммунистов попало в шахтерскую дивизию, в ее бригады, полки, отряды.

Начальником политотдела дивизии пошла старая большевичка, жена наркома Межлаука — Мария Данилевская, председателем трибунала — киевский большевик Буздалин, комиссаром второй бригады — киевлянин Иван Катунин, комиссаром особого отряда — делегат II съезда КП(б)У Александр Требелев.

Но дивизия остро нуждалась и в боевом начдиве. И выбор пал на Гая. Его 24-я Железная стрелковая дивизия осенью 1918 года громила колчаковцев на Волге. Это тогда Ленин послал телеграмму воинам Гая: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны».

И вот Гай Дмитриевич Гай, этот герой из героев, по назначению из Москвы направляется в село Казачок, недалеко от Нового Оскола, принимать 42-ю стрелковую дивизию.

Бойцам понравился темпераментный и очень обходительный новый начдив.

А тут подоспели горячие дни. Враг захватил Курск, рвался к Орлу. Советское командование решает подсечь под основание группировку белых и создает для этого сгусток сил, ядро которого составляет 42-я дивизия.

Гай, лично воодушевляя атакующих, добивается с первых же дней крупной победы. На правом фланге его конница (впоследствии она стала третьей бригадой Червонного казачества) захватывает Корочу и рвется в тыл Деникину. Часть сил шахтеров наступает на Белгород, левый фланг захватывает Валуйки и угрожает Купянску, передовые отряды устремились к Харькову. В стане белых переполох. Но Деникин бросает на тылы 13-й армии конницу генерала Мамонтова.

В этой труднейшей ситуации, когда ряд советских дивизий очутился в полукольце, лишь доблесть, мастерство и личное влияние Гая смогли повести 42-ю дивизию на новые подвиги. В четвертом томе «Истории гражданской войны» сказано: «Величайший героизм проявили 12, 32 и 42-я дивизии. Истекая кровью в неравных боях, части этих дивизий сорвали попытку противника замкнуть кольцо окружения. Это позволило основной массе войск группы отойти на север».

Тут, разумеется, и заслуга киевских пролетариев, пополнивших накануне тех славных боев ряды шахтерской дивизии, и пламенное ленинское слово слушателей Высших курсов при ЦК КП(б)У. И не только слово... В тех боях пали смертью героев коммунисты-киевляне Иван Катунин и Миша Ратнер. Тяжко был ранен Владимир Ауссем — сын наркома Украины. Тут и сказочный героизм орлов Донбасса, как называл своих бойцов Гай, тут и искусство военачальника, подкрепленное личной отвагой самого начдива, которого бойцы называли «львом Армении».

Ныне в Москве живет ветеран дивизии Александр Требелев, в Виннице — Дмитрий Корнев, во Львове — профессор Н. И. Петровский, родной брат Е. И. Петровского, бывшего комиссара червонных казаков. Из ветеранов дивизии надо назвать и маршала И. Т. Пересыпкина. Ему, добровольцу, бойцу комендантского взвода штаба 42-й дивизии, тогда было едва 15 лет. Прошел суровую школу бойца той шахтерской дивизии и легендарный комиссар ковпаковских партизан Семен Руднев.

* * *

Совсем недавно мною получено письмо из Попасной. Ветеран 42-й шахтерской стрелковой (бывшей 4-й партизанской) дивизии Андрей Григорьевич Ручко пишет: «Наш начдив Федор Ефимович Дыбенко (брат знаменитого матроса Павла Ефимовича) поплатился за свою ничем не оправданную жестокость. Это было в апреле 1919 года, во второй половине дня, на станции Дебальцево-Пассажирская...»

Житейское море... Оно, как и море живое, знает бурные приливы и отливы... Власть — она правит. Но как править мудро и человечно, когда народ расколот? Но как руководить не зажиточным государством, а крайне нищей страной? Как руководить, когда на всех границах ощетинились стаи хищников, жаждущих добычи: дарового хлеба, сала, сахара, золота, угля, бокситов, нефти, дешевой рабочей силы?

Начало 1919 года было периодом прилива. Прилива бурного и эффективного. Если те два полка, которые гнали от Полтавы «самостийников», насчитывали на подступах к Днепру по четыре-пять тысяч бойцов, то у Збруча в них было уже тысяч по десять... Народ, озлобленный немецкой оккупацией, полный гнева и мести, хватался за оружие,

больше всего — большевистское... Признали Советы, хотя и вероломно, и виднейшие атаманы «самостийников»: Григорьев, Волох.

В паре тогда шли успех и беда... Да, беда! И еще какая! Без опыта, без настоящих военных знаний, без запасов оружия и пайков не переварить ту людскую лавину. И началось... Началось грозное расщепление... Малейшее колебание на селе мгновенно, как в сейсмографе, отмечалось в до крайности разросшейся вооруженной силе. Начался отлив. Разрасталось страшное своеволие. Давала себя знать отрыжка партизанщины, привнесенной в регулярную Красную Армию теми тысячами и тысячами добровольцев, которые хлынули в нее для мести оккупантам и их пособникам — гетманцам, белоказакам.

Откололся, обнажив фронт, батько Махно. Восстал атаман Григорьев. Восстала Вешенская. И не одна. Полыхала вся донская земля.

С боротьбистами порвал и ушел к Петлюре изувер Пятенко. Вскоре черноморский матрос Полонский увел к батьке Махно самую многочисленную бригаду 58-й дивизии Федько — десять тысяч закаленных в боях воинов. Правда, вскоре тот моряк опомнился, но было поздно. Его расстреляли фавориты батьки...

А управлять народом надо было. Управлять, чтобы успокоить людей, чтобы в невероятно трудных условиях добиться победы... И вот по инициативе Ленина созывается в начале грозного девятнадцатого года VIII съезд партии. Два его решения — о середняке и о военных делах — и дали, правда не сразу, а после титанических усилий, историческую победу. Пролетариат достиг победы, объявив своей опорой сельскую бедноту, а союзником — середняка. Он достиг победы, мобилизовав под красные знамена вместе с их богатыми знаниями строительства и вождения в бой вооруженных сил военных специалистов из бывшей царской армии. И в этом величайшая историческая заслуга Ленина.

Теснившая Красную Армию с марта до ноября от Ростова почти до самой Тулы, белогвардейщина под мощными ударами советских дивизий всего лишь за полтора месяца откатилась до Черного моря.

А до этого... Рецидивы въедливой партизанщины еще долго давали себя знать. Бойцы, привыкшие выбирать своих командиров, долго не желали признавать присылаемых сверху товарищей. А потом и эти командиры, помнившие тяжелую руку царских офицеров, не хотели

признавать прибывающих военных специалистов. Но... было решение партсъезда! Да, бороться приходилось не только с противостоящим врагом. И в собственных рядах кое-что оказывало сопротивление: невежество, темнота, малодушие, своеволие — все, что осталось от старого строя...

Вскоре после описанного товарищем Ручко прискорбного события довелось мне выступать в 374-м полку той дивизии. Мне только исполнился двадцать один, а многим моим слушателям было и того меньше.

Попал я на фронт летом девятнадцатого года вместе с первым набором партийных курсов при ЦК КП(б)У. В Киеве в здании Института благородных девиц (теперь Октябрьский Дворец культуры) добровольцев записывал Володя Ауссем. Один эшелон киевских добровольцев повезли в Екатеринослав, в 14-ю армию. Наш состав пошел к Старому Осколу, в 13-ю. Из тех попутчиков знаю ныне лишь одного — профессора Львовского университета Николая Ивановича Петровского. В 42-й Микола стал членом дивизионного трибунала.

Начкадров дивизии, увидев меня скачущим на коне, предложил сразу же возглавить эскадрон. С пехотой еще туда-сюда. А вот все офицерство царской конницы ушло к белякам. Ясно — белая кость, голубая кровь... Я замахал руками. Куда мне? Тогда меня и определили в разъездные ораторы...

Дали мне куцего, не по росту шустрого сибирячка. Шустрого, но страдавшего стойкими мокрецами. Довелось то и дело охотиться за конопляным маслом — основным целителем той конской болезни. И конек мой не оставался в долгу.

Более всего приходилось ораторствовать в тех частях, которые отводились в резерв. Как известно, без волнения нет выступления. Волновался я всегда. Но особенно в том знаменитом 347-м полку. А вдруг что-либо не так?.. Ведь досталось от него, и кому? Грозному начдиву матросу Федору Дыбенко!

Правда, там своеволие было мгновенным ответом на другое своеволие.

Вынесли из шахтерской конторы широченный и высокий стол. Трибуна! Правда, услужливые руки подсадили меня. И началось... Была в ту пору обязательная для всех фронтовых ораторов комментировка небольшой книжечки — «Пауки и мухи». Слушали. И еще как! Возможно,

что лучше всех слушали закоперщики недавнего ЧП на станции Дебальцево-Пассажирская...

Затем коснулся я знаменитых сыновей Тараса Бульбы. Коснулся прискорбного ЧП в рядах бесстрашных запорожцев. Для многих то было открытием. Шел также обязательный раздел — Советская Конституция 1918 года.

И вот, отталкиваясь от нее, заговорил о свободе, равенстве, братстве. О соотношении личного и общего, об интересах гражданина и интересах государства...

Уже привязанный к частоколу мой серый шустрячок нетерпеливо заржал, а я, плененный стойким вниманием воинов, которых я изрядно побаивался, все еще ораторствовал. Перейдя на импровизацию, стал рисовать радужные картины будущей жизни, без лжи, без принуждения, без богатых, без бедных, без трущоб, без халуп, без прихлебателей, ищущих широкую спину, без их фаворитов... Собирался я уже покинуть свою необычную трибуну, а голоса бывших партизан-хлеборобов Старобельщины властно потребовали: «Рановато, хлопче, обрываешь свою проповедь... Ты, браток, растолкуй еще про тех самых стальных быков...»

И все это было в незабываемом, неповторимом 1919 году. А ведь эти зачарованные картинами будущей светлой жизни бойцы еще не так давно с неистовой энергией кипели... Те самые бойцы, которые позже, осенью того же года, помогли Буденному сломить отчаянное сопротивление деникинцев под легендарной Касторной... А спустя год шли на решительный штурм Перекопа...

В те нелегкие дни Махно, как уже отмечалось выше, откололся. Оголил фронт под Волновахой. В прорыв устремилось озверевшее воинство генерала Деникина. 347-й полк, растянутый на широком фронте, не устоял. Хлынул всей массой к Дебальцево. Холодные и голодные воины навалились на станционный буфет. Согревались, утоляли голод. Тут же со свитой матросов прискакал начдив. И началось... Но вчерашние партизаны не остались в долгу...

Горячие головы из штаба 13-й армии вспомнили о матросском полке той же дивизии, вспомнили о конной ее бригаде. А трезвые головы из Реввоенсовета, ни на миг не забывая, откуда пришли те бесстрашные воины, обратились к брошюрке с Конституцией. Когда страсти чуть улеглись, собрали воинов на травке. И стали прорабатывать с ними все пункты Основного закона... К утру полк,

выполняя строгий приказ нового начдива товарища Гая, снова уже отражал натиск беляков. И еще как!

Молодежь читает исторические очерки о тех воистину героических днях и думает: как все шло гладко. Красные лупили, белые драпали. Нет, дорогие друзья, победа давалась нелегко. Бороться, повторяю, приходилось не только с противостоящим врагом... Случай на станции Дебальцево это подтверждает.

Контрасты, взлеты и падения сопутствовали исторический победе.

Вспоминается другой эпизод из практики разъездного дивизионного оратора. Но прежде хочется отметить еще один контраст. Державший в 1919 году отчаянную оборону против Красной Армии в Касторной белый генерал Постовский после второй мировой войны вернулся на Родину. И заслужил виднейший белоэмигрант эту великую честь тем, что в дни гитлеровской оккупации активно помогал французскому Сопротивлению...

Да, в тот необычный виражами год перепадало всем — и начальству всех рангов, и нам, так называемым разъездным «цицеронам». Особенно в ту весьма и весьма невеселую пору, когда мы отступали под напором беляков.

Но отступать толково — это наука немалая. Как правило, все отходы, отступления, выравнивания линий в конечном счете завершаются провалом, трагедией, катастрофическим поражением. Но есть перспективные «откаты». Совершенно верно, перспективные. Такие, которые в конечном счете заканчиваются поразительнейшими победами. И это зависит не только от таланта полководцев, но и от закалки, от стойкости, от благоразумия воинов...

Надо было так отступить, чтобы не терять понимания солдатской гордости, не ронять чувства человеческого достоинства, не со страхом перед врагом, а с полным к нему презрением. Чтобы это был маневр не из боязни, а по необходимости. Разумный «драп» — это тоже и стратегия, и искусство!

Отступала наша 42-я начдива Гая исключительно по необходимости. Пятилась так, что каждым своим шагом назад напоминала врагу: будут, будут шаги вперед... Но не обходилось, увы, и без компликаций...

Зажали нас марковцы и дроздовцы, именитая офицерня — отчаяннейшие ударники беляков,— вблизи Мармыжей. «Мешок» — осталось лишь зашморгнуть завязку... И зашморгнули бы, если б не ярость нашей кайловой

и обушковой братии, как сами себя называли воины 42-й стрелковой.

Штаб дивизии придвинулся, естественно, к полкам. Поздно ночью ввалился в штаб знакомый командир конной бригады — чех Новотный. Не просит, а умоляет: «Выручайте, друг! Первый полк моей бригады бросил позиции, оголил фронт».

Задачу вернуть полк получил я от нашего военкомдива Сасова — москвича из активнейших революционеров-подпольщиков. Получив в конвоиры трех бойцов из комендантского взвода — одного из них малолетку,— поскакал на своем сибирячке разъездной оратор выполнять необычную миссию.

Ночь выдалась претемная. Октябрь! Но сухая. Дорогу показывали ординарцы Новотного. По мере удаления от штабного села усиливались тревожные звуки горячего ночного боя. Наши воины к этому уже привыкли — рвавшиеся на север беляки все надежды возлагали на «психику», то есть на ночные атаки. Атаки под оглушительные звуки духового оркестра, неистово жарившего «Боже, царя храни!». Впечатляло! И волновало. Но не воинов — сынов героического Донбасса. А вот среди кавалеристов, где рабочая прослойка была не очень-то значительной, нашлись малодушные...

Нагнали мы тот полк. Новотный подал команду. Люди остановились. Захрапели кони. Тишина. Слышен лишь звон стремян и поскрипывание кожи конского снаряжения.

После моей речи — а говорил я от имени не только командования, но и от имени тех бойцов, которые, не жалея жизни, сдерживали бешеный натиск золотопогонников,— раздались гневные голоса: «И мы не враги Советской власти... Воевали покеда не хуже прочих... Сами знаете... Выведете нас из «мешка», и вы ешо услышите за нас... Это бывшее офицерье завело нас в дупло... Сами норовят переметнуться до своих... И нас отдать в руки контре...»

И что же? Большая часть поддалась голосу разума. Но два эскадрона и одна из трех батарей конной бригады Новотного ушли на север. Прорвались все же — помогла кромешная тьма. Но далеко не ушли. Ждали, чтобы с повинной вернуться в свой полк. В ту же ночь осколком снаряда убило коня комбрига.

При падении бывший австро-венгерский подданный повредил ногу. И уехал из конной бригады навсегда.

Спустя месяц меня назначили комиссаром того же полка. Кое-кто сразу же узнал во мне ночного оратора...

Наши полки под командованием легендарного революционера кавказца Гая, сдерживая отчаянный натиск врага, откатились к самому Ельцу. И в это время грянул гром — грозные полки Красной Армии, выполняя стратегию Ленина, как раз в дни второй годовщины Октября начали крошить белогвардейщину, неистово рвавшуюся к Москве после захвата ею Орла.

И сразу же открылся счет светлым дням нашего натиска и черным дням неистового «драпа» золотопогонников... Во время решающих боев под Орлом страна узнала и о больших победах Буденного в районе Воронежа.

42-я стрелковая, громя врага, освободила Донбасс, с музыкой входила в Бахмут и в дотла разрушенную врагом холодную и голодную Юзовку (ныне Донецк). Весной 1920 года под Перекопом, в разгар жесточайших боев за недоступную врангелевскую твердыню, оба конных полка шахтерской дивизии, впитав в себя прибывшее из Москвы боевое пополнение (Первый Московский полк), стали 3-й бригадой героической дивизии легендарного Примакова.

ПОСЛЕДНИЙ ПЛАЦДАРМ

(ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ КОТОВСКИЙ)

...Ходит ветер над возами,
широкий, бойцовский,
казакует пред бойцами
Григорий Котовский...

Э. Багрицкий

Это было в ноябре 1920 года. 14-я армия стремительно теснила крикливое войско «самостийников» к Збручу — тогдашней границе двух миров.

Под Писаревкой командир корпуса Примаков приказал Федоренко, командиру 6-го полка:

— Выдели дивизион! Пусть скачет вперед, на Волочиск.

— Что, в помощь Котовскому? — спросил «желтый кирасир».

— И в помощь, конечно. Но не только...— с каким-то лукавством ответил Примаков.— Во всяком случае, пусть

хлопцы постараются опередить на Збруче и гайдамаков, и Котовского.

— Что-то я не пойму, товарищ комкор.

— Кто нанес первый удар «вільному козацтву» в восемнадцатом году? Червонные казаки! Они нанесут ему и последний удар под Волочиском! Теперь, надеюсь, понял, Василий Гаврилович?

Федоренко выделил в отряд две лучшие сабельные сотни и пулеметные тачанки на самых крепких лошадях. Заметив старание комполка, Примаков спросил:

— Что, сам поедешь?

— Зачем? — Федоренко прищурил глаза.— Поведет отряд комиссар, если он этого хочет. Нехай ему будет прахтика! Мне и тут работа, считаю, найдется!

— Конечно,— согласился комкор.— Но тебе не будет обидно? Смотри, Василий Гаврилович!

Примаков, не слезая с коня, объяснил в нескольких словах задачу казакам и, когда мы через поле, усеянное гайдамацкими трупами, тронулись рысью на запад, напутствовал бойцов:

— Не подкачайте, хлопцы, в Волочиске.

В ответ дивизион дружно запел популярную в Червонном казачестве песню:

Шаблі ще у нас блищать
І рушниці нові,
І ми ворога рубать
Хоч зараз готові [1].

Ликвидируя по пути отдельные группы гайдамаков, мы приближались к Збручу. Вдали показалась Фридриховка. На ее полях, вправо от шоссе, внушительное кавалерийское соединение с батареей пушек развертывалось фронтом на запад. Наш отряд, не сбавляя рыси, продолжал движение. Какой-то крупный всадник, дав шпоры своему рослому коню, направился галопом наперерез нам. В этом кавалеристе нетрудно было узнать Котовского. Я перевел дивизион на шаг.

— К-куда следуете? — чуть заикаясь, еще издалека строго спросил Котовский. Круто осадив коня, он двинулся рядом со мной.

— На Волочиск, товарищ комбриг,— ответил я.

— К-как — на Волочиск? Это не ваша, а моя задача! — рассердился Котовский.

[1] Автор этой и многих других боевых походных частушек казак-сапер Мирон Коруменко.

— Я выполняю приказ моего командира корпуса.

Котовский несколько мгновений двигался молча. Смерив меня взглядом с головы до ног, ответил спокойно:

— Вас я не виню. А Виталию вашему, видать, мало Могилева, Каменца, Деражни.

— Но и ваша бригада отбила у гайдамаков Проскуров,— ответил я.

— Что же, что отбила, а Волочиск приказано захватить мне.

— Мы вам мешать не будем, товарищ комбриг. Здесь вы старший начальник, и я готов выполнить любой ваш приказ.

— Вот как старший я вам приказываю вернуться в свой корпус. Волочиск возьмет моя бригада!

— Это идет вразрез с полученным мною приказом. Я не вернусь.

Котовский после некоторого раздумья улыбнулся:

— На вашем месте, м-молодой человек, я поступил бы точно так же. Значит, вы решили твердо идти на Волочиск? А известно вам, какие там силы? — Комбриг, многозначительно кашлянув, бросил взгляд на нашу не столь уж грозную колонну.

— Знаю,— ответил я.

— И про бронепоезд знаете?

— Вот он!

В полукилометре от нас, в глубокой железнодорожной выемке, курсировал петлюровский бронепоезд «Кармелюк».

Я поднял руку, предупреждая дивизион о переходе на рысь.

— Ладно,— бросил примирительно Котовский и, обнажив клинок, подал им команду своей бригаде.

Через несколько минут котовцы, свернувшись в походный порядок, двигались уже по правой половине шоссе голова в голову с нашей торопившейся в Волочиск колонной.

Обе колонны одновременно втянулись в Фридриховку. Настроение поднялось и у котовцев, и у червонных казаков. Бойцы этих лучших соединений кавалерии с давних пор уважали друг друга.

День клонился к вечеру. Начало смеркаться. Мы приближались к западной окраине села. Навстречу нам со стороны Волочиска шел рысью разъезд черношлычников — гайдамаков, носивших шапки с длинными свисавшими к поясу черными шлыками.

— В-возьмем их, товарищи, в шашки! — крикнул Котовский и дал шпоры коню.

За ним двинулись мы все — командиры частей и наши ординарцы. Петлюровцы, заметив нас, бросили пики и повернули назад. Они скрылись в облаках пыли. Со стороны Волочиска, в каком-нибудь километре от нас, грянул залп артиллерийской батареи. С воем высоко над нашими головами пролетели снаряды. Не нагнав черношлычников, мы повернули и остановились на окраине Фридриховки.

Котовский, возбужденный скачкой, отдал короткий приказ:

— Моей бригаде ломать тыны справа. Пройти огородами. И сразу же в атаку. Червонцам ломать тыны на своей стороне. Развернуться влево от шоссе. Добьем, товарищи, петлюровскую гадину...

Пока гайдамаки безуспешно обстреливали дорогу, кавалеристы, принявшись с ожесточением за дело, уже через несколько минут, проскочив через крестьянские дворы и едва построившись для атаки, хлынули грозным валом к Волочиску — котовцы справа, а червонцы — слева от шоссе.

Ни снаряды артиллерии, ни бешеная лихорадка «кольтов» пулеметной дивизии, ни огонь петлюровских юнаков (юнкеров) не смогли остановить кавалерийского смерча, обрушившегося на защитников последнего плацдарма «самостийников».

А «Кармелюк», бессильный причинить вред атакующим, грозился им сердитыми вспышками паровозного дыма. Конечно, несколько смельчаков из команды панцерника, выбравшись из вагонов с двумя-тремя пулеметами на кромку откоса, могли бы кое-чего добиться. Но таких смельчаков в том экипаже не оказалось.

В Волочиске вспыхнула паника. Петлюровские юнаки и офицеры с пистолетами в руках старались поддержать порядок на переправе, но обезумевшие гайдамаки, оглушенные яростным «ура» красной кавалерии, смяли их. Пешее и конное, в тачанках и экипажах отборное войско «самостийников», ломая тонкий лед Збруча, бросилось под защиту иноземных штыков. Один из спасшихся атаманов, Михаил Палий [1], высокий, плечистый, русоволосый детина, кричал из-за реки, потрясая кулачищами:

— Ждите, голодранцы, мы еще с вами встретимся!

---

[1] Палий — псевдоним. Настоящая фамилия — Сидорянский.

Семен Очерет, осадив свою лошадь у самого берега, ответил гайдамаку:

— После драки кулаками не машут! Видать, не намахался ты, добродий, шаблюкою!

Собрав дивизион, я на рысях выдвинулся на юго-западную окраину города. Издали, навстречу нам, со стороны железнодорожного моста доносился бесконечный грохот молотков. Пригнанные гайдамаками рабочие под наблюдением легионеров спешно перешивали колею с широкой на узкую. «Кармелюк» вот-вот ускользнет. Мы заторопились.

Пойму Збруча пересекала высокая железнодорожная насыпь. На ней-то мы и увидели вырисовывавшиеся на фоне вечернего ноябрьского неба грозные контуры петлюровского панцерника.

Возможно, что в ожидании, пока путь будет готов, петлюровцы решили не обнаруживать себя. Отдавая приказы вполголоса, я развернул всадников на окраине Волочиска.

— Ну, где наши охотники? — спросил я.

Первыми из строя выдвинулись москвич Жуков, коммунист, потомственный ткач с «Цинделя», каховчанин Очерет, петроградец Сазыкин. За ними последовали другие. Всадники, обнажив клинки и разогнав лошадей по высохшей пойме, устремились с громкими криками «ура» на насыпь. До «Кармелюка» оставалось несколько метров. И вдруг ожили пулеметы врага. Вихрь пуль засвистел над нашими головами. Хотя и наступили сумерки, но конный строй дивизиона представлял собой довольно крупную мишень для пулеметчиков врага. Пришлось повернуть.

На выстрелы прискакал Котовский с одним из своих эскадронов.

— Что, х-хотели обштопать Котовского? — с иронией сказал Григорий Иванович и слез с коня, отдал его ординарцу.— Эх вы, горячие головы! Разве так берут бронепоезда? Молодой человек, молодой человек! — комбриг покачал головой.— Спешивайте ваших людей и спешивайтесь сами.

Я выполнил приказ старшего и более опытного товарища. Котовский построил нас впритык к своим людям. Обнажив клинок, стал впереди сводного отряда. Бросил мне вполголоса:

— Становитесь рядом со мной.

Уже стемнело. Пулеметы врага замолкли.

Сводный отряд дружно устремился вперед. Стараясь не брякать оружием, бойцы, следуя за своими командирами, в темноте тихо взобрались на насыпь. У самой ее кромки Котовский во всю мощь своих легких бросил громовое «ура». Советские воины, подхватив боевой клич, ринулись к бронепоезду. Как-то растерянно затрещали пулеметы из двух-трех башен и сразу умолкли...

Оказалось, что команда «Кармелюка» под прикрытием ночи бросила поезд и ушла за кордон. В бронированных башнях оставалось лишь несколько оголтелых гайдамаков.

Так Петлюра лишился своего последнего крохотного плацдарма, простиравшегося под колесами «Кармелюка». Знаменосец Котовского, взлетев верхом на насыпь, воткнул красное знамя у самого моста.

— Т-теперь можно сказать,— радостно воскликнул Котовский,— полностью очищена советская земля от петлюровской швали!

На мосту умолк грохот молотков. Путевики, не успев перешить колею, вслед за бежавшей командой бронепоезда убрались в Подволочиск.

Какой-то боец с огромным узлом на спине соскочил с площадки бронированного вагона и направился мимо нас вниз. Котовский остановил его. Сорвал с плеч узел.

— Так это же петлюровское,— начал оправдываться боец.

— П-пусть петлюровское. Пойми, не для того Котовский сидел на царских каторгах, чтобы всякая шушера марала его имя большевика. Еще раз увижу такое,— гневно сказал комбриг,— сдам в трибунал.

Мы спустились в низину. Там, на окраине Волочиска, Котовский сказал:

— Пороли вы, молодой человек, горячку с этой конной атакой, а видать, вы их крепко спугнули. Сдали они нам свой панцерник почти без сопротивления. И еще вам скажу: хоть и сердит я на Виталия, а потребую, чтоб он вас представил к ордену Красного Знамени...

Такова была моя встреча с Котовским 21 ноября 1920 года.

* * *

Прошло с той вовек незабываемой поры почти полгода. Следуя из штаба корпуса в Гайсин, в свою 8-ю кавалерийскую (1-ю Запорожскую) дивизию, командир нашего корпуса Примаков по пути заглянул в Гранов, где стоял

6-й полк червонных казаков, с бойцами которого мне выпала честь штурмовать Волочиск — последний оплот Петлюры.

Потолковав с бойцами, Примаков позвал меня с собой. Мы пошли во двор. Примаков, забравшись на сиденье высокой тачанки, обратился ко мне:

— Вижу, вы чувствуете себя в новой роли неплохо, а артачились. Значит, партия поступает верно, выдвигая политработников в командиры? Вы только покрепче налегайте на уставы, на учебники. Учитесь сами и учите ваших людей. Но с шестым полком вам придется расстаться.

Примаков выжидающе посмотрел в мою сторону. Сообщение комкора ошеломило меня. Как, оставить полк, с людьми которого меня связывало боевое прошлое?

— Не расстраивайтесь. Все обойдется по-хорошему — успокоил меня комкор.

— Что ж,— сказал я не очень бодрым голосом,— поеду в Петроград, вновь поступлю в политехнический.

— Кто вас отпустит? — Примаков улыбнулся.— Стране, правда, нужны инженеры, но ей нужны и грамотные командиры. Нам с вами служить, как медному котелку. Мы вас переводим в другой полк.

— В какой? — полюбопытствовал я.

— В какой — еще не скажу, но знаю, что не восьмой, а семнадцатой дивизии! Также в нашем корпусе.

Не зная за собой особых прегрешений, я простодушно спросил:

— Это за что же?

— Не за что, а для чего! Котовский привел в семнадцатую дивизию свою славную боевую бригаду и уже много хорошего там сделал. К Григорию Ивановичу идет крепкое пополнение. Из сорок первой дивизии — полк Садолюка, из-под Могилева — бригада Кочубея, с Полтавщины — полк незаможников, всю башкирскую бригаду Горбатова передают ему. А кадров у Котовского не так уж много. По его просьбе мы и перебрасываем в семнадцатую дивизию наших работников. Начнем с вас. Придется прививать новичкам традиции Червонного казачества.

— А сюда кого направите? — спросил я.

— Пока этот вопрос не решен.

Примаков слез с тачанки, стряхнул соломинки, приставшие к его синим с лампасами галифе и, прощаясь, добавил:

— Только не вздумайте опускать руки. Смотрите!

Итак, я должен был, не оставляя рядов Червонного казачества, которое за два года мне стало роднее семьи, перейти под начальство Котовского. Это несколько смягчало горечь предстоящей разлуки с боевыми товарищами. С Котовским мне уже довелось встречаться и даже сражаться плечом к плечу...

* * *

Вскоре, сдав шестой полк Павлу Беспалову, боевому ветерану примаковского конного войска, мы с ординарцем-каховчанином Семеном Очеретом в один из солнечных майских дней 1921 года, покинув гостеприимный Гранов, отправились в Ильинцы, где стоял штаб 17-й кавалерийской (2-й Черниговской Червонного казачества) дивизии.

Вот и школа, а в ней штаб. Я у дверей кабинета начдива.

Не без волнения постучался. Проверил пояс, оттянул гимнастерку, поправил папаху... Услышав ответное «Войдите!», потянул на себя дверь.

— Простите, мне нужен начдив,— сказал я, увидев за столом не Котовского, а бывшего офицера Соседова, которого я как-то встречал в прошлом году.

— Начдив семнадцатой кавалерийской вас слушает,— не без подчеркнутой важности ответил Соседов.— Ступайте, э, поближе.

— Где начдив Котовский? — спросил я.

— Котовского уже нет. Что вам угодно? Вас слушает начдив.

Я доложил, что прибыл в 17-ю дивизию командовать полком. У Соседова левый глаз постепенно куда-то провалился, а затем совсем закрылся, зато над правым бровь все больше и больше лезла кверху.

Растягивая слова, перемежая их для солидности этаким «э», Соседов, пронизывая меня широко открытым правым глазом, покровительственно спросил:

— Э-э-э, позвольте, э-э-э, вы это, э-э-э, бывший, э-э-э, офицер?

— Нет,— ответил я.

— Позвольте, э-э-э, быть может, унтер-офицер?

— Нет!

Правый, открытый, глаз начдива вовсе округлился.

— Позвольте, э-э-э, очевидно, вы вольнопёр, пардон, э-э-э, я хотел сказать — вольноопределяющийся?

— Нет,— слегка улыбнулся я, заметив полное замешательство начдива.

— Позвольте, э-э-э, ничего не понимаю. Тогда просто солдат? Э-э-э, ну, скажем, драгун, гусар, улан? — Соседов стал пощелкивать пальцами, пренебрежительно оттопырив нижнюю губу.

— Ни уланом, ни гусаром, ни драгуном я не был.

Соседов встал словно ужаленный. Надорвал краешек привезенного мной пакета. Бегло прочел предписание, спросил:

— Как же так? Не офицер, не унтер-офицер и даже не солдат, э-э-э, старой армии. И суетесь командовать полком? Ладно, идите, вы свободны. Ищите себе квартиру,— распорядился отрывисто Соседов.— Я не сегодня завтра лично поговорю с комкором. Адью!

Спускаясь по широкой лестнице, я на первой же площадке столкнулся с Котовским. На рукаве его защитной гимнастерки виднелась эмблема — в серебряной подкове золотая конская голова; на груди в красных розетках выделялись два ордена Красного Знамени. Верх красной фуражки был чуть примят. Я взял под козырек.

— Здравствуйте, здравствуйте! — Котовский протянул мне руку.— Ч-что вы тут делаете? — спросил он.

Тут же, на площадке, я рассказал Котовскому о нашей беседе с Соседовым. Взяв меня под руку, Григорий Иванович сказал:

— Я уже не начдив. Моя коренная бригада в эшелонах. Едем на Тамбовщину против Антонова. Но ничего, не вешайте нос, пойдемте со мной.

Мы стали подниматься вверх. У самой двери Котовский повернулся ко мне и спросил:

— Орден за Волочиск получили?

— Нет, Григорий Иванович.

— Я же Виталию о вас писал. Явись вы с орденом, Соседов с вами иначе бы разговаривал. У него во всей дивизии ни одного краснознаменца.

Котовский энергично открыл дверь, вошел в кабинет. Следом за ним, поддерживая рукой шашку, переступил порог и я. Не успел еще Соседов, на сей раз от удивления, зажмурить левый и широко распахнуть правый глаз, как Котовский без всякого вступления обрушился на него:

— Т-ты чего дурака валяешь, С-соседов? Не принимаешь командира?

— Нет свободной вакансии, Григорий Иванович. Вот свяжусь с командиром корпуса Примаковым.

— Комкор его послал не на свободную вакансию,— продолжал Котовский,— а на девяносто седьмой полк. У нас с Примаковым была на этот счет договоренность. И не крути, Соседов! Направляй товарища в полк.— И, немного смягчив тон, взглянул подбадривающе на меня.— Не пожалеешь, Соседов.

Вот такой была наша вторая встреча, незабываемая встреча с прославленным витязем гражданской войны, вовеки бессмертным, легендарным Григорием Ивановичем Котовским.

НАЧДИВ ШМИДТ

(ДМИТРИЙ АРКАДЬЕВИЧ ШМИДТ)

К нам приближалась большая кавалькада всадников. Впереди на рослых, сильных лошадях следовали сменивший Соседова новый начдив Дмитрий Шмидт, в серой казачьей папахе, с двумя орденами на груди, и военком дивизии Лука Гребенюк.

Шмидт, в прошлом рабочий-железнодорожник, награжденный на фронте несколькими Георгиевскими крестами, был произведен в офицеры еще при царе.

Во время Февральской революции молодой прапорщик вместе с командиром батальона подполковником Кропивянским возглавил дивизионный солдатский комитет.

В январе 1918 года, вернувшись на родину, в Прилуки, где он одно время работал киномехаником, прапорщик Шмидт, теперь уже советский комендант города, вел неустанную борьбу с петлюровской агентурой. После прихода оккупантов озлобленные гайдамаки, схватив большевика-офицера, привели его на центральную улицу, поставили к стенке гимназии и расстреляли. Ночью друзья подобрали окровавленного Дмитрия и, обнаружив в нем признаки жизни, увезли тайком в лес. Заботами добрых людей раненого поставили на ноги.

Там же, в лесу, вокруг большевиков-подпольщиков начали собираться крестьяне, преследуемые оккупантами и их петлюровскими прихвостнями. Вскоре была установлена связь с губернским повстанческим комитетом и с Юрием Коцюбинским — уполномоченным Центрального повстанкома.

Шмидт по заданию уездного подпольного ревкома сколотил крепкий партизанский отряд. Как и черниговский

партизан Кропивянский, он повел беспощадную борьбу с кайзеровскими войсками и гетманцами. В разгар лета отряд Шмидта контролировал уже добрую половину Полтавщины.

Работниками прилукского подполья особо интересовалась гетманская полиция. В докладе прилукского уездного начальника державной варты губернскому старосте от 26 августа 1918 года наряду с Дмитрием Носенко, Татьяной Джураховской, прапорщиком Константином Покидько назван и член подпольного большевистского комитета прапорщик Гутман-Шмидт. В том же докладе сообщалось, что детальная разработка плана вооруженного восстания возложена на Покидько и приехавшего из Москвы 6 августа прапорщика Шмидта.

Карательные экспедиции немцев вынудили и Кропивянского, и Шмидта уйти в нейтральную зону. Там Шмидт создал знаменитый 7-й Суджанский полк, вошедший во 2-ю Украинскую советскую повстанческую дивизию.

С этим полком, уже переименованным в 5-й Украинский советский, Шмидт участвовал в освобождении Украины. Громил гетманские войска генерала Болбачана под Харьковом и Люботином, за что был награжден орденом Красного Знамени. Брал Полтаву, Кременчуг, Бердичев, Шепетовку.

Приводим документ, опубликованный журналом «Красный архив». На 93-й странице номера 4 за 1939 год приводится текст телеграммы от 20 ноября 1918 года, адресованной в Кремль товарищу Ленину: «Доношу, что 20 ноября сего года в 8 часов вечера я занял город Рыльск. Граждане города Рыльска и я от имени 7 Суджанского повстанческого полка приветствуем Вас тчк Командир 7 Суджанского полка Ш м и д т».

Во время осенних боев 1919 года Шмидт командовал под Царицыном стрелковой дивизией. Отбивая натиск белогвардейцев и донской казачни, бывший прапорщик был тяжело ранен и контужен. Но поле боя не оставлял. Два красноармейца поддерживали его, и он покинул строй лишь после того, как были разгромлены беляки. За царицынские бои Шмидта наградили вторым орденом Красного Знамени.

Не закончив учебы в Академии Генерального штаба, Дмитрий Аркадьевич Шмидт в 1921 году прибыл в Червонное казачество.

Я познакомился с ним в августе 1918 года в Полтаве. После свидания с руководителем повстанкома Юрием Ко-

цюбинским у домика на Куракинской улице, куда товарищей впускали по паролю: «Продается ли у вас семиструнная гитара?», навстречу мне попался худенький черноглазый молодой человек. Я не знал тогда, что это и был знаменитый прилукский партизан, о котором народная молва уже создавала легенды. Лишь через полгода, в январе 1919 года, посланный нашим командиром партизанского отряда Василием Упырем с заданием на станцию Кобеляки, где остановился наступавший на гайдамаков 5-й Украинский советский полк, я в командире полка, хотя он успел уже отрастить для солидности бородку, узнал того молодого человека, с которым столкнулся в Полтаве на Куракинской улице.

...Спешившись, Шмидт еще издали приветствовал нас:

— Здорово, казаки!

Пожав нам руки, он обратился к Мостовому:

— О, тут имеются первоклассные шорники! А своему начдиву плеточку свяжете? Только натуральную, из воловых жил!

— Зачем она вам? — спросил я, поглядывая на ивовый хлыст начдива.

— Сейчас она нужна и мне и вам. По приказу товарища Фрунзе восьмая дивизия стала первой Запорожской, и наша уже не семнадцатая, а вторая Черниговская червонноказачья, а ваш полк не девяносто седьмой конный, а седьмой червоннообказачий. И в нашей дивизии теперь будут сотни, а не эскадроны. Какой же это, к дьяволу, казак без плетки?.. Ну как, земляк, полтавский галушник,— начдив положил мне руку на плечо,— галушками угостите? Мы с Лукой,— он показал на военкомдива,— крепко их уважаем.

— За галушки не ручаюсь, а свинина есть,— ответил я, вспомнив откормленного Очеретом визгливого поросенка.

Я доложил о состоянии полка. Шмидт нахмурился.

— Что я вам скажу, хлопцы... У меня в девятнадцатом году в конной разведке пятого Украинского полка было больше сабель, чем во всем вашем девяносто седьмом. Надо что-то думать. Вот я приготовил сюрприз.— Начдив поманил пальцем прибывшего с ним низкорослого, на кривых ногах, плотного товарища.— Любите и жалуйте — Жан Карлович Силиндрик. Я в партии с пятнадцатого, а он с самого пятого года. Боевой командир эскадрона, с орденом Красного Знамени, как видите, без бороды,

а вам — зеленому молодняку — он вполне может заменить патриарха...

— Вы все шутите, товарищ начдив,— попыхивая трубкой, скупо улыбнулся Силиндрик.— А я, например, вот пример, приехал по серьезному делу...

— Поговорим о деле! — Шмидт повернулся ко мне.— У товарища Силиндрика имеется отряд молодцов латышей. Они прикомандированы к уездному продкомиссару. Известно, охраняем ссыпки мы, конвоируем хлебные обозы мы, а латышей продкомиссар использует как личный конвой. Заберите их к себе, товарищ комполка, обижаться не будете. Не думайте, что вам только и придется выискивать дезертиров. Будут дела и посерьезней. Кругом нас не спят. Скажите мне, куда девались деникинцы, врангелевцы, петлюровцы? Ведь не всех же мы перестукали. Вот сегодня там, на Полтавщине, наш комбриг Петр Григорьев с отрядом червонных казаков первой дивизии гоняет Махно, завтра, может, и нас потребуют. А латыши — вояки первый сорт!

— И я говорю, комполка не обидится,— не выпуская изо рта трубки, сказал Силиндрик.— Обижаться будет, например, вот пример, продкомиссар, но он поступает с нами не по-партийному... прямо скажу.

— А теперь послушайте меня...— заговорил наконец военкомдив Гребенюк.— Товарища Силиндрика мы уважаем, но до патриарха, конечно, ему далеко. А вот без хорошего комиссара полку не обойтись. Долгоухов сюда не вернется, поехал бить басмачей. Вашим комиссаром будет товарищ Климов,— Гребенюк показал на черноглазого, с пристальным взглядом молодого человека среднего роста.— Климов — потомственный путиловец. А комиссара-путиловца, к сожалению, не в каждый полк мы можем дать.

— Ну раз мы занялись пополнением,— продолжал Шмидт,— даю вам в полк лихого казака.— Он указал на прибывшего с ним подростка в шинели до пят.— Это Иван Шмидт, мой родной брат. Даю вам на воспитание. Только помните: если он будет глух к словам, применяйте палочный выговор. И никаких штабов, никаких канцелярий! В строй, к коню и к шашке!

Ваня Шмидт исподлобья посмотрел на брата и, достав из кармана самодельный мячик, начал нервно теребить его детскими пальчиками.

Приезд начальства, естественно, привлек внимание наших бойцов. Они собирались кучками в тени высоких тополей, курили, делились впечатлениями.

Завидной выправкой и бравым видом, да еще серебряной серьгой в ухе изо всех кавалеристов выделялся одноглазый Семивзоров. Окруженный слушателями, он, привирая им про всех начальников, «под которыми» ему приходилось служить, извлек из левого кармана пухлый мешок с табаком.

Не торопясь, донец свернул солидную козью ножку. Спрятав кисет, достал из правого кармана «огневую примусию»: кресало — изогнутую в виде вопросительного знака тяжелую железную болванку, зеленовато-бурый кремень и вдетый в металлическую трубку гарусный шнур. Ловким ударом кресала вышиб из кремня сноп красноватых искр, от которых моментально стал тлеть шнур, служивший станичнику вместо трута.

Шмидт, безошибочно угадав в Семивзорове природного казака, обратился к нему:

— Послушай, станичник, эта адская машина, видать, попала к тебе в наследство от атамана Платова?

— Никак нет,— не растерялся Прожектор.— Берите повыше, товарищ начдив. Это кресало,— не сморгнув, соврал он,— пользовал сам Степан Разин, да вот нонче мне, Митрофану Семивзорову, досталось.

Я заговорил с начдивом об обмундировании, о призах, которыми можно было бы заохотить наших джигитов, о зеленом мыле для чесоточных лошадей.

— Черт побери,— глубоко вздохнул Шмидт,— три года я знал одно — крошить беляков, а тут начдив кавалерии должен заниматься портянками, зеленым мылом, всякой чепухой.— Достав блокнот, начал в нем что-то писать.— Да, чепухой,— продолжал он,— а без нее врага не поколотишь! — Шмидт передал мне исписанную бумажку.— Пошлите к Предсовнаркома. Он что-нибудь найдет у себя.

«Предсовнаркомом» звали у нас начальника снабжения дивизии Колесова. В 1917 году он и в самом деле возглавлял первое Туркестанское Советское правительство.

Я подозвал стоявшего поодаль Митрофана Семивзорова. Отдал ему записку. Велел ехать с нею в Ильинцы к начснабу. Боец, слегка пнув ногой льнувшего к нему мохнатого пса Халаура, развернул бумагу, начал читать по складам.

— Ты что делаешь? — спросил его Шмидт.

— А случится — напорюсь на бандюг! — не смущаясь, ответил Семивзоров.— Я бумажку проглочу, а скажу все, что в ней есть, на словах. Только одно, товарищ начдив, я не разобрал. Вот тут против вашей росписи какая-то закарлючка?

Начдив заглянул в записку:

— Слышал ты, казак, про лейтенанта Черноморского флота Шмидта? То был боевик, революционер. Когда я находился в подполье, пришлось менять фамилию. Я и взял себе имя лейтенанта Шмидта. Но есть и фон Шмидты. Чтоб меня с ними не путали, я добавляю к своей фамилии «тов». Значит — товарищ Шмидт! Понял, казак?

— Как не понять! У нас на Дону был помещик хвон Энгельгарт. Немало и мы тех хвонов перехвонили...

— Молодец, казак! — похвалил Семивзорова начдив.

— Рад стараться, ваше превос... виноват, товарищ начдив. Что-то я трохи зарапортовался...— сказал боец и направился выполнять поручение.

— Вот у нас в пятнадцатой дивизии,— заговорил стоявший в сторонке сотник Ротарев,— это было в Полоцке еще до той немецкой войны, полно было этих самых фонов. На драгунском полку — фон Фосс, на гусарском — фон Принц, на уланском — фон Верман. И в придачу еще один бригадный генерал тоже из этой породы был — фон Бюнтинг...

— Было, да сплыло,— похлопал сотника по плечу начдив.

— А командир корпуса, куда входили наши кубанские полки, был граф Келлер,— заговорил после уральца сотник Храмков.— Командиром одиннадцатой дивизии был де Витт, одиннадцатым гусарским полком командовал граф Мирбах, пятым гусарским — барон фон Корф. Среди генералов были и не немцы, да все больше с чудными фамилиями, такими, что наш брат сразу и не выговорит. Вот послушайте: генерал Розалион-Сошальский. А то еще были генерал Замота и генерал Чернота. Только полностью фамилия этого второго генерала была — Чернота де Бояры-Боярский.

— Это ты правильно говоришь, Кубань.— Шмидт бесцеремонно снял с головы сотника кубанку и примерил ее.— Мечтаю о такой аккуратненькой амуниции. Когда-нибудь и себе заведу нечто подобное.— Вернув кубанку Храмкову, продолжал: — В царской кавалерии полно было всякой сволочи: преподобный барон Врангель командовал

в Риге гусарским Иркутским полком, Павло Скоропадский — лейб-гвардии конным полком в Санкт-Петербурге.

Дмитрий Аркадьевич недавно вернулся из Харькова с совещания, созванного при штабе войск Украины и Крыма Михаилом Васильевичем Фрунзе. Обсуждался вопрос о сроках обучения в военных училищах. Многие настаивали на четырех- пятилетнем курсе.

Попросил слово Шмидт. Он сказал, обращаясь к Михаилу Васильевичу:

— Товарищ командующий! Вчера я ходил в цирк. Смотрел, как моржи ловко катают носами шары. Спросил я Дурова: «Сколько вы их учите?» Он ответил: «Два года». Я спрашиваю вас,— повернулся он к участникам совещания,— так неужели наши курсанты тупее дуровских моржей?

Фрунзе расхохотался, а за ним и все командиры.

— Шмидт меня уморил,— сквозь смех произнес Михаил Васильевич.— А по существу — он прав.

Глядя на смеющихся, сам Шмидт оставался абсолютно серьезным. Такова уж была его особенность.

Что касается кубанской шапки, то желание Шмидта сбылось. После 2-й червоннобазачьей дивизии он командовал Владикавказской школой горских национальностей, где получил не только кубанку, но и казачий бешмет.

К штабу приближался всадник. Его шинель, застегнутая на крючок, была надета внакидку. Правый рукав шинели, поддерживаемый винтовкой, торчал кверху. Начдив подозвал кавалериста.

— Казак первой сотни Семен Волк,— четко отрапортовал всадник.

— Ты хотя и Волк, а никому не страшен, товарищ. В таком виде, конечно. Может, только воробьям на огороде. Скажи, дружище, на милость, что с тобой будет, если из кустов выскочит хотя бы один бандюга? Пока будешь доставать винтовку, он тебя трижды зарубит. Ты что, служил у Махно? Это анархия точно так носила винтовки, как ты.

— Товарищ начдив,— совсем смутился молоденький кавалерист,— я у Махно не служил. Служил и служу Советской власти. А винтовку взял в рукав, чтобы не пылилась, да и хмурилось с утра, думал, будет дождик — берег ствол.

— Больше так не делай. Ствол, верно, надо беречь, но

прежде всего надо беречь свою жизнь. Имей винтовку всегда наготове, тогда ты будешь для бандитов настоящий волк!

* * *

Вечером того же дня начдив Шмидт, следуя из Хмельника в Винницу, в штаб корпуса, появился на улицах Литина. Возвращаясь с прогулки, двигалась по тротуару шумная колонна малышей из недавно организованного нами детдома. Его воспитанников привезли из голодающей Татарии. Возглавлял колонну взводный Почекайбрат — криворожский шахтер, земляк и товарищ по забою взводного Гусятникова.

Почекайбрат с помощью лишь одного кашевара получал продукты, отчисляемые казаками из пайка, готовил пищу малышам, обшивал их, одевал, а с помощью молоденького казака Семена Волка воспитывал и учил грамоте. Панас рассказывал детворе, родившейся на Каме и Волге, об украинском красавце Днепре, о тяжкой работе в шахтах, о славных делах червонных казаков. И, может, поэтому шумная команда Почекайбрата, не расставаясь с тюбетейками, щеголяла в детских галифе с красными лампасами.

23 февраля 1923 года «Правда» писала, что дети нашли душевное, прямо матерински доброе к себе отношение со стороны червонных казаков...

— А здорово тот бисов Панас подрепертил свой татарский эскадрон,— усмехнувшись, заявил дежуривший при штабе Гусятников.— У нас на шахтах он тоже был любитель возиться с пацанвой. Все говорит: кончу службу — пробьюсь в учителя...

Тут отозвался сотник Храмков:

— Ради татарчат казак от последнего куска отказывается. А здешним кулакам воды и то жалко...

Почекайбрат, заметив приближавшегося начдива, решил «подтянуть» изрядно уже окрепшую на казачьих хлебах команду. Густым басом, слышным на несколько улиц, он наводил порядок «в строю»:

— Дойди на хвост!

— Отставить разговорчики!

— Дывысь одне одному в потылыцю!

Шмидт поздоровался с малышами. Раздал им пряники «жамжики», тут же продававшиеся с лотков. Обратился к Почекайбрату:

— И тебя, хлопче, с таким голосиною держат в мамках?

— А я цыцькой пацанов не кормлю,— бойко ответил казак.— Они, товарищ начдив, сами способные шамать.

— Я же не сказал, что у тебя груди толстые, а голосище у тебя в самом деле жирный. В мировом масштабе. С ним бы тебе не в мамках ходить, а мое место занять. На дивизионных учениях вполне без штаб-трубача обойдешься!

— Я согласный, товарищ начдив,— не растерялся «командир татарской сотни».— Давайте будемо меняться.

— Хорошо, я подумаю,— с серьезным лицом ответил начальник дивизии,— только хочу знать, что будет в придачу?

Почекайбрат ответил:

— Могу дать криворожское имение и пять табунов собственных лошадей.

— Эх, казаче, я не знаю, куда мне девать свои десять прилукских экономий и сто табунов лошадей,— ответил, смеясь, Шмидт, любивший и сам пошутить и уважавший шутку другого.

И ничего удивительного не было в том, если бы «командир татарской сотни» рано или поздно продвинулся в начальники кавалерийской дивизии. Сотенный кузнец 5-го полка Николай Федоров дослужился до начдива. Но еще проще Почекайбрат мог бы стать оперным певцом. Для этого у него были все данные. Если бы только не обстоятельства... Никто не может сказать, сколько в связи с коварными кознями желтоблакитников отнято у народа Шевченко, Пушкиных, Шаляпиных, Павловых...

* * *

Ныне в Прилуках есть улица имени легендарного повстанца и популярнейшего командира Красной Армии Дмитрия Шмидта.

В двадцатые годы после 2-й дивизии Червонного казачества он недолго возглавлял 7-ю кавалерийскую дивизию в Гомеле. Затем его послали во Владикавказ (ныне Орджоникидзе) создавать новую военную школу горских национальностей.

Часто являлись из глухих горных аулов боевые джигиты навещать своих сынков. Привозили дары альпийских лугов — ароматнейший пейнир: круги самодельного турецкого сыра... Два таких круга привезли начальнику

школы. Удивленный Шмидт спросил: «Что это значит?» Пожилой джигит ответил: «Один круг за науку сына, другой — за то, что поучили меня...»

Что то была за «наука», рассказал однажды генерал Лукин Михаил Федорович, заместитель Маресьева по Комитету ветеранов войны: «Во время жарких боев за Царицын летом девятнадцатого года пришли к нашему начдиву местные жители. Пожаловались — налетели башибузуки из дикой дивизии Деникина, дочиста ограбили церковь... А Шмидт заверил жалобщиков — награбленное вернется на свои места. Спустя сутки нас, командиров полков, вызывают к Шмидту. Подходим к штабу, а оттуда доносится истошный вой. Заходим — стоит посреди комнаты круг башибузуков, а наш Дмитрий Аркадьевич раздает каждому по солдатской оплеухе... На табурете посреди того необычного круга, в самом его центре,— куча церковных драгоценностей... То был отчаянной храбрости человек. Недаром получил в окопах четыре «Георгия», а на гражданской аж два боевых ордена Красного Знамени. Вскоре, однако, после того «спектакля» Шмидта тяжело ранили...»

Тот, кто привез начальнику школы горских национальностей аж два круга ароматнейшего турецкого самодельного пейнира, был одним из джигитов, которых в 1919 году «учил» Митя Шмидт...

«ЛУКАВЫЙ ЛУКА...»

(ЛУКА МАТВЕЕВИЧ ГРЕБЕНЮК)

Когда у Майдана Голенищева наши казаки тушили объятые пламенем стены пасеки, Мостовой вывел из кустов бересклета двух малышей.

Девочка лет пяти озиралась вокруг испуганными глазами-незабудками. В смуглых ручонках она держала лукошко с ягодами. Мальчик, не по сезону одетый в длинный, до пят, вельветовый пиджак, прячась за спиной сестры, смотрел волчонком из-под нахмуренных светлых бровей.

— Чьи будете, светлячки? — стараясь говорить поласковее, спросил Мостовой, секретарь партбюро нашего полка.

Дети упорно молчали. Но грузная торба из старого рукава, висевшая через плечо девочки, говорила о многом.

Мостовой, порывшись в кармане, извлек два куска колотого сахара. Девочка взяла гостинец сразу. Мальчик долго от него отказывался, но, взглянув на сестру, протянул руку за лакомством. Девочка сняла с плеч торбу, опустила ее на траву.

— Передайте таткови. Лежит связанный на подводе.

— Как его звать? — спросил Мостовой.

— Богдан! — ответили в один голос дети.

— А по-лесовому?

— Божа Кара! — гордо отчеканил мальчик. Сбросив тяжелый пиджак, угрюмо добавил: — И это таткови.

Казак Запорожец, услышав сердитый голос малыша, выругался:

— Бандитское семя! Нет вершка от горшка, а как смотрит, волчонок!

— Брось, Максим,— осадил бойца Мостовой.— Дети за отцов не отвечают.

— Где ваша хата, светлячки? — присев на корточки, сочувственно спросил Мостовой.

— Наша хата за лесом,— доверчиво ответили малыши,— в Клопотовцах.

— Попрощайтесь с татком и марш к мамке. Сами и передадите ему торбу и спинжак. Тебя же, Максиме, прошу, присмотри за атаманами. А то как бы Божья Кара не убежал от кары народной...

Помню, мы все тогда жалели детей атамана. Если бы их было только двое — этих убитых горем несчастных ребят!

Казалось, что со всех сторон доносится тревожный крик: «Спасите наши души! Спасите наши души!» И надо сказать, что усилиями нашей партии, усилиями таких людей, как Мостовой, множество и множество душ было спасено.

После операции у Майдана Голенищева мы с комиссаром дивизии Лукой Гребенюком и Мостовым с напряженным вниманием слушали у нас в штабе, уже в Литине, сбивчивое повествование атамана Божья Кара — Богдана Цебро. Что-то общее было в зверином облике этого обитателя лесных трущоб с петлюровцем Максюком, захваченным год назад в Грановском лесу на Гайсинщине.

Те же небрежно выбритые щеки, тот же землистый цвет лица — результат неспокойных ночевок в землянках и постоянного напряжения нервов, тот же настороженный, явно недружелюбный взгляд исподлобья и тот же отталкивающий, дающий о себе знать на расстоянии густой

смрадный козлиный дух — обязательный спутник неопрятных, долгое время лишенных бани людей.

Но если крутой и тонкий нос Максюка придавал его обрюзгшему лицу грозное, можно даже сказать — свирепое выражение, то заурядная, с коротким вздернутым носом физиономия Цебро и наполовину по всей длине отсеченное ухо не вязались ни с «высоким предназначением», ни с грозной кличкой атамана.

Еще на обратном пути в Литин душевно взъерошенный Братовский-Ярошенко, морщась от сыпавшихся на его голову проклятий, советовал обратить внимание на корноухого.

— По чину, как и я, сотник,— шептал, покачиваясь в седле, бывший петлюровский резидент.— Но он из тех сотников, которые знают больше иного полковника.

...Лука Гребенюк, сморщив лицо, глуховатым голосом попросил крутившегося в штабе взводного Почекайбрата:

— Голубчик, будь ласка, распахни окно. Атмосфера что-то тяжелая стала.

Мостовой предложил пленнику поменяться местами.

— Что? Не терпите мужицкого дыма? — не без ехидства спросил петлюровец.

— Рос на махре. С десяти лет. Терплю дым, но не терплю духа псины.

— В лесу бань-то нет! — заметил Гребенюк.— Один душ, и тот порой уж очень горячий! Вот как на пасеке за Майданом Голенищевом.

— Не боитесь — сорвусь? — Искоса поглядывая на широко раскрытое окно, атаман уселся на табурет Мостового.

— И не подумаете! — отчеканил комиссар дивизии.— Не те времена. Теперь ваш брат думает о другом. Рады, что зацапали. По глазам вижу: хочется сказать нашим казакам спасибо, а стыдновато. И дурацкий гонор не позволяет...

— Ну и меткость! Из десяти возможных девять прямо в яблочко! — сердито хмурясь, выпалил атаман.— Вы кто, знахарь? Был у нас из этой категории сотник Максюк, гадал все больше на бобах. А вы на чем?

— На морзянке!

— Не пойму! — Лицо пленного вытянулось.— Может, это как знаменитый «железный факир» Ибн Бамбула? Зырнет на твои кишени и начнет чесать без запинки, сколько там грошей, какие документы. Наша контрразведка сразу его замела — шпион! Таким глазищам и стальные стенки нипочем! Было это осенью девятнадца-

гого года, в Попелюхах. Там давал представление бродячий цирк.

— Этого фокусника я знал,— ответил комиссар при полном молчании штабников.— Бродячий цирк был тогда в Коростышеве. Тоже в девятнадцатом, летом. Даже афишу ихнюю помню. Вот послушайте: «Только три дня! Только три дня! Ловите момент! Ловите момент! Чудо Европы и всех ее двенадцати окрестностей! Краса священного Ганга и славного Днепра! Любимец публики Правобережья и всего Левобережья! Шут кубанский, клоун молдавский, эквилибрист бессарабский, шпагоглотатель таврический, непревзойденный хиромант всего земного шара! Укротитель диких баранов! Покровитель ядовитых змей и черных тараканов, железный факир и мудрец Мартын Заденко Ибн Бамбула Брамапутский!..»

Без единой запинки произнесенная Гребенюком цирковая реклама вызвала дружный смех всех слушателей, а комиссар продолжал:

— И наши особисты приняли его за шпиона... Но тогда ему повезло. В коростышевской конной милиции служил цирюльником его родной брат Хома Бамбула. Но я не из фокусников. И не из цирюльников. До меня в нашем роду были мужики, от меня пошли канцеляристы. Долго таскал пятипудовики на Роменском элеваторе. По вечерам учился на телеграфиста...

— Вот что значит морзянка — телеграфный аппарат Морзе? — спросил атаман.

— Эге! По уши влез в эти дела. Поначалу во сне никак не мог вырваться из силков, телеграфные ленты опутывали. Над ухом все пищало: точка — тире, точка — тире... а потом и днем стало донимать. Воробьи у станционной конторы чирикают, а мне слышится: точка — тире, точка — тире... Паровоз гудит — мне же мерещится: точка — тире, точка — тире... Потом из этих телеграфных значков складывается в моей голове чудная речь воробьев, паровозов, высоких хлебов, густых трав...

Атаман, напряженно слушавший комиссара, как-то опустил плечи. Сошла настороженность с его хмурого лица. Взгляд стал более человечным.

— И сейчас вижу — в ваших глазах вспыхивают телеграфные знаки: точка — тире, точка — тире. И не так уж трудно расшифровать эту морзянку, эту безмолвную депешу запутавшейся души... Душа вопит: «Куда я шел и до чего докатился... точка — тире, точка — тире. Был воякой, а стал бандитом... точка — тире, точка — тире...»

— Мутим души детей! — воспользовавшись паузой в речи комиссара, добавил Мостовой.— И чужих, и своих. Вот тех, что под Майданом Голенищевом принесли вам пинжак, харч. Не детки, а настоящие светлячки.

Атаман заерзал на табурете. Больно прикусил нижнюю губу. Не выдержал пристального взгляда Мостового.

— Самостийна Украина Петлюры! — продолжал Гребенюк.— Где она? Нет ее, не было и никогда не будет. У Петлюры может быть только самостийна земська аптека!

— Значит, вы и есть комиссар второй червоннoказачьей дивизии Лука Гребенюк? — спросил петлюровец, немного оправившись после короткого замешательства.

— Эге! Что? Встречались где-нибудь с вами?

— Зачем встречались? Сейчас не то что в наших лесных землянках, а даже за Збручем, во всех казацких таборах, и то знают ваше словечко — «самостийна земська аптека»! Все говорят: не одного нашего гайдамака переманили своим лукавством. И прозвали вас там Лукавый Лука.

— При чем тут хитрость, при чем лукавство? Переманывает вашего брата не Лукавый Лука, а нелукавая правда жизни. Мы же все,— Гребенюк указал на собравшихся в штабе казаков,— лишь ее защитники и пропагандисты.

Атаман, не выпуская изо рта цигарки, все исступленней затягивается. На его обрюзгшем лице, казалось, было написано: «Зачем возитесь со мной? Взяли на горячем, ведите за клуню, секите голову, стреляйте. Не терзайте душу, не тираньте!»

Когда-то, в середине века, на бронзовых телах пушек литыми латинскими буквами писался грозный девиз: «Последний довод королей». Но если у королевской власти, кроме пушек, были еще какие-то доводы, то сколько могучих доводов появилось теперь у власти народной!

Условия гражданской войны на Украине имели свою неповторимую особенность. Червонное казачество — тяжелый молот, крушивший куркульские полки «самостийников»,— одновременно было сильно действующим магнитом по отношению ко всем тем, кто попал к Петлюре по заблуждению.

Мы хорошо знали врага, а старались узнать еще лучше. Нас интересовало: сколько лет провел атаман в желто-блакитном стане и что его туда привело? Как он относился к своим казакам и как обходился с пленными красноар-

мейцами? Откуда его ненависть к Советской власти? И особенно сильно было наше любопытство к тем, кто, не имея богатых хуторов, вековых рощ, несметных табунов, попал в гайдамацкие ряды.

Кое-кто называл нас пренебрежительно советскими попами, считая, что главный аргумент воина — его острый клинок. Пусть! Но заблуждались, как показала сама жизнь, эти ура-рубаки, а не мы. Мы помнили основной довод — жгучее ленинское слово. Наши проповеди сделали не меньше, чем клинки, которыми, кстати, и мы, когда это нужно было, умели пользоваться как последним из последних доводов пролетариата.

Действуя по ленинскому принципу: сначала убеждение, а потом принуждение, мы обращались к нашим противникам с предостерегающими словами Тараса Шевченко: «Схаменіться, будьте люди...» И это подействовало. Под Большими Зозулинцами целая бригада «сечевых стрельцов» Петлюры повернула штыки против интервентов! А полк гайдамаков во главе с их командиром Сергеем Байло! Сколько же он покрошил оголтелых петлюровцев, сражаясь под красными знаменами!

Если враг переставал быть врагом, то это уже было большой победой ленинской правды. Среди отобранных у атамана записей была такая фраза: «Будь проклят ты, твое паскудное имя и весь твой дьявольский петлюровский род...» Это говорило о том, что хозяин дневника готов отойти от «самостийников», но еще не отошел. А многие по мере просветления их мозгов, невзирая на все прошлые преступления, шли с нами против тех, с кем были вчера. Не это ли шаг к победе малой кровью, к победе по-ленински, по-человечески?..

* * *

Атамана Божью Кару, то есть петлюровского сотника Цебро, вместе с его записками мы отправили в Винницу. Мы считали: там, в губернии, детальнее и по всем правилам разберутся и в нем, и во всех его делах. Мы могли лишь его взять, обезоружить.

Наше дело — сражаться, не карать. История строго порицает тех, кто отбирает у суда функции возмездия. Наказывать преступников — дело юстиции. В ее руках — строгие и беспристрастные весы Фемиды. И если судья руководствуется законами, которые не только стоят на страже народных интересов, но и его самого ограждают от

игры страстей и злобы дня, он сумеет установить и степень зла, и то, что явилось его причиной,— личная корысть, слепой фанатизм, легкая вера или глубокое заблуждение. А может, и то, и другое, и третье, все вместе взятое. Повторяю: об этом судить тем, кто вооружен законами, не мечом.

Лишь суд — это уже хорошо знали наши отдаленные предки,— и только он один вправе назначить меру возмездия за меру зла.

* * *

...На одной из неимоверно помятых, с густыми потеками химического карандаша страниц дневника атамана значилось: «На той неделе мои хлопцы прикончили в Сахнах продагента... Наконец-то отчитаюсь перед Чеботаревым.

21 апреля 1921 года. Бохны. Лесная землянка. Моя основная резиденция. Зашевелилась «подвластная» территория. Уезд гудит как растревоженный улей... Покончено с продразверсткой. Будет продналог. Надеялись мы победить большевиков голодом. А попробуйте найти в уезде клочок незасеянной земли. Самые крепкие хозяева и те то и дело упоминают Ленина.

Вот тебе и волшебное словечко — «нэп». Три буквы, а лупят по нас хлеще трехдюймовки.

20 июля. Утро. Кошмар. Голодающие с Волги. Грязные, страшные. Их тысячи на «подвластной» территории. Вот еще нахлебники появились... Атаман Шепель потребовал: «Гнать палками, вилами, травить кацапню собаками». А мужики смекнули, особенно хозяйственные. Раз нэп — значит, побольше надо выжать из пашни, крупорушек, бахчей. Получше переварить все то, что дала революция. Сам бог послал батрачню. Не свою, так с Волги.

Вот тебе и атаман всей Подолии! Подпольный губернатор! Тоже придумал — травить полуживых людей собаками! Как бы наш мужик не воспользовался твоим же советом да не стал гнать палками нас с тобой, пан Шепель! Все может теперь быть».

...Этим и заканчивались записи в атаманском дневнике. Мостовой после некоторого раздумья, помяв в руках тетрадь петлюровца, сказал:

— Ну и барбос! Показать бы ему собак... Беда, когда давят людей. Но трижды беда, если сегодня это делает тот, кого самого давили вчера...

— А я скажу так,— подправил партийного секретаря комиссар дивизии Гребенюк,— трижды подлец тот угнетенный, который сам становится угнетателем...

Вот так подвел итог напряженной беседе с пойманным в лесу под Бохнами незадачливым атаманом наш славный и боевой военком 2-й Черниговской дивизии Червонного казачества, ловко владевший и клинком рубаки, и огненным словом оратора, вышедший «из хлеборобов в канцеляристы», опытный морзист Лука Матвеевич Гребенюк, он же известный как в Червонном казачестве, так и в рядах петлюровцев под памятным прозвищем — Лукавый Лука... [1]

ПОЛКОВОДЕЦ-ПОЭТ

(РОБЕРТ ПЕТРОВИЧ ЭЙДЕМАН)

Ну, выбирай: безумство рабства,
крови, грабежей
Или — семью народов без классов,
государств и рубежей.

Роберт Эйдеман

Этого статного, светловолосого, с обаятельной улыбкой, талантливейшего сына латышского народа забыть трудно.

Это он, Роберт Петрович, звонкоголосый поэт и прославленный воин, заместитель командующего войсками Украины и Крыма, редактор только что созданного в Харькове журнала «Армия и революция», заставил меня в 1922 году впервые взяться за перо. На поприще военной публицистики товарищ Эйдеман был моим первым и никогда не забываемым «ефрейтором».

Опубликовав на страницах «Армии и революции» острополемическую статью Михаила Васильевича Фрунзе «Советская военная доктрина», направленную против наскоков Троцкого, Эйдеман мобилизовал всю Красную Ар-

---

[1] Однажды пришло письмо из Харькова: «Уважаемый И. В.! Обращается к Вам дочь Луки Матвеевича — Галина Лукинична. В областной библиотеке взяла я книгу «Трубачи трубят тревогу», где Вы описываете и за моего отца. Какой это был добрый человек — всем старался помочь, всем все разъяснить. На родине его все вспоминают добрым словом, вспоминают, как он организовывал подполье, как беспощадно громил врагов Советской власти.

Нет того дня, чтоб я не вспоминала и не оплакивала своего отца. Нет его в живых, хоть будут о нем читать. Спасибо Вам, с уважением Галина. 13.7.1971 года».

мию в поддержку новаторских требований талантливейшего ученика Ленина, героя Волги и Перекопа.

Троцкий сидел в кабинетах, судил о многом умозрительно, а Фрунзе и Эйдеман — люди богатого боевого опыта — намечали тогда новые пути для армии, только что победившей объединенные силы четырнадцати держав.

Почти вся боевая жизнь Эйдемана прошла на Украине. Возглавляя 41-ю стрелковую дивизию, укомплектованную из трудящихся Харьковщины и Киевщины, он гнал деникинские полчища от Кром до Павлограда, а затем во главе 46-й дивизии (бывшей 2-й Украинской советской) громил врангелевцев под Перекопом. В боях за Каховский плацдарм он возглавлял 13-ю армию. В 1921 году руководил операциями по ликвидации банд Махно. Под Беневкой на Полтавщине ему, Роберту Эйдеману, червонные казаки, учинившие черному батьке окончательный разгром, вручили отобранное у махновцев (конная группа Кутиленко) черное знамя.

Спаянная братской кровью боевая дружба между воинами Советской Украины и Советской Латвии началась еще раньше и не прерывается до этих дней.

Осенью 1919 года уже для генерала Деникина откармливался белый конь, чьи кованные серебром копыта должны были зацокать по брусчатке Красной площади. Великий Ленин потребовал преградить дорогу врагу лучшими силами Республики — и головорезам офицерского корпуса генерала Кутепова преградили дорогу стрелковая дивизия латышей Калниня, стрелковая бригада украинцев Павлова и конная дивизия Примакова.

Весь октябрь 1919 года шло кровавое единоборство между лучшими силами обоих лагерей. Несколько раз Орел и Кромы переходили из рук в руки.

Член Реввоенсовета Республики Ю. Данишевский потом писал: «Латышские стрелки и червонные казаки в плен не сдаются — раненые, если у них нет больше надежды попасть к своим, сами кончают с собой...»

4 ноября 1919 года в приказе № 48 командир латышской дивизии Фридрих Калнинь писал: «3 ноября на рассвете дивизия прорвала расположение противника. Через прорыв двинулась конница Примакова...» Вот тогда был осуществлен в практике Красной Армии самый эффективный кавалерийский рейд по тылам врага. В результате рейда червонных казаков на Фатеж — Поныри деникинцы вынуждены были поддаться натиску советских дивизий 13-й и 14-й армий и откатиться ко Льгову. Вместе с пол-

ками Примакова шел в тот рейд и конный полк латышей Яна Кришьяна.

За эту блестящую операцию были награждены боевыми орденами Красного Знамени Фридрих Калнинь, Виталий Примаков, Ян Кришьян, Семен Туровский, Пантелеймон Потапенко, Петр Григорьев, Гнат Мозговенко. Тот самый Гнат Мозговенко, который проживает ныне вместе со своим сыном-майором и частенько дает о себе знать из далекого Иркутска.

8 ноября Реввоенсовет 14-й армии писал в своем приказе: «Вы, красные герои, не только остановили продвижение деникинских банд к Москве, но вырвали из их рук Орел, Кромы, Дмитровск... разгромили лучшие офицерские отборные полки... В этих боях вечной славой покрыли себя части латышской дивизии и Червонного казачества...»

А позже, 11 декабря 1919 года, под Мерефой, дивизия Примакова, ведя неравный бой с двумя конными дивизиями белых — терцами и чеченцами,— уже начала сдавать, но подоспевшая бригада латышей А. Фрейберга ударом во фланг помогла червонным казакам снова овладеть инициативой и разгромить врага. К вечеру латыши и червонные казаки уже маршировали по улицам освобожденного Харькова. Поддерживая друг друга, выковывали свою боевую дружбу сыны Латвии и сыны Украины и в тяжких боях под Перекопом весной 1920 года.

Вот почему в книгах, посвященных боевому прошлому латышских красных стрелков, так много места отводится их боевым братьям — червонным казакам и их вожаку — Виталию Примакову. И за подписью старейшего латышского стрелка Кришьяна Жубита из Риги в Киев в адрес Совета ветеранов Червонного казачества ко всем праздникам и торжествам поступают теплые, душевные поздравления.

Соревнуясь в боевой доблести с прочими подразделениями его двенадцати линейных полков, в конном корпусе Червонного казачества хорошо себя показали сотня курдов, сотня немцев, чехов и мадьяр, сотня башкир. Боевую сотню латышей возглавлял член партии с 1905 года Жан Карлович Силиндрик. Отлично воевали замечательные пушкари Лаце и Эйдукас.

Многие кавалерийские соединения гражданской войны долго не продержались. Червонное казачество, возникшее почти в один день с Советской властью на Украине, просуществовало долго. Чем это объяснить? Тем, что в нем ярче, чем где бы то ни было, проявила свою силу ленин-

ская концепция семьи народов. Неудержимая своей отвагой селянская молодежь подкреплялась строгой пролетарской выдержкой ленинских посланцев — рабочих-коммунистов Киева и Харькова, Ленинграда и Москвы, Екатеринослава и Юзовки.

Ветераны помнят посланца Путиловского завода — комиссара 3-го полка латыша Яна Рекстина, комиссара 5-го полка Августа Штрааля, военкома 2-й Черниговской дивизии Ивана Фогеля, погибшего под Ростовом в должности командира стрелковой дивизии в 1941 году.

Фашизм, подняв меч на Страну Советов, делал ставку не только на свое огневое оружие. С помощью идеологических торпед он пытался внести раскол в дружную семью народов, за которую в своих душевных стихах ратовал полководец и поэт Роберт Эйдеман.

Дружба советских народов, ярко проявившаяся в боевой спайке сынов Украины и сынов Латвии в первые и тяжелые годы Советской власти, дала себя знать и в годы Великой Отечественной войны. О гранит этой дружбы и разбились все черные замыслы Гитлера.

Не зря же мужественный сын героической Латвии, светлейшего ума полководец-поэт Роберт Эйдеман, осуждая своей боевой поэзией «безумство рабства и грабежей», прославлял «семью народов без классов и рубежей».

Слава человеку, чей меч хорошо послужил семье советских народов в гражданскую войну, а его волнующая поэзия — в Великую Отечественную!

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

(СЕМЕН АБРАМОВИЧ ТУРОВСКИЙ)

У въезда в Гагру, слева, словно высеченный из скал, нависших над шоссе, стоит санаторий «Украина». Гигантский гранитный корпус, шедевр зодчества с огромными зеркальными окнами и широкими балконами.

В Гагре я продолжал разрабатывать тему «Танки прорыва» и там же, на отдыхе, начал писать художественное произведение. Стояли погожие дни золотой осени 1935 года.

Ленинская наука требовала, тщательно анализируя прошлое, заглядывать все время вперед. Мы изучали военные труды Ленина, Энгельса, Франца Меринга, Мольтке, Дельбрука, Бернгарди, Суворова, Румянцева, Фрунзе,

Тухачевского, Егорова, современных теоретиков Запада. Знали, чего хотят вояки Гитлера. Представляли себе поведение нашего народа, советского бойца в грядущих схватках. Прообразы моих героев я находил в наших несгибаемых воинах. Я изучал иностранных офицеров-стажеров, не только постигавших суть советской военной доктрины, но нередко затевавших жаркие диспуты. И наши люди с присущей им прямотой вдалбливали чужеземцам, что наша армия — не миф двадцатого века, а грозная сила, которой не страшен любой враг, никакая коалиция в любой комбинации.

Широкое, во всю наружную стену окно выходило на море. Рассекая синие воды взморья, проплывали огромные белые теплоходы. Похожие на корабли, на волшебные фрегаты, плыли в голубом южном небе синие облака.

Угасал день. Огромный раскаленный маховик погружался в бездну. От горизонта к берегу дыбились волны, и седые их гривы, набегая друг на друга, шумно ворочали прибрежную гальку. Рвавшийся с побережья ветер приносил с собой одуряющий аромат гиацинтов и соленой воды.

Медленно поползли на запад со стороны Пицунды, где раскинулись гиацинтовые плантации, тяжелые тучи. Они росли, ширились, создавая ансамбль причудливых нагромождений. Возникали контуры то украинских хат и пирамидальных тополей вокруг них, то казахских аулов, то юрт башкиров, то веселых казачьих станиц над Доном, то заметенных снегом кондовых изб твердых, как лед, сибиряков, то тонущих в сливовых садах мазанок молдаван, то вросших в крутые скалы саклей Кавказа, то обсыпанных золотом цитрусов кавказских долин.

Фантазия создавала стройные колонны пехотных, кавалерийских, танковых дивизий, штурмующих твердыни врага. Виделись полчища захватчиков, всей черной рати, посягнувшей на наши святыни. Возникали в воображении, прежде чем лечь на бумагу, изумительно стойкие, изумительно нетребовательные, яростные к врагу, не злые к поверженному противнику советские воины.

Множились картины, события, трагедии и драмы, люди, характеры... Были успехи, случались и неудачи, но ни разу мужественно сражавшиеся наши армии не отступали на фронтах войны, хотя не раз приходилось уступать врагу поле боя.

Но не в этом суть. Закончив однажды работу, я вышел на балкон. Внизу, на шоссе, показался открытый газик. На

большой скорости он промчался мимо нашего санатория. Рядом с шофером сидел военный в парадной форме — фуражка с красным околышем, мундир в позументах. Подумал: «Как сюда попал этот чехословацкий генерал?»

В следующий день меня увлекло описание первого пограничного сражения. Сражение армии прикрытия обеспечивало подвоз и развертывание основных сил из-за Днепра, из глубинок страны.

Стараясь предвидеть будущее, я исходил не из теорий профессора Свечина... В поданной мне пограничной битве, опираясь на систему созданных до войны мощных укрепрайонов — Тираспольского, Винницкого, Коростенского,— прикрытые сверху воздушным щитом отважного авиатора Ингауниса, приняли участие очень крупные силы. Три армии, во главе которых стояли видные и популярные военачальники гражданской войны — коммунисты Иван Дубовой, Семен Туровский, Николай Фесенко. Их крепкие дивизии вышибли вторгшиеся на нашу пограничную территорию враждебные полчища и с первых же дней войны, опровергая выкладки заумных теоретиков, заняли обширный плацдарм за Горынью и Збручем. И это было естественно для войск, в которых царил дух Перекопа, Каховки, Волочаевки...

Я настолько увлекся описанием пограничного сражения, что не услышал деликатного стука в дверь. Стук повторился. На пороге показался директор санатория.

— Пройдите, пожалуйста, в парадные комнаты. Вас там ждут...

Отложив с неохотой работу, я спустился на первый этаж. Там, в люксе, я застал того, кого накануне ошибочно принял за чехословацкого генерала. Это был заместитель командующего Харьковским военным округом Семен Туровский. С давних лет, еще со времен памятной битвы за Перекоп, я привык видеть его — верного соратника Примакова, его «правую руку», бессменного начальника штаба Червонного казачества — с дюжиной карандашей в одной руке и с циркулем в другой, со взъерошенной шевелюрой, с расстегнутым воротом. Сейчас мне навстречу, сдержанно улыбаясь, шел подтянутый военный человек в какой-то новой и весьма шикарной форме.

— Специально устроил в Гагре привал...— сказал он, тряхнув своей дремучей шевелюрой...

— Чтобы показать эту блестящую экипировку?

— Хотя бы! — ответил Туровский, широко улыбаясь.— Еду из Москвы. С заседания Военного совета. Но-

вый орган при наркоме. Там всем нам, членам совета, и выдали эту новую форму. Что, нравится? Не ждали? И мы, брат, не лыком шиты! Это мы доказали на Киевских маневрах. Всему свету доказали, да. Вижу — удивляетесь: у Туровского вместо четырех прежних ромбов только три... Да, после «девальвации» я получил звание комкора. Я что? Потерял один ромб, а иным вместо четырех ромбов дали три шпалы — полковника. Ворошилов говорит: «Чересчур много развелось у нас генералов». Вот и режут. Обиженные было сунулись к наркому, а он им: «Вы знаете, какой чин у Бека? Чин полковника. А он премьер-министр Польши!»

— Дубовому что дали? — спросил я.

— Остался при своих... Четыре ромба. Командарм второго ранга. Якир — командарм первого ранга, как и Уборевич, как и Шапошников. Маршалов у нас пять — Ворошилов, Буденный, Тухачевский, Егоров, Блюхер. Один товарищ спросил: «Почему ввели полковников, а нет генералов?» Ему ответили: «Там видно будет...»

— И этим занимался Военный совет? — спросил я.

— И этим тоже...— многозначительно прищурился мой собеседник, усаживаясь в кресло и приглашая меня последовать его примеру. Расстегнул ворот.— Вот я и устроил привал, чтобы кое-чем поделиться. И моя Вера раскисла. Она лечилась в Сухуми. С ней возится ваш врач... Да,— продолжал комкор,— Киевские маневры имели не только военный, но и политический аспект. Политический даже больше, чем военный. Там, за границей, долго шумели, что наша армия развалится от первого удара. И вот — высоких гостей из-за рубежа ошеломили наши воздушные силы, наши десантные войска, наши танковые соединения, наши военные заводы. Такого мнения француз Луазо, чех Крейчи, итальянец Монти. Вероятно, вы читали об этом в «Красной звезде»?

Разгорячась, Туровский взъерошил шевелюру, и я вновь увидел перед собой того неутомимого конструктора метких ударов по врагу, каким я его знал прежде.

— Обо всем этом были суждения на Военном совете. Нарком выслушал всех нас, посоветовался с нами. Определяются две линии. Линия Тухачевского, требующего усиления механизации, и линия тех, кто все надежды возлагает на острые клинки. Многие из нас, и я в том числе, хотя всю гражданскую провел в седле, за первую линию...

Я слушал гостя с напряженным вниманием. Все это было для меня ново. Думаю, не для меня одного. Туровский продолжал:

— Говорилось о путях развития Красной Армии. О гитлеровской угрозе. О нашей военной доктрине, завещанной нам товарищем Фрунзе. О кадрах. Об уставах. О новых уставах, применительно к новым условиям и к новым обстоятельствам. Есть теория немца Зольдана о профессиональных армиях; англичанина Фуллера, считающего, что будущее принадлежит лишь танкам; итальянца Дуэ, утверждающего, что войну можно выиграть одной авиацией. В каждой теории есть зерно истины. Да! А мы создаем свою — интегральную ленинскую теорию. В ней отводится заслуженное место массовой пехоте, авиации, мехвойскам. Кстати, Военный совет решил создать новый Полевой устав. И проекты такового поручено подготовить трем товарищам, каждому свой проект — Тухачевскому, Мерецкову и мне...

Это сообщение еще раз подтвердило тот факт, что заместитель Дубового пользуется все большим и большим признанием военных верхов. Его путь большевика и солдата имел свои особенности. Черниговский гимназист, большевик с 1912 года, он в 1914 попадает в ссылку. В 1918 году Туровский — командир сербского красногвардейского отряда. Затем идет к своему другу детства Примакову. В 1924 году он начальник кавалерийской школы в Ленинграде. Там в 1927 году энергично борется с оппозицией.

После этого он секретарь Выборгского райкома партии и одновременно командир 11-й стрелковой дивизии в Ленинграде. Затем командир стрелкового корпуса в Куйбышеве, потом в Киеве. После этого замкомвойск округа в Харькове.

— Теперь вот что,— резко переменил тему Туровский.— По решению Военного совета наш округ должен сколотить несколько новых танковых частей. Точнее говоря, это задание для Харькова. И эту работу Дубовой возлагает на вас. Закругляйтесь, ждем вас в Харькове. И вас,— ухмыльнулся замкомандующий,— вместо этого одуряющего запаха гиацинтов ждет веселый запах бензина. Служба! С формированием мороки и стычек будет в избытке. Шутка — из одного полка сделать чуть ли не пять... В этом деле можете надеяться на помощь Ивана Наумовича и на мою...

На пороге спальни показался врач.

— Больная в порядке и вполне транспортабельна. Желаю счастливого пути.

— Проводите нас до Сочи,— попросил комкор.— В дороге от Сухуми до Гагры я замучился с Верой, может, вместе ее отвлечем.

Мы поехали. Но и теперь наши разговоры не очень-то помогли больной. Она не выносила автомобильной езды, да еще по горным дорогам. В Сочи Туровский повел нас не на вокзал, а в тупик, где его ожидал вагон-салон.

— При царе нас возили в столыпинских вагонах, с окнами в железных переплетах,— сказал комкор,— а сейчас вот ездим в этих... Заходите!

Спустя полчаса, провожая меня к машине, он сказал:

— Да, в Москве много говорилось о воинских, о новых воинских званиях. Это звание должно быть свято не только для тех, кому присвоено. Снять с работы лейтенанта вправе лишь командующий округом, а полковника — лишь нарком...

Бетонированное шоссе в Сочи извилистой лентой убегало на юг, то прижимаясь к прибрежным кустам, то уходя влево — к крутой горной гряде. Ее живописные склоны, поросшие густым кедровым лесом, напоминали шкуру гигантского зверя. Навстречу попадались машины, арбы, груженные мандаринами, верхом на поджарых лошадях горцы, как правило, парами: муж и жена.

Всю дорогу я находился под впечатлением услышанного. Было о чем подумать каждому, кто болел за судьбы Красной Армии, кто видел ее зарождение, кто радовался ее расцвету. Я верил: старшие товарищи, заседавшие вместе с наркомом в Москве, сделают все, чтобы наши Вооруженные Силы стали еще сильнее, еще крепче, еще могущественней. К тому времени и маловеры могли убедиться, что дала пятилетка нашим войскам.

Не так меня разволновала беседа с членом Военного совета при наркоме Туровским, как глубокие раздумья после нее. Хотя впереди и ждал меня не одуряющий аромат гиацинтов, а постный запах этилового бензина, все мои мысли устремились в светлое, как я верил, будущее.

ОТШЕЛЬНИК ПОНЕВОЛЕ

(ВЛАДИМИР ИОСИФОВИЧ МИКУЛИН)

...Тогда, у Малых Хуторов под Винницей, главенствовал Примаков, но все мы знали, кто был инициатором подобных сногсшибательных экзерсисов. Из всех перво-

классных знатоков конного дела, должно быть, самый утонченный попал в наши ряды. Владимир Иосифович Микулин, пройдя в царской армии путь от корнета до подполковника, командовал бригадой под Перекопом и во время боев за Галицию летом 1920 года.

Вот тогда я очень хорошо изучил этого замечательного воина и человека. С командармом он мог свободно потолковать о тонкостях оперативного искусства; с командиром боевой сотни — о службе завесы и дальней разведки; с берейтором — об особенностях школы Филлиса; молодого сигналиста мог научить подавать все боевые сигналы, а молодого кузнеца — как подковать лошадь с хрупким копытом.

Когда на молодого Примакова легла тяжесть командования двенадцатью конными полками, в штаб корпуса взяли начальника 2-й дивизии Червонного казачества Микулина. Дивизию от него принял Котовский, а от Котовского — Соседов, затем Шмидт.

Гимназист Примаков, агроном Котовский, землекоп Шмидт, студент Туровский — прославленные вожаки конницы — многому научились у Микулина. Учились у него и прочие комбриги, командиры полков — все эти бывшие учителя, студенты, слесари, шахтеры, с первых же дней существования кавалерийского соединения зарядившие его селянскую толщу рабочим духом и пролетарским напором.

Влившись под Перекопом со своей отдельной 13-й кавбригадой в Червонное казачество, Микулин очень много сделал для его боевого совершенствования и роста.

Но вот весной 1921 года появилась на винницком горизонте необычной красоты женщина. Вмиг вскружила головы кавалеристам. Голов было много, а искусительница — одна. Тогда Микулин, как истый гусар, одновременно в роли победителя и побежденного вместе с искусительницей покинул ряды корпуса.

Уже в тридцатом году в знойной Ялте я встретил моих старых знакомых — «земных богов». Его, светлоглазого русского богатыря, и ее, красавицу с оливковым лицом и жгучими глазами креолки.

Но нет ничего вечного... Даже для «земных богов». Суровые обстоятельства разлучили их как раз в то время, когда молодой член партии Микулин достиг того, о чем мечтал много лет,— возглавил в Новочеркасске Высшую кавалерийскую школу Красной Армии.

Наш комбриг Владимир Иосифович Микулин, долго потом работавший с Буденным, человек сильной воли и благородной души, все свое умение, знание, весь пыл цельной натуры отдал любимому делу — строительству красной конницы.

Микулин окончил кадетский корпус, затем Елизаветградское училище. Произведенный в офицеры в 1912 году, получил назначение в 15-й уланский полк, стоявший в городе Плоцке на Висле. Весной 1914 года о Микулине уже писали все газеты России. Он совершил на коне без единой дневки очень интересный пробег Плоцк — Петербург: 1209 верст за одиннадцать суток.

В 1915 году боевой кавалерист Микулин переквалифицировался в летчики. Командовал авиационным отрядом. До осени 1918 года работал в молодых авиачастях Красной Армии, а потом снова перешел в конницу. В 1920 году занимал пост инспектора кавалерии 13-й армии. Но, человек неисчерпаемой энергии, постоянно искавший новое, Микулин стремился туда, где он смог бы применить новое и лично убедиться в его целесообразности. Его назначили командиром конного соединения.

Владимир Иосифович Микулин, сдав командование 17-й кавалерийской дивизией Котовскому, последовательно возглавлял 1-ю Сибирскую в Томске, 11-ю в Гомеле и отдельную кавказскую бригаду в Тифлисе. С нею принял участие в ликвидации бандитизма в Эльдарской степи. В 1924—1926 годах Микулин работал начальником штаба 3-го кавалерийского корпуса в Минске, после чего в течение почти десяти лет был в Военной академии имени Фрунзе адъюнктом на кафедре конницы, преподавателем и заместителем начальника штаба академии по учебной части.

В 1933 году, встретив как-то меня на Тверском бульваре в Москве, Микулин с радостью сказал:

— Можете меня поздравить. Я принят в кандидаты партии.

В начале 1935 года Микулина перевели в инспекцию кавалерии в качестве помощника Буденного, а в 1936 году назначили начальником Высшей кавалерийской школы, где он воспитал не одну сотню боевых вожаков красной конницы.

До Отечественной войны не было, пожалуй, ни одного командира, который не слышал бы о большом знатоке конницы — Микулине. Он участвовал в создании боевого устава кавалерии, разработал основы войсковой разведки

и по этой теме дал армии отличный художественный фильм «В тылу врага». Весь начсостав конницы носил очень удобное и практичное «снаряжение Микулина».

Осенью 1958 года навестил я в Тарусе нашего боевого наставника и учителя. Тяжелая болезнь ног приковала его к дому. Но и на костылях, в своем ветхом курене над зеленым берегом задумчивой Оки, малоподвижный «гидальго» сохранил боевой и задорный дух кавалериста. Много читал, много думал, много писал.

Вот там, на берегу тихой Оки, мой учитель и товарищ по походам признался мне:

— Я очень уважал Виталия — человека и самородка полководца. Как интеллектуала и полководца ставлю его выше всех наших кавалеристов. Но... помните мое отношение к женщинам?..

— Помню ваши слова,— ответил я.— «Я их презирал, презираю и буду презирать вечно. Чего и вам желаю...»

— Все течет...— взгрустнул кавалерист.— Стрела задела и меня...

Вспомнилось многое из рассказанного им во время длительных переходов по степям Таврии и по живописным дорогам Подолии и Галичины.

— Есть разные бунты...— похлопывая ладонью потную шею строгого дончака, поведал мне однажды наш комбриг.— Многих моих друзей фронтовиков, вернувшихся тогда вместе со мной из царских окопов, жены не знали как умастить. Моя же беспрестанно восставала. Все не мог ей никак угодить. Она открыто поносила меня. Жаловалась на неблагодарность, на грубость, отсутствие внимания. Со стороны можно было подумать, что то был бунт духа, а то был самый вульгарный бунт плоти... В чем я скоро убедился. Убедился и круто повернул своего коня на сто восемьдесят градусов...

Микулин продолжал:

— Еще в Елизаветградском юнкерском читал я Бальзака. Не раз вспоминал в те осенние денечки семнадцатого года злосчастного полковника Шабера. Его грустную встречу с женой. Того самого, который во главе кавалерийского полка прорвал три цепи русских. И если верить автору, тем способствовал исходу знаменитой атаки Мюрата под Эйлау...

Затем, должно быть, чтобы заглушить вмиг нахлынувшие грустные воспоминания, Владимир Иосифович стал напевать популярную среди кавалеристов старой армии

песенку, будто бы сочиненную самим Лермонтовым — юнкером Санкт-Петербургского кавалерийского училища:

Вы замундштучили меня,
Пехотным вьюком оседлали
И, как ремонтного коня,
К себе на корду привязали

Ваш голос чудный, музыкальный
Милей мне щелканья бича,
В сто раз звучней трубы сигнальной
Из уст лихого трубача...

Найдя тихий приют в скромной усадьбе на берегу широкой Оки, мой друг и товарищ по гражданской войне очень тепло отзывался о женщине, которая сумела теперь, после многих лет его тяжелых испытаний, бескорыстной заботой и неиссякаемым вниманием создать заслуженный уют боевому ветерану.

Видать было по всему — эта замечательная труженица Тарусы своим неисчерпаемым добросердечием и врожденным тактом заставила бывшего комбрига в корне пересмотреть оценку, которую он в прошлом давал женщинам...

Теперь на моем столе лежит целая пачка писем, полученных из Тарусы в конце пятидесятых годов. Писем человека и борца, которого жизнь в своей противоречивой сущности не только щедро баловала. Привожу некоторые фрагменты из тех грустных, но не лишенных оптимизма посланий тарусского отшельника поневоле.

Как-то со скорбным лицом Владимир Иосифович сказал: «Вы знаете, что такое обезноженная лошадь... Вот и ваш покорный слуга... В былые времена я гарцевал на шести ногах — две моих, четыре коня — нынче лишь пара костылей...»

5.VIII.1958. Таруса, Дачная, 33.

Дорогой друг! Что вам сообщить о себе?

Операция совсем выбила меня из колеи. И вдобавок к этому зло болит правая нога, хожу с палкой, а то и с костылем. В общем, хвастать нечем. В связи с таким состоянием пришлось временно прервать работу над повестью...

Скорее всего, в Киеве буду этак в августе — сентябре. К Вам на огонек заверну, разумеется, непременно... Старых друзей всегда рад видеть с особым удовольствием. О том, чтобы добраться до Переделкино, мне, разумеется,

нечего и думать — это совершенно невыполнимо. А нельзя ли наоборот? У нас своя усадьба, привольно. Приезжайте, а? Я буду страшно рад. День-два, проведенные здесь, Вам погоду не переменят, а мы вдоволь помянем «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Если будете в Москве, буду просто обижен, если не зайдете оба. Жена и Валюшка шлют Вам обоим привет. Валюшка всегда с благодарностью вспоминает оказанную ей у Вас теплую встречу.

16.X.1959.

В вопросах об эпитетах очень легко сбиться с правильного пути и пересолить. Особенно в те минуты, когда увлекаешься развитием сюжетной линии. А в общем — все это мелочи. Я хочу перед смертью еще увидеть по телевизору фильм о червонных казаках. К слову говоря, это была идея Виталия. Если помните, он даже ездил куда-то, чтобы побывать на земле своих предков. Конечно, в этом было много детского озорства, но идею эту можно с пользой пустить в ход. Помиркуйте!

Как ни верти, а сделать фильм о червонных казаках необходимо. Раскачивайтесь!

С точки зрения популяризации идеи хороший фильм стоит многих книг. Важно — подобрать режиссера. Знаю по собственному опыту, когда делал двухсерийный фильм «В тылу врага». Мне удалось сделать вещь, имевшую успех, только потому, что моему фильму протежировал Буденный. Шла мне навстречу армия. Это дало 100-процентный эффект.

25.III.1960.

Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы прислали мне список всех известных Вам очерков боевых операций Червонного казачества, написанных мною, с указанием, где был напечатан каждый очерк.

Живу скучно... Занялся перечитыванием кое-кого из французских классиков. Этим и убиваю время. Очень мешает жить проклятая правая нога. Хожу с трудом...

В своем привольном курене над зеленым берегом задумчивой Оки благороднейший в мире «гидальго» сохранил боевой и задорный дух кавалериста. Много читал, много думал, много писал.

Но вот 20 марта 1961 года телеграмма сообщила печальную весть. Не стало прекрасного человека, героя,

гражданской войны, полковника Советской Армии Владимира Иосифовича Микулина.

* * *

Судьба ближайшего советника и соратника В. М. Примакова взволновала многих. А особенно читательницу из Подмосковья Александру Спиридоновну Шумихину. В прошлом педагог, знаток классической и современной литературы, учившая людей не только на родной земле, но и в близкой Скандинавии и на неблизкой Кубе, она не раз посещала Тарусу. Но лучше всего дадим слово ей.

«Одна из улиц вывела меня к Оке — и я замерла от восторга. Сразу стало ясно, почему Таруса всегда привлекала к себе писателей, художников. Извилистая Ока с ее крутыми и пологими зелеными берегами, великолепные приокские дали, песчаные отмели — все это составляло, по-видимому, хорошую питательную среду для людей искусства.

А вот и кладбище с молодым дубом посреди полянки. Большой неотшлифованный камень вишневого цвета, а за ним — небольшой квадрат ярко-зеленой травы. Камень голый: ни даты, ни имени нет. Высокая трава скрадывала могильный холмик, под которым лежит Паустовский. Вокруг березовые перильца, за ними — склоны овражков и очень крутой спуск.

Вот невысокая деревянная ограда, белый памятник. Наклонившись, увидела овальный портрет, а ниже его прочла: «Герой гражданской войны Микулин Владимир Иосифович, 1892—1961».

Постояла молча. Чуть шелестели высокие раскидистые деревья. Далеко внизу глухо ворчала на перекатах вода... День и ночь журчит она на перекатах. И кажется, что два очень хороших человека, лежащих на высоком берегу Таруски, крепко спят под это неумолчное журчанье. Посетила я и Тарусскую картинную галерею... Мое внимание привлек большой портрет красивой женщины в нарядном платье. Подхожу ближе, читаю: «В. Д. Богданова — 1942 год. Корин П. Д.». Корин! Тот самый Корин, который вместе с братом гостил у А. М. Горького в Сорренто и написал его портрет!.. Неужели это она — «красавица с оливковым лицом и жгучими глазами креолки»? Долго стою в смятении перед портретом...

Что ж? Есть уникальные создания, мимо которых не может спокойно пройти ни перо литератора, ни кисть художника».

Летом 1971 года, в кулуарах V съезда писателей, под сводами древних кремлевских дворцов с прозаиком Николаем Богдановым мы, тихо взгрустнув, вспомнили добрым словом ушедших в мир иной: светлоглазого русского богатыря Владимира Микулина и В. Богданову — «красавицу с оливковым лицом и жгучими глазами креолки».

* * *

Когда я думаю о замечательнейшем полководце и герое гражданской войны мытищинском слесаре Блюхере, то вспоминаю некоторые его приказы, характеризующие их автора не только как крупного военачальника, но и как страстного коммуниста, беззаветно преданного делу партии.

Незыблемый авторитет Блюхера зиждился не на его начдивовских регалиях и мандате. Этот авторитет принесли ему мастерство знатока военного дела, личная отвага и товарищеское отношение к бойцам. При таком положении властный приказ мог решать многое. Многое, но не все. И большевик Блюхер прекрасно понимал это. Рядом со строгими пунктами приказа мы находим слова, которые адресуются к гражданскому долгу, к патриотическому чувству бойца.

Может, кое-кто и считал, что можно добиться многого, воздействуя на страх воина, а большевик Блюхер знал, что страх — это временно действующий фактор. Более эффективное начало — гражданское сознание воина. И Блюхер, не опасаясь быть докучливым, перед каждым серьезным делом адресуется к этому высокому чувству советского бойца.

Он не только солдат, но и политический деятель. «Как старший начальник приказываю и как старший коммунист перед вашей коммунистической совестью обязываю...» — писал он в одном из своих приказов на Каховском плацдарме.

Сердца советских полководцев бились в унисон с сердцами всех советских воинов. Вот в чем секрет их побед!

Раскрывая свою сущность большевика, ленинца, настоящего человека, Блюхер находит доброе слово и в адрес обманутых солдат врага. Перед штурмом Перекопа он обращается к ним: «От имени Советской власти и русского народа объявляю полное забвение и прощение прежней вины всем добровольно перешедшим на сторону Красной Армии».

А перед Волочаевкой он пишет генералу Молчанову — марионетке японцев: «Какое же солнце предпочитаете вы видеть на Дальнем Востоке?.. Я — солдат революции и хочу говорить с вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек. На этих сопках и без того много могил...»

Проявить такую ленинскую человечность, такое величие русской души мог только наш, советский человек. В бою он ведет свою линию до полного разгрома врага. Но он гуманист, избегающий бессмысленного кровопролития. И это не являлось особенностью одного Блюхера. Вострецов, готовый ежеминутно вступить в бой с белогвардейцами на Аяне, пишет генералу Пепеляеву: «Пролитая кровь будет на вашей совести, а не на моей, так как настоящее письмо пишу от всего сердца и совести».

Петлюровским солдатам внушалось, что они-де защищают честь и свободу Украины. Для околпаченных этой демагогией нужны были особые слова. Перед нами лежит пожелтевшая от времени листовка-письмо к «вольным казакам» Петлюры. Эта листовка написана в 1920 году при ближайшем участии Примакова. Стараясь избежать лишнего кровопролития, червонные казаки писали: «Одумайтесь, пока не поздно!.. Есть еще время одуматься и вспомнить слова великого поэта Тараса Шевченко: «Схаменіться, будьте люди, бо лихо вам буде...» Вместе возьмемся за мирный труд для добра всего рабочего люда нашей славной свободной социалистической Советской Украины...»

И это дало свои результаты. Не только одиночками, но и целыми полками переходили в Красную Армию обманутые.

Показать не только героизм наших бойцов и командиров, но также их высокую идейность, подлинный гуманизм — благородная и благодарная задача литераторов.

Что такое дивизия в период гражданской войны? Это партийная организация, рабочий класс, трудящиеся того или иного края, той или иной губернии. В основе 30-й и 51-й дивизий лежат первые стихийные красногвардейские формирования Урала и Сибири. История 45-й дивизии — это история борьбы одесских и молдавских партизан с румынскими боярами, петлюровскими гайдамаками, 58-й — история борьбы за Советскую власть на Херсонщине и в Таврии и т. д., и т. д.

Рассказать о подвигах соединений, созданных во время гражданской войны, значит рассказать о борьбе партии,

рабочего класса, всего народа за молодую Советскую Республику.

Не раз во время читательских конференций я спрашивал молодых офицеров, кто были Ожеро, Удино, Гош, Массена, Ней. Многие знали, что это полководцы Французской революции, ставшие впоследствии маршалами Наполеона. Но кто были Федько, Азин, Уборевич, Тухачевский, Примаков, Эйдеман, Дыбенко — не все знали.

Да, все, что дает жизнь, само смертно. Но не все уходит из жизни, не оставляя следа. Вспоминается одно необыкновенное Братское кладбище. Там хранит суровое молчание человек и красноречиво говорит камень. И этот «говорящий» камень с воплощенными в нем символами прекраснее всего выражает преклонение живых перед подвигом павших.

Полководцам и героям гражданской войны создан и создается заслуженный ими Пантеон — пусть не из лабрадора, не из малахита, а из хороших, правдивых книг об их ратных и гражданских подвигах.

УЧЕНИКИ

ВЕСНА-КРАСНА НАСТАЕТ...

(ВИКТОР ХЛЕБАНОВСКИЙ — БОГУСЛАВ ГРОМАДА)

Рысит юный всадник с походным вьюком,
А вьюки набиты отборным овсом...
Буржуям на горе пожар мировой
Раздуть чтобы пуще, он шел в смертный бой!

Белинский утверждал: «Для восстановления фактов, кроме эрудиции, нужна и фантазия». Вот эта фантазия и нашептала автору идею окрестить подлинного героя — бойца Червонного казачества, славного кавалера ордена Красного Знамени героических лет гражданской войны Виктора Хлебановского — Богуславом Громадой.

* * *

С не зажитой еще раной боец покинул опротивевшие ему стены корпусного госпиталя. Но уходят из больниц в дневное время, имея на руках документацию и в вещевом

мешке провиант на дорогу. Он же ушел до рассвета, тайком.

С шинелькой, насквозь пропахшей дезинфекционной серой, вопрос решился просто. Ходячих звали во двор выгружать продукты для пищеблока. Ушлый взводный сумел ловко поднести кастелянше подходящую басню и накануне не сдал в каптерку шинель. Вот только шевелюра... Нещадно срубленный в первый же госпитальный день чуб никто не мог уже ему возвратить.

Расстался грозный рубака с Мурами — превращенным в здравницу старинным убежищем для католических монахов— не потому, что его двухметровые монастырские стены насквозь пропахли карболкой и йодом. Не потому, что суровая зима 1921/22 года с ее крепкими морозами и снежными буранами осталась позади, напоминая о себе чугунной «буржуйкой» посреди палаты. И не потому, что сквозь полураскрытые окна, зовя горячую натуру на широкие просторы Литинщины, в душное помещение врывались еще слабые, но одуряющие мартовские ароматы. Хотя, навевая мысли об одной Доброй душе, кружили голову и они. «Весна-красна настает, у солдата сердце мрет...»

Пришедший в Муры слух извне, как ни одно другое событие, до основания взбудоражил раненого бойца. Не давал покоя ни днем ни ночью. Не только приписанные к госпитальным койкам бойцы, но и весь штатный персонал из уст в уста передавали новость — Ленин собирается в Геную...

После ужина и вечерней поверки, когда по привычке ходячие липли к «буржуйке», пришибленный новостью взводный высказывал особое, «персональное мнение». Но чем могли ему пособить все эти изрезанные скальпелями и сплошь перебинтованные, передвигавшиеся с помощью костылей и палок товарищи? Все эти отважные конники, преградившие своей грудью путь нагло ворвавшейся из панской Польши тысячной банде полковника Палия-Сидорянского, нацелившейся на Киев и сложившей многие буйные головы далеко от него.

Но надо прямо сказать, размышлял «дезертир», не пустовал и корпусной госпиталь. Победы даются нелегко... 1920 год — год окончания гражданской войны — как будто остался далеко позади. Шла вèсна 1922 года, а поди ж ты. Да и сам он, Богуслав Громада, уцелев в кровавой схватке с Палием, чудом спасся совсем недавно в другом горячем деле. Это случилось, когда вся Подолия, снявшая в тот

тяжелый для всей страны год обильный урожай, шумно справляла праздник крещения.

В ту пору дебаты вокруг Генуэзской конференции стояли в центре всеобщего внимания. Многие считали: Ленину надо туда поехать. Только он сможет на равных говорить с акулами капитализма, не продешевить, добиться мира, займов — всего, в чем так остро нуждалась измученная войнами молодая Республика.

Даже сосед по койке Максим Запорожец, в прошлом солдат русского экспедиционного корпуса, побывавший в рудниках Алжира за то, что не хотел сражаться за чужое дело на полях Франции, твердо был убежден, что без Ленина «обмахорят там нашего брата с головы до ног, потому как есть у них закон жизни: не обманешь — не продашь. Ихние главные козыри — плутовство и обман...».

А вот молоденький взводный Богуслав Громада, мятый и перемятый жизнью, жестокой судьбой, ее сюрпризами и капризами, думал по-иному. Не зря все политруки, сколько бы их ни менялось в его линейной сотне, поручали ему деликатное дело — читку газет. И вопрос ведь не в самой читке, а в умении разъяснить, или, как теперь говорят, прокомментировать слово. А самое главное — уметь ловко дать по чубу любителям подкидывать вопросики «с табачком».

За это и прозвали его «наркомвзвод»...

К голосу взводного прислушивались. Не шутка — с пятнадцати лет в должности коногона и камеронщика излазить все подземные лабиринты Кадиевки, в семнадцать пройти через многие рейды с червонными казаками, в восемнадцать штурмовать с ними и с латышами Перекоп, в девятнадцать добраться со своей лихой сотней до самых Карпат, а в двадцать под Сквирой срубить с коня махновского головореза Редьку.

У Богуслава Громады был собственный взгляд на Ленина. И не то чтобы он, рисуясь, излагал его всем подряд, но к слову — пожалуйста. Свое мнение он не скрывал — ни перед друзьями Ленина, ни перед его врагами. А этих — недругов — было тогда предостаточно.

Однажды один занозистый дедок, угощая взводного крепким медком, завел шарманку:

— Смотри, хлопче, ты весь изрезан, исклеван пулями. Столько воды ты не извел, сколь из тебя, видать, ушло крови. А за кого? Начальство, известно, с портфелями ходит, в галихве и френчиках шикует, на рессорных бричках

раскатывает, а вас, сосунков, сует под шрапнель, под бонбы...

— А дальше... Что дальше? Излагай свой псалтырь, свою программу, пчелиный апостол...

— А дальше как раз и скажу про бджолок, про тех мудрых божьих тварей... Куды человеку до них! Наш брат полжизни воюет, а уцелеет, то еще четверть жизни бражничает и лишь четверть работает. А эта серьезная тварь трудится все свои дни насквозь. А ты, вьюноша, убиваешь людей, могут прикончить и тебя. Очень даже просто... Оставайся. Оставайся при мне... Можешь с конячкой и даже с амуницией. Приючу. А медок? Будет и ласковый, будет и сердитый. Градусов до полста. Можем тебя и оженить. Видал, полон двор у меня девок. И каких? На меду взращенных... Не гляди, что бджолки мелкая тварь, у каждой по две пары челюстей. Мандибулы...

— Хай там манди булы, хай там манди будут,— невозмутимо ответил Богуслав.— А я скажу так. Нет спору, я нужен нашим товарищам начальникам. Но еще более они нужны мне. Ты вот рос на широком просторе, дышал цветочным духом, пользовал горбушку из чистой крупчатки, а меня чертова доля мотала вверх и вниз, мотала вдоль и поперек. И я был совсем еще мелкой тварью, когда она меня загнала глубоко под землю. В коногоны. Был я там последним среди последних. А кто меня сделал человеком? Большевики. Не будь их, то и ты не изводил бы на меня свой царский мед... «Френчи, галифе, портфели, рессорные брички»! Так я сам таскаю галифе. И не по святкам, а в любые будни. Да еще с лампасами. Пусть не генеральские, а лампасы. Касаемо же тех дебелых девок, то желаю им крепких женихов, а в моей повестке дня того вопроса еще нет. Рановато. Надо кончать с контрою...— И еще добавил он тому въедливому дедку: — Вот, папаша дорогой, считают, что пасечники — это божьи угодники, потому как вникли они в повадки и язык пчел. А можно понять так: ты, старина, больше нахватался выходок и языка ос... И всю твою осиную вертикуляцию я вижу насквозь...

Отодвинув решительно посудину, из которой было бы лестно угощаться и командиру корпуса, не то что взводному, он отрезал:

— А потому пусть уже вокруг твоей полкварты пауки вьются, а я к ней и не прикоснусь...

И теперь, следуя с туго перевязанной шеей по не проснувшимся еще тихим улицам древней Винницы, взвод-

ный вспомнил, как недавно в Багриновцах бандиты Гальчевского нагрянули из засады. Трех казаков — они конвоировали хлебный обоз для голодающих Поволжья — те продажные шкуры зарубили, а его, старшего, кругом связанного, дали для «первой практики» юнцу. У того малолетки, на счастье, шашка была тупой и рука вялая. Рубанул по шее, а тут нагрянула выручка из Литина. Ну, израсходовали бы его бандюги. Так во взводе осталось еще немало бойцов. Жил еще закаленный в боях и рубках, гремел на всю Украину корпус Червонного казачества. Жива и Страна Советов.

А тут Ленин... Что ж, зазря пролиты штреки крови, навалены терриконы жертв? Без ленинской мудроты трудновато будет народу. Факт! Значит, решение одно — стремиться Ленину в ту чертову Геную все едино, что лететь вниз головой в шахтный ствол.

Что можно ждать от увечных друзей по палате? Иное дело — хлопцы его взвода и всей первой сотни, головной сабельной сотни полка. А до них рукой подать — Литин. Вот только расквасилась дорога. Весна! Что ж? Не найдет он у корпусных складов знакомых фурманщиков, отмахнет и пешком под оголенными пока ветвями мощных лип старинного Екатерининского тракта. Лишь бы не напороться на бандюг. Хотя днем они отсыпаются в своих темных логовах.

Правда, можно было бы сунуться в Сады, в штаб корпуса, а то и к самому Примаку. Это очень даже просто. Комкор любит побеседовать с линейным бойцом. Можно ему сказать напрямки свою думку про ту Геную... Так то ж будет единоличное понятие. А надо, чтобы вся казачья громада собралась на срочную раду... Высказалась бы открыто и честно. Тогда, может, и посчитаются с ней. Может, всеобщая тревога докатится до самого Владимира Ильича. А что смылся самовольно из госпиталя, то не всякого дезертира казнят. Есть которым и оказывают милость...

Один бойкий отделком, слушая напористые слова Громады, внушал ему еще в госпитале:

— Там и без тебя рассудят, что к чему. Там головы не то, что наши с тобой. Тоже нашелся политик... в эскадронном масштабе. Поменьше шебарши. Напорешься. И так тебя откаючат свои же... Похлеще того малолетки лесовика. И выйдет у тебя перебор. Чего нет — не получишь, что есть — потеряешь...

А путник, с трудом вытягивая ноги из глинистого ме-

сива, не переставал давать в уме отпор тем умникам. И тогда он ответил «мудрому» отделкому: «А помнишь, что говорил нам Примак? Вот когда зашел в нашу палату. Когда приносил нам награды за Палия. Он сказал: «Война, правда, отвратительна, но борьба, товарищи, прекрасна». И наш комкор считает: раз у тебя есть свое мнение, должен ты за него бороться. До полной победы...»

Чем крепче были его думы, тем легче давалась ему нелегкая дорога. Есть же, рассуждал он сам с собой, такие герои. Что ни речь — взрыв динамита. Разделывают в пух и прах лорда Керзона — коварную гидру империализма, президента Пуанкаре, а также полкового начбиба, не давшего вовремя «Чтеца-декламатора». Вот был политрук на польском фронте. Неказистый ростом, зато язычок... Он, Громада, давно уже заметил: цеховые, что выросли у станков, большие мастера по словесной части. Тот политрук, токарь из Луганска, говорил казакам: «Запомните, хлопцы, зерно любит мягкий грунт, а неправда обожает твердое молчание. На то вам Адам передал язык, чтоб вы им пользовались. Но и слово слову рознь. Одно слово лечит, иное — калечит...»

Совсем недавно, это было в Литине, беседовал с ним сам Примаков. Это когда привезли его, взводного Громаду, с порубленной шеей. Сказал ему тогда комкор:

— Духом, хлопче, не падай. Крепись. Вмиг домчим с тобой до Винницы. На моей машине. А там наши фокусники в Мурах не то что шеи врачуют, а срубленные головы ставят на место... У тебя же сущий пустяк... Заштопают.

В возбужденной голове взводного настойчиво билось: «Ленин ни в коем случае не должен ехать в Геную...»

А вот и тракт. Как следует пригрело весеннее солнышко. Путник почувствовал спазм под ложечкой. Известно: с госпитального харча не помрешь, но и не загарцуешь. А то, что недавно приволокла на санях из Боркова его Добрая душа, вмиг извела вся палата. Иначе нельзя... Свернул с большака влево, в село — родину знаменитого медика Пирогова. В кармане было пусто. Он стянул с себя нижнюю рубаху...

Подкрепившись, взводный зашагал дальше. Чем меньше оставалось до Литина, тем тревожней сжималась душа. Знал: в штабе полка строговатый адъютант, правая рука командира, сам из бывших волжских бурлаков, потребует документы — направление, продаттестат. Ну и что? Дадут трое суток кордегардии? Пусть! А все одно — Ленину туда нельзя...

Вскоре стали попадаться едва ползшие по вязкой дороге на Винницу подводы — селянские и полковые. Знакомый каптер, помахав кнутовищем, крикнул:

— Где же твой вороной чуб, товарищ Громада? Кто его тебе сдрючил? Или пропил винницким шинкаркам?

— Попал бы ты,— отвечал он,— в ту горячую цирюльню, где разом с шерстью сносят и башку. Я же только чубом поплатился.

Вот и Литин. Нэп встретил усталого и вспаренного от тяжелой ходьбы путника на самой окраине. Разложив прямо на дощатом тротуаре свой ходовой товар — с десяток коробков спичек «сначала вонь, потом огонь», две-три пачки махорки, несколько катушек ниток, с кило пряников,— изнывали в ожидании покупателей бойкие коммерсанты.

В штабе полка, как того и надо было ожидать, беглеца не приветствовали словами восторга. Напротив. Но он спокойно возражал бывшему волжскому бурлаку:

— Чего вы на меня гупаете, товарищ полковой адъютант? Вот в Мурах не долечили, так долечивайте на гауптвахте. Бросать бойцов на губу — не велика мудрость... Вот стало бы вам потруднее сажать, научились бы ловчее нами командовать...

Тут вся писарская упряжка широко разинула рот. И даже сам полковой адъютант. Шутка — крамола!

Но после короткой паузы Громада продолжал:

— Это факт! И не моя это выдумка. Это нам в госпитале сказали сами командир корпуса. Сами товарищ Примак! А все одно,— с вызовом продолжал Богуслав недавно сочиненной кем-то прибауткой,— меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют. Как был Громада наркомвзвода, так им и останется...

Но... прибаутка чуть устарела. Уже стали прибывать в части молоденькие, теоретически крепко подкованные краскомы и бурно вытесняли отчаянных, но малограмотных рубак...

Перекипев, штабники все же отвели и взводному командиру Богуславу Громаде один параграф в суточном приказе. Главное для бойца — попасть на котловое довольствие. А там...

Линейная или же сабельная сотня Громады стояла тут же, в Литине. Его встретили, правда, без музыки, но очень тепло. Сразу же велели проверить оружие взвода — ждали инспекцию из дивизии. Сотник не стал даже донимать расспросами. Раз человек притопал на своих из самой

Винницы — значит, здоров. А что шея в бинтах, то до свадьбы заживет. Бывало и не такое...

Бойцы потянулись к взводному двору. Шутка — вернулось свое, самое близкое начальство. И не то что из госпиталя, а, можно сказать, с того света. Наверное, привезло из Винницы лантух новостей. Ведь рядом с госпиталем и штаб корпуса.

Взводный тревожным взглядом осмотрел подчиненных. За шесть недель ничто не изменилось. Все налицо. Не считая, конечно, суточного наряда. И запевала Чобот из-под Лубнов, и отделком Веселуха из самой Горловки, и бивший без промаха из своего трофейного «льюиса» Иванчук с хутора Преображенка, что у Перекопа, и боец Гмызя из Журавно, и линейный казак Градобоев из Фатежа. Если внимательно присмотреться к людям взвода, сотни, а особо полка, сразу можно писать историю и географию всех славных походов примаковского конного войска.

Проверка оружия проверкой, а взводного мучило иное. Он сразу же определил, что о Генуэзской конференции, которая должна открыться через каких-нибудь десять дней, знали все. Даже вяловатый казак Жменя из Славуты, который ходил на курсы помощников лекпома и не питал особого интереса к международным вопросам.

С пайковой махоркой еще могли быть перебои, но не с печатным словом. «Правда», «Беднота», «Червонный казак» доставлялись исправно.

Усадив людей на завалинку, запорошив всем более чем щедро кременчугского вергуна и сам пуская густой дым изо рта и ноздрей, командир взвода рассказал поначалу то, что услышал у палатной «буржуйки» от пулеметчика Максима Запорожца, прошлой осенью раненного в ту самую руку, которая всадила пулю в атамана Палия. Оказывается, царь погнал во Францию целую дивизию своей гвардии. Но те гвардейцы, среди которых был и Запорожец, как только началась революция, сказали: «Стоп!» А главный ихний генерал Фош натравил на гвардейцев арапов, лупил по баракам из орудий, морил людей голодом. А они ни в какую... Тот Максим, посланный царем вместе с гвардией во Францию, набедовался там...

— Так вот, братва, спрашиваю вас,— по-отцовски убеждал товарищей своих Громада,— как можно верить буржуйству? У себя дома и то не уберегли, не схватили руку эсерки. А что там, на чужбине? Много у нас Лениных? Победы победами, а ухо держи торчком. Сволоты

хватает — своей, заграничной. А что мы без Ленина? Не думайте, хлопцы, что я собираюсь на этом делать какие-то моменты. А нехай каждый особо и потом вся наша громада целиком выскажется. Да! Предъявит свое железное слово...

И тут пошло. Перебивая друг друга, с завалинки казаки брали слово по очереди и вперебой. О том, что вместе с наркомом заграничных дел Чичериным поедет в Геную будто и Ленин, они услышали впервые от взводного. Все в один голос зашумели: «Нет, нет и нет!» Громада, пропустив за три года через свой взвод множество бойцов, всем им внушил сыновнюю любовь к вождю Революции. Мало того, во всех трудных обстоятельствах он собирал громаду и говорил: «Хлопцы, давайте посоветуемся с Лениным». А уже после того совета требовал от своей единицы в целом и от каждого в отдельности жесткого повиновения и крутой дисциплины.

Что там, на глухой окраине Литина, говорили, то и постановили. И запевала Чобот, и отделком Веселуха, и «льюисист» Иванчук, и казак Гмызя, и линейный боец Градобоев, и даже вяловатый всадник Жменя.

Постановили: передать думку взвода сотнику, своему политруку и самому комиссару полка. И тут же взводный дал всем людям увольнительную до отбоя. Пусть идут по всем дворам, где расквартированы прочие взводы и прочие сабельные сотни — а для этого уже надо податься в Борков, Вонячин, Селище, Литинские хутора,— пусть колотят во все барабаны, гудят во все колокола, бьют боевую тревогу. Пусть тормошат казачью братву и подымают ее на железное слово...

Сам взводный тоже не полез на сеновал. А влекло... Хотя более всего его тянуло в Борков, к Доброй душе. Верхом на своем Барсучке — это не то, что топать по раскисшей тропке пешком тем же Екатерининским трактом,— взяв отпуск у сотника, подался он на Летичев, в соседний полк. Не было там у Громады дружков. Но стоит гукнуть: «А кто тут из шахтерского края?» — и сразу же отзовется не один десяток боевой братвы. Будь то в первом, в пятом или же в замыкающем — двенадцатом — полку червонных казаков.

По дороге то и дело фыркал Барсучок. Едва сдерживая застоявшегося без всадника коня, Громада подумал: «Раз мой дончак расфыркался до нет сил, это к дождю».

Так и случилось. Нахмурилась даль, загрохотало над головой, и сразу же резанул дождь. Да еще какой! Мало

того — на повороте у дьяковецкого дубняка шибанула в глаза молния, ослепила всадника. И следом же ударила гроза такой чудовищной силы, что видавший виды боевой конь взводного рухнул с ходу на колени.

После всадник никак не мог понять, как это случилось. С автоматичностью, с какой стрелок, поражая цель, нажимает на спуск затвора, его правая рука метнулась было ко лбу, к плечу. Лишь к одному... Так бывало и в юные годы, когда из дальних штолен доносился треск ненадежной рудостойки и глухой шум подземных обвалов. Но тогда вдобавок ко взмахам руки приходили в движение и уста: «Пронеси, господи, пронеси и помилуй...»

Благо, всадник прочно держался в седле. И то сунулся уже было всем промокшим до костей корпусом на стриженую гриву коня. От резкого толчка заныла рана на шее. А гроза не унималась. Вспышка — удар, удар — вспышка. Взволнованный дончак шарахался из стороны в сторону, прядал ушами. А взводный, крепче зажав в руках скользкие поводья и обратив мокрое лицо к разбушевавшимся небесам, заорал тем же зычным голосом, каким пользуются опытные сотники на полковых конных учениях:

— Шебарши, шебарши там пошибче!.. Нашего брата стращали и не такими вертикуляциями... Можешь там, товарищ Илья Пророков, раскатывать по небесным трактам на своей огненной боевой тачанке, швыряться молниями и трещать на всю Подолию громами, а все одно будет по-нашему.

Вскоре показался в сплошном дождевом тумане и Летичев.

* * *

Прошло всего лишь два дня. Из Литина комиссар полка звонил в Винницу комиссару корпуса. Сообщил о всеобщем возбуждении среди казаков. Оно передавалось и местным жителям.

А спустя день комиссар полка в Литине услышал в трубке ликующий голос из Винницы — та «инфлюэнца», оказывается, перекинулась в Гайсин и в Изяслав, в Тульчин и в Немиров, в Староконстантинов и в Проскуров — всюду, где стояли боевые полки украинской конницы.

В ближайшее воскресенье резвый дончак Громады буйно зазеленевшими лугами, без дорог, но надежно утоптанной с осени еще тропке нес его хлестко туда, к знакомому двору... И до чего же легко и светло было на душе взводного. Высоко над головой звенели вовсю бойкие

жаворонки, а, взметнувшись в недосягаемую высь, голубое небо как бы вторило их чистому голосу. И Богуслав заливался в унисон торжествующим птахам: «Весна-красна настает, у солдата сердце мрет».

Душа молоденького взводного ликовала еще и оттого, что за отворотом казачьей папахи вместе с увольнительной лежал свежий номер «Червонного казака». А в нем, прошедшая уже и через большие газеты, крупными литерами была отпечатана волнующая телеграмма: «Доношу — червонные казаки считают, что товарищ Ленин может ехать в Геную не раньше, чем туда вступит Красная Армия. Примаков».

Богуслав хорошо знал: более чем ясный текст депеши не нуждался ни в дополнениях, ни в разъяснениях, как знал и то, что во многих чубатых аудиториях он вызовет яростный, как конная атака, восторг. И даже со стороны тех, кто любит подкидывать каверзные вопросы «с табачком»...

Не ведал молодой взводный лишь того, что минет много-много лет, и, пройдя через ад Освенцима и Бухенвальда, забравшись куда дальше Купки и поднявшись куда выше взводного, полюбившийся своим партизанам-гарибальдийцам седоватый синьор Громадио на плечах эсэсовцев и чернорубашечников, перенасыщенный неистовством, ворвется в Геную, чтобы тут же на стене муниципалитета повесить рядом с изображением Гарибальди сделанный углем портрет Ленина...

Примчав в Борков, Богуслав Громада вместе с припасенным им гостинцем — литинскими кустарными пряниками — с замирающим сердцем преподнес ту газетку своей Доброй душе. Пусть знает...

Ведь у настоящего солдата сердце мрет не только от весеннего колдовства, не только от бурного натиска его волшебных волн, но и от сознания четко выполненного ратного и гражданского долга...

ДЕНЬ КОМАНДИРА ПОЛКА

(ИВАН ЕФИМОВИЧ НИКУЛИН)

> Ты не Байрон и не Генрих Гейне,
> И мечтал ты только об одном —
> Чтоб на Висле иль даже на Рейне
> За Свободу позвенеть клинком...

Не придуманный, реально существует. Командует кавалерийским полком. Ему тридцать один год, а стоит во

главе отдельной боевой части вот уже без одного десять лет. Обычное для Красной Армии явление. Сама молодая, она выдвигает вперед молодых... Каждый день нашего героя насыщен интересными делами до предела.

Над койкой с толстым казенным одеялом висит месячный план. Прослужив всю гражданскую войну в коннице, он не кричит подобно иным его коллегам: «Кавалерия — это все. А прочее — ничто!» Трезвый поклонник красы полей, он прекрасно знает ее далеко не беспредельные возможности. Но уверен, что в будущем она еще скажет свое слово.

Нацепив боевую шашку, он идет в манеж. Ровно в семь здесь звучат уже громкие команды, слышны топот копыт, ржание еще не укрощенных, не выезженных коней, щелканье берейторских бичей. Кони на манеже рысят вольтом направо, вольтом налево, приучаясь реагировать на малейшее прикосновение ноги всадника.

По команде «Ша-а-гом, огладить лошадей!» работа переходит в иной ритм. Радостно зафыркал молодняк, выбрасывая из горячих ноздрей голубые струи охлажденного воздуха. Десятки рук ласково захлопали по потным шеям коней.

Без десяти минут восемь командир собрал всех инструкторов и с твердостью признанного знатока кавалерийского дела перечисляет замеченные им промахи. Напомнил им афоризм Буденного: «Кавалерист должен уметь умереть на лету», а это возможно лишь на прекрасно объезженном скакуне. Подобно скрипачу, который ежедневно занимается скрипкой, чтобы не забыть свое ремесло, так и всадник обязан каждый день упражняться на коне.

В восемь уже закипает работа в штабе, хотя дневальные еще продолжают протирать окна, смахивать со стволов пылинки, посыпать скользкие дорожки золотистым песком.

Командир полка вместе с комиссаром будут принимать доклады помощника по хозяйственной части и начальника штаба полка. Помощник лишь недавно выдвинут из лучших командиров эскадронов. Такому никто из командиров подразделений никогда не скажет, как это в старое время говорилось полковым интендантам: «А где солдатские золотники?»

Молодой и в меру подтянутый начальник штаба тоже никак не напоминает старорежимных полковых адъютантов — «душек штаб-ротмистров», главным назначением которых было — служить посредническим звеном между

командиром полка и командирами эскадронов, быть прекрасным танцором и сердцеедом, а также выполнять наиделикатнейшие поручения «мать-командирши», то есть супруги самого шефа.

Теперь начальник штаба полка — правая рука командира и его первый заместитель. Современный полк — это не единица из нескольких сот голых сабель. Теперешний кавалерийский полк — это хорошо выверенный, четкий боевой механизм, каждая деталь которого выполняет определенную боевую функцию, из взаимодействия которых складывается успех всей части. Современный полк — это прекрасно дополняющие друг друга кавалеристы, пулеметчики, зенитчики, артиллеристы, химики, саперы, связисты, это уже и танкисты. Одним словом — это сложное боевое хозяйство. И ни один командир не в силах с ним справиться без знающих свое дело крепких помощников. И первый из них — это начальник штаба.

Здесь, на утреннем докладе, строго по порядку чередуются вопросы учебного плана, нагрузки командиров, политической подготовки воинов, наличия в цейхгаузах и каптерках белья и сапог, пшена и лаврового листа, ремонта крыш конюшен и казарм, связей с далекими шефами Донбасса.

Хозяйственным делам, красноармейскому котлу, подметкам бойца уделяется на этих докладах не меньше внимания, нежели вопросам боевой и политической закалки. Хорошо написала Лариса Рейснер — писательница и политический комиссар Волжской военной флотилии в годы гражданской войны: «А где действительно «всурьез» выдают сапоги, там постоянный прочный штаб, там устойчиво, там армия сидит крепко и не думает бежать. Шутка ли — сапоги!»

А в том, что в Красной Армии уже давно выдают «всерьез» сапоги, вряд ли кто будет сомневаться.

Бойцы третьего эскадрона как раз вносят матрацы в казарму. В помещении убрано, на окнах висят вырезанные из белой бумаги аккуратненькие занавесочки.

В нашумевшей книге «На западном фронте без перемен» Ремарк отмечает основную окопную тему солдат — гастрономическую, хотя кайзер недурно кормил свою инфантерию. В зависимости от того, какое место в диалоге воина занимают котелок и приварок, можно судить о его гражданском кредо.

В ленинском уголке третьего эскадрона командир полка застал людей за чтением газет. Многие горячо обсуждали последние события в далекой Мексике.

Прозвучали слова рапорта совсем молодого бойца:

— Товарищ командир полка, дневальный третьего эскадрона казак Ковтенко!

После доклада рука комполка и рука дневального одновременно потянулись друг к другу. Как тут было не вспомнить знаменитую книгу белогвардейского генерала Краснова «От двуглавого орла к красному знамени», в которой автор страшно возмущается больше всего тем, что после свержения царя «сиволапые» казаки требовали, чтобы офицеры здоровались с ними за руку.

— Какие ваши обязанности, товарищ Ковтенко?

— Мы глядим за порядком,— уверенно рубит дневальный. И указывает на сверкающее чистотой оружие в пирамидах, на аккуратно заправленные койки — с чистыми наволочками подушек, с симметрично нашитыми на серые солдатские одеяла синими треугольничками. Они указывают бойцу, какая сторона одеяла — «голова», какая — «ноги».

Проходит немало времени, пока молодой боец приучается класть все на свое место. Он норовит сунуть под матрац любой ремешок, гвоздь, книжку, грудку сахара и даже краюху хлеба.

Проверив койки, комполка идет к вешалкам. Шинели развешаны с немалым старанием. Все верхние полы смотрят в одну сторону, будто после строгой команды: «Направо равняйсь!» Командир проверяет хлястики, пуговицы и крючки, даже целость карманов. И если что случается, то все эскадронное начальство старается привести в оправдание разные «объективные» причины. Но комполка не такой уже казенный сухарь, чтобы придираться к мелочам. Иное дело — основы солдатской службы...

В проходе выстроилась шеренга казаков. Комполка осматривает руки каждого. Вот каптенармус Гец неловко подгибает пальцы к ладони. Ясно: у него не в порядке ногти. Комполка говорит: «Чернозем хорош в поле, не под ногтями!» Затем осматриваются ноги. Тут не к чему придраться — не зря в умывальной запасено столько тазиков к услугам бойцов. Вот только у одного красноармейца нескладно навернута портянка. Командир полка сбрасывает с себя сапоги и демонстрирует бойцу, как следует пользоваться онучами.

Тут же люди задают командиру полка вопросы и по части международного положения, и по части своего быта. И нет в их глазах ни страха, ни колебания. Командир полка — это их старший товарищ и друг, чьи приказы подлежат безоговорочному исполнению.

В Красной Армии каждый боец чувствует себя не только солдатом, но и гражданином.

— А чего вы не бриты? — спросил командир очень моложавого бойца с нежным лицом девушки.

— Парикмахер каже: приходи через год, когда вырастет твой волос.

Под дружный смех всего эскадрона комполка наклоняется к уху красноармейца и вполголоса шепчет ему.

— Приходи ко мне на квартиру. Я сам тебя побрею.

Клуб части. Собравшиеся дружно поднялись по команде: «Встать, товарищи командиры!» Пришло время тактических занятий на картах. Переоборудованное из военной церкви, помещение Белгородских казарм — наилучшее для этого место.

Сразу после революции мадам Зинаида Гиппиус писала: «И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, не уважающий святынь». Прошло с тех пор двенадцать лет, а, слава богу, хлевом и не пахнет. Зато прежние святыни наилучшим образом все эти годы служили народу.

— Товарищ Павлюк! Вы — командир полка. Каково ваше решение? — спрашивает комполка.

Чтобы оценить обстановку, принять решение и изложить его лаконичной командой, Павлюку дается пять минут. Каждому отведено по действительной потребности, и ни единой минуты больше. Будьте любезны, поупражняйте свой мозг, чтобы молниеносно решать любую боевую задачу.

Павлюк думает, Павлюк соображает, Павлюк принимает решение. Павлюк отдает команду. Если здесь нет фронтового «оркестра», который довольно основательно усложняет работу командира на войне, то не меньше действуют на Павлюка критические взгляды оторвавшихся на миг от карт коллег командиров. Но вот все уже внимательно прислушиваются к голосу старшего товарища:

— Товарищ командир полка, товарищ Павлюк! Ваши

действия ничем не обоснованы. Время таких решений давно прошло. Будьте любезны, подсчитайте, сколько у противника винтовок и пулеметов, сколько пуль они выпускают в одну минуту, сколько минут ваш полк будет под огнем, каковы возможные потери, сколько у вас в полку огневых средств, на каком фронте они растянуты, какое у них преимущество перед огневыми средствами противника? И лишь после этой «бухгалтерии» можно будет оценить правильность или неправильность вашего решения.

Это сказал товарищ, который до революции знал одно — возиться возле молотилки, правда, в роли машиниста. Не думал он тогда о должности кавалерийского командира. Земляк Примакова, черниговец, он начал свою службу в Червонном казачестве секретарем партийной ячейки сотни. После гражданской войны учился всего лишь девять месяцев в Высшей кавалерийской школе. А до этого, в 1925 году, посланный в Китай во главе дивизиона красных жандармов, ликвидировал в Кантоне восстание контрреволюционных «бумажных тигров».

И надо прямо сказать — наш командир полка, наш боевой товарищ с чисто военной точки зрения стоял на много голов выше всех тех «энгельгардтов», которых поначалу дала в качестве военных учителей мобилизация бывших царских офицеров. Особенно кавалеристов.

Да, после того урока ни Павлюк, ни кто-либо из его коллег не скажет, как говаривали в старой армии: «Не хочу думать, пусть думает мой конь — у него голова большая...»

На партийном бюро полка будут решаться вопросы участия в посевной кампании, комплектования бригад для посылки в помощь селу, будет слушаться дело командира взвода первого эскадрона. Провинность его небольшая, но призвать товарища к порядку следует. И чем раньше, тем лучше для него.

Вечером — клуб, ленинские уголки. Некий капитан Бутовский выпустил в 1889 году книжечку. В этом пособии с трехверстным названием сказано: «Мы считаем одной из серьезных обязанностей ротных командиров — посещение ими рот для содействия развитию солдатских увеселений».

Но командир полка пойдет в красный уголок не «для содействия развитию солдатских увеселений». Его посещение казарм — это составная часть всей политико-вос-

питательной работы, ведущейся непрестанно в Красной Армии.

Там, в ленинском уголке, тот самый боец Ковтенко и тот, кто старался спрятать от пытливого глаза командира полка свои грязные ногти, без всякого стеснения подойдет к нему и покажет письма из дому.

Не раз в ленинском уголке молодые бойцы слушали рассказы своего комполка, как летом 1921 года червонные казаки добивали слывшую неуловимой банду отчаянных головорезов батьки Махно. Когда, спасаясь от клинков головных сотен полка, махновцы кинулись на Беневку, что на Полтавщине, он, тогда еще сотник первого полка, выскочил из села во главе двух сотен и решил исход боя. Очень любили слушать и старые и молодые кавалеристы воспоминание комполка о том, как в 1926 году в Китае под командой Блюхера он помогал в Кантоне молодым революционерам строить новую армию...

С легендарным маршалом, героем Перекопа и Волочаевки, наш комполка встретится снова, когда по воле Блюхера в 1937 году он, правда ненадолго, возглавит всю кавалерию советского Дальнего Востока...

К ночи командир полка у себя дома будет сидеть еще три-четыре часа над книгами по тактике конницы, по оперативному искусству, над военными трудами Энгельса, Меринга, над книгами Дельбрука, Драгомирова, чтобы после короткого сна вскочить на ноги и заглянуть в висящий над солдатским одеялом месячный план.

Пройдет еще два года, еще 750 таких насыщенных интереснейшей работой командирских дней — и наш комполка, наш Иван Ефимович Никулин возглавит вполне по заслугам наилучшее войсковое соединение Красной Армии — 1-ю Запорожскую дивизию Червонного казачества.

ВЕРОЙ И ПРАВДОЙ

(АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ГОРБАТОВ)

...Морозный день 20 ноября 1920 года. Заснеженные поля Проскуровщины. Несутся в очередную атаку на яростных лошадках яростные всадники. Длинные хвосты из шапок-малахаев развеваются на злом зимнем ветру. Сыны далекой Башкирии гонят за Збруч с вольной земли Украины доно-кубанские соединения белогвардейских есаулов Яковлева и Фролова — вероломных союзников

панов атаманов. Выполняя боевые приказы командира корпуса червонных казаков, ведет в стремительную атаку потомков легендарного Салавата Юлаева, отважную башкирскую бригаду конников высокий, стройный, с боевым орденом Красного Знамени на груди русский человек — комбриг Александр Горбатов.

В своем неистовом порыве эта боевая единица уральских всадников старалась во всем не отставать от трех старых, закаленных в многочисленных боях примаковских бригад.

Не раз черные силы всего мира пытались нас сокрушить. Зря! Век нынешний, не век минувший выходил победителем из всех кровавых схваток. Дружба народов — это и есть прямое следствие ленинской мудрости. В ней и таился героизм советских полков. И тех, что возникли на Украине, и тех, что были созданы на Урале.

Горбатов не кончал ни солидных школ, ни военных училищ. После трех классов начальной школы его учила жизнь, учили напасти и невзгоды.

Старшие братья, сестра давно уже гнут спину на фабрикантов в Шуе, а десятилетний Санька оскабливает мездру вонючих овчин, промывает их в пруду, задыхаясь от едких паров, квасит их в чанах. Но, с детства заправский овчинник, он в овчинники не вышел...

Потом он становится коробейником. Накинув на себя лямку, волочит сани с ходким товаром — варежками — в дальние села. Бежит к нему звонкая копейка. Но, заправский коробейник, он и барыгой не стал...

В Шуе затем владелец обувной лавки пустыми щами, унижением, колотушками «делал» из Горбатова «человека». Патриархальной закваски овчинник наставлял сына во всем слушаться хозяина. Но, пройдя суровую школу приказчика, Горбатов не стал и торгашом...

Этим же самым напутствием старик отправлял в 1912 году своего сына в гусары. Служить пришлось в Орле, а воевать на Украине — Карпаты, Ковель, Луцк. Верой и правдой он защищал отечество. А царя? Горбатов уже знал, что по приказу царя расстрелян в Бресте его брат — революционер Николай...

Кончилась одна война, началась другая. В родной деревне Горбатова выбирают в сельсовет, в комбед. Но Ленину нужны опытные воины. И одряхлевший уже к тому времени отец благословляет Александра: «Послужил, парень, царю, послужи ж и Советам. Но верой и правдой послужи!»

И снова Украина. Весной 1919 года Горбатов — рядовой боец в кавалерийском эскадроне Киевского крепостного полка. Спустя год он уже командир полка, гонит интервентов к границе. Из батраков, пастухов, овчинников Ленин создавал кадры полковников. И они без устали громили войска белых генералов. Громил их и Александр Горбатов. Не мечтал он о военной карьере, а стал видным генералом...

Не лезет в амбицию, когда его башкирскую бригаду сворачивают в полк, а его самого ставят во главе этой новой боевой единицы. С небольшими перерывами, в амплуа командира полка, бригады и дивизии, семнадцать лет славный сын иваново-вознесенской земли служит в Червонном казачестве. Служит верой и правдой.

В 1941 году командир стрелковой дивизии Горбатов, стремясь вызвать у своих бойцов и подчиненных офицеров веру в собственные силы, в мощь Красной Армии, желая доказать, что и обнаглевшие солдаты вермахта могут драпать образцово, сам, по личной инициативе, не дожидаясь приказов свыше, как только к этому складывается благоприятная обстановка, дает врагу бой. И его стрелковые полки все время в центре внимания армейской и даже фронтовой печати. Вскоре командира 225-й дивизии ставят во главе армии.

Бывший скорняк из Шуи проходит со своей боевой армией нелегкий и героический путь от Донца до Сталинграда, а затем от Волги до самого Берлина. Там его назначают комендантом бывшей фашистской столицы. Ему наносит визит президент ГДР. С бокалом в руке Вильгельм Пик вспомнил слова, произнесенные им в 1936 году во время посещения подшефной 2-й дивизии Червонного казачества на берегах далекой украинской речки Случь — в городе Староконстантинове: «За встречу в Берлине!» Спустя девять лет встреча состоялась... Не сюжет ли для сугубо реалистического романа о нашей сложной и головокружительной действительности? Тут не нужны и домыслы...

Генерал армии Герой Советского Союза Александр Васильевич Горбатов прошел классическую примаковскую академию мужества и кавалерийской отваги. Та выучка оставалась долго в памяти многих. Славный «выпускник» примаковской академии писал о своем учителе: «В первый же день нашего знакомства он покорил меня своим обаянием, светлым проникающим взглядом, человеколюбием, рассуждениями умудренного опытом чело-

века, хотя он намного моложе меня, а мне еще не было и тридцати лет. До сих пор я с гордостью и благодарностью вспоминаю, что был его подчиненным и научился у него многому.

Не удивительно, что наша партия создание Червонного казачества поручила столь способному, хотя и молодому, В. М. Примакову, который блестяще справился с этой задачей. Он провел червонных казаков через все трудности гражданской войны и неизменно добивался громадных успехов.

Знаменитые смелые рейды Примакова, которые проводились с большим искусством и неизменным успехом, явились прообразом будущих глубоких операций. Чем больше я его узнавал, тем больше росло мое уважение к нему...»

Воин — защитник и слуга народа — вершит историю штыком. Ученый воссоздает ее пером. Но особенно ценны страницы истории, написанные рукой, которая хранит на себе жар ружейных стволов. Не разжиганием сильных ощущений привлекает к себе внимание выпущенная Воениздатом СССР книга Александра Васильевича Горбатова «Годы и войны». Написанная кровью большого сердца, увидевшая вначале свет в журнале Твардовского «Новый мир», она вызывает у советского читателя наплыв светлых и сильных чувств.

«ЖЕЛТЫЙ КИРАСИР»

(ВАСИЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ ФЕДОРЕНКО)

Из 1-го полка, сдав его Владимиру Примакову, брату начдива, прибыл к нам после моих настойчивых напоминаний новый командир.

Это было в селе Маначин, недалеко от Збруча. На всю жизнь запомнился мне этот день. Командир третьей сотни Швец, с расстегнутым воротом, наклонившись над точилом, обрабатывал и так острое лезвие своего кривого клинка.

Высокого роста, красивый, подтянутый всадник в красных гусарских штанах, неожиданно появившийся в Маначине, слез с коня. Разгладив пышные золотистые усы, кавалерист взял из рук Швеца клинок. Поднес его к точилу раз, другой, третий. Сделав шаг в сторону, рассек толстый шест, торчавший в плетеной ограде усадьбы.

Восхищенный Швец выпалил:

— Вот это здорово! Вы кто? Бывший точильщик?

Чуть улыбнувшись, тот ответил:

— У нас в Бахмуте что ни шахтер, то слесарь. А теперь я ваш командир — Федоренко Василий Гаврилович.

Слава о Федоренко, «желтом кирасире», бывшем унтер-офицере «лейб-гвардии кирасирского его императорского величества полка», как о дельном, боевом и очень храбром командире, гремела по всей дивизии. «Кого-кого, а уж его не освищут»,— думал я, любуясь его гвардейской выправкой и невозмутимым спокойствием. Он не бросался, как Красков, в бессмысленные атаки во главе взвода, оставляя без руководства весь полк. Не отпуская от себя вестовых, Федоренко облюбовывал возвышенность, откуда мог наблюдать за всем полем боя. Ординарцы то и дело летели с его приказами к сотням. Ни неудачи отдельных атак, ни разрывы снарядов, обдававших его дождем земли, ни свист пуль не омрачали строгого, словно высеченного из мрамора, мужественного лица командира. Но в нужный момент, когда сотни своими наскоками расшатывали стойкость врага, «желтый кирасир», собрав полк в кулак и обнажив клинок, возглавлял атаку...

Однако старые навыки давали о себе знать. Кавалеристы, привыкшие и по серьезным вопросам и по пустякам обращаться к комиссару, и теперь обходили командира. Федоренко хмурил густые брови и даже неохотно разговаривал со мной.

Я решил созвать партийное собрание. Наш комиссар дивизии Евгений Петровский, бывший председатель Черниговского ревкома, вызвав меня, сказал:

— Мы вам дали прекрасного командира. Федоренко несколько дней назад принят в партию. Задача ваша и всех коммунистов — сделать из него хорошего партийца.

Перед собранием, оставшись с Федоренко вдвоем, я попросил его рассказать о себе. Разгладив пышные пшеничные усы, он саркастически улыбнулся.

— Что, комиссар, строишь мне экзамент? Ты у своей мамы в животе горошинкой сидел, когда я бонбы прятал.

— Это что ж, в двенадцать лет?

— Не в двенадцать, а в четырнадцать. Это надо понимать.

— Понимаю, Василий Гаврилович, биография у вас — дай бог каждому.

— Ты, видать, комиссар, из шустрых, а спектакля из меня не строй. Может, твои хлопцы и меня хочут выжить? Так знай — я не Красков.

Как мог я заверил командира в обратном. Познакомил его со своим прошлым. Выслушав меня со вниманием, Василий Гаврилович начал рассказывать о себе. Мне понравилось то, что он на первый план выдвигал не свою персону, а своих товарищей по борьбе за Советскую власть на Бахмутщине. А я слышал, что он в 1917 году играл там не последнюю роль.

На партийном собрании выступали многие. В президиум мы выбрали Федоренко. Жора Сазыкин, участник штурма Зимнего, худенький, черноглазый, горячо говорил о том, что коммунисты должны укреплять среди бойцов авторитет нового командира. Наблюдая за Федоренко, я видел, как постепенно оттаивает его суровое лицо. После собрания на виду у всех он протянул мне свою сильную руку:

— Будем работать дружно, комиссар. Постараемся, чтобы наш шестой полк, последний по номеру, стал первым по делу.

Мы, как это было принято тогда, закончили собрание пением «Интернационала». И это не было только данью традиции. Торжественные слова международного гимна пролетариев звучали как клятва.

В штабе Василий Гаврилович, необычно оживленный, весь под впечатлением партийного собрания, сказал мне полушепотом:

— А я, товарищ комиссар, думал, что ты выжить меня хотишь.

— За что же, Василий Гаврилович?

— Как — за что? За то, что пришлось отдать мне полк.

Мы зажили с «желтым кирасиром» душа в душу. Старше меня лет на пятнадцать, Федоренко относился ко мне по-братски. В походах я пересказывал ему содержание «Манифеста Коммунистической партии», знакомил с географией, историей. Стараясь не задеть самолюбия командира, добился того, что он уже говорил «спектакль» вместо «спектактель», «они хотят», а не «они хочут», «бинокль», но не «биноктель».

Во время боев под Рогатином 5-й полк нашей бригады получил задачу овладеть Чертовой горой. Несколько конных и пеших атак против пилсудчиков, оседлавших эту высоту, не увенчались успехом.

Наш полк, правда с большими усилиями, захватил соседнюю возвышенность, фланкировавшую Чертову гору. Федоренко, наблюдая в бинокль за действиями соседа, кусал свои пшеничные усы. Это с ним случалось редко.

— Глянь, комиссар,— хриплым после атаки голосом сказал Василий Гаврилович.— Самойлов прется на рожон. Пусть только убьют мою Троянду, он мне, жучкин сын, ответит головой...

Троянда была больным местом Федоренко. Эту золотистой масти кровную кобылу из конюшен генерала Ромера захватил 6-й полк и передал Василию Гавриловичу как подарок за бои под Збаражем. Но новый наш комбриг Демичев, потребовав трофейную лошадь якобы для комкора, отдал ее командиру 5-го полка Самойлову. Такая несправедливость возмутила даже очень выдержанного и дисциплинированного «желтого кирасира». Если бы не глубокое уважение к Примакову и не привязанность к бойцам своего полка, Федоренко при его самолюбии не стал бы служить под началом своего обидчика.

— Пожалуй, Самойлову надо помочь,— сказал я.— Если мы ударим отсюда, пилсудчики не усидят на Чертовой горе.

— Нехай сам Демичев помогает своему любимчику,— сердито ответил «желтый кирасир», еще энергичнее жуя ус.— Я свое выполнил. Тебе что, комиссар, не жалко людей?

— Что в шестом, что в пятом полку — люди одни, советские. Мне всех жаль. Но на жалости много не навоюешь...

Федоренко слез со своего рослого темно-гнедого Грома, ни в чем не уступавшего Троянде.

Бойцы называли командирова коня по-своему. Они переделали его кличку в «гром и молния». Была на это основательная причина. Стоило всаднику чуть податься вперед корпусом, как Гром мгновенным броском головы наносил такой удар по лбу седока, что у того из глаз сыпались искры.

Комполка, став спиной к Чертовой горе, закурил. И все же время от времени косился назад, вслушиваясь в звуки горячего боя. Так прошла минута, другая.

Василий Гаврилович сунул ногу в стремя и спустя миг опустился в седло. Решение было принято: выручать Самойлова! Уже готовясь скакать в атаку, обнаженным клинком подавая сигнал сотням, Федоренко обернулся ко мне и выпалил:

— Ладно, двинулись! Но Троянды, комиссар, я им вовек не прощу.

После Чертовой горы «проблема Троянды» была улажена.

То ли потому, что Самойлов в горячей схватке завладел скакуном атамана чернощлычников, а скорее всего благодаря своевременной атаке 6-го полка, но Троянда по распоряжению комбрига вновь перешла к своему прежнему хозяину.

Очень довольный, Федоренко, не доверяя такой деликатной миссии коноводу, сам перебросил свое английское седло с хребта Грома на спину златошёрстой кобылы.

— Знаешь, комиссар,— подтягивая потуже подпруги, сказал Василий Гаврилович,— все-таки не захотел обидеть меня Демичев. Гром будет у меня для похода, а для атак нет лучше этой Троянды.

— Зачем ему вас обижать? — ответил я.— Он рабочий человек. Только потел не в забое, как вы, а возле наборной кассы. И Самойлов из пастухов...

— Вот в старой армии,— опустившись в седло, продолжал Федоренко,— и то меня не обижали. А было за что, по правде сказать.

Обычно малоразговорчивый, командир нынче, после удачной атаки и возвращения драгоценной Троянды, пребывал в благодушном настроении и, очевидно, не прочь был кое-что рассказать о себе. Но тут свежая колонна улан малино́вых, обрушившись из Рогатина на фланг дивизии и порубив командира разведчиков смельчака Сергея Глота, пошла в атаку на 6-й полк. Федоренко, так и не рассказав о своих старых прегрешениях, обнажил клинок и повел часть на улан Пилсудского.

...Засыпая на полу штабной хаты в Сорокотягах, я думал о том, как вырос наш полк под командой «желтого кирасира» и как я сам научился у него многому.

Перед рассветом Федоренко начал меня тормошить.

— Гром чего-то ржет,— тревожно зашептал он.— Неспроста.

Действительно, с улицы доносилось протяжное ржание. Федоренко без бурки выскочил из хаты. За ним выбежал и я. Посреди двора, мелко дрожа всем крупом, окруженный ординарцами, стоял Гром, а вблизи него распростерся неподвижный человек, своим вооружением и всем видом смахивавший на бандита.

Казаки внесли его в хату. Очерет плеснул ему в лицо полную кружку студеной воды. Когда незнакомец мутны-

ми глазами обвел всех нас, вмиг побледневший Федоренко, взяв чужака за грудки, поставил его на ноги. Я не узнавал своего командира.

— Знаешь, кто это, комиссар? — трясясь от негодования, спросил Василий Гаврилович.— Старый знакомый, каптенармус кирасирского полка. Карнаух. А зараз, видать, затесался до махновской шпаны. Мало того, на конокрада практикуется...

Услышав фамилию Карнаух, я вспомнил предновогоднюю ночь. Каганец, поднесенный к лицу задержанного, осветил вороватые глаза чужака и его разинутый беззубый рот.

— Ты у меня в Питере отбил бабу, помнишь? — залепетал махновец.— А я порешил отбить твоего коня. Давно за ним охочусь. Вот не знал только, что он у тебя из бешеных. Как вдарил меня по кумполу, сразу памороки отшиб.

— Ясно, отшибет! — воскликнул Очерет.— На то он «гром и молния».

— Твоя взяла, Васька...

— Какой я тебе, жучкин сын, Васька? — Федоренко занес было над бандитом свой тяжелый кулак, но, овладев собой, опустил руку.— Полагалось бы тебе всыпать... Не стоит марать рук... Особый отдел разберется...

У Карнауха на сей раз освободили карманы от самосада, с помощью которого он в прошлый раз спасся, засыпав им глаза наших конвоиров. Под усиленной охраной увели махновца в штаб дивизии.

От пленного мы узнали, что его часть ночевала на хуторах рядом с Сорокотягами. Но и мы тоже после боя у Пугачевки ни на что, кроме сна, не были способны.

Думая о предстоящем походе, я настойчиво предлагал командиру соснуть часок-другой. Но, взволнованный неожиданной встречей, Василий Гаврилович уже не думал о сне. Достав из кобуры наган, насупив брови, «желтый кирасир» начал его разбирать, аккуратно раскладывая детали на хозяйском столе.

НИ ШАГУ НАЗАД...

(ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЧУЙКОВ)

«Ни шагу назад» — так было сказано в приказе по 62-й армии от 28 сентября 1942 года. Эти слова стали боевым девизом воинов. Тогда к узкой полосе выжженной земли, отсеченной сзади водной преградой Волги, а впе-

реди — сплошной стеной фашистского огня, были прикованы взоры и сердца миллионов людей. За тем кровавым поединком с замиранием сердца следило все человечество, его исхода со страхом и надеждами ожидал весь мир.

Армия и вся Советская страна понимали: после того, что уже отдано, Волгу отдать нельзя. И вновь назначенный командарм Чуйков заявляет партии и народу: «Клянусь, оттуда не уйду! Мы отстоим город или там погибнем...»

Много уже написано о великой ратной эпопее, немало еще будет создано произведений о беспримерном героизме советских людей, но самым ценным вкладом в этот жанр является рассказ того, кто по воле партии был душой и мозгом сталинградской обороны.

Подобно тому, как перекрестье прожекторных лучей, накрывая цель, делает ее отчетливо видимой для наводчиков, так и героическая страда, «накрытая» повествованием ее участника, предстает перед глазами читателя во всем своем грозном величии.

Ценность труда «Начало пути» не только в том, что В. И. Чуйков излагает последовательно и по возможности детально весь ход сталинградской обороны и события, предшествовавшие ей. Издание это волнует глубокими и тяжелыми раздумьями автора, и не в тиши уютного кабинета, а под огнем врага, под разрывами его авиабомб и в грохоте шестиствольных минометов.

Рассказывали некогда об одном старом фельдфебеле, который внушал каждому новобранцу: «Это, брат, не гимназия, здесь, в военщине, надо работать головой». В том и состояло коренное различие между настоящим советским солдатом и гитлеровским солдафоном, между советским полководцем и фашистским генералом. Фашисты знали одно, и это они унаследовали от тупого пруссачества,— идти напролом. Наша же, настоящая советская военная доктрина, начало которой заложил Владимир Ильич Ленин, а затем разработал талантливый полководец гражданской войны Михаил Васильевич Фрунзе, требовала от воинов всех степеней диалектически мыслить.

И воспитанник фрунзенской, большевистской военной школы думает, все время упорно и напряженно думает. Думает он тогда, когда, отозванный из Китая, едет в Москву; думает он, будучи назначенным заместителем командующего 64-й армии; думает в роли командующего Южной группы на Аксае, где, подобно былинным витязям, сам ищет заклятого врага для честного боя. Он думает не-

престанно во все долгие месяцы тяжелой сталинградской обороны. Его думы сосредоточены лишь на одном: как остановить обнаглевшего и во много крат сильнейшего врага? Как и чем парировать его преимущества в авиации, огнеметах, танках и в другой технике, созданной промышленностью всей Европы? Как сбить спесь с фашистов? Как и чем поддержать веру советских бойцов в грядущую победу?

«Мне надо было знать,— пишет В. И. Чуйков,— как гитлеровские генералы организуют бой, уяснить сильные стороны врага, нащупать слабые, чтобы, как говорят, найти его ахиллесову пяту. Наблюдать врага, изучать его сильные и слабые стороны, знать его повадки, привычки — значит драться с ним с открытыми глазами, использовать его промахи и не подставлять свои слабые места под опасный удар».

Новая тактика создается на переднем крае, в гуще боя, и раньше всех создает ее солдат, так как приверженность к отжившей тактике прежде всего стоит жизни ему — солдату. Вот почему командующий армии больше всего находится под огнем противника, изучает поведение солдат в бою и все достойное повторения делает достоянием всей армии.

Изучив фашистского солдата, командарм делает правильный вывод: гитлеровец боится ближнего огня. В ближнем бою против его фашистского рыла постоянно торчит дуло советского автомата, и в ближнем бою уже нечего надеяться на свою авиацию, которая не бомбит советских, так как боится поразить своих. А раз так, то найдено спасение от фашистских пикировщиков и штурмовщиков — 62-я армия все время навязывает противнику ближний бой.

Константин Симонов в своем романе «Живые и мертвые» со всей откровенностью рисует презренный лик мертвых людей, убитых еще до того, как начали стрелять фашистские пушки. К этой категории можно отнести и тех «полководцев», которые полагали, что врага можно закидать шапками и засечь шашками. Но это было трудно сделать даже в японскую войну, когда враг наступал разомкнутыми цепями. В боях за Волгу, где боевые порядки штурмующих растянулись не только по фронту, но и в глубину, когда в затылок одному, готовый к броску, стоял уже другой клин, когда боевые порядки своими пикировщиками вытянулись и в высоту, когда солдат не только

накрыл голову каской, но и сам залез под броню танков, о шапках и шашках не приходилось даже думать.

И в том-то сказалась сила советского народа, что, сдвинув со своего пути всех «мертвых», он выдвинул в первые ряды настоящих борцов — живых.

В. И. Чуйков, вызывая к ним заслуженное презрение, перечисляет и тех «мертвых», правда немногих, которые оказались и в его поле зрения.

«Мертвые», не вступив еще в соприкосновение с врагом, уже отдают приказ отступать. «Мертвые», потеряв веру в мужество советского воина, навек контужены нахрапом и нахальством врага. «Мертвый» даже там, где против одного его ствола противостоит один, видит их пять. А там, где их в самом деле пять, он видит двадцать.

Живому же — пядь родной земли дороже жизни. Живой помнит, что все захватчики находили себе могилу на русской земле. Живой, разбираясь в арифметике чисел, отдает предпочтение арифметике чувств.

Автор, думая сам, заставляет много размышлять и читателя. И в этом еще одно из достоинств произведения. Когда думаешь над раскрытой книгой, перед тобой проходит вереница «живых» сталинградцев, которыми будет гордиться не одно поколение советских читателей. Даже погребенные под развалинами славного города — в сознании честных людей всего мира они останутся вечно живыми.

Восхищаясь героизмом советских воинов, мы с замиранием сердца следим за подвигом бронебойщиков-комсомольцев из подразделения Петра Болото, которые с двумя противотанковыми ружьями вышли победителями в единоборстве с тридцатью фашистскими танками.

Когда-то много писали о японских «солдатах-торпедах», которые, жертвуя жизнью, взрывали неприятельские суда. Но эти люди совершали свой «подвиг», подписав предварительно договор, по которому семье погибшего выплачивалось огромное денежное вознаграждение.

Шестнадцать гвардейцев, во главе с комсомольцем младшим лейтенантом Кочетковым, поставив себе задачу не пропустить врага, обвязав себя гранатами, бросились под гусеницы фашистских машин. Это был подвиг советских людей, подсказанный гражданским, патриотическим долгом, а не материальным расчетом — основным стимулом «героизма» «солдата-торпеды».

«...Увидев, что советские воины бросаются с гранатами под танки,— пишет Чуйков,— гитлеровцы в страхе повернули назад...»

В 1916 году весь мир восхищался стойкостью защитников Вердена. Но эта крепость, опоясанная железобетонными фортами и бронированными башнями, имела впереди четыре линии укреплений и бесперебойную связь с тылом. Потеряв 350 тысяч солдат, французы перемололи под Верденом полмиллиона немцев. Защитники твердыни на Волге проявили во сто крат больше мужества и отваги, так как свою неприступную крепость они создавали под круглосуточным огнем фашистских пушек, минометов и авиабомб.

Под Верденом один империалистический хищник сцепился с другим. На Волге в смертельной схватке сошлись силы добра и силы зла, сошлись социализм с фашизмом, и от ее исхода зависели судьбы всего мира. Это понимали все советские люди. «Я коммунист, уходить из Сталинграда не собираюсь и не уйду» — так заявил Чуйкову командир дивизии Родимцев; так заявляли командарму и другие начальники.

В кулачной борьбе существует термин: «захомутать». Правой рукой захлестывается шея противника, а левой еще крепче стискивается «хомут». Вот так 62-я армия намертво, сама истекая кровью, «захомутала» фашистского генерала Паулюса, долго лелеявшего мысль стать своим тяжелым прусским сапогом на грудь советского полководца Чуйкова.

«Захомутанный» Паулюс не мог уж конечно и мечтать о походе на Кавказ, откуда доносился заманчивый дух нашей нефти. Загипнотизированные стойкостью советских воинов, не торопились с выступлением и Турция, Япония. А главное, приковав к себе колоссальную армию Паулюса, защитники Сталинграда дали возможность свежим советским силам подготовить классическую операцию по окружению и уничтожению 300-тысячной армии фашистов.

С большой теплотой говорит Чуйков о своих ближайших помощниках — генералах Гурове, Крылове, о командирах легендарных дивизий Сологубе, Горишном, Батюке, Родимцеве, Соколове, Гурьеве, о боевых связистах, зенитчиках, о солдатах, проявивших чудеса отваги. И это, как пишет автор, стало возможным только потому, что «каждый солдат был сам для себя генералом». Широкая инициатива, предоставленная солдату, являлась также ре-

зультатом долгих раздумий командующего 62-й армии над природой боя в условиях города.

О себе автор книги говорит мало. Но все знают: в годину самых тяжелых бедствий, выпавших на нашу страну, партия выдвигала из своих рядов самых решительных, самых деятельных, самых энергичных вожаков.

Всей своей прошлой биографией Василий Иванович Чуйков был подготовлен к той роли, которую он сыграл в Отечественной войне. Как с именем Нахимова вошла в историю оборона Севастополя, так с именем Чуйкова войдет в историю оборона Сталинграда.

Вспоминаются двадцатые годы. Не многие из нас, слушателей Академии имени Фрунзе, были тогда отмечены высшей боевой наградой. Чуйков, моложе каждого из нас двумя-тремя годами, имел на груди два ордена Красного Знамени. На первом же партийном собрании факультета мы избрали Василия Ивановича членом партийного бюро. И этим доверием товарищей он был облечен до 1927 года — вплоть до окончания курса.

Давая характеристику одному из своих подчиненных, Чуйков пишет, что он строг и справедлив. Таким был он сам в стенах академии, таким остался и вплоть до получения маршальской звезды,— настоящим советским командиром.

Как-то в трамвае юный лейтенант, держа в руке книгу «Начало пути», сказал своему товарищу, тоже молодому офицеру: «Замечательную книгу написал наш Василий Иванович». И то, что он изрек не «командующий», не «маршал», не «Василий Иванович», а «наш Василий Иванович», говорило само за себя.

Советский солдат, выполнив боевой девиз «Ни шагу назад», не только не отдал город, но, шагнув широко, по-русски, по-богатырски, дошел с боями от Волги к Шпрее и в Берлине стал твердой ногой на грудь поверженного фашизма.

В кровавом поединке социализма с фашизмом победил социализм.

Нас волнует героическое и легендарное начало пути 62-й армии и славный путь автора книги — от командира полка гражданской войны до Маршала Советского Союза, от партийного бюро факультета до Центрального Комитета партии.

ОТ ШАХТЕРА ДО МАРШАЛА

(ИВАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ ПЕРЕСЫПКИН)

...Маршал войск связи Иван Терентьевич Пересыпкин вспоминает: «В. М. Примаков даже после того, когда он уже не командовал корпусом Червонного казачества, оставался с ним. Организатор этого прославленного соединения Красной Армии, коммунист, замечательный товарищ и командир, навсегда останется в памяти тех, кто служил под знаменами Червонного казачества».

...Жизнь куда богаче самых изощренных и тончайших литературных домыслов. И порой так неожиданны и сложны бывают созданные ею ситуации, что, рассказанные людям, они воспринимаются с первого взгляда как эпизоды приключенческого романа.

Вспоминается грозное лето 1919 года. 42-я стрелковая, бывшая 4-я Украинская советская, а более известная как шахтерская, дивизия гонит обнаглевшего врага на юг, к Валуйкам. Особенно жестоким был бой за Новый Оскол. Начдив Гай смело двинул на белоказаков всю свою шахтерскую рать — девять стрелковых, один артиллерийский, два кавалерийских полка. В те жаркие дни была весомой и ратная нагрузка такой единицы, как комендантский взвод штаба дивизии.

В том взводе, стараясь, как тогда говорили, не подкачать, с потным чубом и мокрой спиной носился по полю сын шахтера и сам шахтер ртутных рудников Горловки долговязый паренек Ваня Пересыпкин.

Прошло десять лет. В 1-й Запорожской дивизии Червонного казачества в Проскурове, в амплуа начальника штаба таковой, не раз приходилось мне бывать во 2-м полку храбреца Пантелеймона Потапенко, где служил политруком сотни (эскадрона) крепко возмужавший и изрядно подросший бывший доброволец шахтерской дивизии. За то десятилетие Иван Пересыпкин мужал снова в шахтах Донбасса, на комсомольской работе.

Прошло еще четыре десятилетия. В один тихий зимний вечер мы сидели в заснеженном подмосковном коттедже где-то в районе Барвихи. Отошедший от больших дел, но весь еще полный энергии, изрядно поседевший, но с молодым задором в искрящихся глазах, Иван Терентьевич Пересыпкин работал тогда в своем загородном домике не покладая рук. Он заканчивал свой не первый уже труд. Дописывал заключительные главы книги «...А в бою еще важней».

Позывные советских связистов, такие как «Днепр», «Днепр», я — «Волга»! Перехожу на прием!», стали нарицательными. Они звучали в эфире в сражении за Москву и в боях под Сталинградом, на Курской дуге и при штурме рейхстага. Их произносили в землянках Ковпака и в Ставке Верховного главнокомандования. На земле, на морских широтах, в голубой выси нашего и чужого неба.

Как и доблестные наши радисты, во всех звеньях войсковой структуры обеспечивали связь под огнем врага героические телеграфисты и телефонисты, мотоциклисты и пилоты авиации, просто посыльные и конные ординарцы. Вся эта сложнейшая механика в системе управления войсками, вся эта тончайшая нервная система Вооруженных Сил и всего Советского Союза создавалась и контролировалась единым центром, во главе которого с самого первого до последнего дня войны стоял маршал войск связи Пересыпкин. На протяжении всей небывалой по трудности войны, не раз напоминавшей ему кровавые баталии и схватки далекого 1919 года, и особенно решающие бои за Новый Оскол, Пересыпкин ни разу не испытал «короткого замыкания», хотя частенько был к тому близок.

Иные руководители, силой сложнейших и неожиданнейших обстоятельств вознесенные круто вверх, нередко никли под воздействием непосильного головокружения. Иные, забыв рабочую заповедь — «Держи голову повыше, а нос пониже», вместе с головой задирали и нос. Они быстро отрывались от взрастившей их среды. Иван Пересыпкин, сын рудокопа и сам рудокоп, на протяжении всей небывалой по трудностям войны ни разу не испытал, повторяем, «короткого замыкания», хотя частенько и был на грани этого, особенно если принять во внимание его высокие «контакты» той поры. При тех контактах не раз возникали грозные ситуации, когда многие опускали плечи. Но не он...

Все эти мысли пришли в голову, когда я читал волнующие, от души написанные страницы о героических советских связистах всех без исключения звеньев маршала Ивана Терентьевича Пересыпкина, питомца Червонного казачества, который хранил в памяти светлый образ «коммуниста, замечательного товарища и командира» Виталия Марковича Примакова.

Хорошо сказал очень популярный в Червонном казачестве один из его боевых комиссаров, кадровый рабочий

Путиловского завода Корнелий Новосельцев: «Нельзя без восхищения вспоминать тех руководящих товарищей, и среди них Примакова, которые своими героическими подвигами создавали незабываемую славу Червонного казачества».

Прошло с тех пор, с незабываемых грозных дней боев под Мармыжами, ровно сорок пять лет. Целая вечность! Ирпень, Дом творчества. И вдруг широко раскрываются ворота. Вкатывается большая, как говорят, классная машина. Из нее выходит бывший директор капеллы «Думка», ветеран советской конницы. Следом из машины появляется рослый, импозантного вида, довольно пожилой военный.

Мне говорят: «К вам гость!..» Гляжу — на госте маршальские погоны. Для Ирпеня событие! Дело шло к ужину.

Во время дружеской трапезы Иван Терентьевич Пересыпкин сказал, обращаясь ко мне:

— А ведь мы с вами дважды однополчане — и по Червонному казачеству, и по шахтерской дивизии...

— Как так? — изумился я.

— Очень просто. Что вы в ее рядах воевали, понял я из романа «Контрудар»... Мне тогда было четырнадцать. Служил в комендантском взводе штаба дивизии...

И вдруг завертелось в голове. Не вереница, а калейдоскоп мыслей. Нужны ли толстые тома, чтобы объяснить то, что творит наша всемогущая, наша мудрая Советская власть? Ведь когда меня посылали уговаривать строптивых бойцов конного полка под Мармыжами, в конвое был малолетка из комендантского взвода. Ведь им мог быть и нынешний наш гость — маршал Иван Терентьевич Пересыпкин. Но это и не чудеса. Это норма! Сына рудокопа из горловских адских оловянных копей она возносит в наивысший ярус жизни, в ранг маршала. И поднимает не по прихоти широкой спины, не по близости к вершителям судеб, а исключительно по личным данным, по заслугам перед народом...

Там же, за общим столом, Пересыпкин сказал: «Я вас узнал еще в Проскурове. Это было в 1928 году...»

Что же? Такова жизнь с ее сложными курбетами и виражами. Главное, чтобы человек при любом взлете всегда и всюду оставался самим собой.

НЕ ПОКЛАДАЯ РУК...

(КОНСТАНТИН СТЕПАНОВИЧ ГРУШЁВОЙ)

Советская власть! Власть Советов! Всеобъемлющие и глубоко волнующие два слова. А какая динамическая, какая термоядерная в них сила! О Советской власти написаны тома историками, философами, беллетристами, психологами. А есть жизненные факты, которые более красноречивы и убедительны, нежели иной толстющий ученый фолиант...

Например: простая ткачиха становится космонавтом и государственным деятелем широчайшего диапазона. Сын рудокопа и сам рудокоп вырастает в одареннейшего маршала. Девчушка, приехавшая со школьной экскурсией из глухого Полесья в Киев, вдруг свободно по-английски заговорила в троллейбусе на линии Центр — Лавра с пожилым туристом-англичанином. А такие славные волынянки до революции, до Советской власти, являлись в Киев в поисках места нянек и горничных...

Герой моего очерка из рядового казака 1-го полка Червонного казачества, по тем же постижимым и непостижимым законам Советской власти, вырос в первого секретаря обкома, а затем и в члены Военного совета Московского военного округа.

О человеке можно судить по его «символу веры». Вот символ веры Константина Грушевого. «И хотя военные сводки выглядели неутешительно,— пишет он,— уверенность, что решительный удар будет нанесен со дня на день, не оставляла нас...» Этой несокрушимой уверенностью (в черные дни начала войны) жил первый секретарь Днепропетровщины, и эту же уверенность он внушал всему трудовому народу области.

Да! Это железный закон: пусть даже фашизм добивается временных побед, в конечном счете его ждет поражение. Сущность же социализма такова — в конечном счете он, а не его враги выигрывает победу...

Если верно, что жизнь — это лаборатория по испытанию на прочность, то лучшим подтверждением этому является выпущенная Воениздатом книжка «Тогда, в сорок первом...». Сделанная по железным законам мемуаристики, она повествует много о немногом, а именно лишь о первой, самой тяжкой поре Великой Отечественной войны. О тех 111 днях, которые понадобились вооруженному до зубов врагу, чтобы, неся тяжкие потери, дойти до восточных границ Днепропетровщины. Об этом и делится

с читателями бывший секретарь обкома партии, потом генерал-полковник К. С. Грушевой.

Как по одной горсти земли можно судить о всей ниве, так и в действиях одного обкома отображен титанический труд тех решающих дней всей нашей партии.

Опьяненный успехом на легко покоренном им Западе, фашизм рассчитывал первым же ударом, первыми успехами внести смятение в ряды советских людей. Но по опыту гражданской войны советские люди знали, что выиграть сражение — еще не значит выиграть войну. Красная Армия отступала под ударами Колчака, Деникина, Врангеля, Пилсудского, а все же в конечном счете победила она, а не те калифы на час...

Победа складывается не из одних действий Вооруженных Сил. Это ярко показывает бывший руководитель коммунистов Днепропетровщины в своей боевой и правдивой книге.

Чем же занимался в те суровые дни обком партии? Прежде всего, не покладая рук он поднимал патриотический дух народа. Автор пишет:

«Секретари обкома, члены бюро в те дни буквально дневали и ночевали на заводах, в колхозах и совхозах, помогая на месте решать сложнейшие вопросы...»

Эти контакты с массами давали много и руководителям, знакомили их с настроениями трудящихся, без чего немыслима тонкая работа по руководству людьми, да еще в такое горячее время. После волнующей встречи с коллективом вагоностроителей секретарь обкома Л. И. Брежнев делится со своими товарищами: «На фронтах неудачи... Людям приходится работать по двенадцать часов в сутки, а у них ни обид, ни жалоб. И только одна дума — разбить врага...»

Без этой крепкой и светлой рабочей думы не справиться бы обкому с тем обилием вопросов, которые поставила перед ним беспощадная война. Прежде всего надо было укрепить вновь создаваемые дивизии коммунистами. В первые же дни обком отправил в армию 14 тысяч членов партии и 80 тысяч комсомольцев. Тех, кто давал стране одну пятую часть нужного ей металла, эшелоны отборного зерна. И чтобы этот поток стали и зерна не иссякал и под громом орудий, надо было тут же подобрать достойную замену уходящим на фронт. Среди 14 тысяч коммунистов, отобранных для пополнения войсковых частей, был и молодой инженер В. В. Щербицкий.

А производство боеприпасов? Фугасные авиабомбы, минометы, огнеметы, противотанковые надолбы, бутылки с горючим... А создание стотысячного народного ополчения, формирование истребительных батальонов для охраны важных объектов, строительство нового аэродрома, наплавных мостов вдобавок к двум постоянным, бомбоубежищ, оборонительных рубежей?

Нет, враг не застал советских людей врасплох. Не внес замешательства в ряды партийных руководителей. Напротив, руководство стало более четким, динамичным и боевым, осуществляя девиз времени: «Все для фронта, все для победы!»

К занятому уже врагом Закарпатью идут эшелоны зенитчиков, а мосты через Днепр остаются оголенными. Секретарь обкома Грушевой приказывает выгрузить боевую технику и людей в Днепропетровске. Питомец славного Червонного казачества, направленный в конницу в 1924 году с путевкой комсомола, помнил преподанную ему примаковскими политруками ленинскую заповедь: «Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне». Командующий Юго-Западным направлением маршал Буденный похвалил секретаря обкома. Спасенные зенитчиками мосты вскоре «сказали свое веское слово».

А прием и размещение огромного потока раненых, бесконечных колонн эвакуированных людей? Но это еще не все. Автор вспоминает: «Нелегко было прочитать среди перечисленных областей, которым грозила оккупация, название своей родной области. Сердце отказывалось верить, что фашистские армии могут захватить Кривой Рог, Днепропетровск, оказаться возле Днепрогэса, форсировать Днепр...»

И вот пришел черед демонтажа ценнейшего оборудования, погрузки его в эшелоны. Но в декабре уже переброшенный в Первоуральск цех завода им. Ленина давал нужную фронту остродефицитную продукцию. Потом отправляли людей, славных тружеников Днепропетровщины, отправляли наспех снятый и обмолоченный богатый урожай зерна, созданное трудом советских людей добро.

Параллельно обком готовил руководящее ядро подполья, той динамической силы, которая в условиях черной оккупации напоминала бы людям, что Советская власть жива, а врагу — что он временный и нетерпимый гость на чужой земле... А создание партизанских школ и отрядов для безлесной земли сталеваров и рудокопов?

Что говорить — это была сверхчеловеческая работа. Не зря автор сообщает: «Здание обкома, с солдатскими койками, с озабоченными, по горло занятыми людьми в военной одежде, напоминало полевой штаб действующей армии».

Замначальника политуправления Южного фронта Л. И. Брежнев передает директиву обкому: «Оказывать всемерную помощь Военному совету резервной армии». Да, в современных условиях немыслима боевая деятельность войск без тесных контактов с местным руководством. В этом сила советского военного искусства. К. С. Грушевой пишет: «Мне, как и другим работникам Днепропетровского обкома, приятно сознавать, что в создание и успешное формирование резервной армии была вложена и частица нашего труда».

Книга «Тогда, в сорок первом...» для всех ценна тем, что, не растекаясь во времени и в пространстве, о первых днях войны рассказывает нам крупный партийный деятель. Для советских воинов первого поколения — тем, что она написана воином второго поколения, которое делом показало, что оно отстояло все завоеванное в тяжких боях их отцами.

Автор мемуарного труда, до конца дней хранивший солдатскую книжку 1924 года, в которой он значится «казаком второй сотни 1-го полка», одаренный математик и музыкант, после военной службы пошел в инженеры. Производство металла требует крепких математических знаний, а в работе такого сложного механизма, как блюминг, есть свой музыкальный ритм. Ведущий инженер Днепродзержинска, начальник передового цеха, К. С. Грушевой в тридцать два года становится секретарем обкома.

После прочтения его «широкозахватного» мемуарного труда становится еще более понятным, почему фашизм, добившийся в начале кампании ощутительных побед, в конечном счете был брошен на оба колена и почему социализм, потерпевший в первые месяцы войны ряд тяжких поражений, в итоге той страшной и беспощадной войны горячо праздновал свой заслуженный и Великий Триумф.

Да! Лишь два слова — Советская власть. А какая динамическая в них сила! Это она рядового пролетария Донбасса, линейного бойца второй сотни 1-го полка червонных казаков возвела в высокий «сан» первого секрета-

ря обкома, в славное звание генерал-полковника, члена Военного совета округа, в нелегкое и почетное амплуа одареннейшего мемуариста...

ИМЕННОЙ ПОЕЗД

(ФИЛИПП ФЕОДОСЬЕВИЧ ЖМАЧЕНКО)

1. Сын волынского Полесья

Мимо мачтовых, с золотыми стволами, вековых сосен волынского Полесья, оглашая дремучие леса, всю широкую округу пронзительным крещендо своего мощного гудка, мчит красавец дизель-поезд в Полесье Черниговщины. Его пассажиров ждут в Коростене, Житомире, Киеве, Нежине, Чернигове.

В старину люди верили, что бессмертная душа, покинув тело, переселяется в иное, живое существо... Да, не все души смертны и ныне. Эти бессмертные души «переселяются» хоть и не в живые, но весьма мобильные и крайне динамичные «существа» — в океанские лайнеры, в летающие аппараты, в новинку железнодорожного транспорта — дизель-тепловозы. Упоминавшийся выше дизель-поезд, зовя советских людей к новым подвигам, носит имя героя гражданской и Великой Отечественной войн генерал-полковника Филиппа Жмаченко.

Лишние руки совсем еще юного Пилипчика в бедняцком хозяйстве Феодосия Жмаченко из подкоростеньского села Могильное нашли себе применение в ином месте. Ими совсем еще молоденький ремонтник-поденщик загонял стальные костыли в остро пахнущие дегтем новенькие шпалы, таскал рельсы, разгребал щебенку, подсобничал на ремонте невзрачных мостов и мостиков на полесских реках и речушках. Потом у тех же вовек незабываемых переправ, то в роли командира роты и батальона, то в роли комиссара полка, загонял в гроб шумные курени пана Петлюры, заносчивые легионы пана Пилсудского, черные банды генерала Деникина.

Тот сверкающий никелем и нержавейкою сказочный дизель-тепловоз с золотыми буквами своего славного наименования «Генерал Жмаченко», сотрясая могучим ходом стальные фермы капитальных мостов через реки Случ, Тетерев, Ирпень, Днепр, Остер, Десна, напоминает людям о величии исторических подвигов советских людей, о сказочных биографиях ленинских богатырей...

Об этом напоминает нам и недавно выпущенная книга журналиста Г. Заболотного под красноречивым названием «Через всю жизнь».

Иной автор испишет десятки и сотни страниц, приведет множество неопровержимых фактов, не поскупится на правдоподобный и фантастический домысел, выпустит по «засеченному квадрату» не один суточный комплект огнеприпасов с одной-единственной целью — полнее и выпуклее представить читателю живой образ своего героя. А иной может, и сам того не ожидая, единым, но снайперским выстрелом добиться своего. У настоящего художника работает магический завершающий мазок, у настоящего мастера слова работает хоть и незначительная, но магическая деталь.

Край могучих, отливающих высокопробной бронзой сосен, нежных серебристых берез и задумчивых незабудок, край волшебных девственных озер, талантливо воспетый гениальной дочерью Полесья Лесей Украинкой,— это и есть родная земля, родина славного героя.

Увы, нет уж меж нами Филиппа Феодосьевича Жмаченко, воина-большевика, прошедшего тропами грома и огненных бурь тяжкий и героический маршрут от солдата-понтонера царской армии до высоких командирских рангов Советской Армии.

Не стало рядом с нами так нужного всем борца, борца славных помыслов, чистой души, благородных порывов, героических свершений. Уж о такой личности не скажешь: «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано...»

Человека не стало, а имя его живет, живет и здравствует, повседневно напоминая людям, особенно молодому поколению, о том грозном и нелегком пути, который прошел советский народ в борьбе за свое существование, в борьбе за счастье многих народов Европы. И не только Европы...

Разве можно забыть ратные подвиги воина, который много и много раз ставил на карту свою жизнь солдата? Нет, не ради славы, а, как сказал поэт, ради жизни на земле. Дважды командир батальона щорсовец Жмаченко на берегах Днепра под Киевом, истекая кровью в боях за Бровары, отражал бешеные атаки белогвардейцев деникинского генерала Бредова. Спустя год — то был суровый 1920 — он вел в грозные атаки своих бойцов-пехотинцев, и снова в зоне Киева — против легионеров пана Пилсудского.

Школа боевого братства Щорса, дополненная вскоре и суровой школой непобедимой кавалерии Примакова, пройденная Филиппом Феодосьевичем в роли комиссара червоннопазачьего полка в Проскурове, выработала в бывшем понтонере все те уникальные качества, которые так остро были необходимы мастерам нового, самого тонкого и научно обоснованного советского оперативного искусства.

Это искусство потом, уже в школе талантливого полководца Ватутина, командующий 40-й армией Филипп Жмаченко эффективно применил в дни тяжких боев на Букринском плацдарме. В дни героического штурма созданного по приказу Гитлера «неприступного» Восточного вала и легендарного форсирования Днепра. Тот исторический штурм в самый канун двадцать шестой годовщины Великого Октября вновь дал свободу закабаленному фашистами Киеву.

Нелегок труд командарма. Успех его во многом зависит от гармоничности действий всех подчиненных генералу звеньев, но более всего от совпадения струи оперативной со струей политической. Вот тут Жмаченко жаловаться не мог. Членом Военного совета состоял в ту пору большевик широкого политического и душевного диапазона.

Дважды в гражданскую и трижды в Великую Отечественную войну воин-большевик Ф. Ф. Жмаченко отстаивал столицу Украины от ее злейших врагов. В столице Украины, в Днепровском районе Киева, можно прочесть его славное имя... Улица имени Генерала Жмаченко!

И это не первое имя в сугубо полещуцком роду, которое удостоено высочайшей чести. В Московском Кремле, на его памятных плитах, вы найдете имя рядового Волынского пехотного полка Никифора Павловича Жмаченко, удостоенного трех Георгиевских крестов за участие в героической обороне Севастополя 1854—1855 годов.

Отданный за очень уж строптивый нрав в двадцатипятилетнюю солдатчину помещиком глухой Коростенщины Желтовским, Никифор Жмаченко своей образцовой солдатской службой на бастионах черноморской крепости добился сокращения срока службы наполовину. Долгое время в родном Могильном (ныне Полесское) выполнял роль сотского... Ушел из жизни несгибаемый русский солдат, но его имя живет на кремлевском граните...

Филипп Феодосьевич много лет подряд шел замысловатым, суровым и славным путем. Как сказал поэт, прославляя бессмертного Василия Теркина: «Тем путем идет

суровым, что и двести лет назад проходил с ружьем кремневым русский труженик солдат...» Шел Филипп Жмаченко по пути, проторенному его кремневым дедом, обладавшим не автоматом, не противотанковым, а простым, незамысловатым кремневым ружьем...

Вышитая невестой Степанидой для героя Севастополя рубаха долго хранилась в роду стойких полещуков. Вместе с грустными рассказами прожившей до ста лет бабки Стехи о крепостном житье-бытье, о том, как ее, еще девчушку, продали за породистую собачку помещику-живоглоту Желтовскому... Ныне та семейная реликвия попала в Севастополь, в музей его боевой славы.

Оттуда пишут брату генерала, Якову Жмаченко: «В новой экспозиции рубаха Н. П. Жмаченко займет достойное место... Мы покажем в экспозиции и заслуженных потомков героя обороны Севастополя...»

Не забыт герой многократной обороны Киева и в Каневе, где есть улица его имени. Каневский плацдарм 1943 года... Армия генерала Жмаченко освободила город и святую кручу над Днепром, с которой неистовый Кобзарь вдохновлял советских воинов на все новые и новые подвиги. Первым шагом генерала на освобожденной земле Каневщины был шаг к мемориалу Тараса Григорьевича Шевченко.

Пусть нынче Днепровская флотилия быстроходных «ракет», носящих нейтральные имена «Буря», «Шторм», «Вихрь», включит в свои ряды и «ракету» под именем «Генерал Жмаченко». И пусть она вместе с уже существующим судном «Степан Шутов», скользя по ясным водам Днепра, радует сердца советских граждан.

2. Душа поэта

Не слыл бывший щорсовец и примаковец поэтом, но душа его была полна поэзии. Есть такое мнение: генерал — это громовой бас, генерал — это грозный взгляд, генерал — это каменная душа...

Та же суровая и в то же время мягкая прелесть полесской природы, которая формировала поэтический образ гениальной поэтессы, не обошла стороной и нашего героя. Этот потомственный воин, унаследовавший от своего деда-севастопольца кремневую стойкость, весь светился неземной добротой. В его глазах, напоминавших задумчивые лесные незабудки, ни на миг не угасало природное, ненаигранное радушие.

О душе, до предела насыщенной благородством и настоящей поэзией, лучше всего говорят строки самого героя. Сразу после кончины матери, прожившей без малого сто лет, в 1951 году Филипп Феодосьевич записывает:

«Мать! Что есть на свете лучше этого слова? Какое слово на свете таит больше нежности и ласки, чем «мать»? Кто из людей знает более благородное слово, чем слово «мать»? У меня было три матери... Первая меня родила, вторая — Родина. Третья моя мать — партия Ленина. Она меня воспитала, она вооружила меня бессмертными идеями. Мать, родившая меня, своим великим сердцем, своими большими чувствами благословила меня на непреклонную веру двум другим матерям — матери Родине и матери Партии. Все три матери слились воедино, поэтому я никогда не буду сиротой.

...На два часа 30 января назначены похороны. Пишу в слезах. Прощай, дорогая мама! Спасибо за все. Спасибо за то, что ты нас родила. Спасибо за то, что ты воспитала нас патриотами нашей социалистической Родины. Спасибо за то, что постоянно благословляла нас на подвиги. Благословляла быть до конца преданными великому делу Ленина. Спасибо за твою материнскую ласку. Прощай, дорогая мама!»

Кто же после этих высокопоэтических, светлых и очень мудрых слов скажет, что генерал — это громовой бас, грозный взгляд, что у генерала не сердце, а камень?..

Этот отважный генерал с душой поэта, генерал с сердцем настоящего ленинца, вел свои железные полки, свою грозную советскую инфантерию на твердыни фашистов у Пропойска и Гомеля, у Речицы и Чернигова, под Конотопом и Харьковом, у Мценска и Щигров, у Старого Оскола и Воронежа, под Лебедином и на Курской дуге, с Каневского и Букринского плацдармов, у Фастова и Белой Церкви, в Корсунь-Шевченковском котле, под Уманью и Хотином, у Фокшан и Клужа, под Токаем и у Банской Быстрицы. Форсировал своими дивизиями те самые реки, на которых, будучи понтонером, ставил под массированным обстрелом врага легкие временные переправы. Не только Днестр и Прут... Доводилось сражаться на берегах Днепра и Оки, Буга и Северского Донца, на сказочных берегах далекой Тиссы...

Генерал Жмаченко провел свою несгибаемую армию через всю Украину, через просторы России, через всю Румынию, через Венгрию, Чехословакию. И там он не за-

быт — музей Банской Быстрицы отдал должное доблести генерала Жмаченко и его героической армии.

Если генерал Жмаченко прекрасно справился с труднейшей миссией, возложенной на него партией и Советской властью, получив закалку в школе Щорса, в школе Примакова, то другие, ныне находящиеся на высоких постах, в своей повседневной практике пользуются зарядом, полученным ими в строгой и мудрой школе генерала Жмаченко. В школе отваги и мужества, стойкости и преданности Отчизне, отеческих забот о солдате.

Это — генералы, Герои Советского Союза Павел Белоонов, Иван Купин, Леонид Уставщиков — завкафедрой сельскохозяйственной академии; Владимир Даниленко — доктор наук, археолог; знаменитый артиллерист, дважды Герой Советского Союза генерал Василий Петров.

Перебирая в памяти нелегкую и героическую жизнь одного из славной плеяды советских полководцев, вспоминаешь снова строки поэта: «Есть отбой — уснул глубоко, есть подъем — вскочил, как гвоздь...»

Как раз для этого человека, был ли он комбатом у Щорса, комиссаром полка у Примакова, командармом у Ватутина, главой ли многомиллионного ДОСААФа Украины, которому он отдал все свои силы, реже всего звучал сигнал «отбой». Более всего били ему в уши звуки «подъема».

Толстые тетради личных записей генерала показала мне как-то жена Жмаченко — Людмила Дмитриевна. Ряд страниц ярко свидетельствует о широкой эрудиции и красоте души их автора.

Жмаченко писал: «В нашей жизни очень часто рядом с прошлым встает настоящее и рядом с настоящим прошлое. Минувшая война стала историей, но эта история для многих как рана, как горячая рана в груди... Человек без работы, без дела становится бескрылым... Потрясающая новость — запущен спутник. Первый спутник. Американский президент объявил всему миру, будто бы они, американцы, собираются запустить спутник. Но это сделали мы, и сделали без преждевременного хвастовства...»

О сыне, который после школы прошел нелегкий путь арматурщика на стройках Донбасса и самостоятельно одолел «высоту», генерал записывает в своих мемуарах: «Надо самому завоевать и отстаивать место в жизни, свой авторитет».

Не один раз обращаясь к книге Ю. Фучика, он отмечает: «Я часто перечитываю этот потрясающий человеческий документ: «Репортаж с петлей на шее».

Молодежь должна брать пример с жизни человека, автора замечательных мыслей: «Память — наше оружие... Самое главное — стремление быть нужным другим... Сердце не признает отставки... Труд — лучшее из лекарств, которые мне известны... Отгоняю мысль о постели и о врачах. Надеюсь — пройдет...»

Отмечалось семидесятилетие генерал-полковника. За двумя длинными столами в доме юбиляра на Десятинной улице собрались его близкие, друзья, сослуживцы, однополчане по 40-й армии. Незабываемый вечер! Вел его дважды Герой Советского Союза А. А. Федоров. С приветствием от москвичей выступала летчица Чечнева. Доброе приветствие произнес его фронтовой шофер Николай Фомин, ныне директор крупного автохозяйства. Попросив слово, юбиляр вспомнил, как в критическую минуту в дни Корсунь-Шевченковской операции он посылал Фомина пройти с его машиной по минному полю. Так надо было... И Фомин прошел, спасая тем жизнь многих солдат...

Вот эти Фомины — а имя им легион,— как и ставший посмертно Героем Советского Союза совсем молоденький сержант Николай Кучерявый, собственной жизнью обеспечивший смелый и удачный бросок своей роты через минные преграды в лабиринтах Карпатских отрогов, и были теми солдатами, которые помогли генералу Жмаченко заслужить двадцать восемь высоких наград и которых генерал никогда не забывал...

Выступил тогда и член Военного совета округа. Но взволнованнее многих сказал свое слово дважды Герой Советского Союза генерал Василий Петров, который в роли помкомполка и в звании капитана показал себя большим мастером по борьбе с вражескими танками. Помнится, в сухом, изможденном лице выступавшего было много скорби. И неудивительно — вместо него, оставшегося без обеих рук, чокался с гостями ординарец, сын далеких казахских степей...

Растрогала всех племянница генерала Оля. После того как фашисты расстреляли ее мать — председателя сельсовета Могильного, «дядя Пылып» принял и воспитал сирот. Оля — учительница в родном селе. Многие прослезились. Наблюдал внимательно я тогда за виновником торжества, за его очень мягким, будто светящимся изнутри лицом с очень добрыми мудрыми глазами и думал: а ведь

такие были годы и обстоятельства, что почти каждый мог бы ожесточиться...

Вот фото героя в книге. Разве это лицо человека, который ряд лет тяжко кувалдил на коростеньских путях? Подвергался, будучи солдатом-понтонером в Киеве, издевкам со стороны узколобого начальства? Стоял под расстрелом захвативших его гайдамаков? Был брошен без признаков жизни в общую могилу с убитыми красноармейцами под Броварами? Сражался насмерть с петлюровцами, деникинцами, махновцами, белополяками?

В роли командира батальона, оставлявшего Киев под жестоким натиском пилсудчиков, он, строитель мостов, понтонер, вынужден был рвать капитальные мосты — Цепной и Железнодорожный — через Днепр! В его дневнике есть и такие волнующие строки: «Люблю Днепр! Бесконечно стоял бы на его берегу, слушал бы плеск его волн...»

3. Последний КП командарма

На одной из последних страниц, где идет речь о Параде Победы, автор рассказывает об одном, с первого взгляда незначительном, эпизоде. Пожилая женщина, встретив у подъезда московской военной гостиницы генерала Жмаченко и горячо поздравив его с Победой, живо восторгалась набором высоких боевых отличий. Не шутка — двадцать восемь наград! Одна другой значительнее и весомей! Женщина сказала герою: «Сколь у тебя наград, сыночек! Небось трудно было их заслужить?» А польщенный генерал, спешивший на Красную площадь, чтобы вовремя занять место в полку, который возглавил на время Парада сам маршал Малиновский, ответил, не задумавшись ни на один миг: «Солдаты помогли, мамаша!»

В этих простых словах сказался весь человек. Человек, большевик, ленинец, сам солдат! В этой найденной в биографии героя термоядерной детали и кроется секрет удачи автора.

В самый разгар гражданской войны Ленин, вплотную занимаясь вопросами строительства Вооруженных Сил молодой Республики, сказал, что командир — это хозяин воинской части, а комиссар — ее душа. Не выдвигать свою персону на первый план, дать объективную и истинную оценку роли солдатской массы мог лишь человек, который на протяжении многих лет сам был такой душой воинской части. Почти всю гражданскую войну Филипп Жмаченко

провел в роли комиссара полка. А лишь позднее он стал командиром. Помнится высказывание двадцатишестилетнего Тухачевского, когда он в декабре 1918 года по просьбе Ленина представил доклад о насущных потребностях Красной Армии: «Надо... широко назначать военкомов на командные должности... Эта мера создаст легкий путь для перехода к единоначалию, насущнейшей задаче момента».

С Филиппом Феодосьевичем довелось как-то ехать в одном купе в поезде Киев — Москва. Спать уже было некогда... Жмаченко сразу же стал расспрашивать о моем земляке Василии Упыре — солдате императорской гвардии, члене партии с 1916 года, заместителе комиссара 7-й, старой, армии, стоявшей тогда в Жмеринке. Это под влиянием большевиков и замкомиссара армии Упыря полки бывшей гвардии императора в январе 1918 года предприняли поход в Киев в помощь восставшему пролетариату. Вместе с Упырем — активным строителем Советов — Жмаченко, тогда комиссар стрелкового полка, вел в 1921 году активнейшую борьбу с бандитизмом на Полтавщине.

Потом мы стали вспоминать совместную службу в коннице на Подолии. В 1957 году, когда в киевском Доме офицеров собрались ветераны примаковских полков, председателем собрания единодушно был избран бывший комиссар 4-го червоннoказачьего полка генерал-полковник Филипп Феодосьевич Жмаченко.

Узнав, что я еду в Москву по вызову Воениздата, мой сосед по купе, лукаво прищурившись, сообщил «по секрету», что и он готовит книгу мемуаров. Хотя текущая работа, интенсивное строительство Домов обороны в ряде городов Украины, широкой сети стрелковых тиров, всевозможные соревнования, международные встречи, мотокроссы занимали у него уйму времени.

Строил свои КП генерал Жмаченко против Тарасовой горы под Каневом, затем на подступах к чехословацкому городу Брно, а до этого еще и вблизи венгерской реки Тиссы; свой последний КП он оборудовал рядом с киевским заводом «Большевик» — управление ДОСААФ.

Когда Жмаченко опасался в 1921 году взять на себя роль комиссара 56-го полка 7-й стрелковой дивизии, начальник политотдела, подбадривая будущего политработника, сказал: «Поверь мне, Жмаченко, душа у тебя комиссарская. Ведь я уже присмотрелся к тебе».

Эта комиссарская душа всегда бодрствовала у «бедняцкого паренька из глухого полесского села»: и когда он

в качестве хозяина и души войск вел свою армию на железобетонные твердыни Восточного вала гитлеровцев, и когда собирал раздробленные группки активистов в мощную шестимиллионную армию украинского ДОСААФа. У того, кто знал, что самое главное — это быть полезным другим. У бывшего поденщика на железнодорожных путях, которого самый человечный строй в мире, советский строй, наподобие мощного ракетоносителя, вывел на высшую полководческую орбиту...

Когда в 1917 году на берегах Прута во фронтовой обстановке в ленинскую партию принимали молодого понтонера Жмаченко, наводившего под огнем врага зыбкие переправы через реку, он мечтал о том, чтобы строить длинные и широкие, крепкие и величественные мосты, по которым трудовой люд будет шагать из своего тяжкого прошлого в светлое будущее. По этому длинному и широкому, крепкому и величественному мосту шагали, шагают и будут шагать одухотворенные поколения советских людей.

Не все ведь выдержали перегрузки... Был прежде всего дьявольский натиск фашистских полчищ, огонь их автоматов, танков, минометов, «мессершмиттов»... Был сложнейший комплекс очень суровых и необычных обстоятельств первого периода войны. Жмаченко все эти испытания выдержал до конца. Не зря же он внес в свои записи: «Радостей у меня было немало, но переживаний куда больше...»

Радости не вскружили ему головы, переживания не вышибли из седла. Честь и хвала воину-ленинцу! Честь и хвала человеку, многие и многие годы шагавшему с высоко поднятой головой тропами грома и огненных бурь.

«ЛОРД КАЗНАЧЕЙСТВА»

(ЯКОВ АЛЕКСЕЕВИЧ ХОТЕНКО)

Мое повествование о героическом и неповторимом 1919 годе будет неполным, если не расскажу еще о двух невероятных встречах... Об одной встрече с легендарным героем гражданской войны поведаю теперь впервые...

13 декабря того года меня с моим ординарцем задержал конный патруль на улицах только что освобожденного Харькова. Дело было так. 42-я дивизия — девять стрелковых полков, два конных, один полк черноморцев (морская пехота) — гнала беляков от самого Ельца к Черному мо-

рю. Гнала во всю прыть. Гнала с севера на юг уже больше месяца. Отмахать всего-навсего полсотни верст на запад — и Харьков... Мне разрешили сделать этот бросок. В городе могли бы мне сообщить кое-что о моих родных. Ведь беляки зверствовали...

За шесть часов ходу мы достигли цели. Город был лишь на рассвете освобожден от золотопогонников. Никто не обращал на нас внимания. На окраине в какой-то кузне подтянули подковы лошадям. Ведь как гнали... С Московской свернули через площадь в центральную пожарную команду. Был смысл — если не саква с овсом, то рептухи с сеном всегда там найдутся. Ординарец остался при лошадях, я двинул на Сумскую. Нашел знакомых, от них узнал все, что меня интересовало. Переночевал, пошел в пожарную. Подседлали, тронулись в обратный путь. Но не проехали и полверсты — дозор. Его всадников смутили наши офицерские, черные, из отборного каракуля папахи с белым верхом, а на нем перекрестье из золотой канители — «дар» богатых цейхгаузов Деникина...

А более всего смутил красных конников мой спутник Джангирей Сиддиков. Ведь всего лишь два дня назад полки Примакова вместе с латышами комбригов Ваньяна и Стучки вели тяжелый бой не на жизнь, а на смерть с белочеченской конницей.

Привели нас в гостиницу «Красная», рядом с главным собором. Старшо́й, паренек с большими серыми, но отнюдь не сердитыми, а какими-то любознательными глазами, доложил, что задержал подозрительных кавалеристов: «Лопочут по-своему. Не из той ли это контры, которую позавчера секли под Мерефой?» Судя по фотоснимку, чудом сохранившемуся с той поры, задержанных вполне можно было посчитать за башибузуков...

Допрашивали нас в штабе Примакова строго. Иначе и быть не могло. Мое удостоверение долго мяли в руках... Были предложения обыскать подозрительных по-настоящему. По всем правилам. А более всего напирали на Сиддикова, очень слабо владевшего русским языком. И впрямь — не чеченец ли из горской конницы генерала Улагая?

Сразу же, как только нас ввели в шумный штаб, узнал я в старшем командире того всадника, которого во главе кавалерийской колонны увидел в самом начале января. Дал объяснение. Прищурив глаза, Примаков спросил: «Не помните, какие части еще проходили тогда через ваше село?» После моего ответа он подкинул ультракаверзный

вопросик: «Тогда вы, надо полагать, запомнили, кто из них был бородатый — командир или же комиссар полка?» После краткого замешательства последовал ответ: «Оба были с бородами...»

Нас отпустили. Но тот паренек с любознательнейшими серыми глазами не зря говорил в штабе Примакова: «Они все время лопотали по-своему». Дело в том, что Джангирей Сиддиков беспрестанно обучал меня своему родному башкирскому языку... Обучал он меня и на обратном пути к своей части. И тогда на центральной площади Харькова он все повторял: «Запомни, ибташ комсар (товарищ комиссар). Бир отны, бир отны, бир отны...»

«Бир отны» — значит «дай коня»...

Свою неудержимую шахтерскую конную бригаду, в которой в ту пору я служил комиссаром первого ее полка, мы нагнали лишь в Славянске. Допрос в гостинице «Красная» занял не один час. А каждый час — это восемь — десять километров ходу... Настигая наших, довелось выжимать из лошадей все, что они могли дать...

Была и вторая серия встреч с одним из тех действующих лиц, весьма и весьма любопытная...

Отдыхали мы с женой в 1975 году в военном санатории Архангельское, под Москвой. Половину этой бывшей барской юсуповской усадьбы сейчас занимает богатейший в Советском Союзе музей.

Позвонили из Москвы — будет отмечаться юбилей председателя Московского Совета ветеранов Червонного казачества товарища Хотенко. Как не поехать? В Доме Советской Армии собрались боевые друзья. Среди них питомцы Примакова — Маршал Советского Союза Петр Кириллович Кошевой, генерал армии Михаил Ильич Казаков... Раздавались очень теплые слова приветствия в адрес юбиляра, когда-то помвоенкома первого полка. В своем слове я предложил чествовать бывшего в недавнем прошлом... «лорда казначейства» Советских Вооруженных Сил... Это «звание» так и закрепилось за нашим боевым товарищем. Но, увы, ненадолго. В конце 1976 года не стало нашего «лорда казначейства».

В свое время, получив надлежащее высшее образование, генерал-лейтенант Хотенко ряд лет возглавлял Главное финансовое управление Советской Армии. И ныне оно доверено питомцу Червонного казачества — генерал-полковнику Дутову Владимиру Николаевичу.

Там, в Доме Советской Армии, после чествования юбиляр подошел ко мне: «Мы квиты... Полста лет назад

я вас сделал белочеченцем, а вы меня сегодня возвели, подумать только, в кого? В лорды! Хорошо еще — не в лорда Чемберлена...»

И генерал, у которого лишь теперь я обнаружил огонек стойкой любознательности в больших серых глазах, по-дружески пожал мне руку.

Закончил свое слово Яков Алексеевич Хотенко так: «Иди знай, что ты хватаешь на улицах только что освобожденного Харькова будущего летописца Червонного казачества... Подумать только...»

Такой была вторая серия наших встреч со славным и боевым ветераном красной конницы, с «лордом казначейства» Советских Вооруженных Сил...

ВСТРЕЧА В МОСКВЕ

(ИВАН ПАВЛОВИЧ ТУРЧИН)

Меняется время, меняются и пропорции. Ныне пресса сообщает о фактах и событиях, в которых приводятся данные о миллионах тонн и миллиардах пудов хлеба. А было время... 6 июня 1920 года «Правда» писала всего лишь об одном вагоне белой муки. О том вагоне белой муки из захваченных у Деникина запасов, который из Мелитополя был отправлен бойцами 6-го полка червонных казаков в Москву. «Подарок принят с глубокой благодарностью, и мука немедленно была распределена между рабочими» — так заканчивалась заметка.

Об этой акции, свидетельствующей о первых ростках ленинской дружбы народов, вспомнили собравшиеся 13 апреля 1974 года в Музее Советской Армии ветераны Червонного казачества — москвичи.

Да, меняется время, меняются и пропорции. Это верно не только в отношении материальных ценностей, но и тогда, когда речь идет о судьбах людей.

Вел то собрание, насыщенное до предела эмоциями, генерал армии Михаил Казаков, возглавлявший войска, которые играли существенную роль в деблокаде мужественного Ленинграда. До недавнего времени он стоял во главе штаба войск стран Варшавского договора. Полвека назад Казаков был комиссаром 12-го полка червонных казаков.

Пришел на встречу Иван Крылов, закаленный в классовых боях питомец «Трехгорной мануфактуры», потом-

ственный ткач, первый обнаруживший в юном казаке Овчаренко талант будущего прекрасного поэта, друга Есенина — Ивана Приблудного. Рядом с ним за зеленым столом конференц-зала музея сидел генерал-лейтенант Яков Хотенко. В конном войске Примакова командиром батареи был и участник встречи Иван Стрельбицкий, генерал-лейтенант.

Входят в московскую группу и маршал Петр Кошевой, бывший старшина сотни 2-го полка, маршал Иван Пересыпкин, бывший политрук сотни 2-го полка, генерал-полковник Константин Грушевой, в прошлом линейный (рядовой) казак 1-го полка червонных казаков, академик Исаак Минц, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, бывший комиссар корпуса Червонного казачества.

О мутационном свойстве пропорций говорит и яркая жизнь автора мемуаров, которые пока еще только пишутся. До начала собрания подошел ко мне, добродушно улыбаясь голубыми глазами, довольно плотный седоголовый человек: «Я вас, нашего комбрига, сразу узнал. А меня не помните?» Оказывается, полвека назад он служил линейным казаком 7-го полка в Изяславе. Заметно волнуясь, он вспомнил, как их, совсем еще зеленых бойцов, немилосердно шлифовали командиры.

Зато эта школа необыкновенно строгой боевой выучки пошла впрок тем, кто сам получил в свои руки бразды...

Тут М. И. Казаков заявил: «Записался у меня и генерал-лейтенант авиации Турчин». И это был мой собеседник — голубоглазый генерал.

Недавно пришло письмо из Москвы. Иван Павлович Турчин прислал мне отрывок из своих пока еще не опубликованных воспоминаний:

«С детства я любил лошадей, тяготел к кавалерии и стремился получить образование, чтобы стать профессиональным военным. Много моих односельчан в годы гражданской войны сражались в рядах Червонного казачества, и моей мечтой было тоже попасть туда. Но моему году служить лишь через пять лет. Набравшись смелости, послал письмо прямо командиру корпуса Виталию Марковичу Примакову с просьбой принять меня в казаки.

Видимо, в своем письме я с такой юношеской страстью изложил свою заветную мечту, что вскоре получил положительный ответ. В то время в 7-м полку червонных казаков служил мой друг, комсомолец Михаил Наприенко (потом председатель Ахтырского горсовета). К нему я

и направился. Здесь и началось мое воинское воспитание. Всю жизнь я с глубоким уважением вспоминаю моих первых воспитателей: командира 2-й сотни Домейло, его помощника Сланова, будущего генерала, крепко громившего фашистов, командира полка Курышкина, а затем Андрианова...

Всеми средствами и способами нам прививали политическую сознательность, вырабатывали смелость, кавалерийскую лихость, мастерство управления конем и владения оружием. Способность не теряться в любой обстановке.

Припоминается случай, происшедший на первых порах моей службы.

На одном из учений наш полк, скрытно двигавшийся долиной реки Горынь, с ходу должен был выброситься из долины на высокий и крутой берег и развернуться для сокрушительной атаки «противника». Мой конь уже зацепился передними копытами за приступок, еще рывок — и мы наверху. Но сыпучий грунт не выдержал нагрузки — мы неудержимо покатились вниз, я через коня, конь через меня... На исходной точке мы имели жалкий вид — конь дрожит, седло сползло под его брюхо, моя гимнастерка порвана, сломана пика. Скандал!

Вдруг сверху доносится голос: «Казак, живой?» Я встрепенулся: «Живой, товарищ командир бригады!» И тут же поступает твердая команда: «Тогда пробуй еще раз. Повторить подъем!»

Успокоив перепуганное животное и поправив седло, я забрался на своего верного гнедка. Снова стал форсировать крутизну. А сверху идет команда за командой: «Корпус вперед!», «До отказа корпус вперед!», «Держись за гриву!», «Брось повод — конь сам выберется!»

Потом вместо взбучки я услышал похвалу — это сразу сняло всю боль в теле. Подобрав поводья, я бросился догонять свою сотню.

Так закладывались основы полевой выучки казаков под командованием прославленного конника Виталия Марковича Примакова».

Да, питомцы мудрой школы Примакова достойно заняли места своих славных наставников и значительно их превзошли. И тем самым подтвердили, что с изменением времен меняются и пропорции. Только при этом условии, при этой неотвратимой диалектике и возможна была чрезвычайно нелегкая и решительная победа над коварным врагом...

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

(СТЕПАН ФЕДОРОВИЧ ШУТОВ)

Идут года... Многое и многое забывается. Но есть дела, которые прочно хранит наша память.

В 1936 году командующий войсками Киевского военного округа, обращаясь к танкистам молодой 4-й отдельной тяжелой бригады, сказал:

— Вам оказана великая честь — танкам прорыва предстоит прокладывать путь войскам... Война есть война. Если кое-кому и придется круто, он должен твердо помнить, что своей одной жизнью он сохраняет жизнь тысячам советских бойцов. Вот что значит «танки прорыва»...

Труд воина аналогичен труду хлебороба: что посеешь, то и пожнешь. Воин сеет в мирное время, а жатву собирает во время войны.

В июле 1936 года собрали в Киеве высший командный состав округа. Готовя войска к смертельной схватке с коварным врагом, наш командующий в те мирные дни сам не ведал покоя и не давал покоя другим.

На Сырце 4-я тяжелая танковая бригада демонстрировала Сбору прорыв укрепленной полосы. Это было поучительное и эффектное зрелище! Показывали высокому начальству и преодоление тяжелым танком полосы надолбов.

Командование бригады, учитывая серьезность и трудность задачи, долго выбирало кандидатуру водителя танка.

И вот наступила долгожданная минута. Танк «Т-28» сорвался с места. Его правая гусеница на миг уткнулась в выступ метрового надолба — машина дала рискованный крен влево. Но уже левая гусеница налетает на дубовый пень — и вновь обретается потерянное равновесие. И так с надолба на надолб, с зверским ревом мотора, звоном гусениц, танк, управляемый умелой рукой, как утлый челн на волнах разбушевавшегося океана, мчался вперед через всю зону заграждения. Казалось, что он не двигается по макушкам надолбов, а летит в воздухе...

Затаив дыхание, с замиранием сердца следили за этим небывалым спектаклем зрители. Среди них были люди, кое-что повидавшие на своем веку,— прославленные военачальники, командиры корпусов Борисенко, Сидоренко, Демичев, Григорьев, Антонюк, Криворучко, Гермониус, заместители командующего Фесенко, Тимошенко...

Вот и последний надолб остался позади. Тяжелый танк, который в неумелых руках безусловно врезался бы башней в землю, прекратил свой бешеный полет. Мягко урча мо-

тором, остановился у черты, где собрался высший командный состав округа. Загремел люк. Из танка, улыбаясь (правда, из-под пробкового шлема сочилась кровь), выскочил высокий, плечистый командир. Его встретили бурей аплодисментов.

Водителем танка был командир роты Степан Шутов.

Командование бригады не ошиблось в выборе кандидатуры... У него были свои соображения. Как были они и у командования войсками спустя семь лет, в 1943 году, когда оно поручило полковнику Шутову первым со своей танковой бригадой ворваться на плечах врага в нашу прекрасную столицу...

И с этой задачей, как и с полосой надолбов, полковник Степан Федорович Шутов блестяще справился. Что посеешь, то и пожнешь...

Затем Степан Федорович сменил меч на перо. Его книга «Красные стрелы» уже стала достоянием широких масс, другую вот-вот получит советский читатель.

Две Звезды Героя! В их лучах сияет не только подвиг танкиста. В них горит слава советского народа, из толщи которого выходят изумительные наши герои, горит слава ленинской партии, воспитавшей их.

СТАЖЕР ИЗ ФРАНЦИИ

(ЛУИ ЛЕГУЭСТ)

Неожиданный гость из Франции появился в Чугуевском танковом лагере летом 1935 года. Сразу же после подписания советско-французского договора о взаимной помощи. Генеральный штаб дружественной страны, интересуясь боевой мощью партнера, направил в Советский Союз (на взаимных началах) группу офицеров-генштабистов. Среди них был и танкист Луи Легуэст.

В части 15—15 ТРГК (танки резерва Главного командования) представителя французской армии приняли как дорогого гостя. Получив в товарищи офицера Некрасова, Легуэст с его помощью старательно изучал наших людей, наш быт, наши нравы, нашу тактику и оперативное искусство, нашу передовую технику.

Всегда элегантный, подтянутый, и в парадном кепи и в чуть промасленном повседневном берете, без назойливого любопытства, проявленного иными иностранными стажерами, парижанин сразу пришелся по душе всем нашим воинам.

Мадам Легуэст, владелица крупной макаронной фабрики в Версале, воспитала отнюдь не белоручку. Три месяца французский генштабист аккуратно посещал все командирские занятия в классе, на танкодроме, в поле. Когда приходил его черед, он забирался в боевую машину и ловко водил ее через сложные препятствия танкодрома.

Легуэст искренне радовался союзу наших армий, рассматривая его как гарантию безопасности его родины, на пороге которой уже бряцал мечами гитлеровский вермахт. Комбатант первой мировой войны, он не мог без негодования говорить о возрождавшемся под знаменем свастики воинственном пруссачестве, каннибальские песни которого все громче и громче доносились из-за Рейна.

Парижский гость очень тепло отзывался о советском военном атташе во Франции комдиве Венцове, высокоэрудированном человеке и горячем поборнике союза со страной Вольтера, Гюго и Жан-Жака Руссо.

Легуэст поразил наши солдатские сердца своей естественной скромностью, простотой, большим тактом, благородством поступков и суждений, пониманием важности франко-советского пакта для судеб Европы и всего мира. И наши танкисты крепко подружились с французским стажером, несмотря на разность идеологий,— объединявшее их было сильнее того, что их разъединяло...

Не только взрослые отдали свои симпатии человеку, прибывшему к нам, на берега Донца, с берегов далекой Сены. К нему льнули малыши из детского сада, которых он завоевал не щедрыми гостинцами, а чисто французской сердечной нежностью.

После одного ночного изнурительного учения по форсированию водных преград пастухи и доярки Чугуевского молочного совхоза выставили на выгон столы, устроили представителю союзной армии восторженный прием. Прием с парным молоком, свежим маслом, горячими паляницами и не менее горячими речами..

Тронутый неожиданным полевым банкетом, француз извлек свой бумажник. Хозяева дружно замахали руками. Крайне удивленный гость, будучи все же сыном макаронной фабрикантши, не без растерянности развел руками: «Дружба дружбой, а кошелек кошельком...»

Легуэст искренне восхищался советской передовой тактикой, оперативным искусством, требовавшим от танковых войск смелых и автономных действий и на поле боя, и на оперативном просторе. Французский друг с восторгом отзывался об искусных водителях боевых машин: «С та-

кими кондукто́рами можно атаковать и твердыни анфера (ада)...»

В конце лета того же года в Больших Киевских маневрах приняли участие, наряду с генералами Италии и Чехословакии, также и репрезентанты Франции: замначальника генштаба Луазо, полковники Мандрос, Лелонг, Раматэ, Симон и наш стажер Легуэст. Важный генерал из Парижа благодарил Советское командование за теплый прием, оказанный стажерам-генштабистам в пехоте, в артиллерии, в авиации, в танковых войсках.

Приглашая меня в гости к французским танкистам, он крепко пожал мою руку за внимание к Легуэсту. Тогда же в присутствии комдива Венцова он сказал, что для форс милитэр (вооруженных сил) Франции весьма и весьма пригодятся наблюдения и выводы, сделанные стажерами.

Думается, что выпущенный после этого в Париже солидный труд полковника де Голля, требовавший от танковых соединений смелых и решительных действий, учел и наш, советский опыт.

После Киевских маневров генерал Луазо заявил корреспонденту «Правды»: «С истинно дружеской откровенностью высшее военное командование Красной Армии показало нам ее жизнь и работу... Ее моральный уровень и физическое состояние достойны восхищения... Подобного мощного, волнующего, прекрасного зрелища я не видал в своей жизни... И со стороны гражданских органов мы встречали самое дружеское отношение. В этом я вижу лучшее доказательство искренних симпатий народов Советского Союза к моей стране...»

Вскоре председатель французской палаты депутатов Эдуард Эррио, призывая к ратификации франко-советского договора, сказал с высокой трибуны: «С полным основанием крупнейший специалист генерал Луазо, посетивший Советский Союз, заявил, что Красная Армия является одной из наиболее мощных армий в Европе».

Договор палата депутатов тогда ратифицировала, но и враг не дремал. Потом, увы, победили не взгляды Эррио и не взгляды его единомышленников. Усилиями тех французов, чьим девизом было: «Лучше всю жизнь с Гитлером, нежели один день с Советами», жизненный для Франции пакт был торпедирован и сорван. И то, что увидели в Красной Армии стажеры, что увидели и постигли они у своих искренних друзей, у советских воинов, не нашло себе применения в боях форс милитэр против их традиционного врага.

На полях Франции, вытеснив и сокрушив зарекомендовавшие себя еще в первую мировую войну французские шар д'ассо [1], загрохотали и зачадили гитлеровские кампфвагены [2].

Мы, ветераны 4-й отдельной Киевской тяжелой танковой бригады, давшей двух дважды Героев Советского Союза — полковника Степана Шутова, генерал-лейтенанта Захара Слюсаренко — и мужественного сталинградского парламентера-переводчика Миколу Дятленко, твердо убеждены, что ни Луи Легуэст, ни его друзья не были среди тех, кто этому радовался...

Когда фашистские изуверы нахально и вызывающе распевали на берегах Сены: «Француз должен сдохнуть, чтобы немец мог жить», принеся эту гнусную песенку с берегов Рейна, и своим истинно отвратительным прусским шагом осквернили священные камни Пляс де ля Конкорд, один из крупных деятелей решительно порвал с Петэном. Но начатая им борьба не шла ни в какое сравнение с широкой волной Сопротивления, которое возглавили коммунисты.

Прошло более тридцати лет со времени разгрома разбойничьего вермахта, а оживший реваншизм, широко разинув пасть, рычит и в сторону Востока, и в сторону Запада. Мы говорим: жить — это значит трудиться и созидать. Реваншисты рычат: жить — это значит убивать и отнимать. Ведь один недобитый фашист страшнее десяти небитых...

В дни больших ожиданий и не менее больших надежд ветераны танкисты вспоминают своего друга, гостя из Франции мосье Легуэста и его товарищей — участников Больших Киевских маневров осени 1935 года. Ведь тяжкие испытания прошлой войны не поколебали, а еще больше укрепили добрые чувства свободолюбивой Франции к советским людям, к советскому народу и его стране.

Высокие встречи в Париже... В связи с этим хочется вспомнить слова того француза, который в грозное для судеб его родины время сказал свое «Нет!» в адрес генерала Петэна и его подпевал: «К общему несчастью, слишком часто на протяжении столетий на пути франко-русского союза встречались помехи или противодействия... Тем не менее необходимость в таком союзе становится

[1] Танки *(франц.)*.
[2] Танки *(нем.)*.

очевидной при каждом новом повороте истории» (Шарль де Голль, «Военные мемуары»).

В моей памяти возникла тревожная обстановка тех незабываемых лет. Спустя десятилетия сравниваю ее с нынешней. С удовлетворением отмечаю, что если то было время ожидания неминуемой войны, то сейчас это время твердого упования на мир, на мирное сосуществование, на необратимую разрядку, для чего, собственно говоря, и осуществляются, к радости всех добрых людей на земле, эти обнадеживающие высокие встречи.

МАСТЕРА

РЫЖИЙ КОНСУЛ

(ИВАН ЮЛИАНОВИЧ КУЛИК)

Еще в пограничных губерниях звенели клинки и гремели выстрелы гражданской войны, когда Ивана Кулика послали за рубеж представлять молодую Республику. Годами совсем зеленого — в возрасте большинства деятелей героической ленинской эпохи.

Туда, за океан, в первый раз он попал еще юношей до революции в поисках куска хлеба.

За светлую шевелюру, отливавшую золотом, в кругу близких друзей в глаза, а вне этого круга — за глаза его незлобиво, можно сказать, даже ласково называли «рыжим консулом».

Дипломат-самоучка не обижался. Напротив — ответом на панибратский эпитет была располагающая полусмущенная, полулукавая улыбка на добром интеллектуальном и не всегда безоблачном лице...

Природа создала человека борцом. На извечное единоборство толкает все живое сама жизнь, а человека в первую очередь. Примитивы борются лишь за существование, а гражданину этого мало. Он не может мириться с неправдой, с неравенством, с неволей. Он ополчается против сил чванства, высокомерия, заносчивости, барства, рвачества, лихоимства. Он восстает против неоправданных привилегий, против излишества, против низкопоклонства и угодничества, против подхалимства и идолопоклонства, против раболепия и обожествления себе подобных. Насто-

ящий человек борется за истину и добро против сил тьмы и невежества.

Есть борцы передового и борцы второго эшелона. Второму эшелону не легче, чем первому, а порой и труднее. Есть силы, предназначенные закреплять победу, а есть аванпосты, которые принимают на себя первый огонь.

Человек, о котором пойдет речь, не мыслил себе жизнь вне этих аванпостов. Безразлично — боролся ли он в рядах американского рабочего класса в качестве рядового труженика. Внедрялся ли он в гущу разъяренных гайдамаков, чтобы жгучим ленинским словом звать их на истинный путь. Вел ли он свой красногвардейский отряд против кайзеровских клиньев. Переступал ли в качестве деятеля Галревкома Збруч — эту разделявшую два мира черту. Сидел ли он в логове буржуазии в качестве воинствующего консула первой в мире Советской Республики. Находился ли он во главе литераторов Украины, ее мужественных солдат пера.

Иван Кулик был прирожденным борцом аванпостов. В рабочей тройке, повседневно занимавшейся писательскими делами — Иван Микитенко, Иван Кириленко, Иван Кулик,— этот, названный здесь третьим, в силу богатого политического опыта и своей душевной структуры занимал ведущее положение.

* * *

В один из летних дней далекого 1921 года прискакал к нам от комбрига Багнюка из Уланова гонец. Он передал распоряжение немедленно вывести в поле наш 7-й полк, головной полк Черниговской дивизии. Такие распоряжения мы получали в то время часто.

На сей раз с комбригом Багнюком, его замполитом Карпезо пожаловали начальник дивизии Шмидт, командир корпуса Примаков, комиссар Минц и в штатском платье небольшого роста всадник.

По рыжеватым усам и небольшой бородке клинышком, по украинской рубахе с вышитой манишкой, по кепке-шестиклинке нетрудно было узнать этого товарища. Ивана Кулика в Червонном казачестве уважали все. Его имя вызывало в памяти грозные декабрьские дни 1917 года. Иван Кулик потом вспоминал: «Вообще интересное было время. В Харькове находилось Советское правительство, а рядом еще существовали органы мелкобуржуазной Цен-

тральной рады, выходила шовинистическая газета и даже стояли вооруженные военные части рады».

Хотя большая часть гарнизона шла за большевиками, были в нем, к сожалению, и обманутые петлюровской пропагандой. В большой политике бывают такие мгновения, когда вопрос решается не острым штыком, а метким словом. Тем более в такое сложное время, когда сердца людей жгут в одинаковой мере и истина и ложь.

В ту крутую пору, когда надо было правдивым ленинским глаголом ожечь сердца гайдамаков, партия остановила свой выбор на двух молодых своих бойцах. Молодых годами, но не житейским опытом. Виталий Примаков уже отведал царской каторги, а Иван Кулик — далекой эмиграции. Двадцатилетний Примаков уже успел побывать и на II съезде Советов, слушать там Ленина, штурмовать Зимний и отражать красновцев на Пулковских высотах. Мало того — оба рвались в поэзию. Но не оба прорвались к ее светлым вершинам.

На Москалевке, куда направились эти пропагандисты ленинского слова, поднятые ночью гайдамаки одного из батальонов вмиг опустошили пирамиды с оружием. И бывают такие моменты, когда агитатор должен взять на себя миссию воеводы. Боевая единица не терпит двоевластия. Ей нужен единоначальник. Таковым в тот миг стал Примаков. В написанных для сборника «Червонное казачество» 1923 года воспоминаниях поэт сообщает: «Сам Виталий не падал духом, подбадривал солдат, и постепенно они попали под его влияние. И уже все смотрели на него как на начальника... Засерел рассвет. 2-го украинского полка Центральной рады уже не было. Зато по городу марширoвал вновь сформированный из его бывших солдат Первый курень Червонного казачества».

И это был решающий миг, когда судьба определила одному из молодых борцов партии стать не лириком, а полководцем, создателем и вожаком боевой конницы Советской Украины.

Многие из наших старших товарищей помнили Ивана Кулика и в другой роли. Это когда он вместе с витязями молодой Советской Украины взялся за организацию отпора кайзеровским железным полчищам, которым путь к Днепру прокладывали недавно лишь изгнанные с Украины петлюровские атаманы Оскилко, Греков, Петрив, Натиев.

В историю гражданской войны крупным планом вошли многие имена, которые особенно зазвучали с наступлением

светлой поры натиска. А раньше, в жестокую пору исхода, народ знал мужественные имена первых его витязей — командиров наспех созданных красногвардейских отрядов: Ворошилова, Жлобы, Пархоменко, Кулика.

Это их имел в виду бывший главком Украины В. А. Антонов-Овсеенко, когда писал в 1923 году: «Тяжка, неравна была борьба наших красных отрядов с немецкими корпусами. Вы честно, доблестно держались в этой борьбе. Вы продолжали эту борьбу и тогда, когда многие в унынии сложили оружие...»

Боевой отряд будущего консула собственной и вражеской кровью отметил тяжкий путь отхода из-под Киева до таганрогских степей. Не раз вел своих красногвардейцев в яростные атаки против великолепно вымуштрованных баварских кирасиров и прусских гренадеров Кулик — этот невоинственный с виду человек, созданный природой для того, чтобы блистать высокоэмоциальными поэтическими строками, а не повелевать неуклюжими пехотными цепями.

Ивана Кулика, славного борца аванпостов, не было среди тех, кто в унынии сложил оружие. Напротив...

И неудивительно, почему так тепло встретили тогда на сальницких полях этого с большим богатырским сердцем и неказистого роста товарища. Как говорят: мал золотник, да дорог...

В Сальнице наши воины, показывавшие тогда строевое кавалерийское и казачье учения, старались вовсю, ибо хорошо знали роль Ивана Кулика в зарождении первой боевой единицы Червонного казачества.

Трибун тогда не строили, и начальство вместе с гостем наблюдали прямо с коней за учением, за перестроениями и атаками, а затем церемониальный марш полка на разгоряченных от усиленной гонки конях. Поднятая тысячами копыт густая пыль не давала дышать, но это ничуть не ослабляло интереса гостя к необычному зрелищу.

Каждому бойцу было любопытно поближе увидеть того, кто четыре года назад вместе с Примаковым, создателем и признанным вожаком украинской конницы, бесстрашно проник во вражеское логово, чтобы не силой огня и угрозами казней, а лишь огнем правдивого слова и непоколебимой верой в истину оторвать от гайдамацтва его лучший курень.

Наши люди старались изумить гостя тонкостями казачьего искусства. От околицы Сальниц до самого горизонта по скошенным, тогда еще единоличным полям раз-

летались линейные сотни, заполняя своими разомкнутыми лавами всю территорию. По немому взмаху клинка полк, эта весьма видная для противника мишень, вмиг исчезал. Всадники, не слезая с седел, ловко клали своих коней и сами с винтовками у плеча устраивались для стрельбы лежа. И снова по взмаху клинка все оживало, становилось на ноги и, послушное команде, группировалось во взводы и сотни, чтобы компактной или разомкнутой массой с криком «Ура!» или с казачьим свистом обрушиться на «врага».

После высказанной Примаковым благодарности дали слово Кулику. Вот тут-то он и проявил себя во всей силе искусного оратора. Он рассказал нашим людям, среди которых было много ветеранов, а еще больше молодых казаков, о тех тяжелых минутах во оре Москалевских казарм. Вспомнил он и тяжкие дни отступления весны 1918 года. Они с Примаковым вели красногвардейские отряды на штурм Бахмача, занятого уже немецкими оккупантами и гайдамаками. Много захватывающего было в его рассказе об освободительном походе 1920 года в Галицию. Не без улыбки поведал он, как в последнюю минуту Галицийский ревком был спасен червонными казаками, преградившими путь Тютюннику на Тернополь — тогдашнюю столицу Галичины.

Как на последнем заседании Галревкома Затонский пробирал некоторых товарищей за то, что прозевали Тютюнника, хотя на вывеске одного учреждения и были нарисованы ухо и глаз со строгим предупреждением: «Око баче, вухо чуе!»

Не только о прошлом были его слова. Прибыв из столицы, он хорошо знал ситуацию. На Волге уже вовсю бушевал голод, сильный недород поразил юг Украины. Враг это учитывал.

Оратор как бы в благодарность за великолепное, как он сам сказал, зрелище не поскупился на добрую речь. Говорил он нам о том, что не только командир корпуса Примаков, не только Демичев и Шмидт — начдивы обеих дивизий, не только комбриг улановской бригады Багнюк и его командиры полков постарались, но постаралась и наша Советская власть, постаралась мудрая ленинская политика. Нэп уже дал свои плоды. Его, Кулика, душа радуется. Что еще недавно было тут? На Подолии, которую семь лет топтал то сапог царского солдата, то подкованный каблук кайзеровского пехотинца, то французский башмак пилсудчика, то юфтевый чебот гайдамака? А сейчас, в это

первое за семь лет тихое лето, селянин поднял упавший тын, заново осоломил крышу, не таясь, обмолотил богатый урожай.

Кулик знал, что основой полка были хлеборобы — внуки и сыновья хлеборобов.

Как-то в одной из бесед, несколько лет спустя, мы вспомнили слова: «Мировой пожар в крови, господи, благослови!» Мой собеседник при этом подчеркнул, что не только революционно-сознательный класс — пролетариат — рвется в священный бой с буржуазией, но вместе с ним, с пролетариатом, идут в бой за идеи марксизма миллионы обездоленных, не знающих, кто такой Маркс. Попы веками учили их надеяться на бога, и потому, взявшись за оружие, они, как это тонко подметил гениальный Блок, взывают: «Господи, благослови!»

Наши казаки, хотя среди них была и значительная прослойка донбассцев, не принадлежали к пролетариату, но, хорошо уже зная Маркса, шли вместе с пролетариатом под знаменами марксизма, не призывая на помощь господа бога.

Тогда, под Сальницей, оратор сказал: если с этого года наша держава будет брать только норму, то иным селянские закрома давно уже не дают покоя. И чем богаче урожай, тем сильнее те поползновения. Там, за Збручем, в отелях Львова и Тернополя, доедают запасы деятели гайдамацтва. А их воинство голодает в огороженных проволокой «гостиницах» пана Пилсудского, в вонючих лагерных бараках. Для наемников панские цейхгаузы были раскрыты широко, но не для нахлебников. А теперь богатым подольским урожаем воеводы пана Пилсудского и паны атаманы волнуют рядовых гайдамаков. Обещая легкую победу, кличут их на новые авантюры.

Кулик звал нас к бдительности. К постоянной готовности. И это было сказано не на ветер. Как раз 7-му полку пришлось спустя четыре месяца схватиться на полях Подолии с пришедшей из панской Польши крупной бандой полковника Палия. Эта встреча стоила немало крови. И быть может, ее, той крови, было бы еще больше, если бы Иван Кулик и иные партийные агитаторы своим набатным словом не делали глаз бойца зорче, слух острее, сердце яростней...

Во время того непланового смотра случилось событие, чуть не переросшее в ЧП. После показа учения казачьей лавы, связанного с кладкой лошадей, Примаков дал

команду полку пройти мимо него на галопе во взводной колонне.

Сохраняя строй и равнение, промчались мимо командира корпуса и его свиты две сабельные сотни, шестнадцать боевых тачанок пулеметной сотни, затем третья и четвертая сабельные. Замыкала колонну пятая сотня (эскадрон). Сотник поднял обнаженный клинок для салюта, и тут случилось страшное. На полном галопе рослый дончак командира споткнулся и вмиг зарылся головой в стерню.

Для кавалериста выпасть из седла — это позор. Пятно на его служебной репутации. А вот лететь на землю вместе с конем, не разжимая шенкелей, это несчастье, но не позор.

Случись такое на учениях старой армии, тем паче на царских смотрах под Дудергофом, осталось бы от сотника и от его дончака мокрое место. Ибо конница тогда придерживалась девиза: «Порыв не терпит перерыва». Что требовалось на войне, того добивались и в мирное время. Да и неожиданно открывалась вакансия для первого кандидата в эскадронные...

Вот-вот скачущие на галопе все восемь линий сотни растопчут копытами своего командира. И это казалось неотвратимым. Зрелище не из приятных. Кулик от неожиданности на миг закрыл глаза рукой.

Но... летевший в десяти метрах за сотником командир головного взвода молниеносно среагировал на сложную ситуацию. На всем скаку осадил бег коня. Повернулся и засигналил клинком: «Повзводно налево кругом!» Обогнув на карьере колонну, повел ее назад, затем снова повернул и, подняв в галоп, в полном порядке, словно ничего не случилось, продолжал выполнять первоначальную команду командира корпуса. А за это время сотник и конь успели вскочить на ноги и занять свое законное место.

Надо было видеть, какой радостью зажглись повеселевшие глаза гостя. Все тогда легко вздохнули. Командир корпуса Примаков объявил благодарность находчивому командиру взвода — первому кандидату на пост сотника...

* * *

Этого человека, с душой витязя и со лбом мыслителя, нельзя было не уважать и не чтить. Говоря о его дипломатических талантах, я меньше всего имею в виду его амплуа консула, о чем он оставил весьма занимательные и поучи-

тельные записки. Его дар больше всего проявился, когда волею партии он стал во главе Союза писателей Украины.

Союз имеет в виду сообщество людей, воодушевленных единой целью, общими задачами, близкой всем идеологией.

Союз писателей, возглавленный Куликом, Микитенко, Кириленко, только что вобрал в себя все лучшее, что годами росло и воспитывалось во множестве литературных организаций республики. Вместе с творческим методом данной группы литераторы принесли с собой и дух, навеянный теми классовыми прослойками, чьи идеалы воспевали в своих творениях члены ВУСППа, «Новой генерации», Ваплите, «Плуга». Союз объединил всех однодумцев в их стремлении послужить верой и правдой трудовому народу. Но это не значит, что союзу, исключавшему возможность зарождения антагонизмов, были чужды противоречия.

Антагонизм всегда противоречия, но противоречия не всегда антагонизм. Вот великим искусством не допускать перерастания противоречий в антагонизм и обладал первый председатель Союза писателей Украины.

Само литературное творчество предполагает наличие в организации столкновения мнений, но не столкновения вер. И инакомыслящий — не инаковерующий. Между ними нельзя ставить знака равенства. Вот это хорошо знал Иван Кулик. Человек, понимавший, что без конструктивной полемики не может быть положительного, без лакировки, творчества. Хотя и в то время разгорались горячие дебаты между мастерами запретов и мастерами полемики.

И тогда партия призывала к консолидации творческих сил. Ибо всем было ясно, что беспринципные споры и бесконечные раздоры между работниками пера вызывали лишь бесцельную трату творческой энергии. Но Кулик не следовал за теми, кто понимал консолидацию как тишь и гладь и божью благодать. Тишь и гладь внизу, божью благодать — вверху.

Однажды, в 1933 году в Харькове, Кулик, говоря о заботах, связанных с подготовкой Первого съезда писателей, делился своими мыслями и тревогами.

Как говорится: иное время — иные птицы, иные птицы — иные песни. Но есть все же нечто общее между некоторыми песнями того и нынешнего времени... Известно — больше всего полны тревогой за будущее те, кто лишь вступает в жизнь. Тут и тревоги за личные судьбы и за будущее народа. Большое внимание Кулик уделял литературной молодежи.

Все дипломатические качества Кулика ощутимо давали о себе знать всякий раз, когда в едином союзе начинали оживать веяния, привнесенные из прежних литературных групп. И не только оттуда... И не только через эфир...

Однажды наша беседа с руководителем писательской организации Украины была связана с судьбой одной весьма своеобразной и необычной рукописи.

Иван Юлианович позвал меня к себе. Но не было ничего проще в те далекие и бесхитростные времена после телефонного звонка или даже и без такового завалиться на дом к любому из столпов писательского мира. Это не считалось амикошонством или невежеством. Напротив. Да и потолковать на работе можно было с любым и в любой день. И на дверях редакций литературных журналов не вывешивались расписания приемных часов.

Комнаты Союза писателей представляли собой сущий муравейник. Конечно — во второй половине дня.

Жизнь там била ключом. Сходились прозаики и поэты, критики и драматурги, единомышленники и инакомыслящие. Обменивались новостями, мыслями, спорили, дискутировали. Вели жаркие, незапланированные в секциях, но плодотворные полемики.

Убеждали, доказывали, но не оскорбляли. Словесный бой в одной группе нередко привлекал к себе всеобщее внимание. И писателей неудержимо влекло в свою штаб-квартиру на Каплуновской, 4. Не ждали ни пригласительных билетов, ни телефонных звонков.

Конечно, этот архаизм и патриархальщина не укладываются в нынешние понятия. Но общественная организация литераторов мало отличалась тогда от прочих наших институций.

Как раз работу, о которой велась у нас беседа, написал товарищ, над которым еще тяготел дух самораспустившейся «Новой генерации».

Иван Юлианович чувствовал это интуитивно. Но пекся равно о всех. Решил он позаботиться и о судьбе творения ума и рук писателя Гро Вакара.

Повесть Вакара об Иностранном легионе — этой африканской преторианской гвардии Франции, комплектовавшейся отбросами, авантюристами и пасынками судьбы всего земного шара,— не встретила теплого приема. Напротив...

Иван Кулик, ознакомившись с рецензиями «знатоков», пришел к выводу, что их отзывы и явились следствием незнания вопроса. Я же в ту пору делал первые шаги

в литературе и судить о художественных качествах поданной Вакаром вещи не мог. Все же Иван Кулик попросил меня оценить произведение глазами и меркой большевика и военного человека.

Там же, сидя на широкой тахте хозяина, я бегло ознакомился с многословными отзывами на работу Вакара. Их накопилось много. Известно — чем больше откликов, тем меньше шансов у произведения увидеть божий свет. Чего там только не было. И даже сожалений, почему Вакар не Фурманов, и почему он не Серафимович, и почему не Александр Фадеев.

А наш руководитель, хорошо знавший и литературу, и людей, ряд лет проведший в роли дипломата среди ненавидящих наш строй акул, наставляя меня, верно сказал, что есть вещи, о которых надо судить не эмоциями, а разумом. И повесть Вакара заслуживает того, хотя она и подает чужой и чуждый нам мир. Весь вопрос — с каких позиций автор его рисует.

Литература, как я понял из высказываний Кулика, это не плод усилий сверхчеловека, не дело рук каких-то воображаемых любимчиков воображаемых муз. Писательское перо, как и казачий клинок, не признает никаких фокусов. Лишь в умелых и трудолюбивых руках оно дает нужный результат.

Никакие радиорупоры, никакие славословия не могут восполнить отсутствия дарования и усердия.

В армейской операции ни один род войск сам по себе не может добиться успеха. Так не может быть и литературы, представленной лишь одним жанром. В ней каждый труженик пера трудится сообразно с дарованной ему «искрой божьей».

— И в том наша сила, советской литературы,— сказал Кулик,— что мы обогащаем и дополняем друг друга. Фурманов — это, разумеется, шедевр. И то, что написал он, не напишет Вакар. Но то, что нам рассказал, и довольно интересно, Вакар, не расскажут ни Фурманов, ни Серафимович, ни Фадеев.

Резон! И чем больше я тогда вчитывался в грозные и уничтожающие строки тех рецензий, тем явственнее напрашивался вопрос, высказанный мною тогда: «Почему это так? Рыбак, идя на берег, несет с собой лишь удочку; портной, взбираясь на верстак, держит в руке лишь иглу; парикмахер вертится у кресла лишь с бритвой в руке, а вот иной критик, приступая к делу, держит в одной длани перо, а в другой — финку...» Те рецензии резали Вакара

и его работу без ножа... И Кулик с этим не соглашался. Люди мерят ошеломившее их произведение старыми мерками. Однако сделанная «не по правилам» вещь действует, живет, побеждает, находит читателя. А состряпанная по всем правилам лежит на прилавках...

Та дружеская и теплая беседа с нашим чутким и тонким гидом надолго осталась в памяти. Не только как воспоминание о душевных глубинах руководителя, но и как вернейший компас для ориентировки меж хитроумных капониров нашего сложного литературного поля боя. Под углом зрения тех мудрых наставлений смотришь на ряд явлений и современности.

Это лишь горе-кузнец, строгая по живому, подгоняет копыто к подкове. Настоящий мастер, обливаясь потом, гнет подкову, подгоняя ее к копыту.

В те дни, когда достигнутая в нелегкой борьбе консолидация чуть пошатнулась, ожили прежние настроения. Руководству довелось держать ухо востро. Одних убеждать, другим напоминать об их гражданской и писательской ответственности, третьих деликатно призывать к порядку. Но вот одному поэту все мерещились чьи-то козни.

Иван Кулик, дороживший всеми поэтами, как-то сказал:

— Помните смотр под Сальницами? Страшно на полном галопе сорваться с копыток. И я все думаю о том сообразительном взводном, который предупредил катастрофу. Это я, и никто иной, обязан звонко скомандовать: «Повзводно налево кругом!» — и остановить грозу.

Поэта вырвали прямо из-под копыт. И это заслуга Ивана Кулика.

Настоящий критик-диалектик не станет оценивать произведение односторонне. Не станет на арифмометре подсчитывать, сколько раз автор упомянул слово «сияние». А прикинет своим добрым умом, сколько молодых душ книга призвала к высоким мечтам и большим подвигам.

Тогда, на квартире Кулика в харьковском доме «Слово», шла речь и об особом предназначении писателя. Он не только повествователь, не только рассказчик, не только историк. Вспомнили мы и одного деятеля древности.

Он не ходил в главных идеологах и поэтому, может, не стал академиком античного Рима. А между прочим, тоже был историком. И таковым останется в веках. Так вот Плутарх, вспомнили мы тогда, писал, что даже в самые

тяжкие времена функции народных трибунов не прекращались. Писатели и есть народные трибуны...

Нет единой интегральной свободы слова. Есть свобода слова, которая раздувает мнимые пороки коммунизма с тем, чтобы его повалить.

И есть свобода слова, которая показывает действительные пороки отдельных деятелей с тем, чтобы эти деятели стали еще более крепкими. Категорически отметая первую и полностью признавая вторую свободу слова, Кулик считал, что писатель-трибун должен во весь голос, помогая партии, не только славить великие свершения народа, но и бичевать тех, кто стоит на его пути.

А своеобразная и колоритная книга Вакара все же вышла в свет. В красочном, как и подобает книге об африканской экзотике, оформлении художника Еремеева она была выпущена под названием «Руми (это значит — европейцы, колониалисты.— *И. Д.*) режут арабов».

Повесть получила жизнь благодаря стараниям и мудрой поддержке Кулика. Не надо много ума и дальновидности, чтобы, охаяв произведение в готовом или же полусыром виде, бросить его к стопам наших врагов. Мудрость в том, чтоб заставить произведение даже с некоторыми авторскими просчетами служить общему делу.

Вот таким искусством прекрасно владел воин и дипломат, поэт и настоящий коммунист, неугомонный «рыжий консул» Иван Юлианович Кулик. Борец за истину и добро, который звал нас в коммунизм не только горячими проповедями, но и повседневным личным примером. Человек с располагающей полусмущенной, полулукавой улыбкой на добром интеллектуальном и не всегда безоблачном лице...

КРЕСТНИК ЧЕКИСТА

(ПОЭТ ПРИБЛУДНЫЙ – ИВАН ОВЧАРЕНКО)

Как такие злые дали
Безболезненно прошли?
Под Проскуровом не пали,
Под Хотином не легли?

Ив. Приблудный

В ту встречу мы с Примаковым вспомнили одного исключительно одаренного нашего питомца. Виталий Маркович достал томик стихов с довольно интригующим названием: «Тополь на камне».

Полистав его, он с чувством начал читать:

Погоним, покормим коров,
Повынесем яблок из сада,
И каждый румян и здоров,
И каждому больше не надо.

А в сумерки мать за столом
Нам теплую сказку расскажет,
Накормит лапшой с молоком
И медом пампушки намажет.

И так от ворот до ворот,
Полями взращенные дети,
Мы самый беспечный народ
На этом измученном свете.

— Здорово! — сказал Виталий.— Как будто про всех нас, взращенных полями детей, сказано... А вот и местный колорит: «Повынесем яблок из сада...» Слово «повынесем» москвич никогда не скажет...

Необычную судьбу одаренного и не в меру дерзкого автора тех примечательных стихов, к сожалению ныне почти забытого, мы хорошо знали.

...Начнем рассказ по порядку. Иван Крылов, грозный особист одной из бригад Червонного казачества, ненавидел контрреволюцию. Наши армейские чекисты знали свое дело. Пользовались всей премудростью разведчиков, чтобы расстроить каверзы врага. При случае шли в бой вместе с сабельными сотнями. Таковым был и Крылов.

А бывало, что в самую горячую пору наш особист уходил в глухие урочища, в пользовавшиеся дурной славой хутора. Спросит строгую хозяйку, можно ли зайти, можно ли присесть, можно ли закурить. Потом начинает прямо с дела, без хитроумных заходов:

— Мамаша! Я добре знаю — вашего сына зовут Антон, а я Иван. Ему двадцать три годка, и мне столько же. Я езжу на коне, и он не слезает с лошадки. По нем болит сердце ваше, и по мне горюет душа моей матушки...

Тут наш чекист приблизится к хозяйке, деликатно пощупает рукав ее кофточки:

— Вот этот ситчик, не сомневаюсь, ткали у нас в Москве, на «Трехгорке». Вся моя родня там гнула горб и гнет. Раньше — на хозяина, ныне — для народа. Там и мои старики, и брат Петр, и Марина с Марией — сестры. Знаю, мало попадает вам того красного товара, так и моя матушка пишет — скудно у них с хлебушком. А почему? Потому что иные хлеборобы не сеют, не жнут, а в лесных

землянках самогонку хлещут. А взять меня — шатаюсь вот тут по лесным хуторам. Вместо того чтобы мне слать вам ситчику, а вашему Антону отгружать хлеб, мы тут шлем друг другу пули... Это же не дело. Пора взяться за ум, мамаша...

Тут хуторянка, растроганная логикой особиста, уже тащит из подполья крынки со сметаной, а Иван отодвигает все эти соблазны и строго говорит:

— Нет, мамаша, не дотронусь и до вашей еды. А вот ежели сюда, за этот стол, в субботу, как стемнеет, придет ваш Антон, то и самогонки с ним выдую полную сулею. Ну конечно, при вашей подходящей закуске... Я буду без оружия, а ваш сын — как хочет.

Заметив в глазах женщины и тревогу, и надежду, он успокаивал ее:

— Мамаша! Я бы мог десять раз сцапать вашего хлопца. Если не живого, то мертвого. Раз плюнуть! Но мне не сцапать его надо. Мне надо, чтобы он, прохвост, сам пришел в сельсовет с повинной. И ежели суждено ему быть прощенным, то пусть ходит за своим плугом не с оглядкой, а с высоко поднятой головой, как ходит честный воин. Ошибавшийся, но честный...

И что ж? Доверившись голосу материнского сердца, приходил — правда, не без опаски — Антон с хутора к Ивану с Пресни...

Гремя стаканами и обсасывая косточки молодого поросенка, оба жарко спорили до рассвета. Бывало, что чубатый Антон хватался за обрез, но тут же на его порывистое плечо ложилась мудрая рука матери, утиравшей слезы кончиком ситцевого платка, возможно и вытканного родней Крылова. А когда заголосят третьи петухи, Иван встает и строго говорит своему разгоряченному собеседнику:

— Так вот, хлопче, пока была ночь, мы с тобой чокались стаканами, а с зарей чокаться будем нашим оружием, я — наганом, ты — своим обрезом. Помни: я для тебя чекист, а ты для меня — бандитская морда, петлюровский выскребок. И сюда, на ваш хутор, я приду или же тебя ловить, или же твоей матери поклониться. Иначе меня и не жди. Выбирай...

И что же? Крепко придерживаясь данного слова, наш особист снова приходил на те пользовавшиеся дурной славой хутора, чтобы поклониться мудрым деревенским матерям.

Совершил наш Иван «нарушение» и тогда, когда его сотрудник Конотоп влюбился в телефонистку сельсовета. Это было весной 1921 года под Липовцем. Настоящая фамилия влюбленного была другая. А прозвище дал ему Крылов за то, что и его самого мало кто называл по фамилии, а больше — Пресня.

Молодые полюбили друг друга. А какие в те грозные дни могли быть свадьбы? Ни загсов, ни Дворцов бракосочетания... А все же они, свадьбы, были... Вместо пения скрипок молодых благословлял звон острых сабель, голос революционной совести заменял клятвы у амвонов, вместо ароматного шампанского молодых пьянила крепость первых горячих поцелуев...

На первый ужин к молодым пришел не только Крылов. Он привел и своих сотрудников... За выпивку в те сугубо пуританские времена командир лишался поста, а комиссар — и партийного билета. Чекист же, в зависимости от ранга пьянки, мог потерять и голову... Очень просто! Но не слишком-то могли разгуляться родные невесты.

И все же нарушение...

Снаружи, наблюдая за подступами к школе, ходил надежный страж — страховка и от дурного глаза, и от дурной пули. Скорее даже от пули... Время было такое! И вот в разгар веселья поступил сигнал: «Чего-то новый ездовой тачанки все крутится близ школы. Нет-нет и рванется к окну...»

Самый молодой и в то же время самый бдительный уполномоченный выпалил:

— А что? Говорил я, дело нечистое... Взяли мальца на свою голову! И еще этот «Кобзарь» за пазухой... Видел такого артиста! Присмотрелись — за пазухой вместе с «Кобзарем» камень. Маскировка...

Пока молодые под крики «Горько!» заменяли поцелуями недостающее шампанское, Крылов вышел во двор. Спустя минуту ввел в дом подростка, на котором военная гимнастерка и синие штаны с лампасами висели мешком. Но в глазах его сверкали огоньки. И ни тени испуга на лице, что более всего разочаровало сверхбдительного.

От протянутого бутерброда парнишка наотрез отказался.

Тогда Крылов спросил, пронизывая его взглядом сквозь толстые стекла очков:

— Что, тезка, наскучило возле лошадей?

— Мне лошади не наскучили... Спасибо... Доверили мне худобу. А это я так... Вот хочу им прочесть стих.— Он

широко улыбнулся невесте: — Значит, по случаю такого большого дела...

— Что, стих Тараса Шевченко? — ехидно спросил тот, кто всюду видел подвохи, и перевел взгляд на грудь паренька, гимнастерка которого оттопыривалась лежащим за ней «Кобзарем»...

— Могу и Тараса Шевченко. А я хочу свое почитать, вот:

О чернобровая Украйна,
Мой край премудрый и простой,
Какая сказочная тайна
Твой затуманенный простор!

Покину кручи и байраки,
Покину хаты в рамках нив,
И кто-то долго будет плакать,
Косою очи заслонив...

Голос паренька все крепчал и крепчал, а мать невесты — учительница — от изумления так и застыла с широко открытым ртом... И лишь потом, когда разошлись гости, она долго говорила с Крыловым о его юном ездовом.

Слух об украинской боевой голоте, которая своими острыми саблями крошит гадов направо и налево, долетел и до глухой, разоренной Деникиным Старобельщины. Долетел вместе с задушевными народными думами о ее славном командире.

Стать червонным казаком сделалось неотступной мечтой подпаска Ивана Овчаренко. Упругий ветер хмельной мечты гнал его неудержимо из далекой Луганщины к Днепру через всю Украину. Надежным и верным парусом юному Ивану служил припрятанный за пазухой «Кобзарь».

В декабре 1920 года паренек появился в Сквире. Там стояла 2-я Черниговская дивизия. Изможденный, оборванный, он вызывал у одних жалость, у других подозрение. Крылов, поверив пареньку, сказал: «Будешь у нас ездовым!» А потом, когда требовалась тачанка, особист командовал: «Пусть лошадей подаст Приблудный...»

Лошадей Иван любил. И умел ходить за ними. Выезд содержал в полном порядке, хотя ему и было пятнадцать лет. В постоянных разъездах не расставался с «Кобзарем». Дожидаясь начальства у тачанки, все мусолил карандаш, что-то писал на обрывках бумаги. Потом читал своему

тезке собственные стихи. А тезка не забывал наставлений учительницы.

Осенью 1921 года Крылов послал со своим письмом Ивана Овчаренко в Москву. Секретарь Пресни Григорий Беленький определил паренька в интернат для одаренных ребят. А из интерната, который находился в Серебряном бору, Иван попал в студию Брюсова. Валерий Яковлевич сделал из молодого червонного казака настоящего поэта, который появился в печати не под своим настоящим именем, а под тем, которое ему экспромтом присвоил Крылов,— Приблудный.

Одним из стихов юный лирик обращался к Есенину:

Я еще слаб, мне едва восемнадцать,
Окрепну и песней поспорю с тобой,
Будем как дома — шуметь, смеяться,
Мой стройный, кудрявый, хороший мой...

Эта ли встреча так дорога мне,
Шелест ли тронул так душу мою...
Тополь на севере! Тополь на камне!
Ты ли шумишь, и тебе ли пою!!!

Но не пришлось ему поспорить с тополем на камне... Сочинил одну эпиграмму. Эта вероломная стрела, облетев всю столицу, не зацепившись ни за один ее рослый тополь, обернулась против самого автора...

После той нашей встречи с Примаковым, спустя два года, вышла еще одна книга поэта — «С добрым утром». И это была лебединая песня одаренного лирика, славного бойца украинской конницы.

Лексика бывшего кучера прорвалась все же в одном его стихе:

Эти строчки, игривые строчки,
Как игривую юности кровь,
Запрягу в запятые и точки
И отдам под надзор пастухов.

Приблудный вспоминает полный смертельной опасности путь червонных казаков:

Как такие злые дали
Безбоязненно прошли?
Под Проскуровом не пали,
Под Хотином не легли?

Вот письмо, полученное мною от Сергея Бородина:

«Ивана Овчаренко я не только хорошо знал, но и подружил с ним. Большое воспитательное значение имела для

него не столько студия Брюсова, сколько круг людей, в который вошел Приблудный. В этом кругу и сложились его отношения с Никитинскими субботниками...[1]

Он писал много, хорошо читал стихи наизусть: свои, Есенина, Блока. Читал нараспев, хрипловатым, будто бы простуженным на ветрах гражданской войны голосом, запрокинув голову и слегка раскачиваясь, всей позой подражал Есенину... Позже Есенин привык к Ивану, и они часто вместе выступали».

Великий гуманист Алексей Максимович Горький заботился о советских поэтах, и особенно о молодых. Приведем выдержку из письма Горького секретарю альманаха «Земля и фабрика» С. А. Обрадовичу:

«...Но если хотите, могу дать совет: как можно больше внимания молодежи! Как можно больше бережливого и заботливого отношения к ней! Из намеченных Вами сотрудников в «молодежь» я включаю Ар. Веселого, Казина, Н. Тихонова — как поэта и как прозаика,— А. Фадеева,— отлично талантливые люди. А почему не пригласить Леонова, Катаева, А. Платонова, Ив. Приблудного и еще многих!

Будьте здоровы, крепко жму руку.

А. Пешков».

Делая только свои первые, еще робкие шаги и обращаясь к учительнице Варваре Васильевне Кучерявой, Приблудный мечтал:

У неизведанных дорог,
на много лет и зим,
мне миром задан был урок,
и я им одержим.

Пусть далека глухая дверь,
пусть непосильна кладь,
мне все равно ее теперь
уже не избежать.

...Пока не выпадет мой день,
завещанный векам,
пока на высшую ступень
экзамена не сдам.

Когда же сдам и запою
легко и наизусть,
тебя, наставницу мою,
благодарить вернусь.

[1] Литературный кружок того времени.

В село, где каждый белый дом
на все дома похож,
где в самом белом и большом
ты и теперь живешь.

Сбылась мечта поэта. Через проникновенные строки луганской газеты, сказавшей доброе слово о рано умолкнувшем певце-земляке, Приблудный вернулся в свое село, где «каждый белый дом на все дома похож».

...Сбылась мечта и особиста-дзержинца. После Червонного казачества он вернулся к «ситчику». На протяжении сорока лет обеспечивал советских воинов всем вещпайком, начиная с портянок, вещевых мешков и кончая парашютами, генеральским драпом.

Ныне он проживает в родных местах — на Пресненском валу. При встрече с друзьями тех грозных лет Иван Крылов очень тепло вспоминает своего крестника — червонного казака Ивана Приблудного с его «хрипловатым, будто бы простуженным на ветрах гражданской войны голосом». И ныне он его видит темно-русым, кареглазым пареньком в несколько мешковатой гимнастерке и с «Кобзарем» за пазухой... С «Кобзарем», не с камнем...

ДУША РЕВЕТ И СТОНЕТ...

(ЮРИЙ КОРНЕЕВИЧ СМОЛИЧ)

Человек человеком жив... Во все времена и во все эпохи находятся одержимые, которые придерживаются девиза: «Живи для других!» И нет большего горя, когда эти одержимые покидают нас, и покидают навсегда. И это угнетает, как зияющая невосстановимая брешь в крепостной стене. По этим прекрасным людям непрестанно рыдает и стонет душа...

Как-то пришло очень трогательное и душевное письмо из далекого и мало кому известного дальневосточного города Пивань. Активный участник гражданской войны, один из тех, кто еще в юности «землю родную пошел защищать», славный ветеран Иван Прокофьевич Судьбин пишет:

«До глубины души взволнован боевой книгой «Ревет и стонет Днепр широкий». Она мне перевернула душу. Возвратила меня в дни тревожной и звонкой молодости. Читаю, листаю ее золотые страницы — и будто вновь

с обнаженным клинком лечу в решительный бой за власть Советов. Передайте мой сердечный ветеранский привет товарищу Смоличу, и, если бы это зависело от меня, за ту бесценную книгу украсил бы его мужественную грудь самыми дорогими орденами...»

Писалась книга в Киеве, издавалась в Киеве и в Москве, читалась в Пивани, у берегов далекого Тихого океана. А какой резонанс! И впрямь страницы до предела правдивой книги, скрупулезно воспроизводящей грозные события полувековой давности на берегах Днепра, не могут не волновать любого советского человека. Тем более активного участника той титанической борьбы.

Труд литератора и труд врача направлены на одно: помочь человеку. Один закаляет его тело, другой — его дух.

Доктор этого добивается медикаментами, писатель — словом.

Лишь составленные по строжайшим законам фармакопеи рецепты дают нужный эффект, лишь верное слово не только звучит, но и действует. Особенно слово исторической книги. Тут, как и ложь, вредна полуправда. Ибо полуправда — родная сестра лжи.

Хоть с тех пор прошло двадцать пять столетий, но небесполезно вспомнить мнение Плутарха: «История порой идет против истины. Зависть и недоброжелательство с одной стороны, угодничество и подхалимство — с другой, искажают ее...» Но и ультраправдивое историческое произведение идет вполцены, если оно не созвучно современности, если его строки не зовут на подвиги во имя Отчизны, если его стрелы не поражают все то, что мешает народу продвигаться вперед.

«Не такое это простое дело — писать! Особенно — правду!» — читаем мы в книге «Ревет и стонет Днепр широкий»... Нет, никто, даже сам Плутарх, не смог бы упрекнуть автора уникального труда в искажении истины. Напротив, искаженную реальность автор полностью реабилитировал и восстановил, дав точную и широкую картину тяжкой борьбы восставших трудовых масс за торжество ленинского дела. В ярком художественном полотне Смолич широко осветил ощутимый вклад молодой порывистой конницы Советской Украины, ее создателя Виталия Примакова в дело разгрома осиного гнезда «самостийников» на берегах ревущего и стонущего Днепра.

Может, это более всего и воодушевило далекого читателя Хабаровского края через письмо ко мне адресовать

автору свое пламенное и душевное признание. А что дороже всего для писателя? Дороже всего ему признание народа. Ведь для него, для народа, он и творит. Известно — автор дает произведению одну жизнь. Пресса — еще две. А вот тот, кто дает книге все двадцать две жизни,— это и есть строгий, до предела требовательный, но и сверх предела признательный читатель.

Но... есть разные читатели. Да, писатель может считать свое произведение беззубым, ватным, кисейным, если оно не бесит неучей, тунеядцев, вертопрахов, прихлебателей и их фаворитов, подхалимов всех рангов и мастей, лицемеров, их праотцов — иезуитов, всех оттенков Остапов Бендеров, расистов и прочих антикоммунистов.

Вспоминаются давние и недавние тихие беседы. Давние — в Харькове, недавние — в Киеве на улице Заньковецкой, в Конче-Заспе на тенистых аллеях республиканской здравницы и на широком, словно манеж, балконе дачи в Конче-Озерной...

В 1929 году вышел в свет мой первый роман «Контрудар» — о разгроме Деникина и Врангеля. Пришли на улицу Гиршмана харьковские писатели — поздравить новичка в литературе. Дорогими нашими гостями были Петро Панч, заместитель главного редактора журнала «Червоний шлях», где печатались фрагменты из «Контрудара». С ним явился и редактор книги Яков Городской. Пришел Мирослав Ирчан, человек очень мягкой и отзывчивой души, товарищ, уже прошедший суровый и нелегкий путь воина и литератора. Это под его воздействием, и даже под прямым нажимом, принялся я за работу над романом «Золотая Липа» — об освободительном походе Красной Армии 1920 года в Западную Украину.

Особенно запомнилось то давнее посещение Юрия Корнеевича. И в беседах за столом и после этого он очень интересовался славным и легендарным прошлым украинской советской конницы. Отзвуки той задушевной беседы нахожу я в талантливейшем творении Смолича «Ревет и стонет Днепр широкий». Я нахожу их и в дружеском, очень трогательном вступлении Юрия Корнеевича к моему двухтомнику.

Вдумаемся в силу скупых строк, коими автор описывает щедрое на стратегические результаты вступление в игру прибывшего из Харькова примаковского конного полка червонных казаков. «...Из придеснянских боров, ниже села Погребы, но выше Троещины, выехал на коне

Виталий Примаков. Шагом, не спеша, он перебрел лужок... и остановился на самом берегу Днепра...»

И этот двадцатилетний, выросший на берегах Десны паренек, совершив легендарный, как пишет автор, «ледовый десант» через Днепр, обрушился грозной лавиной на гайдамаков и сечевиков, на мазепинцев и черношлычников, чем и вызвал новую и могучую бурю красногвардейского натиска на улицах Киева и атакующей пехоты с бронепоездом Полупанова — на его обводах...

«Соломенцы, демеевцы, боженковцы уже не кричали: «Свобода или смерть!» Крикнули: «Свобода!» — и рванули еще...»

Да, у одного литератора неуемно воображение, широк и высок домысел, гениальна структура произведения, у другого — богата мысль с ее светлыми взлетами и неожиданными конклюзиями. У настоящего таланта есть в избытке и то и другое. Таким интегральным и бесспорным талантом был и рано ушедший от нас неистовый мастер слова, одержимый страстью помогать людям Юрий Корнеевич Смолич.

Были мрачные дореволюционные времена, когда не таланты становились фаворитами, а негласной, но строгой волей владык чванливых фаворитов посвящали в сан талантов. Смолич стал фаворитом не по прихоти каких-то повелителей, не волей придворных столпов, а самой судьбы, кладущей свою благодатную длань на воистину достойные головы.

С того далекого 1929 года я все время ощущал дружескую руку Юрия Корнеевича. Волновало меня его восхищение боевыми подвигами бесстрашных витязей гражданской войны.

Думаю: не оправдались все надежды и пожелания, адресованные тогда, в 1929 году, новичку... Но дружеские наставления гостей — писателей — всегда помогали мне трудиться на очень сложном и беспредельно кочковатом литературном поприще. И особенно наставления моего младшего собрата по юбилеям и старшего собрата по перу Юрия Корнеевича Смолича.

И поэтому так горестно переживалась тяжкая утрата. Утрата человека. Мастера. Друга.

* * *

И пресса и радио то и дело подтверждают, что настоящие таланты — не частная собственность, а всенародное достояние. Золотой фонд народа!

Церковники всех времен и всех народов, всех толков и всех оттенков долдонили и долдонят — бог сотворил небо и землю. И абсолютно безо всяких мук творчества, без тяжкой бессонницы он создал не только птиц и рыб, зверей и парнокопытных, насекомых и червей, но и человека.

Во время завтрака, после бодрящей физзарядки, блеснула идея, а к обеду уже поспел царь природы. Мало того — всевышний сотворил белых и черных, краснокожих и желтокожих. И сразу же даровал одним абсолютную власть, другим — невозмутимую покорность. Одним дал широкую волю, другим — тяжкое ярмо рабства. Далеко не поровну распределил нужду и достаток. Одним дал светлый мозг, другим — крепкие руки.

Этой концепции придерживались века и века жрецы всех времен и всех народов. Жрецы Древнего Египта и Вавилона, Греции и Рима, храмов языческих, христианских, иудейских, магометанских, буддистских и конфуцианских.

Но мир знает других, воистину гениальных богов. Это те «боги», которые на блестящих страницах своих гениальных произведений и впрямь создали небо и землю, сотворили и жизнь и человека на той воистину сказочной земле. Создали царя природы во всех мыслимых вариациях. Человека не статичного, ибо все движется и, как всем нам давно известно, все меняется.

Да, эти великие земные боги создали настоящего человека, живущего для счастья себе подобных, и на тех же страницах вывели его мерзкого антипода, который огнем и мечом, лестью и обманом, коварством и лицемерием, угодничеством и подхалимажем захватывает все штурвалы и рычаги власти, кладет свою тяжелую волосатую лапу на все блага жизни и тянет все созданное крепкими руками тружеников в свое логово, в свой шалаш. Будь то шхуна пирата или флибустьера, будь то по-нероновски роскошный дворец шахиншаха или же по-голливудски сверкающий палац мультимиллионера, будь то...

И хоть создали они, эти славные земные боги, не один, как гражданин Саваоф, мир, а превеликое множество миров, мы, если уж судить серьезно, не называем богами ни Гомера, ни Сервантеса, ни Вольтера, ни Пушкина, ни Толстого, ни Шевченко, ни нашего великого современника Тычину. Мы их называем просто гениями и просто талантами. И эти таланты — искусные создатели неба и земли и всего на ней живущего — не зря объявлены всенародным достоянием.

Стать кавалером славного и исключительно высокого ордена — величайшая честь. Хотя немалая честь для труженика пера стать и Героем Социалистического Труда. А им, к радости его читателей и почитателей, стал один из фундаторов украинской советской прозы Юрий Корнеевич Смолич.

Яснее ясного: не все пишущие — таланты. Есть категория чернорабочих, ломовиков и даже рикш пера. А почему рикш? Известно — у рикш пробег длинный, а мзда короткая. Речь, разумеется, идет не о материальной мзде. А есть еще одна категория писателей... К бригаде Михаила Голодного, посланной из Москвы на Днепрострой, была прикреплена подвода. После первой ночевки возчик долго будил москвичей: «Пора, товарищи, пора!» Это не помогло. Тогда он рявкнул: «Подъем, товарищи переписчики!» И бригада Михаила Голодного взметнулась как один...

Смолич — бесспорный талант. Подлинное дарование. Он создал ряд монументальных произведений, которые вызывают у читателя не те сильные ощущения, подобные нашумевшему Штирлицу, а сильные, воистину гражданские чувства. Позволю себе, как бывший таежный комбайнер, соответственно и выразиться: литература Смолича — первосортная, столь же ценная, как и высококалорийная твердая пшеница. Юрием Корнеевичем написаны книги, которые не развлекают читателя, а вооружают. И этим самым они подтверждают высказанную на полосах больших газет мысль, что писатели — это первые и крепкие помощники партии. Хотя порой труженикам пера предъявляют счет, который следовало бы адресовать в первую очередь густой рати докторов и кандидатов наук.

В чем сила боевой и высокохудожественной прозы Смолича? Сила ее в том, что автор, несгибаемый витязь партии, брал из ее документов идеи. Ленинские идеи. Что же касается лексики, то она у него была своя, ни с кем не схожая... Писатель, берущий из передовиц не только идеи, но и их лексику, рискует создать опус уцененной продукции. Что добро для газетчика, для беллетриста — зло...

На Первом съезде писателей в Москве, это было летом 1934 года, довелось услышать с трибуны съезда слова Горького. Он сказал: «Измерение роста писателя — дело читателей...» Да, автор дает произведению одну жизнь, пресса — еще две, а двадцать две жизни и даже больше дает ему строгий, но абсолютно справедливый и во многих случаях даже предельно душевный читатель. У Смолича

гора читательских писем. Одно из них, из далекого Приморья, я уже приводил.

Чем же объяснить стабильную популярность романов и повестей Юрия Смолича? Известно, что мандат на творческую мудрость, который испокон веку называют искрой божьей, выдается вместе с мандатом на истинный талант. Этими двумя бесценными мандатами Смолич владел по праву.

Была и высокая честь, было и высокое доверие, но не обходилось и без обид. С некоторых пор в адрес Юрия Корнеевича звучат такие слова, которых, увы, при жизни ему слышать не довелось. Думается — прозвучи они тогда в ушах дорогого всем нам человека, возможно, что прожил бы он еще с десяток лет на пользу литературы, на пользу его друзьям, на пользу всему советскому народу.

Так давайте же не будем скупиться на добрые слова не богам, а талантам, творящим на блестящих страницах своих уникальных книг и небо и землю, и на ней царя природы — человека, талантам, сеющим свет и добро, отзывчивость и справедливость.

ПЛЕМЯ ГЕРОЕВ И РОМАНТИКОВ

(ЗНАМЕНОСЦЫ ЧЕРВОННОГО КАЗАЧЕСТВА)

Как-то Михайло Стельмах писал: «...В моем селе Дьяковцах стояли червонные казаки — племя героев и романтиков...» Строки эти были продиктованы чувством, которое пронес он через всю жизнь, через сложный год Великого перелома, через титаническую битву с фашизмом, через многие нечеловеческие испытания.

Это чувство заронили в сердце восьмилетнего пастушка прикордонной Подолии те, кто в нелегкой борьбе отстоял завоевания Октября, власть Советов.

Его, будущего замечательного мастера слова, удостоил своим вниманием лихой знаменщик и под волнующий шепот одного из боевых знамен провез в своем седле. Тот шепот, взволновав впечатлительное детское сердце, вдохновлял человека всю жизнь. И когда он выгонял худобу на дьяковецкую толоку, и когда занимал почетное место за столом Президиума Верховного Совета СССР. Да, волнующий шепот красного боевого знамени...

В ту пору штаб-квартира 7-го полка располагалась в Литине. Его сабельные сотни, охватывая город кольцом,

стояли в Ивче, Микулинцах, Вонячине, Литинских хуторах, а также в родном селе писателя — Дьяковцах.

Уже кончилась гражданская война — атаки примаковцев и котовцев, штыки якировцев, богунцев и таращанцев вышвырнули остатки «самостийников» за Збруч, но еще долго звенели клинки и трещали винтовки в погранполосе от Горыни до Днестра. Да, над белесой головкой дьяковецкого пастушка, раздуваемое подольским ветром, шелестело знамя 7-го полка. Эта боевая реликвия была полку вручена Литинским уездисполкомом за разгром диверсионной банды полковника Палия-Сидорянского.

Вскормленные польской шляхтой головорезы Петлюры решили еще раз попробовать счастья. Прорвавшись через кордон у Гусятина, они вообразили, что могут поднять население Прикордонья и с его помощью выйти к Днепру. Это было 29 октября 1921 года, но уже спустя два дня конница горе-стратега Палия и его заместителя, царского полковника Черного, была изрублена под Старой Гутой (Волковинцы). А еще через два дня в районе Терешполя и Янушполя (Бердичев) в результате отчаянных атак «героев и романтиков» перестал существовать, возглавляемый уже петлюровцем Черным, отряд диверсантов, лелеявших мечту и о своих богатых полтавских и черниговских хуторах, и о древнем златоглавом Киеве.

Врученное за эти подвиги знамя на всю жизнь вошло в сознание впечатлительного пастушонка. Но были у примаковской конницы и другие славные реликвии. И они в ту героическую пору волновали тысячи молодых сердец. Не зря комсомол Украины сделался шефом 1-го конного корпуса Червонного казачества.

Одно уникальное знамя хранится ныне в Москве, в Музее Советской Армии. Его вышитые золотом слова говорят сами за себя. На одной стороне: «Перший полк Червоного козацтва 27.XII. 1917—27.XI. 1918», а на другой: «Славним червоним козакам Тимчасовий Робітничо-Селянський уряд України». Оно было вручено примаковцам сразу же после освобождения Харькова от гайдамаков.

Спустя год на победном пути от Орла на юг посланцы трудовой Москвы едва нагнали полки Примакова, чтобы вручить им знамя с признательностью за разгром рвавшейся к столице деникинской гвардии.

Та операция золотыми буквами вписана в славную книгу побед Красной Армии.

На московском знамени горели незабываемые слова: «Берегись, буржуазия, твои могильщики идут!»

Другой посланец нагнал конницу лишь весной и на подступах к Перекопу вручил ей знамя питерцев.

В боях за подступы к столице войско Примакова понесло немалые потери. И пришло тогда из обеих столиц крепкое пополнение. При вручении городу Киеву медали «Золотая Звезда» Л. И. Брежнев сказал: «В соединениях Фрунзе и Тухачевского... Примакова и Якира украинцы сражались рука об руку с российскими рабочими и крестьянами...»

Гордились воины и знаменем 2-го полка, во главе которого всю гражданскую войну стоял кузнец из Барвенково, царский узник, любимец казаков, усач Пантелеймон Потапенко. Было у конников и знамя Башкирского ЦИКа — вместе с сынами Украины в ноябре 1920-го громили Петлюру и его белогвардейского друга генерала Перемыкина и джигиты Башкирии.

Перебираю в памяти наших знаменщиков и думаю: кто же это взял в седло малыша пастушонка из Дьяковцев? Может, Сашко Почекайбрат, глава нашего «татарского эскадрона»? Были в нашем полку: сотня (эскадрон) полтавцев, сотня кубанцев, сотня рязанцев, сотня латышей, сотня башкир. И как себя оправдало в боевых операциях соревнование внутри этого своеобразного интернационала! Но... была и «сотня» татарская — малыши с Поволжья. Действовал лозунг: «Четыре казака кормят одного голодающего». Певец с уникальным басом, батько татарской «сотни» погиб 2 ноября 1921 года в конной атаке под Стетковцами. А ведь мог он стать силой, да еще какой!

Вполне допустимо, что это он, Сашко Почекайбрат, и взял к себе в седло малыша Михайла из Дьяковцев.

А может, то был один из тех, кого царь в 1915 году послал за моря защищать своими штыками французов? Может, то был боец Запорожец, ныне гражданин Макеевки, в дни 60-летия Октября награжденный ценными настольными часами? Тот самый казак первой сотни, с которым мы, раненые, долго лежали в винницком госпитале Муры после разгрома «подарка» пана Пилсудского.

Допускаю, что со знаменем полка в ту пору в Дьяковцах мог быть и Иван Овчаренко, который с «Кобзарем» за пазухой пробирался пешком из Старобельщины к Сквире, чтобы вступить добровольно в конное войско Примакова. Тот, который ни на минуту не расставался с огрызком карандаша. Тот самый, который вскоре попал в Москву,

подружился с Есениным, стал там Иваном Приблудным и написал не одно стихотворение... «Как такие злые дали безболезненно прошли? Под Проскуровом не пали, под Хотином не легли?»

Пополнить ряды тех, кто стал под знамена червонных казаков на берегах Донца и Ворсклы, Десны и Сулы, стремилась и трудовая молодежь с берегов Буга и Горыни. Попал тогда в наш полк и молодой Дмитро — родной брат Давыда Копыци, долгое время возглавлявшего в нашей столице редколлегию журнала «Вітчизна». И он, Дмитро, мог везти тогда знамя полка.

Мог оказать внимание белоголовому пастушонку и замполит нашей бригады, бывший чапаевец Игнатий Карпезо, ныне генерал-лейтенант в отставке.

Ничего удивительного, если бы знаменщиком оказался завзятый рубака полка Богуслав Громада. Тот самый, который сам себя величал делегатом от «обушковой и кайловой братии». Это он весной 1922 года, с не зажившей еще раной самовольно покинул Муры, чтобы «растормошить братву» по вопросу поездки Ленина в Геную...

Да, не зря народ так высоко чтит память первозащитников Октябрьских завоеваний — чапаевцев и щорсовцев, бойцов Азина и Киквидзе, буденновцев и якировцев, чтит память червонных казаков.

Член Политбюро ЦК КП(б)У Н. А. Скрыпник писал:

«Нет ни одного события в борьбе за пролетарскую власть на Украине, где не было бы кровью бойцов написано славное имя Червонного казачества».

Пишет ветеран Першин из Винницы: «На всю жизнь запомнились торжества 1929 года в Харькове. Все мы были рады, что пришли к нам товарищи Косиор, Петровский, Чубарь, Скрыпник, Затонский, Мануильский...»

С тех пор прошло почти полвека, а человек все помнит. Почему? Потому что и он, капитан в отставке Илья Першин, тоже из племени героев и романтиков, которых всю жизнь помнит большой мастер слова Михайло Стельмах.

АВТОГРАФ ВАЯТЕЛЯ

(НА ВЫСТАВКЕ КИРИЛЛА ДИДЕНКО)

То, что создает своим талантом настоящий ваятель, не имеет ни строк, ни строф, ни глав, ни страниц и все же читается с таким же волнением, как любой роман

признанного беллетриста. Эту мысль, на наш взгляд, навевают работы скульптора Кирилла Диденко.

Богатыри партизании — вот основные его герои. В своей совокупности они правдиво и образно отображают противоречивый, пестрый и реальный лик повстанческого войска. Что ни скульптура, то характер, то нрав, то яркая, неповторимая личность.

Взять хотя бы подрывника Чеченю с его чуть асимметричным волевым носом. Смотришь на этого, как тебе кажется, занозистого мужика-ковпаковца, на этого «столбового» работягу, и пред тобой тут же раскрывается, шелестя буйным листом, многообразная и драматическая книга бытия обыкновенного в своей необыкновенности народного мстителя.

Это он у костра, дымя «трехдюймовой» козьей ножкой, пуская редко, но метко термоядерное словечко, создает своими игривыми басенками и прибаутками боевое настроение у полуголодных, полуодетых приунывших собратьев. Это он в любой дерзкой вылазке настойчиво и неугомонно лезет поперед батька в пекло, будь тот батька сержант или же сам товарищ майор.

Вот ты видишь его ползущим меж эсэсовских чутких постов со смертельным багажом за спиной и с коварным запалом, зажатым в зубах. На постое он отдаст обобранному оккупантами деду последние свои кальсоны, а его бабке — пронесенную сквозь многие и многие километры энзевскую банку тушенки. И при удобном случае заарканит в темном углу зазевавшегося гусака, чтобы подкрепить им братву.

Знаешь твердо: как только в партизанский штаб поступит деликатное задание, так сразу же перед глазами штабников возникнет чуть асимметричный волевой нос Чечени. В этом тонком, сугубо реалистическом образе выражена вся сила резца и воображения ваятеля, его большое искусство художественного синтеза.

В древности говорили: «Искусство — это умение отсекать лишнее». Скажу: искусство — это смесь правды и правдоподобного вымысла. Голую правду может подать и копиист, фотограф. Художник же создает большую, обобщенную правду. Так же как кинематографисты для получения образа снимают сотни кадриков, точно так же и художник, лишь претворив в сплав черты многих персонажей, может создать впечатляющий образ, каким и получился ковпаковец-минер. И наоборот — глядя на

него, видишь бесконечную череду народных мстителей, ярко олицетворенных динамитчиком Чеченей.

В партизанской массе люди отличаются друг от друга внешностью, характером, повадками, мышлением. Но есть одно роднящее всех — это лютая ненависть к захватчикам. Вот эта общая для всех народных мстителей особенность сразу бросается в глаза в художественных обобщениях Кирилла Диденко.

Минер! Как в гражданскую войну ударной силой была конница, а в Отечественную — танковые войска, так у партизан были подрывники — центральная фигура многоликого войска. Рыцари священного разрушения из прекрасного мира созидания! Диалектика! То разрушение — десятки спущенных под откос эшелонов, сотни мостов, складов с боеприпасами — было прямым путем к гигантскому созиданию наших дней. И эти рыцари заслужили свой обелиск. Обелиск минерам с бюстом Чечени наверху.

Эта работа художника свидетельствует, что великие и малые мира сего в искусстве — понятия относительные.

Особо выделяются мраморные портреты Ковпака, Федорова, Вершигоры.

Приукрасить красивое, преувеличить значительное — не порок художника. а его большое достоинство. Думается: в данном случае скульптор не очень-то отклонился от истины, чуть усилив волевой аспект во взгляде и черты властности в богатырской осанке дважды Героя Советского Союза. И даже в выражении лица Федорова будто читаешь: эта воля и эта властность исходят не только от сознания правоты дела, за которое идет священный бой, но и от той силы социального и державного строя, которая стоит за спиной вожака воистину народной рати. Не зря и в Варне, и в Софии пришлось мне услышать много добрых слов о книге Федорова «Подпольный обком действует».

А вот, создавая великолепное по психологической глубине изваяние Ковпака, решенное полностью в душевном, а не в волевом ключе, тонкий рубщик камня ничего не утрировал. Ничего не приукрашал. Он сразу схватил и запечатлел в мраморе доминантную черту этого редкого самородка. Не железной волей, не непререкаемой властностью вел он за собой массы в огонь и в воду. Так до него ее вели в эпоху великого Ленина Буденный и Лазо, Примаков и Котовский, Боженко и Щорс. Они и массы со-

ставляли один сплав. Их успех базировался на великом родстве душ. Диденко показал этого народного вожака так, что не различишь, где кончается Ковпак и где начинается партизанская масса. И наоборот. И еще бросается в глаза одна особенность — это неисчерпаемое мужицкое, настоящее мудрое лукавство в зорких глазах Ковпака.

Два абсолютно разных по внешности и по натуре человека, но их объединяет одно. Это были неиссякаемые генераторы, заряжавшие огромные массы партизан боевым духом высокого напряжения.

В целенаправленном движении к необычной орбите художник несколько отклонился от своей творческой параболы и совершил два полных витка вокруг незаурядных персонажей гражданской войны: Примакова и Богаченко.

Но если все предыдущие удачи в какой-то мере обусловлены тем, что мастер имел перед собой живую натуру, то уж действительным чудом является произведение «Примаков». Он его создавал, делал, много раз переделывал лишь по рассказам людей, знавших героя. И если у одних изваяние этого персонажа имеет портретное сходство с ним, у других — образное, то скульптору Диденко удалось сотворить исчерпывающий интеграл.

Суметь перевоплотить отдельные и противоречивые впечатления далекой поры в зримые и природные черты героического рейдиста, мыслящего полководца и мечтательного бойца мог лишь резец высокоодаренного мастера. Как и шедевр Антокольского «Иван Грозный» из Русского музея в Ленинграде, диденковская версия «Примакова» не нуждается ни в надписи, ни в расшифровке...

Какой-то ореол покоя присущ этому деятелю, но любой скажет, что это тот покой, который бывает перед крупным боем, перед генеральным сражением, перед новыми схватками со смертельным врагом. Художник, видать, знал строки из автобиографии Виталия Марковича о том, что его донимают прошлые раны и контузии, но по первому зову партии он готов к бою...

Бюст же червонного казака Емельяна Богаченко, скажем прямо, не вызывает восхищения. Слишком он выглядит, да еще в мрачноватом материале, повседневным, слишком пенсионерским. А ведь это был отчаянный рубака. Вот тут не грех было бы кое-что приукрасить и кое-что приподнять.

* * *

Перед фигурой создателя монументального труда «Люди с чистой совестью» можно простоять долго. Без присущей многим портретам претенциозной позы и величественного жеста, она более всех вызывает пестрые ассоциации, сложные и противоречивые мысли.

Знаменитый партизанский разведчик подан в генеральской форме. Но чуть иронический взгляд и едва заметная сардоническая, незаурядная усмешка, тонко переданные резцом, говорят посетителям выставки: «Ну, какой из меня, люди добрые, генерал? Когда весь народ поголовно поднялся на борьбу, на священную войну, и я не остался в стороне. Внес свою крохотную лепту. Стал генералом. А по сути говоря, мой природный удел — это не удел воевателя, а повествователя... Почитайте внимательно еще раз мою книгу...»

Как-то Вершигора сказал мне: «Я и не подозревал, что смелые операции Ковпака были повторением, но в иных условиях, знаменитых примаковских рейдов». Надо отдать должное генералу-писателю — своими журнальными публикациями он внес ощутимый вклад в дело обобщения партизанского опыта. И сделал это не хуже иного генерала-академика. Честь ему и хвала!

Но мечтал он о другом. И это тонко подметил скульптор. В глазах мраморного Вершигоры таится грусть о большом и значительном творчестве. Та грусть, которая говорит любому труженику пера: «Главная твоя книга впереди. И назвать ее главной должен не кто-либо, а нелицеприятная народная память».

Вспомнилась наша встреча в Кишиневе в 1962 году. По дороге до гостиницы все встречные отвешивали низкий поклон моему бородатому спутнику. Школьники, забегая вперед, приветствовали героя: «Бунэ зыуа, баде Петра! Бунэ зыуа, баде женерал!» Да, вот таким всенародно признанным легендарным витязем и в то же время добродушным общедоступным «баде Петра» и показал Вершигору скульптор.

Явившись к нам в шумную гостиницу «Кишинев», Петр Петрович в радостном возбуждении предложил сделать совместно сценарий или даже пьесу.

Пожаловался на свой «мотор» — держит его в строгой узде, но по случаю встречи он выпил бы сто граммов... высококалорийного кефира. Был поздний час. Магазины закрывались. Но когда через запертую дверь было сказано,

что молочный продукт нужен Вершигоре, случилось чудо: сам директор гастронома вручил посланцу заветную бутылку...

Я тогда ответил, что представить значительную эпоху на экране или же на сцене мог бы лишь один драматург — Шекспир. Но партизанский генерал крепко зажегся той идеей. На следующий день, поздно вернувшись в гостиницу, нашел я у себя записку: «Был у Вас в 14.30 и убедился, что кавалериста-танкиста мне не догнать... Надо загодя удирать домой в Голерканы. Барахлят оба мотора — машины и мой. Жаль! А может, нашлись бы и Шекспиры. Он ведь тоже хроники писал. Позвоню вечером. Привет. П. Вершигора».

Даже в этой по-партизански кратенькой записке чувствуется великая грусть по большому творчеству. Размышления у скульптора-рейдиста напомнили мне еще об одном его письме от 8 декабря 1962 года: «Есть о чем сказать людям, сказать нашу солдатскую правду. Я поэтому и схватился за Ваше творчество о героях гражданской войны, героях, которых я еще мальчишкой видел и которые формировали мое сознание. Может быть, опираясь на Ваши исследования, удастся создать трагедию... Цель у нас одна — рассказать людям о людях, о действительных талантах».

Вот эта самая доброкачественная грусть о еще не совершенном постоянно ютилась в чуть усталых глазах Вершигоры. Казалось, что та грусть непрестанно струится и по шелковистым прядям его роскошной бороды.

Конечно, тот ваятель, который гоняется за внешним, чисто показным эффектом, имея перед собой такую колоритную натуру, приказал бы своему резцу позаботиться о черточках и линиях некоего величия — ведь ему позировал крупнейший мастер партизанских рейдов, кто с успехом провел дерзкую операцию по тылам врага к Сану и к Висле. Мог отобразить в том портрете черты некоей импозантности — ведь перед ним был лик автора значительной книги, книги-флагмана в кильватерной линии партизанских мемуаров. Он мог придать своему герою больше осанки и величия — ведь он создавал в камне одного из самых популярных партизанских деятелей.

Но Диденко, творя сложный психологический портрет, не пошел по стопам того мастера древности, который знал, что кривоглазого падишаха следует рисовать лишь в профиль, а хромоножку Тимура надо деликатно заставить позировать с ногой, упирающейся в камень. Уловив в на-

туре основное, Диденко ничего к ней не прибавил и ничего от нее не отнял. Это и определило большую творческую победу.

Наши кишиневские беседы напомнили мне другого человека, который как-то явился в Харьков, прежнюю столицу, из своего тихого уголка на берегу Ворсклы,— Мате Залку. Он любил пошутить: «Удрал от городского шума, от сектантов, которые отсекают от читателя нашего брата». А ведь Мате Залка — литератор был одним из немногих краснознаменцев гражданской войны...

Один удалился от городского шума на просторы Полтавщины, а затем на поля Испании, там стал знаменитым генералом Лукачем, навечно войдя в Пантеон героев, может, даже вопреки ожиданиям тех же «сектантов». Другой сначала стал знаменитым генералом на славном боевом поприще и после этого в интересах дальнейшего литературного творчества удалился в дубоссарскую тишь.

Все это в своей сложной и противоречивой совокупности и создало то настроение, будто на выставке произведений Кирилла Диденко я снова веду тихие дружеские беседы с тем замечательным человеком, с «баде Петра», с «баде жeнералом», который мечтал лишь об одном — рассказать людям нашу солдатскую правду...

Работы скульптора — это рассказ о его творческом пути. Словно увлекательнейший роман, листаешь эту шелестящую героическими страницами, прекрасную книгу грозного бытия, книгу из камня про богатырей, шедших на кровавый бой с врагом в его же тылу. И думается, что после рождающих высокие эмоции размышлений у диденковских скульптур посетители чудесного уголка покинут его с чувством глубокой признательности к ваятелю, показавшему людям свой чудесный автограф.

ТРУБАЧИ ТРУБЯТ ТРЕВОГУ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

САБЛИ ЧЕРВОННЫХ КАЗАКОВ

Под Перекопом

Что можно сказать о самочувствии человека, ждущего казни?

На войне каждый, сражаясь и поражая насмерть врага, сам постоянно рискует. Смерть здесь подстерегает на каждом шагу. Но на фронте она бывает разной: может быть славной и прекрасной, как песня, может быть и совсем другой... Меня ожидала именно другая, бесславная.

В бою мне не раз приходилось смотреть смерти в глаза. А тут, сознаюсь, стало страшно. Лучше бы встретиться с ней в чистом поле, сидя верхом на коне. А каково же принять ее от своих? От товарищей и друзей, с которыми делил и радость и горе, и первое испытание судьбы и первый удар врага, и последнее слово утешения и последний глоток пресной воды?

Теперь, спустя много лет, вспоминаю, что надежд на спасение было очень мало. Нет, не в силу тяжести моей вины, а в силу тяжести обстановки тех значительных и суровых дней. На того, кто объявил мне суровое решение, я даже обидеться не имел права. Солдат революции обязан подчиняться всем ее законам: и добрым, и суровым.

В эпоху коренной ломки всего старого, в пылу ожесточеннейшей борьбы тот, кого обвиняли в нарушении долга, не мог рассчитывать на снисхождение.

Находясь под стражей в сельской клуне и ежеминутно ожидая вызова, я думал о своей судьбе. Вспомнились пушкинские слова: «Заутра казнь. Но без боязни он мыслит об ужасной казни...» Может, это так и было. Но Кочубей уже сгибался под тяжестью десятилетий. Это не двадцать один год!

И может, это уже было малодушием, но в те страшные минуты я очень жалел, почему накануне, 14 апреля 1920 года, когда из-за Перекопского вала выполз английский танк, пулеметная очередь врангелевца вывела из

строя нашего командира, а не сразила меня — комиссара полка.

Но что же, в конце концов, случилось? Чем я провинился? Откуда навалилась беда?

Под Перекоп весной 1920 года в 42-ю стрелковую шахтерскую дивизию, в ее 13-ю отдельную кавалерийскую бригаду, состоявшую из Орловского и Алатырского полков, прибыл 1-й Московский конный полк. После этого Орловский объединили с Алатырским, которым командовал Демичев — в прошлом наборщик из города Карачева. Комиссаром новой, объединенной части назначили меня — бывшего комиссара Орловского полка.

Подпрапорщик царской кавалерии Михаил Афанасьевич Демичев, впоследствии командир 1-го конного корпуса Червонного казачества, начал службу в Красной Армии в должности взводного командира. Крепкого телосложения, с вечно насупленными бровями, из-под которых блестели умные серые глаза, он был человеком дела, а не красивых слов. Отеческим отношением к людям и скромной, непоказной отвагой Демичев завоевал крепкую привязанность подчиненных.

В походах бывший подпрапорщик не расставался с кожаной курткой, высокими, почти охотничьими сапогами, шоферскими перчатками-крагами и с вечно дымящейся трубкой.

Незадолго до слияния полков алатырцы совершили героический подвиг, вызвав своим бесстрашием восхищение всех войск Перекопского фронта. Глубокой ночью, пройдя по замерзшему Сивашу, они налетели на мыс Тюп-Джанкой, захватили позиции вражеской береговой артиллерии и разгромили Керчь-Еникальский полк Врангеля.

Красные конники порубили немало беляков, подорвали орудия и вернулись в Строгановку с сорока трофейными пулеметами и семьюстами пятьюдесятью пленными.

За Тюп-Джанкой полк был награжден знаменем ВЦИК, а многие алатырцы вместе с их командиром Демичевым и комиссаром Генде-Ротте[1] — орденами Красного Знамени. Ходил на Тюп-Джанкой и молодой краском Николай Логинов[2].

---

[1] Позднее А. Э. Генде-Ротте командовал 2-м полком. В Москве был директором фабрики «Освобожденный труд», затем заместителем председателя Моссовета.

[2] Н. А. Логинов в годы Великой Отечественной войны был первым секретарем Тамбовского обкома партии.

С Демичевым мы поработали недолго. Я заболел сыпняком. Моему ординарцу Сливе, отвезшему меня в Асканию-Нова, в дивизионный лазарет, не понравилось там: в Аскании из десяти больных лишь один выздоравливал. Слива повез меня обратно в Новодмитровку.

Молодой организм, неустанные заботы боевого ординарца и старушки квартирохозяйки помогли мне справиться с тяжелым недугом. Как только вернулись силы, я снова сел на коня.

Вскоре начались ожесточенные бои под Перекопом. 14 апреля на штурм Турецкого вала двинулась 42-я стрелковая шахтерская дивизия Нестеровича, Латышская — Калниня, 3-я — Козицкого, 8-я червоннo-казачья — Примакова и 13-я отдельная кавалерийская бригада — Микулина.

Бесстрашные латыши, наступая во весь рост, сломали сопротивление офицерских полков генерала Слащева и первыми ворвались в Перекоп. Там они оставались недолго. Врангелевское командование бросило в контратаку горскую конницу Улагая, кубанцев Шкуро и донцев Морозова, а также конногвардейский полк, состоявший из немецких колонистов Таврии. Вместе с конницей обрушились на латышских стрелков белогвардейские самолеты, французские броневики и английские танки. Латышам пришлось отойти.

Червонные казаки Примакова и полки из бригады Микулина отбили все атаки белой кавалерии. Они и сами не раз бросались на врангелевцев, вынудив их уйти за Турецкий вал. Но этот успех дался нелегко. В широкой степи за Преображенкой осталось много наших людей, сраженных клинками белогвардейцев.

Объединенный Алатырский полк с рассвета до поздних сумерек, пока не утихла эта памятная битва 14 апреля 1920 года, под огнем вражеских самолетов и танков удерживал упиравшийся в Сиваш левый, восточный участок Перекопского фронта.

В тот день наш полк, потеряв до четверти своего состава убитыми и ранеными, не пал духом, не дрогнул даже тогда, когда вышел из строя его командир Демичев.

На ночь нас отвели в Первоконстантиновку. Еще по дороге в село комбриг Владимир Микулин и наш новый военком бригады Альберт Гендe спросили меня, кто бы мог вместо раненого Демичева возглавить полк. Я назвал Ивана Самойлова, краскома, командира сабельного эскадрона, бывшего череповецкого пастуха.

— А мы с комиссаром полагаем, что лучше всех справится с полком Шротас,— сказал Микулин.

Я категорически возразил против этой кандидатуры. Пий Казимирович Шротас, уроженец города Вильно, которого бойцы в шутку называли Пий Сто Десятый, командир пулеметного эскадрона, человек, знавший свое дело, не трусливый, с холодной головой, но и с холодным сердцем, был слишком флегматичен, чтобы возглавить кавалерийский полк.

— Назначим Шротаса,— настаивал комбриг,— он все же бывший офицер, у него больше опыта.

— Пусть командует Пий Казимирович,— поддержал Микулина комиссар,— а потом видно будет.

На 15 апреля в 6.00 намечалась повторная атака Перекопа, но нам с новым командиром полка Пием Сто Десятым не пришлось в ней участвовать...

Ночью в Первоконстантиновке Шротас, усадив против себя адъютанта, продиктовал ему приказ, назначив время подъема в 5.00. После тяжелого боя люди очень устали, и я высказал опасение, что из-за позднего подъема полк вовремя не соберется. Шротас успокоил меня, заявив, что он лично объедет подразделения и все будет в порядке.

Перед рассветом все штабные работники разъехались по эскадронам, чтобы поторопить их с выступлением, но в 5.30 утра, когда мы должны были уже двигаться к Перекопу, полк находился еще в селе. К нашему штабу на громоздком «бенце» подкатил начальник 42-й дивизии Нестерович. Ему оперативно подчинялась наша 13-я бригада. Не желая никого слушать, начдив заявил:

— За опоздание полка — расстрел.

Сам сказочной отваги, Нестерович слыл как человек, скорый на расправу. Так что, очутившись в «бенце» начдива, мы поняли, что тут не до шуток.

Весь день мы со Шротасом провели в распоряжении штаба 42-й дивизии, не обмолвившись ни единым словом. За стеной цвели вишни, чирикали воробьи, звала к жизни ароматная таврическая весна. «Там, под Перекопом,— думал я,— твои боевые товарищи штурмуют укрепления белогвардейцев, а ты ждешь суровой расплаты за интеллигентную деликатность. Надо было настойчивей разговаривать с новым командиром».

И в то же время горечь моих, как мне казалось, незаслуженных переживаний облегчалась каким-то недобрым, злорадным чувством: «А все же я был прав, когда давал отвод Пию Сто Десятому».

Нестерович был не только начдивом, которому подчинялась 13-я бригада, но и начальником Перекопского боевого участка. Высшая власть! Человек волевой и решительный не станет попусту бросаться словами. И все же у нас теплилась надежда. Ведь судьи перед вынесением приговора будут разбираться в обстоятельствах дела. Расстреливают врагов, и то не всегда и не всех. А мы со Шротасом не шпионы, не мародеры, не белогвардейцы. За нашими плечами немало атак, десятки боев, тяжелые переходы. И это известно если не Нестеровичу, то нашим друзьям и товарищам, командиру и комиссару бригады. Разве их не волнует наша участь? Нет, не может этого быть!

Поздно ночью 15 апреля, после тягостного двадцатичасового ожидания, нас доставили в штаб боевого участка. Там в накуренном помещении уже собрался полевой суд. Он состоял из Нестеровича, Микулина, Генде.

Лишь мы переступили порог, Нестерович оглушил нас раскатистым басом:

— О! Явились орлы! Скажите спасибо вот им,— указал он зажатым в руке циркулем на членов суда,— иначе подсек бы я вам крылья. Для примера, конечно...

Да, я не ошибся в старших товарищах. Микулин, воспитанный в интеллигентной передовой семье, располагал к себе мужественным благородством. Ему претила любая несправедливость. Комиссар, лодзинский пролетарий, коммунист с 1905 года, бывший царский артиллерист-фейерверкер Альберт Генде, душа нашей бригады, тоже был не из тех, кто равнодушно проходит мимо беды товарища.

— Лошадь на четырех ногах и та спотыкается,— подбадривая нас улыбкой, сказал Микулин.— За промах бьют, но не убивают, товарищ начдив. Таким гвардейцам место на коне, а не под конем...

— К тому же Алатырский полк поработал сегодня на славу,— добавил Генде.— И полк, и его командир Самойлов...

Тут комиссар многозначительно посмотрел на меня. Казалось, его взгляд выражал раскаяние: мол, вот же, не вняв совету, поставили во главе полка не того, кого следовало...

Нестерович, взмахнув повелительно циркулем, услал стражу. Вмиг стало легче дышать.

— Прощаю вас,— сказал грозный начдив.— Но пример все же нужен. Властью начальника боеучастка я вас

разжаловал... Еще будут бои на Перекопе. Вот и искупайте свою вину...

Еще сильнее чувствуешь, как хороша жизнь, когда, хоть и ненадолго, столкнулся носом к носу с угрозой смерти. Есть все же правда, хорошая, светлая правда на нашей земле! Есть хорошие люди, есть настоящие товарищи! А главное, если и придется отдать жизнь, то по крайней мере с оружием в руках, в борьбе за правое дело, в схватке с врагом.

В качестве рядового я попал в Московский кавалерийский полк, в 3-й эскадрон Дмитрия Швеца. Лихой рубака, он сразу же после подъема, уладив эскадронные дела, принимался точить клинок и брить голову. «Мои предки — сечевики,— заявлял Швец у походного точила,— а у запорожца сабля должна быть острой и лоб голый».

Председатель коммунистической ячейки нашего эскадрона Георгий Сазыкин [1], рабочий Невского завода, участвовал в штурме Зимнего дворца. Худенький, с приятным умным лицом, черноглазый, он пользовался всеобщей любовью. На отдыхе он созывал партийцев и каждому давал отдельное задание. Себе брал самое сложное. В эскадроне все время чувствовалось влияние коммунистов. В бою они первыми бросались в атаку на врага.

Сазыкин участвовал во всех боях Червонного казачества, куда после влился Московский полк. Ходил он в Проскуровский, Тернопольский, Стрыйский рейды. Одним из первых в августе 1920 года прорвался в город Стрый через мосты, оборонявшиеся белопольской пехотой. С пулеметчиком Семеном Богдановым [2] освободил заключенных из стрыйской тюрьмы. Впоследствии Георгий Павлович Сазыкин был комиссаром 3-го червоннооказачьего полка.

В мае под Перекопом наступило затишье. В новой части меня, как и других рядовых бойцов, наряжали для патрулирования Черноморского побережья.

Командование войск Перекопского участка, занятое подготовкой штурма вражеских укреплений, ослабило наблюдение за своим побережьем. Этим воспользовались бе-

---

[1] Г. П. Сазыкин долго возглавлял в Ленинграде крупный строительный железнодорожный трест. Ныне там же стоит во главе Совета старых большевиков Октябрьского района.

[2] С. П. Богданов в годы, когда создавалась эта повесть, жил в Ленинграде.

логвардейцы. 15 апреля, как раз в тот день, когда мы со Шротасом жестоко поплатились за свою неопытность, они в Хорлах высадили десант во главе с генералом Витковским. В полках Витковского под ружьем стояли офицеры-золотопогонники, сынки помещиков и капиталистов. Взводами командовали капитаны, а ротами — полковники.

Захватив кусок твердой земли, офицерский десант отбросил слабые части береговой обороны и нанес удар пехотной бригаде Маркиана Германовича. Витковский нацеливался на тылы перекопской группы войск и на позиции советской тяжелой артиллерии.

Вот тут-то и была поднята по тревоге червонноказачья дивизия Примакова. Штаб-трубачи вихрем носились по улицам Строгановки, Владимировки, Первоконстантиновки, Чаплинки — по всему охваченному тревогой побережью.

В то утро горнисты дивизии, среди которых были и безусые подростки, и седоголовые ветераны (один из этих славных стариканов, усач Рудый, в прошлом состоял штаб-трубачом при Николае Николаевиче, царском дядюшке), не трубили ни бодрого «подъема», ни лирической «седловки», ни строгого «сбора».

В то утро на просторах Таврической степи трубачи трубили лишь одну мелодию — сигнал «тревога»:

Та-та-та-та, та-та-та-та...
Тревогу трубят,
Скорей седлай коня,
Но без суеты,
Оружье оправь,
Себя осмотри,
Тихо на сборное место коня веди,
Стой смирно и приказа жди...

Полкам червонных казаков не пришлось тогда ни долго оставаться на сборном месте, ни томиться в ожидании приказа.

Послушные сигналам трубы, под командой своего молодого начдива, будоража степную тишину гулким топотом копыт, понеслись они с севера на юг, к Преображенке — фальцфейновской вотчине, и дальше — к Хорлам.

Когда начдив Примаков вел своих всадников навстречу белогвардейскому десанту, над степью звучали лишь два сигнала, хорошо усвоенные не только бесстрашными кавалеристами, но и их лошадьми. Это был сигнал «галопа»:

Всадники, двигайте ваших коней
В поле галопом резвей...—

и сигнал «карьера»:

Скачи, лети стрелой!

Атакованный червонными казаками сначала в чистом поле, а затем на Преображенском кладбище, десант генерала Витковского понес большие потери, и лишь ценой огромных усилий ему удалось прорваться к своим в Перекоп.

В том страшном бою хорошо поработали лихие пушкари из батареи Сергея Лозовского.

Сраженный осколком снаряда, погиб командир 4-го червоннoказачьего полка Илья Гончаренко. Другим осколком был ранен комиссар бригады Савва Макарович Иванина, тот самый, который в 1906 году взбунтовал заключенных козелецкой тюрьмы [1].

После 15 апреля командование, опасаясь повторных вылазок белогвардейцев, усилило наблюдение за морскими подступами к нашему расположению. Днем и ночью конные патрули контролировали участок побережья от Хорлов до Скадовска. Всю ночь мы, патрульные, следуя глухими прибрежными тропками, наблюдали за морем, а вернувшись на рассвете в эскадрон, чистили и кормили коней, после чего до вечера спали.

В конце мая бригада Микулина вошла в состав 8-й червоннoказачьей дивизии. Алатырский полк стал пятым, а Московский — шестым червоннoказачьим полком. Вернулся в строй Демичев. Разжалованный Пий Сто Десятый получил снова пулеметный эскадрон.

Золотыми буквами вписаны в историю гражданской войны осуществленные под руководством большевика Примакова четырнадцать рейдов червонных казаков по тылам Деникина, пилсудчиков и гайдамаков.

Военные успехи, боевые удачи, выпавшие на долю молодого Примакова, могли бы вскружить голову и более зрелому человеку. Но этого не случилось. В рядах Червонного казачества, не утихая ни на миг, все время звучал голос коммунистов-рабочих, сплачивавших казаков вокруг партии Ленина. Ленинские комиссары учили их, что «никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и не герой». Избавленье — это они знали прекрасно — может

---

[1] Председатель Совета ветеранов Червонного казачества. Киев, 1957—1970 гг.

быть завоевано самим народом, сплоченной массой, руководимой большевистской партией, осуществляющей ленинские идеи. А партия уже выдвигала вожаков масс.

Да и весь жизненный путь Примакова — подпольные кружки, ленинские идеи, суровая школа царской тюрьмы, грозный и человечный дух Буревестника — все это гарантировало от атаманщины, от великого греха ницшеанства, делящего людей на обыкновенных смертных и на сверхчеловеков.

С большой теплотой пишут ветераны о боевом вожаке Червонного казачества.

«Я знал его горячую любовь к добру,— писал Прохор Маслак из села Омбыш,— любовь ко всему прекрасному и высокому, его ненависть ко всякой пошлости и произволу. Нельзя ли начать собирать средства среди червонных казаков для сооружения памятника Виталию Марковичу Примакову? Это был бы памятник от народа, а Виталий Маркович такой памятник заслужил».

Было в Красной Армии много кавалерийских бригад, прочно вошедших в историю. И среди них по заслугам первое место принадлежит кавбригаде Котовского. В годы гражданской войны действовали две конные армии, но народ не без оснований больше всего помнит Первую Конную армию Буденного. Советская конница насчитывала несколько боевых корпусов, но среди прочих выделялся героическими подвигами и особенно классическими операциями во вражеском тылу Первый конный корпус Червонного казачества Примакова.

«Синий кирасир»

Червонное казачество, пополненное бригадой Микулина и добровольцами с Украины, в районе Чаплинки усердно занималось боевой подготовкой. Однажды комиссар дивизии Евгений Петровский собрал в Чаплинской школе партийный актив. Отправляясь в политотдел с большой группой коммунистов, Генде велел ехать и мне.

Гремя шашками, мы ввалились в класс. Старые бойцы дивизии потеснились, дали место на партах новым товарищам, с которыми еще неделю назад вместе крошили и слащевскую пехоту, и конницу Улагая.

Открыл собрание Петровский. Среднего роста, худенький, голубоглазый, с прядью золотистых волос, выбивавшихся из-под серой папахи, он какое-то время не мог

справиться со своим смущением. Ведь многие из подчиненных комиссаров — Генде, Рекстин, Гавриш — были почти вдвое старше двадцатилетнего военкомдива.

О Евгении Петровском я много слышал от его брата Николая [1], политработника 42-й дивизии, с которым летом 1919 года из Киева мы отправлялись на деникинский фронт.

Евгений рос в семье учителя в селе Бабица на Холмщине. Вместе со старшим братом Сергеем еще в Люблине он деятельно работал в революционных кружках. Коммунист с 1917 года, студент Евгений, служащий черниговского земства, в 1918 году возглавил губернский повстанческий комитет. В октябре был приговорен оккупантами к восьми годам каторги. В декабре освобожден из тюрьмы партизанами. В январе 1919 года его избрали в губком партии, а в августе назначили комиссаром Червонного казачества.

— Товарищи,— начал речь военкомдив,— тревожные вести идут с Украины. Обнаглевший пан Пилсудский и его лакей добродий Петлюра захватили Киев. Но не пановать интервентам на Украине. Ей на помощь по зову Ленина идут уже русские браты. По решению Москвы пойдем вызволять Украину и мы, червонные казаки...

Гул одобрения вспыхнул во всех уголках просторного класса. Работники подива, бесшумно скользя по проходам, клали перед нами свежеотпечатанные номера газеты «Червонный казак» с броскими аншлагами: «На польскую шляхту!», «Сто сот болячек гаду Петлюре!», «Даешь Киев!»

Петровский говорил горячо и долго. Наставлял коммунистов, как объяснять казакам цель предстоящего похода. Отметил особенность новой обстановки — возможность вспышки шовинистических и националистических настроений. Подчеркивал, что предстоит война не с польским народом, а с польской шляхтой. Требовал блюсти честь красноармейца: по отдельному бойцу население Западной Украины будет судить о всей Красной Армии. Напоминал, что поход потребует от коммунистов большого труда и умения лавировать в сложнейших условиях.

Мы знали, что недолговечный успех Пилсудского был обеспечен ударами многочисленных петлюровских банд, разбойничавших в тылу Красной Армии.

---

[1] Н. И. Петровский ныне заведует кафедрой Львовского университета.

Петровский, поборов смущение, уже твердым голосом признанного партийного вожака требовал, чтобы коммунисты во время движения на новый фронт, работая не покладая рук, исподволь готовили победу.

— Густой гребень,— говорил он,— и гонит нечисть с головы, и приводит в порядок шевелюру. Наша дивизия, продвигаясь гребнем на широком фронте, обязана ликвидировать петлюровскую нечисть, разгромить интервентов, подбодрить друзей, просветить околпаченных и укрепить терроризированные бандами местные органы Советской власти. И про буквари помните. Чтоб к концу похода каждый боец мог прочитать газету и нацарапать письмо. Сами с начдивом проверим...

После него выступил закаленный в революционных боях польский пролетарий комиссар Альберт Генде. Высокого роста, плечистый, энергично жестикулируя, он страстной, насыщенной юмором речью захватил всех нас.

— В газетах иногда пишут: «Бей панов!» Вот тут как бы нам не перебрать. А почему? Потому что у нас, в Польше, всяк голоштан и тот пан! Очень просто попасть впросак. Мы можем оттолкнуть от себя тех, кого идем освобождать. Шовинисты, соглашатели, ксендзы подымут вой: «Давил нас царь, идут давить и большевики». Давайте лучше говорить так: «Бей польскую шляхту!» Так будет вернее. А бить ее надо. Она у меня вот где сидит.— Генде провел рукой по затылку.— Ходила шляхта разодетая в шелка, бархаты. Кто их ткал? Мой дед, отец, я! Сами носили ошмотья, жили впроголодь. У шляхты — это надо помнить крепко — два оружия. Под копытами она хватается за лесть, в седле — за месть. Не завидую тому, кто забудет о бдительности. Опасен и хвастливый шляхтич, но бойтесь больше всего тихого, угодливого, льстивого панка. А особенно — паненок! И все же верю: наше Червонное казачество задаст гонорливой шляхте жару. Носом своим чувствую...

Эти слова вызвали дружный смех всей аудитории. Действительно, нос у военкомбрига был выдающийся. Как говорят: на двоих рос — одному достался. Огромный, с крупными ноздрями, он казался высеченным из цельного куска гранита. Ходил даже среди бойцов такой анекдот. Однажды в хату, где завтракал Генде, влетел ординарец. Впопыхах крикнул: «Тикаем, беляки под носом!» Генде, продолжая трапезничать, невозмутимо ответил: «Смотря под каким носом. Если под моим, то я еще успею прикончить яичницу и запить ее молоком!»

После собрания Генде, беседовавший у классной доски с Петровским, подозвал меня. Я подошел. Комиссар дивизии, протянув мне руку, сказал:

— Принимайте шестой полк.

Удивленный, я не знал, что ответить. А потом напомнил:

— Я ведь разжалованный...

— Знаю,— ответил военкомдив.— Теперь ваша бригада подчиняется не Нестеровичу, а Примакову. А потом,— он улыбнулся,— за одного битого двух небитых дают... И помните слова нашего начдива: до боя комиссар действует словом, в бою — клинком...

— Этого девиза и мы придерживаемся,— ответил за меня Генде.

С 6-м полком мне не пришлось долго знакомиться. Полуторамесячная служба в качестве рядового помогла мне хорошо узнать и его бойцов, и его командиров.

Командовал этой частью Красков, бывший унтер-офицер «его императорского величества полка синих кирасиров». Рослый, осанистый, с невыразительным крупным лицом, он отличался тем, что очень много говорил. Это он считал своей основной командирской обязанностью. Ни в какое сравнение он не шел с энергичным, волевым Демичевым. И вот с этим человеком, с «синим кирасиром» Красковым, мне предстояло готовить 6-й полк к новому походу.

С Кавказа форсированным маршем двинулась на Украину Первая Конная армия Буденного. Начали готовиться к трудному походу и мы, червонные казаки. Под Перекоп, нам на смену, стали прибывать первые эшелоны крепких сибирских и уральских дивизий.

Целый месяц занял наш марш из-под Перекопа на новый фронт. Шесть полков стремительной конницы и хорошо слаженный артиллерийский дивизион двигались семью разными дорогами к одному общему пункту — к Хмельнику.

Первую колонну, состоявшую из самых старых, самых закаленных бойцов Червонного казачества, вел бахмутский шахтер Василий Гаврилович Федоренко.

Именно об этой боевой единице газета «Красная Армия» писала 28 марта 1922 года: «Первый полк Червонного казачества за боевые заслуги получил на почетный штандарт полка орден Красного Знамени. Это старейшая украинская советская регулярная кавалерийская часть... Кровью казаков и вражьей кровью окроплен путь первого

полка. На крови этой крепко стоит Республика Советов. На традициях славного полка вырос могучий корпус».

Эта «старейшая украинская советская регулярная кавалерийская часть» начала свое существование спустя два дня после опубликования следующего документа:

«Постанова Народного секретаріату Української Республіки від 25 грудня 1917 року.

Доручається Військово-Революційному Комітетові при ЦВК РС та СД України приступити до організації Червоного козацтва в загальноукраїнськім масштабі під керівництвом робітничо-селянського уряду України...

Народний секретаріат — *Євгенія БОШ*, *Володимир ЛЮКСЕМБУРГ*, *Юрій КОЦЮБИНСЬКИЙ*
Головний секретар *Юрій ЛАПЧИНСЬКИЙ*».

Пантелеймон Потапенко возглавлял колонну 2-го полка. Он прошел трудный путь от бойца до командира части. Революция освободила его из царской каторги. Отец и товарищ каждому бойцу, он дорожил именем червонного казака и сурово взыскивал с каждого, кто пренебрегал железными законами воинской службы. Не давал он пощады лодырям, трусам, барахольщикам. А вообще с людьми был добр. По пути полк непрестанно рос. Потапенко охотно принимал всех, кто хотел бороться с врагами молодой Республики.

Подкручивая большие рыжие усы, Потапенко, непревзойденный мастер простой солдатской шутки, и на походе, и на стоянке, и во время боя всегда находился среди казаков. Лучшую сотню полка возглавлял родной брат Пантелеймона Романовича, а крепкий как дуб их отец держал в умелых руках хозяйство части. Боевую основу этой лучшей в дивизии единицы составляли добровольцы из села Барвенково Харьковской области — родины Пантелеймона Потапенко.

3-й полк вел Иван Хвистецкий. Царские казармы, а потом и окопы первой мировой войны не вытравили из него духа рудокопа Домбровщины. Не служив никогда прежде в кавалерии, он не раз водил свой полк в атаки против деникинской конницы.

Хвистецкий думал медленно, но крепко. Не зря штабники называли его в шутку Фабий Кунктатор — по имени медлительного римского полководца — и при этом шутили: «Пока Иван Фортунатович отдает приказ на атаку, у его бойцов вырастают бороды». Как старательный хозя-

ни, польский углекоп берег людей, конский состав и только по приказу свыше неохотно подавал команду «рысью». 3-му полку давали те задания, которые требовали систематического, упорного, методического натиска.

Во главе четвертой колонны шел антипод Хвистецкого — отчаянный Степан Новиков. Он имел горячее сердце и горячую голову. Его боевой задор заражал всех кавалеристов полка. Новиков, на стройном коне, с кривой шашкой, под Перекопом выезжал на единоборство с всадниками Врангеля. Смелый наскок, отважная атака, кавалерийский ва-банк — такие задачи обычно решал 4-й полк.

Колонны 5-го и 6-го полков следовали на запад, предводимые Демичевым и Красковым.

Пушки червонных казаков — седьмую колонну дивизии — вел Михаил Зюка, земляк начдива, вернувшийся из царской ссылки в 1917 году. Во время январского восстания 1918 года против Центральной рады он командовал батарееи киевских железнодорожников.

Пушками, отбитыми у немецких оккупантов и у деникинцев, Михаил Осипович укомплектовал артиллерийский дивизион. В самые горячие минуты на батареях не умолкало слово большевика Зюки. Его излюбленной командой была: «Коммунары, огонь!» И сейчас ветераны тепло вспоминают Михаила Зюку — бесстрашного начальника артиллерии Червонного казачества.

Два полка составляли бригаду. Во главе 1-й бригады стоял смелый кавалерист из московских рабочих Петр Петрович Григорьев; 2-й командовал бывший царский офицер Сметанников; 3-ю возглавлял Владимир Микулин.

Более трех тысяч одних сабель вел из-под Перекопа командир червонных казаков Виталий Примаков. Чтобы сплотить вокруг партии Ленина и повести в бой за молодую Советскую Республику рабочего Харьковского паровозного завода, металлиста киевского «Арсенала», незаможника из Решетиловки и Кобеляк, батрака из Люботина и Мерефы, новомосковского и келибердянского середняка, шапочника из Волчанска и закройщика из Лубен, штаб-ротмистров из Москвы и Питера, надо было быть большевиком Примаковым.

После тяжелых, изнурительных боев под Перекопом люди, двигаясь на новый фронт, хорошо отдохнули, окрепли. Но не отдыхали в пути коммунисты и политические работники. В селах Таврии, Херсонщины, Подолии они организовывали перевыборы органов Советской

власти, звали под наши знамена добровольцев, вылавливали недобитых «самостийников» и петлюровских атаманов, неустанно поднимали боевой дух кавалеристов, готовя их к схватке с коварной шляхтой.

Во время первой половины дневного перехода, вплоть до привала на обед, в колоннах распоряжались учителя. Комиссар дивизии говорил еще раньше: «Помните про букварь!» А их, этих самых букварей, — по одному на сотню, и то не на каждую. Да и что проку в них? Печатали их еще для церковноприходских школ. На первых страницах было то, что годилось и для неграмотных казаков: «па-па, ма-ма», а дальше шло такое, что не хотелось и читать: «Без бога ни до порога», «Бог на небе, царь на земле», «За богом молитва, за царем служба не пропадут».

И стал наш полковой учитель Александр Трофимов сам выпускать буквари. Текст писал крупно на обрывках картона и в тройке всадников вешал их на спину среднему. Задняя шеренга, заглядывая в эти своеобразные партитуры, выводила в голос: «За Со-ве-ты, впе-ред!», «Да-ешь шлях-ту!», «Серп и мо-лот по-бе-дят го-лод».

За время марша полки политически еще больше закалились, а количественно выросли вдвое. 6-й полк (бывший 1-й Московский), состоявший из добровольцев — москвичей, рязанцев и туляков, пришедших в армию по зову партии: «Пролетарий, на коня!» — насчитывал уже в своих рядах добрую половину украинцев, но его бойцов по-прежнему называли «москвичами». Из числа добровольцев вместо раненного под Перекопом Сливы поступил ко мне в ординарцы каховчанин Семен Очерет.

Утром он был зачислен, принял лошадей и, отпросившись на часок домой, к обеду вернулся. Рослый детина со смуглым тонким лицом вошел в штабную хату уже с карабином за спиной и с шашкой у пояса. Поставил на скамейку довольно вместительную посудину — плетеную сулею. Накинул на ее горловину снятый с левой руки огромный, с румяной корочкой крендель. Новичок небрежным взмахом руки взбил смолистый, в мелких кудряшках чуб, торчавший из-под широкополой крестьянской шляпы — бриля.

— Эй ты, крендель, откудова ты такой взялся? — смерив насмешливым взглядом добровольца с головы до ног, спросил дежуривший при штабе вестовой.

Очерет, сверх ожидания, ничуть не смутился. Сдвинул набекрень брыль.

— Оттудова, откудова все берутся! — добродушно улыбаясь, ответил каховчанин.

— И эта роскошь — твой брыль — оттудова же? — наседал вестовой.

— Зачем? Для меня — это семечки. Хочешь — и тебе откаблучу. Я сам из Маячки, а батрачил у французского колониста в Брытанах, тут рядом, под самой Каховкой. Все Брытаны в моих брылях ходют.

— Ишь ты какой шустрый! — продолжал насмешник.— Ты лучше с полной срочнотой заведи себе казацкую папаху. Вот как моя. А то в два счета засмеют хлопцы...

— Бонжур вам! Я такой, что и сам спуску не дам! — храбрился Очерет.

— Ты, может, и кренделя самостоятельно печешь? А что у тебя там, в посудине, керосин? Пятки мазать? Это казаку без надобности!

Красков, молча следивший за словесной перестрелкой, встал, снял с бутыли крендель, вынул затычку, нагнулся, потянул носом, а затем, торжественно подняв вверх посудину, обратился к новичку:

— Ничего себе керосин! Ты, парень, закрой глаза, а я раскрою рот...

— Так я же это вино нарочно выпросил для начальства у дядюшки Анри — моего хозяина. Угощайтесь! Доброе винцо, «бургундия», выстоялось. И крендель...

Наш адъютант, возглавлявший штаб полка, знал существовавшие на сей счет строгости. Покосился на бутыль.

— Вы, конечно, шутите, товарищ комполка,— остановил он Краскова и повернулся к Очерету: — Тащи, казак, эту штуковину в санчасть. Скажешь — для раненых.

Несколько разочарованный, Очерет, бросив на прощание: «Адью вам!» — ушел. За ним увязался казак-насмешник. И хотя новичок и плеснул ему по дороге в кружку из заветной бутыли, все же он продолжал над ним подшучивать. К каховчанину прочно пристало прозвище Крендель.

Вскоре Очерет обзавелся настоящей смушковой папахой. Брыль он напялил на голову коня. «От солнечного стука»,— объяснял он. А бойцы, посмеиваясь, говорили: «Молодец, Крендель! Знает, чем уберечь коня от шрапнели!»

Оставив позади Днепр, мы остановились на ночевку в Севериновке — большом зажиточном селе. Местная интеллигенция в общественном саду устроила для полка спектакль. Каким-то путем Красков раздобыл самогону.

Выпив, начал куражиться. Еле-еле удалось его утихомирить.

С нарастающей тревогой следил я за командиром полка. Многое, очень многое настораживало в его поведении.

Обеспечение людей и лошадей на марше требовало заботы и предприимчивости, но Красков отсылал всех хозяйственников и тыловиков к своим помощникам. Значит — так представлялось мне вначале,— командир стремится освободить себя для более важного, более необходимого — для боевого руководства полком.

Двигаясь в тыловой полосе, располагаясь на привал и ночлег, мы строго соблюдали требования устава: высылали разведку, наблюдение, наряжали походные и сторожевые заставы, полевые караулы, секреты, дозоры. Помнили о бандах, да и служба всегда есть служба. Но наш «синий кирасир» отстранялся от всего. Однажды заговорил я с ним об этом. А он, простецки ухмыляясь, неожиданным ответом ошарашил меня:

— Я не из тех, кто глушит почин. А за что идет жалованье помощнику, адъютанту? Пусть практикуются. Может, завтра им командовать полком. Война! Понимаешь, комиссар?

Казалось, человек прав. Во время бригадных учений под Чаплинкой Красков проявил себя неплохим строевиком. Знал устав, команды, сигналы. Идейно — это был наш человек. Не белая кость, хоть во хмелю и карабкался в сыновья губернатора. Труженик! Не из тех, за кем комиссары следят с наганом в руке. С этой стороны, вспомнил я слова Петровского, он не нуждался в замене. Но для того, чтобы в бою взять от полка все для победы малой кровью, этого еще мало.

Скрипач часами пилит смычком ради десяти минут игры перед публикой. Бой, особенно кавалерийский,— это те же десять минут, ради которых командир обязан «пилить» неделями, месяцами, годами.

Я спрашивал Швеца, Сазыкина, других, как себя вел в прежних боях Красков. Они сказали, что Гаркуша, которого весной сменил Красков, был орел-командир, а вот этого в бою им видеть еще не пришлось.

«Что ж,— думал я,— посмотрим, как покажет себя наш «синий кирасир» во время тех «десяти минут», которых будет больше чем достаточно там, куда так стремительно двигалась дивизия Червонного казачества».

Под Хмельником командующий 14-й армией И. П. Уборевич и член Реввоенсовета М. Л. Рухимович делали смотр нашей дивизии.

На новом фронте мы встретились со стойкими легионерами, которые укрепились на реке Случ. Несколько дней наша дивизия безуспешно пыталась прорвать расположение пилсудчиков, чтоб потом обрушиться на их глубокие тылы. 3-я бригада Микулина развернулась перед Терешполем. Демичеву с 5-м полком удалось ворваться в село, изрубить батальон интервентов.

Если бы 6-м полком командовал не Красков, то, возможно, и мы успели бы кое-что сделать. Сунувшись два-три раза вперед, мы напоролись на проволочные заграждения и потеряли несколько лошадей. Под Терешполем пулей в висок сразило и моего коня.

У Синявы командир 4-го червонноказачьего полка Степан Новиков и многие его казаки в конном строю бросились на позиции интервентов. Расстрелянные в упор пилсудчиками, они повисли на проволочных заграждениях. Примаков, горюя о бессмысленных потерях, говорил командирам:

— Жаль людей, жаль храбреца Новикова. Кто же это в конном строю идет напролом?

Не был Примаков догматиком... Вот он стоит на командном пункте под Мессиоровкой вместе с командармом Уборевичем. Атака не удалась: ни пехоты 47-й дивизии, ни двух конных бригад... Уборевич, нервничая, протирает носовым платком стекла пенсне. Армия уже много дней топчется на месте. Вся надежда была на дивизию Примакова, которая рвалась в тыл интервентам. И не прорвалась...

Открыла дорогу на запад у станции Комаровцы боевая 60-я стрелковая дивизия. Ей помогали три бронепоезда и партизаны. Вот тогда-то червонные казаки, смяв по пути не один батальон пилсудчиков, вышли на глубокие тылы 6-й армии генерала графа Ромера.

5 июля 1920 года начдив Виталий Примаков с двумя бригадами громил базы противника в Черном Острове. В этот же день, задолго до рассвета, третья бригада ворвалась в город Проскуров. Там со всеми армейскими тылами располагался штаб 6-й армии белополяков.

5-й полк Демичева штурмовал железнодорожный район, а наш, 6-й, брал город.

Во время ожесточенной борьбы за окраины Проскурова, когда каждую минуту надо было быть начеку, бразды

правления выпали из нетвердых рук Краскова. Боевые и инициативные сотники, не дожидаясь указаний свыше, сами выбирали объекты атаки. Одна сотня устремилась на еврейское кладбище, оборонявшееся познанскими стрелками Пилсудского. Другая, заметив на дворе белгородских казарм [1] пленных красноармейцев, устремилась туда.

А сотня Семена Салькова на подступах к городу со стороны Гречан смяла заслон легионеров, усиленный батареей полевых пушек. За этот подвиг Сальков был награжден высшей боевой наградой того времени — орденом Красного Знамени.

Третья сотня во главе с гололобым рубакой Швецом кинулась в центр города, к зданию бывшего реального училища, где размещался штаб армии Ромера. Швец — энергичный и лихой кавалерийский командир — способен был увлечь всадников на любую, даже безумную атаку.

Сотня Швеца, разгромив внезапным налетом штаб интервентов, вынуждена была уходить к своим. Опомнившиеся белополяки бросили на выручку штаба две бронемашины. Червонные казаки, обстреливаемые пулеметами сзади, неслись карьером по пустынным улицам Проскурова. Впереди находился узенький пешеходный мостик, переброшенный через полотно железной дороги. За нею, в белгородских казармах, уже хозяйничали наши люди. Но вот тут-то, преграждая к ним путь, в лоб сотне ударил шквал пулеметного огня. Красков, приняв своих за петлюровцев, приказал командиру пулеметной сотни Шротасу открыть огонь. И Пий Сто Десятый постарался. Потеряв несколько лошадей, Швец все же оторвался от неприятельских бронемашин и, угрожая издали Шротасу клинком, заставил его прекратить стрельбу.

Начали собираться сотни. Всадники, возбужденные скачкой, удачным набегом, строились на мостовой возле казармы. Впереди без шапки — он ее потерял в ночной суматохе — показался Красков. И вдруг из задних рядов донесся лихой, пронзительный свист. Следом засвистели все кавалеристы. Засвистели, заулюлюкали и бойцы сабельных сотен и пулеметчики на всех шестнадцати боевых тачанках части. Лихой двупалый свист перемежался озорными и негодующими выкриками: «Сапожник!», «Мазила!», «Козолуп!»

Революционная, сознательная дисциплина в добровольческих полках Примакова была строгой. История

[1] В царские времена там квартировал Белгородский конный полк.

Червонного казачества — этого славного и самого старого формирования украинской советской кавалерии — отмечает успешную борьбу коммунистов с разнузданным своеволием. Но иногда среди бойцов нет-нет да и появлялись вспышки партизанской вольницы.

«Синий кирасир» с низко опущенной головой остановился там, где его застало мощное негодование полка. Он не смел приблизиться к строю. Первые же «десять минут», к которым так долго готовился каждый командир, оказались ему не по плечу.

К нам на рослом горячем коне приблизился командир бригады Микулин. Он обратился к «синему кирасиру», строго взглянув на его непокрытую голову:

— Товарищ Красков, я вас снимаю. Полком будет командовать комиссар.

Время было горячее — рейд! Начдив Примаков громил захватчиков в Черном Острове, и здесь, в Проскурове, комбриг Микулин был для нас наивысшим начальником.

И вот мне, комиссару, не имевшему командирского опыта, в очень сложной рейдовой обстановке пришлось стать во главе 6-го червоннопоказачьего полка.

Его крепкая партийная организация состояла из рабочих — москвичей, питерцев, тавричан, туляков. Коммунисты, с которыми я успел крепко сдружиться, поддержали меня. Они словом и делом помогали мне во всем.

Георгия Сазыкина, смелого бойца и вдумчивого партийного вожака, я хорошо узнал еще в те дни, когда попал в 6-й полк рядовым. Назову еще одного председателя сотенной партийной ячейки — Отто Штейна [1]. Он пришел в наш полк вместе с другими кавалеристами расформированной эстонской дивизии. Ее воины, став под знамена Червонного казачества, в боях под Перекопом и в последующих схватках с интервентами показали себя с самой лучшей стороны. И в первых рядах всегда шли партийцы.

Задолго до Проскуровского рейда, на длинном марше от Перекопа к Хмельнику, и комиссар дивизии Евгений Петровский, и начдив Примаков неоднократно предлагали мне перейти на строевую работу, но я опасался брать на себя такую ответственность. В Проскурове же, когда мы находились в отрыве от основных сил дивизии и более

---

[1] О. М. Штейн ныне доктор философских наук, заведующий кафедрой Таллинского университета.

опытного кандидата на полк нельзя было заполучить, возглавить часть пришлось мне.

Во время действий в тылу противника Красков не мог никуда выехать. Устроившись на пулеметной тачанке, он следовал вместе с полком.

Спустя два дня под Михеринцами бригаду отрезали и атаковали отступавшие с фронта к Збручу разъяренные легионеры. С близкой дистанции они обрушились на нас огнем нескольких батарей.

Передо мной, молодым и неопытным командиром, сразу возникло много сложнейших задач. Мы уже пять дней находились в рейде. Кони и люди выбились из сил, боеприпасы иссякли. Но я был полон веры в своего основного помощника — партийную организацию полка. Не оставлял меня без поддержки и деловых советов комбриг Владимир Иосифович Микулин.

Из михеринецкого «котла», где церковь и все хаты деревушки пылали, подожженные неприятельскими снарядами, наш полк вышел с небольшими потерями.

После Михеринцев наша дивизия решительным движением на северо-восток отвлекла на себя ударную группу пилсудчиков. Генерал Ромер пытался из района Староконстантинова бить по Шепетовке в тыл Первой Конной армии Буденного. 14-я армия Уборевича, перейдя в стремительное наступление, отбросила захватчиков от берегов Случа к Збручу. Вскоре червонные казаки соединились с частями, наступавшими с фронта. В их авангарде шли всадники из бригады Котовского.

Красков, насупленный, в помятой фуражке с чужой головы, ни с кем не разговаривал. Он отправлялся в тыл. Бойцы, освиставшие в Проскурове «синего кирасира», прощаясь с ним, сочувственно жали ему руку. До чего же отходчиво сердце настоящего человека! Мы расстались с Красковым навсегда.

Славный пройдоха Семен Очерет

Шел октябрь 1920 года. Пан Пилсудский после «чуда на Висле», позволившего ему с помощью французского генерала Вейгана, французских пушек и американских долларов выиграть варшавское сражение, поторопился в Станислав. Здесь, в ставке Петлюры, он заявил, что польская армия за Збруч не пойдет, но окажет необходимую помощь союзнику и вассалу.

Тогда же в Рахны Лесовые, возле Жмеринки, где стоял

6-й полк, явился ободранный и голодный Семен Очерет. Из его рассказов мы узнали, что в бою под Волочиском, посланный с приказанием к резервной сотне и спешенный гайдамацкой пулей, он был схвачен черношлычниками 4-го Киевского конного полка, неожиданно выскочившими из густого тальника. Выдав себя за мобилизованного и прикидываясь слабоумным, каховчанин тут же изъявил согласие поступить в гайдамаки, считая, что только это даст ему возможность вернуться к своим. Его, как «придурковатого», послали ездовым в обоз.

Очерет пришел не с пустыми руками... За месяц пребывания у петлюровцев он успел разузнать многое. В Станиславе довелось ему видеть пана Пилсудского с Петлюрой. Они ехали к вокзалу в одном автомобиле. Долго слушал Очерета изучавший настроения желтоблакитников комиссар Петровский. Вырвавшийся из неволи казак заинтересовал и оперативных работников штаба.

Каховчанин, побывав недолго в лапах петлюровцев, сильно сдал в теле, но был веселым и оживленным. Две ямочки на щеках и одна на круглом подбородке, несмотря на грозный чуб, торчавший из-под общипанной папахи, придавали миловидное выражение смуглому, заметно осунувшемуся лицу Очерета. Вокруг него — героя дня — с утра до вечера толпились любопытные.

— Соображаете, хлопцы,— повествовал вошедший в азарт боец,— есть у них хорунжий Максюк, так они его понимают за знахаря. Гадает он по руке, на картах, на пшеничных зернах, на черных и белых бобах. Худой — настоящий шкелет, длинноносый, чубатый, мохнатые брови, глаза как у змея,— похож на самого черта, что путал коваля Вакулу.

— Знахарь, а не распознал он, куда оглоблями смотришь! — заметил «желтый кирасир».

— Так я, товарищ комполка, бывало, как встрену его, руку за пазуху — и давай креститься... Пособляет от нечистой силы...

— Эх ты, темнота,— укорял Очерета москвич Жуков.— Возле комиссара огинаешься, а черт знает во что веришь. Сказано — Крендель!

— Бонжур вам! — Казак низко склонил голову.— Товарищ Жук, любопытственно, как бы ты зажужжал в той самой каше? Крестился я не ради того, чтобы остаться у петлюровцев, а чтобы попасть обратно до своих.

— Вот ты расскажи командиру, как к вам приезжал адъютант Петлюры,— обратился к Очерету небольшого роста, коренастый сотник Мыкола Брынза [1].

— Что ж,— сдвинув шапку на затылок, охотно продолжал Очерет,— моя хата хоть и с краю, а я все знаю. Хвамилия того адъютанта не абы какая — Кандыба. Это вам не муха пискнула, а бык чхнул. Является он к Максюку и спрашивает: «Пан хорунжий, чи не скажете, как пойдут дальше дела нашего пана головного атамана?» А Максюк подкинул вот так на долоне жменьку бобов, зажмурил змеиные очи и чешет вовсю: «Пан полковник, чую я голоса Гонты и Зализняка. Они читают вот этот стишок: «Вас ждуть, що знову ви прийдете у рідні села і міста...» Тут Кандыба растянул хайло до ушей и молотит дале: «Да, не сегодня завтра загудят башни наших панцерников «Черноморца» и «Кармелюка». Не знаю, чи хватит большевицким голодранцам награбленного сала мазать пятки...» А Максюк весь побелел как снег и крест: «Именно, ждет нашего атамана большая победа, но пусть опасается чертовой дюжины, значит, тринадцатого дня...» Тут Кандыба как рассмеется: «Эх ты, пан хорунжий, как придет тринадцатый день, вы будете поить коней из Днепра, а пан головной переступит порог святой Софии. Сам Богдан со своего каменного жеребца в Киеве скажет нам: «Здоровенькі були, козаки мої чубаті!..»

— Пусть сунутся холуи Пилсудского, мы им поснесем куркульские башки вместе с их вшивыми оселедцами! — выпалил Брынза и, обнажив наполовину клинок, со злостью вновь вогнал его в ножны. Потом обратился к земляку Очерету: — А скажи, хлопче, через шо они тебя не посекли, во всяком случае не шлепнули?

— Хотишь знать, товарищ сотник, так поначалу сам думал — адью! Как сшибла сволота с коня, сразу обшарила. Искали перво-наперво партийное касательство. Ну, а нашли... хрестик. Совестился братвы, хоронил в кармане. Сразу куркульские морды помягчали, но до пояса все же оголили, чертяки. А тот хорунжий Максюк насквозь так и штрыкает глазюками: «Ну, босва, если только меченый, если только найду на твоей поганой шкуре звездочку, якорь, хочь даже бабское сердце, хочь другое там паскуд-

[1] В Великую Отечественную войну командир кавалерийского полка Николай Брынза отдал свою жизнь, отражая бешеный натиск фашистов. Воевал в том полку и его сын-подросток Владимир, живущий ныне в Москве, крупный инженер по порошковой металлургии. В 1980 году В. Н. Брынза, вместе с сыном, был моим желанным гостем в Киеве.

ство, тогда все... Я с тобой поступлю аккуратней, чем бог. Бог тебя рассек надвое снизу вверх, а я тебя раскаблучу надвое сверху вниз...» Тут я давай реготать, точно как Яшка-дуга. Это в нашей Маячке есть такой дурачок. Думаю: этим смехом я вас, сволота, обкаблучу. Говорю: «От боговой секачки у меня появились ноги, а от вашей, пан хорунжий, что будет?» А он вылупил буркала, огрел меня плетью и давай крыть вдоль и поперек густым материком. «От моего,— отвечает,— будет говядина для кобелей...» Потом, хлопцы,— продолжал Очерет,— все еще зависимо от духа движения. Отступай петлюровцы, как всегда,— зарубили бы как пить дать. А то аккурат выпала им удача — наступали. Погнали меня в штаб. Там, конечно, пошли допросы, как, что и через почему. Манежили долго. Один поиграл моим крестиком, говорит: «Доброволец? У Примака,— напирает он,— только такие!» Отвечаю: «Да, ваша правда, много и таких, а я призванный по строгому закону государственности. Года подошли — и все». Один лысоватый добродий усмехнулся ехидно: «И дошел аж до самых Карпат!» Отвечаю: «Какая ни есть на свете гора, а наш брат вояка на ней обязательно побывает. Дед ходил на Балканы, отец остался на турецких горах, а мой жеребий — Карпаты. От судьбы не откаблучишься...» А хорунжий Максюк: «Ты, босва, не моделюй. По закону государственности, говоришь! Твой год и мы требовали, а где ты? У красных!» Тогда я отвечаю: «Послухайте, пан хорунжий, что я вам скажу. Пошли мы с хозяином на зайцев. Залегли на меже. Смотрим — вот он, косой! Мой хозяин колонист из Брытанов, из заграничной, на два ствола, как лупанет — мимо. Мотанул и я из ветходревнего дробовика — самый раз! Косой только и пискнул. Побежали к нему. А хозяин: «Я первый увидел косого». Отвечаю: «Не зевай, Хома, на то ярмарка. Бонжур вам! Зайца, говорю, лупят не взглядом, а зарядом». И вам скажу — не зевай, Хома...» Рассказываю, и все по-Яшкиному: «ха-ха-ха, хи-хи-хи». «Красные вот не зевали, и попал я к ним». Тогда Максюк нагнулся к старшому, какому-то сотнику, и шипит на ухо, а я все подхватываю: «Не пойму, чи он моделюет, чи взаправду трохи пришибленный. На это можно надеяться: у него коняка и та форсоватая — в брыле...» Сотник махнул рукой: «Идем брать Украину. А с кем? В обоз его!» Вот, хлопцы, таким макаром и выкаблучилась моя планида не быть посеченному, а попасть до Петлюры в кучера... Про остальную линию моих похождений вы уже знаете...

Последний плацдарм

То, что принес из вражеского стана Очерет, подтверждало сведения, ранее собранные штабом,— 11 ноября Петлюра собирается перейти в наступление.

До начала кампании его армия занимала небольшую территорию между Днестром и Бугом. Этот последний плацдарм украинских буржуазных националистов простирался на 150 километров по фронту и на столько же в глубину. Здесь, на этом квадрате, разместилась вся «самостийная республика» — ее правительство, ее генеральный штаб, ее армия. Сами министры шутили: «Всенька наша держава — вiд Летичева до Синяви». Население куцей державы стонало от поборов и мобилизаций. Вербовщики хватали людей, подводы, лошадей.

С помощью пана Пилсудского «самостийники» сумели собрать и двинуть на фронт 40 тысяч солдат. Чего польская шляхта не смогла сделать с помощью французского, английского и американского оружия, она решила добиться, пустив в ход желто-блакитные банды.

Вот признание бывшего главкома «самостийников», бывшего командира лейб-гвардии гренадерского полка у царя, бывшего командира Екатеринославского гайдамацкого коша (корпуса) у гетмана, генерал-хорунжего Омельяновича-Павленко-старшего: «Антанта заставляла нас помогать Пилсудскому, Деникину и снова Пилсудскому, а оружие давала им. В 1920 году украинцам было сказано — «мавр сделал свое дело, мавр может уходить...» («На Українi, Прага, 1940, с. 72). А на странице двадцатой той же книги читаем: «Мы вели свою акцию в согласии с Добровольческой армией... Использовав это, генерал Деникин с незначительного Ростовского плацдарма стремительно развил свою операцию и в конце июня 1919 года достиг линии Царицын — Екатеринослав...»

Но завоеватели и на сей раз опять просчитались. Героические дивизии 14-й армии ждали только сигнала, чтобы расправиться с панскими наймитами. К тому времени и Червонное казачество развернулось уже в конный корпус. Кроме старых полков, в его состав вошли 17-я кавалерийская дивизия и отдельная Башкирская бригада. Башкир привел Александр Горбатов, а 17-ю дивизию возглавил наш комбриг Владимир Микулин.

10 ноября, опередив противника на сутки, 8-я червонноказачья дивизия (шесть полков) под командованием нового начдива Михаила Демичева, несмотря на отчаянное

сопротивление гайдамаков, на реке Мурафе прорвала фронт 3-й «железной» дивизии и выдвинулась передовыми частями в район Вендичан. Одновременно бригада Г. И. Котовского (два полка) и 45-я дивизия И. Э. Якира (девять полков), форсировав Мурафу южнее, вышли к Шендеровке.

В первый же день Могилев-Подольской операции южная группа генерал-хорунжего Удовиченко оказалась отрезанной от своих сил. Более 2000 петлюровцев попало в плен.

В Шаргороде пехотинцы из резерва «железной» дивизии — мобилизованные селяне в свитках и высоких бараньих шапках,— как это и предсказывал Очерет, завидя наших бойцов, не сопротивляясь, бросили оружие. Они приветствовали казаков Примакова радостным криком: «Хай живе Червона Армія!»

Невысокого роста новобранец с рябым лицом, довольный тем, что для него так быстро закончилась война, под звуки бубна отплясывая трепака, напевал популярную в то время частушку:

Ось Дністро, а ось і Буг,
Ось і пашні, ось і луг.
Хочеш сієш, хочеш спиш,
А Петлюрі віддай книш...

Ободренный доброжелательными улыбками червонных казаков, о которых петлюровские старшины рассказывали всякие ужасы, рябой, указав пальцем на крышу поповского дома, многозначительно подмигнул сотнику Брынзе. Тот понял намек. Направившись с группой бойцов к дому попа, захватил на чердаке большую группу петлюровских офицеров.

Далеко не воинственного вида стрелок, усиленно жестикулируя, бойко рассказывал окружавшим его казакам:

— Так вот она какая рахуба получилась. На той неделе под Новой Ушицей слушали мы пана Петлюру, а сегодня, может, услышим самого пана-товарища Затонского. Что говорил головной атаман — известно, а что скажет нарком Затонский — бог его знает...

— Небось,— оборвал оратора подошедший Брынза,— пан Петлюра обещал за неделю разбить большевиков?

— Эге,— усмехнулся пленный и, возвысив сотника в чине, продолжал: — Вы угадали, пан-товарищ полковник. В Новой Ушице Петлюра как будто говорил нам, во-

якам, а больше старался подмастить того мусью Льоле — французского полковника. Он того колонеля постоянно таскает за собой. «Хлопцы,— сказал Петлюра,— с богом вперед... Ждет нас древний Киев... Будем наступать, как Наполеон... Ну, а если где и выпадет обороняться, то будем держаться, как генерал Петэн под Верденом...» — Пленный, сняв папаху, провел рукой по стриженой голове.— А вы с утра как стукнули по нашей «железной» дивизии под Мурафой, так ее осколки полетели аж до самых Вендичан... Петлюра похваляется французом: «Европа с нами». А вояки ропщут: «Знаємо, чого Європі треба... нашого хліба і нашого сала...»

Ночью какой-то доброжелатель сообщил Очерету, что скрывавшиеся на чердаке петлюровцы имели при себе мешок с ценным добром. Предприимчивый каховчанин отправился в указанное место. И действительно, там он обнаружил какой-то чувал.

Взвалив неожиданную добычу на спину, Очерет начал спускаться по крутой лестнице. Но тут лопнула завязка — и высыпавшиеся из чувала орехи с сухим треском загремели по ступенькам лаза... Кто-то из вестовых крикнул спросонок: «Засада!», другой кинул паническое слово: «Пулеметы». Поднялась суматоха. В поисках затаившегося врага люди бросились на околицу местечка. Федоренко быстро навел порядок, но о случившемся стало известно в штабе корпуса, который располагался в этом же городке.

Спустя три дня, 13 ноября, в доме ялтушковского попа при свете керосиновой лампы Примаков инструктировал командиров. Почему-то вспомнил забавный случай в Шаргороде.

— Нашим людям сам черт не страшен, а орехов испугались.— Набив куцую трубочку табаком, командир корпуса задымил.— Ладно, виновник не стал таиться, враз сознался. Не терплю робких. Кто боится своего командира, страшится и врага. А мы с Петровским уж было хотели сдать его Порубаеву [1], председателю трибунала. Охотник за орехами оправдывался: мечтал, мол, угостить братву петлюровским гостинцем. Как не простить такого мечтателя?

— Мой казак,— сказал Федоренко.— Это тот, что вернулся от Петлюры. Кое-что принес ценное...

---

[1] П. П. Порубаев после Великой Отечественной войны долго жил в Киеве.

— И это пришлось учесть,— усмехнулся Виталий Маркович.— Ценных сведений теперь хоть отбавляй. Утром казаки Потапенко перехватили двух черношлычников из 4-го Киевского конного полка Палия. Везли оперативные документы. Сеня, доложи, пусть послушают товарищи,— обратился комкор к Туровскому.

Начальник штаба корпуса, сдвинув по привычке папаху на затылок и отмахиваясь от подкуривавшего его Дмитрия Хлоня, нового командира 2-й бригады, приступил к докладу.

— Вот секретный приказ номер сто девяносто три,— он зажал в руке пачку вражеских документов,— дан в Ермолинцах вчера, двенадцатого ноября. Петлюровский главком Омельянович-Павленко пишет, что его армия за последние три дня понесла тяжелые потери. Не забыл генерал-хорунжий и про нас. Вот тут сказано: «Решающее значение на исход боев в пользу врага имела 8-я конная дивизия...»

— Сущая правда! — перебил наштакора Демичев.— Под Вендичанами крепко досталось от нас отдельной «дикой» дивизии и бригаде есаула Фролова! И Митя Хлонь гнал черношлычников аж до Могилева...

Туровский продолжал:

— После отступления в правой группе генерал-хорунжего Удовиченко остались 3-я «железная» и 1-я пулеметная дивизии. В среднюю группу генхора Тютюнника входят 4-я Киевская, 5-я Херсонская, 6-я стрелецкая дивизии и бронепоезд «Черноморец», в левую генхора Базильского — 1-я Запорожская и флотский полуэкипаж. В резерве генхора Загродского — 2-я Волынская, русская дивизия генерала Бобошко, Донская белоказачья есаула Яковлева, отдельная конная «дикая» Омельяновича-Павленко (младшего) и бронепоезд «Кармелюк». Так вот, правой и средней группам приказано сдерживать 41-ю дивизию, 45-ю с бригадой Котовского, нашу 8-ю червоноказачью. Левой группе вместе с резервом ставится задача: решительным ударом разбить 60-ю, 17-ю дивизии и захватить Жмеринку, Винницу...

Примаков, приблизившись к столу, накрытому расчерченной цветными карандашами картой, взял слово:

— Кого-кого, а Червонное казачество петлюровцы знают и помнят давненько. Жаль — распотрошили наш корпус. Было бы куда лучше навалиться всей массой. Шутка — две конные дивизии и бригада башкир! Да вот командарм Уборевич опасается за свой правый фланг.

Двинул нашу 17-ю дивизию Микулина на Литин... После выполнения первой задачи махнем на Збруч. И будем крепко-накрепко помнить завет Ленина. Это в его работе «Уроки московского восстания»: «Нападение, а не защита должно стать лозунгом масс». И не забудем свой прошлый опыт. Помните — удачный бой делает нас хозяином лишь одной географической точки. Удачная операция — властелином огромного пространства...

Петлюра,— продолжал командир корпуса,— надеется еще на своего союзника — 3-ю русскую армию генерала Перемыкина. Но, как говорится, не удержался за гриву — за хвост не удержишься! Наша задача — сорвать замысел врага и уничтожить его... Выступаем завтра на рассвете.

— Теперь послушайте меня,— начал Петровский.— Берегите людей. Казаки рвутся в эти последние бои. Все мечтают покончить с войной, вернуться на заводы, шахты, к земле. Нам очень нужна победа, но победа малой кровью. Что это значит? В рядах противника сильное брожение. Вы это знаете не хуже меня. Среди гайдамаков есть оголтелые, есть и одураченные. Это — труженики спокон века. Товарищ Генде,— обратился Петровский к новому комиссару 8-й дивизии,— и вы все, комиссары, забрасывайте врага листовками. Засылайте агитаторов, и больше из учителей. Согласны со мной, товарищ комкор? — Комиссар усмехнулся.— Вижу, Виталий Маркович кивает головой. Значит, согласен. Вспомним, чего добилась наша пропаганда под Перекопом. Весь Симферопольский полк беляков перешел к нам. Сколько жизней и крови сбережено! С чего на́чало Червонное казачество? С признавшего Советы батальона 2-го петлюровского полка. Разлагайте еще больше гайдамацкие ряды. Увещевайте околпаченных, крошите оголтелых. Вот и будет, товарищи, победа малой кровью. Победа, искусству которой нас учит Ленин...

...Не отдохнув после изнурительных боев в районе Шаргорода, Вендичан, Могилева, 8-я червоннказачья дивизия, с которой следовал и штаб корпуса, по обледенелым дорогам двинулась двумя колоннами прямо на север.

15 ноября под Шелехово казаки 2-го полка захватили гайдамака со срочным пакетом. Черноморская бригада петлюровцев, теснимая Котовским, просила поддержки у подполковника Палия. Комполка Потапенко, использовав пленного в качестве проводника, внезапно обрушился на противника. Примаковцы, изрубив многих гайдамаков, захватили штаб бригады и 200 пленных.

16 ноября к западу от Бара произошло первое столкновение червонных казаков с союзником Петлюры — 3-й русской армией генерала Перемыкина. Белогвардейцы с белыми нарукавными повязками, усиленные полками Оренбургским казачьим и 4-м Киевским подполковника Палия, дрались крепко. Но стоило их передовой части дрогнуть под натиском советских кавалеристов, как остальные начали сдаваться массами.

Воспользовавшись разыгравшейся в вечерние сумерки метелью, трусливо покинув поле боя, избежали плена многие беляки офицеры вместе с командиром перемыкинской дивизии генералом Бобошко, довольно богатым екатеринославским помещиком.

Бригада Котовского, воспользовавшись тем, что основные силы «самостийников» вели бои с пехотой 14-й армии и с корпусом Примакова в районе Деражня — Бар, 18 ноября заняла Проскуров. Петлюра вместе со своим «правительством» перекочевал в Волочиск.

Червонные казаки заняли Волковинцы. Сильная группа перемыкинцев, а также Запорожская и Волынская дивизии противника, выдвинувшиеся далеко к востоку, были разгромлены под Жмеринкой пехотой 14-й армии.

Петлюровская кавалерия — белоказачья дивизия Яковлева и «дикая» дивизия Омельяновича-Павленко (младшего),— присоединив к себе уцелевшие полки пехоты и 1-й пулеметной дивизии, начала отступать на запад. Три дня мы вели упорные бои с этой наиболее стойкой и подвижной группировкой петлюровцев.

20 ноября червонные казаки, уничтожив две пехотные бригады, заняли Черный Остров — один из последних оплотов противника. Петлюра собрал остатки армии в районе Войтовцы — Писаревка и приказал генерал-хорунжему Удовиченко лечь костьми, но не допустить большевистской кавалерии к Збручу. Теперь уже «самостийная держава» занимала территорию в 20 километров по фронту и 20 в глубину.

В эти мрачные для желтоблакитников дни их главком Омельянович-Павленко-старший писал войскам из своей кочующей ставки в Озаринцах: «...Кроме физической пищи, не забывать и о духовной. Об этом должны позаботиться все старшины и панотцы...»

А 19 ноября, ровно в полдень, обескураженный вереницей оперативных провалов, генерал-хорунжий слал уже из Писаревки в Волочиск — это была самая западная кромка недолговечной петлюровской державы — архи-

тревожную депешу: «Господин военный министр! Настал решительный момент для нашего государственного существования... Силы армии иссякают... Прошу прислать из министерства все боеспособное. Есть свободные должности, оружие найдется. Всех неприбывших в армию она будет считать невыполнившими последнего долга гражданина. Срок прибытия одни сутки...» («На Україні», с. 355).

21 ноября разыгрался бой западнее Писаревки. Желтоблакитники, атакованные полками 8-й червоноказачьей дивизии, отчаянно сопротивлялись. Крепко держались куркули-гайдамаки из 3-го Чигиринского и 4-го Нежинского полков. Но в ходе боя 200 осетин из дивизии есаула Яковлева, выбросив белый флаг, сдались командиру 2-го полка Потапенко. Все полки Примакова, в том числе и наш, 6-й, мощной лавиной бросились в атаку на врага. Гайдамаки не выдержали. Генерал-хорунжий Удовиченко не выполнил приказа головного атамана — он и не лег костьми и не удержал большевистской кавалерии.

Остатки петлюровской армии, ее цвет и краса — особая «дикая» и пулеметная дивизии,— хлынули на запад, поближе к Збручу.

В тот же день состоялась и наша первая встреча с Котовским.

ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ

«Ей, жінко, веселись,
У Махна гроші завелись!»

В конце ноября 1920 года навсегда было покончено с большой, хорошо организованной и вооруженной армией «самостийников». Но на Волыни и Подолии, в их лесах и трущобах, на сахарных и винокуренных заводах, в глухих скитах и древних монастырях нашли надежный приют временно притихшие вурдалаки из разгромленных петлюровских полков. Да и Збруч не являлся такой уж непреодолимой преградой. Вот почему на Правобережье Украины еще долго давала о себе знать подспудная и явная петлюровщина.

Летом 1921 года много ее агентов было схвачено. Задержанная в Ольгополе учительница Ипполита Боронецкая сообщила, что она прибыла из-за кордона еще в ноябре 1920 года, вскоре после разгрома «самостийников».

Глава петлюровской контрразведки Чеботарев так напутствовал за Збручем лазутчицу: «Мы разбиты, но не сломлены. Оружие еще не сложили. Эти сукины сыны вышибли нас в двери, а мы проберемся на Украину через окно».

Мимо постов пограничной стражи Боронецкую проводили доверенные люди панской дефензивы (контрразведки) — начальник львовской экспозитуры[1] пан майор Флёрек и начальник гусятинского постерунка[2] пан поручник Шолин. После перехода границы лазутчица направилась в Коростенские леса для встречи с «атаманом трех губерний» Мордалевичем. Затем, следуя от одного сахарного завода к другому, среди служащих которых имелись люди пана Флёрека, Боронецкая пробралась на Белоцерковщину, куда вскоре со своей разбойничьей ватагой, преследуемый советской конницей, явился и батько Махно.

Как выяснилось, Боронецкая уже не раз забрасывалась на Украину из-за кордона. Еще весной 1920 года, когда Петлюра готовился к своему «весеннему походу», она проникла в Винницу, занятую частями Украинской галицийской армии (УГА), перешедшей от Деникина на сторону красных.

Прикидываясь юродивой, в грязных лохмотьях, опытная лазутчица, изучая настроения галицийских «сечевиков», с докучливой фразой на устах: «Любка, купи юбку», целыми днями слонялась по базарам и перрону вокзала. Вскоре она, установив связь с генералом Микиткой, вела с ним переговоры о переходе частей УГА на сторону Петлюры и белополяков. Подлая измена «сечевиков», открывшая путь интервентам на Киев, произошла 1 мая 1920 года.

На сей раз, в январе 1921 года, Боронецкая, выполняя задание Чеботарева — «Малюты Скуратова»,— искала встречи с Махно. Резидентка должна была выяснить, какую помощь смогут оказать анархо-кулацкие банды петлюровцам.

Между тем дела черного атамана складывались плохо. Прижатые буденовцами к Днепру, махновские отряды вынуждены были уйти на Правобережье. О захвате Белой Церкви (на это рассчитывал Чеботарев) анархо-архаровцы не могли и мечтать. Там, как и в Умани, Таращe, Богус-

---

[1] Пограничный отряд.
[2] Погранзастава.

лаве, теперь располагались части Первого конного корпуса Червонного казачества.

Прибыв на Киевщину после разгрома Петлюры, червонные казаки вылавливали недобитых гайдамаков. Появлявшиеся из Таращанских и Звенигородских лесов банды Липано-Любача, Сороки, Змиевского, Грызло, Сука-Сущенко, Богатыренко, Билявского, Нечитайло, Прыща зверски убивали советских работников, нападали на заводы, на эшелоны с продовольствием, на обозы с сахаром. Действиями бандитов руководил обер-атаман Мордалевич.

С приходом штаба Примакова в Умань, а в Таращу штаба Котовского, который в декабре 1920 года со своей бригадой влился в 17-ю червоннопоказачью дивизию и возглавил ее, банды несколько присмирели. Но тем не менее все сахарные заводы и ссыпные пункты Киевщины охранялись кавалеристами 1-го конного корпуса. А тут появилось еще черное войско батьки Махно. Вскоре стало известно, что у Тального к нему намеревается присоединиться петлюровская банда Черного Ворона. По приказу командира корпуса 17-я дивизия во главе с Котовским из Таращи перешла в Ставище, а 8-я дивизия Демичева двинулась к Монастырищу навстречу махновцам.

Усиленные разъезды нащупали основное ядро врага, всячески уклонявшегося от встреч с советской кавалерией. Пойманные казаками 2-го полка Пантелеймона Потапенко пленные сообщили, что «великая анархическая армия» состоит из трех конных полков головного отряда Петренко, четырех полков в главных силах под командованием Фомы и одного полка Удовиченко в арьергарде. Кроме того, Махно располагал батареей пушек и полком знаменитых пулеметных тачанок. Всего в его банде насчитывалось, кроме нестроевщины, 3000 сабель и 138 пулеметов.

Ночью накануне Нового года в штаб 6-го полка привели рослого бандита.

— Вот взяли подлюгу...— бойко доложил Очерет.

Казак поймал махновца на штабном дворе в то время, когда тот пытался сесть на адъютантского коня. В кармане конокрада было обнаружено удостоверение. В нем значилось: «Анархия — мать порядка. Предъявитель сего — вольный боец великой анархической армии Тимофей Карапут».

Пойманный, почти не запираясь, сообщил, что батько Махно имеет восемь полков конницы и один полк пулеметных тачанок. Это совпадало с показаниями и других пленных.

По пути в особый отдел, где его должны были допросить поподробней, Карапут, запорошив конвоиру глаза самосадом, вскочил в какой-то двор и бесследно исчез.

31 декабря 1920 года червонные казаки стремительным ударом во фланг и тыл выбили махновцев из Тальянки. 1 января 1921 года после многочасового боя вышибли их из Крачковки и Маньковки, захватив 63 боевых тачанки.

2 января наша 8-я дивизия, с трудом передвигаясь по гололеду, на рассвете атаковала банду и погнала ее на Пугачевку.

Стремительный натиск советской кавалерии вынудил Махно, имевшего перевес и в саблях, и особенно в пулеметах, принять конный бой. В поле, впереди Пугачевки, сошлись два стана — один под красными, другой под черными знаменами.

Застыли впереди строя командиры бригад. Рядом с ними — их комиссары. Чуть дальше за ними ожидали сигнала к атаке, в паре с комиссарами, командиры полков Павел Беспалов, Пантелеймон Потапенко, Иван Хвистецкий, Александр Карачаев, Федор Святогор, Василий Федоренко. На открытую позицию выехал со своими пушками Михаил Зюка.

Давно ли отгремели бои на Перекопе, на Збруче? Лишь пять недель назад разгромленный Петлюра с жалкими остатками хвастливого воинства удрал за кордон. Все мы считали, что с крахом третьего похода Антанты закончилась гражданская война.

И вот снова льется кровь. Сегодня мы бьем Махно. А завтра или послезавтра, кто знает, быть может, опять появится из-за рубежа Петлюра, прокладывая дорогу новым интервентам? Вот и надо скорее добить анархо-кулацкую нечисть, не дав ей соединиться с желто-блакитным сбродом.

Под командой начдива Демичева полки червонных казаков, сверкая клинками и оглушая противника дружным «ура», по зову голосистых труб, как на инспекторском смотре, бросаются в атаку, а махновцы с четкостью, свойственной частям регулярной армии, поворачивают, начинают маневрировать, обходить фланги.

Тогда, опасаясь за свой тыл, обрывают атаку червонные казаки. Вот уже под Беспаловым, временно заменявшим Владимира Примакова, убита третья лошадь. Он хватает перепуганного звуками боя бесхозяйного коня и снова размахивает клинком, направляя полк в очередную атаку.

Смертельно ранен в позвоночник командир 4-го полка кубанец Карачаев. Старший его брат, командовавший бригадой, убит еще на деникинском фронте.

Умирающий Карачаев, боясь попасть к махновцам, просит лекпома Лещенко:

— Не покинь, батько!

Седоусый казак, работавший одинаково хорошо и шашкой и бинтом, успокаивает:

— Не покинем тебя, командир!

Зло ругается Пантелеймон Потапенко. Такого еще не было в его полку.

— Трясця вам в печенку, бисовы махны! — кричит комполка.— У кого, у Потапа своровали зброю!

Махновцы, притаившиеся в перелеске, выскочив из засады, внезапно нагрянули на людей 2-го полка и завладели двумя пулеметами.

В этом бою 2-й полк — один из лучших в Червонном казачестве — потерял не только ценную «зброю». Смертью храбрых пали многие бойцы. Махновцы подло убили славного воина-москвича сотника Соколова.

Перед схваткой с анархистами среди небольшой части отсталых казаков появились нездоровые разговоры: «Зачем мы воюем с Махно? И он же бьется за свободу». Как выяснилось потом, махновцы-барвенковцы прислали тайное письмо землякам, которых было немало во 2-м полку, с предложением не рубить друг друга в бою, но при одном условии: казаки должны связать и передать махновцам или же прикончить командира полка, большевика Потапенко.

Политработники вместе с комиссаром полка Сергеем Козачком [1] провели в сотнях задушевные беседы, объяснили, что представляет собой махновщина. Ворчуны приумолкли, но все еще хмурились.

От 2-го полка, получив боевое задание, ушло вперед подразделение Соколова. Вскоре сотник, стремившийся вступить в соприкосновение с противником, заметил группу всадников. Возглавлял ее усатый кавалерист в мохнатой бурке. Близорукий, в очках, Соколов поскакал вперед с рапортом. Стоял густой зимний туман. Сотник сквозь очки видел только копьевидные вильгельмовские усы всадника, точно такие, как у Потапенко.

---

[1] С. Б. Козачок, генерал-лейтенант, в годы Великой Отечественной войны командовал корпусом, затем был заместителем командующего войсками округа.

Осадив коня, Соколов успел лишь раскрыть рот, как усач — это был знаменитый махновский головорез матрос Щусь — по-молодецки гаркнул: «Здоров, командир». Соколов, все еще принимая махновца за Потапенко, подал ему руку. Шусь, изо всей силы потянув на себя всадника, стащил его с седла, после чего разрядил в него маузер.

Казаки — свидетели вероломного убийства — бросились догонять махновца, но Щусь уже был далеко.

Полк, узнав о гибели Соколова, негодуя, потребовал немедленно вести его в бой. И больше всего рвались вперед те, кто еще недавно заявлял: «Зачем мы воюем с Махно»?

...Короток зимний январский день. Кровавые схватки продолжались до самого вечера. Хозяином поля боя, устланного трупами, становились то махновцы, то червонные казаки. В последней атаке того памятного дня у села Сабодаш отступившая под сильным натиском плотная стена «вольных бойцов» вдруг, словно рассеченная надвое, образовала широкий разрыв, и перед строем 8-й дивизии выросла сплошная линия круто, на всем скаку развернувшихся троек.

Левый фланг грозного фронта махновских тачанок пришелся против боевого порядка 6-го полка. Федоренко не растерялся. Дав команду пулеметной сотне матроса Шаршакова (под Перекопом он огнем «максимов» отбил атаку английских танков) встретить бандитов, сам во главе сабельных сотен стал отходить.

Спустившись на галопе в лощину, где пушистый снег доходил до конского брюха, Федоренко повел по ней полк, нацеливая его на фланги и тыл махновских тачанок. Командовавший этим участком анархо-бандитский головорез Фома, обнаружив вовремя опасность, дал тревожный сигнал к отступлению...

Бой утих... Кони с кровоточащими копытами, страдая от гололедицы, с трудом передвигались по кочковатым полям. Люди едва держались в седле.

Потеряв добрую половину всадников, Махно под покровом наступившей темноты ушел от преследования.

Пришла ночь. Наш полк остановился в Сорокотягах. Тихо потрескивал каганец, освещая скудным светом растянувшихся на полу казаков. После целого дня жестоких схваток люди спали как убитые. Рядом со мной на охапке соломы, без шапки, с высоко вздымающейся богатырской грудью, раскинув длинные ноги, похрапывал намаявшийся за день командир.

Пережитое под Пугачевкой долго не давало уснуть.

Федоренко тоже не думал о сне. Достав из кобуры наган, насупив брови, начал его разбирать, аккуратно раскладывая детали на столе.

— А помнишь, комиссар, нашу беседу под Чертовой горой? Тогда я тебе не досказал одну штуку, а зараз, если не думаешь спать, послушай...

— С удовольствием послушаю.

Федоренко, тщательно протирая промасленной холстинкой барабан револьвера, начал рассказ:

— Говорил я тебе, комиссар, не обижали меня в старой армии, хотя, скажем прямо, и было за что. Понимаешь, вызывает это меня наш командир полка генерал фон Гилленшмидт. Спрашивает: «Бил пехотинского поручика?» Говорю: «Нет, не бил, ваше высокопревосходительство». Сбрехал я. Кому охота идти под суд или на гауптвахту! Поверил генерал. Назавтра обратно зовет. «Значит, говоришь, не бил?» Лицом хотя и строгий, а глаза смеются. «Нет, не бил». Тогда он достает из ящика стола белые перчатки, спрашивает: «А это что?» Разворачивает их, на правой — кровь. В гвардии был закон: дают увольнительную, а с нею белые перчатки. Ну, припер он меня. Повинился. Генерал смеется. «Хорошо ты ему дал?» Отвечаю: «По-кирасирски». Тогда он и говорит: «Ладно, за добрую службу, за хорошие песни, за то, что поддержал кирасирскую славу, прощаю. Но больше не попадайся». А как оно получилось, комиссар? Не дружили мы с каптенармусом. Любил он магарычи. Но какой там магарыч с эскадронного запевалы и гармониста! Кроме всего, его любезная стала на меня засматриваться. Вот Карапут — это фамилия каптенармуса — и подсунул генералу доказательное вещество, те самые перчатки...

— А что то был за поручик?

— Шли мы с одним балтийцем по Фонтанке. Не заметили их благородия, не козырнули. Он остановил нас и без лишних слов заехал матросу в ухо. Вот и пришлось заступиться за морячка...

Измотанные тяжелым боем у Пугачевки, после короткого отдыха в районе Сорокотяг, задолго до рассвета, забрав у крестьян свежих лошадей взамен своих, замученных, махновцы умчались на восток.

Махно бросился к Днепру, сумев избежать встречи с 17-й дивизией Котовского. На изможденных конях, из-за смертельной усталости не дотронувшихся даже до овса, мы продолжали погоню.

Неделю шли по проселкам, сохранившим следы множества кованых и некованых копыт. На обочинах валялись конские трупы. Попадались на дороге то рваные до невозможности сапоги, то мятый картуз, то стреляные гильзы. Как и всюду, черный путь махновских банд был отмечен трупами зверски зарубленных красноармейцев, сельских активистов, бедных крестьян, ненавидевших пьяную, разнузданную банду батьки.

Очерет, остановив свою лошадь у кучки раздетых, изрубленных тел, прикованных к земле замерзшей кровью, заскрежетал зубами:

— От шибеники! Розбишаки! Для Махна человек хуже собаки. На его знамени когда-то стояло: «Багатий бійся, бідний смійся». Все это брехня. Лучше бы написал: «Бідний бійся, багатий смійся», и это было бы в самый раз.

На походе нам стало известно о гибели начдива 14-й Александра Пархоменко, зверски убитого бандитами.

В крестьянских хатах нам показали махновские деньги. На их лицевой стороне значилось: «Анархия — мать порядка», а на изнанке:

Ей, жінко, веселись,
У Махна гроші завелись!
Хто цих грошей не братиме,
Того Махно дратиме!

При подходе к Днепру по распоряжению Примакова из состава 8-й и 17-й дивизий был сформирован сводный отряд на самых крепких, выносливых конях. Возглавил его Григорий Иванович Котовский. Всадники с подбитыми лошадьми, с лишним имуществом отправились к местам постоянных стоянок.

Следы банды вели к Каневу. Здесь, на одном из глухих хуторов Каневщины, состоялась встреча петлюровской резидентки с махновским контрразведчиком Воробьевым, который и свел ее с Махно.

Задержанная в Ольгополе Ипполита Боронецкая, пытаясь полным раскаянием смягчить свою участь, ничего не утаила из того, что произошло во время свидания с «главковерхом» анархо-кулацкой вольницы.

Батько, страдавший от очередной раны, полученной в бою у Пугачевки, принял шпионку лежа в тачанке, по бокам которой в почтительной позе застыли приближенные батька — патлатый матрос Щусь, начальник махновского штаба Белаш и палач Воробьев. Махно, не слушая посланницу Чеботарева, сразу же обрушился на нее:

— Передай, девка, своему Петлюре, что батько Махно шуток не признает. Где ваши атаманы? Попрятались от Махна, как мыши от кота. Не видел я что-то ни их отрядов, ни их самих. А ваш Черный Ворон пусть и не попадается мне на дороге. Он хоть и ворон, а велю своему воробью,— батько указал пальцем на контрразведчика Воробьева,— выклевать ему буркала, а потом шлепну за обман!

— Напуганные! — невнятно пробормотал Щусь.

— Напуганные? — процедил сквозь редкие зубы батько.— Тоже мне вояки!

— Они опасаются, Нестор Иванович,— выступил вперед Белаш,— помнят, как вы обошлись с атаманом Григорьевым...

— Волков бояться — в лес не ходить! — ответил Махно.— Вот, девка, передай своему Петлюре, раз такое дело, Махно плюет на него.

— С вами должен был встретиться наш атаман трех губерний Мордалевич,— заговорила наконец Ипполита.

— Никаких атаманов ни трех, ни четырех губерний не знаю и знать не хочу. С вашим дерьмом свяжешься — сам дерьмом станешь. Я ухожу со своей армией.

— Нельзя ли узнать куда? — почтительно спросила Боронецкая.

Махно искоса посмотрел на нее:

— Ишь чего захотела! Иду куды надо. А своим передай: если Петлюра по-серьезному двинет на Украину силы, Махно готов взять Киев. Только туда попозже, к лету или к осени. Мать анархия еще покажет себя!

Воробьев, подав знак об окончании аудиенции, выпроводил контрразведчицу за хутор.

Боронецкая ждала иного приема. Ну что ж? Переговоры с Махно — это ведь далеко не все, чего от нее требовал шеф. Ей еще предстояло встретиться с крупным советским командиром и, пустив в ход все свое обаяние, затянуть его в сети чеботаревских козней. Еще во время осенней кампании Ипполите удалось вскружить ему голову. Для ловкой интриганки это не составляло большого труда: человек оказался близким ей по духу. Под влиянием шпионки он забыл о командирском долге, о вверенной ему дивизии. Петлюровцы, перейдя в наступление, опрокинули тогда ее полки и захватили Деражню.

Боронецкая после встречи с Махно направилась в Ольгополь. Там некий Яворский, тайный агент Чебота-

рева, командир продовольственного отряда, помог ей устроиться на работу в школе и связаться с ее прежним поклонником.

Возле Канева махновцы оставались недолго. Набросав на рыхлый снег солому, доски, они переправились на левый берег Днепра. Спустя несколько часов — это было в январе 1921 года — перешел реку и сводный отряд Котовского.

Вскоре махновская черная рать попала в «мешок». Тщательно задуманная ловушка была подготовлена для нее недалеко от Хорола. Путь банде преграждала крутая насыпь железной дороги. Перемахнуть через нее можно было только у переезда, вблизи которого курсировал бронепоезд.

С двух сторон охватывала врага советская конница. Разъезды 14-й буденновской дивизии нащупали основные силы махновцев. Приближался к полю боя сводный отряд Котовского. Казалось, что теперь уже бесшабашные головорезы батьки не устоят против натиска червонных казаков и буденовцев, стремившихся отомстить за своих любимцев — Пархоменко и Карачаева.

Очутившись в безвыходном, казалось бы, положении, Махно придумал коварный маневр. В его штабе нашлось удостоверение на имя командира взвода 84-го полка 14-й дивизии. С этим документом личный ординарец батьки помчался к бронепоезду. Предъявив документ, подвел командира к амбразуре. Показал на приближавшихся махновцев:

— Это наши. А там,— повел он пальцем в сторону буденовцев,— махновцы. Кони наши вымотаны, к атаке не способны. Так что начдив просит вдарить ураганным... пока пройдем... За переездом станем... будем ждать червонных казаков...

Простодушный командир бронепоезда попался на махновский трюк. И на сей раз анархо-бандиты вырвались из тщательно подготовленной для них западни.

Отряд Котовского почти весь январь преследовал банду Махно. Избегая встречи с советской конницей, бандит ушел на восток — к Волчанску и Купянску.

Махновцы бушевали еще несколько месяцев на юге Украины. Но поддерживавшее их кулачество постепенно выдыхалось в условиях нэпа. Поняв тщетность борьбы, с отчаянием сражалось кадровое ядро махновцев. Бывали у них и успехи. Где-то у Балаклеи они разгромили крас-

ногусарскую бригаду, возглавлявшуюся бывшим царским офицером Ватманом, содрали с убитых и раненых кавалеристов новенькие, из яркого сукна галифе. Но недолго в них щеголяли.

После возвращения Котовского Примаков, по распоряжению М. В. Фрунзе, отправил на Левобережье свежий отряд для борьбы с Махно. Возглавил эту часть командир бригады Петр Петрович Григорьев.

Горе-прорицатель и горе-атаман

Вскоре после похода на Махно Федоренко, вернувшись из Белой Церкви, где стоял штаб дивизии, голосом, в котором одновременно звучали и радостные и грустные нотки, заявил мне:

— Нам, старикам, пора на покой. Я в седле с тысяча девятьсот девятого. Покомандуйте теперь вы, молодежь. Сдам тебе, комиссар, полк со спокойной душой. И полк, и моего трофейного Грома. Это зверь, а не конь. А Трояиду, так и быть, преподнесу Демичеву. Поеду в Бахмут. Пока в отпуск. А там посмотрю, может, останусь, может, и вернусь.

Покинув навсегда ряды нашей славной дивизии — только позже, спустя год,— «желтый кирасир» не ушел, разумеется, на покой. Бывшего командира 6-го червонноказачьего полка, посланного на Северный Кавказ, назначили директором крупнейшего совхоза «Верблюд».

6-й полк стоял тогда в Плоском и в близлежащих селах. Плоское считалось центром нашего боевого участка.

Вся территория, на которой широко раскинулся конный корпус, была разделена между частями. В границах боеучастка командир отвечал не только за ликвидацию бандитизма, изъятие дезертиров, охрану сахарных заводов и ссыпных пунктов, но и за помощь слабосильным хозяйствам во время полевых работ. Многочисленные функции не снимали с командира ответственности за боевую подготовку части. Работы было уйма. Много испытанных и проверенных в бою командиров, вроде Федоренко, ушли по демобилизации, некоторых отпустили в заслуженный отпуск. На смену штаб дивизии присылал других. Началась реорганизация армии, расформировывались отдельные кавалерийские полки и дивизионы. Их бойцы направлялись на пополнение конного корпуса.

В числе других товарищей прибыли в 6-й полк два командира — Горский и Ротарёв. Смуглолицый уральский

казак Николай Ротарёв, с вороньего цвета шевелюрой, тихий и малоразговорчивый, производил впечатление скромного и дисциплинированного служаки. Напыщенная речь Валентина Горского, его ладно скроенная казачья бекеша, перетянутая кавказским ремешком, дорогая кубанская шашка и лихо заломленная папаха говорили о том, что владелец этой живописной экипировки — человек не без претензий. Он тоже назвался уральским казаком.

Оба уральца, в прошлом командиры эскадронов, были назначены сотниками.

Однажды под вечер в домик бухгалтера сахарного завода, у которого я проживал, явился Горский.

Сияя чисто выбритой физиономией, он уверенным шагом зашел в помещение, поздоровался. Не ожидая приглашения, сел на диван.

— Какие у вас дела, товарищ сотник? — спросил я.

— Никаких дел, товарищ командир полка. Завернул на огонек.— Улыбаясь и щуря серые маслянистые глаза, продолжал: — У вас нынче такой день, а вы с книгой...

— Какой же это день? — удивился я.

— Не скромничайте. Нынче у вас день рождения. Я пришел вас поздравить,— ответил он и извлек из глубокого кармана бутылку.

Меня изумил вид знаменитой шустовской этикетки, на которой блестели три звездочки.

— Я не пью!

— Знаю. Но вы, товарищ комполка, просто обидите глубоко уважающего вас уральца,— упавшим голосом сказал Горский.— Выпейте со мной, по-простому, по-казачьи.

Мне впрямь показалось, что отказ огорчит уральца: столько было мольбы в его голосе.

Разумеется, в тот вечер рано лечь не пришлось. На рассвете над моим ухом затрещал телефон. Вызывал штаб.

Там, несмотря на ранний час, собралось много народу. Окруженный бойцами и командирами, Горский истерически кричал:

— Начальство пьянствует, а бандиты воруют наши знамена. Вот он, сам идет,— заорал пройдоха, увидев меня,— арестовать его, товарищи! Я буду ваш командир.

Я повернул голову к окнам, где у простенка, охраняемое часовым, стояло в целости и невредимости наше единственное полковое знамя, на котором горели золотом слова: «Берегись, буржуазия, твои могильщики идут!»

Но Горский, потрясая металлической пикой, служившей древком полковому штандарту, не унимался:

— А где знамя? Украли!

Штандарт — кусок красного кумача с вышитой подковой и конской головой, прикрепленный к пике,— втыкался в землю и обозначал местонахождение штаба. Штандарт — не знамя, и никакой охраны к нему не выставлялось.

С улицы доносились конский топот и шумные голоса. Я посмотрел в окно. Возле штаба спешивались всадники. Через минуту ввалился в помещение командир второй сотни крепыш Мыкола. Следом за ним, с горящими от волнения глазами, явился Очерет.

— Что случилось? — спросил Брынза.— Вот прискакал к нам в сотню Крендель, виноват — Очерет. Забил тревогу.

— Все в порядке! — ответил я.— Горский, ваше оружие. Товарищ Брынза, отведите этого проходимца на гауптвахту.

Самозванец, побледнев, положил на стол наган, а затем и шикарную кубанскую шашку.

— Не имеете права снимать сотника,— все еще куражился он.— Меня послал штаб дивизии.

К обеду явился комиссар дивизии Генде-Ротте. Вызвали в штаб Горского. Принесли найденное у него полотнище штандарта.

Генде со свойственным ему спокойствием заявил:

— Вот вы, Горский, донесли, что украдено полковое знамя. А оно стоит нетронутое. Вы хотели отличиться... Надо было это сделать, когда шли бои. Собирайтесь, поедем! А вам,— обратился он ко мне,— за неразборчивость в компании ставлю на вид!

Мы все учились на положительных примерах, извлекали уроки и из собственных ошибок. И горе тому, кто их быстро забывал. Горского, как увидим после, ничему не научила история в Плоском.

...К весне 1921 года бандиты на Киевщине, разгромленные червонными казаками, притихли, затаившись в лесных чащобах. Зато, питаемый Тютюнником и Чеботаревым из-за кордона, ожил бандитизм на Подолии. Враг не сдавался. Для борьбы с ним наш конный корпус, оставив места зимних стоянок, передвинулся на запад.

Штаб корпуса расположился в Липовце. Котовский с 17-й дивизией занял район Ильинцев, а 8-я кавалерийская — Гайсинщину. И сразу же наша разведка, руково-

димая черниговцем Евгением Журавлевым[1], уточняя данные губчека, установила местонахождение основных петлюровских банд. Из Балтских лесов с шайкой в 300 сабель атаман Заболотный терроризировал южную Подолию. У Христиновки действовал Полищук, вокруг Дашева — банда Машевского. Базируясь на Китайгородские леса, бесчинствовали атаманы Иво и Лихо, между Литином и Летичевом бандитствовал уроженец Литинщины Шепель, у Казатина — бывшая учительница Маруся Соколовская, на Брацлавщине — Анищук, Черноус, Яковенко, у Вороновиц — Гальчевский, вокруг Шпикова — Цымбалюк.

Нашему 6-му полку было приказано расположиться в большом селе Гранов, на Гайсинщине. В один из теплых апрельских дней мы вступили в село. Пока квартирьеры разводили подразделения по извилистым и длинным, утопающим в садах улицам, хор трубачей, спешившись, собрал возле школы пеструю толпу молодежи. Начались танцы.

Средних лет мужчина, в ярко вышитой украинской рубашке, с накинутым на плечи суконным пиджачком, под гром медных труб и визг девчат, бойко отплясывавших с казаками польку, шепнул мне:

— Срочное дело. Зайдите в школу. Я учитель.

Танцы танцами, но нам хорошо было известно, что Гранов в свое время поставил армии «самостийников» не один десяток опытных хорунжих, подхорунжих, сотников, трех полковников.

В селе находилось немало людей, тосковавших по Петлюре. Предварительно подмигнув Очерету, я вышел из толпы. Обойдя площадь, проник в школу со стороны двора. Учитель уже был там. Скинув с плеча пиджак и перебирая тонкими пальцами пеструю завязку рубахи, он, торопясь и заметно волнуясь, сообщил:

— Не теряйте времени! Оцепите Грановский лес! Мужики возвращались с базара... банда Христюка их обчистила... Ночью гуляла в лесу... Действуйте! Хутко! Но... никому ни слова... А то вот,— двумя пальцами учитель сдавил себе горло.

Наша беседа происходила в классе. В сенях, ожидая меня, покуривал Очерет. Полагаясь на исполнительного ординарца, я велел ему, не показывая виду, что он куда-то

---

[1] Во время Великой Отечественной войны командарм-18 Евгений Журавлев освобождал Закарпатье.

торопится, найти командира дежурной сотни Брынзу и передать приказ об оцеплении леса. В том, что расторопный Мыкола не подведет, я не сомневался. Прежде чем перейти в Гранов, весь начсостав тщательно изучил по карте новый район дислокации, и Брынзе только надо было сказать, где противник, а сколько его — он никогда не спрашивал. Добрая половина его казаков, как и он сам, были уроженцами Херсонщины и добровольно вступили в наш полк во время следования дивизии из-под Перекопа на белопольский фронт.

Как только за Очеретом закрылась дверь, в сенях появился учитель.

— Теперь уходите,— сказал он.— И у Христюка есть глаза. А как поймаете его, от всего Гранова вам будет спасибо и шана...

Поступок грановского учителя был настоящим подвигом. Разоблачая банду, он рисковал головой.

Я вышел из школы. Толпа на площади еще больше выросла. Бойцы, устроив лошадей по дворам, пришли повеселиться. Из самых дальних уголков Гранова спешили к неожиданному веселью парни и девушки.

До моих ушей донеслись звуки лихой «барыни» и неистовый топот старательно отплясывавших ног. Но зрители, с самого начала громко выражавшие восторг, теперь, окружив плотным кольцом танцующих, стояли молча. Протиснуться в первые ряды было не таким уж простым делом. В кругу отплясывала пара, поражая зрителей головокружительными коленцами.

Танцевал коротыш с огромными усами — сотник Скрипниченко, недавно лишь получивший орден Красного Знамени за писаревский бой, и какой-то белобрысый грановский парень в коротком кожушке и в тяжелой шапке.

Очевидно, хореографический поединок начался давно: оба танцора то и дело вытирали рукавами потные, раскрасневшиеся лица. Белобрысый паренек, чувствуя силу партнера, нервничал. Не обрывая танца, скинул кожушок. Еще немного — и в толпу полетел пиджак, затем жилет, шапка, после этого солдатская гимнастерка, за ней красная кумачовая рубаха, затем серенькая ситцевая. Толпа раскатисто смеялась, а танцоры, то наступая друг на друга, то расходясь, страшась поражения, принуждали свои ноги творить чудеса. Но, израсходовав все силы, первым сошел с круга более пожилой Скрипниченко. Под бурю аплодисментов он снял овчинную папаху, раскланялся и ею же принялся вытирать лицо.

Победитель, выжив из круга соперника, почувствовал свежий прилив сил. Дал знак музыкантам, собравшимся передохнуть, и вновь пустился в отчаянный пляс. Но тут, протиснувшись сквозь толпу, появился Очерет. Найдя меня глазами, слегка кивнул головой.

Стараясь поддержать честь полка, Очерет внес в исполнение гопака нечто новое. То и дело приседая и отбивая ладошками четкую дробь по голенищам и подошвам сапог, он плясал мастерски. А белобрысый, зачарованный выкрутами Очерета, ни на минуту не прерывал своего танца.

Вдруг с Гайсинской дороги, к которой примыкал Грановский лес, донеслись сначала одиночные выстрелы, а потом и несколько залпов.

Зрители насторожились, трубачи оборвали игру, но Очерет, обращаясь к капельмейстеру, крикнул:

— Маэстро, валяй!

И танец продолжался как ни в чем не бывало.

Выстрелы так же внезапно оборвались, как и начались. О них сразу же забыли. В ту тревожную пору всевозможные перестрелки были обычным явлением.

Очерет, то ли беспокоясь за судьбу земляка Брынзы, то ли в самом деле умаявшись, вдруг встал, глубоко вздохнул и, протянув руку белобрысому, поздравил его:

— Молодец, хлопчина, перекаблучил меня! И мне пора поить коней.— Затем пригнулся и бесцеремонно ощупал колени танцора. Выпрямившись, лукаво подмигнул грановским красавицам: — Я подозревал, что у него механизма действует, ан нет, всё — как у людей.

Шутку Очерета встретили дружным смехом. Победитель, мужественно державшийся на кругу более часа, отошел в сторонку и, тяжело дыша, вступил, наивно улыбаясь, в беседу с парнями. После короткой передышки музыканты вновь заиграли.

Возникнув где-то вдали, в село прилетели слова старинной песни:

По-пе-попереду Дорошенко,
По-пе-попереду Дорошенко
Веде своє військо, військо Запорозьке, хорошенько!

Возвращалась с операции дежурная сотня. Гарцуя на рослом рыжем коне, показался сотник Брынза с перевязанной головой.

С шашками наголо казаки сопровождали с десяток пленных. В обычном красноармейском обмундировании, давно не бритые, они смотрели исподлобья.

Оркестр оборвал игру. И зрители и танцоры, торопясь и обгоняя друг друга, окружили колонну всадников и пленных. Казаки, выходя из строя, навалили у ног Брынзы целую гору трофейных куцаков — обрезанных винтовок.

— Что с вами? — спросил я у сотника, указывая на его голову.

— Трохи зацепило,— усмехнулся Мыкола.— Вот тот,— указал он на высокого, с раненой рукой, прижатой к груди, тонконосого бандита.— Я влетел в его землянку, а он в упор пальнул из обреза. Это и есть сам атаман Христюк!

— Вы Христюк? — спросил я.

— Ну я,— ответил нагловато атаман.— Что, рубать будешь, москаль? — Он вытянул вперед длинную шею.— Пленного и пораненного срубить не штука! — презрительно добавил он.

— Вас будут судить,— ответил я.

Вперед выступил белобрысый танцор:

— Товарищ командир! Житья от них нет. Ни овцу в поле, ни курочку на огород не выпусти. А тут еще по дорогам стали грабить. Дайте шаблюку, я его на месте порешу!

— Босва,— сплюнул атаман.— Мы вас защищаем от москалей, а вы тут с ними танцы разводите... Моделюете...

Толпа возмущенно загудела:

— Тоже мне заступник нашелся! Кто тебя звал сюда, чертов Петлюра?

— Надо заявить в сельсовет,— оборвал пререкания Брынза.— Там, в лесу... побитые...

Пленных отвели в сельскую кутузку. Христюка доставили в штаб. Лекпом сделал атаману перевязку. Хотя клинок сотника глубоко рассек руку бандита, рана была не опасна.

Мы допрашивали петлюровца вместе с уполномоченным особого отдела.

Дать сведения о связях с подпольем Христюк наотрез отказался. Поблагодарив за перевязку, заявил:

— Доставьте меня до Примака, там я, может, кое-что и выкладу. Я сам вояка, в строю не один год, знаю, ваше право только рубать, а там, повыше, могут и помиловать.

— А за что вас миловать? — спросил полковой адъютант.

— Товар за товар. Может, за другие головы, более стоящие, мою и оставят на плечах...— Христюк попросил

папиросу. Закурив, продолжал: — Скажу вот что. Рано или поздно, а этого не миновать. Слышали, что говорили там на майдане. Это молодежь — наша надежда, а что думает мужик постарше? Мы доносим Петлюре, что здесь все готово, все ждут его, а иначе он ни грошей, ни оружия не даст, а по правде сказать, так нас никто и слухать не хочет. Там, за Збручем, считают: у Христюка триста повстанцев. А у меня их было в десять раз меньше. Хлопцы, которые со мной пришли оттуда, и те разбегаются. Не воюем, а только моделюем. Всем надоела пещерная жизнь. Остались одни разбишаки, самогонщики. И ваши казаки взяли нас не почему-нибудь. Вся братва ночью насмокталась, а какой из смоктуна вояка? Схватились за зброю, да поздно!

Христюк, обведя потухшим взглядом помещение, заметил висевший на стене календарь. Вдруг встрепенулся, уставился в одну точку вытаращенными, сверкавшими из-под нависших бровей глазами:

— Сегодня двенадцатое?

— Нет! Сегодня тринадцатое апреля, пан Христюк. Не успели оборвать вчерашний листок.

— Эх, черт! — сплюнул сердито атаман.— Я так и знал. Всегда эта чертова дюжина. Вот через то тринадцатое число вы и захватили Макс... виноват, Христюка.

Подготовив донесение начдиву о ликвидации банды, адъютант вызвал конвоиров для сопровождения атамана в Гайсин.

Особист обыскал бандита. В карманах его ватных штанов и красноармейской гимнастерки, во вспоротых швах ничего не было найдено.

— Вот вы оговорились,— обратился уполномоченный к пленному,— хотели сказать Христюк, а сорвалось Макс...

— Ничего у меня не сорвалось.

В штаб, гремя шпорами, ввалился Очерет. Не спуская глаз с пойманного атамана, приблизился к нему.

— Здоровеньки булы в нашей хате, пане хорунжий,— едко произнес казак,— старый знаёмый!

— Я тебя, хлопче, не знаю. Извиняйте,— рассердился атаман.— Не хорунжий. За согласие вернуться на Украину пан головной дал мне чин сотника.

— Как же не знаете? А Подволочиск? Еще стращали посечь меня кобелям на говядину. Шаблюки вашей, правда, не пришлось попробовать, а нагаечка у пана хорунжего Максюка горячая.

— О-о-о-черет! — широко раскрыл глаза атаман.— Через тебя, босву, мне попало от пана полковника. Тонко ты моделювал. Теперь уже не «хи-ха-ха»? Волка сколько ни корми, он все в лес смотрит.

— Эх, пане сотнику, пане сотнику! Коняка с волком тягалась — одна грива осталась. И то сказать, волки шатаются по ярам и чащам, а настоящий казак,— ударил себя в грудь Очерет,— гуляет на свободе.

— Значит, вы все-таки Максюк? — спросил петлюровца особист.

— Выходит, что так. Там я был хорунжий Максюк, здесь — сотник Христюк.

— Так и вам, пан сотник, приходится моделювать? — с издевкой спросил Очерет.

— Каждый спасается как может,— ответил угрюмо атаман.

— Вы, кажется, спец по гаданию? — спросил особист атамана, лукаво посматривая на Очерета.

— Хотите, погадаю! — Глаза сотника зажглись лукавым огоньком.

— Куда там! — махнул рукой особист.— Свою судьбу не мог предвидеть, а о чужой говорить не приходится.

Но Максюк не смутился:

— Против чертовой дюжины и я без всяких возможностей, поймите же это, тов... люди!

Невольно мы все засмеялись. Максюк опустил голову.

— А как обнюхивали меня, искали на шкуре якорь, звездочку, не забыли? Думали — меченый. Но и вы теперь без вашей метки. Где ж ваш оселедец? — спросил Очерет.— Помню, вы очень тряслись над той гордостью гайдамака.

— Я эту штуку,— проведя рукой по бритой голове, развязно ответил атаман,— оставил там, за Збручем, на память нашим министрам. Им все мало грошей, может, выручат за мою прическу с сотню марок. Они там получают по двадцать три тысячи марок в месяц, а меня тут грызут двадцать три тысячи вшей. Эх, Очерете, что я тебе скажу: потерявши голову, по оселедцю не плачут...

Вот этих-то пещерных людей, вроде Максюка и его бандитов, ютившихся в лесах и терроризировавших население Подолии, изо дня в день громили казаки Первого конного корпуса. Но находилось еще немало бандитов и авантюристов в лагерях Пилсудского и в отелях Львова. И они, выгнанные в двери и пролезшие в окно, не избежа-

ли своей судьбы, встретившись на просторах Подолии и Волыни с клинками червонных казаков и котовцев.

В тот же день мы отправили Максюка в Гайсин, в особый отдел дивизии. А по обе стороны Збруча копошились еще максюки-христюки, которые тщетно пытались борьбой против века нынешнего вернуть век минувший.

В дивизии Котовского

Служить в дивизии Котовского было честью для многих. Но события шли своим чередом, и... снова попасть под команду Григория Ивановича мне не пришлось.

Спустя неделю после посещения Гранова Примаковым, в самый разгар пасхальных праздников, когда жители села в знак благодарности и за ликвидацию банды Христюка, и за участие полка в полевых работах радушно угощали наших казаков душистыми калачами и жирными окороками, в Гранов явились два командира. Один из них — Павел Беспалов, а другой — чапаевский комбриг Иван Константинович Бубенец, который еще в 1917 году во главе роты лейб-гвардии егерского полка штурмовал Зимний дворец.

Выполняя привезенный ими приказ, я сдал Беспалову полк, а бригаду — Бубенцу (временно мне пришлось замещать комбрига Самойлова, уехавшего в отпуск в далекий Череповец).

Высокий и худой, широкоплечий, с некрасивым, но очень приветливым лицом, Иван Бубенец, в недавнем прошлом начальник чапаевской конницы, принимая от меня бригаду без особых формальностей, предложил мне свою дружбу. Мне импонировали и два ордена Красного Знамени славного комбрига, и его близость к легендарному Чапаеву, и его тесная дружба с Дмитрием и Анной Фурмановыми, с которыми он три года спустя познакомил меня в Москве.

Бывает так, что люди с родственными душами, встретившись на жизненном пути, сразу же, с первого слова с первого взгляда, сближаются навсегда. Вот такая дружба возникла у нас с Бубенцом там же, в Гранове, но, к сожалению, она продолжалась недолго.

В 1926 году славный комбриг погиб во время воздушной катастрофы под Севастополем. В некрологе, напечатанном тогда в «Правде», Анна Фурманова писала, что крестьянство Самарской губернии и трудовое казачество уральских степей недаром считали Ивана Бубенца своим

верным защитником. «Чапаевцы долго будут помнить тебя, дорогой друг»,— этими словами заканчивалась статья Анны Фурмановой.

В один из апрельских солнечных дней, простившись с людьми 6-го червонноказачьего полка, провожаемые Бубенцом до околицы села, мы с Очеретом, покинув Гранов, тронулись в путь на Ильинцы. Там стоял штаб 17-й дивизии, куда мне было предписано явиться.

Мое имущество состояло из подаренного мне Федоренко трофейного Грома, офицерского седла, шашки, парабеллума, фибрового чемодана с одной парой белья. Такое было богатство у всех полковых командиров Червонного казачества. Редко кто из нас владел второй, запасной, парой сапог.

С грустью покидал я 6-й полк. Тосковал, невесело понукая пеструю кобылу, и мой спутник Очерет. На передней луке седла в дырявом мешке он вез хрюкавшего всю дорогу поросенка — щедрый дар его грановской любезной.

Ехали мы, то и дело оглядываясь по сторонам и зорко осматривая опушки придорожных лесов, таивших в себе опасность для одиноких путников. Расквартирование целого кавалерийского корпуса в районе Ильинцы — Гайсин не делало еще безопасными дороги. В ту пору немало одиночных бойцов пало от руки петлюровцев.

Конечно, против направленного издали, из какой-нибудь чащи, выстрела мы были бессильны. Возможное появление конных бандитов не страшило: не раз выручали острые клинки и крепкие лошади. В случае нападения хуже пришлось бы жирному, визжавшему всю дорогу поросенку. Но все обошлось благополучно. Наши резвые кони быстро доставили нас в Ильинцы.

Множество проводов на шестах свидетельствовало о наличии в местечке крупного штаба. А обилие всадников, скакавших по пыльным улицам, говорило о том, что командование занято важными делами.

Переночевав в Ильинцах, мы с Очеретом направились в Кальник. Стоянка 97-го кавалерийского полка имела две достопримечательности. В Кальнике недавно пустили в ход сахарный завод. И там же со времени освободительных войн Богдана Хмельницкого сохранился дом, служивший полковым штабом легендарному сподвижнику гетмана Ивану Богуну.

Вскоре в Ильинцы прибыл Дмитрий Аркадьевич Шмидт, недолго командовавший в 8-й дивизии бригадой.

Шмидт принял от Соседова 17-ю дивизию. С новым начдивом явился и Бубенец — мой новый друг. Он получил 3-ю бригаду. Приехали командовать полками, как и я, Спасский и Святогор. Вместе с другими товарищами из 8-й дивизии прибыл к нам и уралец сотник Ротарёв.

Их задача была ответственной и почетной. Предстояло не только восстановить боеспособность дивизии, сильно поредевшей после жестоких боев с пилсудчиками и петлюровцами, но и привить ее мужественным воинам славные традиции Червонного казачества. Враг был разбит, но не капитулировал...

«Либо в стремя ногой, либо в пень головой»

В селе Кальник, подковой охватывавшем сахарный завод, находился весь 97-й полк, а 8-я дивизия с трудом разместила бы здесь лишь один свой эскадрон.

До меня командовал полком донской казак Кружилин, упитанный мужчина лет сорока. Ознакомившись с предписанием, он не мог скрыть почти детской обиды, появившейся на его крупном смуглом лице.

Сунув предписание в карман гимнастерки, комполка потребовал коня. Не сказав ни слова, умчался в Ильинцы.

О состоянии полка, пригласив меня в канцелярию, докладывал адъютант полка Петр Филиппович Ратов. В то время начальник штаба части назывался еще адъютантом.

Во время нашей беседы я невольно любовался мощными плечами штабника, его выпуклой грудью. Не сдержавшись, пошутил:

— Случайно, вы не брат Ивана Поддубного?

Белое, с пшеничными бровями лицо крепыша расплылось в широкой улыбке. Он ответил:

— У нас в Уржуме, это на Вятке, Поддубный швырнул меня на ковер после пятой секунды. А вообще-то, товарищ комполка, я не борец, я из бурлаков... один из последних могикан этой славной артели.

Задорная улыбка, не сходившая с открытого лица адъютанта, беседа без подобострастия, унаследованного некоторыми нашими штабниками от штабников царских, сразу же располагали к нему. Ратов заявил, что вначале его, строевика, тяготила необычайная работа, но сейчас уже он к ней привык. Жаловался бывший бурлак лишь на три пункта. Первый пункт — абсолютное отсутствие бумаги,

второй — «недостаточное присутствие» грамоты и третий — хор трубачей.

Тут же разыгравшаяся колоритная сцена подтвердила правдивость этих жалоб. К штабу на широком галопе подкатила тачаночная тройка, и ездовой, лихо развернувшись, крикнул во весь голос:

— Принимай, адъютант!

— Вот видите, товарищ комполка,— рассердился Ратов,— что делает этот барбос Гришка Ивантеев, командир пулеметного эскадрона. Нет бумаги, так он пишет ежедневно рапортичку на задке тачанки.

И действительно, хлестким писарским почерком на аккуратно разграфленной лаковой поверхности задка была изображена вся арифметическая характеристика эскадрона — количество людей, лошадей, пулеметов, винтовок. Перенеся в блокнот все данные, Ратов скомандовал:

— Езжай и передай эскадронному распоряжение нового командира полка: если еще раз это повторится, нанюхается он гауптвахты.

Но ездовой, сдвинув на ухо черную кубанку, не тронулся с места.

— Чего стоишь? — спросил Ратов.

— А роспись? Нарисуй ее, адъютант, на спинке...

Угроза штабника подействовала. Назавтра рапортичка была доставлена не на спинке роскошной пулеметной тачанки, а на... пулеметном щите. Так как эскадронный писарь — подросток Вася Осипов (ныне автодорожный работник во Львове) — не мог справиться с такой тяжелой ношей, ее шутя доставил в штаб командир взвода Фридман, такой же крепыш, как наш адъютант.

Появление Фридмана с «рапортичкой» под мышкой вызвало дружный смех штабных писарей.

— Видать, товарищ адъютант, командиры не очень-то пугаются ваших угроз,— сказал я, наблюдая за веселым спектаклем.— А комиссару полка жаловались?

Ратов, многозначительно улыбнувшись, ответил вопросом:

— А вы разве еще не познакомились с нашим комиссаром?

...Но бумаги все же не было. И изобретательный Григорий Ивантеев придумал нечто новое, передав сразу же свой опыт другим подразделениям: ежедневные рапортички стали писать на бересте.

Отсутствие бумаги немало помучило штабников, но, без сомнения, по этой самой причине не было тогда у нас и бумажной волокиты.

Петр Ратов, закончивший краткосрочные командирские курсы, после некоторой стажировки в строю был на своем месте. Штаб держал в руках. Распоряжения командира своевременно и толково передавал в подразделения. В указанное графиком время представлял в высшие штабы необходимые сведения, рапорты и донесения. Здесь к нему как к адъютанту придраться нельзя было.

Но вот с общей грамотой у бывшего бурлака дела обстояли неважно. Однажды во время тактических учений, получив распоряжение информировать высший штаб о действиях полка, он составил донесение, из которого ничего нельзя было понять. Ратов дважды переписал документ, но с тем же результатом. Пришлось самому взяться за карандаш. Когда я оторвался от полевой книжки, чтобы показать своей правой руке, как пишутся донесения, адъютанта вблизи не было. Он лежал под тенистым осокорем. Уткнувшись носом в рукав выцветшей гимнастерки, вздрагивая могучим бурлацким плечом, он сокрушался:

— Неужели я так и не научусь этой премудрости?

С трудом заставив бывшего бурлака взять себя в руки, я тогда же подумал: «Ну, голубчик, раз ты так близко принимаешь все это к сердцу, значит, будет из тебя толк».

Вернувшийся Кружилин подписал документ о сдаче полка. Я попросил показать боевую выучку части. Так как на полях росли высокие, почти в рост человека, хлеба, полк вывели за поселок, на выгон. Из всего, что удалось вывести, Кружилин едва сколотил эскадрон. Ясно, что ни о каком полковом учении не могло быть и речи. Наспех созданная строевая единица, как бы командиры ни старались, не могла без предварительной практики показать что-либо стоящее.

В подавленном состоянии мы возвращались в поселок. Вдруг Кружилин оживился. Какие-то искорки зажглись в его глубокосидящих грустных глазах. Он кого-то вызвал из строя и, что-то шепнув, послал вперед. Когда мы появились на единственной улице поселка, вдоль ее широкой части, напротив заводской конторы, кто-то уже расставил длинную шеренгу станков с свежей лозой.

Кружилин, отъехав в сторону, подал команду. Всадники, обнажив клинки, взяли к бою пики, один за другим стали отделяться от строя.

Искусство рубки и уколов, передававшееся с кровью из поколения в поколение, нигде не развито так высоко, как у природных казаков. Лоза, срезанная сильным и мгновенным прикосновением шашки, скользнув вертикально вниз, утыкалась свежим острием в землю. Пущенная вперед пика, проткнув вертикальное чучело, тут же ловко перехватывалась рукой, сильным толчком подбрасывалась вверх, летела вперед высоко над головой всадника, опережая его и коня, затем схватывалась на лету и, послушная казаку, ударом вниз поражала «бегущего врага». Через секунду-две пика — это сильное оружие конницы — снова была готова к очередной комбинации уколов.

Кубанская молодежь, бойцы 97-го полка, наслышавшись от Очерета безусловно приукрашенных им рассказов о червонных казаках, решила показать и себя на своих пораженных чесоткой, плохоньких, но как-то сразу оживившихся лошаденках.

Из-за поворота улицы, со стороны сахарного завода, стоя во весь рост на подушке седла и ловко вращая на ходу пикой, выскочил всадник с черной повязкой на глазу. Смуглость его сухощавого и скуластого лица еще больше оттенялась огромной серебряной серьгой, вдетой в мочку левого уха. Рядом с конем, на уровне его передних ног, несся, вывалив красный язык, огромный, с мохнатой шерстью, великолепный волкодав. Чуть согнувшись, джигит гикнул, поднял в намет чалого дончака.

Вот этот ловкий казак, отставив пику и схватившись руками за переднюю луку, вылетает из седла и на полном скаку, чуть коснувшись травы, вскакивает на коня. Вот он уже отталкивается от земли по другую сторону лошади и спустя миг легко опускается на мягкую подушку казачьего седла.

— Это Митрофан Семивзоров,— сказал Ратов.— Отчаянный рубака, весельчак. Одноглазый, и наши люди зовут его Прожектор. Конь у него Шкуро, а волкодав — Халаур. Были такие казачьи атаманы Шкуро и Фицхалауров. Дорожит он животными да вот еще бубном. Видите — приторочен к заднему вьюку.

Семивзоров, блеснув высшим классом джигитовки, лихо отдал честь и, прогарцевав мимо нас на чалом, с задором отчеканил:

— Либо в стремя ногой, либо в пень головой...

Услышав знакомый голос, Халаур, на ходу повернув голову в нашу сторону и словно подтверждая мнение хозяина, трижды гавкнул густым собачьим басом.

После отличной рубки и джигитовки, показанной казаками, настроение Кружилина поднялось. И я понял, что всадники эти могут послужить хорошей основой для создания крепкой конной части. Надо сказать, что многие бойцы — полтавские, харьковские, черниговские хлеборобы, никитовские шахтеры, луганские металлисты,— севшие на коня по зову партии и не знавшие дома, что такое клинок и пика, научились ими владеть в ходе боев с гайдамаками Петлюры и с казаками Деникина.

Расставаясь, я от души поблагодарил Кружилина за хорошую выучку конников.

В просторную, отведенную под жилье комнату явился Очерет. Злой и угрюмый, занес в прихожую седла, оружие, визжавшего в мешке поросенка. Попросил папиросу. Я не курил, но держал для жаждущих несколько пачек махорки. Затянувшись, с каким-то отчаянием в глазах Очерет посмотрел на меня:

— Отпустите меня домой, товарищ комполка.

Я уже давно обещал Семену отпуск. Выслушав просьбу Очерета, я подумал, что он соскучился по приднепровским Бретанам. Но не в отпуск просился Семен. Его потянуло «домой» — это означало в Гранов, в 6-й полк, к друзьям, к боевым товарищам. Я бы и сам, если б это было возможно, улетел вместе с ним на крыльях. Но об этом не приходилось и думать.

— За лошадей мне страшно! — в раздражении выпалил Очерет.— Скрозь чесотка, стаень нет. Фуража тоже. А что это за полк? Я уже все скрозь пронюхал. Одна жменька [1] — и все. Сами видели на учении. Эх,— сокрушался Семен,— видать, наш Примак за что-то сердитый. Обкаблучил он нас как следует с этой чесоточной командой...

— Вот и надо из нее сделать полк не хуже шестого...

Очерет замахал руками:

— Вы что? Смеетесь? Тоже сказали! На что казаки первого полка похваляются: мы, мол, самые старые, а я считаю, что боевее нашего шестого полка нет! И ничего мы с вами тут не добьемся. Попомните мои слова. Вот под Волочиском не послухали меня — верхи поперлись на бронепоезд. Там обожглись и здесь обсмолитесь!

---

[1] Горсточка.

Против пессимизма Очерета я был бессилен. На все мои уверения он только безнадежно махал рукой.

Раскладывая на столе сало и хлеб, ординарец все еще брюзжал:

— Не люблю я этой городской роскоши! — Он бросил злобный взгляд на просторное помещение.— Что с того, что нас сунули в этот анбар? А жри всухомятку. Вот по деревням лафа. Там хозяйка тебе и яешню поджарит, и галушек поднесет. Конечно, в обыкновенной сельской халупе. Потому что в хате под бляхой [1] сроду не накормят. Куркульня!

Глубокие душевные переживания Семена не мешали ему с аппетитом справляться с «сухомятным обедом». Уминая за обе щеки, он продолжал делиться впечатлениями:

— В нашей хозкоманде больше коней, чем в этом полку. Командирова братва — так она у него без счету: ездовые, коноводы, ординарцы, свой кашевар. Увидела та братва наш чемоданчик и поросенка, подняла сволота на смех. Подвели меня к тыну, а возле него две тачанки. Одна выездная, значит, а другая доверху загруженная, палатками закутанная и веревками затянутая. И говорят: «Вот это понимаем — комполка! А что твой? Молодежь с поросеночком!»

Я слушал сетования Очерета улыбаясь. Но он не унимался:

— Да, у ихнего комполка все очень богато. И тачанки, и кони, и сбруя, и все.— Мне показалось, что Очерет както пренебрежительно посмотрел на меня.— Зато полк! Весь ихний полк, говорю, одна жменька. Людей маловато, а насчет коней, то совсем дрянь. Как они стали смеяться над нашим чемоданчиком и поросенком, я им и сказал: «Наша хозкоманда и та посильнее будет вашего полка». А они, черти, говорят: «Если там такое богатство, то почему же вы приехали на нашу бедность? Сидели бы у себя, не рыпались».

Покончив с обедом, Очерет повторил просьбу:

— Сделайте милость, товарищ комполка, отпустите меня обратно.— Подумав, с хитринкой добавил: — Демобилизуюсь, вас вовек не забуду, пришлю из Каховки бутылочку натуральной «бургундии». Специально для вас выпрошу у дядюшки Анри...

---

[1] Под железной крышей.

Прошла неделя, а Семен ходил как в воду опущенный. Все у него валилось из рук. Поняв настроение ординарца, я, к великой его радости, разрешил ему вернуться в Гранов, в наш старый, 6-й полк.

Не желая бросать ни меня, ни Грома на произвол судьбы, Очерет заранее уже подготовил себе смену — грузноватого кубанца Ивана Земчука.

Отец Дорофей и «отец» Иаков

В то трудное время велась повседневная борьба не только с теми, кто пролезал к нам из враждебного лагеря. И среди нас были такие, которых приходилось крепко осаживать.

В Кальнике еще, в первый же день знакомства с частью, я пошел искать комиссара полка. Вдоль разбитой мостовой ровной линией вытянулись стандартные каменные дома. У одного из заводских служащих — обитателей этих коттеджей — и проживал наш комиссар Яков Долгоухов.

Не зная еще, с кем столкнет меня судьба, я вспомнил многих комиссаров Червонного казачества. Боевое настроение казаков формировалось партийным коллективом и главой его — комиссаром части. Личный пример тех, кто звал массу на подвиг, играл решающую роль. «Коммунист,— говорил Примаков,— до боя действует словом, а в бою — клинком».

Комиссар 1-го полка Иван Кулик, увлекая казаков в атаку, погиб геройской смертью от клинков махновских бандитов.

Под Хорлами во главе бригады, устремившейся на белогвардейский десант, скакал комиссар Иванина. Близкий разрыв тяжелого снаряда вышиб военкома из седла. Закаленный в боях Савва Макарович Иванина до конца своих дней носил в легких осколок вражеского снаряда — память о перекопских боях.

Комиссар бригады Роман Гурин, показывая пример бесстрашия казакам 3-го и 4-го полков в жаркой схватке с легионерами Пилсудского, был тяжело ранен на галицийской земле. С не зажившей еще раной Гурин вскоре вернулся в строй.

Получив две раны в схватке с улагаевской конницей под Перекопом, не покинул своего места политрук из 1-го полка Степан Еломистров. Лишь третье, смертельное ранение вывело из строя отважного политработника.

Командир, стремящийся создать из своей части безотказно действующий боевой коллектив, знает, что ключи к сердцу солдата находятся в руках комиссара, если только он настоящий комиссар.

Якова Долгоухова я застал дома. Зажав в зубах дымящуюся тяжелую трубку, в полосатой тельняшке, кожаных брюках, он расхаживал босиком по давно не мытому полу огромной необжитой комнаты. Помещение не блистало ни чистотой, ни меблировкой: у простенка — кривой стол, в темном углу — высокий топчан, покрытый солдатским одеялом.

Долгоухов остановился посреди комнаты, разгладил пятерней шевелюру.

— Ага, новый комполка! Садись, приятель! — процедил он сквозь зубы, указав трубкой на кособокий ящик, заменявший табурет.

Я подумал: «Что ж, это неплохо — комиссар из моряков! Сразу видно — и тельняшка, и обкуренная трубка, и первое же обращение на «ты». Комиссары — бывшие моряки — не редкость. Они крепкие рубаки и горячие ораторы. Масса любила речистых политработников. Недалеко ушло время, когда один хороший митинг заменял десятки приказов...

— Чертовское давление в котле... сто атмóсфер... с похмелья, конечно, полундра. Что ж, надо знакомиться,— тянул сиповатым голосом хозяин. Прошлепав босиком к простенку, наклонился, извлек из-под стола бутылку. Разочарованный, швырнул ее в угол комнаты.— Пусто... нечем зарядиться. Какое же это, к бесу, знакомство без полфедора?

«С чего начать наш деловой разговор?» — подумал я, удивленный странной речью комиссара. Вдруг донесся бойкий топот копыт. Хозяин бросился к окну, распахнул жалюзи. Яркий свет хлынул в помещение, и весь беспорядок, царивший в нем, предстал в полном «блеске».

— Подкрепление... полундра! — воскликнул внезапно повеселевший Долгоухов.

Я подошел к окну. Какой-то тощенький безбородый попик, с узелком под мышкой, ловко соскочил с коня. Суетясь, привязал поводья к скобе амбарных дверей. Направился торопливо в помещение. На пороге снял широкополую шляпу. Молодое, с голубыми глазами лицо рыжего попика показалось мне озорным.

Положив на стол узелок, гость пробасил: «Закусон». Лихо откинув полу черной рясы, извлек из кармана ши-

роких брюк, заправленных в порыжевшие старомодные сапоги, две полкварты — «выпивон», а все вместе — «угощон».

— Будем знакомы — отец Дорофей.

Батюшка, чувствуя себя как дома, развернул узелок, затем проворно раскупорил полкварты и наполнил немытые стаканы. Долгоухов сгреб другую бутылку, взболтнул содержимое, затем стал следить, как серебряные пузырьки, закружившись, медленно оседали на коническое дно посудины!

— Первак! — авторитетно заявил он.

— Благодарные прихожане! — Поп многозначительно щелкнул языком.

Меня очень заинтересовал комиссар, а еще больше его собутыльник. Сначала мелькнула мысль: «Ловко играет поп роль простачка. Работает на какого-нибудь пана атамана. Среди бела дня, в рясе, на красноармейском коне галопом влететь во двор комиссара — это грубая работа!»

— Воин, да не пьющий,— зело любопытно! — пробасил попик, прижав к нагрудному кресту отвергнутый мной стакан.— А мы с вашим предшественником да вот и с отцом Иаковом,— указал на Долгоухова,— откровенно говоря, принимаем сию благодать паки и паки...

— Ради знакомства! — ничуть не смущаясь, просипел хозяин.— Полундра. Здравствуй, стаканчик, прощай, винцо.

— Сгинь, зелье, пропади! — выпалил отец Дорофей и мастерски осушил стакан. Крякнул, а затем добавил: — Откровенно говоря, вы видите перед собой классика...

— Какого это еще классика? — удивился я.

— Классика алкоголизма! — болезненно усмехнулся отец Дорофей и добавил: — Вот так мы и глушим скуку!

Еще в Ильинцах комиссар дивизии Лука Гребенюк, напутствуя меня, советовал сдружиться с секретарем партбюро Мостовым и комиссаром Долгоуховым, недавно назначенным в полк, моряком, рубахой-парнем, и засучив рукава взяться за работу. Но кого же встретил я в лице комиссара полка! Во мне все больше закипало возмущение.

— Допускаю,— возразил я попу,— вам действительно скучно. Прошли веселые времена для вашей касты. Но впервые вижу скучающего комиссара.

— Завел молебен,— сощурил заблестевшие глаза Долгоухов.— Отче наш, иже еси на небеси. Ты мне покажи, комполка, где бешеные атаки, где риск подполья? Все

кончилось, наступил полный штиль...— Хозяин оттянул ворот тельняшки.— Ты подай мне наступление, «ура», свалку... Возьмем же снова награды! Дают не тому, кто ближе к бою, а тому, кто ближе к начальству. А это чудо нэп? Мечтал о пожаре мировой революции, а мне говорят: «Вывози незаможникам навоз на поля». Замахнулись на твердыни Европы, а носятся с паршивенькой гвоздильной мастерской. То резали буржуев, а нынче сами их выращиваем. Нет, нынешняя фисгармония не по флотской душе. Слыхали новый стишок, сам сложил:

Дух поднять чтоб всем буржуям?
Протестуем! Протестуем!

— Скука душит,— скинув рясу и оставшись в розовой косоворотке, заскулил поп.— Но главное — не падать духом. Токмо уповать...

— На что уповать? — спросил я.

— На дух божий. Токмо он всесилен и вездесущ. Трижды были в заблуде пастыри, кои опоясали чресла мечом. Это Иисусово, Христово воинство, верю, неугодно было самому Иисусу Христу...

— И получилось по священному писанию,— сказал я,— взявший меч от меча и погиб.

— Святую истину глаголете, командир,— согласился поп.— Стараясь разгадать грядущее, я возвращаюсь к прошлому. Век назад французы с криками «Aux lanternes!» [1] вешали духовных отцов на фонарях. Храмы божии превратили в вертепы. Потом опамятовались. Уразумели: царство земное сулили всем, а досталось немногим... Лишь у стоп господних есть для всех пристанище.

Пьянчужка попик, разглагольствуя, сразу же показал себя не таким уж простачком. И не всякий трезвый поп в те суровые времена изрекал то, что слетало с уст собутыльника Долгоухова.

— Все подвержено приливам и отливам. И удел нашей долгогривой братии уповать на прилив. Уповать и искать стезю к душам оскорбленных и униженных. На то указует нам незримая десница.

— Калиновское «чудо»? — спросил я.

— Что Калиновка? — пренебрежительно скривил рот отец Дорофей.— Топорная работа. Не те времена...

В Калиновке, той самой, что примыкает к Кожуховскому лесу, «обновилась» икона. Разжигаемые духовен-

[1] На фонари!

ством фанатики, увлекая за собой тысячи верующих, совершали многолюдные крестные шествия. Отроки с безумно устремленными вдаль глазами несли хоругви, а отроковицы в белых длинных полотняных рубахах, с распущенными волосами — иконы. Участники крестных ходов, ожидая скорого конца мира и немедленного пришествия Христа, предавались поощряемому духовенством безделью.

Как только раскрылись жульнические махинации с калиновским «чудом», сразу же угас религиозный психоз и вызванные им многолюдные шествия.

— Времена теперь иные, иные у церкви должны быть и способы,— продолжал жужжать поп.— Не обманом, подобно калиновскому, а Христовой правдой святая церковь наша обрящет былую силу.

— Очень в этом сомневаюсь,— сказал я.

— Наш всеблагий учитель внушает нам долгое терпение. Не узрю я — узрит потомство. Вере Христовой две тысячи лет, и жить ей присно и во веки веков. Вот,— взмахнув коротко подстриженной гривой, указал он на комиссара.— Отец ваш Иаков что творит? Паки и паки ничего. А человеческая душа, как и натура, жаждет наполнения. Не будет наполнять ее отец Иаков — будет наполнять отец Дорофей.

— Заткни хрюкало, батько,— отозвался Долгоухов,— не посмотрю на твой сан, гривастый водолаз, и протащу тебя мордой по половице. Треплешься про наполнение, а стаканы порожние...

— Само собой,— ответил поп и взялся за бутылку.— Попалась мне брошюрка Емельяна Ярославского. Презабавно пишет. За животину хватался. Ловко кроет нашего брата. Но Ярославский где-то в Москве, а тут кто? Тут отец Иаков! Что, вопрошаю, смогут сделать добрые ваши пастыри, не такие, как отец Иаков, когда люди увидят, что не для всех уготовано царство земное, для избранных лишь. Вот тут-то исподволь начнем мы. У каждой божьей твари с древности существует неискоренимая потребность в душевном тепле. И я, не таясь, говорю: уповаю! Чем больше будет таких, как отец Иаков, тем скорее воспрянет из пепла наша присноврзносимая, всеблагая и всеутешающая святая церковь. Аминь.

— Не зря говорится: «Волос долог, а ум короток»,— наконец заговорил Долгоухов.— Я не монах. Умею не только пить... А вашего брата душили и душить будем. И тебя, батя, прихлопнем, хотя ты парень и ничего, ком-

панейский. Даже церковное золото отдал для голодающих. Не то что другие...

Веселого попика ничуть не устрашили угрозы. Наполнив очередной стакан, высоко поднял его.

— Да,— с гордостью заявил он,— я с амвона склонил верующих... Церковные сосуды сданы, ничего из злата-серебра не утаено. Упаси господи...— Поп перекрестился, выпил, крякнул и, вновь наполнив стакан собутыльника, затянул вполголоса:

Налей вина, и эти будни
При чашах, полных до краев,
Мы в праздник перестроим чудный
И юность вспомним нашу вновь...

Лихо опрокинув самогон в глотку, он швырнул стакан в дальний угол комнаты. Уперев руки в бока, пошел отбивать чеканную дробь, сам себе подпевая:

Ой топы, топы, топы,
Собиралися попы
К благочинному идти
Благочинную трясти...

В такт поповской песне Долгоухов энергично размахивал руками. Казалось, вот-вот и он ударится в пляс. Очевидно, мешало присутствие третьего. Не переставая широко жестикулировать, затянул:

Дух поднять чтоб всем буржуям?
Протестуем! Протестуем!

Шалопутный служитель божий внезапно остановился:

— Пойдем, отец Иаков, к моей благочинной. Может, она нас, рабов божьих, чем-либо попотчует от щедрот своих неисповедимых...

Вся эта сцена произвела на меня гнетущее впечатление. Вот теперь-то я понял, почему так загадочно улыбался адъютант Ратов, спрашивая меня, познакомился ли я уже с комиссаром.

Особенно была неприятна бравада шалого Долгоухова, не сумевшего понять, что откровенный в своих высказываниях попик во многом был прав. Мечты, которые лелеял он, очевидно, подогревали в те бурные времена не одного отца Дорофея. И, чтобы без промаха бить по этим коварным мечтам церковников, мало одних книг Ярославского и плакатов с лозунгами: «Религия — опиум для народа».

Жизнь партии с народом и для народа, всенародная борьба за создание светлого царства на земле для всех трудящихся без неоправданной роскоши для немногих, забота о счастье всего человечества без забвения нужд отдельного человека — вот те неприступные скалы, о которые разобьются надежды хитроумного отца Дорофея и всех его присных.

В тот же день я собрался ехать в местечко Дашев, чтобы представиться бригадному начальству — соблюсти этикет. В мирное время комбриг полками не управлял, а следил лишь за их строевым обучением. Его должность в шутку называлась архиерейской. Но серьезная беседа предстояла с комиссаром Корнелием Афанасьевичем Новосельцевым [1], старшим в бригаде коммунистом. Ему-то я и должен был рассказать о первой встрече с Долгоуховым.

Направляясь в расположение первого эскадрона, которым командовал кубанский казак Храмков, я пересек главную улицу поселка, мощенную крупным булыжником. Тут меня чуть не сшибли с ног два «ковбоя», лихо проскочившие за околицу. Один из них был Долгоухов, а другой — его собутыльник, поп-«философ» Дорофей.

Но ехать в Дашев не пришлось: комиссар Новосельцев сам явился в Кальник. И не один. Вместе с ним пожаловала местная власть.

Высокого роста, плечистый, с открытым мужественным лицом, комиссар прошел в помещение штаба и сразу занял командирское место. Чем-т до крайности расстроенный, поздоровался со всеми официально и строго. Велел найти и вызвать в штаб Долгоухова.

Дашевский председатель — в прошлом рабочий Кальникского сахарного завода — с возмущением жаловался на Долгоухова. На главной улице местечка он задавил поросенка, возле потребиловки, тешась, поджег бороду привязанному козлу.

Нет смысла рассказывать о последствиях лихих подвигов «отца» Иакова. Они и так ясны. Но на встрече комиссара бригады с Долгоуховым стоит остановиться.

Явившись в штаб одетый с головы до ног в хрустящую кожу, Долгоухов, не вынимая изо рта трубки, тяжело опустился на табурет.

---

[1] К. А. Новосельцев после Великой Отечественной войны долго жил в Кучино Московской области.

Новосельцев, заложив правую, раненую руку за портупею, скомандовал:

— Встать!

Долгоухов, попыхивая трубкой, не шевельнулся. Глядя вызывающе на военкомбрига, небрежно ответил:

— А мне и так удобно.

— Встать, приказываю! — повторил комиссар и сам вскочил на ноги.

Это подействовало. Поднялся не торопясь и Долгоухов.

— Ну, а дальше? — спросил он с издевкой.

— Дальше попросите разрешения сесть,— сказал комиссар и опустился на стул.

— Ну что ж! Разрешите? — нехотя выдавил из себя Долгоухов и добавил: — Полундра!

— Не разрешаю. К кому вы обращаетесь? Спросите по форме: «Разрешите сесть, товарищ военкомбриг».

Наконец комиссар своего добился, и Долгоухов сел.

— Теперь застегните ворот!

— Мне жарко.

— Всем жарко. Вы не в кабачке, а на военной службе, и пока еще комиссар полка. Подберите ворот гимнастерки, застегните кожанку на все пуговицы. И нечего выставлять напоказ морскую тельняшку!

Долгоухов не торопился выполнять приказ.

— Застегивайтесь, и поживей! — стукнул Новосельцев кулаком по столу.— Нечего корчить из себя балтийца. Какой вы моряк? По анкете — портовый табельщик.

— Вы кто? Царский офицер? — развязно спросил Долгоухов, застегиваясь.— Жмете по-офицерски!

— Я путиловский рабочий,— ответил Новосельцев,— и понимаю: в Красной Армии не место разгильдяйству. Вы позорите высокое звание комиссара. Собирайтесь. Поедем. В политотделе разберемся... А если вам уж так скучно, милости просим в Туркестан. Может, басмачи вас развеселят...

Долгоухов ушел... Новосельцев, сняв с головы папаху, вытер платком вспотевший лоб.

— Ну и напасть на мою голову. Впервые вижу такого. Тоже мне полундра — табельщик разнесчастный. А строит из себя лихого клёшника-братишку. Позорит моряков, позорит комиссаров.

— Но вы же ему дали перцу! — с нескрываемым удовольствием сказал Ратов, хорошо знавший Новосельцева еще по белопольскому фронту.— Посмотрел бы он, как вели себя наши комиссары в Мозырских болотах...

— Не говори, Петр Филиппович! — ответил Новосельцев.

— А вы расскажите, Корнелий Афанасьевич,— попросил Ратов,— пусть молодежь послушает.

— Что ж,— Новосельцев немного успокоился после беседы с Долгоуховым.— Знаете, товарищи, когда просят Горького что-нибудь рассказать, он отвечает: «Я вам лучше напишу», а когда просят Новосельцева написать, он говорит: «Давайте я вам лучше расскажу». Вот я вам выложу, как я сделался комиссаром.

— Послушаем,— закуривая, сказал председатель Дашевского Совета.

— Так вот,— начал Корнелий Афанасьевич,— возвращался я с Восточного фронта заросший, немытый, грязный. Одним словом, позиционный солдат. Было это летом восемнадцатого года. Прихожу к начальнику политотдела в Симбирске. А он меня посылает комиссаром в инженерный батальон. Думаю, куда мне! Но он нажимал вовсю. Тогда я попросил инструкцию, а он говорит: «Ишь чего захотел! Программа партии есть? Пойди и по ней работай. А мы по твоему опыту составим инструкцию». Явился в батальон. Машинистка — барыня! Переписчики и те в десять раз чище меня. Я стушевался. Комбат фон Таубе сразу же мне сказал: «Хорошо, что пришли. Бумаги без печати недействительны, а печать без комиссара не закажешь». Спрашиваю его: «Коммунисты в батальоне есть?» А он: «Прикажете навести мост через Волгу — пожалуйста. Или протрассировать линию окопов — с охотой. Но коммунистов в практике своей работы не встречал». Начали знакомиться. Он сказал: «Да, я фон-барон, но в октябре 1905 года в Москве нес на плечах гроб Баумана. Выгнали за это из института. Я не коммунист, но считаю, что и беспартийный может честно служить Советской власти». Рассказал и я о себе. А что там — токарь с Путиловского. «Ну, с такой биографией,— Таубе вскочил с места,— теперь выходят в наркомы». Поехали в казармы. На фронте еще гуляла вольница, а там все по струнке. Чуть что не так, Таубе сыплет наряды, выговора. Я ему: «Это напоминает старину». А он: «Товарищ комиссар, знайте: будь то армия царская или пролетарская, а без дисциплины не может быть войска».

Зажили мы с фон-бароном дружно. И научился я у него многому, по правде скажу. А поначалу идти в батальон очень уж опасался. Думал, не справлюсь. И до того оробел, что полдня проболтался на базарной площади. Какой-то

инвалид крутил там карусель. Вот я и катался на деревянном коне. А как истратил на это баловство всю свою получку — путевые денежки, пошел в батальон...

— Зато, товарищ военком, не оробели,— сказал Ратов,— когда выводили нашу бригаду из кольца... В Мозырских болотах. Вот где была веселая карусель...

— Да, всякое бывает в жизни.

Новосельцев, проведя искалеченной рукой по возбужденному лицу, доверчивым взглядом осмотрел внимательных слушателей.

ПОЛК «КОННЫХ МАРКСИСТОВ»

Партийное слово

Александр Мостовой сидел на низенькой скамеечке у ворот хаты и, нагнув светловолосую голову, чинил уздечку.

— Чем занимаетесь? — спросил я с изумлением, застав его за необычным делом.

— Как — чем? — Воткнув кривое шило в ремень, Мостовой поднял на меня большие голубые глаза.— Занимаюсь партийной работой...

— То, что вы секретарь партбюро, известно всем,— ответил я.— Но шорник?

— Я не шорник, товарищ комполка. Моя основная профессия — токарь. В Луганске точил у Гартмана паровозные оси. А это,— указал он на кучу конского снаряжения, лежавшего у его ног,— от скуки на все руки. В пехоте подковывал красноармейские чеботы. Кто обойдет в инфантерии сапожника или в кавалерии шорника? Никто! Наклявывается клиент — и хорошо. Пока он возле меня посидит, я его провентилирую и по текущему моменту, и по поводу международного положения, и в отношении политики партии по крестьянскому вопросу. Потому сейчас я уже не труженик резца, а труженик партийного слова. Вот только, когда иду с ребятами на сенокос, все опасаюсь, как бы кому-нибудь не скосить пятки. Плохо слушается коса. Но и это не страшно. Командир первого эскадрона Храмков — видите, он идет сюда с ленчиком от седла? — говорит: «Не тушуйся, Александр, на сенокосе трудно только первые десять лет, а там дело пойдет...»

Подошел Храмков, бросил на землю ленчик. Сдвинул на затылок черную, с красным верхом кубанку и, выставив

напоказ светлый казачий чуб, сощурив злые глаза, с подчеркнутой небрежностью обратился ко мне:

— Что же это, по вашей милости нас, природных казаков, превращают в пешку? Мы конница, а не пластуны! Командир эскадрона и тот ходит на своих двоих. Где это видано?

— Придется походить пешком... карантин не кончился,— ответил я.— Ликвидируем чесотку, а тогда будем ездить.

— Новая метла чисто метет! — с задором выпалил командир эскадрона. Его лицо покраснело, а глубокий шрам на щеке, след сабельного удара, вмиг побелел.— Ничего, метла оботрется, и все пойдет по-старому. Видали мы всяких!..

— Эй ты, труженик клинка, Храмков! — оборвал эскадронного Мостовой.— Как партийный секретарь запрещаю тебе так разговаривать с командиром.

— Пусть выскажется товарищ. Может, полегчает на душе,— сказал я.

— И выскажусь! — дерзко продолжал Храмков.— Мне все едино терять нечего. Не сегодня завтра всем нам дадут коленкой под зад. Не впервой. Жернов приехал, наставил своих. Кружилин — своих. Каждый новый командир принимает от старого гарнизон, гарнизонных краль, только не комэсков.

— Не думаю никого снимать,— успокоил я разгорячившегося товарища и добавил: — При условии, если они помогут мне поднять полк.

— Перевидали мы уже всяких подъемщиков! Потужитесь, потужитесь, а потом, как некоторых, потянет к тихой, спокойной жизни. Тем более тут, на сахарном заводе. Комполка — неплохая должность, почему не пожить? Известно — кому чины, тому и блины! — злорадно закончил Храмков, повернулся, надвинул на лоб кубанку и ушел.

— Видали? — бросил ему вслед Мостовой.— Горячая кубанская кровь. Режет в глаза все без разбору. Парень что надо, лихой рубака, людей своих бережет, но вспыльчив до крайности.

— Карантин во что бы то ни стало надо выдержать,— сказал я секретарю полкового партбюро.— И баня нужна лошадям, с горячей водой, с зеленым мылом, а у ветеринарного врача ни людей, ни мыла.

Секретарь принялся за прерванную работу. Я присел на скамеечку рядом с ним. Мои глаза непрерывно следили

за движениями рук, ловко орудовавших кривым шилом и тонким сыромятным ушивальником. На коричневой коже оголовья одна за другой появлялись ровные, словно отпечатанные на машинке, строчки.

— А мы,— не прерывая работы, ответил мой собеседник,— сделаем субботник. Не в силах сами справиться — пошумим народу. И это будет по-ленински. Народ вытянет. Мы все — бойцы, командиры, политработники — засучим рукава и станем банщиками. Это не страшно. Все бойцы знают, что кони — это наше топкое место. Только как быть с мылом? Наклявывается что-нибудь?

— Попросим в дивизии,— сказал я.

— А хватит ли того мыла? — Мостовой задумался.— Может, сделаем так. У завода в лесу лежат дрова, привезти нечем. Договоритесь с директором: мы перебросим ему топливо, а он нам — сахарку. За сахар в Киеве цельный вагон мыла отвалят.

— Дело говорите! — ответил я.

— Наши бойцы должны понять, что кто-то заботится о них. То, что Храмков сказал вам, кавалеристы кроют в глаза командирам, политрукам. Не все, но говорят. Вы не знаете еще истории нашего полка,— секретарь глубоко вздохнул.— У нас настоящий сбор богородицы. Сначала были одни кубанцы — природные труженики клинка. Формировали их в Лаишеве, в запасной армии под Казанью. Затем от полка осталась кучка. Влили к нам первый полк из старой кочубеевской бригады. Ничего хлопцы. Потом прислали из 41-й дивизии остаток полка Садолюка. Стало подходяще... У вас, слышал я, в восьмой дивизии люди по три года командуют, а здесь что ни месяц — новый командир. Не успел распаковать чемодан — обратно его собирает. Где же тут быть спайке, традициям, любви к своей части? Я учился на токаря. Поначалу, без опыта, то и дело перегонял металл в стружку. И здесь все шло в стружку. Я не помню ни одного нашего бойца, чтоб он вернулся в полк после ранения или отпуска. А у вас, в Червонном казачестве, слышал я, дружнота, казак хоть все с себя проест, а за тридевять земель доберется до своей части. Вот над чем вам, комполка, и мне, секретарю, надо подумать. Только смотрю я на вас: очень уж вы молоды. Все наши комэски старше вас, а кое-кто и в отцы годится. Ну ничего... Если только приехали к нам надолго, мы, партийцы, поддержим... Только скажу одну штуку, попростому, по-рабочему: держите голову повыше, а нос пониже. И все пойдет на лад. Вот только вместо Долгоухо-

ва — этого труженика стакана — дали бы настоящего комиссара.

— А что такое настоящий комиссар? — спросил я.

— Вот как наш бригадный — это да! Такого бы нам в полк. Я говорю про товарища Новосельцева. Наш брат — пролетарий, к тому ж еще и питерец. Этот бы вас поддержал! А в самом деле — потолкуйте с ним. Что ему в бригаде делать? Архиерейничать! Знаете, на польском фронте был у нас комбриг Шатадзе. Так он способен был только усы напомаживать. Правда, усы отрастил до плеч. Выручал бригаду Новосельцев.

Из ближайшего переулка выскочил огромный волкодав. Прижимаясь к ограде, он бежал в направлении штаба. Следом показался казак, которого нетрудно было узнать по черной повязке на глазу.

— Семивзоров! — заметив бойца, сказал Мостовой.— Мой земляк. Я луганский, он из станицы Гундоровской. К нам попал от красновцев. Рубака, службист. За старание заработал побывку, а ехать домой опасается...

Семивзоров в двух шагах от нас остановился, стукнул каблуками, бойко, по-старому поздоровался. Он никак не мог расстаться со своим «здраим желаим». Рядом с казаком, присев на задние лапы, замер грозный волкодав.

— Я к вам, товарищ партийный секретарь,— обратился он к Мостовому, протягивая перевязанную восьмеркой пачку сыромятных ремней.— Наладил хозяину сбрую — он мне это и пожертвовал. Думаю, пригодятся нашему полковому шорнику.

— За подарок спасибо. Только смотри, Митрофан, не прибежит ли следом хозяин.

— Скажу правду: доброго коня Семивзоров еще уведет, но на эту пакость он неспособный...

— Ладно, беру. Только вечерком беспременно загляну к твоему хозяину...

— Милости просим!

— Ну, а как с побывкой, Митрофан?

— Я уже сказывал, товарищ секретарь. Пока что мне на Дон ходу нет!

— О том, что ты когда-то был у Краснова, а не у красных, все мы знаем,— успокоил бойца Мостовой.— И новый командир знает.

Казак присел на завалинке.

— Видите ли,— прищурив единственный глаз, начал он.— Советская власть — та мне простила. А вот мой сосед, он иногородний, тот, думаю, вовек не простит. Значит,

в восемнадцатом году с Фицхалауром мы под корень вырезали всю родню моего шабра. Ну, а касаемо грехов против власти — я их загладил вот этим! — Казак ударил по эфесу клинка.— Увидите, Семивзоров еще сгодится... Сколь раз я мог переметнуться и к белякам, и к шляхте, вон как сделали казаки есаула Фролова, но я понял: моя дорожка с Фицхалауром — страшный, кровяной грех. Смываю его не слезой, плакать казак неспособный, а кровью. И вражеской, и своей. И лучше мне при Советской власти быть в пастухах, нежели при атаманской в есаулах. Одно плохо — маленечко поздновато опамятовался,— сокрушался казак, отвоевавший для народа его землю, но опасавшийся вернуться на тот ее кусок, где он родился и вырос.

— Тужить не надо, Митрофан,— не прерывая работы, успокаивал разволновавшегося казака Мостовой.— Факт — донское атаманство трохи закоптило тебе мозги, и еще факт — Советская власть крепко тебе их подшабрила. И не таким прочищает. Ты ж все-таки трудовой казак, не кровосос, не эксплуататор!

— Куды там! Порой сам тянул шлею багатеям...— Вдруг Семивзоров спохватился: — А скажите, товарищ секретарь, что-то я вас хотел спросить, услышал я одно словечко и не знаю, что к чему. Отродясь не слыхивал...

Мостовой чуть встревожился, воткнул шило в ремень, потер рукой подбородок, сделал небольшую выдержку и спокойно спросил:

— Чего тебе вдруг приспичило? Что за слово?

— Шел я мимо первого эскадрона. А там политрук беседует с казаками про какой-то путч...

— Видишь ли, товарищ Семивзоров, немецкие генералы мутят. Пробуют вернуть кайзера Вильгельма на прежнюю должность, вот они и путчуют...

— Понял, понял, значит, все едино, что бунтуют, что путчуют...

Посидев еще немного, казак поднялся и ушел в том же направлении, откуда явился. Волкодав Халаур, обнюхивая каждый столбик ограды, неторопливо затрусил впереди хозяина.

— Ладно довелось с утра газетки полистать,— с облегчением вздохнул Мостовой,— вычитал про этот путч. До этого я и сам не знал, что означает это чертово слово. Трудновато, товарищ комполка, без доброй грамоты. В девятнадцатом году две недели проучился на курсах, и то через день отбивали атаки шкуровцев. Вот сегодня

выкрутился хорошо. А то раз такое было! Провожу занятие в роте. Вопрос актуальный — смычка рабочих и крестьян, а тут ротный писарек подкатил вопросик: «Что такое субстанция?» По курсам помню: до этой самой субстанции какое-то касательство имел Спенсер, а в чем заклепка, хоть убей — не помню. Ну, и стал выкручиваться, а самого сто потов прошибают. Только управляюсь рукавом смахивать с лица, с шеи... Роюсь в памяти, а сам лопочу: «Так вот, товарищи, есть, конечно, станции, есть инстанции, есть дистанции, а это просто субстанция...» Чую, что мелю чепуху, а главного не вспомню. Тут я рассердился, строго посмотрел на того писарька и сказал с сердцем: «Субстанция — это такая сволочная штука, которую придумал непролетарский ученый Спенсер специально для того, чтоб морочить нам, рабочим и крестьянам, голову. Нам, рабочим и крестьянам, надо помнить про смычку. Это и есть наша главная тема сегодня. Поясню: возьмем просто кувалду, насадим ее на рукоять, так просто, без всякого,— много ли ею накувалдишь? Черта с два. При первом ударе слетит. А всади в рукоять, с торца, конечно, стальной клин — другое дело. Знай тогда намахивай. Вот, для примера, скажу: кувалда — это рабочий класс, рукоять — крестьянство, а стальной клин — это наша партия, она скрепляет смычку рабочих и крестьян. Понятно?» Бойцы рассмеялись, довольны, шумят в один голос: «Верно, товарищ политком, вот она где, натуральная субстанция, сразу дошло». Конечно, писарек хотел меня подковырнуть. Но его не виню, виню себя. Грамота нужна — во! — Мостовой, вытащив шило из оголовья, провел им у самого подбородка.— После один умник долго меня строгал, наждачил: почему я сравнил партию со стальным клином — мол, принизил партию. А я ему: «Боец любит примеры, сравнения. Ты из учителей — у тебя одни примеры, я металлист — у меня другие. Будем объяснять каждый по-своему, а главное, чтоб боец понял, о чем ему говорят... И я не из тех, которым интерес принижать нашу партию».

Параня Мазур

Петлюровцы, стыдясь признаться в том, что они постоянно терпели поражение от своего же народа, вопили: «Москва бросает против нас ходей (китайцев), башкиров, латышей».

И снова, поздней осенью 1921 года, отборный гайдамацкий отряд, несмотря на тройное численное превосходство, не устоял под ударами нашего 7-го червоннoказачьего полка. Желто-блакитная печать писала тогда об этом: «Повстанцы смело продвигались вперед, но, столкнувшись с полком конных марксистов, вынуждены были повернуть назад».

Петлюровский газетчик не без иронии перекрестил нас в «конных марксистов», но мы-то в самом деле считали себя учениками великой школы Маркса, которых высшие интересы партии и народа заставили взять в руки клинки.

Наш полк усилиями партийной организации и всего боевого состава превращался в грозную для врага силу.

Уже трижды выведенные на плац лошади полка прошли через баню. Засучив рукава, вместе с нами втирали вонючую мазь в чесоточные шеи животных все мальчишки заводского поселка. Недружелюбно косясь на меня, скинув бурку, кубанку и гимнастерку, заделался конским банщиком и ворчун Храмков. И даже отец Дорофей, загрустивший без «отца» Иакова, на сей раз трезвый, предлагая услуги, хотел было снять с плеч длиннополую рясу, но мы обошлись без помощи духовенства.

Уже Жан Карлович Силиндрик привел прибалтийских орлов с огромным обозом. Еще в 1918 году, отступая под натиском ландскнехтов фон дер Гольца, латышские бойцы, опасаясь расправы над семьями, увезли их с собой. Отборные кони латышского отряда никакими болезнями не страдали. Женщины из обоза Силиндрика выходили и наших лошадей, чем оказали полку большую услугу. Латвийские воины обильно полили своей кровью советскую землю там, где больше всего ей угрожала опасность. Рослые, крепкие, с волевыми, энергичными лицами, участники многих боев, в большинстве коммунисты, эти вновь прибывшие всадники на сильных вороных конях могли бы стать гордостью любой кавалерийской части.

Уже любимая поговорка краснознаменца Жана Карловича «например, вот пример» была подхвачена многими бойцами полка.

Уже собрали всех неграмотных полка в первой сотне, а ее командир Храмков все брюзжал:

— Все несчастья на мою голову. Казак должен думать о шашке, а не о карандаше.

А казаки, пропуская мимо ушей эти реплики, дружно принялись за ликвидацию неграмотности.

В полку закипела и военная учеба. Бойцы занимались строевой подготовкой, а командиры налегали на тактику. Помня слова Примакова: «Служить нам, как медному котелку», надо было взяться за отшлифовку и своего командирского мастерства.

Кавалерийское дело, как говорили в те времена, покоится на трех китах. Первый кит — это индивидуальная езда, вырабатывающая из всадника и коня нечто цельное, взаимослитное. Второй кит — строевое дело. Когда собранные вместе десять или пятьсот всадников как единое целое молниеносно выполняют команду — это и есть идеал строевой выучки. И третий кит — тактика, то есть искусство малой кровью добиваться больших побед. Всем этим наукам мы учились серьезно.

Начнем с первого кита. Помню, летом 1919 года в просторной клуне села Казачок, недалеко от Старого Оскола, я, политком эскадрона, ознакомил кавалеристов с брошюркой В. Либкнехта «Пауки и мухи». После занятий ко мне подошел Слива — тихий и исполнительный боец лет тридцати, в прошлом забойщик, а затем драгун и красногвардеец. Чуть смущаясь, он сказал:

— Вы только того, товарищ политком, не обижайтесь, значит, мы толковали с ребятами. Много уж мы перевидали в эскадроне политиков. Раньше был Галушка, ничего хлопец, из нашего брата, рабочий. И до вас присмотрелись, значит, какого вы духа, потому, видим, из грамотных. Значит, народ мне дал как бы полномочия, чтобы я вас немного подрепертил по конному, следовательно, делу. Потому сегодня вы политком, а завтра, может, еще куда потребуют. Надо, чтоб народ, куда вас пошлют, не смеялся: «Прислал нам эскадрон человека, а он в седле — что собака на заборе». Манежить я вас буду, и манежить строго, на выгоне, подале от народа...

После этой несколько сбивчивой речи мне стало ясно, что эскадрон, хотя я в седле и держался прочно, забраковал мою езду. Тронутый заботой людей, я охотно согласился поступить в учение к Сливе. Скажу одно — в поле, за селом, старый драгун «манежил» меня основательно... После тряской учебной рыси без стремян, после изнуряющих бесконечных вольтов «направо, налево и через середину манежа» выработался наконец тот шлюз, без которого нет и не может быть настоящей кавалерийской посадки.

В июне 1921 года мы оставили район Ильинцев и передвинулись дальше к западу. Шмидт со штабом 2-й червоннноказачьей дивизии (бывшей 17-й) расположился в Хмельнике. Нам назначили стоянку в Вонячине — на родине атамана Шепеля, а затем перевели в село Ивчу.

В Ивче мы получили задание изъять дезертиров из сел, примыкавших к Кожуховскому лесу. Прочесывали мы и самый лес — логово Шепеля. Но этот петлюровский атаман — не чета «знахарю» Христюку — работал тонко. Хорошо вымуштрованная агентура предупреждала его о каждом нашем шаге.

Ежедневно, начиная с рассвета, природный наездник Земчук на ивчинских полях обучал меня казачьей джигитовке, неведомой бывшему забойщику драгуну Сливе.

Вскоре под руководством опытного тренера, правда менее придирчивого, чем Слива, я уже научился с толчка вскакивать на полном галопе в седло, делать «ножницы», лететь на коне, свесившись корпусом и головой чуть ли не до земли, и, как это ловко проделывал Семивзоров, со свистящей пикой в руках скакать стоя в седле. Научил меня кубанский казак и класть коня, сначала с земли, а потом и с седла.

Как бы рано мы ни появлялись на учебном плацу, там уже стерегла свое буйное стадо Параня Мазур. Высокая, тонкая, повязанная ситцевым платком, босая, в выцветшей, с огромным количеством заплат кофте, она внимательно следила черными, сверкающими из-под густых бровей глазами за нашими упражнениями. Изможденное непосильной работой смуглое лицо тридцатилетней свинарки хранило следы былой красоты, и полковые шептуны судачили, что одноглазый казак Семивзоров, как только мы с Земчуком покидали учебный плац, являлся туда, чтобы развлекать свинарку. Она гнала его, якобы боясь волкодава Халаура. Когда казаки предсказывали Семивзорову провал, он, не смущаясь, отвечал:

— Что ж, что рожа кривая, абы душа была прямая!

Земчук морщился при виде огромных черных свиней, которых пасла Параня.

— У нас на Кубани таких хряков не разводят,— удивлялся Земчук.— Какая-то чертова порода.

— У чертей и порода чертова,— смеялась свинарка.— Это богатство наших куркулей. Вот как оно получается.— Параня поднесла мне потрепанную «Бедноту».— Полу-

чает эту газету наш комнезам[1], хорошо в ней все сказано, а только, видать, как батрачила я раньше, так и по гроб жизни придется батрачить.

Когда я ей сказал, что со временем на селе не будет ни кулаков, ни батраков, она ответила:

— Что ж, посмотрим!

Однажды, когда Земчук переседлывал в стороне лошадь, свинарка, подойдя ко мне, зашептала вполголоса:

— Вот вы, командир, вчера оцепляли Требуховский лес. Должно быть, банду ловили. Напрасно мучите ваших людей. Атамана Шепеля там нет. Шмыгнул на Летичевщину. На селе говорят: осенью сам Петлюра опять заявится сюда из-за Збруча. Сейчас мы, батраки, ходим под шлеей, а там вовсе под ярмо подставляй шею. Только придет тот проклятый христопродавец, как за ним вернется граф Гроховский — наш пан. Сейчас куркулям служим, а потом и панам угождать придется. Да, живучи на веку, поклонишься и червяку.

— Что ж? Придут и покаются,— ответил я.

То, о чем сообщила Параня, должно было заинтересовать нашего особиста Ивана Вонифатьевича Крылова. Я спросил:

— Вы, Параня, согласились бы рассказать об этом одному нашему верному товарищу?

— А не подведет меня ваш верный товарищ под монастырь? — Свинарка насупила брови.— И так наши куркули косо смотрят на меня вот за эту «Бедноту».

— Давно грамотны? — спросил я.

— Не очень. Дошли и до нас слова товарища Ленина про кухарок. Вот и налегла на букварь. Хоть по складам, а осилила. Так вот спрашиваю: надежный тот ваш товарищ?

— Ручаюсь! Рабочий человек. Москвич.

— Ладно,— подумав, согласилась Мазур.— Только к нему я не пойду, так и знайте. Нехай сюда явится, на толоку. Смотрите, в тот день, как ему прийти, подержите около себя ухажера.— Параня лукаво усмехнулась и как бы сразу помолодела.— Он хоть и Прожектор, а не греет мне и не светит. Вот одного я не пойму,— уже в полный голос заговорила Мазур, указывая на приближавшегося к нам с лошадьми Земчука,— что он у вас за великое цабе, что его щодня особо учите? Какой бы из меня был пастух, если б я стала пасти особо какую-нибудь животину?

---

[1] Комитет бедноты.

— Не я его, Параня, а он меня учит,— ответил я.

— Вот это новости! — воскликнула пораженная свинарка.— Простой казак, а учит главного командира!

— Чего не знаем мы,— ответил Земчук,— тому нас учит наш командир, а тому, чего они не знают, учим их мы, простые казаки. Так у нас вкруговую все и идет.

Сведения Парани Мазур о замыслах Петлюры, которые подогревали надежды кулаков Подолии, подтверждались и сообщениями закордонной прессы, попадавшей к нам через пограничников.

Из-за дележа подачек Пуанкаре и Пилсудского не утихала грызня в лагере желтоблакитников. Оппозиционная к петлюровской атаманщине львовская газета «Вперед» 25 мая 1921 года писала, что интернированную в Польше армию атаманы хотят продать Франции, а также сколотить банды для нападения на Украину, чтобы «создать там дикие поля, на которых безнаказанно могли бы бушевать разные рыцари разбойного промысла».

Дальнейший ход событий подтвердил высказывания желто-блакитной газетки. Только в одном ошиблись господа из львовской «Вперед». Рыцари разбойного промысла не бушевали безнаказанно. И хотя они еще существовали, но до смерти боялись высунуть нос из лесных трущоб Подолии.

«Золотая орда» Кузи Наконечного

Гордостью кавалерии являются не только крепкие рубаки, но и лихие трубачи.

Все полки старой червонноказачьей дивизии имели прекрасные оркестры. Укомплектованные добровольцами, полковыми воспитанниками, они органически срослись со своими частями. Участвовали они и в конных атаках, подбирали раненых, а на досуге по просьбе бойцов и сельской молодежи с одинаковым усердием исполняли незамысловатые полечки и бурный гопак.

Наш полк не имел музыкантов. Это, так же как и «бумажный вопрос», мучило полкового адъютанта волгаря Ратова. «Кавалерия без оркестра — все едино что пароход без трубы»,— с горечью жаловался Петр Филиппович.

В конечном счете полк обзавелся хором трубачей. Какой-то шустрый одессит Кузя Наконечный, молодой человек с бледным лицом и рано полысевшей головой, привел — это было еще в Калынике — целый духовой оркестр. В откровенной беседе новички признались, что в Виннице,

где они до того служили, не было «подходящих кондиций». Музыкантов больше всего интересовала «роба».

Вел переговоры Наконечный, но не оставался в стороне и первый корнет. Среднего роста, с узкими плечами и тонкой, туго затянутой ремнем талией, в ярко начищенных сапогах, юный музыкант, назвавшийся Афинусом Скавриди, усиленно жестикулируя руками, во время переговоров проявлял большую активность.

На околыше его защитной, с изломанным козырьком фуражки, как и у всех музыкантов, вместо звезды блестела крохотная лира. Но у Скавриди к ней еще было припаяно пронзенное двумя стрелами серебряное сердце.

Бойкая речь корнетиста сопровождалась красноречивой мимикой тонкого смуглого лица и озорной стрельбой его выразительных, похожих на чернослив, глаз.

Но бросалось в глаза вот что: вся дипломатическая беседа представляла собой разработанную до мельчайших подробностей хитрую партитуру. Скавриди «вступал» лишь по взмаху дирижеской палочки, которую в этом концерте-дебюте заменял обжигающий взгляд Наконечного.

Во время обсуждения «подходящих кондиций», зная, чем набить цену, Наконечный, подойдя к концовке партитуры, не без апломба заявил:

— А без музыки вам будет кисло. Правда, я такой же вояка, как вы — Дюк Ришелье, которому имеется славный статуй в нашей Одессе, но я раз и навсегда согласен с товарищем Суворовым. Этот знаменитый воевода сказал: «Музыка удваивает, утраивает армию. С распущенными знаменами и громогласной музыкой взял я Измаил».

И, словно обеспечивая пути отхода, новый капельмейстер так представлял музыкантов:

— Это наша валторна. Симпатяга парень, он подорванный, с грыжей, но берет такую октаву — дай бог каждому неподорванному. За ним идет бас — у него хронический катар желудка, но басы, это знают и дети, держатся на легких, а не на желудке. На легкие пока он не жалуется. С первым корнетом вы уже чуть-чуть познакомились. Это серьезный музыкант, имеет шанс стать со временем настоящей при́мой, но по годам он пока малолетка. Его год еще не призывался, имейте это на всякий случай в виду. Между прочим, пистон — это я. Мой год уже демобилизован.

Этот — барабан как барабан, но в своем деле, можно сказать, настоящий Ян Кубелик. Не знаю еще, как у вас,

в кавалерии, а в пехоте, как известно, командир в походе и в бою — хозяин, но барабанщик там тоже не последний пустячок. Один крутит полк своими командами, а барабанщик — громовой дробью. Наш Ян Кубелик двумя колотушками может рвануть такого «крала баба деготь, крала баба деготь», что самая ленивая пехотинская команда полетит в атаку как сумасшедшая.

Наш барабанщик,— продолжал доклад капельмейстер,— плоскостоп, но, надеюсь на бога, это не помешает ему держаться в стременах. Он и каприччио на ложках исполняет лучше не может быть. Ну, а это флейта. Она на своем инструменте врезает соло такого «Жаворонка», что сам Глинка сказал бы спасибо. Но... рахитик! Одним словом,— с особым ударением сказал Наконечный,— все мы белобилетчики. Можем служить, можем не служить. Поступаем по своей воле. Вы будете с нами хорошо, и мы будем к вам с полным реверансом. Слово одессита...

Этот необычный церемониал вызвал, конечно, широкие улыбки казаков.

— Я вижу, вы что-то усмехаетесь,— обратился к зрителям без всякого смущения церемониймейстер,— а про себя, наверное, думаете: вот привел Наконечный в полк «золотую орду», а в смысле играть — так дуй ветер. Я уже молчу, да, молчу. За меня скажет сам дебют нашей капеллы.

Музыканты расположились на лужайке, окаймленной красочными липами. Их свежая зелень, густо усеянная нежными почками, казалась припудренной розовой пылью.

А рядом, за сетчатой оградой заводских домиков, в полном цвету плотной стеной стояла благоухающая сирень, на фоне которой, сверкая снежной кипенью цветов, выделялась густая изгородь невысокого боярышника.

Все мы, прослушавшие бурный экспромт трубачей, поняли, что ослепительно яркая игра первого корнета, этого безусого и откровенно развязного юнца, стоила игры всей «золотой орды».

А после этого началось... Чуть ли не ежедневно Наконечный предъявлял адъютанту новую, только не музыкальную, а дипломатическую ноту. То требовался спирт для промывки клапанов, то перед самым выступлением полка у кого-нибудь из музыкантов вдруг пропадали сапоги. То надо послать человека — конечно, из музыкальной команды — в Одессу для пайки басов.

Афинус, сопровождая в этих вылазках капельмейстера, издевательски доказывал начальству:

— У нас в Одессе говорят: лопни, но держи фасон.

— Загонят они меня на тот свет,— жаловался Ратов,— и будет мне гроб с музыкой.

Во время демобилизации старых возрастов покинул ряды полка наш штаб-трубач. Адъютант, вызвав Афинуса, спросил:

— Знаешь, что за штуковина кавалерийские сигналы?

Скавриди усмехнулся:

— Вы акичательно смеетесь с меня? Это которые в ми-бемоле большой октавы? Нам их сыграть — раз плюнуть!

«Акичательный» было любимым словечком музыканта, и произносил он его на свой лад с особым смаком.

— Эти трабимоли для меня — потемки,— ответил Ратов.— Возьми трубу, сыграй!

И вот невзрачная сигналка, до того умевшая издавать лишь вялые и постные звуки, в руках Афинуса, словно повинуясь какому-то волшебству, преобразилась. Знакомые мелодии сигналов, исполнявшиеся теперь с мягкой напевностью, приобрели новое звучание и как будто иной смысл. Возбуждая в сердцах дух отваги и призывая к подвигу, они и впрямь способны были удваивать силы кавалеристов.

За дополнительное вознаграждение, конечно, Скавриди охотно согласился взять на себя функции и штаб-трубача.

Ловкие оркестровики не терялись нигде и никогда. В селах, где квартировал полк, ни одна свадьба не обходилась без них. Если люди не могли позвать весь оркестр, то Скавриди обязательно был зван.

Но не было дня, чтоб кто-нибудь не приходил с жалобой на Скавриди. То он обставил вольного сапожника, то надул кого-то из своих.

— Вот тут у меня,— многозначительно потряс он нотами перед глазами многоопытного адъютанта,— не музыка, а нечто особенное, настоящее антик-маре с канди-бобером. Как говорят у нас в Одессе, возьмите в руки — имейте вещь. Товарищ Наконечный, наш дудельмейстер, сочинил специально для нашего полка эксбирибиндинский марш.

— Ну и что ж? Сыграете — послушаем,— ответил Ратов.

— Вы тоже хитрый, товарищ адъютант. На старом месте, если мы писали для полка марш, нам выдавали новые портки.

Ратов, полагая, не без оснований, что «эксбирибиндинский» марш — не что иное как грубая перелицовка, от сделки отказался.

В Сальницах явилась к нашему врачу немолодая селянка с просьбой дать ей средство от крыс. Век не знали этой пакости, а тут завелись. И главное, на что набросились — на сырые яйца. Когда же в штабе узнали, кто постоялец женщины, все смекнули, в чем дело. Вызванный к адъютанту первый корнет сознался, что выпил яйца он, сделав в их скорлупе по два чуть заметных булавочных прокола.

Особое пристрастие питал Скавриди к обменным операциям. Менял солдатский ремень на ремень, сапоги на сапоги, папаху на папаху. Оборотистый трубач не оставался внакладе. Музыканты шутили: в Одессе Афинус пытался променять хибарку своей мамаши на памятник Ришелье.

— При трубе ты, Афоня, бог,— откровенно говорили ему кавалеристы,— а без трубы ты натуральный арап с Молдаванки...

Одного нельзя было отнять у Скавриди — его тонкого мастерства. Инструментом он владел безукоризненно. И кто бы сказал, что сердцу юного трубача не было чуждо бескорыстие? Часто, а особенно в лунные ночи, навевавшие и на молодых, и на пожилых бойцов воспоминания о родимой сторонушке и о близких сердцу, сельская тишина вдруг нарушалась волшебными звуками. Чувствовалось, что в эти минуты какая-то светлая грусть льется с серебряным журчанием из души большого музыканта.

Афинус, очевидно вспомнив одесские фонтаны, девушку, ради которой к его музыкальной эмблеме было припаяно пронзенное стрелами сердце, перевоплощал на своей чудо-трубе мотив заурядной песенки в трогающую до слез, задушевную мелодию.

А меж тем исполнял Скавриди незамысловатую, популярную в Одесском порту и на окраинах песню:

Спрятался месяц за тучи
И больше не хочет гулять,
О, дай же мне, милая, руку
К пылкому сердцу прижать...

Однажды на командирских занятиях, во время перекура, взводный Почекайбрат, камеронщик из Кривого Рога, нацеливаясь на пухлый кисет Скавриди, пробасил:

— Насыплю в трубочку табаку и все горе закручу. Угости, Ахвинус, я же тебе друг!

— Говоришь, друг? — все же протягивая взводному кисет, ответил Скавриди.— Вот в Одессе был у меня друг. Из нашего же брата — доремифасольщика.

— А что оно обозначает — ду-рень мий, ква-соль-щик?

— До-ре-ми-фа-соль-ля-си — эти семь нот знает и корова. И только человек сумел из них создать свои музыки и песни. Так вот, мой одесский друг был натуральный студент. Другие студенты лезли в разные пушкины, носили дамские косыночки заместо кепок, размалевывали себе грудь жар-птицами, для форсу, конечно. А мой студент бросил свои гимназии, плюнул на всякие физики-химии, отпихнул от себя папашкины-мамашкины перины, сверходеяльники, фаршированные щуки и свиные грудинки... Надо было послушать, как он своим заколдованным смычком разрывал на куски сердца наших одесситов. Врать не буду — мы не видели самих слез, но его чудоскрипочка таки да плакала...

Взволнованный приятными воспоминаниями, Афинус на миг осекся, а потом продолжал:

— Когда начались всякие завирухи и завирушки, музыкантов звали на митинги, а за это, не жалеючи, кидали в наши картузики спасибо. А эти купюры никто из одесских булочников не принимал. Вкратцах, первые одесские скрипки и те клали зубы на полку. Так это разве вопрос? Мы же тоже были за революцию. Взять хотя бы мою мамуню Афину Михайловну. У нас имя одно — я Афинус, она Афина. Знаете — есть прачка и прачка, а она стирала мешки из-под соли в амбарах Архипа Малосольного. Революция спасла маму от каторжной работы, но хлеба от этого у нас не прибавилось. Вот тут-то я и познакомился с Наумчиком. Дай ему бог здоровья...

Скавриди, польщенный вниманием слушателей, взволнованно продолжал:

— Мой друг из тех семи вышесказанных нот на ходу рвал подметки и сочинял семьдесят семь переживательных мелодий. Вкратцах, нас знала вся Одесса. Другие музыканты перлись на Фонтаны, а мы с моим другом не вылазили с Молдаванки и Пересыпи, в том числе и Одесского порта. И хотите знать, из каких классов мой друг? Так его отец и по сегодня главный инженер Одесской электрической станции. Скажу по совести: копейка копошилась... Наумчик, с его голубыми глазами, которые бог приготовил для ангела, а подобрал бродячий музыкант, с пурламут-

ровыми пуговичками на белом пикейном жилете, с шелковым бантом на шее, горел на солнце, как мой медный корнет, а я в своих шматах был похож на обшарпанную скрипочку моего друга̀.

Власти приходили новые, мы с Наумчиком все играли и играли по-старому. А тут вздумал знаменитый Мишка Япончик составить свой воровский полк. Многие наши клиенты записались к Мишке. Стали звать и нас. Мне это не очень светило, а Наумчик говорит: «Нельзя отрываться от публики. Послужим и мы революции». Оставили мы нашу Одессу и увидели, что такое боевой фронт. Простой человек вполне склонный до музыки, а тем более наша публика — вор. Он готов отдать с себя все, вжарь ему только:

За город наш Адессу
И за адесских краль
Мильенов мне не жалко
И головы не жаль.

Вкратцах, пристроились мы и там ничего себе. А тут что получилось? Команда Япончика не признавала дисциплины. Стала принюхиваться к крестьянским скрыням. Приехали на фронт большие начальники из Балты. Как будто был среди них и Котовский. Разговор был короткий. Япончика, конечно, шлепнули. Это не Одесса, где с ним цацкались. Отобрали у воров оружие. Кое-кому почесали по-фронтовому спины. Как малолетку хотели меня отослать к мамуне, но я попросился в пехотинский Тилигуло-Березанский полк, а скрипка по штату никому не полагается. Так мы и расстались с Наумчиком...

— Послушай, Скавриди,— спросил Ротарёв,— наша казачня определяет, что ты цыганского роду. Это правда?

Афинус смерил сотника с головы до ног:

— Я одессит. И все. Если ты только правильный одессит, то ты объездишь весь свет, а в свою Одессу обязательно вернешься. У себя дома одессит одессита утопит в ложке воды, а на чужой стороне из любой беды выудит. Вот что значит, товарищ сотник, одессит!

— А ты все-таки скажи, хлопче, как тебя понять: добрый ты человек или злой? — спросил Почекайбрат, вторично протягивая руку к кисету штаб-трубача.

— Я и сам не знаю,— ответил, задумавшись, Афинус,— знаю только то, что злого поругивают, а над добрым смеются. Меня и лают, и смеются надо мной, вот и определи сам, что я за человек. Одно мне ясно, что я не такой,

как все, хотя пусть все будут и золотые. А раз я не такой, как все, то я и есть настоящий одессит.

Второй кит конного дела

Как же обстояло дело со вторым китом — строевой выучкой? По-настоящему я узнал, что такое строй, весной 1920 года под Перекопом, когда проходил службу в 13-й отдельной кавалерийской бригаде. Наш комбриг Владимир Иосифович Микулин, долго потом работавший с Буденным, человек сильной воли и благородной души, все свое умение, знание, весь пыл цельной натуры отдал любимому делу — строительству красной конницы.

13-я кавалерийская бригада знала нескольких командиров. Летом 1919 года во время отхода под натиском белых ею командовал пришедший в Красную Армию из лагерей военнопленных высокий, стройный, в пенсне чех Новотный — бывший гусарский офицер австро-венгерской армии. Под Касторной, когда мы вместе с боевыми полками 42-й шахтерской дивизии выходили из окружения под носом у бронепоезда белых, он был ранен.

На смену Новотному прибыл помощник командира одного из стрелковых полков 42-й дивизии Попов. Донбасский шахтер, бывший красногвардеец, он в первых же боях показал себя отважным бойцом. На отдыхе — рубаха-парень, равный и с командиром полка, и с рядовым кавалеристом, в бою — в черном кожаном костюме, сам черный, на огромном сером коне, он с высоко поднятой шашкой был в гуще всех схваток. Когда его ранили при наступлении на Дебальцево, вся бригада тяжело переживала потерю полюбившегося ей командира.

После Попова во главе бригады стал командир Орловского полка красавец усач, бывший штаб-ротмистр, Владимир Николаевич Есипов. Это о таких усах, как у Есипова, Пушкин сказал: «Усы гусара украшают». Крайняя инертность нового командира сковывала живые силы бригады. Есипов вскоре был снят. Вместо него прислали из Александровска, нынешнего Запорожья, Владимира Иосифовича Микулина.

Микулин, конечно, не мог, подобно шахтерскому вожаку Попову, двумя-тремя словами добраться до самого кровного, чем жил боец. Но лишь он, новый комбриг, показал всем нам, как можно из малоповоротливой, сырой глыбы отточить гибкий живой организм, на лету перестраивающий свои ряды то для сложного маневра в зоне

огня, то для разумного наступления в разомкнутых линиях, то для ловкого удара по флангу, то для сокрушительного натиска сплошной сомкнутой стеной. Бойцы, со строгой меркой подходившие к каждому новому начальнику, полюбили Микулина.

Весною, в дни затишья под Перекопом, вся бригада выходила из Чаплинки в степь. Наш комбриг подавал команды то голосом, то на трубе, то просто шашкой, заставляя полки менять строй и боевые порядки. Затаив дух, мы носились по широкой Таврической степи, над просторами которой, словно невесомая кисея, плыл стекловидный голубоватый воздух.

Нередко наш комбриг брал у штаб-трубача сигналку и сам исполнял на ней кавалерийские сигналы, изумляя своим искусством музыкантов-трубачей.

Многие из нас впервые участвовали в подобных учениях, во время которых каждый боец ощущал, что его собственные силы вырастают вдесятеро. Подымая боевой дух массы, Владимир Иосифович сам радовался каждому сноровистому и четкому перестроению.

Вскоре мы оценили пользу этих учений. Под командой Микулина бригада в апрельские дни 1920 года покрошила не одну сотню белогвардейских всадников.

Не чета чванливому Соседову, бывший царский офицер и дворянин Владимир Микулин привил многим из нас любовь к филигранной строевой выучке.

В Ивче, вспоминая уроки Микулина, я усиленно готовился к полковым учениям. С адъютантом полка Петром Ратовым мы садились за стол и, раскрыв кавалерийский устав, с помощью спичек выстраивали на столе эскадроны и полки. Каждая спичка обозначала развернутый строй взвода. Чередуясь, один из нас подавал команды, другой, передвигая спички, совершал заданное перестроение. Затем мы приглашали Афинуса, и в нашей хате с утра до вечера ревела оглушительная медь. Мы разучивали мотивы кавалерийских команд и тут же по сигналам трубы манипулировали на столе спичками-взводами.

Потом уже занятия, в которых принимал участие весь командный и политический состав полка, проводились в просторной Ивчинской школе.

Сотник Силиндрик и прибывший из 6-го полка уралец Ротарёв молча сносили «спичечную муштру», зато Храм-

ков, как всегда морщась и фыркая, громогласно выражал недовольство.

Но после того как, спутав команды, он вклинился в строй соседних сотен, чем вызвал недовольство товарищей, отношение Храмкова к «спичечной забаве» стало меняться.

Наши усачи искоса, в смущении поглядывая друг на друга, сначала несмело, а затем все дружней и дружней, как школьники, повторяли под аккомпанемент штаб-трубача уставные слова команд:

Всадники, двигайте ваших коней
В поле галопом резвей.

И тут же Ротарёв, служака старой армии, озорно подпевал на тот же мотив неуставной, более ходовой текст сигнала:

Сколько раз говорил дураку:
Не держися ты за луку...

К уставным словам команды «вызов коноводов»:

Коноводы, поскорей подавайте лошадей,
Подавайте лошадей, подавайте лошадей,

имелись, оказывается, и неуставные:

Вот попутал меня бес, я к монашенке полез,
Я к монашенке полез, я к монашенке полез...

На все команды, подаваемые трубой, имелись слова официальные и неофициальные, созданные армейскими озорниками и остроcловами. Вместе со служаками старой армии эти присказки перекочевали и к нам.

Всем нам нравились торжественные слова и мелодичные звуки сигнала «седловка»:

Всадники, други, в поход собирайтесь,
Трубные звуки ко славе зовут...

Всякий раз, когда в предрассветной мгле, носясь по сонным еще улицам, штаб-трубач исполнял мелодию этого волнующего сигнала, чувство боевого томления, стремления к чему-то возвышенному и труднодосягаемому рождалось в сердце начальника дивизии и в сердце рядового бойца.

Классом в Ивчинской школе дело не ограничилось. Когда все командиры сотен, не сбиваясь, стали безошибочно выкладывать из спичек заданные строи, и не только своего подразделения, а и строи всего полка, мы вышли за село. На полях росли густые высокие хлеба, зато к нашим услугам была вытоптанная скотом толока. Тут уже вместо спичек действовали люди. Командир взвода изображал свой взвод. Занятия проводились пеше — по-конному. Правда, обходились без рыси и галопа, но после часа усиленного передвижения по кочковатому лугу у товарищей, особенно у тех, которые, строя фронт, вынуждены были выходить в общую линию из глубины колонны, чубы были мокрые.

И я, и комиссар Климов, и адъютант Ратов, и наша «партийная совесть» — Мостовой — все мы радовались от души, когда вечерами все чаще и чаще около штабной хаты усачи-ворчуны, бросив спички прямо на песок, с пеной у рта доказывали каждый свою правоту.

Быть может, я очень подробно описываю то, с каким трудом нам приходилось постигать все премудрости кавалерийской науки, но я не ошибусь, если скажу, что так же обстояло дело и у прочих политработников, которых партия выдвинула в командиры.

На занятиях по езде и вольтижировке затмевал всех кубанский казак Храмков, но и он поражался искусству степного наездника уральца Ротарёва. Смуглый всадник с немного раскосыми черными глазами и выпуклыми сверх меры скулами, легко игравший трехметровой пикой, казался витязем, пришедшим в наши ряды из тьмы веков. И темно-гнедая, живая, словно налитая ртутью, Бабочка была ему под стать.

— Настоящий Георгий Победоносец! — восхищался уральцем Храмков.

— А ты нашу уральскую песенку про великомученика Егория слышал?

— Нет, не приходилось,— ответил кубанец.

Ротарёв, лукаво сощурив монгольские глаза, запел высоким тенором:

Сам Егорий во бое,
Сидит на белом он коне,
Держит в руце копие,
Тычет змию в ж...е!

Параня Мазур, «законная хозяйка» толоки, как всегда с интересом наблюдавшая за командирскими занятиями,

услышав конец уральской песенки, со словами: «Тьху на вас, пакостники»,— повернулась и направилась к лозняку, в гуще которого копошились ее чернорылые питомцы.

Горячая пора

Из Ивчи, где полк провел большую работу по изъятию дезертиров и оружия, нас перевели к северу от Хмельника, в большое и живописное село Пустовойты.

В один из жарких июньских дней с юга, со стороны Хмельникской дороги, донеслась песня:

> Ой на, ой на горі
> Та й женці жнуть,
> А попід горою, яром-долиною,
> Козаки йдуть...

Накануне начдив оповестил нас о предстоящем прибытии пополнения — полка полтавских незаможников. Весь штаб высыпал на крыльцо. Повернув головой на Пустовойты, по широкому Чумацкому тракту в клубах густой пыли шла, не обрывая песни, кавалерийская колонна.

Вновь прибывшая часть состояла всего из трех эскадронов. Ее бойцы, ставшие под красное знамя по кличу партии: «Незаможник, на коня!» — получили боевую закалку в борьбе с бандой атамана Левченко. Когда кавалеристы, спешившись, окружили нас плотным кольцом, мне показалось, что я вновь очутился среди близких мне товарищей 6-го червоннoказачьего полка.

Царев — врид комполка — представил командиров: Гутик, Фортунатов, Кикоть, Перепелица, Гусятников, Кудря, Полтавец, Максименко. По специальности связист, Максименко [1] возглавил наш взвод связи. Немного застенчивый, но полный энергии, он сколотил в полку коллектив самодеятельности и интересными постановками много сделал для культурного роста бойцов.

С новичками прибыл, привезя мне привет от старушки матери, и мой земляк, сын железнодорожного мастера Саленко, участник наших детских игр. Командуя в полку незаможников хозэскадроном, он и у нас остался в этой должности.

Наши старые бойцы, сбежавшись со всех улиц Пустовойтов, окружили полтавчан, знакомились с ними.

---

[1] Генерал-лейтенант П. Н. Максименко до последних своих дней служил в Советской Армии.

Возвышаясь на целую голову над любопытными слушателями, что-то рассказывал им богатырского сложения чернобровый кавалерист. Малютка — Ваня Шмидт, с шашкой, болтавшейся по земле, задрав голову, с широко раскрытым ртом слушал великана. До моих ушей донеслись слова:

— Как мы всей дивизией запели нашему генералу Лохвицкому: «Allons, enfants de la patrie», то есть «Вперед, дети Отчизны», он и сомлел. Кричит на весь плац: «Складайте до кучи оружие, а нет — сморю всю бригаду голодом».

— Кто он, этот товарищ? — спросил я командира вновь прибывшей части.

— Это наш дижонский ухажер Макс — Максим Запорожец. Славный рубака! — ответил Сергей Павлович Царев.

Протиснувшись сквозь толпу слушателей, я спросил новичка:

— Вы были под Реймсом?

— Да, я лякуртинец [1],— браво ответил боец.— Был и под Реймсом, дрался под Шалоном.

— И как вам удалось выбраться домой?

— Не спрашивайте! — сверкнул глазами рассказчик.— Есть песня про запорожца, который попал за Дунай, а этот Запорожец,— он ткнул себя в грудь,— угодил аж за моря-океаны и там не пропал. Вернулся до своей хаты.

— Вы, дядя, расскажите все по порядку! — попросил Ваня Шмидт.

Со всех сторон зашумели:

— Ну, раз Малютка просит, выкладай, казак, свои приключения.

— Ну что ж! Я буду выкладывать, вы слухайте. Поначалу французы держались за нас крепко, потому как известно: француз — он боек, а наш брат стоек. Потом дознались мы, что дома, значит, скинули царя, и сказали: шабаш. А Фош — этот самый главный ихний генерал — взял да и погнал нашу бригаду в Лякуртин. Целый месяц чесали мы пешака из-под самого Реймса до нового места. В Лякуртине Лохвицкий назначил парад и дал строгий приказ: выходить без оружия. А наш председатель коми-

[1] Солдаты русского экспедиционного корпуса, посланные царем во Францию, в 1917 году, отказались сражаться за интересы буржуазии. Распоряжением маршала Фоша русских солдат сняли с позиций и загнали за колючую проволоку лагеря Лякуртин.

тета — Глоба — сказал: «Non, mon general, пойдем при полном оружии». Нам сразу и урезали паек. А мы оружие все же не сдали. Тогда наш лагерь окружили зуавы и сенегальцы. Эти кругом черные. Лохвицкий предъявил ультиматум, а Глоба его не принимает. Десять раз генерал требовал сдать оружие, десять раз мы отказывались. А тут понаехали наши крестные с передачей. Это когда наши солдаты защищали Париж, стали они получать письма и подарки от француженок. У каждого из нас была крестная, по-ихнему — маррэн, а некоторым удалось иметь и по две. Как подходит солдату отпуск, знает, где его ждут. Так вот подвалило к Лякуртину несколько сот этих самых французских маррэнок. Требуют свидания. А Лохвицкий сказал: «Пущу, только нехай ваши бунтовщики посдадут оружие». А нам Глоба напомнил солдатскую песню: «Наши жены — ружья заряжены». И через это обратно дали Лохвицкому отказ. А тогда пошла война. Били по нас из крепостных и полевых орудий, косили нас пулеметами, а жрать стало нечего. Что было в артели, все свертели. Дошли до того, что конской требухой питались. Ну и не устояли мы, хоть отбивались крепко. А когда не выдержали, Лохвицкий пострелял комитетчиков, а нас, лякуртинцев, всех в Африку, копать для буржуев руду. Там мы обратно выбрали тайный комитет. Вот пришли к нам в бараки офицера записывать охотников до Деникина. Комитет приказал: «Записывайтесь все до одного». Мы так и сделали. Сразу же нам дали солдатский паек, оружие, одели нас и повезли морем в Одессу. А там мы всем гамузом передались красным. Вот так, товарищи, и попали мы до дому.

— А кто же тебя научил по-французски? — спросил сотник Васильев.

— Крестная из Дижона. Сама она вдова, мужика ее убило под Верденом. Говорила она: «Restez, Max, pour toujours»,— значит, оставайся, Макс, со мной навсегда. А кто же согласится поменять родину? Не посмотрел, что у крестной в Дижоне дом, в Гренобле — виноградник. Мне милее моя мазаная хата.

Новичкам был дан трехдневный отдых — на мойку, починку снаряжения, ковку лошадей.

Спустя неделю к нам явились башкиры на злых мохнатых лошадках. Сложным и извилистым путем пришла под красные знамена Башкирская бригада. Сбитая с толку

националистами, одно время она входила в состав колчаковской армии. Поняв обман, самоотверженно и лихо дрались башкиры против Юденича под Ленинградом, а затем на Западном фронте против шляхты. Ее бессменный командир Муса Муртазин за отвагу был награжден двумя орденами Красного Знамени.

Осенью 1920 года во время ликвидации петлюровской армии бригадой командовал Александр Горбатов. Летом 1921 года башкир свели в полк. Под именем 12-го червонноказачьего он вошел во 2-ю дивизию. Один башкирский эскадрон попал в наш полк.

Началось переформирование. Полковой военный совет, неофициальный совещательный орган, в котором приняла участие большая группа товарищей, одобрил предложенный штабом план. Мы верили, что товарищеское соревнование между людьми повысит боевое качество части. Поэтому при формировании подразделений пользовались принципом землячества. Таким образом в полку были созданы сабельные сотни полтавчан, кубанцев, галичан, башкир, латышей. Шестая — пулеметная — сотня с ее смешанными боевыми расчетами в миниатюре представляла собой весь наш многонациональный полк.

— А с Храмковым здорово получилось! — хитровато улыбаясь, шепнул мне после заседания Мостовой.

— Как вас понять?

— Мы все считали, и он первый, что вы спихнете его. Все располагали, что кто-нибудь из новичков наклявывается на третью сотню.

— За что его спихивать? — удивился я.

— За что? За язык. Мало он вас крыл?

— Надо опасаться не ворчунов, а молчунов. От другого тихони беды больше, чем от языкатого,— ответил за меня комиссар полка Климов.

Через несколько дней нас перевели из Пустовойтов в Сальницы. Молодые голоса головных сотен, перекрывая все остальные, звонко и весело выводили песню о Дорошенко, ведущем войско запорожцев, и о неосмотрительном Сагайдачном, променявшем жену на табак и люльку.

Наступила веселая пора. Началась косовица. От зари до зари бойко звенели на полях косы. Стрекотали жатки и лобогрейки. Поля освобождались от хлебов. Мы получили простор для полковых и бригадных учений.

Закипела учеба. Бойцы занимались строевой подготовкой, а командиры налегали на тактику.

Мы почти никогда не выходили на занятия в полном составе. По мере развертывания косовицы и обмолота все больше людей втягивалось в полевую страду.

С селянами кавалеристы жили дружно. Семьям красноармейцев, вдовам, сиротам, беднякам помогали наши бойцы. Повеселели девчата и молодицы, повеселели и червонные казаки. На новом овсе ожили строевые кони.

Поднялся дух у хлеборобов, получивших возможность распоряжаться своим хлебом. По предложению Ленина была отменена продразверстка. Вместо нее ввели продналог... А желто-блакитный Петлюра, готовя в это время к походу Тютюнника и других головорезов, рассчитывал, что мужик, сняв и припрятав богатый урожай, подымется против Советов с обрезом, с вилами, с топором.

Тогда нам еще не были известны в деталях планы антисоветчиков. Но мы хорошо знали, что враг не сложил оружия, что мы обязаны зорко охранять мирный труд рабочих и крестьян. И к этому мы все — и рядовые и командиры — усиленно готовились.

...Иван Земчук выпросил отпуск. На смену ему явился прибывший с полтавчанами Иван Бондалетов, небольшого роста, плотный боец с улыбающимся лицом. Его щеголеватая гимнастерка, как и кобура нагана, была густо унизана белыми кнопками — «для форсу», как говорил сам Бондалетов.

Новый ординарец пришел не с пустыми руками. Кроме своего серого коня, он привел чистокровную кобылу Марию, золотистую, в белых «чулках». Вручая мне породистую красавицу, Иван заявил:

— Це вам подарок од хлопцив-полтавчан.

— За что? — Я пожал плечами, удивляясь и радуясь такому подарку.

— За то, что не раскидали своих земляков по разным сотням, поставили их впереди всего полка.

Если «жменька», как говорил Очерет, в Пустовойтах выросла в настоящий полк, то лишь здесь, в Сальницах, куда нас перевели, наша кавалерийская часть превратилась в полноценную боевую единицу. Этим мы обязаны и нашему комбригу, прекрасному строевику Михаилу Георгиевичу Багнюку.

Началась напряженная пора конных учений. Мне кажется, что во всем полку не было ни одного человека, который не любил бы этих интересных занятий. Сердце ра-

довалось при виде молодых, бодрых всадников, под звуки полковых труб гарцующих на неспокойных конях, при виде волнуемого ветром полкового знамени впереди строя части и боевых пулеметных тачанок с тройками лихих коней.

А развернутые линии кавалеристов — одна сотня на вороных, другая — на гнедых, третья — на рыжих, четвертая — на серых, пятая — на буланых, а пулеметная — на разномастных лошадях? А лес тонких, пустотелых металлических пик, украшенных крохотными кумачовыми флюгерами?

А бодрое «здрас», которое вырывается из сотен грудей, как мощный пушечный залп, в ответ на приветствие «Здорово, земляки». «Здорово, кубанцы», «Здорово, уральские орлы»? Башкирам нравилось, когда их звали уральскими орлами.

Как-то во время перекура Храмков (у него что на уме, то и на языке) выпалил:

— В кочубеевской бригаде и то обходилось без этой гонки!

— Куда там! — поддержал кубанца Ротарёв, вытирая папахой мокрый лоб.— Жмут подходященько.

Нужно прямо сказать, теперь больше всего доставалось сотникам, чьи зрение и слух на полковых учениях напрягались до предела. Малейшая ошибка, особенно во время перестроения на высших аллюрах, приводила к столпотворению. Да и всадник со слабым шлюзом рисковал очутиться под тысячей копыт.

Я не успел открыть рта. Ответил Храмкову Мостовой:

— Что? Гайка ослабла? Больше выжмет нашего пота комбриг, меньше выжмет нашей крови противник! Мы, коммунисты, за это!

На сальницких полях под бодрые команды сотников, безошибочно расшифровывавших сигналы штаб-трубача, под глухой топот копыт и сухой шорох стерни, под нетерпеливое фырканье коней, под звон оружия и стремян 7-й полк, наш полк «конных марксистов», как в свое время и 13-я бригада в Таврической степи, доводил до совершенства строевое мастерство.

Столько же внимания уделял комбриг Багнюк и другому полку нашей бригады — 8-му червонноказачьему, который стоял в местечке Уланов.

После одного из учений, забрав из моих рук разгоряченную Марию, Бондалетов, считавший своим долгом пе-

редать все, что «хлопци кажуть», зашептал, хитровато покосившись на меня:

— Хлопци кажуть, що вы, мабуть, старорежимный охвицер.

— Что, обижаются на меня? — спросил я в тревоге, полагая, что не всем нравится напряженная строевая подготовка.

— Не то что обижаются, товарищ комполка, а через те полковые учения. Не хотят хлопци верить, что обыкновенный студент и так всю строевую науку превзошел.

Хлопцы, конечно, ошиблись. Офицером я не был. Но к тому времени у меня уже накопился кое-какой опыт.

После этого сообщения Бондалетова можно было считать, что и со вторым китом кавалерийской выучки, то есть со строевой подготовкой, делающей из полка гибкий, послушный командирской воле «инструмент», в основном покончено. Оставался третий кит — тактическое мастерство: искусство побеждать малой кровью.

ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ

Смотр в Сальницах

С лета 1918 года я состоял в повстанческом отряде Василия Антоновича Упыря, делегата II съезда Советов, участника штурма Зимнего дворца. На меня была возложена связь уездного подполья с губернским партийным центром в Полтаве через Евгению Рябицкую, а через Юрия Михайловича Коцюбинского — с губернским повстанческим комитетом.

Осенью я ушел в отряд. Там-то я и получил настоящее боевое крещение, когда гайдамацкие сотни в ноябре 1918 года повели наступление на Кобеляки.

С отрядом Упыря пришлось действовать в мае 1919 года и против атамана Григорьева, его знаменитых верблюжских полков (формировались в селе Верблюжка).

Василий Упырь — всего лишь бывший солдат в царской гвардии — успешно воевал и с немецкими захватчиками, и с карателями гетманца Кайолы. Простые и понятные боевые распоряжения командира отряда, в которого верили и которого уважали все его подчиненные, многому нас научили.

Кое-что добавилось к военным знаниям от службы в штабном эскадроне. Пошла на пользу и работа в качестве

начальника политотдела Симбирской бригады, которая летом 1919 года прибыла из Казани и вошла в состав 42-й стрелковой шахтерской дивизии. Бригада состояла из чувашей и марийцев, прекрасно одетых, обутых и вооруженных. По сравнению с основными кадрами дивизии — шахтерами Донбасса и партизанами Старобельщины, воевавшими уже полтора года,— симбирцы могли сойти за столичную гвардию. Взводами и ротами командовали молодые краскомы, щеголявшие в новеньких кожаных костюмах, что при тогдашней нашей бедности являлось ненужным и ничем не оправданным расточительством. Во главе батальонов, полков стояли бывшие поручики, капитаны, штабс-капитаны. Командовал бригадой бывший генерал Медем, с головы до ног одетый в черную кожу.

Учитывая ситуацию, комиссар бригады, буквально подавленный военспецовским большинством, звал меня (хотя бы на немую подмогу) в штаб, когда Медем в присутствии комиссара принимал важнейшие решения. Эти гласные штабные заседания в тот период, когда наша 13-я армия, стремясь остановить деникинские полчища, нанесла им памятный удар через Новый Оскол на Валуйки — Купянск, несколько расширили мой тактический горизонт.

Осенью 1919 года я был послан в 3-й Орловский кавалерийский полк, возглавлявшийся Есиповым. Желая подчеркнуть, что он попал в советские командиры не по своей воле, бывший гусарский штаб-ротмистр, вооружившись щегольским стеком, не брал в руки ни огнестрельного, ни холодного оружия.

Есипов демонстративно не носил красноармейской звезды, нацепив вместо нее на околыш полинявшей офицерской фуражки кавалерийскую эмблему — конскую голову в мельхиоровой подковке.

Флегматичный, заносчивый, вылощенный офицер заботился не о том, чтобы найти способы решения полученной задачи, а о том, как тончайшим образом обосновать невозможность ее выполнения. Приходилось энергично вмешиваться и направлять его действия. Это поневоле заставляло вникать во все детали командирского искусства. Таким образом, даже работа с Есиповым кое-чему меня научила.

Наблюдая за действиями нашего комбрига Попова, донецкого шахтера, я понял, что в известные моменты кава-

лерийский начальник обязан не только руководить боем, но и во главе конной массы сам бросаться навстречу врагу.

Многие из нас научились военному делу, в частности управлению конницей, у комбрига Владимира Иосифовича Микулина во время похода на запад летом 1920 года. Нравилось в Микулине то, что сразу же, отдав приказ или боевое распоряжение, он читал нам применительно к данной обстановке короткую лекцию по тактике конницы, иллюстрируя ее историческими примерами из практики кавалерийских начальников, начиная с Гасдрубала Карфагенского и кончая Зейдлицем, Мюратом, Платовым.

Наблюдая в бою за Василием Гавриловичем Федоренко, я имел возможность сравнить действия теоретически подкованного Микулина с действиями бахмутского партизана, руководствовавшегося, так же как и Попов, шахтерской смекалкой.

Так, присматриваясь к одному, прислушиваясь к другому, разделяя с ними, с моими командирами, бремя ответственности за малейший промах части, я постепенно накапливал тактические знания и навыки вождения конницы.

Кинувшись в гущу боев, наше молодое поколение, в силу самих обстоятельств тех суровых лет, училось искусству боя не только на примерах, достойных подражания, но, увы, и на тех, которые тяжело даже вспоминать.

Теперь, когда на смену ожесточенным боям пришла напряженная пора учебы, нас довольно часто вызывали в штаб дивизии. Там, а также на полях вокруг Хмельника начдив Шмидт с помощью начальника штаба дивизии черниговца Александра Ефимовича Зубка отшлифовывал наше тактическое мастерство.

Однажды в самый разгар занятий окольным путем, через плетни и баштаны, как всегда сопровождаемый Халауром, прискакал на сальницкие поля дежурный при штабе одноглазый Семивзоров. Запыхавшись, он доложил:

— Приехали сами начдив, а с ними еще чины. Ждите строгой проверки!

Как только дивизию переименовали в Червоноказачью, Прожектор стал неузнаваем. Он обзавелся папахой, облачился в свою, захваченную еще из станицы, казачью форму, которую до поры до времени возил в переметных сумах. Как-то, сопровождая меня в штаб дивизии, он, взглянув с восхищением на свои широкие шаровары, с нескрываемой радостью выпалил:

— Давно пора. Через эту военную обмундировку и я себя понимаю настоящим джигитом. На что Кружилин природный казак, а какая на ём амуниция? Не амуниция, а ерундиция. Не то кооперация, не то землемер. Вот сотник Ротарёв явились к нам с лампасами, и по одному его слову я готов и в огонь и в воду. Скажу вам от чистого сердца, товарищ компослка, наш брат казак с молоком матери насмоктался покорности дисциплине. А какая там может быть дисциплина, ежели свое начальство и на командира не схожее? Наш брат привычный, чтоб командирская видимость стебала его по глазам. Вы скажете, соскучился Семивзоров по старому режиму? Ничуть не бывало! Я располагаю так: покрасовались господа в суконных мундирах, а теперь можно и нашему брату трудящему в них покрасоваться. Во! Форма — это хундамент всего войска.

...Выслушав сообщение Семивзорова о прибытии чинов, сделанное им, очевидно, не по чьему-либо приказу, а по собственному почину, я его спросил:

— А как с побывкой? Может, поедем?

— Ни в какую, товарищ компослка. Я сказал: «Семивзорову пока нет ходу на Дон. Ему еще тут работенка предвидится».— Казак, закинув голову, широко раздул ноздри, грозно сверкнул единственным глазом.— Мой прожектор кое-что распознает в тумане, а нос чует пороховой дух. Не гоните, товарищ компослка, Семивзорова. Он еще сгодится! В таком полку,— казак посмотрел вдаль, где сотни под командой Царева, вытягиваясь из развернутого фронта, строили в клубах густой пыли линию колонн,— послужить и мне лестно. А вот и они едут...— сказал казак, ткнув плеткой в сторону села.

Подымая розовое облако пыли, к учебному плацу на широкой рыси приближалась кавалькада всадников.

Раскинувшиеся на огромном пространстве, взводы и сотни по команде «строй фронт» стали стекаться к сборному месту.

И вот в поле, влево от знамени и трубачей, построилась в две линии живая стена всадников, а за ними — изгородь боевых тачанок. По команде «Направо, равняйсь!» сотни папах, украшенных алыми верхами, повернулись в одну сторону.

Гудит рой приглушенных голосов. Слышно нетерпеливое шипение комвзвода Будника: «Куда же ты прешься, бисов сын?» А «бисову сыну» Олексе Захаренко никак не управиться с Гусариком. Этого норовистого жеребца

Олекса, услышав призыв: «Незаможник, на коня!» — украл у собственного деда и на нем явился в красную конницу.

Поднялась, закружилась удушливая пыль. Нетерпеливо зафыркали кони.

По команде «Смирно!» замерли всадники. Впереди шеренг, как каменные изваяния, застыли двадцать командиров сабельных взводов; в нескольких метрах от них, возглавляя строй, на лучших конях полка — пять командиров сабельных сотен. Весело блестят из-под папах молодые глаза моих земляков, нет тоски на лицах кубанцев, любопытством светятся зрачки башкир, по-серьезному, как всегда, приготовились к встрече латыши. Наступила какая-то радостная, торжественная тишина. Все замерло вокруг, и лишь, словно куда-то торопясь, трепещут яркие флюгера на казачьих пиках.

Снова раздались отрывистые слова команд, трубачи заиграли старинный «Егерский марш», начались приветствия, после чего полк, получив разрешение спешиться, устроил перекур.

Пока мы были «жменькой», у нас в поселке, на сахарном заводе, не появлялась ни одна посторонняя душа. Но вот в Пустовойтах уже каждый день кто-нибудь осчастливливал нас своим посещением. Всякие комиссии, поверки, инспекции то штаба дивизии — из Хмельника, то штаба корпуса — из Винницы, то штаба округа — из Киева. И больше всего они интересовались хозяйственным состоянием части. Но эта, прибывшая из Харькова, от Фрунзе, явилась, как сказал Семивзоров, для «строгой проверки».

Вместе с начдивом приближался к нам высокий молодцеватый старик в красных гусарских штанах и в потертом офицерском френче-кителе с четырьмя огромными накладными карманами. На его ногах блестели старорежимные сапоги с лаковыми голенищами.

— Инспектор кавалерии штаба войск Украины и Крыма,— представил старика начдив.

— Цуриков! — назвался инспектор, снимая перчатку.

Афанасий Андреевич Цуриков, закончив Николаевскую академию, еще в 1896 году получил в командование 51-й драгунский Черниговский полк. Воевал с турками, с японцами. Во время мировой войны командовал 10-й армией. Одним из первых царских генералов перешел на службу в Красную Армию. Вначале возглавил инспек-

цию кавалерии в Москве, а после этого был переведен в Харьков.

...Полк, носясь по полю ярким разномастным клином, без шума и суеты четко совершал перестроения. Он то развертывался в грозный вал, готовый обрушиться на врага всей тяжестью конских тел, ударом клинков и пик, то свертывал раскиданный на огромном пространстве реденький строй казачьей лавы в компактный кулак.

Слышно лишь глухое гудение земли и шорох стерни под тысячами конских копыт. И вдруг зазвенел широкий простор. Казаки с криками «ура» ринулись в атаку, с трудом сдерживая разгоряченных коней у заросшей будяками межи, за которой, не прерывая работы, трудились косари.

На этих же широких полях, теперь залитых золотом поспевшего овса, подминая под себя щедрые дары тучной земли и стаптывая обильные плоды человеческих рук, в 1918 году развертывались полчища австро-германских интервентов. В 1919 году носились по ним разбойничьи курени петлюровского воинства, а в 1920 году, призванные Петлюрой, огнем и мечом прошлись по ним голубые легионы Пилсудского. И все же нет той силы в мире, которая могла бы нарушить вековечную связь хлебопашца с кормилицей землей. Теперь на тех же самых полях, где недавно еще кипели кровопролитные бои и почва которых была обильно удобрена своей и вражеской кровью, трудились мирные люди. Блестели на солнце острые и певучие косы, и вместо злобного ворчания пулеметов слышалось веселое стрекотание жнеек и самоскидок, передвигаемых сытыми конями из наших хозяйственных упряжек, звенела веселая песня неутомимых жнецов. И если в прежние годы ими владела мысль побольше свалить на этой земле иноземных захватчиков, то теперь они думали лишь об одном — побольше бы свалить за день хлеба.

Но вот после целого ряда перестроений полку разрешили передохнуть. Цуриков благодарил людей:

— Спасибо и еще раз спасибо. Ничуть не хуже Дудергофа! Такой полчок и самому царю показал бы. Не правда ли, господа? — спросил он своих спутников (старый генерал еще часто вместо «товарищи» говорил «господа»).

Мне хотелось тогда, чтобы похвалу инспектора услышали мои учителя Упырь, Попов, Микулин, Федоренко. А что сказали бы чванливый Соседов и добрый мой заступник Котовский?

Похвала инспектора и шумное ликование бойцов подбодрили нас, командиров. Мы решили сверх программы показать казачье учение. Шмидт заверял, что оно произведет впечатление на такого крупного знатока кавалерийского дела, каким был Цуриков.

По немой команде: «В лаву, делай, что я!» — казаки, перекинув стремена через ленчик, стали на седло, гикнули и, подняв лошадей в галоп, бросились вперед, вращая на скаку пикой. Оглянуться нельзя было, но тонкий свист, который бил в уши, и гулкий топот копыт говорили о том, что все бойцы полка, стоя в седле, несутся к указанной цели.

Еще условный знак — и всадники, сокращая бег коней, перевели их на шаг, а затем, остановив легким натяжением повода, заставили их, падая на левую сторону, растянуться на земле. Все поле стало пестрым от вороных, гнедых, рыжих и серых конских тел — надежной защиты кавалеристов. Небольшой толчок — и кони, насторожив уши, снова уже стоят на ногах, готовые выполнить волю хозяина.

Покончив с этим эффектным приемом, на освоение которого было потрачено немало сил и времени, полк, построившись в колонну, направился к холмику, где стоял инспектор. Цуриков еще раз поблагодарил и полк, и Багнюка, и Шмидта.

Уставшие после непрерывной скачки, мы, направляясь в село, ехали шагом по пыльному проселку. Со мной поравнялся один из членов инспекции, прибывший с Цуриковым,— приземистый человек с крупным сизым носом, тоже из генералов.

— Не ждал, ей-богу, не ждал. Какая выучка! Какая выучка!

В словах носача звучала неприкрытая лесть. Но все же они меня смутили.

— По-моему, ничего особенного, товарищ инспектор. То же самое вы увидите и в восьмом полку Синякова,— ответил я.

— Видать старую школу. И не какую-нибудь. Знаю, вы работали с Микулиным. О-о,— протянул генерал, и бородавка на его носу поползла вверх,— Владимир Иосифович знаток! Деникин потерял много, не сумев залучить его к себе, но он проиграл в десять раз больше от того, что Микулин пошел к большевикам. Чтобы усвоить школу Микулина и применить ее так, как применена она в этом

полку, надо быть по крайней мере корнетом... Мы же свои люди...

Словно кипятком обожгли меня слова инспектора. Почему-то сразу вспомнил весну 1920 года. На перроне вокзала в Александровске, где стоял штаб 13-й армии, подошла ко мне дама. Оглядываясь по сторонам, с выпученными от изумления красивыми глазами, прошептала: «Корнет Рахманинов, адъютант его высокопревосходительства?» — «Какого высокопревосходительства?» — изумился я. «Не скрывайте, не скрывайте, дорогой. Ведь вы корнет Рахманинов — личный адъютант генерала Деникина. Но как вы попали сюда?» — «Попал, чтобы увидеть такую дуру, как вы»,— выпалил я. Женщина, подобрав полы пальто, убежала. Но на ходу повернулась еще раза два-три, укоризненно посмотрела, и мне неизвестно доныне, за что она укоряла меня — то ли за обиду, нанесенную ей, то ли за «скрытность». Но если здесь, под Сальницами, младшего инспектора ввела в заблуждение четкая строевая работа полка, то женщину в Александровске, очевидно, сбила с толку моя одежда — английская шинель, присланная Черчиллем в интендантство к Деникину и попавшая к нам, и черная каракулевая папаха с белым верхом — военный трофей.

Но если ту, в Александровске, чтобы отделаться от нее, я мог назвать обидным словом, то с инспектором дело обстояло сложнее. Смеясь, я старался рассеять его заблуждение. Мой спутник, осев грузным телом в седле и подняв повыше вдетые в стремена носки сапог, замурлыкал под нос довольно пошловатую песенку:

Цыпленок жареный, цыпленок пареный,
Цыпленок тоже хочет жить...

Из Сальниц широкой рысью, поторапливая коня, спешил к нам какой-то всадник. Еще немного, и мы узнали в нем замполита бригады Игнатия Ивановича Карпезо. Он поднял руку, давая знак остановиться.

Когда полк выстроился и по команде «Смирно!» затих, Карпезо зачитал приказ Революционного военного совета Республики о награждении меня орденом Красного Знамени за разгром петлюровцев под Волочиском и захват бронепоезда «Кармелюк».

Последние слова приказа утонули в громких криках «ура». Вручив мне грамоту, Игнатий Иванович прикрепил к моей гимнастерке новенький, оттененный алой розеткой орден.

В село я возвращался как на крыльях. Промахи промахами, а Республика оценила мой труд за все эти годы — здесь и поход против Деникина, и бои под Перекопом с улагаевской конницей Врангеля, и рейды по белопольским тылам. Коммунисты ни на один день не забывали напутствий Владимира Ильича военным комиссарам: «Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть — смерть или победа».

В селе, когда мы подъезжали к штабу, с крыльца, гремя подковами сапог, скатился Семивзоров. Подбежал ко мне, с радостью потряс руку.

Спешившись, я отдал коня Бондалетову и направился в штаб. Здесь младший инспектор, деликатно дотронувшись пальцем до новенькой розетки ордена, сказал:

— Вот еще одно доказательство...

Я пожал плечами. Вдруг заметил Саленко — командира хозяйственной сотни. Я подозвал его и, показывая на назойливого человека с сизым носом, сказал:

— Товарищ Саленко! Вот с вами желает побеседовать товарищ инспектор.

— Зачем? — удивился носач.

При недоуменном покашливании Саленко я сказал:

— Этот товарищ — мой земляк, мы с ним жили на разных улицах, но в одном поселке. А еще этот разбойник, хотя ему было тогда восемь,— продолжал я, положив руку на плечо сотника,— проломил мне голову жужельницей. Как раз возле будки его отца паровозы расчищали поддувала.

— Кто старое вспомянет...— начал было Саленко, с которым мы не раз еще в Пустовойтах вспоминали наши не совсем безобидные забавы детства.

— Это к случаю,— ответил я сотнику.— А вы,— предложил я сизоносому инспектору,— побеседуйте с товарищем, может, он рассеет ваши сомнения.

Лицо бывшего генерала стало постным. Откланявшись, он молча направился в штаб.

Псалмы царя Давида

Однажды в Литин, в этот захолустный гарнизон, куда перевели наш полк из Сальниц, явилась ивчинская свинарка Параня Мазур.

Развязав небольшой узелок, она, озираясь, с тревогой шепнула:

— Торгуйтесь, торгуйтесь крепче. Кругом глаза! И то насилу отпросилась у хозяина. Сказала — пойду к литинским крамарям за солью.

Свинарка, в ситцевом воскресном платье, гладко зачесанная и тщательно вымытая, производила очень хорошее впечатление. Я подумал: одеть бы ее в другой наряд да изменить условия жизни — затмила бы она многих городских красавиц. Не зря Семивзоров томился по ней.

— Торгуйтесь, торгуйтесь крепче, мы тут хотя и в затишке, а вон те осокори и то имеют глаза.

Параня достала из узелка завернутую в капустный лист лепешку желтого масла.

Я начал взбалтывать принесенные батрачкой яички, спрашивать цену, а Параня продолжала шептать:

— Где ваш товарищ в очках? Иван, забыла по батьку как?

— Иван Вонифатьевич? — спросил я.

— Эге! Есть дело! Появился в Ивче какой-то шалопут. Выдает себя за криничника, а люди зовут на работу — за всю войну, известно, как заросли колодцы,— не идет. На кладбище — знаете, оно у нас на Требуховской дороге — он шептался с какими-то чужими людьми. Побожусь, то шепелевская команда. И не криничник он, провалиться мне сквозь землю,— настоящий лацюга.

— Так что, позвать Вонифатьича?

— Что вы! Упаси бог. Нехай завтра чуть свет явится ко мне. Адрес он знает. Толока под Вонячинским лесом! Да,— добавила она,— мой брат нарвался как-то в лесу на того криничника. Беседовал он с какой-то чужой девкой. Угостил его криничник папиросой. Раза два потянул — и тут же туманом взялась голова. Упал, где стоял. Через сутки очухался...

Получив деньги за свой товар, Параня степенно поклонилась и, заявив: «А зараз пойду до крамарей за солью»,— повернулась и ушла.

Особист Крылов, выслушав меня, попросил дать ему в помощь людей.

— Конечно,— заявил он, глядя сквозь толстые стекла очков,— без Прожектора не обойтись. Ивчинские мужики не удивятся, заметив станичника возле свинарки. Ну, а второго — смотрите сами.

Три дня пропадали Крылов с одноглазым Семивзоровым и казаком первой сотни Максимом Запорожцем. Мы в Литине уже изрядно волновались: не попали ли наши товарищи в лапы атамана Шепеля? Но этого не случилось.

— Получайте фрукта! — начал свой доклад вернувшийся Крылов.— Резидент Петлюры атаман Братовский — Ярошенко!

«Фрукт» не повел и глазом, ни единый мускул не дрогнул на его каменном лице.

На нем были простые молескиновые штаны, синяя поношенная косоворотка, помятая кепка. Большие зеленоватые глаза на широком угреватом лице смотрели прямо, не мигая.

— Вы жестоко ошибаетесь,— ответил спокойно задержанный.— Я Ярошенко. Никакого Братовского не знаю и не знал. И я никакого отношения к Петлюре не имею.

В акценте арестованного было нечто необычное. Вместо буквы «л» он произносил «в», и получалось у него не «Петлюры», а «Петвюры».

— А это что? — Крылов поднес к глазам парня книжечку и из ее изодранного переплета вытащил какую-то бумажку.— Удостоверение на имя сотника мазепинского полка Братовского.

Климов взял растрепанную книжку, повертел ее в руках.

— «Псалмы царя Давида» — самое полезное чтение для душегубцев,— сурово усмехнулся комиссар полка.

Крылов, шепнув что-то на ухо Семивзорову, куда-то отправил его.

— Та книжка не моя,— ответил задержанный, усаживаясь на предложенный ему стул.— Я ее взял у хозяина, где чистил колодезь. Это было в Майдане Голенищеве.

— Мы доберемся и до того хозяина в Майдане Голенищеве,— сказал Крылов.— А я знаю: ты Братовский. Есть сведения, что сотник Братовский прибыл из Польши и вертится где-то здесь, вокруг Литина.

— Тоже мне криничник! — зло бросил Запорожец.— А на руках ни одной мозолинки! Все говорят — ты петлюра.

— Не берите меня на бога! — Допрашиваемый презрительно скривил губы.— Никаких сведений у вас нет. Моя фамилия Ярошенко, и сам я уроженец Макова, из-под Каменца.

Хлопнув дверью, вернулся в штаб Семивзоров. Взял под козырек, щелкнул каблуками, доложил:

— Товарищ уполномоченный, все готово, яма вырыта, у ямы отделение казаков.

Под арестованным заскрипел стул. Его угреватое лицо покрылось крупными каплями пота.

— Ну? — спросил Крылов.— Говори, пока не поздно.

— Что ж,— тихо зашептал «криничник»,— такой ваш закон? Расстреливать человека без суда и следствия?

— Человека, если он заслужил, мы расстреливаем по приговору суда, бешеных собак шлепаем на месте,— ответил Климов.

— А где папиросы с дурманом? — спросил наш особист.— Пан Флёрек щедро снабжает ими вашего брата.

— Ладно, скажу правду,— начал признание Ярошенко.— Я сообщал Шепелю о продвижении ваших частей. Ну, сдайте меня под суд. Но папирос отравленных у меня нет.

— Есть начало! — усмехнулся Крылов.— А ты знаешь, Братовский, или же Ярошенко, когда волк попадет в капкан, он, чтобы спасти шкуру, отгрызает лапу. И ты признаешься в Шепеле, но утаиваешь Петлюру.

— Клянусь, не утаиваю. В чем виновен — признаюсь чистосердечно.

Вдруг раскрылась дверь. Показались две женщины. Одна пожилая, интеллигентного вида, бедно одетая, другая белокурая молоденькая девушка в поношенном гимназическом платье. Еще с порога обе вскрикнули:

— Федя! Наш бедный Федя!

— Вы кто будете? — спросил Крылов.

— Нас тут в Литине любой человек знает. Я вдова. Мой муж был акцизный чиновник Братовский. Мы никому не делали зла...

Крылов приказал Семивзорову:

— Ступай, отпусти людей. А вы, Запорожец, отведите атамана Братовского на гауптвахту. И смотрите, голову сниму караульному, если убежит атаман.

Мать, вслед перекрестив сына, громче расплакалась. Сквозь слезы спросила:

— Вы его расстреляете?

— Если будет валять дурака, обязательно хлопнем,— ответил Климов.— Нам нужно собрать хлеб, накормить рабочих, Красную Армию, голодающих, а такие, как ваш сын, продались Петлюре, пану Пилсудскому и срывают государственную работу. Небось слышали, каково сейчас на Волге?

Когда родня Братовского покинула штаб, я спросил Крылова:

— Что за таинственная история с ямой?

— Сплошная мистификация! — Особист посмотрел на меня поверх очков.— Я эту петлюровскую шпану изучил. Поначалу хорохорятся, а как услышат о яме, так сразу хватаются за штаны.

Вызванные нами, приехали в Литин начдив Шмидт, начальник особого отдела дивизии Письменный и военкомдив Лука Гребенюк. В одной из штабных комнат они беседовали с Братовским — Ярошенко несколько часов. Вначале бандит отнекивался, а под конец сознался во всем. Отправил его на Украину с заданием пана Флёрека петлюровский Малюта Скуратов — Чеботарев.

Братовский привез личный приказ Петлюры о назначении Шепеля «атаманом трех губерний» вместо Мордалевича. О том, что этот сверхатаман сдался добровольно органам Советской власти, резидент не знал. И не поверил Шепелю, когда тот сообщил ему эту потрясающую новость. Там, за Збручем, опасаясь деморализации гайдамаков, говорили, что Мордалевич убит.

Братовский подоспел к Шепелю в тот момент, когда он, арестовав Карого — тютюнниковского кандидата на «атаманство трех губерний»,— собирался его расстрелять. Новое назначение, исходившее от самого головного атамана, смягчило сердце вонячинского бандита, помнившего слова Петлюры, обращенные к нему еще в 1919 году, когда Шепель, поощряемый галицийским генералом Микиткой, занял Винницу. Петлюра тогда сказал: «Если б у меня были три-четыре таких атамана, как Яков Шепель, я бы давно сидел в Киеве».

Эта характеристика была, конечно, преувеличенной. За все время пребывания советской конницы в районе, «подвластном» Шепелю, сей атаман особой прыти не проявлял. Лишь однажды его люди из засады в Кожуховском лесу обстреляли группу командиров, следовавших из Хмельника в Литин, и ранили начдива.

И сейчас, когда после длительной беседы вышли из кабинета ее участники, Шмидт, пошевелив раненой рукой, спросил резидента:

— После этого Шепель, верно, донес за Збруч, что население Литинщины поголовно восстало и под его руководством разгромило вторую червоннохазачью дивизию!

— Его доклада я не читал,— ответил раскрасневшийся после беседы Братовский.— Говорили, сам Галлер, командующий шестой белопольской армией, звонил Петлюре в Тернов... Поздравил его с крупным успехом...

— Вот тебе и самостийна Украина! — усмехнулся в лицо резиденту Лука Гребенюк.— Нет, хлопче, правильно я тебе говорил там, в кабинете: у Петлюры может быть только самостийна земська аптека, а больше ни хрена.

Братовского увели. Шмидт, подойдя к Крылову, подружески хлопнул особиста по плечу.

— Ценную птицу поймал ты,— сказал начдив.— Интересно, твой начальник хоть сказал тебе спасибо?

— Мы, товарищ начдив, работаем не за спасибо и не за страх, а за совесть,— ответил Иван Вонифатьевич, чуть окая, и посмотрел поверх очков на Письменного.— И подцепили-то мы его на чем? — по-детски усмехнулся «трехгорец».— Никогда и не поверите — на арбузном соке!

— Как это так? — удивился Письменный.

— Очень просто, товарищ начальник. Сами знаете, на чем мы их обыкновенно берем,— на ночных свиданиях с женами или любовницами, а то еще у дружков кулаков — на самогоне. Братовский, это мы узнали твердо, спиртного избегал и с бабами не путался. Одним словом, настоящий резидент. Слабость у него есть только к соку квашеных арбузов. А такие водятся лишь у требуховской попадьи да у вонячинской. Вот в Вонячине, бывшей шепелевской столице, мы и накололи диверсанта. Принимала его попадья широко. Не то что нас. Адъютанту Ратову, когда штаб квартировал в Вонячине, воскового огарка и то жалела.

— Молодец, Красная Пресня! — с восхищением выпалил Шмидт.

Сотник мазепинского полка не только был выпущен, но и облачен в новую красноармейскую форму. Начдив возложил на нас ответственность за Братовского — Ярошенко. Ему, как полагал Шмидт, угрожала пуля из-за угла, пущенная любым нашим казаком, он мог ждать и мести бандитов, и, кроме всего прочего, надо было опасаться, что в подходящую минуту он скроется, чтобы вновь вернуться в петлюровское болото.

Нашему полку с помощью капитулировавшего резидента предстояло разгромить контрреволюционное подполье. Петлюровские резиденты, агенты, атаманы скрывались в глухих трущобах Литинщины, Летичевщины, Проскуровщины.

Для этой цели была выделена первая сотня во главе с Григорием Васильевым [1].

Полагая, что лучше всего держать Братовского возле себя, я отказался от передвижения на коне и забрался на тачанку, усадив рядом с собой резидента.

Вперед ушли разъезды. Позади нас двигалась вся сотня. Встреча с любой бандой была не страшна. Но наш попутчик, хотя и щеголял в боевой форме червонного казака, все время нервничал и оглядывался по сторонам.

— Вас поймают бандиты, конечно, расстреляют,— скулил он,— а меня посекут на куски.

Словно находя в этом оправдание и своему решительному шагу, Братовский неоднократно возвращался к письму Мордалевича.

— Мне его дал читать Письменный,— качал головой попутчик,— ничто меня так не потрясло, как перестройка Мордалевича... столпа движения...

Знаменитое письмо «атамана трех губерний» появилось на свет два месяца назад. Печаталось оно и в советской прессе. Но там, за Збручем, и особенно в лагерях для интернированных, широкие массы петлюровцев ничего о нем не знали.

22 июня 1921 года Мордалевич писал Тютюннику, что будущее украинского народа строится по эту, а не по ту сторону Збруча, что украинская интеллигенция все больше симпатизирует советскому строительству и враждебно относится к Петлюре. Отказываясь от дальнейшей борьбы против Советской власти, Мордалевич советовал не губить даром людей и не вносить беспорядка в жизнь страны. «Революционные украинские круги,— заканчивал послание Мордалевич,— глубоко убеждены, что логика фактов приведет и вас в ряды сознательных защитников УССР».

Наша операция продолжалась с неделю. Спешившись, люди незаметно подбирались к глухим пасекам. Ночью окружали мрачные монастырские скиты. Днем с ходу внезапно налетали на отдельные хутора, отмеченные самим Братовским на двухверстной карте. Наш обоз вырос до двух десятков подвод. На них, связанные по рукам и ногам, проклиная судьбу и Братовского, корчились в бессильной ярости эмиссары пана Чеботарева. Благодаря капитуляции Братовского осенью 1921 года значительно было подсечено петлюровское подполье Подолии.

---

[1] Г. П. Васильев с 1958 года до последних своих дней возглавлял Харьковский совет ветеранов Червонного казачества.

Случилось так, что к пасеке у Майдана Голенищева нам не удалось подкрасться незаметно. Бандиты издали открыли огонь. Жалея людей, я подумал: «Как бы поступил в данном случае мой учитель Василий Федоренко?» Решил посоветоваться с командирами и усилил блокаду пасеки. Сам Братовский предложил поджечь бандитское гнездо. За это дело взялись Запорожец и пулеметчик Полтавец [1]. Вскоре из запылавшей хаты донеслись выстрелы. Несколько бандитов, выбравшись из огня, бросились наутек. Но их настигли казачьи пули. Какой-то атаман, лавируя меж деревьев, кинулся с обрезом на Братовского. Связанный нашими казаками и брошенный на повозку, петлюровец еще долго угрожал бывшему резиденту:

— Погоди, собака! Попадешься, накормим тебя собственной требухой. Мы еще вам покажем Савецкую власть.

— Не бухти,— прикрикнул на атамана Запорожец,— враз законопачу твою бандитскую пасть! А пожалуй, он прав,— продолжал казак,— без собаки зайца не поймаешь!

Когда мы возвращались назад, Братовский, потрясенный событиями у пасеки, тяжело вздохнув, сказал:

— Жаль, сгорела хавира. Там под стрехой я спрятал пачку интересных папирос. То я угощал других, а сейчас я бы сам с наслаждением затянулся тем куревом.

Теперь, после разгрома петлюровских осиных гнезд, нечего было опасаться за резидента. От нас ему бежать было некуда, кроме как в петлю. Отправив тачанку в хвост колонны, мы усадили Братовского на коня. Понимая его состояние, в пути мы раздобыли для него флягу самогону. Выпив, петлюровский сотник несколько воспрянул духом.

— Не поймите меня ложно,— вздохнул он тяжело.— Среди связанных есть и мои школьные друзья. Я же их продал! Вот и ваш казак верно сказал: «Без собаки зайца не поймаешь». Собака я, собака!

— Ты сдал нам дюжину бандитов,— насупив брови, отозвался Васильев,— а они в двадцатом году сдали Пилсудскому всю Украину до самого Киева. Нечего ныть, туда им и дорога!

— Что ж,— сказал наш партийный секретарь Мостовой,— недосчитается пан Тютюнник многих атаманов.

---

[1] Как-то весной 1973 года вдруг появляется с торбой ароматных свежих огурчиков коренастый, немного суровый на вид мужчина. Спустя полвека, после одного моего выступления по телевидению, меня нашел наш боевой пулеметчик. А «дари ланів» — нежинские огурчики — он сам выращивал на своем приусадебном участке в Борисполе.

— Тютюнник, Тютюнник,— сверкнул глазами Братовский,— попался бы он мне сейчас!

— А что? — спросил Васильев.

— Рассчитался бы с ним. В Елтушково моя сотня побежала от ваших червонных казаков, так он меня перед всем строем плетью...

— Ну, если под Елтушковом,— рассмеялся Васильев,— то это сотня Скрынниченко, где я был взводным, гнала вас. То-то гляжу, что твоя спина мне знакома, только черного шлыка не хватает на ней.

— Может, не спорю,— пожал плечами резидент.— Тютюнник был на меня зол за другое. У него над кроватью висят два портрета — Петлюра и Наполеон. Как-то он меня спросил: «На кого я похож?» Я сказал: «Ясно на кого, на пана головного атамана, потому что у Наполеона чуб, а у вас лысинка». Он рассердился и прошипел: «Как вас только назначили сотником!» Но вот был у нас в кавалерии такой хорунжий — Максюк, знахарь, хитрый черт. Он ответил Тютюннику: «Вы и Наполеон — будто близнята». Тютюнник обрадовался, потрепал Максюка по щеке и сказал: «Добрый из тебя будет вояка. Зря тебя держат в хорунжих, пора быть сотником». Теперь, слыхал я, и он где-то атаманствует...

— Атаманствовал,— сказал я, вспомнив грановскую встречу с бандитом Христюком.

Обо всем этом мне еще раз напомнил бывший резидент осенью 1954 года во время нашей встречи. Он живет и работает в Харькове. Советская власть гуманна по отношению к сдавшимся врагам. И автор, щадя покаявшегося и прощенного резидента, назвал его, в отличие от прочих участников событий, вымышленной фамилией.

Как нам стало известно впоследствии, признание Братовского, пойманного благодаря ивчинской свинарке Паране Мазур, позволило раскрыть нити, тянувшиеся от Чеботарева к ольгопольской учительнице Ипполите Боронецкой. А от нее — к тем предателям из рядов Красной Армии, на которых строились расчеты Петлюры, замышлявшего снова с помощью Пилсудского сорвать мирный труд советских людей. Так свинарка Параня Мазур перепутала все карты головному атаману Петлюре.

Исповедь диверсанта

Братовский — Ярошенко не мог знать всего, что затевалось там, за кордоном. Но и то, что он сообщил, представляло большой интерес. И все же это были лишь ничем не подкрепленные слова, которые мог сочинить ради спасения жизни пойманный с поличным диверсант. Зато взятые по его указке атаманы и разгромленные на основании его сообщений бандитские гнезда были тем реальным выкупом, которым петлюровец спасал свою жизнь.

Братовский не держал себя замкнуто, охотно вступал в разговор с любым казаком, не прочь он был и пошутить, посмеяться.

Его состояние нельзя было назвать удрученным, но все же время от времени он вдруг погружался в глубокую думу. Трудно сказать, над чем больше всего размышлял бывший сотник мазепинского полка: над личной ли судьбой, мгновенно перебросившей его из привычной стихии в лагерь вчерашних врагов, или же над судьбами раздираемой кровавыми распрями Украины.

Вначале всем нам было ясно, что в Братовском все больше и больше зрела решимость любой ценой хранить жизнь. И он без особых колебаний сразу же выложил целую колоду крупных козырей, ясно себе представляя, что речь идет о судьбе его вчерашних друзей и единомышленников. Сейчас же, то ли неуверенный в своей безопасности, то ли в самом деле поняв пагубность петлюровских идей и планов, Братовский, снедаемый жаждой деятельности, каждый день предлагал что-нибудь новое для подрыва желто-блакитного лагеря.

То он, подражая Мордалевичу и другим раскаявшимся атаманам, писал воззвания к старшинам петлюровской армии, интернированной за Збручем, и к обманутым «братьям повстанцам» Волыни и Подолии. То он просил дать в его распоряжение сотню казаков, с которыми он уйдет в леса под видом банды и через неделю-две приведет неуловимого Шепеля. То он, предлагая в заложники мать и сестру, просился за кордон, где он один снимет головку, как он говорил, «самостийного руху».

Все эти авантюры, порожденные беспокойной фантазией или голосом потревоженной совести Братовского, вызывали лишь улыбки у Шмидта. Зато он и комиссар дивизии Гребенюк от души приветствовали желание бывшего диверсанта рассказать казакам о том, что делается за кордоном, в лагере Петлюры.

Первое открытое выступление бывшего «самостийника» состоялось в Литине, в нашем 7-м червоннноказачьем полку [1].

Две сотни, стоявшие в городе, в пешем строю пришли на лужайку у кладбища, где намечалось собрание. Подразделения, квартировавшие в Боркове, Вонячине и Микулинцах, прибыли в город верхом. Коноводы, забрав лошадей, увели их на выгон, где в зарослях сочного молочая копошился весь городской скот — с десяток общипанных коз.

Казаки, прячась от зноя, живописными группами расположились в тени густых лип, увешанных, словно елочными украшениями, корзинками золотистых соцветий.

Ярошенко — Братовского хорошо знали все кавалеристы. Так что особо его представлять не пришлось. Но когда комиссар Климов, открыв собрание, объявил, что слово имеет «товарищ Братовский», на многих лицах появилась саркастическая улыбка.

Скинув папаху и проведя белой рукой по коротко остриженной голове, Братовский, чуть волнуясь, приступил к рассказу. Не жалея красок, он прежде всего описал петлюровский стан, все еще лелеявший мечты о завоевании, или, как говорили за Збручем, «освобождении» Украины. Говорил он о бедствиях рядовых петлюровцев, загнанных в бараки для интернированных, и о разгульной жизни атаманской верхушки, обосновавшейся в Тернове.

— Ты этот молебен брось,— послышалась реплика.— Лучше выложи про себя, как ты сам петлюрничал?

Братовский снова провел ладонью по голове. Широко улыбнулся, так как единственное оружие, каким еще может владеть побежденный,— это улыбка.

— Что ж, отвечу. Да, я был петлюровцем и вашим врагом. Но врагом честным — выступал с оружием в руках. В открытом бою стрелял я, стреляли и в меня. Думал, что борюсь за Украину, за ее народ. Ради этого пришел из-за Збруча.

— А тут тебя, раба божьего, сцапали,— снова послышался злорадствующий голос.

— Я и не говорю, что сам перешел,— продолжал улыбаться Братовский.— Спасибо, что сцапали, а то ходил бы еще бог знает сколько в потемках.

---

[1] Эти публичные выступления не только Братовского, но и других пойманных и сдавшихся диверсантов проводились при ближайшем содействии нового начальника особого отдела Игоря Шумского, ныне киевского пенсионера.

— Жаль, не попался мне,— приподнялся на локтѳ долговязый комвзвода Гусятников, камеронщик из Кривого Рога,— я бы тебе такие шахтерские фонари понавесил, повек бы тебе светили.

— А ты, Андрей Фомич, побереги свои шахтерские фонари, еще пригодятся,— оборвал взводного Климов.— Дай человеку высказаться.

— Я ведь не из-за тридевяти земель,— сохраняя внешнее спокойствие и косо поглядывая на Гусятникова, продолжал Братовский.— В Литине меня знают. Я не пан, не дворянин. Ни фольварков, ни хуторов у меня нет. У отца моего их тоже не было. И все же попал к Петлюре. Почему? Скажу и это. Видали вы цветок львиный зев? Яркий такой, красивый, пахучий. Заберется в его чашечку комашка, а выбраться из нее не может. Так случилось и со мной, и с молодежью. Потянуло на запорожские шаровары, на гайдамацкие шлыки, на всю пахнущую нафталином бувальщину «вильного козацтва». Потянуло на всю расписную декорацию, а когда рассмотрелись, уже было поздно. Цветок оказался не львиным зевом, а желто-блакитным капканом. Иная комашка рвется из него, рвется, и все без толку...

— Про комашку чеши, сколько душе твоей угодно,— встав на ноги и прислонившись широкой спиной к стволу липы, перебил Братовского казак второй сотни Давыд Губатенко,— за всю молодежь не балабонь. Я тоже украинский хлопец из села Белокопытово Глуховского уезда, а меня суконным жупаном не купишь.

Но Братовский оказался не из слабого десятка, не из тех, кого можно легко сбить с панталыку. Он возразил разгорячившемуся казаку:

— Вот и посудите сами! Где ваш Глухов, а где наш Литин. Куда раньше достиг голос Москвы? Вот вы по голосу Москвы пошли за Лениным, а нам слышнее был голос Центральной рады — мы и повалили за Петлюрой. Много и интеллигенции пошло за ним...

— Коли нет ума, так при чем тут кума? — подал реплику казак из взвода Гусятникова — острослов Олекса Захаренко, паренек с большой головой и тяжелыми скулами.— Но вот почему украинские интеллигенты Юрко Коцюбинский и Владимир Затонский с нами, а не с Петлюрой? Нет, раз ты уже оступился, так нечего выкручиваться и валить с больной головы на здоровую. Скажи прямо — люб тебе Петлюра. И верил ты, что возьмет верх ваша, а не наша. А что касаемо разных голосов, то я сам

из-под самого Киева, из богоспасаемого Кагарлыка, жил под боком у «самостийников», а не послушался их голоса. Послушался голоса Москвы.

— Правильно кроешь, Олекса,— поддержал казака пулеметчик Полтавец, рослый казак, одетый в трофейный, голубого цвета французский мундир.— Знаем мы эту нечистую силу — петлюровскую интеллигенцию. Это она пела в нашем Пирятине такую песенку:

У Києві дощ,
А в Полтаві слизько,
Тікайте, більшовики,
Бо Петлюра близько...

Частушка, пропетая во весь голос пулеметчиком, вызвала дружный смех. Братовский смеялся вместе со всеми. Когда казаки затихли, он продолжал:

— Есть у Петлюры особый любимчик — атаман Чеботарев. Он заправляет контрразведкой. Может, один пан Тютюнник с ним не считается... А что касается других атаманов, то они не то что самого Чеботарева, а его духа боятся...

Казаки слушали Братовского с большим вниманием. Одно дело — получить информацию о враге через газеты, другое — из уст того, кто лишь недавно пришел из стана врага, чтобы осуществлять здесь, на Украине, его злые козни.

— Вот был у пана Чеботарева большой друг — атаман Болбачан. Командир запорожского коша. Служил он гетману. Потом перешел к Петлюре. Когда немцы стали тикать, Болбачан командовал Левобережным фронтом... Принял на себя удар всех советских дивизий... Считался он самым боевым и способным из всех атаманов. Опасный соперник! И что же? Болбачана сняли с корпуса. Предложили ехать в Италию — формировать из пленных украинцев войсковые части. Болбачан отказался сдавать корпус. Тогда Чеботарев прикинулся его другом, предлагал свалить Петлюру. Доверчивый атаман сам явился к начальнику контрразведки для тайной беседы. Его сцапали, наспех осудили. Отвезли на глухую станцию Балин. Там Чеботарев собственноручно его зарубил. После того Чеботарева и прозвали палачом, Малютой Скуратовым...

— Вы б такую суку подстрелили! — с возмущением выпалил Запорожец.— А то теплой компанией накрыли бы мокрым рядном.

— Легко сказать,— повел плечом Братовский.— А телохранители? Вот вы говорите «теплая компания». Там близкому другу и то не доверишься: а вдруг чеботаревский шпион? Скажу даже такое — спишь и голову наглухо закрываешь одеялом. Опасаешься и со сна сболтнуть лишнее. Даже те, кто со всей душой идут за Петлюрой, ненавидят Чеботарева. Но так уж там дело поставлено: кто против Малюты Скуратова, тот и против самого головного атамана, а значит, и против украинской державы...

Тут Братовский, очевидно посчитав, что данный момент является наиболее подходящим, чтобы заявить о той непроходимой черте, которая легла между ним и вчерашними его единомышленниками, повернувшись к Климову, как самому авторитетному свидетелю, заявил:

— Вот в лесу под Требуховом казаки второй сотни видели, к чему приговорил меня пан Чеботарев. Сам комиссар полка, товарищ Климов, читал тот плакат.

Бандиты Шепеля, захватив на Хмельникском шляху двух учительниц-комсомолок, увели их в лес. Поизмывавшись над молоденькими девушками, они привязали их за ноги к вершинам пригнутых берез.

С Климовым и с особистом Иваном Крыловым мы явились на место страшной казни, вызванные туда казаками-конвоирами интендантского обоза, следовавшего из Хмельника в наш полк.

Жуткую картину представляли собой разодранные тела девушек. На одной из берез, ставшей орудием варварской казни, висел плакат, о котором говорил Братовский. На нем было выведено кровью: «Это ждет коммунистов. Это ждет и тебя, христопродавец Братовский».

— Видали мы тот плакат, видали и тех несчастных девчат,— нахмурившись, сказал Гусятников.— А ты, хлопче, не дрейфь. Раз попал до червонных казаков, твое дело в дамках. Знаешь, спора нет, у Советской власти рука твердая, но сердцем она отходчивая. Если ты только к нам верой-правдой, вполне можешь плевать на того пана Чеботарева...

Братовский, услышав такое заявление от того, кто лишь недавно сулил ему «шахтерских фонарей», вовсе размяк.

— Да, я рад, что попал до вас, червонных казаков. Правда, полгода назад, это было в Дунаевцах, шаблюка вашего казака чуть не отхватила мне мой шлык, но обошлось. А знаете, как о вас отзывается атаман Тютюнник? Вот что он говорил: «Много извели они нашего брата

клинками, но больше своей выдумкой. Какая-то умная башка додумалась создать это Червонное казачество».

— Правильно сказал атаман,— усмехнулся Климов,— самая умная — это голова нашей ленинской партии. Она знала, что нужно создать на погибель петлюровщины и ее «вильного казацтва».

— Вот те слова Тютюнник сказал нам, старшинам. А лопоухому казацтву говорят другое. Им каждый день повторяют, что на Украине хозяйничают москали, что ее оккупировали латышские, китайские и башкирские дивизии. Не будь этого, давно бы Петлюра сидел в Киеве, а казаки и старшины миловались бы со своими любезными на своей земле. Распетушились атаманы — все эти недоучившиеся гимназисты и семинаристы. Повторяют слова из пушкинской «Полтавы»: «Кругом Мазепы раздавался мятежный крик: пора, пора!..» Самые нетерпеливые требуют немедленных акций. Тютюнник говорит: «Раз нэп предложил Ленин, то это дело тонкое. Нэп укрепит мужика, но он тут же укрепит и Советскую власть. Пока не поздно — ударим». Бывший главком Омельянович-Павленко сказал: «Когда в горку, а когда в норку. Посидим пока в норке, а там...»

— Как вы думаете,— спросил Климов Братовского,— на что они там надеются?

— Сейчас там особо стараются воспитанники Ватикана — офицеры и фельдкураты, иначе говоря, попы, служившие в австро-венгерской армии. Вот я слушал Еднака — бывшего командира Галицийского кавалерийского полка. Сам Еднак — сын австрийского полковника из Вены. Он говорил: «Мы побеждены. Но мы и разбитые будем воевать за наше дело. Как? Очень просто. Дурак тот, кто выставляет голову навстречу летящему камню. Это верная гибель. Самое мудрое — вовремя сложить оружие. Сложить оружие и признать врага. Раз ты не самый сильный, то должен быть самый мудрый. Осудить себя и врага оправдать. Признать и всячески его возвеличивать. А когда выдохнется та нечистая сила, проводить исподволь свои идеи. Жизнь — это вечная борьба. Мудрость подскажет нам поддержать того, у кого больше шансов на победу. Мы должны стремиться к своему — к самостийной Украине. Раньше наше знамя было в руках хуторян, сейчас оно перейдет в руки государственных служащих».

— А дзюськи! — крикнул с места Запорожец.

Братовский вновь широко улыбнулся:

— Пан Еднак говорил: «Не удастся нам, так удастся нашим детям. Они будут ласковые, как котята, а когда почувствуют силу, станут люты, как тигры. А дети есть дети. Они не только будут проводить наши идеи, но и посчитаются за отцов. И тогда настанет та светлая пора, когда по нашей земле будет ходить только тот, в чьих жилах течет наша кровь. И хлеб наш...»

Но тут вскочил на ноги Гусятников. Сорвал с головы папаху, швырнул ее оземь:

— Эге! Я откачал из шахт целое море и останусь без хлеба... и еще услышу: «Геть с Украины»?..

— Так я что,— перед неожиданным натиском криворожского камеронщика отступил на шаг Братовский,— я же передаю только слова иезуита Еднака... Одного из тех, кто думает признавать большевиков, затаив камень за пазухой.

— Ну и горячий же ты, Андрей Фомич,— стал унимать взводного Мостовой.— Одно слово: шахтерская кровь!

— Что ж, Братовский рассказал нам про все, что ему пришлось видеть и слышать в петлюровском лагере,— в заключение сказал Климов.— Скажем ему спасибо. Эта демагогия про хлеб и сало для нас не новости. Рабочий ест хлеб крестьянина, а крестьянин пользуется плугом, жаткой, ситцем и солью, сделанными и добытыми рабочими. Это и есть ленинский союз рабочего класса и крестьянства, смычка города с деревней. Новое другое — это про тигрят в кошачьей шкуре. Мало о чем мечтают сто раз битые петлюры? Мы, большевики, понимаем этот вопрос по-другому. Мы говорим: дети за отцов не отвечают. Наше общество и наша школа воспитывают из всех детей настоящих советских граждан, для которых будет существовать одна лишь родина — Советская Республика. Ну, отдельные выродки могут быть везде. На то мы и большевики, чтобы отличить кошачью шкуру от тигрячьей...

Собрание кончилось. Прижав к боку старенькую балалайку, путешествовавшую с ним с первых дней гражданской войны, Гусятников под ее аккомпанемент затянул старинную песенку:

Ни кола ни двора, зипун — весь пожиток,
Век живи — не тужи, помрешь — не убыток.
Богачу-дураку и с казной не спится,
Бедный гол как сокол, поет-веселится.
Он идет и поет, ветер подпевает,
Сторонись, богачи,— беднота гуляет.
Поживем и помрем — будет голь пригрета.
Разумей, кто умен,— песенка допета.

Вдруг, стряхнув с себя грусть, вызванную старинной невеселой песней, криворожский камеронщик, лихо ударив по струнам, пошел, поскрипывая новенькими кожаными леями широких казачьих штанов, в припляс по кругу и весело запел:

Мы поставить,
мы и снять,
мы и лаптем щи хлебать...
А иркутская Чека
расстреляла Колчака...

Еднак! Пан сотник, а потом полковник Еднак! Это он два года назад, летом 1919 года, на станции Попельня, встречая особую делегацию, ездившую в Киев к деникинскому генералу Бредову, сказал: «Нашему генералу УГА (Украинская галицийская армия) они не посмели бы предложить дрезину, как простым хлопам. Все же преференция делается нам — эвропейцам. Дали бы люксусовый салон...»

За месяц до этого разбойничьи полки фон Бредова, чей кузен командовал пехотной дивизией в кайзеровской армии, вышибли из Киева «самостийников». Курени Петлюры они отбросили к Казатину, части «сечевиков»-галичан генерала Краузе (Крауса) — к Житомиру.

Но тут неудержимым шквалом, сметая на своем пути отлично вооруженные заслоны махновцев и гайдамаков, двинула из-под Одессы Южная группа Якира. Более 30 полков закаленной в боях инфантерии. И вмиг утихли раздоры и чвары в стане партнеров, раздоры между Петлюрой и галицийским диктатором Петрушевичем. А тут еще эмиссары Бредова то и дело плескали на раскаленную до предела сковородку масло. Одних называли «образцовым европейским войском», других — «бандами азиатов»...

Особая делегация ездила просить деникинцев о совместных акциях против красных. О возврате Киева «самостийникам» ни глава делегации Омельянович-Павленко-старший, ни его спутники полковник Трепет и репрезентант УГА сотник Мечник и не заикнулись.

Подогревало надежды на успех миссии наличие в штабе Бредова однокашника Омельяновича — генерала Эверта, питомца царской гвардии — «гвардиона».

Встреча состоялась в вагоне на станции Пост-Волынский. Уполномоченный фон Бредова корнет Циммерман

прежде всего потребовал признания тезиса «Единой неделимой», что и стало камнем преткновения. Хотя в это время Якир вовсю нажимал с юга...

Интриги Бредова и злой дух Ватикана, непрестанно нагнетаемый такими, как пан сотник Еднак и пан сотник Харамбура из 3-го полка «сечевиков», как бывшие цисарские полковники Мирон Тарнавский, Осип Микитка, Василь Вышиванный (бывший архикнязь Вильгельм Габсбургский), взяли верх. 17 ноября 1919 года в Одессе, за спиной Петлюры, был подписан самый гнусный в истории человечества протокол о капитуляции. Подписали его деникинские полковники Коновалов и Саборский, сотники УГА Турчин и Давид. По сути, это уже был договор между двумя трупами...

Потом генхор (генерал-хорунжий) Омельянович-Павленко-старший напишет: «Движение группы Якира было талантливым использованием командованием Красной Армии неладов между антибольшевистскими силами на Правобережье» («На Україні», с. 34).

Бессарабка

Только что кончились занятия в одном из просторных классов пустовавшей Литинской гимназии. Командиры, закурив, окружили сотника-уральца.

— Да, Горский умеет потчевать знатно...— начал рассказ Николай Ротарёв.

Еще в Кальнике под честное слово он получил в дивизии сверх нормы бочонок зеленого мыла. После первого же напоминания о долге в Киев, снабженные мешком сахара, отправились сотник Ротарёв и взводный Почекайбрат, временно сдавший детей учителю Семену Волку.

Услышав, что речь идет о Горском — мастере «дворцовых переворотов», и я заинтересовался рассказом сотника Ротарёва.

— Сколь мороки и мук набрались мы через тот куль сахару с Панасом Кузьмичом, так не доведи господь! — покачал головой уралец.— Еще в вагоне люди добрые сказывали: «Держите на базарах ухо востро. Там такие спецы, что на ходу подметки рвут. Как пчелы налетят. Не успеете оглянуться — заместо сахара подсунут куль трухи».

— Если в этих смыслах,— оборвал сотника трубач-одессит,— то ваш Киев против нашей Одессы акнчательный пескарь...

— Что ваша хвалсная Одесса,— перебил штаб-трубача полковой адъютант Ратов.— Возвращался я из отпуска. В Киеве жду поезда. Входит в вокзал пожилая женщина, а ей навстречу аккуратненькая девчонка, сует руку: «Здравствуйте, тетя, давно вас дожидаюсь». А «тетя» ставит на пол корзинку, протягивает руку: «Что-то я тебя, племянница, сразу и не признала». Пока шли расспросы да ответы, дружки «племянницы» утянули корзинку.

— Да, энтот куль сахарку дал нам канители,— продолжал Ротарёв.— Перво-наперво пристала заградиловка. Отбивались мы от нее в пути, а пуще всего на остановках, начиная с той чертовой Жмеринки... Заградиловцы — те дотошные, но и мы не спекулянты, не мешочники какие-нибудь! Едем по закону, и документальность у нас аккуратная...

— Наш Петр Филиппович хоча из бурлацкого племени,— сверкнув цыганскими глазами, заявил сотник Кикоть,— а по письменной части он любому студенту утрет нос.

— Ну, прибыли мы в конце концов и в ту матерь русских городов, значится, в самый Киев. Расспросили, как лучше всего добраться до Бессарабки, потому как нам сказали: только там корень всех корней. Идем к трамваю. За нами голодающие, которые с Волги. Внесли аккуратно наш груз на заднюю площадку. Смотрим в оба. Упаси бог, кто-нибудь ножичком полоснет. Повек не обелишься перед начальством: добро-то казенное. А тут кондуктор является: «Гражданцы и товарищи, признавайтесь, кого я еще не обилетил». Мы молчим, думаем, энто нас не касается. Не по совести, считаем, брать деньги с защитников... Кондуктор загудел построже: «Которые непонимающие по-хорошему, к вам обращаюсь. Берите билеты на себя и на груз. Кончилась лафа нашармака кататься. Это вам, гражданцы, не семнадцатый год». Одним словом, слупил он с нас огромный капитал — по две тысячи с носа за билет и пять тысяч за поклажу. «Ежели так пойдет дальше,— подумал я,— скоро сядем с Панасом Кузьмичом на мель». Какие наши деньжата, сами знаете. Тут еще, пока ехали, на станциях искус на искусе — белые паляницы, пшеничные коржи, куриные потроха — одним словом, весь мудреный нэп. За три года истомилась по всему энтому человеческая утроба. Ну, и побаловались чуток... Правда, от того лакомства мы не попузатели, но бумажники наши потонели изрядно.

— Говорят, наш командир «татарской сотни» чуть не заехал кондуктору за «семнадцатый год»? — поинтересовался Храмков.

— Всего, что было, не перескажешь,— ответил Ротарёв.— Дай бог выложить главное. Так вот, недалече от Бессарабки, на Малой Васильковской, нашли постоялый двор. Заперли куль с сахаром на крепкий замок. Тут же припужали хозяина: ежели не дай бог что, то не снести ему головы, потому как имущество наше кругом казенное. Пошли в чайную, а тут милиция. «Ваши документы! Откель у вас сахар?» Значит, сам хозяин постоялого уже просигналил. А как увидел, что все у нас по законной статье, опосля обеда привел какого-то шустренького человечка! И подумайте только, братцы,— кустаря-мыловара. На ловца́ и зверь грянул. Мы даже очень возрадовались: не шататься нам по базарам. Раз-раз, обтяпали дело — полкуля, значит, три пуда песку, за бочонок мыла. Хозяин постоялого потребовал полпуда. За маклерство. Ну, наш Панас Кузьмич, как знаете, человек щедрый. Свернул трехдюймовый шиш — получай, мол, с мыльного фабриканта. А энтот фабрикант говорит: «Мыло зараз варится, вечерком поспеет». А пока решили мы со взводным так: один остается на постоялом, потому замок замком, а к замку и верный глаз не помешает. Не у себя дома. А другой пока что наведается на рынок, присмотрится, что есть в рундуках, принюхается к киевским ценам. Я потопал на базар. Шатаюсь по рядам — чего только нет. Про обжорный ряд не говорю — все есть. Одежи какой хотишь, начиная с господской. Если бы только деньжата. Хожу й думаю: «Откель все это развелось? Кажись, за революцию энту буржуазность давили все, кто хотел: мы — за мироедство, махновцы — за толстые кошельки, деникинцы — за самостийность, «самостийники» — за инородство, а стоило только объявить нэп — и воспряла эта буржуазия, как поганки после хорошего летнего дождя».

Опосля побывали мы с Панасом Кузьмичом на всех базарах,— продолжал уралец,— что Бессарабка, что Владимирский, что Еврейский, что Сенной, что Житний — несусветное торжище, и все! Лабаз на лабазе, ларек на ларьке, а шуму-галдежу, а толкотни, а людей! Промежду прочим, и там немало энтих самых голодающих с Поволжья, а больше всего жулья и босоты. Сидят в холодке под рундуками и дуются в «три листика». Мечут «тузик-мартузик, а деньги в картузик». Сначала для видимости спустят своему же какой-то капиталец, потом начнут

стричь подряд всех простофиль. Как настригут полон чувал мильёнов, потешаются: «Рупь поставишь — два возьмешь, два поставишь — шиш возьмешь!»

А часы? Пока держишь в руках — ходют, а положил в карман — тпру, остановились. Дальше, как были до революции зазывалы, так обратно они пошли в ход. За руку тянут. А чего только нет на вывесках? И все больше стишки: «Помогайте Советской власти и мне отчасти». Пришел на постоялый, а мой взводный храпит на полу, заслонил богатырским телом вход в чулан. Разбудил его. Постановили мы в тот же день не обедать: деньжат оставалось скудновато. Вечером хозяин постоялого двора повел нас к мыловару. Катим тачку, а на ней куль с песком. Прибыли на Керосинную улицу. Въезжаем во двор, а там уже шурует милиция. Что оказалось? У того фабриканта в кастрюле варилось мыло... для видимости... а торговал он краденым. Добро, милиция встряла впору. Повернули домой. Отругали хозяина, а сами решили держать ухо востро. Ходим по Евбазу, ищем мыло, а покупцы на сахар не дают покоя. Надокучили. Предлагают миллиарды, а что с них толку? Нынче фунт хлеба две тысячи, а наутро, глядишь,— две с половиной. Вкратцах сказать, товарищи, за три дня прожились подчистую. Хозяин, так тот даже стал в кипятке отказывать. Говорит: «Чего трясетесь над кулем? Раскупорьте его. За сахар всего отпущу». Так вот на той же Бессарабке сплавили бельишко, потом пошел в ход и портсигар — получил я его в Казани за джигитовку. Что делать? Будь зима, пошли бы пилить дрова, а то и скалывать лед с мостовых. Двинулись к причалам. Грузчики косятся: «Может, вы шашкой работаете и хорошо, а вот как вы спинами действуете, мы энтого не знаем. Ежели на полпая, то по рукам». Покорились. Поработали с полдня, а тут слышим голос: «Привет рабочему классу!» Поднял голову, смотрю и не верю собственным глазам — по сходням катера прямо на меня агромадная детина. И кто бы подумал? Прет сам ухарь — сотник Валентин Горский.

Тут Ротарёв многозначительно уставился на меня, усмехнулся. Очевидно, вспомнил весеннюю историю в 6-м полку. Сотник продолжал:

— Поздоровкались мы с ним, познакомил его со взводным, а он и спрашивает: «Что, вас из казачества турнули?» Говорим, что нас пока, слава богу, из казачества не выгнали, что находимся в командировке, да вот поистратились, жрать нечего. «Жрать нечего,— закатился

смехом земляк,— так энто я вам в два счета улажу. Я казаков повсегда,— говорит он,— встречаю с почетом, хоча и обошлись со мной в казачестве, прямо скажу, неважнецки». Мигом собрались. Горский повел нас на Контрактовую площадь, в какой-то подвальчик. Он впереди, мы сзади. Как взошел он на порог, остановился, повертел только кончиком кавказского пояска — и тут же навстречу хозяин, пожал ему ручку, усадил нас за стол. Смотрим, все почтительно здоровкаются с Горским. Думаю: «Важная он в этих краях птица». Половые понатаскали всякой всячины, водочки первый сорт. Горский говорит: «Не сумлевайтесь, плачу за все я». Скажу без утайки, братцы, наш брат уралец ужасно горазд под выпивку закусить. Посмотрел я на Панаса Кузьмича и понял, что по энтой части шахтерский род тоже маху не даст. Горский пользовал блюда нормально, а мы со взводным навернули борща, улупили отбивные да шашлык, и всего в дуплете. Тут музыка врезала. Который сидел за фортупьянами, пошел в голос отхлестывать: «Я получку проконьячу и в очко продую дачу, лопни, Жоржик, но держи фасон...» Мы поплакались Горскому, предъявили ему нашу ситуацию. А он: «Два пуда сахарку — и завтра будете с мылом». А взводный ему без стеснения: «Дорого же, товарищ Горский, хочете вы слупить за свое угощение». Он отвечает: «Энти два пуда пойдут не мне, а кому-то повыше, а не хочете — кормите на постоялом клопов». Аккуратненько откусил ломтик сыру и говорит: «Люблю власть Советскую, а сырок швейцарский». Взводный не стерпел: «Да, товарищ Горский, поясок, вижу, вы любите узенький, а жизнь широкую». Музыканты стараются: «Я жену подсуну заву... Приглашу в кино я Клаву... Лопни, Жоржик, но держи фасон...»

Вышли из подвальчика, едва волочим переполненные потроха. По дороге к почтовой площади случился еще один ресторанчик. Мой землячок, как только переступил порог, начал вертеть кончиком пояска. Завели нас в клетушку. Обратно питье, закуски. Спрашиваю Валентина насчет пояска. Он отвечает: «Если кручу в энту сторону, значит, накрывать в общей комнате, ежели в другую — значит, особо, в каютке». Почекайбрат спрашивает: «Откудова у вас такая власть?» Он посмеивается: «Служба таковская». Мы со взводным пожимаем друг другу ноги под столом. Решили, значит, жидкости ни в какую, а закусок в соответствии с возможностью. Нагружаемся уже про запас, хотя бы дня на два. Собрались, а Горский хозяину

помахал лишь ручкой. Нам говорит: «Ежели что надумаете, завсегда к вашим услугам, казачки. Ищите меня на пристани».

Сытые, спали мы по-богатырски. А наутро что? Как сидели на мели, так и сидим. Кинулись на пристань до крючников, а взводный Почекайбрат говорит: «Не нравится мне, товарищ сотник, твой землячок. Больше на его угощение не клюну, а ты, сотник, поступай как хотишь, укору моего не опасайся. С тебя, с беспартийного, спрос по низшему разряду...»

— Да, у нашего шахтера на все есть строгое понятие,— с восхищением выпалил Кикоть,— его наваристыми щами не купишь.

— На то он и пролетарского звания,— подтвердил Ротарёв.— Не зря наш комиссар Климов и партийный секретарь Мостовой под маркой пособлять возле грузов прикомандировали его ко мне. Так вот, поработали мы со взводным ничего, получили на двоих один пай. Накупили провианту. А назавтра получился внезапный, можно сказать, конфуз. Давеча, когда разгружали баржу с вонючими шкурами, все шло гладко, а в тот день носили мы в трюм табачный товар. Какой-то медведь оступился, ящик с грузом полетел, раскололся — и пошла тут пожива. Почекайбрат облаял энтого, что оступился, даже как-то его обозвал. А тот, с толстым сизым носом, видать, спец по части самогонки, на взводного: «Барбосы вы, краснолампасники, нагаечники, царские охранщики, при старом режиме мучили народ и зараз не даете никому жить, кусочники, пришли отбивать наш кусок хлеба». Наш взводный не стерпел. Заехал по морде обидчику. Поднялся шум. Которые грузчики вступились за нас, которые за побитого. Явилась милиция. Повели нас, рабов божих. Заводят к районному. И кто бы вы, братцы, думали, он? Сам Валентин Горский. Я прямо сомлел от внезапности, а он хоть бы что. Сидит, лыбится, накручивает на палец кончик пояска. Тут же вертится какой-то франт — брючки белые, пинжак синий, глаза черные, волос черный, усики черные. Горский подмигнул, тот поднял с головы соломенную шляпочку, прохрипел: «Привет рабочему классу». Вышел.

«Оно, конечно, теперича время такое, что кулаками уже не мода размахивать,— сказал Горский.— Но этому барбосу ты, взводный, заехал законно. У них повсегда так: как в ящике интересный груз, они его кокают. А второе, бессовестная харя,— повернулся он к побитому,— кто бы

мычал, а ты бы, подхорунжий, и помолчал, давно ли сбросил гайдамацкий жупан? Вон отсюдова, барбос».

— А вас позвал в ресторан? — поинтересовался Ратов.

— Где там! — взмахнул рукой сотник.— «Знаю,— говорит он нам,— дело у вас затянулось. Сами виноваты. Теперича кинулись к береговой босоте. Очень уж вы деликатничаете с тем сахаром. И то скажите спасибо тому в соломенной шляпе, который только здесь был. Давно бы уркаганы расклевали ваш сладкий корм». Спрашиваем: «Кто он — главный милицейский чин?» Горский усмехнулся: «Энто главный киевский налетчик Мунчик». А взводный говорит: «Я думал, что энтих паразитов, энтого элемента уже нет на нашей земле, а если есть, то только в тюряге». Горский присел на край стола и отвечает: «Вижу я, товарищи, крепко же вы отстали от жизни. Что такое нэп? Это мир промежду Советской властью и буржуазией...» Почекайбрат тут же перебивает милицию: «Не мир, а временное перемирие».— «Пусть будет по-вашему,— говорит Горский.— Нэп, видишь ли, есть и перемирие милиции с преступным миром. Без этого, повторяю, давно уж уперли бы ваш сахарок. Мунчик дал своей бражке приказ — «не трожьте». Недавно на митинге у московского наркома «выгрузили» какие-то памятные часы. Вызвал я Мунчика. Прошли сутки — пропажа вернулась к хозяину. Сейчас мы действуем по правилу: «Живи и жить давай другим». Наш взводный ему режет в глаза: «А наше правило таковское: пусть подохнут гады, чтобы люди могли жить». Горский махнул рукой: «Так вот, советую вам по-дружески, заканчивайте поскорей вашу коммерцию. Никто не знает, долго ли быть перемирию. Как пойдет война между милицией и Мунчиком, не уцелеть вашему сахарку. Лежите вы на нем как собака на сене,— сам не гам и другому не дам».

— Смотри,— осклабился трубач,— выходит, этот киевский Мунчик — птица на манер нашего Мишки Япончика...

— Попрощались мы, вышли на улицу,— продолжал Ротарёв,— а там уже дожидался какой-то кустарь-ландринщик. Не терпелось ему завладеть нашим добром. Привел он настоящего мыловара, сторговались мы с ним — и баста. Возрадовались бесконечно, потому уже повсюду мерещился нам энтот черняввенький Мунчик. На остаток сахару — а его было целых три пуда — закупили со взводным все, что наметили...

— А что вы там еще накупили? — с нескрываемой ревностью спросил Кикоть. Ради того сахара и он потрудился немало. Таскал дрова для завода.

— Окромя мыла мы привезли кое-что поинтереснее...— загадочно продолжал уралец.

— За маклерство, наверное, отхватили себе по паре хромовых сапог? — неуверенно сказал Скавриди.

— Отхватили мы со взводным не по одной паре, а полный мешок обуви. О, обувь эта особенная — сафьяновые чувяки. Казачата нашей «татарской сотни» шибко уважают сафьян. Окромя этого сто ученических досок привезли. С трудом напали на них. Излазили все базары, а нашли только в Святошино. Насчет этой штуковины был нам особо строгий наказ Мостового. А сейчас мне мои хлопцы, думаю, и тебе, Храмков, твои, и тебе, Кикоть, уши прожужжали. Во время переходов сидит энто в седле какой-нибудь будущий Пушкин, рисует грифелем на доске и все бубнит: «Пе, и — пи, ше, у — шу... пишу...»

Слушатели в ответ на сетования Ротарёва дружно рассмеялись. Прерывая общий смех, Ратов задумчиво сказал, взглянув на сотника-уральца:

— А видать, Николай батькович, твой землячок не простой, а особенный тип. Не зря поперли его из корпуса. Давно по нем решетки скучают.

И действительно, вскоре Горский оказался в одной шайке с налетчиками и ворами и вместе с ними был расстрелян по приговору советского суда.

Двадцатого апреля 1926 года председатель Совнаркома Украины Влас Яковлевич Чубарь заявил корреспондентам газет, что так же, как пожар Москвы способствовал ее переустройству, так и процесс Горского вызовет чистку украинской милиции от преступных элементов, попавших в ее славные ряды.

Вместе с Валентином Горским судили и его брата Аркадия Горского-Зубцовского, начальника милиции Сергея Фрадько, известного налетчика Феликса Татарневича, главу киевских налетчиков — Каплана-Кельменского — Мунчика. Тогда же судили большую группу представителей того мира, который, не одолев Советскую власть дубьем, пытался добиться этого рублем. То были свежеиспеченные толстосумы, нэпманы — собственники ресторанов, подвальчиков, пивных, рундучков.

За сто восемнадцать фунтов стерлингов Горский устроил осужденному Татарневичу «сквозняк» — побег из тюрьмы. Несколько адвокатов первого ранга старались

вовсю, чтобы уменьшить в глазах суда и общественного мнения вину преступников. Даже в то время, когда наша держава, окруженная со всех сторон врагами, при наличии враждебных элементов внутри страны, была еще очень слабой, советское правосудие, проявляя свою гуманность, давало широкий простор для деятельности защиты. Но никакое красноречие не могло вызвать сочувствия к настоящему преступлению и к заклятому врагу.

Божья Кара

Откровенно, без утайки, беседовал с нами петлюровский сотник Цебро.

— По крови я сын украинского народа,— с болезненной наигранностью повествовал он.— По классу — сын бедняка... В общем, рóду я не казацкого, а батрацкого. Отец — швейцар Полтавской гимназии. Ну, а по духу... Вы сами знаете, какого мы духа...

Нелегким оказался для гимназиста — сына швейцара — путь к знаниям. Подавляющая масса соучеников — сынки дворян и имущей знати — сторонились его. Однажды на уроке французского языка он, краснея и обливаясь потом, под насмешливые выкрики класса вместо «ке фе т-иль?» [1] упорно произносил «ке хве т-иль?». После этого детвора не давала ему спуску, заставляла произносить ставшие для него ненавистными слова — фикус, фонарь, Федор, фасон.

С иголочки одетые подростки открыто издевались над шитой на вырост дешевенькой шинелью молодого Цебро, называя ее «жлобской хламидой» и «маминой спидныцей».

То, что одноклассники сторонились его, Богдану было понятно. Не дружить же сыну дворянина с сыном швейцара. Но семена обиды все глубже и глубже пускали свои цепкие корни. Мучат его — так и быть. Но зачем издеваются над его народом? Хорошо, пусть они говорят «Федор», а мы — «Хведор». Так разве мы не такие люди, как они? Такие же, но не все! Вот не дошло тогда до сознания Богдана, что над сынками богатеев Кочубеем, Капнистом гимназисты не издеваются. Напротив, всячески заискивают перед ними, угождают им. А ведь в их жилах течет та же кровь, что и у него.

---

[1] Что он делает?

Не понимал тогда молодой Цебро главного. Дворянчики возмущались тем что рядом с ними, в одном классе сидит плебей, сынок того, кто в раздевалке хранит их шинели.

Не понял этого Богдан ни тогда, ни еще много лет спустя. И переживет он немало, прежде чем у него по-настоящему раскроются глаза.

Отец внушал ему:

— Эта анафемская гимназия для тебя, Богдане, путь в люди. Не быть же и тебе швейцаром. Потерпи, сынок! Христос терпел и нам велел.

С трудом Богдан добрался до шестого класса. Гимназисты хлынули в школы прапорщиков. Полгода — и Богдан Цебро вырядился в драповую офицерскую шинель с золотыми погонами. Когда Цебро по настоянию родителей поднялся из швейцарского подвала наверх, в актовый зал, его бывшие соученики зашумели: «Здравствуйте, господин прапорщик!»

На сей раз Цебро не имел права обижаться: его встретили восторженно, с неподдельным восхищением. Вот что значит прапорщик его императорского величества! Не «хвикус», не «ке хве т-иль», а «ваше благородие»!

— А там скинули царя,— все больше и больше оживляясь и нервно гладя рано полысевшую голову, продолжал плененный атаман.— «Наконец-то будет у нас своя держава,— подумал я тогда.— Никто не станет смеяться ни надо мной, ни над моими детьми. Потому что в нашей державе все будут Хведоры, а не Федоры...» Много в ту нашу первую военную зиму пролилось крови,— с горечью говорил Цебро. Передвинувшись на самый край табурета, он показал левой, заскорузлой, давно не мытой рукой на изуродованное ухо.— Вот отхватил его свой же брат. Случилось это восьмого февраля восемнадцатого года в Киеве. Один момент — и четыре сбоку, ваших нет! То были ваши хлопцы — червонные казаки. А может, я этим обязан кому-нибудь из вас?

— У того казака,— ответил Гребенюк,— видать, лошадь была сильная, а рука слабая — обкорнал только пол-уха. В бою мы вместе с ушами снимаем и голову. Так что, пан атаман, на нас не грешите.

После переворота Скоропадского петлюровская армия с тайного благословения головного атамана присягнула гетману. Подпольная связь между Петлюрой и командиром Левобережного корпуса атаманом Болбачаном была доверена молодому хорунжему Богдану Цебро. И ему начало мерещиться, что еще немного — и он, всегда бывший

последним среди последних, займет прочное место среди первых. Вот тебе и «мамина спидныця», вот тебе «ке хве тиль», черт побери! А отрубленное ухо ничуть не мешало. Напротив! В Запорожской Сечи гордились такими почетными знаками. Его дети и внуки будут гордиться славным одноухим предком! А пока, чтобы не бросаться в глаза гетманским ищейкам, доверенное лицо петлюровского подполья, имея в кармане чистые документы, боевой гайдамацкой папахой, лихо сдвинутой набекрень, прикрывало от любопытных глаз весьма занятную отметину.

Мы допрашивали и других пленников. Все они, опасаясь возмездия, наперекор очевидным фактам старались умалить свою роль.

Атаман Цебро вел себя по-иному. Словно страшась, что здесь, в стане врагов, в его шаткой душонке может вновь возникнуть то чувство собственного ничтожества, которое было ему внушено гимназической средой, он, казалось без всякого страха, утверждал, что там, в петлюровском стане, и он кое-что значил. Нетрудно было догадаться, что атамана стеснял довольно поношенный вельветовый пиджак. Это тоже могло ему напомнить невеселые годы юности, «мамину спидныцю». Он продолжал повествование:

— Меня ценили. На квартире Мазуренко, гетманского вице-министра финансов, было тайное собрание. Ваши комиссары Раковский и Мануильский встретились с Винниченко. Был слух — шла там речь о подготовке антигетманского восстания. Охрану пан головной поручил мне... Ценили меня и за другое.

Привез я раз письмо Болбачана. А у пана Петлюры люди. Полон кабинет. Симон Васильевич положил руку на мое плечо и говорит: «Кое-кто из вас, добродиев, мне закидает, что я своей политикой отталкиваю рабочий класс. И вы, добродий Вовк-Сироманец, первый! — Головной атаман указал пальцем на тощенького, быстроглазого человечка.— А ну спросите пана хорунжего, какого он роду? Он вам и скажет: «Самого что ни на есть пролетарского!» — и это будет сущая правда, панове!»

— Люмпен-пролетарского! — шумно выпуская из носа клубы махорочного дыма, невозмутимо заметил Мостовой. Сверля атамана глазами, продолжал: — Обратно же возьмем лакеев из гостиниц и ресторапий. Кое-кто из этих пролетариев шибко жалеет о буржуях: по чаевым соскучились?

Атаман съежился. Дрожащими пальцами застегнул пуговицы куцего пиджака. А когда в дальнем углу боль-

шой комнаты, где сидел дежурный по штабу, вдруг надсадно зазуммерил полевой телефон, Цебро, широко раскрыв глаза, стремительно повернул голову в сторону выхода.

Прожив долго в лесу на положении зверя, которому то и дело угрожает смертельная опасность, в одинаковой степени опасаясь очутиться в руках подольской Чека, как и стать жертвой чеботаревского коварства, Цебро превратился в комок нервов.

Когда наш штаб-трубач, забавляя хозяйских детишек, исполнил в соседнем дворе сигнал «седловка», а квартировавший там же барабанщик ударил походную дробь, атаман побледнел, зашатался.

— Там казнят наших... Музыка заглушает их крики..

— Без суда у нас никого не казнят,— успокоил петлюровца комиссар полка Климов.

— Весной восемнадцатого года из Ромен,— продолжал Цебро,— я тайно пробрался в Полтаву. Не терпелось узнать, что с семьей. Пронюхали ваши, оцепили гимназию. Я одного уложил. Вырвался. А по моим следам с маузером в руке Мишка Барон. Перелетел через забор вице-губернаторского дома на улице Остроградского и тем я спасся. Неделю жил в ямах на Шведской могиле. Подумать только: Мишка Барон, студент Бернского университета,— советский комендант Полтавы, а я рос на одной картопле — и враг...

И все же, по признанию самого Цебро, он служил верой и правдой желто-блакитному знамени «самостийников» и самому батьке Петлюре.

...В знаменитом бою под Мотовиловкой, где верные Петлюре полки Коновальца, восстав, разбили двинутые против них из Киева гетманские силы, хорунжий Цебро уже был в строю. Петлюра пожаловал ему чин сотника и поручил формировать полк серых гайдамаков (имели шапки с серым шлыком). А полк красных гайдамаков (шапка с красным шлыком) начал собирать Сергей Байло. Адъютантом у Байло был — кто бы мог подумать? — тот, кто кичился родством с графами Кочубеями, якшавшийся с гетманской верхушкой, Недоступ-Скадченко, дворянчик...

— Опять же есть над чем подумать таким, как вы,— перебил пленного Гребенюк.— Недоступ-Скадченко теперь кавалер ордена Красного Знамени. Он начальник штаба нашего десятого червоннoказачьего полка. А Сергей Бай-

ло — командир полка у Котовского. И у него не один, а два ордена Красного Знамени.

— Что ж,— повел плечом атаман и процедил иронически: — Байло по поручению Петлюры не долго собирал тот полк. Как собрал, так и ушел к красным. Недаром его хлопцы прозывались красными гайдамаками. Судьба играет человеком...

— Настоящий человек сам играет судьбой...— заявил Мостовой.— Вот как Байло...

К Киеву, опрокидывая все на пути, подошли с черниговской стороны наспех вооруженные новгород-северские, стародубские, путиловские, козелецкие, нежинские партизаны, таращанские и богунские полки Щорса. С Полтавского направления, спеша к столице, подходили полки 2-й Украинской повстанческой дивизии, состоявшие из самых боевых мужиков Харьковщины и Полтавщины.

Петлюровских гайдамаков и «сечевиков» Коновальца выгнал из Киева и гнал до Горыни и Збруча вооруженный украинский народ.

Вот тогда-то даже атаман Григорьев, держа нос по ветру, вынужден был порвать с Петлюрой и объявить себя (ненадолго) сторонником Советской власти.

Но Цебро остался верен своему идолу.

Ожидая производства в полковники, Цебро со своим полком боролся против червонных казаков под Староконстантиновом, Проскуровом и даже здесь, под Литином, в котором он, Цебро, спустя два года дает показания. Но ждал сотник Цебро напрасно. В полковники его так и не произвели. Кто бы мог подумать? А началось все с пустяка!

Ухаживая за пышно свисавшим к левому уху оселедцем, Цебро стал замечать, что с каждым разом на расческе остается больше и больше волос. Не помогли ни знахари, ни древние шептухи. Один опытный врач объявил: причина облысения — дурная болезнь. Тогда Цебро вспомнил глухой переулок у Контрактовой площади. Черное убранство комнаты, черные чулки и даже черное белье красотки. Назвалась она офицерской вдовой. Не взяла деньги, подарок... «Черная напасть»,— подумал сотник, выслушав диагноз доктора. «Божья кара»,— сказал он вслух, вернувшись в штаб.

— Верите в бога? — спросил комиссар.

— Верю — он меня покарал. В Ахтырке подцепил белый с красными цветами шерстяной платок. Послал Фросе — моей жене. Послал, а самого пекут слова обиженной

бабы: «Хай вас за ту хустку чорна праиця побье...» Вот и побила... А теперь посудите,— с горькой усмешкой произнес атаман,— чи станут гайдамаки слушать пархатого полковника? Только пан головной не захотел меня обидеть. Взял меня в ставку...

— Но так на чине сотника вы и засохли? — спросил Мостовой.

— Помните, что сказал Выборный? Это в «Наталке Полтавке»... «Лучше живой хорунжий, чем мертвый сотник». А я скажу: лучше живой сотник, чем мертвый полковник.

— Пока живой...— подал реплику Почекайбрат.

Под атаманом заскрипел стул. Резко провел ладонью по голове. Нервно откашлялся.

— Не твоего, Панас, ума дело,— осадил взводного Мостовой.

— Да,— произнес нетвердым голосом Цебро.— Братовский продал всех на корню. Нашими головами спас себе жизнь. А нам откупиться нечем. И не знаю, смог ли бы я поступить, как Братовский... Даже если б было кого продать... Другие устраивали погромы...

— Кто же это — другие? — спросил Мостовой.

— Да что говорить? Первое февраля девятнадцатого года в Проскурове... тысяча убитых... Весь снег в крови... Атаман Самосенко кричал разбишакам: «От них все несчастья. Они живут нашим потом и кровью. Сечь не возвращалась домой без богатой добычи. А мы новая Сечь!» Еще пан возный пел: «Каждого манит к наживе свой бес...» Я был против... Нашелся и хороший повод — все они большевики... Настоящие буржуи — коммерсанты, маклеры, процентщики — остались жить, голодранцев вырезали...

— Известно, где богач выкладывает золото, там бедняк кладет голову,— перебил сотника Гребенюк.— А вот мы знаем и такое: в Липовце ваши повесили раввина, как большевика, конечно. А за день до этого он проклял в синагоге липовецких комсомольцев. Но вот откупиться не захотел, уповал на бога, все ждал чуда...

— Не все петлюровцы погромщики,— поведал Цебро.— Был в ставке такой пан полковник Макогон. Вот что он говорил: «Убивать — значит вредить себе. После войны я пойду в уездные начальники. Заведу такой порядок: «Кому — все можно, кому — все нельзя. За можно — плати. Хочешь играть свадьбу — такса сто. Хочешь открыть швальню — триста. Учить сыночка — тысяча. Хо-

чешь лечиться — плати. Хочешь лечить — тем более плати. Берегите, панове добродии, ценную курочку, которая несет золотые яички!..» Макогон мечтал после войны сесть на Миргород. Мы смеялись — говорили, что под его началом то уже будет не Миргород, а Хабар-город... А про житомирского священника Кочаровского слышали? С криком «Не убий» пошел на убийц. Поднял высоко крест и ринулся в гущу погромщиков. Они его подняли на штыки...

После некоторой паузы атаман продолжал:

— Да, видать, выпала мне девятка вместо туза. Четыре сбоку — и ваших, пан Цебро, нет. А умирать неохота, и продать некого, и откупиться нечем...

— Что? По-вашему, только в том и разница, что у вас откупаются золотом, а у нас — головами. Кто же мы после этого? Людоеды, что ли? — насел на Божью Кару Мостовой.— Это сто раз неверно. Вот по амнистии пришли сотни гайдамаков. И тут, в Литине, их сейчас вдоволь. Чьи головы мы у них потребовали? С них мы потребовали одно — вернуться к мирному труду, и только...

— Крови на мне нет,— продолжал петлюровец, искоса взглянув на Почекайбрата,— кроме той, что в честном бою... За это солдата не судят. Пленных не убивал... Мирных жителей тоже. Из-за Збруча требовали, чтобы я во имя бога побольше карал. Но покаранным остался лишь атаман Божья Кара...

— Что ни день пакостили, срывали труд селян,— сухо произнес комиссар,— а послушать вас — вы самый безобидный и несчастнейший человек...

— Да, вы видите перед собой несчастную жертву чеботаревского застенка! — ударил себя в грудь атаман.— Не верите? Возьмите мой дневник, господа товарищи!

— Что? — спросил Гребенюк, потрясая трофейной тетрадью перед лицом атамана.— Осуждаете пана Петлюру? Разоблачаете изменников атаманов, продавших Украину? Сами каетесь? Как же вам доверили атаманство? Что-то не вяжется: петлюровский резидент — и «жертва чеботаревского застенка». Что? Страшно держать ответ?

— Я не из тех, кто, выслушав смертный приговор, пускается в пляс: «Ой, кума, не журись, туды-сюды повернись...» Я молод. У меня дети. Хочу жить... Почитайте дневник. Увидите, каков наш головной. За верную службу сдал меня в руки палачу.

С помощью самого Цебро мы осилили расплывшийся, написанный химическим карандашом текст дневника. Начинался он так: «Подволочиск. Будка стрелочника.

21 ноября 1920 года. Чернейший из всех черных дней. Не победа на Днепре, а разгром на Збруче. Не высокие курганы славы, а жалкие холмики казацких могил. Первая — под Крутами. Последняя — под Писаревкой. Могила всей нашей казацкой красы! Последняя ли она? Запишу, пока свежо в памяти.

После разгрома там, за Збручем, начался развал и здесь — к западу от Збруча. Все открыто критиковали головного атамана. Даже писака Вовк-Сироманец».

Когда разгорелся бой в Волочиске, адъютант ставки Цебро находился в вагоне Петлюры. Он был свидетелем такого разговора. Французский полковник Льоле, опекавший Петлюру, наседал на головного:

— Ну шьто, первый зальп — и Украйн, гоп, поднялсь? Да, мусью Пьет-Льюра, Украйн поднялсь, только не с вами, а против вас, да, контр вас. Волёчиск — это ваш позор...

Петлюра ответил:

— У нас Волочиск, а у вас Седан... Мы поторопились. Послушались пана Пилсудского.

Заговорил Вовк-Сироманец. Армейский писака. Почему-то в цивильном:

— Беда — быть лакеем. Вдвойне беда — быть лакеем у лакея. Да, положение пикантное. Котовский и червонные казаки в Волочиске. Чего ждать от кандальника? Ворвется со своими головорезами в польский Подволочиск...

Тут размечтался Петлюра:

— Парочку бы мне Примаковых или Котовских. Атаманствовал бы я не в этом несчастном Подволочиске, а в нашем златоглавом Киеве...

А Вовк-Сироманец продолжал:

— У нас, пан головной, Котовский мог бы стать Удовиченко, а у них Удовиченко — Котовским... Не герои создают среду... Среда создает героев. И еще скажу, мы занимались маскарадами, а большевики — душой мужика. Мы завели оселедцы Тараса Бульбы, нацепили гайдамаку черный и желтый шлык, а о том не подумали, что у него душа красная...

Головной положил руку на плечо газетчика:

— Народ, который не пытается завоевать свое право мечом, достоин доли раба...

А Вовк ему ответил:

— Лбом стенки не прошибешь... Меч мечом, а гибкость гибкостью. Надо было признать Ленина. Советы... сотруд-

ничать с ними. Сотрудничать и потихоньку завоевывать народ, изнутри...

— Знакомая песенка,— возразил Петлюра.— Ею мне прожужжал уши Винниченко. Большевики могли спеться с Курносым Мефистофелем. У них еще могли найтись общие слова. Для Симона Петлюры у них есть лишь штыки и темницы Чека. Упрятали бы меня за решетки. Да и вас, пан газетяр, хотя бы за вашу брошюрку «Симон Петлюра».

— Упрятали бы нас, но не наши идеи,— продолжал Вовк.— А может, я и уцелел бы. Покаялся бы за хитроумную ту книжечку.

— Ваше счастье,— зло сказал Петлюра,— что мы в Польше, а не у себя дома. Я бы вам устроил свидание с паном Чеботаревым.

— Понимаю,— усмехнулся газетчик,— ни одна держава не может обойтись без палача. Но кат Чеботарев — это не собеседник для мыслителя Вовка-Сироманца...

А тут вошел сам Чеботарев.

— Пан головной атаман,— начал он,— полковник Стеценко не выполнил вашего приказа. Сдал Волочиск... Батько, докладываю: Стеценко трус и изменник. Благослови, батько...

Вовк заговорил первый:

— Высшая политика не признает сантиментов... Она знает один закон — закон джунглей. Трудно было убить первого — кошевого атамана Болбачана. А потом полетели головы верных сынов Украины... Да, я вас, Симон Васильевич, изучаю давно... ваши хуторские концепции еще кое-как годились для борьбы с Керенским. Но с Лениным может бороться лишь человек, мыслящий мировыми категориями... с иной архитектурой ума.

— Когда умолкают пушки, начинают гудеть злопыхатели и болтуны,— ответил Петлюра.— Забыли свою брошюрку? Кто же в ней писал обо мне — «найкрощий син рідного нашого краю»?.. Измена, настоящая государственная измена...

— Это козырный туз всех неудачливых правителей... Все-таки, Симон Васильевич, вам было бы лучше в сутане, нежели в жупане.

На путях загудел паровоз. Все встрепенулись. Но ждали напрасно. Паровоз легионеры Пилсудского пустили под свой эшелон. Тут Петлюра приказал Цебро:

— Летите к «Кармелюку». Пусть хлопцы с панцерником держатся там час или два... пока нам дадут паро-

воз... Послужите мне, пан сотник, еще разок... Помните восемнадцатый год? Ну, с богом, Богдан...

По пути к бронепоезду Цебро заскочил в будку стрелочника. Решил на свежую память записать все услышанное. И записал. Вышел из будки. Направился к мосту, а навстречу бегут рабочие, перешивавшие колею. И гайдамаки с бронепоезда... Кто с внушительным грузом пулемета на плече... кто просто с узлами... Прощай, «Кармелюк»! Что теперь скажет сотник Цебро пану головному?

Состав из шести вагонов, в которых помещалась ставка и несколько министров из гражданского управления, уже стоял наготове. Цебро подумал: «Ну, все, слава богу, в порядке. Хоть и смазали пятки вояки с панцерника, но опасность миновала: состав под паровозом, а паровоз под парами». Но не так думал пан Чеботарев. Цебро за поручни, а контрразведчик уже подсаживает его. И так не снимал руки с пояса, пока не привел в купе головного.

— Батько! — обратился он.— Вот такие повинны в катастрофе. Если ваших, батько, приказов не выполняют адъютанты ставки, то чего ждать от простых старшин? Имею точные сведения — у панцерника и духа его не было. Где-то переховывался. Благослови, батько.

Цебро ждал с трепетом. Его жизнь и судьба зависели от одного звука, даже не звука, а взгляда или движения бровей пана головного. По сути, Чеботарев не врал. К «Кармелюку» Цебро не попал. И, ожидая расплаты, думал о своих заслугах. Дарница, Мотовиловка! А курьерство в дни гетманщины! А зимний поход! А тяжелые бои с большевистской конницей во время советско-польской войны! А отрубленное ухо! А железный крест!

Пан головной махнул рукой.

— Помню,— поведал нам атаман,— в груди — лед, в голове — огонь, в ногах — вата. И тут меня повели: «Прощайся с жизнью, Богдане. Бог тебе ее дал, головной отобрал. От него железный крест, от него и свинцовая пчелка». Из вагона головного вытолкнули, а в пульман Чеботарева втолкнули. Состав тронулся. От всего пережитого за день не заметил, как уснул. Схватился я от крика «Геть!» — это Чеботарев выпроводил из купе караульщиков. Не взглянув на меня, кат присел к столику. Начал писать. Потом взял криво исписанный листок, прочел его содержание: «Меня, сотника Богдана Цебро, подавила военная катастрофа. Кончаю с собой. В моей смер-

ти никого не винить. Хай живе батько Симон Петлюра!» Палач сердито приказал: «Эй ты, пачкун! Перепиши своей рукой, потом подмахни. И хай будет дело с концом...»

Не совладав с собой, выкрикнул я: «Падлюка!» — и двинул кулаком по столику так, что загремели подстаканники, бутылки. Чеботарев откинулся к стенке купе, хлопнул в ладоши. Вернулись подхорунжие. Связали меня, руки туго стянули солдатским ремнем. Я потребовал цигарку. Чеботарев выгнал стражу, воткнул мне в рот папиросу, зажег спичку, дал прикурить, а потом сказал примирительно: «Богдан Петрович! Я считал вас умницей. Вам нужно умереть. Я хоть и не писака, как некоторые, но составил неплохую афишку. Потомки с гордостью будут произносить имя славного сотника Богдана Цебро». Тут головной кат раскрыл серебряную пудреницу, извлек из нее щепотку кокаина и, прижав одну ноздрю пальцем, блаженно затянулся.

«Мне уж терять было нечего,— читал наш комиссар дивизии Лука Гребенюк дневник Цебро.— Я хорошо знал, что от такого ката, как Чеботарев, ни лаской, ни раскаянием, ни мольбой ничего не добьешься. И я заорал: «Гад ползучий! Цебро жил героем и умрет героем. Нас, боевиков, расстреливаешь, вешаешь, а воров-интендантов милуешь. Хоть вояки наши босые и голые, зато у тебя всегда и коньячок, и марафет!» А он: «Заткнись, изменник! Скажи хоть, где ты прятался, пока наши вояки гибли от пуль большевиков? Тоже мне герой — «ке хве т-иль»! Чеботарев словно полоснул меня раскаленным прутом. Прошло столько лет, я ни разу ни от кого не слышал этого, так унижавшего меня, выражения. Но как дознался кат? Как? Против большевистских шпионов — лопух, о каждом из нас он располагал данными аж до десятого колена. «Ну и что, если «ке хве т-иль»! — ответил я.— Дело Болбачана помнишь, пан Чеботарев?» Головной кат встрепенулся. Обрадовался: начинается главный разговор. И в то же время стараясь насладиться муками жертвы, он небрежно произнес: «Очень даже хорошо помню. Это же был не только твой друг, но, как тебе известно, и мой. А документ все же подпиши. Не подпишешь,— черт с тобой. Кокнем и составим акт о самоубийстве. Я у тебя, быть может, первый, а ты у меня тысяча первый...» — «Так вот, тысячу ты проглотил, а тысяча первым подавишься,— сказал я.— Письмо твое к Болбачану помнишь? Оно сохранилось... в надежных руках...»

В помещении стало необыкновенно тихо. Затаив дыхание мы ждали, что будет в дневнике дальше. Но заговорил Цебро.

— Тут пояснить треба. Летом 1919 года кошевой Болбачан метил на пост головного атамана. Вот тем письмом Чеботарев лицемерно обещал наивному заговорщику арестовать Петлюру. Но он же и продал Болбачана. 28 июня 1919 года сам отвез кошевого атамана на полустанок Балин и посек.

«Где письмо?» — зарычал Чеботарев. «У надежного человека.— Я сунул босые ноги меж подушек Чеботарева.— Как только он узнает, что я в твоих лапах, письмо пойдет в ход...» Минут пять молчали. Первым заговорил Чеботарев: «Верни письмо, отпущу на все четыре стороны. Отпущу и дам золотые документы. Для головного атамана тебя уж нет в живых. Да, как сотник Цебро ты умер. Воскреснешь под другим именем. Но не здесь... Подчиню тебе для начала один уезд. А сам будешь подчиняться вице-атаману Подолии Якову Шепелю. Остальное все будет зависеть от тебя. Может, и загремит на всю Украину имя нового борца. На Подолии народ религиозный. Он поверит в боевого вожака — атамана Божью Кару. Ну что, згода?» Я согласился. Это все же лучше, чем валяться с продырявленной головой где-нибудь под откосом на перегоне Подволочиск — Тернополь.

Чеботарев взял двумя пальцами «посмертную записку». Поднес к свече. Когда бумажка сгорела, он заговорил: «Помните. Ни одной подводы зерна, ни одного полена дров большевикам. Жгите склады, ссыпные пункты, пускайте под откос поезда. А там, может, придет время — начнутся настоящие дела. В Европе богатства много, а защищать его некому. Кому-нибудь мы еще будем нужны. Ну ничего,— сказал он на прощание,— эти сукины сыны вышибли нас с Украины в двери, а мы проберемся туда через окно. С богом, атаман Божья Кара!»

...Прошло всего несколько минут, и я всего себя исщипал. Не верил, что нахожусь на чистом морозном воздухе. Не верил, что мне светят ясные звезды с высокого неба, а не тусклый огарок в вонючем чеботаревском застенке... Пусть я буду обманутый в своих лучших чувствах человек. Пусть я буду «ке хве т-иль». Но я не трепач. Как мы и условились, письмо я вернул Чеботареву... Молодец моя Ефросиния: несмотря ни на что, сумела его сохранить! Как будто знала, что им, этим злополучным письмом, будет куплена моя жизнь...»

Дальше шли торопливые записи о встречах то на монастырской пасеке, то у Голубого ставка, то у Самойлова дуба с каким-то Свободным Гражданином, Звездой Спасения, Крутым Рогом, Селянской Местью. Было в записях Цебро и кое-что занимательное. Например:

«1 января 1921 года. Вечер. Глухой хутор. Только не хутор близ нашей Диканьки. Это волчье логово затерялось в лесу между Клопотовцами и Овсянниками. Слава всевышнему, нашлись добрые люди, приверженцы нашего святого дела, дали приют Фросе и малым деткам. Чуть не написал: сироткам. А ведь могло быть и так. И не милостью проклятого врага. Куда бы ни шло. А то милостью того, кому, сто и сто раз рискуя головой, служил верой... Где же правда на нашей земле? Ответствуй же мне, о господи!

Но... Сижу в теплой хате. А завтра чуть свет — в лес, в сырую землянку. Днем и здесь рыскают всякие. Зевок — и вместо землянки подвал Чека... Для них я бешеный волк, которого надо убить, для своих — преступник, давно убитый... Нечего сказать — превеселая жизнь...

Не знают там, за Збручем, что теперь у людей на душе. Верно то, что всем осточертела продразверстка, эта контрибуция, но еще больше всем осточертела война. Ею здесь сыты по горло. Семь лет — не шутка. Люди хотят покоя. Наши головорезы и те говорят: «Начнем кусать мы — пойдут кусать и они. А появится пан головной оттуда, вот тогда ударим. Самогон есть, сало есть, бабы под боком. Посидим, пока тихо...»

А тем, кто за Збручем, подавай что-нибудь сейчас, и не что-нибудь, а погорячее... В политике не очень-то я шибко кумекаю. Но понимаю: чем больше шуму поднимем мы здесь, тем больше цены головному там.

20 марта 1921 года. Майдан Голенищев. Хозяин пчельни принес из города ихнюю «Правду». С Кронштадтским мятежом покончено. Жаль! На него крепко надеялись там, за Збручем. Надеялись и мы. Думали — конец нашей собачьей жизни. Еще с одним фронтом разделалась Москва. Даже не верится, как им везет».

Одноухого сотника Цебро вместе с другими, захваченными на голенищевской пчельне — этом бандитском гнезде,— петлюровцами мы отправили в Винницу не в тот же день, а спустя сутки. Потребовалась целая ночь напряженной работы, чтобы снять хотя бы приблизительную копию с дневника атамана. Не будь этого (и некоторого

труда автора), пропала бы для читателя сий краткая и, очевидно, своеобразная исповедь.

ТРЕВОГА

Бунт «золотой орды»

Осенью 1921 года на Подолии, в непосредственной близости от румынской границы, под руководством Михаила Васильевича Фрунзе впервые после гражданской войны были проведены крупные военные маневры. В них приняли участие корпус червонных казаков Примакова и бригада Котовского, вернувшаяся после разгрома антоновских банд на Тамбовщине.

На маневрах очень хорошо показали себя героические дивизии Красной Армии:

25-я Чапаевская, прославившаяся в боях и на Волге, и на Днепре. В ее рядах сражались Чапаев, Фурманов, Кутяков, Бубенец;

24-я Ульяновская, созданная на Волге большевиком Гаем из крепких самарских пролетариев;

41-я, выросшая из партизанских отрядов Одесщины, Херсонщины. Ее водили в бой знаменитые начдивы Саблин, Осадчий;

44-я, с ее легендарными богунскими и таращанскими полками, выдвинувшими таких крупных военных вожаков, как Щорс, Дубовой, Квятек;

45-я, бессарабские полки которой под командой талантливого полководца и героя гражданской войны Якира внушали страх румынским боярам;

58-я, созданная знаменитым начдивом Федько из партизанских отрядов Таврии;

60-я Черниговская, начавшая боевой путь под командованием большевика-черниговца Кропивянского.

Удары этих дивизий хорошо знали враги и за Днестром, и за Збручем. И особенно памятными были для них клинки червонных казаков. Подольские маневры еще раз напомнили забывчивым соседям о том, что не иссякли ни мощь, ни революционный порыв рабоче-крестьянских полков.

Наш 7-й полк двигался старинным казацким трактом, вдоль которого с двух сторон тянулись ровные шеренги полевого клена. Охваченная осенним багрянцем листва тихо шелестела над нашими головами. Широкие стволы

кленов казались обтянутыми мышастым каракулем — так тщательно и скрупулезно природа отработала мелкие складки их коры.

Сорванные ветром остроконечные, фигурной резьбы, желтые листья шуршащим ковром стлались под копытами лошадей. Настроение у казаков было приподнятое. Стараясь перещеголять друг друга, сотни пели любимые песни. Над подольскими полями неслись мелодии родной Украины, суровой Прибалтики, грозной Кубани, далекой Башкирии. Не играл только наш полковой оркестр. Адъютант Ратов в хвосте штабной колонны раздраженно объяснялся с Наконечным. Вскоре Ратов, подъехав к нам, доложил:

— Капельдудка требует спирт, говорит — много пыли, заело клапана.

Климов, насупив густые брови, придержал коня. Подозвав Наконечного, что-то сердито ему выговаривал. Затем трубачи довольно неохотно взялись за инструменты. В местечко Маков мы вступили под звуки того самого «эксбирибиндинского марша», за который шустрый Скавриди пытался сорвать с адъютанта лишний комплект «робы». Экзотическая мелодия представляла собою не что иное, как переделанную на маршевый ритм вульгарнейшую песенку «Моя мама-шансонетка по ночам не спит».

Вечером в просторной школе негде было упасть яблоку. Проводилась встреча маковских комсомольцев с казаками полка. Но открытие торжества задерживалось: не пришли музыканты.

— Тянул я на Волге-матушке реке бечеву. И все же бурлацкая лямка не выкопала мне ямки. А из-за этих арапов-дудочников,— нервничал Ратов,— адъютантская лямка натерла мне холку похлеще бурлацкой. Плюну на все и пойду в строй.

Трубачей все же уломали. Перед открытием, по установившейся традиции, они сыграли «Интернационал». Но... во время доклада Климова трубачи по одному покидали помещение и больше не возвращались. С высоты трибуны комиссар все с большей тревогой смотрел на пустые скамейки, где сиротливо лежали громоздкие басы, корнеты и кларнеты, флейты и валторны.

Выскочил из школы и Ратов, но спустя полчаса вернулся с раскрасневшимся лицом и злыми глазами: музыкантов не разыскали. И все же веселье шло полным ходом. Выступили затейники. Поднялись на сцену гармонисты из первой сотни, к ним пристроился со звонким бубном одноглазый Семивзоров. Молодежь весело танцевала под этот

традиционный походный оркестр. И хотя никто и словом не обмолвился о случившемся, отвратительная выходка трубачей оставила у всех участников встречи неприятный осадок.

Нам было ясно, что разговоры будут. Будут они и среди наших бойцов, и среди населения Макова. Об этом «бунте музыкантов», пороча Красную Армию, забьют во все колокола и там, куда лишь рукой подать,— за кордоном, на румынской стороне.

Глубокой ночью казаки, был среди них и Семивзоров, привели зачинщика. Нашли его в халупе какой-то солдатки. Наконечный, как всегда, держался развязно.

Когда Климов в гневе заявил: «В военный трибунал халтурщиков!» — он, посмеиваясь, ответил: «А все же наша взяла».

Это переполнило чашу. Всегда сдержанный питерец заскрипел зубами. Вот тут-то из мрака раскрытой прихожей вынырнул Семивзоров. Со словами: «Ты, субчик, и в штабу горазд кобениться!» — взмахнул рукой. Пьяные ноги не держали Наконечного. Пошатнувшись, он наступил дежурному Гусятникову на больную мозоль. Вскрикнув, взводный резко оттолкнул прощелыгу. Чувствовалось, что этим он дал разрядку всей злобе, накопившейся против рвача-музыканта.

Утром меня вызвали в штаб дивизии. Не зная причины вызова, я доложил начдиву о случившемся.

— После разберем,— сказал Шмидт,— сейчас летите в полк. Готовьте людей. Нас будет смотреть сам Фрунзе.

Обратная дорога была совсем невеселой. Как выводить часть? Если трубачи артачились накануне, то станут ли они играть сегодня, когда представлялся такой подходящий случай насолить всем нам? Вывести головной полк дивизии без музыкантов, в то время когда в других полках на их правых флангах будут стоять трубачи, заранее предвещало скандальный провал...

Вот и Маков... Казак Семивзоров, прохаживаясь вместе с псом вдоль стен обветшалой клуни, звучно откашлялся. Повел единственным глазом в сторону высоких ворот помещения:

— Они, товарищ комполка, видать, и тут не дрейфят...

И в самом деле, сквозь плетеные стены снопохранилища доносилось дружное гудение голосов и залихватский звон походного бубна.

Но для меня пришла весна,
Не для меня придет и лето...

Я переступил порог. Дирижировал Скавриди с помощью початка кукурузы.

Плоскостоп-барабан, со следами арбузного сока вокруг рта, выстукивал на бубне походную дробь, напевая «гильдейский гимн» барабанщиков:

Крала баба деготь,
Крала баба деготь,
Крала легкий табачок...

— Антракт! — Скавриди порывисто встал.

— А вы духом не падаете, ребята! — обратился я к трубачам.

— С полным брюхом нечего падать духом,— насупившись, ответил Скавриди и указал рукой на нетронутый арбуз и груду кукурузы. Повернулся к землякам: — Слышите, братва, мы уже не товарищи, а только ребяты.

В голосе корнетиста послышались примиряющие нотки. Очевидно, он понял, что дело приняло нешуточный оборот.

— Товарища вам еще надо заслужить. А пока вот что. Полк выступает. Нас будет смотреть командующий войсками Украины и Крыма товарищ Фрунзе. Ступайте к дежурному за папахами, поясами, берите инструменты. Умойтесь и — по коням. На сборы — полчаса!

— Не поедем! — первым откликнулся плоскостоп-барабан.

— То — марш на губу, то — пожалуйте в седло! — зло выпалила флейта-рахитик.

— Пусть вам играет Хаим Клоц. В этом затрушенном Макове есть такой знаменитый цуг-тромбон, он наш, одесский,— сказал долговязый бас.

— Или этот одноглазый Семивзоров со своим нахальным бубном,— добавила вечно жаловавшаяся на грыжу валторна.

— Хорошо звенят бубны, да плохо кормят,— отрезал Скавриди и раздумчиво добавил: — Да, об играть не может быть и речи.

Караульщик, услышав сквозь плетеные стены свою фамилию, вошел в помещение. Забрал у барабанщика бубен:

— Жили мы без вас досюда и далее обойдемся без вас. Соберу я сам нашу казацкую музыку, и выступим. Случается таковская ерундиция — артель объедается слив. То

и дело хватается за штаны. Им не до струмента. Так и доложите начдиву, товарищ комполка. Вам поверют, потому как понимают их жадность. Гляньте только: сколь кавунов в одночас налупила обжорная команда. А пшенки? Это же наипервеющий солдатский провиант!

Я добавил:

— С теми справками, что вы получите, вас нигде не примут. Поедете в Одессу? Но мы напишем и туда, напишем, Скавриди, твоей мамуне Афине Михайловне, пусть узнает одесская пролетарка-прачка, какой у нее замечательный сынок. Напишем мы, Афинус, и на твою Арнаутскую улицу. Посмотрим, как вы там весело запляшете. Вот сегодня все раскусят вас — трубачи вы или в самом деле «золотая орда».

Скавриди нагнулся, поднял сухую былинку, взял ее в рот. Наконец процедил:

— А с нашей капельдудкой что сделали! Мало казачня наклепала, так одноглазый еще в штабе добавил.

— Выйди только отсюдова, а этот зверь Прожектор кинется на нас со своим казацким канчуком,— пробубнил плоскостоп-барабан.

Заверив трубачей, что их никто не тронет, я сказал:

— Шевелитесь. Времени в обрез. Ведь лучше сесть на коня, чем на скамью подсудимых.

— Не имеете полного права! Мы не военнообязанные.

— Мы белобилетчики.

— Служим по договору.

— Я плоскостоп.

— У меня в детстве была скарлатина.

— Хватит, бросьте свой акнчательный шухер,— строго распорядился Скавриди.— Будем, братва, мозговать. Что скажешь ты, клепаный? — непочтительно обратился Афинус к капельмейстеру.— Повернись, Кузя, до людей своей личностью. А то, как слон Ямбо, надул свой разрисованный хобот и не подает никакой интонации.

Наконечный поднялся, стряхнул с широких галифе соломинки и направился к выходу. У порога остановился:

— У меня осталась только одна вариация — я иду. С какими глазами — один бог знает. А вы, гицели, как хочете. Скажу вот что: заварили мамалыгу все, а давиться ею будет один Наконечный...

Наступило тягостное молчание. Нарушил его властный голос Скавриди:

— Братва! Вы слышали такое: «Кавалерия без оркестра — пароход без трубы»? Так вот — кончилась увертюра ля-мажор. По-ехали!

Это была капитуляция, но пока неполная... Афинус зло процедил:

— Ладно. Выступаем. Знайте — мы не «золотая орда», а натуральные трубачи, и мы будем жалеться товарищу Фрунзе.

— Это ваше право!

Семивзоров, слегка позванивая бубном, сделал шаг вперед. Строго спросил:

— Так у вас еще достанет совести ябедничать? Клопа не трогаешь — он кусает, а тронешь — завоняет. Кто же вы опосля этого: люди или клопы?

— Обязательно надо пожалеться,— раздались голоса музыкантов, покидавших темную клуню.

Семивзоров, широко расставив кривые ноги, со злорадной усмешкой смотрел на пестрые от арбузного сока лица трубачей.

— Что, архангелы, доигрались? — с ехидством поддел он штаб-трубача.

Скавриди даже не поморщился:

— Заткнись, жаба кривоглазая. Не зря ты такой, бог всегда шельму метит.

Прожектор схватился было за плеть. Ощерился волкодав Халаур.

— Ну, ну, Алеша, ша! Возьми полтоном ниже! Языком что угодно, а рукам воли не давай,— в решительной позе застыл музыкант.— Я и самолично могу сыграть соло на твоей жеребячьей спине.

— Эх ты, Сковородка, зря лаешься,— ответил казак.— Знаешь, мне тебя откаючить — раз плюнуть. Так ты платишь добром за добро. Кто вам, аспидам, припер кавуны? Пшенки подкинул? Кто вам бубна своего не пожалел?

«Держать порох сухим»

Вся 2-я Черниговская червоннобазачья дивизия построилась на широком плато за Маковом. Нежаркое солнце освещало огромное поле, покрытое высокой золотистой стерней.

За нашими спинами, на крутых косогорах Приднестровья, синела сплошная гряда темных лесов, а перед нами, отчетливо видные с высокого плато, подернутые голубой дымкой осеннего утра, где-то за Каменцем, по ту сторону

границы, простирались низины захваченной румынами бессарабской земли.

Слева, из-за кромки плато, на котором в ожидании смотра замерло несколько тысяч нетерпеливых всадников, торчали островерхие шпили стройных тополей и сверкал на солнце золотой купол маковской церкви.

В том же направлении, в полукилометре от нас, занимая огромную площадь, спешенная, стояла наша старая, 1-я Запорожская червоннопоказачья дивизия. Ее полки, сдав экзамен командующему войсками Украины и Крыма, отдыхали. Только что закончилось двухчасовое конное учение. Пришел наш черед.

Командир корпуса Примаков еще раньше, когда планировалась программа смотра, говорил: «Пусть наши старики увидят и оценят новых боевых друзей». И получилось, что нам, то есть 2-й дивизии, предстояло отчитываться не только перед командующим, но и перед ветеранами Червонного казачества.

Фронт нашей части как раз приходился против спешенной линии 6-го полка. Узнавая издали соратников, думал, вот-вот увижу чубатую голову Очерета. Но после узнал, что Семен, заслужив отпуск, уехал в Бретаны.

Осматривая полки 2-й дивизии, прославленный большевик-полководец проехал вдоль их развернутого фронта на прекрасном арабском скакуне. Небольшая темная бородка Михаила Васильевича Фрунзе, его крепкая посадка в седле, яркие нашивки — «разговоры» — на гимнастерке придавали ему богатырский вид.

Меня все время угнетала мысль: что же мы, командование полка, скажем ему в ответ на жалобу трубачей? Но... за все время существования нашей «золотой орды» трубачи ни разу еще не играли с таким рвением, как сегодня. И ни один из корнетов всех шести полковых оркестров нашей дивизии не звучал так мелодично и трогательно, как корнет Афинуса Скавриди.

Начался смотр. В течение двух часов, вздымая густые тучи пыли, носились наши полки по широкому полю, совершая по сигналам начдива наисложнейшие перестроения.

Затем показывали командующему действия казачьей лавы, которые сверх учебной программы были отработаны только нашим 7-м червоннопоказачьим полком. По знаку обнаженного клинка, то есть по немой команде, сабельные сотни на разгоряченных после бешеной скачки конях разлетелись во все концы необозримого поля. Взмах клин-

ка — и подразделения рассыпались в редкую лаву, оцепив огромную территорию зыбким подвижным ожерельем. Еще команда, поданная клинком,— и кони, послушные поводу и шенкелям, сгибая колени, плавно падают на бок. Казаки, растянувшись на колючей стерне, из-за живых укрытий «открыли огонь».

И снова по взмаху клинка поднялся строй лавы, редкое ожерелье сгустилось в плотные линии, затем перестроилось в развернутый фронт и понеслось в сокрушительную атаку на условного противника, оглушая все живое могучим казачьим «ура».

После атаки мы вновь заняли свое место на правом фланге дивизии.

— Спасибо, товарищи, спасибо, друзья! — как-то поотечески прозвучали простые, задушевные слова командующего.

Затем Фрунзе повернулся к Шмидту и, улыбаясь, громко сказал:

— Да, Дмитрий Аркадьевич, казачьи кони — не цирковые моржи. Показать бы их Дурову! И он бы позавидовал.

Приблизились к нам и многочисленные спутники Михаила Васильевича. Впереди всех на малорослом коне ехал Дмитрий Захарович Мануильский — секретарь ЦК Компартии Украины. Его лицо было взволнованно, а глаза слезились.

Шмидт шепнул нашим казакам:

— И разволновали же вы, товарищи, Мануильского. Он сказал, что такое видит впервые.

На моей душе было радостно и в то же время тревожно. Вот-вот, думал я, выступит из строя кто-либо из трубачей. А тут не только командующий Фрунзе, вместе с ним — секретарь ЦК, замкомвойск Эйдеман, комкор Примаков, комбриг Котовский и другие военачальники. Тревожное чувство не покидало меня.

Начался парад. Весь конный корпус под бодрые звуки сводного оркестра прошел торжественным маршем мимо командующего войсками Фрунзе. Это было зрелище, перед которым меркло все: и разные невзгоды, и личные неприятности.

Но вот закончился и парад. Михаил Васильевич уехал. С Маковского плато, распевая веселые песни, тронулись во все стороны к местам стоянок конные полки. На холмике, мимо которого недавно еще проходили колонны конницы, собрались вызванные Примаковым командиры и комисса-

ры. Приятно было увидеть среди них Евгения Петровского, теперь уже комбрига, и Альберта Генде, командира 2-го полка. Партия создавала командные кадры из опытнейших политработников.

О чем-то беседуя, стояли живописной группой наши дважды краснознаменцы: Примаков, Демичев, Шмидт, Григорьев, Бубенец. Был там и комиссар корпуса Минц. Комкор, обращаясь то ко всем нам, то к Шмидту и Гребенюку, сказал:

— Хочу от имени командования корпуса и, если позволите, товарищи, от имени старых червонных казаков поздравить и Шмидта, и всю вторую дивизию с удачным началом. Товарищ Фрунзе высоко оценил выучку обеих дивизий. Будем надеяться, что новая дивизия не уступит старой ни в чем. Но нельзя забывать, что наши успехи не дают покоя врагу...— Примаков говорил спокойно, уверенно, не торопясь, взвешивая каждое слово, рассчитывая каждый жест.— Недавно перехвачен приказ Тютюнника атаману Левобережья Левченко. Петлюра распорядился к первому августа закончить подготовку к всеобщему восстанию. Правда, теперь уже сентябрь, а восстания нет. Но быть начеку надо. Так вот, приказано атаману Левченко разрушить железные дороги, взорвать кременчугский мост, захватить Полтаву и Харьков. Для оповещения и связи Тютюнник рекомендует пользоваться телефоном, подводами, церковными колоколами и факелами на возвышенных местах... И это нам надо знать. А еще раньше под крылышком пана Пилсудского состоялся в Варшаве слет нечистой силы. Это было семнадцатого июня. Обсуждался план похода на Украину. Борис Савинков, которого петлюровцы считают монархистом, а монархисты — большевиком, подчинил Тютюннику свою организацию — «Союз защиты родины и свободы». От Пилсудского приветствовал этих бандитов его адъютант Девойно-Сологуб Есть сведения, что Тютюнник уже создал партизанско-повстанческий штаб. Расположил он его в санатории Кисельки под Львовом. Много ценного сообщили нам пойманные второй дивизией атаманы. Кое-что добыли и люди Заковского[1]. Один из них недавно под видом курьера атамана Заболотного гостил у Тютюнника в Кисельках. Нам, конникам, в первую очередь надо держать порох сухим и клинки наготове. Верю: справимся мы со всей нечистой силой, как наш Петя Григорьев справился с Махно. Ведь

[1] Л. М. Заковский был председателем Подольской губчека.

и на гуляйпольского батька крепко надеялись в штабе пана Пилсудского. А теперь слово имеет комиссар.

Бойцы корпуса хорошо знали своего комиссара. Минц попал в Червонное казачество в период перехода от войны к мирной жизни. Этот процесс сам по себе был не столь безболезненным. Да и те мирные дни походили больше на боевые. Нэп кое-кого застал врасплох. Речь не о тех, кто, подобно Долгоухову, заливал скуку вином. Таких в корпусе было очень мало. Но находились среди нас неплохие товарищи, которые считали нэп лишь только отступлением, видели в нем конец их прекрасным мечтам. А военком Минц, сплотив коммунистов корпуса, говорил маловерам, куцым мечтателям, что самый большой мечтатель в партии — это Ленин, но он же в ней и самый большой реалист. И доказывал партийным и беспартийным казакам, что нэп – это трамплин для скачка вперед, перегруппировка сил для нового наступления.

И теперь, взяв слово, Минц говорил о том, что уже успела дать Советской власти новая экономическая политика.

— Капиталисты считают, что нэп — это результат нашей слабости. Нет, это свидетельство нашей силы. Лишь сильный может позволить себе такое отступление. Отступление, конечно, временное. Ошибочная оценка этого нередко приводит к безрассудным шагам. Поэтому скажу вдобавок к тому, что сказал командир корпуса: держите порох сухим, а сознание ясным...

После выступления комиссара Примаков обратился к комбригу Григорьеву:

— Петр Петрович, расскажи, как твои казаки добивали батьку Махно. Ваш опыт может пригодится товарищам.

Среднего роста, худенький, с темным, загоревшим лицом, поднялся лежавший на траве комбриг Григорьев.

— Что я вам скажу, товарищи,— переступая с ноги на ногу, начал он свой интересный рассказ, который закончил словами: — Они бросились в яростную атаку, но и наши хлопцы шибко разъярились. Не пощадили никого. Убежал лишь Махно с кучкой приближенных. Пулеметы, обоз достались нам. Взяли знамя... Ходил тогда с нами и замкомвойск Эйдеман. Ему и передали эту черную «святыню» махновцев...

К сожалению, в некоторых исторических трудах и кинофильмах искажается правда о разгроме Махно. При чтении таких работ и просмотре таких фильмов поневоле

возникает в памяти образ дореволюционного полтавского мороженщика Романова. Стаканчик с трехкопеечной порцией мороженого он подавал с «шапкой», но зато внутри посудины было полно «фонарей».

Исторические труды с солидными «шапками», но изобилующие «фонарями», не давая правдивого описания событий, вызывают лишь чувство досады.

Нигде еще не сказано — а сказать надо,— что войско Махно перестало существовать в результате энергичных действий истребительного отряда червонных казаков комбрига Петра Григорьева (комиссар Александр Сашков).

В Литине, еще до маневров, мы получили следующий документ:

«ПРИКАЗ

по 2-й (17-й) кавалерийской дивизии Червонного казачества

г. Летичев 8 августа 1921 года

№ 052

§ 1. Объявляется приказ командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма № 1928 от 16.7 с. г.

Почти все истребительные отряды, выделенные для ликвидации Махно, действовали нерешительно... Исключение в том отношении составил отряд т. Григорьева, неотступно преследовавший банду... Приказываю всех отличившихся вместе с командиром отряда Григорьевым представить к боевым наградам. Командвойск Украины и Крыма Фрунзе. Начальник штаба Сологуб.

§ 2. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах и ввести в действие по телеграфу».

За окончательный разгром банды Махно 48 командиров и казаков 1-го полка, в том числе и комбриг П. П. Григорьев, были награждены орденом Красного Знамени. Из награжденных ныне проживает в Москве Андрей Иванов, вынесший с поля боя смертельно раненного комиссара полка Ивана Кулика, и в Ялте до недавнего времени жил Петр Скугаров, бывший помкомиссара полка.

Григорьев, рассказывая о схватке с Махно, упомянул своего брата Павла. Зарубил его махновский сотник Пивень. Их, Пивней, было два — старший и младший. Служили у Петлюры, затем, поняв, куда клонится победа, пе-

решли к красным. Старший еще долго донашивал петлюровский синий жупанчик. Казаки, изучив его слабость, шутили: «Пивень, конечно, птица не водоплавающая, а водкоплавающая».

В Горловке в феврале 1920 года оба Пивня ограбили шахтерскую кассу. Уличен был младший. В Горловке же его расстреляли. Старший попробовал было взбунтовать казаков. Когда был отдан приказ о выступлении, кое-кто стал шуметь: «Сначала надо похоронить человека». Григорьев скомандовал: «Кто хочет бить Деникина — со мной, кто хочет хоронить бандита — оставайся». Все пошли за комбригом. Спустя неделю в районе Гуляй-поля старший Пивень перебежал к Махно. Прошло больше года... На поле боя под Хорунжевкой махновский сотник Пивень носился на коне с криком: «Даешь Григорьева!» Искал он Петра Григорьева, а налетел на Павла. Зарубил его, но тут же был посечен казаками 1-го полка...

С Маковского плато мы вернулись в полк под вечер. У штаба, кого-то поджидая, стоял скучноватый Скавриди. Когда Бондалетов, забрав лошадей, увел их во двор, штаб-трубач подошел ко мне. Кусая губы, с дрожью в голосе сказал:

— Мы думали, что наша беда — это все, а полк — это так себе, мелочь. Сейчас мы поняли: полк — это таки да — все, а наша беда — тьфу, пустяковина. И мы не потеряли еще совести своим визгом портить людям такой праздник. И пусть не думает Прожектор — не клопы мы, а люди! Братва постановила молчать! — закончил Скавриди.

Наконечный из полка уехал. На его место мы нашли скромного и знающего свое дело товарища.

«Подарок» пана Пилсудского

После осенних маневров войска вернулись к местам прежних стоянок. Наш полк снова разместился в Литине и в окружающих его селах. Началась обычная воинская жизнь.

Казаки несли службу, вылавливали в лесах петлюровских головорезов, помогали крестьянам в уборке хлеба. На овсе нового, богатого урожая быстро поправлялись наши кони.

Но осенняя благодать длилась недолго. Нэп и голод в Поволжье вскружили кое-кому голову за рубежом. Науськиваемая Парижем и Лондоном, подозрительно копо-

шилась военщина по ту сторону Збруча и Днестра. Недобитые паны атаманы, «рыцари разбойного промысла», вынашивали новые планы вторжения на Украину. В зарубежной печати открыто писалось: «Петлюра готовит поход», «Ему обеспечена помощь Запада». А пан Скирмунт — министр иностранных дел в правительстве Пилсудского — в ответ на предостерегающие ноты Москвы и Харькова заверял, что петлюровщины в Польше не существует, что слухи о новом ее походе ложны.

Тем временем генерал-хорунжий Юрко Тютюнник, как стало известно потом, потрясая письмом Мордалевича, всячески торопил Петлюру:

— Что же, пан головной атаман, будем ждать, пока все наши вожаки переметнутся? Волынить, пока большевистская зараза не заберется в Калиш, Ланцуту, Стрижалково, в казацкие таборы? Мало Мордалевича, Братовского? Тянуть, пока провалится новый атаман Крюк? С кем мы тогда подымем Украину?

В Тернове — петлюровской зарубежной «столице»,[1] в главной резиденции головного атамана, в гостинице «Бристоль», Братовский слышал о каком-то таинственном атамане Крюке. Но когда он спросил о нем Чеботарева, тот запретил ему допытываться, кто такой Крюк и в какой зоне он атаманствует. Видать, на эту птицу делалась серьезная ставка, если даже ответственным агентам не положено было о нем знать. «Кто бы это мог быть?» — ломал себе голову резидент пана Флёрека и Чеботарева, рассказывая нам обо всем этом.

Тревога генерал-хорунжего, долго вынашивавшего безумный план похода на Украину, не была напрасной. Сведения с Правобережья говорили о многом. Народ уже давно не слушает призывов «самостийников».

Жители Подолии поняли, что новый курс советской политики дает им и мир, и возможность спокойно работать. Все чаще само население вылавливало бандитов или же, как это случилось в Гранове с Максюком, раскрывало их местонахождение.

Некоторым атаманам опротивела паразитическая звериная жизнь. Были среди петлюровских вожаков и вы-

---

[1] Столицами «самостийников» последовательно были: Киев, Винница, Каменец-Подольск, Ровно, Радзивиллов, Золочев, Тернополь, снова Каменец-Подольск, а затем уже последняя — Тернов.

ходцы из народных низов. Вскоре многие явились с повинной — Мордалевич, Кундий, Бузлик. Застрелился атаман Лихо. В Богуславском уезде сдался атаман Лапаперда.

Обострились раздоры в лагере петлюровцев. 12 июня 1921 года газета «Вперед» писала в заметке «Крик наболевшей души», что в лагерях Пилсудского гайдамаки требуют покончить с внутренними раздорами, политиканством кучки узурпаторов, произволом контрразведки, которая любого может признать виновным и отправить в «лагерь смерти» Домбье. Единственным и страстным желанием многих петлюровских солдат, судя по этой заметке, было — вырваться из лагерей, чтобы наконец вернуться к своему очагу и к труду на родной земле.

В такой обстановке Тютюнник настойчиво торопил шефа скорее начать новый поход.

Советское правительство, обеспокоенное недвусмысленной возней в эмигрантском болоте, потребовало удаления из Польши всех сеятелей смут. Тогда вновь откликнулся пан Скирмунт и лицемерно заявил, что в октябре будут высланы за границу Савинков, Петлюра, Тютюнник, Булак-Булахович. И что же? Они в самом деле были высланы... только не через западную, а через восточную границу Польши, и не в одиночку, а во главе довольно «веселой компании».

В то время, когда полки Червонного казачества, охватив огромную территорию, помогали крестьянам в уборке хлеба, Петлюра, послушный воле хозяев, 17 октября 1921 года дал Тютюннику директиву о выводе из Польши и Румынии в «назначенные места» Украины специально созданных военных отрядов. Вокруг них надлежало собрать все банды Правобережья, а также «особое» войско атамана Крюка.

Шесть дней спустя, 23 октября 1921 года, Тютюнник, ретивый вояка и верный слуга Петлюры, состряпал «Приказ № 1». В нем указывалось, что он, Тютюнник, вступает в командование повстанческой армией Украины, а полковник Юрко Отмарштейн назначается ее начальником штаба. Для того чтобы держать в курсе событий варшавских хозяев, создавалось пресс-бюро при львовской экспозитуре 2-го отдела польского генерального штаба.

В этом же приказе генерал-хорунжему Янченко предлагалось сформировать в районе Костополя Киевскую дивизию вторжения, пополнив ее гайдамаками, прибывшими из казацких лагерей, а полковнику Палию — создать По-

дольский отряд из контингентов, собранных в Копычинцах (Галиция).

Для снабжения будущей армии вторжения назначалась комиссия в составе председателя Архипенко, полковника Пересала и поручика Нестеровского.

Распоряжением свыше к главарям «самостийников» были прикомандированы ответственные эмиссары Пилсудского: к Тютюннику — майор Флёрек, начальник львовской экспозитуры, а к полковнику Палию — поручик Шолин, начальник гусятинского постерунка.

Залить кровью Украину, отдать ее на погром и разграбление шляхте — вот чего хотели лакеи Пилсудского.

Не зря торопилась желто-блакитная клика. Под воздействием новой экономической политики, под ударами красноармейцев и чекистов рушились в Прикордонье бандитские гнезда. Из рук Петлюры был выбит важный козырь, на котором строились расчеты «самостийников». Еще в январе 1921 года под Каневом Махно похвалялся перед Ипполитой Боронецкой, что он к осени появится на Правобережье, чтобы вместе с петлюровцами захватить Киев. Но анархо-кулацкое войско перестало существовать.

Разбитый в открытом бою червонными казаками, Махно с кучкой преданных ему людей улизнул, уйдя через Днестр в Румынию, а оттуда в Париж.

Но одного еще не знали там, за рубежом. Благодаря бдительности советских людей был бит и другой козырь Петлюры. Чекисты напали на след петлюровского неофита, того, кого там, за Збручем, называли условным именем Крюк.

Наступила глубокая осень. Основные полевые работы давно закончились, но копычинскому помещику пану Баворовскому и его соседям кулакам вдруг понадобилось большое число батраков. Выручил шляхтичей начальник гусятинского постерунка пан поручик Шолин. Первую партию в количестве 225 человек он доставил 17 октября из Калишского табора для интернированных петлюровцев. Спустя несколько дней прибыла в Копычинцы и вторая группа в составе 655 «сезонников».

Таким образом, в Копычинцах, вблизи границы, очутилось несколько сот рослых, крепких, прошедших сквозь огонь и воду стрельцов и конников — отпетых голов, долго и упорно с оружием в руках боровшихся против рабочих

и крестьян Украины. Добрую половину «сезонников» составляли безработные петлюровские офицеры-старшины.

Эти «батраки»-гайдамаки — бывшие хозяева богатых хуторов, которые теперь снились им там, за колючей проволокой в Калише,— трудились у помещика недолго. Пахали ли они землю, молотили ли пшеницу или копали свеклу — неизвестно. Известно то, что всем им раздали винтовки, любезно доставленные паном поручником Шолиным из армейских цейхгаузов.

Принимал оружие от представителя Пилсудского «десятник» Масловец — адъютант полковника Палия-Сидорянского.

22 октября в сопровождении корреспондентов явился из Львова пан поручник Ковалевский. Нанеся визит вежливости Шолину, вызвал к себе Масловца. Принял его не в четырех стенах кабинета, а прямо на площади, в присутствии большого числа копычинских граждан. Изобразив на лице гнев, Ковалевский потребовал, чтобы интернированные, «самовольно» покинувшие казацкие лагеря, в 48 часов оставили территорию Польши или же снова убирались за колючую проволоку.

Всенародно продемонстрировав «возмущение», пан поручник уехал во Львов, а «десятник», отмеченный высшей петлюровской наградой — «зализним хрестом» за участие в первом зимнем походе [1], усмехнувшись про себя, приступил к усиленной муштре «батраков»-гайдамаков, готовя их к новому походу.

24 октября явился из штаба Тютюнника полковник Михаил Палий, тот самый, который год назад препирался с Очеретом через Збруч. Тот самый, который весной 1919 года со своими головорезами из «куреня смерти» охранял в Виннице ставку головного атамана. Теперь он уже сам руководил строевыми и тактическими занятиями. Шолин пригнал откуда-то несколько десятков лошадей, и Палий, кавалерист по прошлой службе, приступил к сколачиванию конного подразделения. Вскоре Подольский «специальный» отряд, о котором писал бесславный атаман в своем приказе № 1, был готов.

Вечером 25 октября отряд Палия перешел в пограничный лес, к востоку от села Городница. Пока с белопольскими пограничниками уточнялось место переправы, полуголодные, плохо одетые диверсанты, прячась в кустар-

---

[1] Так петлюровцы называли бандитские действия Тютюнника в тылу Красной Армии зимой 1919/20 года.

никах от пронизывающего ветра, снега и дождя, подняли ропот. Многие — об этом нам поведали пленные и перебежчики — хотели вернуться в Калишский табор. Когда они потребовали теплую одежду, начальник гусятинского постерунка пан Шолин нагло им ответил:

— У кого в руках карабин, у того на плечах будет и кунтуш. Ничего, Украина ваша богатая!

В связи с непогодой среди петлюровцев, отвыкших от тягот походной жизни, появились больные. Шолин прикомандировал к банде фельдшера Георгия Шлопака — польского шляхтича, соблазнив его возможностью поживиться за Збручем.

Палий, опасаясь срыва старательно подготовленной операции, поднимал дух бандитов, рисуя им яркие перспективы:

— Кто сегодня рядовые, завтра все чисто будете хорунжими, хорунжих ждут знаки сотника, а сотников — знаки полковника. Столько терпели, потерпите еще трохи...

В ночь на 28 октября распоряжением Шолина был отведен в тыл пограничный пост, занимавший плотину у села Козина. Бандиты начали переправляться через Збруч. Снарядился с Палием и эмиссар Пилсудского — поручник Шолин.

Диверсанты называли себя «повстанческой армией Украины», но жители Подолии метко окрестили иностранных наемников запроданцами. Палиевцы надеялись найти здесь радушный прием и распростертые объятия, но их встретило презрение народа и ждали клинки советских конников. Честь ликвидировать специальный отряд запроданцев выпала нашему 7-му червоннoказачьему полку — полку «конных марксистов».

30 октября, ровно через неделю после тютюнниковского приказа, в полдень, на взмыленном коне прискакал из Винницы в Литин запыленный разгоряченный всадник. Это был прикомандированный к штабу корпуса наш связной — бывший камеронщик из Кривого Рога Гусятников. Пометка на доставленном пакете «аллюр +++», обозначавшая чрезвычайную экстренность сообщения, встревожила всех нас.

Повторяя про себя известный девиз кавалеристов: «Горячее сердце, холодная голова», я не без волнения вскрыл пакет. Неужели вновь появился давно уже исчезнувший из нашего района Шепель?

Но сейчас дело было не в Шепеле. Командир корпуса Примаков, пославший гонца в Хмельник к Шмидту, ставил в известность и нас о переходе через кордон петлюровцев и требовал немедленного выдвижения 7-го полка к Луке Барской — в район сосредоточения 2-й червонноказачьей дивизии.

Наши сотни располагались кольцом вокруг Литина. Афинус получил приказ трубить тревогу. И вот надо было видеть, с каким рвением он, вскочив на чалого Стригунка, крепко зажав в одной руке поводья, в другой — трубу, на широком галопе носился по улицам города и окрестным селам.

Высокие ноты сигнала, знакомые всем кавалеристам своим электризующим крещендо, зазвучав вначале на городской площади, через несколько минут уже подымали все живое за рекой, в Селище, чтобы вскоре зазвенеть на подступах к литинским хуторам.

Тревогу трубит, скорей седлай коня...

Подхваченный сотенными горнистами, сигнал боевой тревоги в несколько минут поднял наших людей. На литинской площади строились подразделения. Люди в полной боевой выкладке, с задними и передними вьюками на седлах, снарядились в длительный и серьезный поход. Неоднократно до того полк вызывался по тревоге, но ни разу не приходилось видеть такой собранности сабельных сотен и такой сосредоточенности на лицах бойцов.

Семивзоров попал посыльным в штаб. Проезжая мимо комиссара на горячем дончаке, гриву которого, то и дело подскакивая, хватал зубами разыгравшийся Халаур, бывалый казак, сверкнув широко раскрытым глазом, таинственно шепнул:

— Что? Мои ноздри не ерундиция — давно чуют порох!

В нем не чувствовалось взволнованности, подтянувшей весь полк. По безмятежному виду Семивзорова можно было подумать, что он собрался не на тяжелый поединок, а на обычную верховую прогулку.

Вмиг затих, насторожился Литин. Весть о появлении палиевцев на советской земле сразу же облетела весь город. Его жители надолго запомнили короткое, но чувствительное хозяйничанье «самостийников» — и тех, кто шел под началом Петлюры, и тех, кто совершал бандитские налеты на мирных жителей под командой вонячинского «полководца» Яшки Шепеля.

Как жуткая память тех времен стояла вся в развалинах главная улица Литина. Предав город огню, атаманы черноморского коша весной 1919 года намеревались посечь мечом и его жителей. Но неожиданный налет червонных казаков Примакова с тыла, со стороны Летичева, сорвал черные замыслы желтоблакитников. Клинки советских конников, обрушившись на головы бандитов, погнали их к топкой пойме реки. Долго еще после этого литинские мальчишки выуживали из камышей тяжелые гайдамацкие шапки, украшенные черными, красными и желтыми шлыками.

Бывший червонный казак из села Коты, на Черниговщине, Феодосий Трухан и сейчас, много лет спустя, помнит этот бой. Он рассказывает, что, как только Примаков дал команду, весь полк пошел в атаку. Бандиты были полностью разгромлены. 750 петлюровцев попало в плен. Их обоз сбился возле речки. Казакам пришлось клинками резать упряжь, чтобы освободить завязших в болоте лошадей.

Хорошо запомнили литинцы петлюровскую «свободу» 1919 года. Памятными остались и дни белопольской оккупации 1920 года, и кратковременное хозяйничанье в городе белоказаков дивизии есаула Яковлева, который ровно год назад по договоренности Савинкова с Петлюрой шел вместе с желтоблакитниками «освобождать» Украину.

В ноябре 1920 года белогвардейцы-петлюровцы были выбиты из Литина объединенным ударом 17-й дивизии Владимира Микулина и Башкирской бригады Александра Горбатова. Население радостно встретило бойцов Красной Армии.

Вот и сейчас, встревоженные дурными вестями, литинцы, высыпав на городскую площадь, пристально следили за сборами полка.

Из толпы вышел старик. Сняв соломенную широкополую шляпу-брыль, поклонился бойцам:

— Не пускайте до нас тех запроданцев.

— Не пустим! — раздалось в голове полка и, прокатившись по рядам, завершилось степным криком левофланговой башкирской сотни: — Не пустим!

Давая сотнику Храмкову указание о высылке походного охранения, я заметил в толпе пожилую женщину. Это была мать Братовского, давно уже покинувшего Литин и помогавшего органам Чека в их борьбе с петлюровским подпольем. Как-то она зашла в штаб с дочерью, благодарила всех нас за спасение сына. Но мы здесь были ни при

чем. Братовский, навсегда порвав с контрреволюционным отребьем, сам себя спас.

Комиссар Климов, привстав на стременах, обратился к полку с короткой речью. Когда он закончил свое выступление словами: «Посечем на куски подарок Пилсудского», казаки ответили дружным «ура».

Под бодрые звуки трубачей мы тронулись с площади. Как-то по-особенному, торжественно и тревожно, звучала труба Афинуса Скавриди. Жители Литина, размахивая руками, провожали нас в далекий поход.

Нэпман Шкляр, мой квартирохозяин, кричал с тротуара:

— Разбейте бандитов — и я вас озолочу!

Мы с Климовым красноречиво переглянулись. Когда я хотел недавно угостить комиссара чаем и попросил у хозяев стакан, мне в этом было отказано.

Конечно, не из особой любви к Советской власти Шкляр желал разгрома петлюровцев. Недавно он добился крупного подряда на поставку дров железной дороге. И тут личный интерес нэпмана стоял выше всего.

Вот уже остались позади последние домишки литинской окраины. Мы следовали широким Екатерининским шляхом, окаймленным тенистыми липами. У дьяковецкого дубняка свернули на юг, к Багриновцам — огромному, утопающему в зелени селу.

Здесь, на дороге, которая всеми нами почиталась как дорога победы, люди оживились. Из-под лихо заломленных папах молодые лица светились боевым задором. Весело гарцевали сытые кони. Радовали глаз аккуратная выкладка и начищенная до блеска медь снаряжения.

Стоял конец осени, а бабье лето ни за что не хотело уступать дорогу ненастью.

Я с восхищением смотрел на нашу колонну. В Кальнике нас была «жменька». Но вот страна дала своих лучших людей, лошадей, оружие, а мы, выполняя волю партии, сделали из горсточки всадников боевой, грозный для врагов кавалерийский полк.

Пятой сотни Ротарёва не было с нами. Она находилась в Калиновке, тесно связанной с Кожуховским лесом, помогая органам Подольской губчека в их трудной борьбе с петлюровской агентурой и диверсантами, срывавшими сдачу продналога. Помимо этого из каждой сотни по нескольку бойцов были откомандированы на охрану ссыпных пунктов и конвоирование хлебных обозов.

Здесь, на походе, нас было немного. Не считая всяких команд, в строю находилось всего триста всадников при двенадцати пулеметах. Но нам всем тогда казалось, что 7-й червоннопоказачий полк способен обойти всю Европу и штурмовать весь свет.

Кровью омытые дни

К вечеру мы прибыли в указанное нам место. Высланные еще из Багриновцев квартирьеры встретили и развели сотни по улицам широко раскинувшихся Ивановцев.

В Ивановцы прибыли начдив Шмидт, комиссар Гребенюк и начальник штаба дивизии Александр Зубок. Все говорило о серьезности обстановки. Предполагалось, что в дело втянутся все наши полки.

Заметив в штабе Мостового, Шмидт обратился к секретарю:

— Что, Луганск, наклявывается свидание с паном Петлюрой?

Тогда, пожалуй, вся дивизия повторяла любимое словечко Мостового — «наклявывается».

— А зачем же народ кормит нас хлебом, товарищ начдив!

— То-то же, докажем, что не зря жуем горбушку,— серьезно заявил Гребенюк.

Шмидт развернул карту:

— Одна колонна налетчиков — отряд Палия — идет из Гусятина. На Збруче петлюровцы потрепали 188-й батальон 29-й пограничной бригады. Пограничники отошли к Чемеровцам — Оринину. 28 октября палиевцы сожгли в Ярмолинцах склады зерна. Сволочи! Вырезали охрану...

Начдив сделал паузу. Пристальным взглядом обвел помещение, убедился, что в штабе нет посторонних. Затем продолжал:

— Пути к Жмеринке надежно прикрыты. Деражню занимает 208-й стрелковый полк 24-й дивизии, Згарок — Волковинцы — наш 8-й червоннонказачий полк, Васютинцы — штаб дивизии, Ивановцы — 7-й полк, Бар — Ялтушково — части курсантской бригады. Во второй линии располагается наша вторая бригада Ивана Бубенца: 10-й полк — в Клопотовцах, 9-й — в Стодульцах. Из Жмеринки на Деражню вышел бронепоезд...

— Внушительная сила! — подтвердил слова начдива его правая рука наштадив Зубок.

— И пан Палий не лыком шит! — наставлял нас Шмидт.— Не из тех, кого можно закидать шапками. Не забывайте про фланги, про охранение, разведку... Ваша бригада, бригада Багнюка, головная. И ей оказана честь: она нанесет сокрушительный удар сволочам! Остальные силы попридержим во второй линии. Может, за Палием и другие потянутся...

Мостовой спросил, откуда уверенность, что Палий пойдет сюда.

— Связались по прямому проводу с Винницей,— ответил начдив.— Примаков говорит: «Действия Палия — это рейд. И было бы смешно, если б ему удалось околпачить нас, рейдистов. Им, нет сомнения, нужны ключи к Киеву, а первый ключ — это Жмеринка». Вот почему Виталий Маркович и направил вторую дивизию сюда.

Ознакомив нас с обстановкой и выразив надежду, что наши полки не дадут спуску бандитам, Шмидт с комиссаром и наштадивом уехали в другие части дивизии.

Тогда же Зубок вручил нам оперативный приказ Шмидта № 61/оп, датированный 28 октября, то есть днем появления диверсантов на советской территории. В нем сообщалось, что по донесению пограничников банда в несколько сот человек перешла границу и направилась на Городок... с целью поднять восстание в Каменец-Подольском и Новоушицком уездах. В приказе указывалось, что у местечка Скала должны переправиться на Украину еще 1500, а у Оринина — 500 петлюровцев.

Начдив приказал: 7-му червонноказачьему полку сосредоточиться в районе Литина, 8-му полку Синякова — в районе Летичева, 9-му Спасского — в районе Тыврова, 10-му Святогора — в районе Янова. Начснабдиву Колесову предлагалось срочно получить в Киеве боеприпасы.

Документ явно устарел, так как оповещенные гонцами полки давно уже оставили позади эти пункты.

Командир корпуса потребовал ликвидировать пришедшие из-за Збруча банды, возложив эту задачу не на первую, испытанную и проверенную старую дивизию, а на нашу — вторую, новую, давая ей возможность на деле проявить свою боеспособность и оправдать высокое звание червонных казаков.

Ночью пришел в штаб полка Мостовой.

— Бывает так,— как обычно, философствовал он,— лежит возле человека куча бревен, и это не беспокоит его. А стоит попасть под кожу небольшой занозе — и сразу начинает что-то наклявываться, значит, воспаляется вся

рука. Пока Палий копошился за Збручем, все было тихо, но стоило ему перейти через кордон — и сразу «воспалилась» вся Подолия. Целую дивизию, сукин сын, поднял...

В Ивановцах предстоял ночлег. Но спать никому не хотелось. Всех нас тревожило появление на советской территории непрошеных гостей. Возникли в памяти слова Примакова, обращенные к нам там, на холмике, с которого Фрунзе смотрел конные полки. Вот-вот, думалось тогда, не схваченные еще агенты «самостийников», пытаясь поднять народ, ударят в колокола, зажгут смоляные факелы на высоких буграх...

Полк выставил заставы, нарядил патрули, выслал разъезды, но гомон и голоса во всех концах села не умолкали до рассвета. Многие окна ярко светились. Гремела деревенская музыка — гармонь, скрипка, бубен. Звенели песни. В селе справлялись свадьбы, пили горилку, били посуду за счастье молодых, кричали «горько», а в это самое время в восемнадцати километрах от Ивановцев, в деревне Згарок, уже звенели сабли, лилась кровь.

Опьяненный легким успехом, достигнутым в борьбе с реденьким заслоном пограничников, полковник Палий обагрил кровью советских людей шляхи и проселки Подолии.

Вооружив в Копычинцах волкодавов, атаман погрузил большое количество винтовок на повозки. Этот арсенал переправился вместе с бандой через Збруч у Козина. По информации Ипполиты Боронецкой, Чеботарев сообщил Палию, что селяне Правобережья давно требуют оружие и все они, как один, встанут, как только появится из-за кордона «самостийное войско». Но палиевцы раздавали оружие крестьянам, а они, как только банда удалялась, относили винтовки в сельсовет или в ближайшую войсковую часть.

Это сильно разочаровало Палия и особенно Шолина. Эмиссар Пилсудского имел специальное задание — лично выяснить настроения на Украине. Не очень-то верил пан маршал докладам второго отдела генштаба, рисовавшего ему на основании петлюровских сообщений картину всенародного возмущения на Правобережье.

Но если б это в самом деле было так, если б с появлением Палия поднялись с оружием в руках жители Подолии, весьма вероятно, что по сигналу Шолина, обрадовав Антанту, вслед за гайдамацкими бандами пан маршал двинул бы за Збруч и дивизии 6-й армии генерала Галлера, открыв четвертый поход против Советской страны.

Увы, Шолин ничем не мог обрадовать Пилсудского. А дальше дела пошли совсем худо.

Оставив далеко позади Збруч, Палий, очутившись на знакомых полях Подолии, с нетерпением ждал первых признаков встречной, всенародной волны. Ведь не раз петлюровские эмиссары заверяли Тютюнника, что здесь все созрело и ждет только малейшей искры. Ведь отдал же Тютюнник знаменитую директиву, требующую от петлюровского подполья жечь хлебные склады, сахарные заводы, пускать под откос поезда, громить сельсоветы и комнезамы, уничтожать коммунистов, мордовать учителей, «продавшихся» большевикам.

Но вот отряд Палия движется дальше и дальше по исконной украинской земле, а в деревнях тихо, села не подымаются, хутора и те спят. Что-то не видно на высоких буграх и крутых косогорах огней сигнальных вех, не скачут из села в село по пыльным шляхам и проселкам горячие вестники войны, не катится над дремлющими полями веселый и тревожный гул церковных набатов. Да, твои дела дрянь, и дела твоих хозяев, пославших тебя в недобрую дорогу, тоже дрянь, добродий Лжепалий!

Особенно понизилось настроение у диверсантов 30 октября, когда посланный из Ярмолинец в разведку сотник Масловец вернулся и привез свежие советские газеты.

И пана полковника Палия, и пана поручика Шолина потрясла заметка «Ликвидация контрреволюционного заговора», опубликованная в газете КВО «Красная Армия» 29 октября 1921 года. В ней сообщалось, что по решению коллегии особого отдела Киевского военного округа от 15 октября 1921 года приговорен к расстрелу бывший начдив 60-й, а потом комбриг Крючковский.

Поддерживая связь с атаманом Заболотным через Ипполиту Боронецкую, Крючковский предупреждал его о мероприятиях советского командования, передавал оперативные приказы. Предатель вел переговоры о переходе бригады на сторону Петлюры и снабжал банду перевязочными материалами.

Кроме Крючковского и чеботаревской шпионки Ипполиты Боронецкой, как сообщала газета, коллегия осудила на казнь командира Яворского, готовившего свой продотряд к вооруженному выступлению и втянувшего в заговор трех красноармейцев бронепоезда; Ивана Ткача, осведомителя особого отдела дивизии, «двойника», в доме которого встречались заговорщики; бывшего акцизного чи-

новника Антона Ганницкого, с помощью которого Крючковский пытался совершить побег; Василия Любченко — соучастника убийства комиссара бригады Абелиовича.

Студенкину, Пригорову и Крымскому — красноармейцам бронепоезда — высшая мера заменялась штрафной ротой.

Особый отдел предупреждал, что всякая попытка с чьей бы то ни было стороны разложить Красную Армию будет караться по всем строгостям революционного времени.

Нет сомнения, что официальное сообщение особого отдела, обнародованное в момент появления на территории Украины диверсантов, сильно подействовало на главарей банд и всех ее участников.

Как тут не упасть духом? Ведь бывший начдив Крючковский, он же атаман Крюк, по планам, выработанным там, за Збручем, должен был двинуться навстречу Палию с целой пехотной бригадой, продотрядом Яворского и с бронепоездом.

Да, в диверсионных планах Петлюры немаловажная роль отводилась Крюку — Крючковскому. Кто же он, этот проходимец, завербованный Ипполитой Боронецкой, который сменил высокое звание советского командира на позорную кличку петлюровского пособника?

Хулиган и мелкий воришка Левка Крючковский торговал в Полтаве газетами. Попав на фронт в 1915 году, Крючковский, снедаемый честолюбием, лез из кожи вон, домогаясь чинов. В дни революции ему пришлось расстаться со штабс-капитанскими погонами, ради которых он не раз шел на верную смерть.

Бывший царский офицер военного времени Крючковский, призванный в Красную Армию, и здесь, стремясь сделать карьеру, отличался в боях. Но он был храбр лишь после солидной понюшки кокаину.

Все же ему удалось к осени 1920 года стать начальником 60-й дивизии. Вот тогда-то, во время ликвидации армии Петлюры, увлекшись Боронецкой, он, забыв о воинском долге, дал возможность желтоблакитникам захватить на время Деражню.

После этого Крючковского сняли с дивизии и перевели на бригаду. Считая себя обиженным, честолюбец без особых колебаний дал себя вовлечь в контрреволюционный заговор.

Вспоминается первая встреча с подростком Крючковским в Полтаве. Рано утром продавец газет в компании

мелких воришек подстерегал школьников в сквере у памятника Славы. Свора Крючковского налетала из засады на беспечного малыша, обшаривала его ранец, забирала завтрак, чайные ложечки. Однажды и мне пришлось распрощаться с перочинным ножиком.

Прошло десять лет. Червонное казачество заняло Тернополь. Следом за нами, имея задачу форсировать реку Серет, пришел со своей бригадой Крючковский. Я его сразу узнал и по крючковатому носу, и по пристальному змеиному взгляду, которым он наводил раньше страх на нас, малышей.

В номере гостиницы «Европа», где разместился Крючковский, я в шутку напомнил ему о памятнике Славы и перочинном ножике.

— Что с воза упало, то пропало,— рассмеялся бывший разносчик газет.

Незадолго до появления Тютюнника и Палия на Украине и Булак-Булаховича — в Белоруссии нас, знавших Крючковского, поразила весть о его измене. Всем частям была разослана копия телеграммы командующего войсками округа. В ней объявлялась благодарность начдиву 24-й за срыв «авантюры изменника революции, бывшего комбрига, атамана Крючковского», а также предлагалось представить к наградам лиц, задержавших государственного преступника и его соучастников.

После опубликования краткого варианта повести в журнале «Новый мир» (февраль 1959 года) пришло письмо от бывшего начштаба первой дивизии М. А. Колокольникова [1], в котором рассказывалось, как был разоблачен Крючковский.

«Штаб нашей дивизии,— писал Колокольников,— стоял в Тульчине. Помощник командира 1-го полка Павлов, преследуя банду, заночевал в доме попа. Беседуя с хозяином, Павлов, прикинувшись обиженным, сказал, что хочет бежать в Румынию. Разоткровенничался и поп: его зять Крючковский обижен Советской властью и собирается поднять восстание. Павлов сразу же прислал донесение. Начдив Демичев сначала не поверил. Мы сообщили об этом в штакор (Винница). Об оплошности тестя узнал Крючковский. Собрав приближенных и убив комиссара бригады, он пытался перейти к бандитам, но был задержан своими же бойцами».

---

[1] М. А. Колокольников, москвич, полковник в отставке.

Узнав о разгроме Крюка — Крючковского, Палий на время пал духом. Не лучше ли, пока не поздно, вернуться назад? Но генерал-хорунжий Тютюнник, как мы потом узнали от пленных, с негодованием отклонил такое предложение. «Идите смело вперед! — подбадривал атаман своего друга.— Вас ждет замученная Украина».

Там, за Збручем, Палий твердо верил, что второй зимний поход с самого начала превратится в триумфальное шествие. Его отряд — это лишь ядро восставшего народа, и будет он поставлять вновь созданным частям и дивизиям полковников и атаманов. Недаром же он сулил хорунжим знаки сотников, а сотникам — знаки полковников.

Он охотно согласился стать во главе экспедиции. Жизнь среди сотен интернированных офицеров обещала лишь медленное угасание. А тут впереди — боевые дела и мировая сенсация. Но своими гнусными делами на Подолии этот петлюровский головорез ничего не завоевал, кроме дурной славы убийцы и палача.

Комкор Примаков и начдив Шмидт действовали верно, направив нашу первую бригаду в район Луки Барской. Если оба наших полка, точно нацеленные на Палия, не выдержат натиска, они образуют мощный заслон, под прикрытием которого изготовятся остальные силы дивизии. Но не вина начдива в том, что высланные вперед дозоры 8-го полка дали себя, как говорил Котовский, обштопать.

К тому же в Згарке, как и в Луке Барской, в ту ночь праздновалось несколько свадеб, с музыкой, с гулянкой, с танцами и с горилкой. Гостеприимные згарчане широко распахнули двери навстречу желанным гостям. Но вслед за этими уже спешили иные, незваные гости...

В Згарок, придавленный тяжелым осенним мраком, ночью 30 октября 1921 года ворвались всадники Палия. Шмидт оказался прав: в Згарке находился правый фланг всего боевого расположения 2-й Черниговской червоннока-зачьей дивизии. Атаман Палий и нащупал его.

Вот как сами петлюровцы описали потом этот «подвиг». В сумерках головной разъезд «самостийников», высланный сотником Глушаком, недалеко от Згарка встретился с дозорными 8-го полка. Начальнику петлюровского разъезда поручику Дмитру Зоренко удалось обмануть наших людей, заявив, что он послан в разведку 2-м червоннноказачьим полком. Побеседовав со встречными всадниками, Зоренко повернул назад, якобы для того, чтобы доложить командиру полка Потапенко, что в Згарке свои.

Зоренко в очерке «На партизанці»[1] пишет, что Палий, получив донесение, сразу начал строить боевые порядки. Заботясь о конском составе, Зоренко советовал развернуться на ближних подступах к Згарку. Но Палий, охваченный боевым пылом, крикнув рассудительному поручику: «Молчать, застрелю!» — скомандовал: «В атаку!»

Кони, проскакав по пахоте, действительно выдохлись.

Это в какой-то степени сыграло на руку дивизиону 8-го полка Горячева, который подвергся ночному нападению. Банда рвалась к Згарку, а червонные казаки, поднятые первыми выстрелами дозоров и полевых караулов, уже седлали торопясь коней, выкатывали на улицу тачанки. Но... в ночное время преимущество на стороне нападающего. Этим не замедлили воспользоваться головорезы полковника Палия. В таких условиях, может, и верно поступил командир атакованного дивизиона Горячев. Прежде всего подумал не об отпоре, а о том, чтобы вывести свою часть из-под удара без лишних потерь. Но потери были...

Палию удалось захватить в Згарке несколько десятков лошадей, четыре пулемета с тачанками. Самому атаману полюбился серый в яблоках конь из пулеметной упряжки. Бросив гайдамацкую папаху, он напялил на себя красноармейскую шлем-богатырку, которые носили наши пулеметчики.

После боя главари банды собрались в доме попа. За ужином хозяин дома, поблагодарив господа бога за дарованную победу, сказал подполковнику Черному:

— Сумели, хлопцы, кашу сварить, не сумели ее скушать. Надо было ждать ночи, тогда бы вы всех до одного...

Чтобы ясно представить себе все содеянное бандитами в Згарке, надо знать, кто там безнаказанно хозяйничал.

В отряд Палия «лишь бы кого» не брали. Шли туда отчаянные прохвосты. Им уже терять было нечего. Закаленные походами и боями, нутром ненавидевшие все советское, они не задумываясь шли на любую подлость. Их хвастливым боевым кличем стало: «Або добути, або дома не бути!»

Сами желтоблакитники так описывали участников этого бесславного и авантюристического рейда: «За проволокой, без оружия, без надежд, слонялись грозные когда-то вояки... В ряды повстанческой армии мог стать лишь

---

[1] Сборник «За державність», т. 3, с. 206.

тот, кто чувствовал в себе достаточно сил физических и моральных перенести тяжесть сурового похода...»

А «апостол» тех головорезов и их главный заводила Юрко Тютюнник в своих воспоминаниях потом писал: «Наши люди в таборах ели конину, как басурманы...»

Из числа охотников Палий лично подобрал ближайших помощников. Сотник Пащенко сколачивал первый батальон, ротами командовали поручики Старовид, Новиков и другие. Пулеметную роту создавал сотник Дыщенко, а конный взвод — хорунжий Гребенюк. Позже, 29 октября, явился сотник Антончик и возглавил конницу, насчитывавшую 30 сабель, а после перехода границы Антончика сменил Глушак, так как за счет присоединившихся к Палию местных бандитов и захваченных лошадей конница Подольского отряда-вторженцев выросла до 200 сабель.

Помощником командующего специальным, или Подольским, отрядом диверсантов был назначен подполковник царской армии Сергей Черный, артиллерист. Штаб отряда возглавил сотник Аксюк, оперативную часть штаба — сотник Пустовойт.

Ночью в Ивановцы прилетел Запорожец — посыльный от разъезда. Доложил о выстрелах в стороне Згарка. Когда пришли первые тревожные сведения, наш штаб-трубач, поднимая людей, уже скакал на коне по сонным улицам села. Все нарастающие звуки сигнала требовательно взывали:

Тревогу трубят, скорей седлай коня...

Обычно полк по этому сигналу в полном составе, готовый к походу или к бою, за семь минут выстраивался на сборном месте. Сегодня он собрался за пять минут.

Казаки, спешившись, расположились прямо на улице. Не выпуская из рук поводьев, готовые вот-вот вскочить в седло, они обсуждали неудачу товарищей. С нетерпением встречая каждого человека, появлявшегося на темных улицах села, ждали новых сообщений.

Весть о первой победе врага, каковы бы ни были ее размеры и при каких бы обстоятельствах она ни произошла, поражает бойцов в самое сердце. Вольно или невольно вкрадывается сомнение, а иногда и неверие в собственные силы. Но если горько досадовали наши люди, то что же можно сказать о боевых соратниках, бойцах 8-го полка!

Ночью состоялся разговор по прямому проводу комбрига Багнюка, находившегося на станции Комаровцы,

с начальником штаба корпуса Семеном Туровским. Вот его содержание:

«Комбриг-1. Противник невыясненной численности, ввиду темноты окружив Згарок, где стоял первый дивизион и пулеметная сотня, напал. Части дивизиона вступили в бой, но, ввиду неожиданности нападения, не успели собраться и отразить натиск и вынуждены были отойти...

Наштакор. Дубинский и вы, имея под руками все, чем командуете, должны немедленно уничтожить банду, численность которой не превышает 400—500 конных и пеших, преследовать до полного уничтожения и не дать ей возможность двигаться в северо-восточном направлении»[1].

Далее наштакор сообщил, что командир корпуса приказал расследовать дело Згарка, привлечь к строжайшей ответственности виновных и что 8-й полк Синякова боевыми подвигами должен смыть с себя позор.

К архивному делу подшиты небольшие пожелтевшие странички полевой книжки, на которых чьим-то размашистым почерком записан весь разговор по прямому проводу, состоявшийся в ночь на 31 октября 1921 года.

И сейчас, спустя десятилетия после тех памятных событий, поражают слова Багнюка «ввиду неожиданности нападения». Почему «неожиданности»? Ведь 1-я бригада была специально послана из Сальниц и Литина в район Бара, чтобы найти и разбить вторгшихся на Подолию диверсантов. И не только отчаянная дерзость палиевских головорезов, но и какая-то непростительная небрежность нашей разведки и охранения привели к тому, что нападение врага стало для нас внезапным, ошеломляюще неожиданным.

Не помню уже, по чьему указанию — то ли штаба дивизии, который поддерживал с нами связь, то ли самого Багнюка,— но к рассвету мы уже были в Комаровцах. За седьмым полком следовала конно-горная батарея (две пушки).

Командир 8-го полка Синяков приводил в порядок потрепанные сотни. Комиссар Мазуровский, старый одесский подпольщик, как всегда жизнедеятельный, поддерживал настроение людей.

---

[1] Центральный государственный архив Советской Армии, ф. 7640, оп. 1, дело 96, с. 13—15, 24, 26.

В это время Тютюнник, покинув Львов в сопровождении Куриленко — начальника гражданского управления не завоеванной еще «самостийной Украины», министра торговли и промышленности Красовского, эмиссаров Пилсудского — пана поручника Ковалевского и пана майора Флёрека, перебрался поближе к границе, в район Костополя. Там уже его ожидал сколоченный из петлюровских головорезов Волынский отряд генерал-хорунжего Янченко.

О первой и последней крупной удаче Палий сразу донес шефу, а тот — головному атаману. Вот донесение, отправленное генерал-брехуном Тютюнником из Балашовки, свидетельствующее, до каких размеров был раздут небольшой и совершенно случайный успех нахлебников пана Пилсудского.

«До пана головного атамана Симона Петлюры

РАПОРТ

командира партизанско-повстанческой армии
Юрка Тютюнника

Полковник Палий разгромил красных в районе Каменца-Подольского, захватил город, затем занял Проскуров, где к нам перешел полк красных.

Генерал-хорунжий Тютюнник».

Наше правительство, хорошо зная, с чьей помощью и с чьего благословения совершены диверсии, направило в Варшаву ноту [1], в которой говорилось, что появившаяся из-за кордона крупная банда убила в Иванковцах пять пограничников, в селе Кременном — военного комиссара и двадцать милиционеров, на станции Ярмолинцы подожгла хлебные склады, по пути раздавала желающим винтовки и от имени так называемого УНР мобилизовывала людей. Захваченный в плен польский гражданин Шлопак заявил, что переход банды полковника Палия произошел при близком участии военного польского командования и что сам Шлопак был прикомандирован к банде в качестве лекарского помощника по распоряжению польского коменданта в Гусятине.

На эту ноту пан Скирмунт нагло ответил. что со стороны властей не было и не может быть никакой поддержки банд и совершенно исключается факт подкрепления их оружием и амуницией.

---

[1] «Комуніст», 1921, 3 ноября.

В Комаровцах уже знали, что отряд Палия после короткого отдыха в районе Згарка перемахнул через линию железной дороги Жмеринка — Проскуров и пошел на Старую Гуту. Пока что о его намерениях мы могли лишь догадываться.

Вскоре нам стало известно, что Тютюнник с отрядом головорезов генерала Янченко вот-вот появится на Волыни, чтобы с помощью местных атаманов Орлика, Струка и Соколовского овладеть Киевом. Палий, хотя и окрыленный случайной победой, видел, что движение его отряда нисколько не побуждает народ к восстанию. Поэтому, очевидно, он решил прежде всего полагаться на собственные силы. А с этими силами на Волыни — в ее сплошных лесных массивах, куда должен был прийти и его шеф,— можно было чувствовать себя более спокойно, чем на открытых просторах Подолии. Не зря Примаков через наштакора приказал нашему комбригу Михаилу Багнюку отрезать банде путь на северо-восток.

Враждебность селян Подолии к петлюровцам сразу же определила оборонительный, а не наступательный характер действий Палия. Этим следовало пользоваться. Не упуская ни одной минуты, надо было кинуться по следам банды и заставить ее принять бой, так как диверсанты, размахнувшись очень широко с планом «второго зимнего похода», имели установку всячески уклоняться от боев на Правобережье.

Сотник Шпулинский, бывший начальник разведки в ставке Петлюры, пишет, что Украинская повстанческая армия (УПА), пройдя форсированным маршем от границы к Днепру, должна была «прорваться на левый берег и там поднять восстание». Затем, став твердо на Днепре, «уничтожить советские части, размещенные на Украине, захватить военные склады... создать регулярную армию»... [1]

Вот к чему, по словам самих петлюровцев, стремились все эти наемники Пилсудского и Пуанкаре. Но, как говорится в народе, размах был рублевый, а удар получился грошовый.

В лесу под Старой Гутой

На рассвете 31 октября, появившись из ближайшего леса, расположились в Комаровцах отпущенные диверсантами крестьяне-извозчики — жители Гусятинского,

---

[1] «За державність», т. 3, очерк «Базар».

Дунаевского и других пограничных районов. Они были взяты Палием для переброски его пехоты, оружия, боеприпасов и прочей клади. По словам возчиков, банда, устроив в Старой Гуте привал, собирала новые подводы в обоз.

Один из крестьян, назвавшись драгуном старой армии, сообщил, что в Старую Гуту прискакал на взмыленном коне сотник Антончик и хвалился перед своими, что остатки 8-го полка разбежались и что 7-й полк, узнав об этом, в полном беспорядке бросился тикать из Комаровцев в Бар...

Окруженный плотным кольцом слушателей, с лошадью в поводу, Александр Мостовой, насупив брови, спросил, обращаясь к Запорожцу, из-за спины которого торчало ребристое тело «льюиса»:

— Ну ты, Максиме, труженик пулемета, верно, помнишь загадку про три буквы — «пе», «ка», «пе»?

— То, что написано на трофейных вагонах?

— Эге,— ответил Мостовой.

— Это даже наш Малютка — Ваня Шмидт знает. По-ихнему значит: «Польска колея панствова», а по-нашему: «Пилсудский купил Петлюру»,— бойко отрапортовал лякуртинец.

— А я вот подкину вам, товарищи, другую задачу. Что такое четыре «пе»?

— «Пилсудский погоняет — пролетарий пропадает!» — предложил свою разгадку Бондалетов.

— И это неплохо,— улыбнулся секретарь партбюро,— но ты не угадал, Иван.

— «Пролетарий, подымайся, пока не поздно!» — попытался расшифровать значение четырех «пе» полковой пацан Шмидт.

— Отставить! — строго посмотрел на юного бойца Олекса Захаренко.— В твоем ответе лишнее «пе».

— «Паника пристала — пиши пропало!» — выпалил Семивзоров.— Вот такая ерундиция, как в Згарке... Шутишь, Палий, у нас этот номер не пройдет.

— Нет, товарищи, и Митрофан не угадал.— Мостовой обвел слушателей суровым взглядом.— Четыре «пе» — это вот что значит: Пуанкаре, Пилсудский, Петлюра, Палий. Мой батько, когда драл меня, приговаривал: «Сыпь гуще в зад, чтоб дошло и до головы». Надо так всыпать самому маленькому «пе», чтоб и самое большое там, в Париже, за портки хваталось... А всыпка, чувствую, наклявывается...

Казалось, что, имея более или менее достоверные сведения о близости банды и ее дислокации, следовало сразу же предусмотреть меры и для атаки Палия, и для его окружения. Само собой напрашивалось решение: послать один полк в обход леса, чтобы перехватить пути отступления банды.

Но мы, тронувшись на Старую Гуту, всей бригадной колонной втянулись в узкую лесную щель, по которой вился довольно глухой, малоезженый проселок.

Преполагалось, что, стремясь выполнить строгое требование командира корпуса, переданное по прямому проводу, Багнюк поставит впереди 8-й полк и даст ему возможность рассчитаться с Палием за Згарок. Но вышло так, что открыл движение головной полк бригады — 7-й. Так оно и должно быть — правофланговому первая чарка и первая палка. 8-й полк замыкал бригадную колонну. Конногорная батарея следовала между полками.

От головной сотни вперед, на Старую Гуту, ушел разъезд во главе с Михаилом Будником.

Какой-то внутренний голос подсказывал, что жестокое столкновение с Палием неминуемо. Да мы все только и хотели этого. Главное — уцепиться за банду и не дать ей уйти.

Дать ей уйти, позволить ей хозяйничать на советской земле — значит обмануть ожидания землепашцев, впервые за много лет спокойно убравших в этом году богатый урожай, значит сорвать с большим трудом налаженную работу школ, значит оживить притихшее петлюровское подполье. Это было бы равносильно признанию боевых преимуществ врага. Это значило бы расписаться в собственной никчемности.

Надо во что бы то ни стало покончить с этой бандой, сколоченной там, за кордоном, сбить спесь с опьяненных легким успехом желтоблакитников, лишить их покровителей и благодетелей всякой надежды на возврат к старому.

Но кто нанесет на этом необычном, очень тесном поле боя первый удар? Примаков нас учил, что первый успех должен быть завоеван любой ценой. Это его слова: «Своя кровь пугает, вражья воодушевляет».

Ни один из сотников не вызывал сомнений. Все четверо, находившиеся в походе — Васильев, Кикоть, Храмков, Силиндрик,— стоили друг друга. С нами только не было уральца Ротарёва. Можно ли было при данной ситуации пустить первыми латышей и башкир, которые, безусловно

не дав врагу опомниться, врезались бы в его гущу? Нет, наглые пришельцы, услышав «ура» башкирских всадников, напоминавшее «алла», еще больше озлобились бы. Походную колонну полка возглавила первая сотня Васильева. Полтавчане — победители атамана Левченко, желая показать свою доблесть перед новыми товарищами, давно уже рвались в бой.

Храмков, в казачьей бурке, глядя исподлобья, сердился:

— Все-таки начальный фундамент полка — кубанцы. Не следовало бы этого забывать, комполка.— Как обычно, свидетельствуя о волнении сотника, сильно побелел глубокий шрам на его щеке.

За Васильевым сразу двигался Храмков. Рванувшемуся вперед Кикотю было приказано идти за боевыми тачанками. Они шли вслед кубанцам. Замыкала полковую колонну четвертая сотня Силиндрика.

Жан Карлович, обогнав с трудом колонну — чересчур тесной была лесная тропинка,— попыхивая, как всегда, трубкой, спросил, округлив голубые, как балтийское небо, глаза:

— А почему, например, вот пример, нас поставили в самый хвост? Червонные казаки и латыши всегда шли голова в голову!

Мостовой, трясясь рысцой вдоль колонны, внушал бойцам:

— Помните же, хлопцы, труженики клинка, и коммунисты, и беспартийные, мы у себя дома, а палиевцы — на чужбине. Крошите подлых наймитов без разбору!

Мы двигались по сказочно красивой аллее берез и осин, хранивших еще золотисто-багряный наряд. И до того все тихо и мирно было кругом, так беспечно порхали с ветки на ветку нарядные синички, что временами наш поход казался лишь увеселительной прогулкой, учебным маршем.

Но то чувство собранности и настороженности, которое наступает перед боем, очевидно, у каждого человека, овладело и мной. Что-то тревожное, до крайности обостряя и зрение, и слух, будоражило кровь.

Я ехал на большом гнедом Громе — подарке «желтого кирасира». Он чутко реагировал на каждое движение поводьев, толчки шенкелей, наклоны корпуса. Но Гром, при всех его положительных качествах, не обладал сноровкой и гибкостью Марии, ее тонким чутьем и, я бы сказал, сообразительностью. Другое дело Мария — на нее можно было положиться, как на каменную гору. Вызвав из строя

Бондалетова, я попросил его подседлать кобылу. Почувствовав на себе всадника, она, закусив удила, понеслась вперед, обгоняя колонну.

Полки бригады все дальше и дальше втягивались в лес. Главное, чтоб противник не ушел. Надо заставить Палия пойти на сабельную встречу, навязать ему конный бой. Я полагал, что Будник вот-вот пришлет донесение и бригада, приняв возможный в лесных условиях боевой порядок, всей силой обрушится на врага.

Но жаркая схватка произошла не так, как она рисовалась в воображении. Вскоре из-за поворота узкой лесной дороги показался наш начальник разъезда со своими людьми. С перекошенным лицом, он несся таким аллюром, что не успел сдержать коня и проскочил мимо нас, бросив одно лишь слово: «Банда». Все последующие события развернулись с быстротой молнии. Приближались те «десять минут», ради которых мы неустанно «пилили» все лето.

Вдали показалась голова конного отряда. Вел колонну плотный, небольшой всадник. В синей черкеске с красным башлыком и в кубанке, размахивая клинком, широко разинув рот, он зычно кричал «ура». Этот боевой клич, подхваченный всем отрядом, вовсе ошеломил меня. «Если это палиевцы,— пронеслось в голове,— то почему «ура», а не трафаретная «слава» и почему у них не желто-блакитный флаг, а красный штандарт?»

Времени на размышления не было. Секунда промедления могла привести к катастрофе. Приняв твердое решение, приказал Ратову, теперь уже бригадному адъютанту, посторониться с его штабом в кусты. Полковые трубачи сами последовали за штабными всадниками.

— Шашки вон, пики к бою!

Во всех боевых инструкциях того времени упоминалось знаменитое изречение Петра Первого: «Не держись устава, яко слепой стены». В работе любого начальника, а особенно кавалерийского, наступает момент, когда он, пренебрегая всеми теоретическими положениями, обязан лично повести в атаку людей, вселяя в них веру в успех.

И в то же время какие-то сомнения лезли в голову. А что, если полк, который сколочен из людей разной закалки, ни разу совместно не выступавших, дрогнет и не поднимется в атаку? Но эти опасения были ничем не обоснованы. Команда «В атаку марш, марш!» толкнула головные сотни вперед, как вспыхнувший порох выталкива-

ет снаряд из дула орудия. По рядам бойцов катилось мощное и дружное «ура».

Рядом со мной, справа, с саблей в руке, с широко раскрытыми глазами скакал Климов. Бок о бок с комиссаром — Мостовой. Слева шел бледный, но решительный Сергей Царев, мой помощник, а с ним рядом — замполит бригады Игнатий Карпезо и уже пришедший в себя начальник разъезда Михаил Будник [1]. Сзади, оглушая нас, слышался дружный топот многих коней.

Ни о каком перестроении нечего было и помышлять. В этой обстановке оставалось одно — атаковать врага непосредственно из походной, весьма узкой по фронту колонны.

Противник стремительно надвигался. Стиснутые рядами молчаливых деревьев неслись навстречу друг другу разъяренные всадники.

Густой лес, таивший в себе много неожиданного, ка зался страшнее летевших в атаку запроданцев.

А что, если пехота Палия, прикрывшись кустарником, ударит по нашему беззащитному в лесу флангу? Но на это, видать, у атамана не хватило догадки. Кроме всего прочего, давно уже доказано, что каждое сражение таит в себе ряд упущенных возможностей. Были они у нас, были они и у Палия. А пока что перед нами была конница врага. Наконец-то случилось так, что сам Палий дает нам бой. И эту решительность бандитов можно было объяснить лишь одним: неожиданный успех в деревне Згарок вскружил им голову. Но скоро Палий смог убедиться, что то был случайный успех.

Конный отряд, преследовавший Будника, мчался в атаку с отчаянным криком «ура». Такой же боевой клич возник сзади, за нашими спинами. Двойное «ура» с разных сторон грозным эхом с еще большей силой повторялось где-то вдали. Казалось, что там, за лесом, сошлись на решительный смертный бой две колоссальные конные массы.

Красный штандарт, который приближался с каждой секундой, и крики «ура» тревожили больше, нежели острия блестящих, грозно надвигающихся на нас клинков.

Неужели это один из тех красноармейских отрядов, которые боролись на Подолии с местными бандитами или

---

[1] М. Будник и Царев дослужились в Червонном казачестве до высоких постов — оба командовали полками перед Великой Отечественной войной в Изяславе.

же содействовали продовольственным органам в сборе хлеба? Поздно будет признавать своих, когда обе массы на полном скаку врежутся друг в друга шашками. Если уцелеешь сам, то позора вовек не оберешься. Это будет похуже Згарка.

Всадник с ярким башлыком и красный штандарт незнакомого отряда находились теперь уже на расстоянии двух десятков метров. Мысль: «Свои или не свои?» — все еще мучила меня.

Рука с револьвером невольно поднялась, метя во всадника с красным башлыком. Но что это? Наваждение или мираж? Неужели этот сытенький старши́на, очевидно командир отряда,— мой земляк? Теперь вместо деникинских погон на плечах Глушака красовался башлык петлюровского сотника.

Вмиг исчезли сомнения. Но нервы петлюровцев не выдержали. За несколько мгновений до решительной схватки они показали нам спины. Первым повернул сам сотник, а за ним — значковый. Задние ряды, не зная, что делается в голове, нажимали по-прежнему. Отряд Глушака, опрокидывая своих, бросился наутек.

Грянул выстрел. Мимо. Красный башлык сотника исчез в ревущей толпе. Посланная шенкелями, Мария рванулась вперед. Два-три броска — бобровый воротник значкового в моей руке. Мы скакали с ним рядом за обезумевшей толпой гайдамаков. Деревья, мчась назад мимо нас, так и мелькали перед глазами.

— Кто вы? — спросил я, все крепче стискивая рукой ворот всадника.

Теперь уже и хорьковая шуба, в которую он влез, не дождавшись зимы, взяв ее, следуя подсказу пана Шолина, очевидно, не без помощи своего карабина, у какого-то гусятинского гражданина, и сотник Глушак говорили сами за себя. Значит — это не наши. Не придется краснеть за то, что атаковали своих. Но хотелось все же услышать хоть несколько слов из уст значкового.

— Мы, мы... крышка нам, каюк...— пробормотал значковый, распространяя вокруг смешанный запах самогона и чеснока.

Всадники головной сотни, лихие полтавчане, видя панику врага, нажали еще крепче. Дав полную волю озверевшим коням, они на широком галопе врезались в гущу петлюровцев.

Перед моими глазами, как в кино, мелькают возбужденные, красные от боевого напряжения лица Гусятнико-

ва, его друга Почекайбрата, ради похода расставшегося с малышами «татарского эскадрона», Перепелицы, Полтавца, Келеберды, Кравца, Олексы Захаренко...

Со сверкающими клинками уже летят на врага разъяренные кубанцы Храмкова. Колют, рубят, бьют наотмашь и мои земляки, там, у себя дома, знавшие лишь хлеборобское дело, и горячие сыны Кубани, с детства привыкшие к коню и клинку. Вот уже Митрофан Семивзоров, вырвавшись по обочине вперед, достает пикой петлюровца, в ляжку которого вцепился озверевший Халаур.

Шумная масса всадников, и преследующих, и преследуемых, несясь по узкой лесной дорожке, приближалась к Старой Гуте — стоянке основных сил Палия.

Теперь вернемся к нашей древней встрече с Глушаком — начальником палиевской конницы.

Это было в то время, когда Петлюра, опираясь на войска бывшего гетманского генерала Болбачана, контролировал на Левобережье лишь губернские центры. В уездах, в частности в нашем Кобелякском, власть принадлежала коалиционным Советам. В коалицию входили большевики и боротьбисты. Каждая партия опиралась на свою вооруженную силу. Большевиков поддерживал отряд щорбовского бедняка коммуниста Василия Упыря. 20 ноября 1918 года, когда отряд Упыря совершил у Лещиновки нападение на немецкий эшелон, уходивший в Германию, я, возвращаясь с подпольной явки, ожидал поезда на полтавском вокзале.

Для того чтоб своей внешностью не вызывать никаких подозрений, наши уездные руководители предложили мне обзавестись новым студенческим костюмом. На средства, полученные мной от члена повстанкома Александра Требелева, лучший полтавский портной сшил мне из дорогой голубой диагонали шикарные брюки и из торнтоновского сукна двубортную куртку с золотыми пуговицами и с поперечными наплечниками, на которых в виде литого вензеля переплетались два латинских заглавных «P», что означало «Peter Primus». Петроградский политехнический институт, куда я был зачислен осенью 1917 года, носил имя Петра Первого. Такой наряд свидетельствовал о том, что его владелец скорее принадлежит к разряду белоподкладочников, нежели к связным большевистского подполья.

Потрясая желтыми шлыками лихо заломленных папах, в зал буфета шумной гурьбой ввалились молодчики.

Моя первая мысль была о Юрке Коцюбинском. За полчаса до появления желтошлычников он, в старенькой шинели, в черной кепке, гладко выбритый, неторопливо прохаживался возле билетных касс. Мы с ним виделись на подпольной квартире. Я не предполагал, что снова увижу его в тот же день. Встретившись взглядами, мы, конечно, не подали и вида, что знаем друг друга.

Сохраняя внешнее спокойствие, небрежно заложив руки в карманы студенческой куртки и крепче зажав под мышкой дамские ботики, купленные мною в Полтаве по поручению сестры, я стал двигаться к выходу.

Вдруг кто-то окликнул меня. Я обернулся. Мой земляк, в офицерской форме, сидел в одиночестве за столиком буфета и махал мне рукой. В 1916 году, не закончив училища, Глушак ушел в школу прапорщиков. Пятиклассник Глушак, вызванный однажды решить алгебраическую задачу, написал на доске:

Среди густых акаций,
На бережку морском
Сидел старик Гораций
И чистил нос песком.

...Моему бывшему соученику, очевидно, хотелось похвалиться офицерскими погонами. В одном я был уверен: Глушак не мог знать о моей принадлежности к большевистскому подполью. Я охотно принял приглашение присесть к столику. Первым делом положил перед собой, придвинув поближе к офицеру, дамские ботики. В них хранились литографические оттиски листовок. Скрепя сердце слушал наглый рассказ белогвардейца о его «подвигах» на Дону.

Глушак, выложив все свои похождения, указал на погоны:

— Еду в Киев. Если Петлюра даст сотника, сорву их к чертям.

Мимо нашего столика проходил, с желтым шлыком на шапке, кармелюкский старшина. Глушак остановил петлюровца:

— Пан хорунжий! Що воно за рахуба? Шукаете кого, чи що?

Желтошлычник, от которого несло самогонкой, опустился на стул рядом со мной.

— Мы считали,— довольно откровенно начал он,— что в тех чертовых Кобеляках наши, а они, сволочи, взяли и напали на немецкий эшелон. Для показу признали нашу Центральную раду, а в самом деле в том отряде Василия Упыря — одни большевики.

Понимая, что нельзя все время хранить молчание, я спросил:

— Значит, пан хорунжий, я из-за тех большевиков не попаду к себе домой?

Петлюровец, войдя в раж, положил руку на ботики. У меня замерло сердце.

— Ничего, пан студент,— ответил хорунжий,— не сегодня завтра наш полк разворошит до дна то большевицкое кубло.— Петлюровец посмотрел искоса на Глушака.— Вы, пан поручик, как будто из наших, а воюете за единую неделимую.

— Обстоятельства! — пожал плечами белогвардеец.— Вот еду в Киев и, скорее всего, останусь с вами. Все же, что ни говори, своя рубаха ближе к телу.

Приближалось время посадки. Мы вышли на перрон. Радуясь случаю щегольнуть офицерской властью, Глушак растолкал пассажиров и усадил меня в одну из теплушек.

Прошло три года... И вот под Старой Гутой вновь пришлось встретиться с бывшим белогвардейцем, а теперь желтоблакитником.

РАЗГРОМ ЛЖЕПАЛИЯ

Под бандитским пулеметом

Впереди, на полянке, справа от дороги, показалась одинокая хата лесника. Глушак, с цветным башлыком на плечах, соскочив с коня, вмиг очутился на верхушке забора. Но Храмков, распустив по ветру широкие полы кавказской бурки, рванулся вперед. Ловким взмахом клинка сшиб наземь петлюровского сотника. Не слезая с седла, острием шашки кубанец подцепил красный башлык. Вытер им окровавленное лезвие.

Слышно тяжелое дыхание всадников, храпение разгоряченных лошадей, вопли о пощаде и яростные крики бойцов:

— Це вам за Згарок!

— Це за Гусятин!

— Получай же, кусок гниды!

А Мостовой все повторял, нанося удары шашкой:

— Мы дома, а вас сюда никто не просил!

Запорожец, нагнав диверсанта, рубанул его:

— Ось вам галушки, а ось и сало!

Бандиты, уклоняясь от ударов и стремясь попасть под защиту пехоты, удирали вовсю. Дорога шла все вниз и вниз. На окраине леса она уже стлалась по дну глубокой выемки. Ее откосы у въезда в Старую Гуту стиснули спасавшихся бегством словно клещами. Палиевцы, бросая лошадей, кинулись в огороды.

Но вот узкий проселок перешел в довольно широкую улицу. На противоположной стороне показалась одинокая хата под соломенной крышей. Червонные казаки, догоняя бегущих, ворвались в село и вместе с ними круто повернули направо. Во главе кубанцев, неутомимо работая шашкой, летел Храмков.

Участник боя, кавалерист из отряда Глушака, поручик Доценко писал, что навстречу им «двигалась колонна московской (?!) конницы... Она перешла в контратаку. Палиевцы повернули. Отходили только по дороге — по бокам были лес и болота. Погоня приближалась. Красные порубили многих. Кроме убитых, были и задушенные (очевидно, в теснине.— *И. Д.*). Москали начали строиться под лесом, а из лесу к ним подъезжали все новые и новые группы» [1].

Тут пан поручик, в основном свидетель объективный, несколько отступил от истины. На самом деле было вот что. Пулеметчики Ивантеева, шедшие за головным сабельным дивизионом, закупорили выход из лесу. И второй дивизион 7-го полка, горная батарея, весь 8-й полк не сумели попасть в Старую Гуту. Когда тачанки наконец освободили проход, обстановка резко изменилась.

Бой — это весы. То одна чаша, то другая перевешивает. На подступах к Старой Гуте чаша весов резко склонилась в нашу сторону, мы смяли и изрубили конницу Палия, уничтожили ее командира Глушака, ворвались в село.

Палий перешел границу, имея в отряде, кроме 900 пехотинцев, всего лишь 25 сабель. Вместе с приставшими к нему бандитами из пограничных лесов образовалась конная группа в 200 человек. Теперь из этой группы едва ли с полсотни всадников спаслись от ярости наших бойцов.

Но Палий еще не был побежден. Поняв, что Згарок больше не повторится, и не ожидая пощады ни для себя,

---

[1] «За державність», т. 3, с. 212.

ни для прочих диверсантов, он действовал смело, решительно, и эта храбрость атамана питалась его отчаянием.

На пригорке, впереди угловой одинокой хаты, крупный всадник в шлеме-буденовке, размахивая обнаженным клинком, подавал команды своим старшинам. Этот петлюровец на сером коне и был атаман банды полковник Михаил Палий-Сидорянский. Заметив мою темно-серую папаху с красным верхом, длинную кавалерийскую шинель со знаками комполка на рукавах и орденом в красной розетке, привстал в стременах.

Я чуть сжал бока лошади, и этого было достаточно, чтобы она, вытянув шею, ринулась вперед. Еще два-три броска — и мы сойдемся с Палием. Конь атамана грузнее и стоит на месте. А я, несясь на него полным карьером, думал, что преимущество на моей стороне: масса, помноженная на скорость, без сомнения, сыграет свою роль.

Но что это? Почему Палий так спокоен? Секрет очень прост — у ног атаманского коня, зарывшись в бурьян, со станковым пулеметом застыли два гайдамака. Но есть еще выход: вперед, справа от всадника, у подножия пригорка, склад зерна — гамазей. Не удалось сойтись с атаманом грудь с грудью... Из-за укрытия в ожидании выручки, сигналя клинком, можно будет управлять боем. Но... застрочил пулемет. Пули срезали лошадь на прыжке. Секунда — и моя нога под тугим боком поверженной Марии. Кобыла застонала. Подняв голову, жалобно посмотрела на меня. В тот миг, когда она, вытянув шею, ослабила нажим, удалось вытащить ногу, подняться с земли. На шинели кровь. Подумал — ранен, но в горячке не чувствую боли. В голове — карусель. «Хоть и убьют,— вспыхнула мысль,— полк не рассыплется. Во время полевых учений каждый сотник получил богатую практику». С замиранием сердца каждую секунду ждал и выручки, и губительного огня бандитского кольта. Но гайдамаки не стреляли. Очевидно, задумали взять меня живым. Они находились в двадцати — тридцати метрах.

Вдруг палиевцы открыли огонь, но куда-то в сторону. С зажатым в руке пистолетом, пристально наблюдая за атаманом и ожидая, что вот-вот он двинется вперед, я не мог обернуться. Мне было ясно, что кто-то из наших людей, поспешив на помощь, был остановлен огнем вражеского пулемета.

Но вот из-за гамазея донеслось звонкое «ура». Застыв, я ждал смертельного удара. Пулемет забил, только не по мне, а по Семивзорову, кинувшемуся с фланга на Палия.

Казак в один миг растянулся на земле, но этого мига было для меня достаточно, чтобы тремя прыжками очутиться за гамазеем. Через минуту, двигаясь по-пластунски, сопровождаемый Халауром, приполз и Семивзоров. Не теряя обычного задора, он забарабанил:

— Либо в стремя ногой, либо в пень головой. Вот и пригодился кривой Семивзоров! — Ощупав руки, ноги, спросил: — А вас, комполка, не прикаючило? Вот дончака жаль, начисто срезали, гады!

Коротким замешательством сотен, не успевших ворваться в Старую Гуту, воспользовался атаман. Он двинул пехоту во фланг нашей оставшейся еще в лесу колонне. Гайдамаки бесшумно подошли на близкую дистанцию и открыли меткий, частый огонь. О том, чтобы в конном строю атаковать в густом лесу пешие цепи, нельзя было и думать. Оставалось одно — пробиваться меж деревьев на простор. И наши люди это сделали под прикрытием пулеметов Григория Ивантеева. Таким образом, наш второй дивизион, батарея и весь 8-й полк в полукилометре от Старой Гуты были вышиблены палиевцами из леса.

«Наша пехота,— вспоминает петлюровский поручик Доценко,— открыв частый огонь, с криками «слава!» двинулась вперед. Москали не устояли...»

Что ж? Нельзя утверждать, что нам сопутствовал один лишь успех. Били мы, били и нас. Палий представлял собой опасного противника, особенно если учесть его контингенты — стреляных волков. И справиться с ними было нелегко.

Вдруг из-за хат с разных сторон рванулись к нам три всадника. Один из них был Царев, другой Бондалетов с Громом в поводу, а третий — трудно было этому поверить! — Очерет.

Мне показалось, что я его вижу во сне. Но он уже вел свободного коня — одного из брошенных палиевскими всадниками. За амбаром мы могли стоять спокойно. Выехавшие из леса пулеметные тачанки взводного Фридмана открыли огонь по Палию и по его охране. Очерет, не выпуская из рук поводьев трофейного коня, сделал ревизию гайдамацкому седлу. Как только он поднял крышку кобуры, из нее посыпались петлюровские кокарды с желтым трезубцем на голубом фоне. Кокард хватило бы на целый полк.

Спустя несколько минут ни Палия, ни его пулемета на пригорке уже не было. Мы, пять всадников, направились в ту сторону, куда ушли наши головные сотни.

Очерет объяснил, как он очутился в Старой Гуте. Возвращаясь из отпуска, он попал в Жмеринку, где ему предстояла пересадка. В связи с появлением банды Палия поезда на Проскуров не шли. Оперативный работник штаба корпуса, отвозивший на паровозе приказание Багнюку, согласился взять Очерета с собой. В Комаровцах, сойдя с паровоза, казак увидел хвост колонны, уходившей на Старую Гуту. И здесь выручили Очерета лампасы: боевой обоз 8-го полка подвез его.

Ко мне, на окраину Старой Гуты, прискакал ординарец от Багнюка в тот самый момент, когда со мной прощался смертельно раненый командир кубанской сотни. С бескровным лицом, настолько побелевшим, что не стало видно шрама — следа сабельного удара, держась за живот, Храмков шептал:

— Прощайте, комполка... не обижайтесь... если когда-нибудь было не так, как надо... Напишите моим...

Поддерживаемый за плечи грузным Земчуком, еще в Литине вернувшимся из побывки в полк, умирающий опустил голову.

— Это, комполка, их срезало,— со слезами на глазах сказал Земчук,— когда они бросились вам на выручку.

Вот теперь мне стало ясно, в кого стреляли, оставив меня в покое, телохранители атамана. Я понял, кто, жертвуя собой, спас мне жизнь.

Вечная память тебе, отважный сын славной Кубани! Ты погиб на боевом посту; как и твои земляки братья Карачаевы — героические вожаки червонных казаков.

Комбриг построил на лужайке бригаду. Во время затянувшегося митинга славил 7-й полк, пробирал 8-й и за Згарок, и за отход из лесу. Но я, несмотря на похвалы комбрига, чувствовал себя неважно: погиб, спасая меня, отважный воин, командир сотни Храмков. Мой боевой конь остался там, у гамазея, и мою шапку, далеко отлетевшую при падении, подхватил Палий. Но в ней ему не повезло еще больше, чем в буденовке, добытой в Згарке.

Семивзоров, завладевший новым, бандитским, конем, подъехал к Ване Шмидту, вытащил у него из-за пазухи огромную мохнатую муфту.

— Где ты ее,. Малютка, взял? — спросил казак.

— У зарубленного петлюровца!

Семивзоров, напялив на голову муфту, выразил искреннее недоумение:

— Дрянь, а не шапка. Ерундиция! И как он, бандюга, носил эту папаху? Кругом сквозняки!

По настоянию Карпезо комбриг Багнюк сократил речь. Было решено, оставив лошадей в лесу, атаковать Палия в пешем строю. Но... в Старой Гуте его уже не было.

Я подъехал к гамазею, где атаман подобрал мою шапку. В траве, вытянув ноги, лежала с восемью ранами Мария. Гром, нагнувшись над ней, тоскливо заржал.

Бондалетов, день и ночь холивший красавицу лошадь, покачал головой:

— И надо же было ее вести из-под самого Кременчуга, чтоб она положила голову под какой-то Старой Гутой.

На стенах гамазея и селянских хат висели наспех прикрепленные воззвания желтоблакитников:

«Уничтожайте все мосты, железнодорожные полотна... Расправы производите по ночам. Распространяйте воззвание из села в село, из хаты в хату, из рук в руки... Поддерживайте связь с другими повстанцами.

Командир Подольского партизанско-повстанческого отряда полковник Палий».

В Старой Гуте все свидетельствовало о поспешном бегстве банды. Торопясь унести шкуру, петлюровцы не стали хоронить трупы соратников. С рассеченными головами, в шинелях, залитых кровью, они валялись на дороге, под плетнями и на побуревшей траве широкой левады, тянувшейся от леса к гамазею. На многих трупах оставались богатые, как у значкового, шубы.

Какой-то бандит без шапки, с копной черных волос на голове, широко раскинув длинные руки, с обломком деревянной пики в боку лежал ничком под тыном. Прямо против гамазея, на кочковатой дороге, застыло короткое, безголовое туловище в дамской беличьей шубке. Рядом валялась голова бандита с открытыми глазами, устремленными в небо, в рыжей папахе, из-под которой торчал рыжий чуб, с широко раскрытым ртом, полным золотых зубов.

— Узнаю роспись Прожектора,— остановившись возле срубленной головы, сказал Мостовой.

По широкой леваде сиротливо бродили подседланные бандитские кони. Палиевцам, стремившимся поскорее оторваться от преследования, было не до них.

Когда мы вошли в Старую Гуту, рослый вороной конь, с налитыми бешенством глазами, носился из одного края левады в другой, стараясь отделаться от всадника, застрявшего правой ногой в стремени. До смерти напуганный необычным грузом, вороной то вздымался на дыбы, то

подкидывал задком, стараясь копытами угодить в волочившееся за ним тело. Одежда бандита висела клочьями, а лицо, изрезанное острыми кочками, представляло собой кровавое месиво.

А в одинокой угловой хате, с мутными, полузакрытыми глазами, лежал с посеченными кистями рук и посеченной головой комиссар 8-го полка Мазуровский. Раненный в грудь во время отступления из лесу, он не удержался в седле. Его подобрали палиевцы, увели в деревню. Содрали с него кожаный костюм и после зверских пыток зарубили. В Одессе одна из улиц вскоре была названа именем Мазуровского [1].

На подступах к Старой Гуте банда Палия получила чувствительный удар. Сокрушив его конницу, мы выполнили основное требование нашего командира корпуса — добились успеха в первом бою. И сразу же чаша весов довольно внушительно стала клониться в нашу сторону. Но незавершенный успех таит в себе много опасного... Тому свидетельство та же Старая Гута! Там мы увидели и кровь врага, которая воодушевляет, и кровь, которая угнетает,— свою кровь...

Вина за нее, надо прямо сказать, лежит не только на комбриге Багнюке, но и на мне. Не сообразил, спéшив одну сотню, выставить влево заслон против пехоты Палия. Да, не хватало мастерства! Этого мастерства не хватало нам и позже, во время дальнейших схваток с диверсантами. Но оно компенсировалось избытком большевистского порыва. После первой удачной конной атаки под Старой Гутой, когда была изрублена конница Палия, наших людей, казаков 7-го полка, нельзя было удержать: так они рвались в бой.

---

[1] «Пишет Вам учитель школы села Колесец Лебединский Виктор Емельянович, уроженец Деражнянского района, села Старая Гута, в котором, судя по Вашим книгам, осенью 1921 года во время борьбы с бандитами был убит военком 8-го полка червонных казаков товарищ Мазуровский.

Хорошо помню — перед Великой Отечественной войной в Майские и Октябрьские праздники нас, школьников, водили на опушку леса возле нашего села к могиле безымянного советского комиссара.

Как член партии и участник ВОВ хочу поднять вопрос об увековечении памяти комиссара Мазуровского сооружением обелиска на месте гибели героя. Это рядом с сельским клубом села Ст. Гута. Каково Ваше мнение?

С уважением В. Лебединский, село Колесец, Теофипольского р-на, Хмельницкой области. Школа. 24 марта 1978 года».

И хотя после контратаки палиевской пехоты в Старой Гуте чаша весов вновь заколебалась, Подольский отряд продолжал торопливо уходить не на Жмеринку — Винницу, а на северо-восток... Остались позади манившие достатком и покоем Голенищево, Вербка. Лишь на четыре часа бандиты могли позволить себе привал в Майдане Вербецком...

Погоня

Бригада, вызвав из лесу коноводов, села на лошадей и бросилась вслед за петлюровцами. Банда, широко используя отнятые у крестьян подводы, ушла далеко по направлению к Южному Бугу. Преследуя диверсантов, мы поздно вечером 31 октября, перейдя реку Згар, остановились на ночлег в селе Голенищево.

После короткой тревожной ночи тронулись в путь. Хотя накануне, к концу дня, в Старой Гуте Палию и удалось кое-чего добиться, но не он стал хозяином положения.

1 ноября 1921 года началось тихим, ясным и совершенно мирным рассветом. Казалось, что ушедший день, насыщенный кровавыми делами, жестокими схватками с тяжелыми, непоправимыми потерями, был только кошмарным сном. Но сердце ныло от чувства невыполненного до конца долга: банда еще жива. И, очевидно, не сойдет с сердца эта тяжесть, пока «подарок Пилсудского» не будет полностью и до конца уничтожен.

На взмыленном коне какой-то казак привез из Хмельника свежий номер «Красной Армии». Газета била тревогу, требуя: «Встретить наглых захватчиков стеною штыков, лесом пик». В передовой З. Серебрянский, чье имя увековечено золотыми буквами на мраморной доске в Москве, в Доме Союза писателей, обращаясь к красноармейцам, писал: «Сильнее пружиньте границу, чтоб через нее не мог пролететь ни один контрреволюционный ворон».

От казака стало известно, что 2-я бригада Бубенца стоит в районе Староконстантинова, а начдив с 3-й бригадой, с 11-м полком Букацеля и 12-м Горбатова находятся в районе Хмельника. Не исключалось появление из-за кордона новых петлюровских банд.

Весь день мы мчались по свежим бандитским следам, оставленным на старинном казацком шляху. Все говорило о поспешном бегстве гайдамаков: истоптанный множеством конских копыт шлях был загроможден трупами пав-

ших лошадей, брошенным походным хламом. Но не только это... Тот, кто видел страшный, кровавый след Палия, не забудет его никогда. Весь путь банды от Старой Гуты до Южного Буга и дальше до Цымбаловки, где она заночевала 1 ноября, был усеян трупами зверски замученных работников сельсовета, продовольственных агентов, активистов незаможников, молодых учителей. Палиевцы словно торопились на ком-нибудь сорвать злобу за долгий плен в Калишских и Ланцутских адских таборах, досаду за инертность селян и за непоправимый урон, понесенный в Старой Гуте.

Озверевшие петлюровцы в бессильной ярости уничтожали ни в чем не повинных советских людей. Этими «подвигами» похвалялись бандиты. В своих записках поручик Доценко сообщает, что «в Россохе авангард расстрелял одного коммуниста и захватил шесть коней с седлами. В Чудиновцах над Бугом расстреляли семнадцать советских активистов. Лишь одному под градом пуль удалось, бросившись в воду, спастись. В Кумановцах волостной военрук, приняв нас за красноармейцев, настойчиво повторял: «Товарищи, я коммунист». Его и трех красноармейцев расстреляли».

Стремясь снова вцепиться в банду, мы выжимали из наших лошадей все, что они могли дать. Кони, заметно окрепшие на фураже нового обильного урожая, натренированные постоянными учениями, свободно делали по восемь километров в час, двигаясь километр рысью и километр шагом, то есть переменным аллюром. Но следование бригадной колонной, да еще с батареей, несколько снижало скорость марша. Палий имел то преимущество, что, бросая замученных селянских лошадок, перевозивших пехоту, в каждом селе брал им замену. Но для этого нужно было время. А заставы и разъезды атамана доносили о неотступной погоне, к тому же весть о движении петлюровцев опережала их. Крестьяне, как это было принято в те годы, уклоняясь от неприятной повинности, угоняли лошадей в лес, в труднодоступные яры и урочища.

Мы преследовали банду. Позади оставались села, леса, перелески. Палий изо всех сил рвался на северо-восток. Там ждало его спасение — сплошные леса и Тютюнник с его Волынской диверсионной группой генерала Янченко.

К концу дня по целому ряду признаков стало заметно, что расстояние между бандой и нами несколько сократилось.

Поздно вечером 1 ноября бригада Багнюка переправилась через Южный Буг. Незадолго до нас перешли реку и диверсанты. С высоких холмов мы наблюдали далекие, охваченные багровым закатом забужские деревни. В одну из них — Цымбаловку — вошел отряд Палия.

Уже в абсолютной темноте наши голодные, усталые люди на замученных конях втянулись в село Терешполь. Первым желанием каждого было уснуть.

Но... рядом заночевала и банда. О мерах разведки и охранения мы договорились с командиром 8-го полка Синяковым в присутствии «штаба» бригады. Весь штаб состоял из одной оперативной единицы — адъютанта П. Ратова. Сам командир бригады, «старик»,— ему было под сорок,— устав с дороги, прилег отдохнуть.

Развернув карту, мы разделили между полками участки охранения. Выслали разъезды.

Особый разъезд отделенного командира Лелеки пошел из Терешполя на Цымбаловку. По всей вероятности, Палий, двигаясь на Волынь, должен был воспользоваться проселком, что вел из Цымбаловки на Яблоновку. Позади этой дороги протекала гнилая речушка с топкой поймой. Стремительный удар из Терешполя прямо на север, во фланг Палию, утопил бы весь его отряд в болоте. План этот, созрев в голове, казался легко и просто осуществимым. В том, что казаки 7-го полка бросятся в любую атаку без колебаний, после Старой Гуты уже можно было не сомневаться. Главное, дать им и их коням возможность за ночь восстановить силы, зря их не тревожить. А так как отчаявшийся враг мог решиться на все, следовало, оберегая сон людей, меньше спать самому. И, кроме того, для успеха задуманной операции надо было, чтоб особый разъезд не прозевал время выхода Палия из Цымбаловки. Но успех плана зависит не только от одного замысла...

В нашем боевом обозе мы везли пленного. О том, что он прячется на кладбище Старой Гуты, сообщили нам местные жители. Накануне, когда перед самым уходом из деревни привели диверсанта в штаб, собралось много народу. На вопрос: «Как фамилия?» — петлюровец ответил: «Цвынтаренко». Сначала мы подумали, что он нас морочит. Земчук, опечаленный гибелью земляка Храмкова, сказал со злостью:

— Все знают, что ты Цвынтаренко, потому что схватили тебя не где-нибудь, а на цвынтаре [1]. Ты скажи фа-

[1] Кладбище.

милию твоего батька, тогда и видно будет, какая фамилия у тебя. А то не узнаем, по ком свечку ставить.

— Так вы меня зарубаете? — с нескрываемым страхом спросил бандит.

— Если будешь брехать, то обязательно посечем,— заверил его Бондалетов, теперь уже щеголявший в шикарной, вишневого цвета черкеске. После рубки под Старой Гутой он снял тот богатый трофей с вьюка зарубленного Глушака.

— Ей-бо, я Цвынтаренко. Вот только документов нет, все наши бумаги в полковом штабе. А я Цвынтаренко! Правда, попачалу я был просто Цвынтарь. Но наш командир куреня Бондаренко — это было еще в Херсонской дивизии — в девятнадцатом году всех нас переписал. Он сказал: «Я Бондаренко, и в моем курене будут только «енко». После того — кто был Павлюк, стал Павленко, Щуп заделался Щупенко, а я с Цвынтаря обернулся на Цвынтаренко. Был среди нас немец из колонистов Шварц, и тот стал Шварценко...

Рассказ пленного вызвал всеобщий интерес. Народ оживился. Мрачными оставались лишь вестовые-кубанцы. Кто-то из них успел сбегать в сотню, привести к штабу большую группу казаков, только что похоронивших сотника Храмкова. Очерет, наклонившись к моему уху, шепнул, что кубанцы ждут удобной минуты для расправы над пленным.

Палиевец, считая себя пропавшим, все же в репликах бойцов видел как бы проблеск надежды. Узнав Очерета, заерзал на скамейке, порываясь что-то сказать. Дрожащим голосом наконец заговорил:

— Семене! Узнаешь? Скажи им, брешу я чи не брешу? Цвынтарь я чи не Цвынтарь?

Изумленный Очерет, подступив к пленному, сдвинул папаху на затылок:

— Бонжур вам! Так вот где мы с тобой, Кузьма, повстречались!

Петлюровец как утопающий за соломинку ухватился за земляка, который, как показалось ему, не даст рухнуть в бездну. Он повторил уже слышанную нами от него версию: поход Палия он использовал для возвращения на родину. Хотя в лагере свое же начальство — четовые, бунчужные — и давали шомполов за листовки, но он читал одну, в которой говорилось, что Советская власть объявила амнистию для таких, как он. Взглянув умоляюще на Очерета, он сказал:

— Ты ж мне родня. Скажи все, что знаешь про меня, Семене!

Очерет, явно озадаченный и потрясенный этой встречей, передвинул папаху со лба на затылок и, глядя исподлобья то на пленного, то на казаков, столпившихся в штабе, ответил:

— Что требуется, скажу без утайки, Кузьма. Моя хата с краю, но я все знаю. А что касаемо родства, то мы с тобой такие родичи: когда у твоего деда млын горел, мой дед спину грел...

Очерет своим ответом вызвал дружный смех, к которому присоединились и мрачные кубанцы.

Команда «по коням», поданная Багнюком, прервала допрос палиевца. Повинуясь казаку-конвоиру, Цвынтарь, с понурой головой, но заметно воспрянувший духом, направился в хвост колонны, к которому уже пристраивались повозки боевой части обоза.

...Прошли сутки. В Терешполе, чтобы чем-нибудь отогнать сон, комиссар велел Очерету привести пленного.

Цвынтарь, в рваной шинели, без пояса, в опаленной со всех сторон серой солдатской папахе искусственного барашка, чуть согнувшись, следуя впереди Очерета, с трудом пробрался между лежавшими вповалку посыльными, писарями штаба. Сел на скамью под стенкой. Мерцающее пламя коптилки освещало худое обросшее лицо, еще более оттеняя его желтизну. Комиссар полка Климов спросил Очерета:

— Из каких он?

Семен, поглядывая то на палиевца, то на нас, ответил:

— Видите ли, товарищ комиссар, у него самого нет ничего. Но батько его, старый Цвынтарь, из крепеньких.

— Кулак? — Климов пристально посмотрел на бандита.

— Как сказать? — продолжал Очерет.— Середка наполовину. От петушков отстал, а до когутов не пристал. Батраков не пользовал. У него вот они,— кивнул ординарец на Цвынтаря,— сынки батрачили. Старик тот жилистый, из чабанов.

— Что, выбился в люди?

— Правдой в люди никто у нас не выбивался. Он чабановал у Фальцфейна. Слыхали про такого помещика? Другие чабаны ждали панской милости — наградных к пасхе и рождеству. А Цвынтарь, значит, его батько, потихоньку после окота душил молодняк. Разделывал барашков, мясом кормил овчарок. Шкуры баба уносила до-

мой. На горище складывала. А года через три-четыре чабан уволился от Фальцфейна. Повез в Херсон шкурки. Тайно продал. Хотя, говорят, за полцены, но себе не в убыток, так что после той продажи откаблучил себе хутор под Маячкою. Народ так и зовет то место не «Цвынтарев хутор», а «Хутор на шкурках» или просто «Шкурки»...

— Верно говорит Очерет? — спросил комиссар, обращаясь к пленному.

— Верно! — Цвынтарь еще ниже опустил плечи.

— А теперь скажи, Цвынтарь, или Цвынтаренко, как ты попал к Петлюре? — Климов в упор посмотрел на пленного.

Цвынтарь поднял голову. Обвел нас всех растерянным, блуждающим взглядом.

— Мне говорить или пусть он скажет? — кивнул он головой на Очерета.

— Не он же был у Петлюры, а ты. Ты и говори,— отрезал комиссар.

— Конечно, говори ты, Кузьма.— Очерет пристально посмотрел на земляка.— Только знай, что говорить. Если твоя совесть не полиняла, как шерсть моей кобылы, то скажешь, Кузьма, одну только голую правду...

— Так вот,— начал Цвынтарь.— Как поудирали немцы и скинули гетмана, Петлюра объявил мобилизацию. И мой год потребовал. Встретились мы тогда с Семеном. А он говорит: «Пока идет мобилизация, перебудем это время в Днепровских плавнях под Каховкой». Я так и думал сделать, а тут заявился тот самый Бондаренко из Херсона, атаман куреня, и давай выступать на площади в Маячке. Наш народ после немцев хотел только одну Советскую власть, а Бондаренко говорил: «И мы за то же самое. Кто у нас в Киеве? Центральная рада. А что такое рада? Это совет. Значит, и мы за Советскую власть. Мы сами против помещиков, против панов».

— Да,— перебил его Очерет.— Вместе с Бондаренко заявились в Маячку атаман Херсонской дивизии доктор Луценко и его помощник Долут. Они тоже выступали на сходке. Мы, говорили они, за Советскую власть, только без кацапов, евреев, китайцев и коммунистов. Мы за народную власть, только без волоцюг, босот. Потому — раз ты, голодранец, не смог позаботиться за свое хозяйство, как же ты управишься с такой державою, как наша ненька Украина? Надо, чтоб всем управляли «хазяї».

— Значит, ты послушался Бондаренко? — спросил Мостовой.

— Я послушался не Бондаренко, а батька. Он сказал: «Не пойдешь, сукин сын, со зброею защищать нашу неньку, нашу ридну державу, ни шматка земли не жди».

— И сейчас тебе земельки захотелось? — донесся с полу голос проснувшегося лякуртинца Запорожца.

— Нет, добродию,— приглушенно ответил петлюровец.— Я записался до Палия, чтоб как-нибудь попасть на Украину, а там объявиться Советской власти.— Он повел плечом, поднял голову, сверкнул глазами.— Что я вам скажу, люди? Если б вы знали, какая там жизнь на чужине! В нашем таборе многие посходили с ума. А чуть растулишь рот — попадешь под палку лагерь-полицейского, лупоглазого бунчужного Чумы, или же погонят в Домбье: там каюк — и все. Туды и за листовки гнали. Особенно дознавались за ту, где писалось: «Кто отдал Галицию шляхте? Петлюра! Кто прогнал с Украины Пилсудского? Большевики!» Из Домбье один путь — в могилу. Если б кто сказал мне: «Кузьма, как жук, ползи на Украину», я бы со всем моим удовольствием. На коленях рачковал бы до самой Маячки. Вот, бывало, лежишь на соломе в бараках, заплющишь очи — перед тобой вся Таврическая степь, и тополя возле Маячинской школы, и мазаные хаты под соломою, и журавель над криницей. А там баштан с кавунами и дынями, ставок с очеретом. Залезешь на казацку могилу — и на ладони вся степь. А она то белая от гусей, то черная от овец, то красная от коров, а возле них пастушок. Оно хоть босое, а в бараньей шапке... Эх, горе не море, а выпьешь до дна,— тяжело вздохнул Цвынтарь.

— Ты, я вижу, поэт! — уставился на рассказчика Климов.

— Какой из меня поэт, если не сегодня завтра меня посекут?

— Таких петлюр, которые идут против народа, надо рубать под корень,— послышался голос взводного Почекайбрата.

— Я... я... Ну какой же я Петлюра?..— забормотал перебежчик.

— Смотри, как хлещет словесностью! — подал голос Мостовой, лежавший на полу рядом с лякуртинцем.— Чует, подлец, что наклявывается амнистия. Да,— задум-

чиво прошептал секретарь партийного бюро,— научит горюна чужая сторона...

— Многие из наших,— продолжал Цвынтарь,— которые записывались к Палию, так и думают: надо с оружием пробиваться до своих хуторов. А тут еще нам разрисовали, будто мужики на Украине только и ждут команды. Мы и зброю для них возили. Только зря, вижу, Палий с ним таскается.

— А Глушак давно с вами? — спросил я Цвынтаря.

— Это командир конного отряда?

— Он самый!

— Чего не знаю, того не скажу. Говорят, он из мазепинского конного полка. Вот, слышал, в Копычинцах он говорил: «Хлопцы, острите клинки. Нам вареников со сметаной никто не поднесет. Будем к ним пробиваться шаблюками».

Но Глушаку, зарубленному Храмковым на подступах к Старой Гуте, уже не добраться ни до вареников со сметаной, ни до отцовских загонов с откормленными свиньями.

Стремясь рассказать все, пленный продолжал:

— Сам Палий нам говорил: «Ступайте, хлопцы, смелее вперед. Винница и Жмеринка уже в руках атамана Крюка. Под Киевом стоит атаман Орлик, Полтаву забрал Левченко, а Катеринослав — атаман Брова».

— Теперь ваш Палий может давать горобцам дули,— злорадно бросил Запорожец.— Атамана Крюка шлепнули...

Частый топот копыт, донесшийся с улицы, прервал допрос. В хату ввалился начальник особого разъезда. Цвынтаря увели. Качаясь от усталости, с мутными глазами, отделенный командир Лелека доложил, что на дороге Цымбаловка — Яблоновка все спокойно.

Замысел у нас был хороший: внезапной атакой во фланг опрокинуть банду в трясину, но, повторяю, успех плана зависит не только от замысла... Отчитав Лелеку за то, что он покинул свой пост, я велел ему срочно вернуться, непрерывно следить за дорогой и сразу же послать донесение, как только палиевцы оставят место ночлега.

Что же происходило в стане диверсантов, пока Лелека во главе разъезда маячил на дороге Цымбаловка — Яблоновка? Об этом нам потом сообщили пленные петлюровцы.

В 11 часов ночи начальник штаба отряда сотник Аксюк, вызвав поручика Доценко, приказал ему пробраться на восточные хутора и установить, нет ли там красных.

На окраине Цымбаловки застава сообщила поручику, что какие-то всадники подъезжали с востока к селу и вновь куда-то скрылись.

Затаенный шепот постовых, лай собак, не умолкавших ни на минуту, пугливое поведение лошадей, то и дело шарахавшихся в стороны, холодная ноябрьская ночь, таившая в себе много неизвестного и страшного,— все это нервировало и поручика Доценко, и его разведчиков.

Ткнувшись в первый хутор и установив, что в нем никого, кроме жителей, нет, Доценко вернулся, разбудил Аксюка и, доложив о результатах разведки, направился спать.

Таким образом, добродий поручик, получив ту же задачу, что и Лелека, вел себя еще хуже, чем наш отделком. Помимо этого, поручик Доценко обманул командование, передав Аксюку, что в Терешполе заночевали 2000 казаков. А на самом деле вся бригада Багнюка вместе с артиллерией насчитывала лишь третью часть этого количества.

Объехав с комиссаром Климовым посты, я вернулся в штаб. Сел, положил руки на стол и, опустив на них голову, сразу же мертвецки уснул. Но спать пришлось недолго, минут десять — пятнадцать. Кто-то крикнул над ухом:

— Товарищ комполка, банда пошла!

Казаки, лежавшие на полу штабной хаты, вскочили на ноги. Вскоре по сигналу тревоги в предрассветном тумане собралась вся наша бригада.

Оказалось, что пока Лелека возвращался из Терешполя на свой пост, Палий не дремал. Банда покинула Цымбаловку.

Мы всей колонной выскочили из Терешполя и галопом понеслись вперед. Вдали, миновав пойму гнилой речушки, которая должна была, по нашему замыслу, превратиться в могилу банды, последние повозки Палия и всадники его тыльной заставы, едва различимые сквозь тяжелый синий туман, подтягивались к Яблоновке.

Значит, оставалось одно: пользуясь незначительностью разделявшей нас дистанции, скакать вперед и заставить Палия принять бой. Так, думал я, поступил бы и мой учи-

тель — «желтый кирасир» Федоренко. Того же требовал бы от любого командира и комкор Примаков.

Навалившись всей массой, бригада быстро сковала бы и раздавила врага. Но, вопреки этому наиболее целесообразному решению, был задуман сложный маневр, как будто мы имели дело с противником, который не убегал, а только о том и мечтал, чтобы дать нам сражение.

Сначала меня обрадовало весьма решительное распоряжение комбрига:

— Давай лупи напрямую. Догоняй, кроши гадов...

Но надо было действовать не вразброд, а согласованно. Старая Гута показала, что противник чего-то сто́ит. Я спросил, что будет делать 8-й полк.

— Синяков пойдет на Пышки — Ожеровку... в обход правого фланга банды...

Я стрельнул глазами в двухверстку.

— Пусть обходит... только в пределах поля боя, не в мировом масштабе...

Но наши товарищи уже уклонились круто влево... на оперативный простор. Не время было для препирательств. Это понял и Карпезо. Показывая пример мужества, наш замполит вместе с головными сотнями 7-го полка атаковал цепь петлюровцев, раскинувшуюся впереди Яблоновки.

8-й полк получил задачу обходом с северо-запада отрезать пути отступления Палию. С 8-м полком пошла и батарея.

Все люди, начиная с сотников и кончая рядовыми казаками, вплоть до Малютки — Ивана Шмидта, рвались вперед, стараясь сойтись с бандой. И не как-нибудь, а лбом в лоб. При той обстановке, действуя только так, можно было в кратчайший срок, малой кровью добиться полной победы. И это стремление бойцов 7-го полка, жаждавших любой ценой разделаться с наймитами пана Пилсудского, в тот же день увенчалось успехом.

Нет сомнения, что такими же были настроения и у наших товарищей, но, увы, не их вина в том, что 8-й полк увели в сторону от того маршрута, на котором только и возможна была встреча с врагом. Летом, одновременно с нами, 8-й полк получил прекрасное пополнение. Дивизион, прибывший из Киева, состоял из обстрелянных кавалеристов. Среди них был и командир взвода Кондрат Мельник.

Во время Великой Отечественной войны генерал-лей-

тенант Кондрат Мельник командовал армией, громившей фашистов в Крыму на Керченском полуострове.

Конечно, можно заподозрить врага в пристрастности к своему полку, в стремлении разрисовать его подвиги, умаляя заслуги боевого соседа, тем более что с тех пор прошло много, много лет. Но наличие живых свидетелей событий гарантирует от подобных подозрений.

Над полями еще курился сизый туман, обещая погожий, солнечный день, когда мы, двигаясь широкой рысью по скованному морозцем шляху, увидели впереди цепи петлюровцев. Переправа по узкому мостику в деревне Яблоновка задержала поспешное движение тысячной банды. Палий выдвинул против нас заслон из пехоты и пулеметов.

Каждая минута задержки шла на пользу петлюровцам и во вред нам. Не теряя времени, надо было смять заслон и вместе с ним, на его плечах ворвавшись в деревню, врубиться в банду. То есть повторить тот же маневр, который позволил нам на плечах конного отряда Глушака влететь в Старую Гуту. Неважно, что пеший противник, защищенный складками местности, превосходит нас числом и огнем. Спешиваться, чтобы обеспечить себя от лишних потерь, значило терять драгоценное время. Надо было в конном строю атаковать банду, навести страх на диверсантов стремительным и грозным сближением.

Когда мы только вытягивались из Терешполя, люди, оторванные от сладкого сна сигналами тревоги, лениво позевывали, дрожа от предрассветной ноябрьской свежести. Низко опустив головы, вяло двигались и кони. Но, увидя поблизости врага, все преобразились. Ощущая пьянящий, предбоевой озноб, развернулись сотни и, вскинув над головами сверкающую сталь клинков, ринулись вперед. Радостно было видеть, что здесь, как и под Старой Гутой, летели впереди атакующих всадников Климов, Царев, Мостовой, Карпезо, который по долгу службы мог и оставаться при штабе бригады...

Тогда, два дня назад, в узком лесном ущелье под Старой Гутой в одном ряду шли шесть — восемь сталкивавшихся стременами всадников. Головные сотни Васильева и Храмкова вынуждены были действовать вытянутым в глубину плотным клином. Зато здесь, на невспаханном поле под Яблоновкой, все сабельные сотни, раскинувшись широкой казачьей лавой, с грозным криком «ура» устремились вперед на гайдамаков.

Так как Палий лишился своей конницы под Старой

Гутой, можно было не опасаться ни за фланги и тыл, ни за сабельную контратаку. Не оставив ни одной сабли в резерве, полк в полном составе летел на вражеский заслон. На правом фланге, обгоняя бешеные тачаночные тройки Григория Ивантеева, скакал со своими людьми сотник Васильев, рядом с ним — Кикоть, на левом фланге — прикрываемые пулеметами Фридмана башкиры и латыши Жана Силиндрика. В центре, стремясь рассчитаться за Храмкова, неслась, распустив по ветру черные паруса бурок, сотня кубанцев.

Из-за темных верхушек яблоновских верб и тополей ударили первые лучи бледного ноябрьского солнца.

В бою за Яблоновку отличился взводный, отличный командир «татарской сотни» Панас Почекайбрат. Продвижению правого фланга сотни мешала окопавшаяся на окраине села группа вражеских стрелков. Почекайбрат, сжав бока Орлика, полетел на карьере вперед. Положив на полном скаку коня и прикрывшись его корпусом, забросал диверсантов гранатами. Сабельная сотня полтавских незаможников ворвалась в Яблоновку, но за этот успех, так и не «пробившись» в учителя, заплатил жизнью прекрасный наш товарищ — камеронщик донбасских шахт Почекайбрат.

Семивзоров, получивший вместо двух убитых под ним трофейных коней чудом уцелевшего Орлика, прислонившись спиной к седлу, свернул цигарку, достал из кармана «адскую машину». Зажав кремень тремя пальцами, пустил в ход тяжелое кресало. Но рука, устав от напряженной сабельной работы, дрожала, удары были неточны. Слабая искра, попадая на распушенный конец шнура, тут же гасла. Казак, разозлившись, сделал секундную выдержку, нацелился, сощурив единственный глаз, отрывисто чиркнул кресалом по кремню, над которым мгновенно вспыхнул сноп красноватых искр. Закурив, казак осмотрел еще раз нового коня, потрепал его по шее.

— Да, не то что мой дончак Шкуро,— глубоко вздохнул кавалерист,— царство ему небесное, но и ты добрый конек. И хозяин был у тебя добрый. До чего же вертел шашкой ловко, не хуже станишника...

Услышав слова, слетевшие с уст Семивзорова, я сравнил жизнь бойца-мечтателя Почекайбрата с той вспышкой искр, что зажгла гарусный шнур в руках донца. Ослепительным, чудесным пламенем сгорела душа большевика, чтобы зажечь своим жаром сердца других...

Над селом, освещая поле боя, поднялся сияющий бледным золотом огромный диск солнца. Для многих петлюровцев из отряда Палия это был последний восход. У Яблоновки, впереди переправы, под казачьими клинками скатилось много бандитских голов. Палий пожертвовал заслоном. С ядром банды переправился через речушку и бросился дальше на север.

Авантюристы, обещавшие Пилсудскому в одну неделю завоевать Украину, теперь, стараясь спасти свои продажные шкуры, позорно бежали. Как мышь к норе, устремились они к спасительным лесам.

8-й полк совершал обходный маневр, а 7-й, охваченный наступательным порывом, отрезав часть банды и изрубив ее, ринулся по следам Палия. Попадались по пути то сломанные повозки, то пристреленные кони, оброненные ящики с патронами. Все свидетельствовало о поспешном бегстве врага.

Под Яблоновкой чаша весов вновь, и на сей раз окончательно, склонилась в нашу сторону. И не мы уходили от Палия, а он убегал от нас. Не он, шедший «спасать» Украину, старался навязать нам бой, а мы рвались в погоню, стараясь во что бы то ни стало добить банду.

Кони — наши боевые друзья — за несколько дней постоянных маршей и атак, с кормежкой на ходу, крепко сдали. Они уже не так рвались вперед, как в начале похода. Но с селянскими лошадками Палию было больше забот. Тихим шагом они могли добросовестно работать от зари до зари, не уставая. Тут же, то и дело нахлестываемые нагайками, они выбивались из сил. А менять подводы в деревнях теперь уже не позволяла обстановка. То, что было в Гусятине и в Згарке, не могло повториться.

Дистанция между нами и противником все сокращалась. Спасая ядро, атаман все чаще и чаще вынужден был жертвовать отдельными частями банды. Наши атаки непрерывно следовали одна за другой. Каждая из них отхватывала у Палия не один десяток штыков. И после каждой схватки мы чувствовали, что гайдамаки сдают, хотя они, все время прячась в засадах и укрытиях, пользовались пулей, а мы, скача по чистому, открытому полю,— клинком. Остались уже позади Яблоновка, Бычева, Мшанец...

Падали люди, лошади. На двадцатом километре преследования, во время атаки под селом Рогозным, мы оставили лучших наших воинов — Перепелицу и Саранчука.

Потеря товарища, ранение друга вызывали еще большую ярость бойцов.

Полк стремительными конными атаками последовательно сбил бандитов с пяти рубежей.

Перед нами расстилались осенние поля, кое-где покрытые зеленым ковром нежных всходов озимых. Еще с утра звеневший под копытами грунт теперь, к полудню, размяк, и движение развернутых боевых порядков затруднялось зыбкостью вспаханной почвы.

Холодные лучи солнца освещали далекие Авратинские и Янушпольские леса, куда в поисках спасения рвались преследуемые нами бандиты.

Чудо-труба...

Впереди тяжелой преградой встали огромные Стетковцы — шестой рубеж обороны Палия. Наши силы были на исходе, но еще хуже обстояло дело у бандитов. Ожидая заслуженной расплаты, они отбивались с особым упорством, используя в качестве укрытий деревья, высокие плетни крестьянских дворов.

Еще на подступах к селу из-за могучих стволов столетних осокорей и выделявшихся ярким осенним убором осин бандиты встретили нас метким огнем.

И парившая голубым дымком черная, развороченная плугом земля, и синевшая на горизонте гряда далеких лесов, и обвисшие, словно расплетенные косы, по-осеннему яркие ветви берез — все, все навевало неизъяснимую, тихую грусть.

На рассвете, когда мы в спешке покинули Терешполь — место ночлега, крикливые стаи черных ворон, появившись неведомо откуда, сплошной тучей ринулись к Яблоновке, куда, стремясь настигнуть петлюровцев, скакали неудержимо и мы.

— Чуют поживу! — сверкнув единственным глазом, проговорил Семивзоров. Пересев на четвертого уже коня, он сразу как-то потускнел. На походе реже пел. Часто и жадно курил.

И сейчас, наблюдая за прожорливым вороньем, расклевывавшим на стетковецких полях неожиданно богатую добычу, Митрофан, кликнув Халаура, словно близость верного стража могла уберечь его от беды, с какой-то дрожью в голосе сказал:

— Разгулялась проклятая погань! И во сне томила какая-то ерундиция...— Не получив ни от кого ответа, казак грустно запел:

Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой...

Управлять подразделениями при чрезвычайно широком фронте атаки можно было лишь с помощью звуковых сигналов, и штаб-трубачу Скавриди досталось изрядно в тот день. На лошадях мы представляли довольно заметную мишень. Одна из пуль пробила раструб Афинусовой сигналки.

— Акичательно, акичательно пришел мне конец,— с трудом сдерживая рвавшегося вперед коня, мучительно улыбнувшись, жаловался штаб-трубач.

— Ахвинус,— успокоил его Бондалетов, красуясь в яркой черкеске,— не робей, двум смертям не бывать, одной не миновать.

— Легко тебе говорить, Иван: тебя коцнут — командир потребует другого коновода, а где он найдет такого сигналиста, как Скавриди? — попытался отшутиться Афинус и, услышав тонкое пение пролетавшей пули, склонил низко голову.

В голубоватой дымке осеннего полдня, далеко на горизонте, наши люди обнаружили движение какой-то кавалерийской колонны. С той стороны мы с часу на час ждали появления пятой сотни Ротарёва. Чтобы поторопить уральца, навстречу полетел взводный Гусятников.

— Разрешите и мне,— попросился музыкант,— мой гудок долетит скорей, чем конь взводного.

Когда пришпоренный Стригунок, сердито взмахнув хвостом, унес на галопе штаб-трубача вслед за взводным, Семивзоров не без ехидства процедил:

— Как-никак, а подалее от жаркого места...

Вскоре до нас донеслись мощные звуки боевого призыва. Укрывшись от петлюровцев за кустами можжевельника, штаб-трубач, напрягая всю силу легких, вслед за сигналом «Тревогу трубят» подавал: «Всадники, двигайте ваших коней в поле галопом резвей». Вскоре послышался новый: «Скачи, лети стрелой». Казалось, что это был идущий издали, с авратинской стороны, ответный сигнал. Здесь, под Стетковцами, атакующие, изнемогая от край-

него напряжения, поняли, что, послушные воле трубы, несутся на помощь свежие силы.

И эти свежие силы в самом деле были уже недалеко. Сначала из-за рощи показалось несколько всадников, потом голова кавалерийской колонны. Сотник Ротарёв, покрыв огромное расстояние, привел из-под Калиновки рвавшуюся в бой нашу пятую сабельную сотню. Казаки, заслышав знакомые звуки трубы, полетели вперед. С новой силой ринулись на Стетковцы все наши всадники.

Ротарёв, взяв у казака пику, завертел ею над головой. Выбросив страшное оружие вперед, пронзил грудь бандита.

Запорожец заметил среди гайдамаков крупного всадника на сером коне. Спешившись, разрядил в него винтовку, целясь в знакомую ему смушковую папаху. После второго выстрела раненый Палий, поддерживаемый казаками конной охраны, скрылся из виду. Забрав остаток кавалерии — 20—30 бандитов — и покинув свое войско на произвол судьбы, атаман ускакал на северо-запад, к Авратину.

Запорожец, выбив из седла Палия, бросился на коне в деревню. Здесь какой-то бандит выстрелом из-за плетня ранил в локтевой сустав нашего славного лякуртинца.

Эти финальные события так преломились в сознании поручика Доценко. Он пишет, что понемногу их «цепь» сбилась в кучу... «Началось торопливое отступление. Встреченные огнем 300 винтовок и 7 пулеметов, красные повернули. Снова атаковали. Мы отдавали двор за двором, и наконец «москали» отогнали нас от последней хаты... Конница атаковала обоз. Отряд потерял тогда 180—190 человек...»

Все это верно, но поручик сильно преуменьшил цифры потерь...

Кончился еще один бой. На площади у церкви расположился боевой обоз. В санитарной тачанке, в гимнастерке с обрезанным рукавом, вытянув вдоль тела перевитую бинтами руку, лежал наш штаб-трубач. Соседом музыканта оказался его «враг». Семивзоров, раненный в колено, находился в полузабытьи.

Объявив Афинусу благодарность, комиссар велел выдать ему комплект нового обмундирования. Музыкант, пошевелив головой, сощурил воспаленные глаза:

— Вы меня обратно понимаете за арапа... Чхал я на

робу... Вот комполка хотели писать моей мамуне... Настрочите ей за сегодняшний день...

По дороге из Стетковцев на Матрунки Ротарёв подробно рассказал нам о поведении музыканта. Когда пятая сотня, двигаясь на зов трубы, сравнялась с кустами можжевельника, за которыми от бандитских пуль скрывался Афинус, конь трубача, охваченный общим порывом, увлек всадника. Тут преобразился и сам штаб-трубач. Дав волю Стригунку, он, подбадривая казаков, все время сигналил «Тревогу трубят». Вскоре пуля угодила ему в правое предплечье. Перекинув инструмент в левую руку, с распущенными поводьями, не переставая трубить, Афинус летел вперед, пока сотня не опрокинула бандитов. И лишь после этого, выскользнув из седла, он побрел к санитарам...

Малой кровью

Еще один дружный натиск — и банда, как стекло под ударом молота, рассыпалась на мелкие куски. Этот Подольский отряд «партизанско-повстанческой армии» Петлюры, предназначенный склонить под атаманскую булаву все южное Правобережье Украины, затем твердой ногой стать в Киеве, откуда зажечь пламя всеобщего восстания, просуществовал всего двенадцать дней, считая и ту, закордонную жизнь. У нас же он продержался неделю, а с момента встречи с червонными казаками — три дня.

Петлюровский «Рідний край» сразу же сообщил: «Во время упорных боев тяжело ранен командир повстанческих войск Палий, что, однако, не помешало его помощнику подполковнику Черному захватить (!) Проскуров...»

...Командующий «партизанско-повстанческой армией» Тютюнник, сколотив на территории тогдашней Польши другой — Волынский — отряд, обратился к Петлюре с трогательным посланием, копия которого была вскоре обнаружена у захваченных гайдамаков.

«2 ноября 1921 года. Село Балашевка.

Пану головному атаману.

После принятия решения о необходимости поднятия общего восстания на Украине партизанско-повстанческий штаб решил выпустить два отряда.

Подольский. Начальник — командир 4-го конного Ки-

евского полка полковник Палий. Численность — 880 старшин и казаков. В ночь с 27-го на 28 ноября перешел Збруч.

Волынский отряд. Начальник — генерал-хорунжий Янченко. При нем ПП штаб и аппарат гражданского управления. Численность — 900 старшин и казаков. Начинает вооруженные действия 4 ноября.

В случае успеха должны быть готовы к переброске и остальные дивизии армии УНР.

Пане головной атаман! Я, все старшины и казаки, выступая на Украину, перед воротами родного края шлем вам свой привет с твердой верой, что скоро увидимся на земле наших предков.

Генерал-хорунжий Тютюнник

Пом. по военной части генштаба полковник Отмарштейн» [1]

Юрко Тютюнник, пресмыкаясь перед головным атаманом, полагал, что заключительные слова верноподданнического адреса золотыми литерами будут выбиты благодарной Украиной на мраморе храма Софии. Но...

...В бору под Матрунками как раз шла заготовка леса. Жалкие остатки разгромленного отряда Палия, сбросив с себя папахи и полученные из цейхгаузов Пилсудского рваные мундиры, вмиг преобразились в лесорубов. Но сами же крестьяне-лесозаготовители разоблачили их.

На поляну, где комиссар полка Климов рассматривал найденные среди дел палиевского штаба пустые грамоты кавалерам «зализного хреста», всадники первой сотни сгоняли в кучу новоявленных лесорубов.

У одной из поленниц, прислонившись к ней спиной, стоял, с черными усиками на белом строгом лице, высокий, плечистый человек лет тридцати. Его широкую грудь обтягивала егерская рубашка, заправленная в офицерские шаровары. У ног петлюровского командира, прямо на земле, сидел грузный верзила. Переобуваясь, он поднял серые выпуклые глаза. Заметив комвзвода Будника, обратился к нему:

— Запорошите, командир, хотя бы на одну цигарку...— Поднявшись на ноги, стал выворачивать карма-

---

[1] Позже Отмарштейн был убит в Польше агентами Чеботарева, охотившимися за документами, которые могли скомпрометировать головного атамана.

ны.— Вот только подошел до полного расчета, а в кишенях ни порошинки табаку...

— Эх ты, пан бунчужный,— с горькой усмешкой посмотрел на него пленник с черными усиками.— В Гусятине все шумел: «Мы тютюнниковцы!» — а сам без тютюна...

— Да, пан сотник, без тютюна,— ответил верзила.— И обратно же, я без нашивок сотника, а вы без нашивок полковника. Помните, что обещал нам в Копычинцах пан полковник Палий? Вот и получили,— он посмотрел рассеянно на подъехавшего к нему Будника,— и ставок, и млынок, и вышневенький садок...

Гайдамацкий сотник безнадежно махнул рукой:

— Кто мелко плавает, у того спину видно...

Будник, высыпав на протянутую ладонь щепотку табаку, сердито ответил:

— Больше тебе и не понадобится.

Рука бунчужного вздрогнула.

— Дозвольте... в кусты... на минуту...

— Что? Медвежья хвороба напала? Иди, только враз вертайся!

Петлюровский сотник, ежась от холода, стараясь сохранить независимый тон, попросил Будника:

— Вон там, недалеко, за другой поленницей, мой мундир... Позвольте взять...

— Иди, шкура, бери свой мундир,— зло бросил Будник.

Гайдамацкий сотник с презрением посмотрел на взводного. Схватился за шаровары. Подтянул их. Запустил руку в карман. Вытащил браунинг.

Мы с Будником только и успели крикнуть в один голос: «Стой!» Диверсант выстрелил себе в голову.

Вынырнув из-за сосны, с санитарной сумкой на боку, одетый в голубую французскую шинель, появился какой-то косолапый петлюровец.

— Эй ты, помощник смерти,— окликнул его сотник Васильев,— ступай до пленных. Там их куча.

— Я есть персона неприкосновенная,— высокомерно ответил пленный.— Я есть медицина!

«Медицина», пощупав пульс самоубийцы, заявила авторитетно:

— Finita!

— Коли «финита», значит, конец,— обратился к бандиту в голубой шинели Силиндрик.— Ступай к пленным!

— Я есть подданный иноземный! — артачился чванливо палиевец.— Я есть Шлопак, пан Георгий Шлопак!

— Как попал к Палию?

— Пан поручник Шолин велел, я пошел.

Цвынтарь уже обжился в полку, даже немного повеселел, когда понял, что жизнь его вне опасности. Сейчас, следуя за Очеретом, он появился на полянке, где наши сотни устроили короткий привал. Наткнувшись среди поленниц на самоубийцу, воскликнул:

— Та то ж пан Масловец, адъютант самого Палия... Только у них самих штаны вон с тем красным кисетом.

Очерет заметил бунчужного, подтягивавшего кожаные брюки после приступа медвежьей болезни. Сверля верзилу глазами, схватил его за грудки. Прохрипел бандиту в лицо:

— Кажи, сукин сын, лесоруб, штаны Мазуровского?

— Какого Мазуровского? — Диверсант попятился.

— Комиссара Мазуровского... Того, что вы зарубили в Старой Гуте...

— Я не рубав, ей-бо, не рубав... Я только за руку держал...

И вдруг раздался голос Цвынтаря:

— Ну и брешешь, бунчужный Чума! А в Калише кто служил табор-полицейским? Кто лупцевал палкой нашего брата? А мне от кого попало? Тоже, скажешь, только за руку держал?

Очерет сделал шаг назад. Стремительно вытащил клинок. Свистнув, блеснула сталь.

— Виноватого кровь — вода, а невинного — беда! — крикнул каховчанин.

Вскоре стали приносить из кустов голубые мундиры. На одном из них висел петлюровский железный крест.

— Вот это и есть одежа пана сотника Масловца,— сказал Цвынтарь, заметив орден. Из кармана мундира при его передаче из рук в руки — всех заинтересовала петлюровская боевая награда — выпали блокнот и сложенная гармошкой карта-десятиверстка. Этот оперативный документ, расчерченный цветными карандашами, представлял большую ценность.

Кучка вурдалаков, незаметно оторвавшись от ядра банды, прихлопнутого в Матрунках, использовав крепких

тачаночных лошадей, взятых еще там, в Згарке, скрылась в лесах, тянувшихся на северо-восток.

Следы подковных шипов на дороге и сведения местных жителей подтверждали, что бандиты, ускользнувшие от наших клинков, подались на Янушполь. Туда же направились и мы.

Нет ничего удивительного в том, что кое-кому из диверсантов удалось скрыться. Как-никак в 7-м полку, с подходом сотни Ротарёва, в строю насчитывалось всего 350 бойцов, а Палий вывел из Цымбаловки нетронутых 1000 гайдамаков, и не каких-нибудь, а закаленных трехлетней войной будущих хорунжих и полковников.

Шестьдесят километров беспрерывной погони, шесть тяжелых атак остались позади. Бондалетов достал где-то молока. Когда я его пил в седле прямо из крынки — первая пища за весь день,— какое-то гнетущее чувство сжало сердце, отравляя радостное настроение, вызванное нашей победой.

Перед вечером на Янушпольском шляхе, у ветряков, нас обогнал Виталий Маркович Примаков. В его машине находился и комиссар корпуса Минц. За ними следовал отряд бронемашин.

Командир корпуса, покосившись на буденовку, которую я теперь носил взамен доставшейся Палию шапки, поблагодарил за удачные действия полка. Нахмурив лоб, Примаков сказал:

— Жаль... добрых казаков потеряла бригада... Мазуровский, Почекайбрат, Храмков, Саранчук... Вот так оно и получается — земля давит мертвых, горе давит живых...

— Широко паны добродии размахнулись.— Примаков развернул трофейную карту, ту самую, что находилась в кармане мундира петлюровского сотника.— Вот тут в легенде[1] все сказано: «...избегать столкновений с большевистской кавалерией... прорваться к Киеву... стать твердой ногой на Днепре... поднять Левобережье... создать большую армию...» Но...— усмехнулся Виталий Маркович,— план воеводы — не план архитектора, который с абсолютной точностью можно воплотить в жизнь. Здесь все приблизительно... Стрела Палия смотрела на Киев, а сломалась у Стетковцев... Посмотрим, где сломается стрела Тютюнника... Она тоже смотрит на Киев... Что ж? Наши казаки, сдается, отбили у них охоту рейдировать.

[1] Пояснительный текст к схеме.

Но есть еще хвостики. Они, кажется, пошли на Янушполь. Берите броневики Игнатова, двигайте. На все даю час...

Полк приближался к селу Янушполь. Бронеотряд тронулся в обход.

Оставив бойцов за укрытием, мы с Царевым выдвинулись вперед, чтобы наметить план атаки. Не встречая никаких препятствий, мы въехали в одну из улиц села. Вдруг огнем из пулемета, притаившегося в каких-нибудь ста метрах от нас, сбило коня помощника, потом самого Царева, скосило Грома, а затем и меня.

Я очнулся в машине командира корпуса, когда бронеотряд и 7-й полк под командованием Ивантеева уже находились в местечке. Меня, истекающего кровью, завезли в Янушпольскую больницу. Всю ночь просидел возле меня Бондалетов. Очерет принес бутылку муската, привезенного им из Бретанов. Приходили ко мне Климов, Мостовой и сотники полка. Навестили меня в больнице и командир корпуса Примаков с комиссаром Минцем. Пришли и наш комбриг Багнюк, и замполит Карпезо.

Физические страдания, вызванные тяжелыми ранами, не давали уснуть всю ночь. Но на душе было легко: червонные казаки с честью выполнили свой долг перед Родиной. Безвестный гайдамак Сидорянский, присвоивший себе историческое имя Палия, «полковника Фастовского и Белоцерковского», бежал, а Подольский «специальный» отряд диверсантов перестал существовать. «Правда» 27 ноября 1921 года писала, что банда петлюровского полковника Палия была застигнута красной конницей и наголову разбита к северу от Хмельника.

Спустя 33 года, 16 сентября 1954 года, помкомвойск УВО генерал-лейтенант И. И. Карпезо в одном документе писал: «Из двух полков кавбригады, участвовавшей в операции, 7-й кавполк сыграл решающую роль».

У нас были жертвы — и жертвы немалые. Значит ли это, что победа добыта дорогой ценой? Да, крови пролито много! Но если б мы не летели на диверсантов с шашками наголо, а, стараясь избежать потерь, сбивали бы их с каждого рубежа в пешем строю, ушедшая из-под наших клинков банда причинила бы людям много вреда. Значит, надо со всей твердостью сказать: победа над Палием была достигнута малой кровью!

Меня и Запорожца как тяжелораненых повезли в корпусной госпиталь в Винницу.

Двигаясь к Литину, наш шофер остановился в центре села Ивча, чтобы заправить радиатор водой. Машину окружили крестьяне. Вдруг над пулеметом, установленным на нашем грузовике, возник силуэт женщины. Закутанная в тяжелый шерстяной платок, склонилась над лякуртинцем Параня Мазур. Я услышал ее голос:

— Вот тут тебе продукция всякая за твое геройство.

Машина загудела. Параня соскочила, мы тронулись дальше.

Повернув голову, я спросил:

— Что, Максим, тоже крестная? Не дижонская, а ивчинская маррэнка?

— Нет. Просто большой души она человек,— ответил Запорожец.

После душной ночи, проведенной в переполненной Хмельникской больнице, мы с наслаждением вдыхали утренний морозный воздух. Перед глазами плыли взятые инеем, изумительной красоты серебряные кроны лип и тополей, из-за которых едва виднелись черные контуры стволов.

В морозном воздухе, медленно опускаясь на поседевшие за ночь поля, лениво кружились хрупкие снежинки.

Нас продолжало неимоверно трясти. Мы терпели, зная, что дальше пойдет исправное шоссе. В Литине, вспомнив напутствие квартирохозяина, я послал Бондалетова попросить у Шкляра подушек, чтобы положить их под мое раненое плечо и под локоть Запорожца. Гражданин нэпман, забыв про свое обещание, и слушать ни о чем не хотел. Но Бондалетов не растерялся и именем революции произвел реквизицию. Эти подушки, выручившие нас, мы вернули Шкляру на пасху 1922 года, когда возвращались через Литин в полк.

Царев, через две недели после легкого ранения севший в седло, снова исполнял свои обязанности.

Редактор «Газеты львовской» Станислав Россовский, печатая «ошеломляющие» сенсации, сообщил, что Каменец-Подольск взят и эмигранты толпами возвращаются за Збруч, что атаман Заболотный захватил Жмеринку и большие силы повстанцев осадили Одессу.

Окрыленный дутыми успехами петлюровцев, Волынский отряд генерал-хорунжего Янченко, при котором находились Тютюнник и эмиссар Пилсудского пан поручник Ковалевский, в ночь на 4 ноября перешел границу. На Тетереве мелкие банды из Волынских лесов довели численность отряда до 1250 человек.

8 ноября в районе Чеповичи диверсантов встретила кавдивизия Котовского. Получив первый удар, петлюровцы девять дней, уходя от погони, рыскали в лесах Волыни. 17 ноября котовцы окружили банду у Малых Минков — Звиздаля. Советские кавалеристы захватили в плен петлюровскую администрацию: начальника гражданского управления Куриленко, министра торговли Красовского, эмиссара Пилсудского поручника Ковалевского, назвавшегося вначале атаманом Терещенко.

Подполковник Рембалович сообщает, что с «первыми выстрелами у Мал. Минков все устремили взоры на генерала Тютюнника. Он же, заметив вражескую конницу, карьером поскакал на запад. Началась паника во всем отряде» [1].

Сбылась вторая половина боевого клича «самостийников»-диверсантов: «Або добути, або дома не бути». Не добыв чужеземным оружием свои богатые хутора на Полтавщине и Херсонщине, они во имя интересов князей Сангушко и графов Браницких, во имя интересов парижских банкиров бесславно полегли под звонкими клинками трудовых сынов Украины в Волынских лесах или же, понурив буйные свои головы, толпами маршировали в плен...

По указке пилсудчиков в то же время выступили Булак-Булахович в Белоруссии и генерал-хорунжий Гулый-Гуленко на Одесщине. Этих авантюристов постигла участь Палия и Тютюнника.

Но битые мюнхгаузены свое очевидное поражение изображали как большую победу. Черный, возглавивший остатки банды после ранения Палия, пишет, что имел много боев с «московскими частями, разбил пограничную охрану, учебную команду, роту пехоты, 8-й кавалерийский полк Червонного казачества, 7-й конный полк, 2-ю бригаду Червонного казачества, три отдельных отряда особого назначения, 57-й конный полк, батальон 515-го полка, уничтожил две чрезвычайки, в м. Курном повесил помкомвойск КВО» [2].

Надо отдать должное желтоблакитникам — они создали немало трудов о своих «подвигах». Выпущен ряд монографий, издана книга «Зимовый похид». Диверсии осени 1921 года — «второму зимнему походу» — посвящен

---

[1] «За державність», т. 3, с. 168.

[2] «За державність», т. 3, с. 192.

почти весь 3-й том сборника «За державність» («За государственность»), изданного в Калише в 1933 году. Можно прямо сказать: перья петлюровцев превзошли их мечи.

Чем же объяснить, что в этом отношении петлюровцы оказались впереди? Тем, что для нас, учитывая наши масштабы, вылазка Тютюнника и Палия явилась лишь эпизодом, пусть и кровавым, но эпизодом. Для желтоблакитников в этом бандитском наскоке был весь смысл их жалкого существования. И они, выброшенные на свалку истории, постарались красочно разрисовать, с какой помпой они спускались на дно...

В госпитале, где не было рентгена, мы с Запорожцем не соглашались на ампутацию. Семивзорову, которого вскоре привезли в Муры (винницкий госпиталь), ногу отрезали.

Десять лет, с 1911-го до 1921 года, донской казак провел в седле. Сначала в корпусе генерала Келлера дрался «за веру, царя и отечество» против австрийцев. Затем в корпусе Мамонтова проливал кровь за донских атаманов. Напоследок, осознав вину перед народом, в рядах червонных казаков, не щадя жизни, отстаивал дело рабочих и крестьян.

В госпитале мы с Запорожцем долго были прикованы к постели. Каждому из нас, извлекая осколки костей, сделали по четыре операции под наркозом. Лякуртинец приуныл. Рука в локте не сгибалась. А ведь он непрестанно мечтал о чапыгах плуга!

В винницком госпитале лечили и нашего штаб-трубача Скавриди.

В природе каждого человека есть свое, основное, и чужое, наносное. Свое всегда берет верх, особенно в моменты наивысшего испытания человеческих чувств. Разве «одесский арап» — так звали Скавриди в полку,— совершивший под Стетковцами подвиг, не раскрыл в тот день лучшие задатки своей души? Разве он, включившись в общий порыв, не выбросил из сердца вместе с животным страхом груз одесского дна?

От комкора раненым привезли наградные часы, а мне из полка — серебряную шашку с чеканкой на клинке: «За разгром Палия».

Однажды Бондалетов прочитал в палате раненым заметку из «Винницких вестей». «Разгромом банды Па-

лия,— писали «Вісті»,— доблестное Червонное казачество прибавило еще одну заслугу к славе своих победоносных знамен».

К твердыням науки

Наконец весной я очутился в Киеве. На Александровской, ныне Кирова, улице, недалеко от нынешнего Музея украинского искусства, мы встретились с Котовским.

Григорий Иванович был в длинной шинели, в красной фуражке, при серебряной кавказской шашке. Направляясь ко мне, Котовский перешел улицу, поздоровался. Бережно дотронулся до черной косынки, в которой покоилась раненая рука.

— Еще повоюем с вами. А помните встречу у Соседова? Ну, как с питанием? Где живете?

Вечером подъехал к моей квартире вридло (временно исполняющий должность лошади). Этим видом транспорта широко пользовалось население Киева. Толпясь у вокзалов и пристаней, грузчики с тачками, готовые доставить кладь в любой конец, предлагали себя наперебой: «Граждане, дешевое вридло! Кому нужно вридло?»

Тачечник привез мне щедрый подарок Котовского — огромный пакет с продуктами.

Покидая, еще с подвязанной рукой, Киев, я думал о Котовском и как будто слышал его прощальные слова:

— Вот как оно получилось — мы с вами провожали петлюровцев за Збруч, и нам же пришлось встречать их из-за границы.

Тридцать километров от Винницы на машине комкора Примакова мы одолели за один час. В Литине пересели с Бондалетовым на тачанку Земчука. Ну и дорога! Наше путешествие в Хмельник было, по сути говоря, балансированием на краю пропасти. И, как выяснилось потом, случилось поистине чудо, что мы не очутились на ее дне.

К обеду наконец-то попали в Ивчу. Здесь, у въезда в село, где улица представляла собой непроходимое болото, кони, которым грязь доходила до самого брюха, вовсе стали.

На счастье, хата Мазур находилась неподалеку. Показавшись у калитки, Параня сразу поняла все. По колено

в грязи бросилась в соседний двор. Вскоре из раскрытых его ворот, низко опустив круторогие головы, показалась пара быков. Их босоногий хозяин, закатав брюки, молча привязал веревочные концы, навернутые на ярмо, к дышлу нашей упряжки.

Пока сосед Парани отцеплял буксир, батрачка в кремовом, с яркими маками, праздничном платочке, приблизившись к тачанке, шепнула:

— Есть у вас лишняя рубашка? Дайте моему соседу. Считайте, что он спас вам жизнь. И долго здесь не стойте. Рушайте!

Бондалетов, порывшись в вещевом мешке, протянул Паране пару казенного белья.

Возле церкви, где народу было больше, какие-то парни затеяли посреди улицы «тесную бабу». Не было сомнения, что тайные друзья Шепеля, подвыпив, пытались помешать нашему выезду из села. Но мы, поняв маневр, объехали их сторонкой.

В это время в пяти километрах от Ивчи, в лесной деревушке Бруслинове, разыгралась кровавая драма. Об этом мы узнали лишь после.

Земчук то и дело понукал тяжело дышавшую, покрытую мылом пару. Мы поторапливались. Зная повадки бандитов, можно было не сомневаться, что если в данный момент в Ивчу на пасхальный самогон не явились ютившиеся в Кожуховском лесу пещерные люди, то их все же предупредят о нашем движении.

В сумерках уже, никем не замеченные, мы миновали Требухи [1]. Глубокой ночью достигли наконец Кожухова. Кони едва плелись. Заехав в крайний двор, мы вскоре убедились, что хозяин наш — советский человек.

Казаки выпрягли лошадей, набросали им травы, протерли их потные спины сухими жгутами. Мы поочередно караулили, пока двое из нас отдыхали. Но какой это был отдых? Пьяные голоса, доносившиеся сюда, на окраину, держали нас все время в тревоге.

---

[1] Газета «Правда» 28 мая 1977 года в заметке «Не увядают цветы на камне» сообщила, что строители автомагистрали на Литинщине обнаружили на трассе вросший в землю камень. Прочли на нем: «Здесь в 1920 году бандой Гальчевского замучены первый советский учитель Антон Дубалевич из села Требухи и его друг, первый комсомолец Максим Самолок. Пусть этот камень будет памятью о тяжелой борьбе за власть Советов. Склоните головы!»

На камне, который когда-то установил в лесу их ученик Тимофей Муляр, лежат букеты весенних цветов...

На рассвете двинулись дальше. Дорога пошла глухим Кожуховским лесом. Это был самый опасный отрезок пути.

Но что это? Вдали, чавкая по вязкой грязи, показалась конная группа. Чаще забилось сердце. Земчук перестал размахивать кнутовищем, подставив плечо в качестве упора для винтовки Бондалетова. У всех троих, кроме того, были пистолеты. Но что значило наше оружие против десятка вооруженных до зубов людей? Ни взять в сторону, ни повернуть назад не было возможности. Мы двигались навстречу неизвестности.

Всадники приближались. Один из них — как видно, старшой,— с трудом подняв лошадь в галоп, размахивая почему-то рукой, полетел нам навстречу. Вскоре мы заметили его красные лампасы. Но это еще ни о чем не говорило: в червоннноказачью форму часто рядились бандиты.

Еще немного, и мы смогли убедиться, что это были свои. Стало легче на душе. Повеселел я, повеселели мои спутники. Но ненадолго.

Старшой, подскочив к тачанке, поднес руку к папахе.

— От добре,— начал он простуженным голосом,— а в штаби турбота.

— В чем дело? — спросил я, ничего еще не понимая.

— Як же? — ответил всадник.— Начдив Шмидт специально нас послалы вас шукаты. Воны гадали, що и вас вже порубано...

— Что значит — и вас? — встревожился я.

— Ото такэ ваше щастя,— продолжал старшой.— А товарища Святогора, командира десятого полку, бандыты учора порубалы. З ним ще чотырёх козакив...

Весть о гибели товарища, прошедшего славный боевой путь в рядах Червонного казачества, потрясла всех нас. И это случилось в пяти километрах от Ивчи, как раз тогда, когда мы застряли в ее топкой грязи. Я еще раз тепло подумал о выручившей нас Паране Мазур...

Пока мы беседовали с начальником разъезда, из-за поворота дороги показалась еще одна группа всадников. Возглавлял ее партийный работник 7-го полка Александр Мостовой. Приблизившись к нашей тачанке, он слез с коня. Спешились и ехавшие с ним сотник Силиндрик, уралец Ротарёв, отделенный командир Лелека, казаки Олекса Захаренко и Семен Очерет.

Поздоровавшись и достав кисет с табаком, Мостовой сразу же обратился к нам:

— Слышали про Святогора? Поехал к невосте в Кали-

новку. В Бруслинове слез с коня. Пожалел его. Бандиты выскочили из-за угла. Сразу отрезали тачанку с пулеметом. Ну, Святогор с казаками отбивались как могли. А как кончились патроны, их и посекли.

— Ну и сволота! — Очерет стиснул зубы.— Били мы эту петлюровскую шатию, били, а еще, видать, кое-что осталось на расплод.

— Это уже корешки, Семен,— ответил Мостовой,— бандитов немало посекли наши казачьи шашки. Но больше всего бьет теперь по бандитизму ленинская новая экономическая политика... За Святогора очень досадно...

— А вы куда же? — спросил я Мостового.

— Наклявывается интересная работенка, товарищ комполка. Едем штурмовать твердыни науки.

— Чудно́! — воскликнул Бондалетов.— Такой самостоятельный политик — и сядет за букварь?

— Эх, Иван! — покачал головой Александр.— Какой же из меня самостоятельный политик, когда молодежь начала забивать. Дал мне добрую политграмоту завод Гартмана, она только и годилась, чтобы бить контру. Чтобы строить социализм, нужна другая грамотешка. Слыхал про «Анти-Дюринга»? Нет? Так вот, молодые политруки, какие недавно приехали в полк, знают его назубок, а я, как и ты, этого самого «Анти-Дюринга» или, скажем, субстанцию — ни в зуб ногой. А знать их, видимо, надо. Что Ленин сказал? Он сказал, что на фронте кровавом у нас борьба кончается, а на фронте бескровном начинается.

— Куда же вас посылают? — спросил я.

— В Питер, в Толмачевку. Вот сотники тоже едут в Питер, только не в Толмачевку, а в Высшую кавалерийскую школу. На что Ротарёв крепко сидит на своей Бабочке, а и он опасается, как бы молодые краскомы не вышибли его из седла.

— Мы с Лелекой в Винницу, в корпусную школу,— не без гордости заявил Очерет.— Будем учиться на младший комсостав.

— А как же твоя любезная, Семен? — спросил Бондалетов.

— При чем тут любезная? — расплылся в улыбке Очерет.

— При том, что ты будешь с учебой, а она... она, слыхать, осталась с утробой... Смотри, Семен.

— Бонжур вам, Иван. Чего мне смотреть? Приживусь в Виннице, а там вытребую и ее. Вместе что-нибудь откаблучим. Работу ей подыщем. Попрошу начальника

школы. Там сейчас хороший человек — наш товарищ Карпезо...

— А одеть-обуть бабу? — щелкнув кнутом, подал реплику Земчук.— Думаешь как? Дело нешутейное!

— Эх ты — «одеть-обуть»! — пренебрежительно ответил Очерет.— В женских тонкостях, видать, ты не определяешься, а еще кубанский казак... Бабу греет не кожух, а веселый крепкий дух.

— А я в Симферополь, в кавалерийскую школу,— по всем правилам, как и полагалось будущему командиру, доложил Олекса Захаренко.— Прикачу на собственном Гусарике. Десять деньков — и мы в Симферополе...

— Теперь все ударились в учебу,— сказал Мостовой, подтягивая подпруги.— Слыхать, будто и вас, товарищ комполка, намечают в военную академию. Вот и наш бедняга Святогор мечтал о ней.

Будущие «штурмовщики науки», попрощавшись, направились в Винницу, а мы, сопровождаемые усиленной охраной, тронулись на Хмельник, в наш сильный боевым большевистским братством 7-й червонноказачий полк — полк «конных марксистов».

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

Позади сорок лет — и каких лет! По грандиозности свершений каждый последующий год равен трем предыдущим. И в этом — особенность нашей эпохи. Главное призвание советского народа — создавать. Но он не раз показал всему миру, что умеет великолепно защищать созданное.

Выдвинутые партией народные вожаки вели советские дивизии от победы к победе. Страна не забывает своих полководцев, хотя многих уже нет. Ушли от нас М. В. Фрунзе, В. И. Чапаев, В. К. Блюхер, М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, Г. И. Котовский, Р. П. Эйдеман, И. Н. Дубовой, И. Ф. Федько...

Нет и того, кто создал из рабочих и крестьян первый отряд Червонного казачества и развернул его в сильный боевым большевистским братством, грозный для врагов советской земли ударный кавалерийский корпус, известный в народе как «боевая голота всея Украины».

В 1925 году, выполняя волю партии, Виталий Примаков, Михаил Зюка, Николай Петкевич, Иван Столбовой, Иван Никулин и другие витязи советской конницы на-

правились на Восток, где помогали китайским революционерам в их тяжелой борьбе против внутренней реакции и иностранного империализма.

Вернувшись из Китая, Примаков написал интересную книгу о событиях, свидетелями и участниками которых были он и его боевые друзья — червонные казаки. Называлась она «Записки лейтенанта Аллена».

Осенью 1927 года Примаков снова едет на Восток, на сей раз в Кабул. Получив назначение на пост военного атташе в Афганистан, Виталий Маркович явился в Военную академию имени Фрунзе и предложил мне, выпускнику, поехать с ним.

Выйдя из здания академии, спустившись к Пречистенским воротам, по бульвару, мимо Гагаринского переулка, мимо Сивцева Вражка направились мы к Арбатской площади — в штаб РККА.

На шумном и оживленном бульваре встречные обращали внимание на невысокого ростом, но крепкого телом кавалериста, грудь которого украшали боевые ордена и блестевший карминовой эмалью значок депутата ЦИК СССР.

Расспросив меня об учебе, Примаков заговорил о преподавателях академии.

— Честь и хвала им,— сказал бывший комкор червонных казаков.— Великое дело вершат они, готовя боевые кадры для Красной Армии.— Раскурив почерневшую от времени походную трубку, Виталий Маркович продолжал: — В годы революции и гражданской войны у нас мало было подготовленных военных специалистов из рабочих и крестьян. Нам, коммунистам, приходилось познавать военную науку на поле боя. Теперь по указанию Ленина партия успешно решает эту важную проблему.

После Афганистана Примаков был военным атташе в Японии, затем помощником командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, с 1935 года — заместителем командующего войсками Ленинградского военного округа.

Виталий Маркович не участвовал в битвах Великой Отечественной войны, но фашистов громили многие советские командиры, выросшие в конном корпусе Примакова и закалившиеся на героических традициях Червонного казачества. Среди них маршалы Павел Рыбалко, Петр Кошевой, Сергей Худяков, Иван Пересыпкин; генералы Алексей Витошкин, Александр Горбатов, Константин Грушевой, Николай Гусев, Филипп Жмаченко, Евгений

Журавлев, Игнатий Карпезо, Федор Катков, Михаил Казаков, Сергей Козачок, Феодосий Коржанцевич, Михаил Королев, Владимир Крамар, Иван Манагаров, Петр Максименко, Кондрат Мельник, Карпо Рябчий, Леонид Сланов, Афанасий Слышкин, Александр Степанов, Иван Стрельбицкий, Владимир Ткаченко, Яков Хотенко, народный герой Польши Кароль Сверчевский и многие другие.

С комиссаром корпуса, ныне известным академиком И. И. Минцем мы и теперь встречаемся. Недавно во время одной из бесед зашла речь о перекопских боях 1920 года. Я рассказал нашему бывшему комиссару корпуса, как грозный начдив Нестерович пытался жестоко расправиться со мной. Минц оживленно заговорил:

— Да, не розами был устлан ранее никем не изведанный путь военкома Красной Армии. Наделенный доверием партии и значительной державной властью, он был не только первый в атаке, но и первым в ответе и перед партией, и перед державой. А то, что случилось с вами, пережил в те годы и я, когда был комиссаром сорок шестой стрелковой дивизии.

Сделав паузу, Минц рассказал, что тогда с ним произошло.

Грозные события назревали летом 1919 года. Деникин овладел Донбассом, Харьковом. 46-я стрелковая дивизия и червонные казаки на подступах к Полтаве сдерживали обнаглевшего врага. А тут бойцы резервного Чигиринского полка, не совсем еще стряхнувшие с себя пережитки буйной вольницы, подстрекаемые провокаторами, налетели на полтавскую Чека. Обнаружили там мешок с золотыми погонами, отобранными у арестованных белогвардейских офицеров. Подстрекатели криками «Измена!» еще больше подлили масла в огонь. Буяны и вовсе распоясались.

Рассвирепевший Троцкий — он нагрянул в Полтаву — издал суровый приказ: «Расстрелять комиссара перед фронтом войск». И это в то время, когда дивизия, истекая кровью, сдерживала врага на широком фронте, а ее комиссар, заменив убитого комбата, вел батальон в ожесточенную контратаку. И лишь вмешательство Полтавского губкома партии и ЦК КП(б)У спасло жизнь комиссара 46-й дивизии И. И. Минца.

Троцкий требовал принятия жестоких мер и разоружения полка, а его бойцы, осознав допущенную ошибку, воодушевленные пламенным словом комиссара Минца,

в тот же день стремительной атакой разгромили белогвардейскую бригаду генерала Геймана.

Военком! Как много говорило это короткое и динамичное слово. Военком — это воля, чаяния, высокие устремления партии. О ней масса судила по своему военкому. Военный комиссар — душа полка, дивизии — разъяснял воинам глубокий смысл титанической борьбы партии. Жгучим ленинским словом звал на подвиги бойцов, окрылял богатырей, внушал веру сомневающимся. Вооруженный ленинским учением, он в те грозные времена, опираясь на партийный коллектив, смирял анархию, обуздывал вольницу. Борцов за абстрактную правду — а их в ту пору было вдоволь — обращал в борцов за правду Ленина. Выдвигал из низов таланты, воспитывал вожаков масс.

«Без военных комиссаров,— говорил Ленин,— мы не имели бы Красной Армии».

Ветераны Червонного казачества гордятся тем, что их комиссар И. И. Минц стал теперь прославленным академиком, автором широко известных трудов по истории Коммунистической партии и Советского государства, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда.

Замполит первой бригады 2-й червоннокaзачьей дивизии Игнатий Иванович Карпезо вскоре после разгрома банды Палия перешел на строевую работу. Командовал последовательно 7-м, 10-м, 11-м и 12-м червоннoказачьими полками, потом корпусной школой. Учился в Военной академии имени Фрунзе. Настоящим солдатом, в наилучшем смысле этого слова, был он в роли политработника, настоящим солдатом проявил себя и в роли командира.

В начале Великой Отечественной войны в пограничном сражении механизированный корпус генерала Карпезо принял первые удары гитлеровских бронированных дивизий Клейста. На боевом посту стояли рядовые солдаты, на боевом посту до последней минуты оставался генерал-солдат. Несколько часов сотрудники штаба искали засыпанного землей генерала... и нашли.

Сейчас Игнатий Иванович Карпезо много времени и энергии уделяет пропаганде боевой истории Червонного казачества.

А теперь скажем несколько слов о людях 7-го червонноказачьего полка — полка «конных марксистов».

Нашего особиста-дзержинца Ивана Крылова, потомственного пролетария, славного красногвардейца «Трехгорки», тепло встречают на рабочих собраниях Красной Пресни и не без волнения читают люди его мемуарную, дважды уже публиковавшуюся повесть «Записки красногвардейца». Повесть мудрую и интересную.

Жан Карлович Силиндрик долгое время возглавлял Божедаровский конный завод. Теперь что-либо узнать о нем не удалось.

Наша встреча с полковым адъютантом, бывшим бурлаком, произошла в Москве после Отечественной войны.

Генерал-майор Ратов, тогда начальник Института иностранных языков Советской Армии и во время войны — командир стрелкового корпуса, знакомя меня со своими коллегами, сказал:

— Сколько слез выжал из меня этот человек. Напишу донесение, он его рвет: «Не так, адъютант, пишешь!» Мне станет обидно, плачу... Как мальчишка, реву.

— И сейчас обижаешься? — спросил я.

— Вот что я скажу,— ответил Петр Филиппович,— мы, бурлаки, страсть как обожали воблу. Обыкновенную сухую тарань. Но прежде чем пустить тарань в ход, надо, как вы знаете, хорошенько ее потрепать. Вот так революция поступала с нашим братом неграмотным. Оттрепывала, а затем уж пускала в ход...

Мне ничего не удалось узнать о судьбе славного лякуртинца Ивана Запорожца, хотя я и слал запросы в Александрию [1]. Неизвестно, как сложилась дальнейшая жизнь Прожектора — Митрофана Семивзорова. Но можно предположить, что лихой донец, выпустив седой чуб из-под фуражки с красным околышем, с дробовиком в руках охраняет богатые колхозные бахчи. Собрав станичных ка-

---

[1] Прошло 11 лет после выхода в свет «Трубачей». И вдруг прибывает письмо из Макеевки: «Беспокоит Вас бывший казак 2-го взвода 1-й сотни 7-го полка Запорожец Иван Артемьевич, который лежал с Вами в Мурах с простреленным локтевым суставом правой руки. Два моих сына работают шоферами. Один внук учится в Москве на инженера, другой заканчивает действительную. Внучка ходит в девятый класс. Кончаю — рука устала. Ваш адрес узнал через газету «Правда Украины».

Да, за сорок лет можно было забыть имя бойца, но твердо помнилось, что Иван Запорожец был из тех стойких воинов, на которых в любом деле можно было положиться.

зачат возле задымленного куреня, рассказывает им волнующие были и небылицы.

В первые годы коллективизации я получил сведения, что Семен Очерет командует конным дивизионом милиции на Херсонщине. Значит, он многому научился в корпусной школе младшего комсостава.

Летом 1959 года в московском пригородном поезде, следовавшем в Кучино, со мной, широко улыбаясь, поздоровался представительный, солидный мужчина. Как я ни всматривался в его смуглое, с правильными чертами лицо, в крупные, с моложавым блеском черные глаза и тронутую сединой непокрытую голову, все же я попутчика сразу не узнал.

Тогда, поправив легким движением руки белоснежный галстук, коренастый смугляк вынул из портфеля книжку негритянского писателя Сембена Усмана «Сын Сенегала» и торопливо сделал на ее титульном листе надпись: «Дорогому моему командиру полка Червонного казачества от переводчика».

Протягивая подарок, переводчик сказал: «А я ведь Семен Волк, бывший казак второй сотни седьмого полка, тот самый, которого в Литине жучил начдив Шмидт».

Зато, когда спустя 38 лет состоялась встреча с другим нашим полковым учителем Иларионом Николаевичем Малыгиным-Стальским, ныне ростовчанином-драматургом, я первый его узнал. Это было в декабре 1958 года, на съезде писателей РСФСР.

Алексей Макарович Захаренко, человек с большой головой и тяжелыми скулами, воевавший с бандами на дедовом Гусарике, наш доброволец из Кагарлыка, в 1934 году служил в 8-й отдельной танковой бригаде Дмитрия Аркадьевича Шмидта.

На мой вопрос, как он попал в танкисты, Захаренко, широко улыбаясь, ответил: «Солдат никогда не забывает своего первого командира полка». После Симферопольского кавалерийского училища Захаренко побывал не в одной части, а вернулся к Шмидту, в полку которого начал службу весной 1919 года.

Великую Отечественную войну Захаренко закончил командиром автомобильного полка.

Сам Шмидт, как и многие другие кавалеристы, стал танкистом. Зимой стоял в Грушках на окраине Киева, а на лето перемещался со своей танковой бригадой в лагерь под Вышгород. Туда же для летних занятий выходила и 4-я отдельная Киевская тяжелая танковая бригада, кото-

рой командовал я. В Вышгородском танковом лагере частыми гостями были Бабель, Багрицкий, артисты Москвин, Хмелев, близкие друзья Дмитрия Шмидта, командира 8-й танковой бригады.

Однажды — это было в 1936 году — Шмидт прохаживался по танкодрому со своим помпотехом Сюнею Грачом. Этого человека звали «восьмым чудом мира». Прапорщик военного времени, он, назвав себя украинцем Моисеева закона, пошел в армию Петлюры. Возглавил там кавалерийский полк. В январе 1919 года, во время наступления Шмидта на Кременчуг, перешел со своими гайдамаками на сторону красных. Тогда же, на танкодроме, Дмитрий Аркадьевич показал мне журнал «Молодая гвардия» с его повестью «Станция Хролин».

— Вот что значит дружить с работниками пера,— рассмеялся он,— не захочешь, а втянут в историю. Не успеешь оглянуться,— и еще станешь виршеплетом. И начнешь сочинять: «Семен Михайлович Буденный да на сером кобыле...»

Окружившие Шмидта танкисты дружно рассмеялись, а он продолжал:

— Чего смеетесь? Попали мы однажды с Багрицким в кафе поэтов. Выступал там покойный Маяковский. Хвалил молодых и тут же жаловался на виршомазов. Один прислал ему напечатанный в Ташкенте сборник. В нем были такие строки: «Красным пламенем одеты, словно вышли из огня, за Семена, за Совета шевели коня. Скачет, светом озаренный, по дорогам в синей мгле Семен Михайлович Буденный да на сером кобыле».

После исторических решений XX и XXII съездов КПСС восстановлено доброе имя Червонного казачества, его легендарных богатырей — славы и гордости советского народа.

Свято чтят боевую славу Червонного казачества его героические бойцы. Они — верные помощники партии в пропаганде ее идей среди молодежи. И преклонный возраст — не помеха этой работе.

Они хорошо помнят высказывание всеукраинского старосты, своего заботливого шефа Григория Ивановича Петровского. Он писал («Известия», 30.XI.1929): «Подвиги Червонного казачества имели громадное значение для защиты революции... Эти героические подвиги будут изучаться молодым поколением, а на его традициях молодежь сумеет выковать классовую дисциплину для будущих боев...»

Крепко спаянные группы ветеранов Червонного казачества существуют при Домах офицеров. В Киеве под руководством С. М. Иванины и С. В. Остапенко, в Москве — С. Б. Козачка и Е. П. Журавлева, в Ленинграде — Г. П. Сазыкина, И. Н. Юнакова и С. Б. Богданова, во Львове — В. И. Чайкина и П. И. Еременко, в Чернигове — А. И. Волосюка и Г. П. Маслака, в Харькове — А. П. Смолярова и Г. П. Васильева, в Виннице — Ф. Я. Недогона, в Донецке — П. И. Линника и Я. М. Ривного, в Хмельницком — М. А. Фертюка и И. А. Кришталя, в Днепропетровске — П. З. Скугорова и И. С. Максимовича, в Краснодаре — С. Ф. Высочинского и С. П. Букацеля, в Ахтырке — Н. Ф. Кобзаря, Г. В. Сизоненко и П. Я. Гомаза.

В январе 1958 года пришло письмо из Харькова: «Здравствуйте, многоуважаемый полковник. Нашу встречу в 1927 году в гостинице «Астория» я хорошо помню. Тогда вы подарили мне военный костюм и книгу... Теперь хочу сказать в отношении своего правильного имени. Мне было 17 лет, и я боялся, что меня не примут в Красную Армию. А брат мой Иван был старше на два года, и я пошел по его документам. На самом деле я не Иван, а Емельян. Для точного подтверждения высылаю вам фотографию 1923 года. Я сижу на вашей лошади, на моем коне — Максим Бражник. Прошу сообщить о себе и, главное, о здоровье. Как ваша рука? Ой, как мне хочется с вами увидеться и переговорить обо всем. С глубоким уважением к вам Емельян Бондалетов».

И вот мы встретились. Мне было отрадно, что свойственные моему боевому товарищу простота и задушевность сохранились и поныне. Сам не очень-то грамотный, Емельян Михайлович сумел дать детям высшее образование. В этом немалая заслуга и Анны Яковлевны Бондалетовой.

— В эвакуации,— говорит она, приглашая нас к столу,— дети месили на заводе глину, таскали на себе кирпичи, а учились.

Емельян Михайлович Бондалетов, старший лейтенант запаса, взглянув на своего старшего сына Виктора, служившего с ним в одной части во время Великой Отечественной войны, назидательно добавил:

— А навряд ли выучились бы вы все на инженеров, если бы тогда, в 1921 году, победила не Советская власть, а петлюровский атаман Палий. За науку, дети, благодарите Ленина, нашу родную Коммунистическую партию.

Молодое советское общество свое право на жизнь отстояло мечом. Сейчас в мирном соревновании не войной, а вдохновенным трудом все больше и больше утверждается завоеванное ратными подвигами право на превосходство, торжество нового мира над старым.

Ныне на огромных пространствах, во всех уголках могущественного лагеря социализма трубачи вместо сигналов боевой тревоги трубят гимны свободному труду. Но в случае новой грозы голосистые боевые трубы поднимут одну треть всего человечества на священный бой за свои очаги, за волю, за радостный и свободный труд, за братство и счастье всех народов.

Жемчужина — Киев,
1956—1961

СОДЕРЖАНИЕ

И клинком и пером. *П. Кошевой, маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза* 3

СЛАВНЫЕ ИМЕНА
Очерки

УЧИТЕЛЯ

На майдане Дзержинского 10
Первый главком *(Иоаким Иоакимович Вацетис)* 15
«Василь из Щорбовки» *(Василий Антонович Упырь)* 38
«Первый дровосек» *(Александр Иванович Тодорский)* 43
Глава правительства Советской Украины *(Влас Яковлевич Чубарь)* 50
Разный язык — общий удар *(Марсель Кашен)* 53
Мужицкий генерал *(Николай Григорьевич Кропивянский)* . . . 61
И сталь и мораль *(Михаил Николаевич Тухачевский)* 68
Неистовый командарм *(Иона Эммануилович Якир)* 82
«Живая душа» *(Виталий Маркович Примаков)* 98
Ему светило солнце Армении... *(Гай — Г. Д. Бжишкян)* 128
Последний плацдарм *(Григорий Иванович Котовский)* . . . . : . 136
Начдив Шмидт *(Дмитрий Аркадьевич Шмидт)* 145
«Лукавый Лука...» *(Лука Матвеевич Гребенюк)* 154
Полководец-поэт *(Роберт Петрович Эйдеман)* 161
У самого синего моря *(Семен Абрамович Туровский)* 164
Отшельник поневоле *(Владимир Иосифович Микулин)* 169

УЧЕНИКИ

Весна-красна настает... *(Виктор Хлебановский — Богуслав Громада)* 178
День командира полка *(Иван Ефимович Никулин)* 188
Верой и правдой *(Александр Васильевич Горбатов)* 194
«Желтый кирасир» *(Василий Гаврилович Федоренко)* 197
Ни шагу назад... *(Василий Иванович Чуйков)* 202
От шахтера до маршала *(Иван Терентьевич Пересыпкин)* 208
Не покладая рук... *(Константин Степанович Грушевой)* 211
Именной поезд *(Филипп Феодосьевич Жмаченко)* 215
«Лорд казначейства» *(Яков Алексеевич Хотенко)* 224

Встреча в Москве *(Иван Павлович Турчин)* 227
Что посеешь... *(Степан Федорович Шутов)* 230
Стажер из Франции *(Луи Легуэст)* 231

МАСТЕРА

Рыжий консул *(Иван Юлианович Кулик)* 235
Крестник чекиста *(поэт Приблудный — Иван Овчаренко)* . . . 246
Душа ревет и стонет... *(Юрий Корнеевич Смолич)* 253
Племя героев и романтиков *(Знаменосцы Червонного казачества)* . 259
Автограф ваятеля *(На выставке Кирилла Диденко)* 262

ТРУБАЧИ ТРУБЯТ ТРЕВОГУ

Документальная повесть

Сабли червонных казаков 270
Враг не сдается 300
Полк «конных марксистов» 336
Век нынешний и век минувший 363
Тревога 409
Разгром Лжепалия 449
Много лет спустя 485

Дубинский И. В.

Д 79 Портреты и силуэты: Очерки, документальная повесть.— М.: Советский писатель, 1987.— 496 с.

В книгу ветерана Червонного казачества Ильи Дубинского вошли произведения о том, что видел, пережил и сберег в своей памяти писатель. Он рассказывает о легендарном командире Червонного казачества Виталии Примакове, о прославленных командирах Ионе Якире, Николае Кропивянском, Филиппе Жмаченко, Семене Туровском и др. Завершает книгу известная документальная повесть о гражданской войне «Трубачи трубят тревогу» и очерки-воспоминания о И. Кулике, Ю. Смоличе, П. Вершигоре.

Д $\frac{4702010200-382}{083(02)-87}$ 44—86 **ББК 84.Р7**

ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ ДУБИНСКИЙ

ПОРТРЕТЫ И СИЛУЭТЫ

М., «Советский писатель», 1987, 496 стр.
План выпуска 1986 г. № 44.

Редактор В. М. Стригин
Художн. редактор А. В. Еремин
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректор Е. А. Омельяненко

ИБ № 5418

Сдано в набор 08.01.86. Подписано к печати 29.09.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 28,31. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 90 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Отпечатано с пленок ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского производственно-технического объединения «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109
Заказ № 625